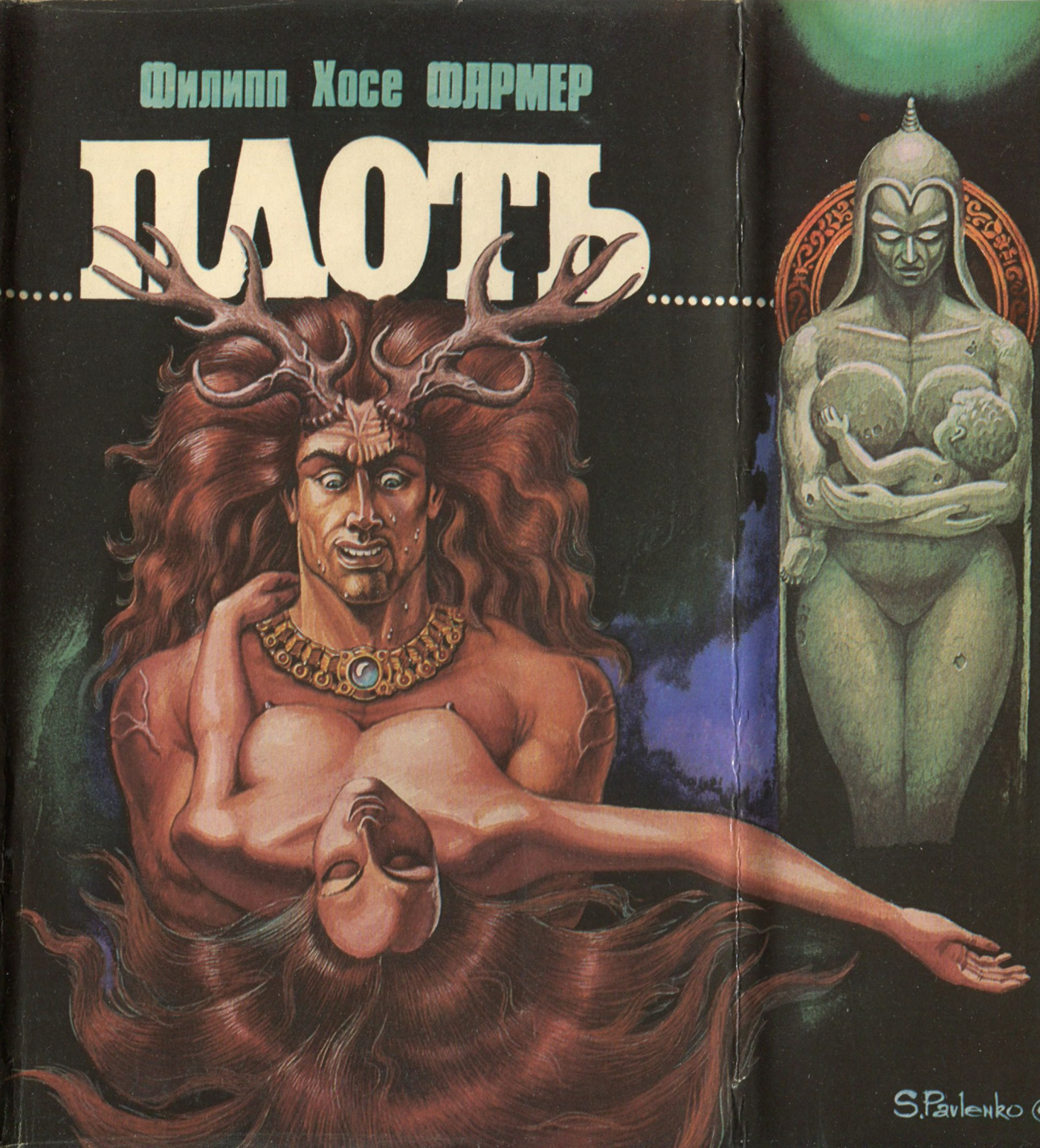
Зал славы зарубежной фантастики

Ф. Х. ФАРМЕР

Ph. Farmer

Филипп Хосе ФАРМЕР

ПЛОТЬ



Зал славы зарубежной фантастики

Ф. Х. ФАРМЕР

Ph. Farmer

Зал славы зарубежной фантастики

Филипп Хосе ФАРМЕР

ПЛОТЬ

FLESH

Ph. Farmer

ПЛОТЬ

Филип Хосе ФАРМЕР

ПЛОТЬ

FLESH

Ph. Farmer

Зал славы зарубежной фантастики

Филипп Хосе ФАРМЕР

ПЛОТЬ

Перевод с английского А.Кона

FLESH

Ph. Farmer

Київ
МСП «Альтерпрес»
1993

ББК 84.7 США
Ф24

Редакційна колегія серії:
П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак
К.Лисюченко

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

В книгу современного американского писателя-фантаста Ф.Х.Фармера включены романы "Плоть", "Дэйр", "Там, по ту сторону", повести "Божье дело" и "Чуждое принуждение". Этим произведениям присущи динамика и захватывающий сюжет.

Фармер Філіп Хосе .
Ф24 Плоть: Пер. з англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1993. — 717с.:іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-3609-7

До книги сучасного американського письменника-фантаста Ф.Х.Фармера увійшли романи "Плоть", "Дейр", "Там, по той бік", повісті "Боже діло" і "Чуже приневолювання". Цим творам притаманні динаміка та захоплюючий сюжет.

Ф $\frac{4703041000-05}{93}$ без об'яв. ББК 84.7

© Упорядкування, художнє оформлення, емблема і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1993

ISBN 5-7707-3609-7

© Супер-обкладинка. С. Павленко, 1993

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Еще в юном возрасте, будучи ненасытным читателем, Филипп Хосе Фармер с увлечением читал и перечитывал книги Берроуза и Хаггарда, Конан Дойля и Баума, Купера и Гвена. Другой его страстью был спорт. Друзья прозвали будущего писателя Тарзаном за выдающиеся спортивные результаты, умение быстро плавать и лазить по деревьям. Но однажды, попытавшись на спор перепрыгнуть с одного дерева на другое, он сорвался и получил серьезную травму. "Как Люцифер, я пал из-за гордыни, порвал мышцы и на полчаса был парализован сильной болью", — признается позднее в одном из своих интервью писатель.

Его увлекали легенды и мифы народов мира: падение Вавилонской башни, Люцифера, Икара, падение древних цивилизаций. Было ли это каким-то образом связано с тем, собственным падением? Трудно сказать. Это знает, пожалуй, только сам Фармер. Но можно с уверенностью утверждать, что творчеству его присуще стремление к динамике и необычным решениям, что привело писателя к темам бессмертия, секса, истинной и ложной божественности, взаимодействия общества (на различных этапах его развития) и личности.

Писательской карьере Ф. Х. Фармера предшествовали годы упорной учебы и труда. После окончания школы в 1936 году он работал электромонтером и одновременно учился в политехническом институте Брэдли и университете штата Миссури. Вслед за женитьбой в 1941г. ему пришлось перейти на более тяжелую, но и более оплачиваемую работу на сталеплавильном заводе в Пеории, где он проработал 11 лет. В 1949 г. Фармер возобновляет уче-

бу теперь уже в Университете Брэдли, который заканчивает со степенью бакалавра английской филологии. В то же время, т. е. в начале 40-х годов, он начинает работать на литературном поприще, и в 1946 году журнал "Приключение" публикует его первый реалистический рассказ. Однако, после этой публикации последовал период осмысления написанного и упорного труда, результатом которого явилась публикация в 1952 г. повести "Влюбленные", которая принесла начинающему писателю только что учрежденную премию "Хьюго" как самому перспективному молодому автору и произвела истинный фурор в среде любителей фантастики.

Следует отметить, что длительное время, как и многие фантасты, Фармер совмещал литературный труд с работой на производстве — чисто литературных заработков просто не хватает, чтобы обеспечить нормальное существование семье (лишь немногие подвижники НФ, вроде Ф. Дика в США, жили исключительно за счет авторских гонораров).

Воодушевленный успехом "Влюбленных" и лестными оценками таких мэтров, как П. Андерсон, Т. Старджон, Д. Браннер, начинающий писатель оставляет завод и уходит на "вольные хлеба", с энтузиазмом погрузившись в творчество.

По отзывам, роман "Плотью обязан" (первый вариант "Мира Реки") был значительно сильнее более позднего "В разрушенное тело вернуться". Он победил на конкурсе НФ-произведений, объявленном чикагским издательством "Шаста". Но Фармер так и не дождался заслуженной награды в 4000 долларов, как не получил назад рукописи романа. Издательство испытывало финансовые затруднения, и после многочисленных проволочек, требований к автору о переделке отдельных частей окончательно обанкротилось, так и не выплатив денег. Для молодого писателя, весьма ограниченного в средствах, это было тяжелым ударом. Позднее переделанные части романа были опубликованы в виде рассказов, а самая первая книга "Мира Реки" увидела свет значительно позже и, как уже отмечалось, была лишь добротной копией с оригинала, потерявшей его первоначальное вдохновение и мощь.

Не больше повезло и другому роману — "Звери лесные", который был подготовлен для журнала "Стартлинг

Сториз". Он был уже объявлен в одном из номеров, но так и не вышел. Десятью годами позже, в значительно переработанном виде, роман увидел свет под названием "Дэйр". Не оправдались надежды писателя на книжную публикацию повестей "Влюбленные" и "Мотылек и ржавчина". Последняя вышла лишь в 1960 г., также значительно переработанная и под другим названием — "День, когда остановилось время".

И уж последним ударом была отвергнутая повесть — "Белая богиня". Ее, опять-таки, пришлось переработать и опубликована она была в том же 1960 г. под названием "Плоть". В 1968 г. вышел дополненный и развернутый вариант. По нему вполне можно судить о степени "вольномыслия" автора.

Утешением писателю за первый семилетний период творчества послужила публикация в престижном издательстве "Баллантайн" приключенческого романа "Одиссея Грина" (1957 г.). Сюжет разворачивается в характерном для лучших произведений американской литературы стиле: в результате аварии космического корабля на чужой планете главный герой долгие годы вынужден влачить унылое существование в феодальном обществе среди грубых и невежественных людей. Узнав, что на противоположном конце огромного континента приземлился неизвестный космический корабль, он без промедления пускается в путешествие, несмотря на большое расстояние и подстерегающие на пути опасности.

"Одиссею Грина" не относят к наиболее значительным книгам Фармера, однако она является очень характерной для писателя. Ей присущи мягкий юмор, противопоставление серьезного и смешного, динамика, интересные характеры.

Тяжелое материальное положение, в котором оказался Фармер, вынудило его пуститься в непрерывную цепь скитаний по США. Сначала он вернулся на завод, но в 1956 г. покинул Пеорию и отправился в собственное путешествие длиной в 14 лет. Все это время писатель работал в рекламно-редакционных отделах различных фирм техническим редактором и жил в разных городах — от Сиракуз до Лос-Анджелеса. Лишь в 1969 г., имея в своем багаже 12 романов и 3 сборника рассказов, Фармер

осмелился опять уйти на "вольные хлеба" и заняться исключительно литературной деятельностью.

Денежные затруднения, которые почти 20 лет испытывала его семья, не смогли не сказаться на качестве его произведений. Наряду с явными удачами, значительную часть творчества писателя занимают книги малосодержательные, посредственные, чисто приключенческого или же порнографического содержания. На их фоне явно выделяются такие романы, как "Дэйр" (1965 г.), "Ночь Света" (1966 г.), "Плоть" (1960, перераб. 1968), романы из цикла "Мир Реки", цикл рассказов о священнике Кэрмоди — "Точка Зрения" (1953), "Отец" (1955), "Несколько миль" (1960), "Прометей" (1961), сборник рассказов "Бог из переулка" (1962).

Значительный рост писательского мастерства Фармера за почти сорокалетнюю карьеру отрицать нельзя, однако очень много существенных для его творчества черт выявилось в первом же произведении — повести "Влюбленные". Расхваленный критиками в основном за то, что в нем впервые в американской фантастике было нарушено своеобразное "табу" в отношении секса, роман начинает продолжающиеся почти на протяжении всего творчества писателя разбор и исследование общих представлений о сексуальной свободе и извращениях, и их взаимоотношений с другими социокультурными концепциями и проблемами.

Действие романа начинается на Земле словами главного героя Хэла Ярроу, который шепчет, едва проснувшись:"Я должен освободиться... Ведь должен же все-таки быть какой-нибудь выход"... Эти слова выводят читателя на еще одну основную линию, пронизывающую все творчество Фармера — неоднократно повторяющееся представление о мире и человеческом обществе как о тюрьме человеческого духа, вырваться из которой страстно стремятся его герои. В данном случае такой тюрьмой является неопуританское теократическое общество будущего, в котором главенствует новая религия и ее адепты — религия, представляющая собой смесь вульгарного материализма, науки и псевдонауки, главной задачей которого является полное нивелирование человеческой индивидуальности и сведение потребностей каждого человека к тому минимуму, который еще не дает ему умереть голодной смертью

или превратиться в отчаявшееся, злобное животное. Так же, как и в "черных" утопиях Хаксли и Оруэлла, целью Фармера является не предсказание будущего, а его использование в качестве средства исследования современности методами гиперболы и кристаллизация уже имеющихся в обществе тенденций. Мир Ярроу — это мир, в котором пуританское воспитание подавленной сексуальности является краеугольным камнем всего здания тирании, который контролирует интеллектуальную, духовную и физическую жизнь граждан. Эта система является отражением многих тенденций, характерных для первой половины двадцатого столетия. В ней обнажены связи между различными разновидностями империализма — политического, экономического, расового и социального, корни которых произрастают из свойств характера самих людей — из их жажды властвовать и конформизма, из страха перед любыми переменами и патологической боязни свободного выражения самих себя. Крайним выражением этого шизофренически раздвоенного образа жизни является организация экспедиции, членом которой становится Ярроу, ставящей целью подготовку к уничтожению разумных обитателей недавно открытой планеты, пригодной для жизни людей, с последующим переселением туда определенной части человечества, которому становится все труднее выжить на постоянном пепелище.

Поскольку подавление естественных проявлений человеческой натуры является столь важным фактором в порабощении Ярроу, то столь же важное значение приобретает борьба героя за раскрепощение своей личности. И, как это станет типичным для произведений Фармера (за примерами далеко ходить не надо — достаточно прочитать данный сборник), женщина является инструментом и символом как порабощения мужчины, так и его освобождения. Мэри (жена героя, оставшаяся на Земле) является воплощением Матери-Земли в ее разрушительном аспекте. Она подавляет супруга, обличает его псевдонедостатки, ее внешний вид и поведение характерны для много более старшего возраста. Она стерильна, фригидна, вероломна и скорее уничтожает существующую жизнь, чем дает начало новой.

На чужой планете Ярроу встречается с полной противоположностью ей в образе прекрасной иноплане-

тянки — "лалиты" Джанетты, внешне выглядящей, как земная женщина, по сути же являющейся представительницей древней расы, в процессе борьбы за существование принявшей человеческий облик, но не имеющей на самом деле ничего общего не только с млекопитающими, но и вообще с позвоночными животными. Это искренне полюбившее, обладающее высокими душевными качествами существо, поклоняющееся жизнеутверждающей Великой Матери, непроизвольно становится орудием освобождения Ярроу, помогая ему разобраться в своих чувствах и полюбить по-настоящему, преодолев врожденный страх перед физической любовью, как чем-то греховным, понять всю низость и преступность затеи правящей на Земле олигархии, стать на сторону обитателей планеты, чье общественное развитие соответствует началу девятнадцатого века в наиболее передовых странах, биологически являющихся продуктом эволюции членистоногих. Однако боязнь быть отвергнутой заставляет Джаннету скрывать от Ярроу свою подлинную физиологическую сущность, и это самым роковым образом сказывается в ее судьбе. В романе прослеживается еще одна характерная черта творчества Фармера, развивающаяся в других его произведениях (в частности, в романе "Дэйр") — утверждение, что истинные чувства не могут быть греховными, какими бы ни были их физиологические проявления. Извращенными они становятся лишь в глазах и помыслах тех, кто поражен невежеством и предубеждениями.

В лучших рассказах раннего периода творчества Фармера герои, являющиеся в высшей степени добродетельными (или, по крайней мере, считающие себя таковыми), зачастую оказываются в настолько необычных ситуациях, что эти добродетели, когда им приходится преодолевать подспудные страхи или тщательно скрываемую неуверенность в себе, приводят героев к совершенно иному, неожиданному для них и подчас роковому результату. Примером тому может служить капитан Эверлейк в повести "Чуждое принуждение", где пуританское воспитание и попытки скрыть болезнь становятся причиной убийства двух высоконравственных людей и едва не способствуют широкому распространению страшного заболевания по всей Галактике. Здесь ярко показано, как идеал чистоты, основы-

вающийся на страхе и подавлении плоти, благоприятствует воспитанию ханжества и лицемерия, становясь пагубным как для самого героя, так и для его окружения.

В какой-то мере схожи с ним и герои двух других повестей, входящих в сборник. В одной из них то ли настоящий неандерталец, чудом сохранившийся в нашем XX веке, то ли просто внешне уродливый человек настолько подавляет в себе все человеческое из опасения, что станет предметом насмешек со стороны обывателей, что обрекает себя на жизнь на задворках, хотя располагает и умственными, и нравственными задатками, вполне достаточными для того, чтобы занимать гораздо более высокое положение в обществе. В другой Темпер постепенно, шаг за шагом подходит к обнаружению в себе "бога, утонувшего в бездне собственной души" и узнает, что для человека нет ничего невозможного, когда он обретает душевную свободу.

В романе "Дэйр" Джек Кэйдж, подобно Ярроу из "Влюбленных", остро реагирующий на несправедливость юноша, жаждущий знаний и высоких чувств, тяготится невротической культурой поселенцев на планете Дэйр и едва не становится ее жертвой. Однако любовь к носительнице высоких нравственных идеалов Р-ли, не принадлежащей к этой культуре и не признаваемой ею даже человеком, становится духовным источником его перерождения и помогает обрести цельность. Однако, Фармер далек и от идеализации культуры, находящейся в инертном равновесии с окружающей средой, поскольку, по его глубокому убеждению, человеческой натуре свойственна пространственная и информационная экспансия, а любой застой для нее — гибель.

Одним из наиболее характерных для творчества Фармера произведений является роман "Ночь Света", две части которого начинают и заканчивают цикл повестей о приключениях (скорее, злоключениях) Отца Джона Кэрмоди, некогда галактического злодея, в один прекрасный день (вернее, ночь) ужаснувшегося своим преступлениям и ставшего священником-миссионером неокатолической церкви. Спасаясь от преследующей его полиции, Джон Кэрмоди попадает на планету Радость Данте, находящуюся вне юрисдикции галактической федерации, как раз в тот период, когда на ней происходит так называемая

"Ночь Света" — периодически наступающее природное явление, обусловленное необычными магнитными бурями в фотосфере солнца этой планеты. Сопровождающее эти бури электромагнитное излучение каким-то образом влияет на человеческое подсознание, материализуя таящиеся в нем образы, "пробуждая зверя, обитающего в темных пещерах нашего разума, а так же дремлющего там Золотого Бога". Говоря проще, "Радость Данте — это планета, где исполняются сокровенные желания", и где психика выворачивается наизнанку. Для Кэрмоди, человека, жаждущего могущества и власти, эта Ночь предоставляет возможность осуществить свои самые необузданные фантазии, заключающиеся в том, чтобы убить Бога, опекающего эту планету, и эта же Ночь провоцирует его повторить свои тягчайшие преступления в самых кровавых подробностях, тем самым дав импульс к пониманию того, что он сам стал жертвой совершенного собой. Конечным результатом этого мучительного осознания своей жизни становится раскрытие саморазрушительной природы чинимых им насилий, созидательного потенциала внутри себя и глубокое раскаяние, которое долго и тщательно им в себе подавлялось.

Исследование двойственной природы извечной сокровенной мечты большинства людей об осуществлении желаний, начатое в повести "Божье дело", продолжается в романе "Плоть", где это осуществление бумерангом возвращает к пониманию общества как тюрьмы, бывшего лейтмотивом повести "Влюбленные". Не выдержав тяжести возложенной на него роли, восстав против жестоких обычаев своих собственных потомков, Питер Стэгг гибнет в борьбе за свое освобождение, ибо ничто не может принести удовлетворение нормальной человеческой личности, если оно навязано извне или даже является внутренним физиологическим принуждением. Поэтому в целом ряде произведений Фармера можно проследить еще один мотив — мир как тюрьма вдохновляет героя, не потерявшего цельность своей натуры, и на подвиг сродни прометеевскому, а уж автору не занимать фантазии для создания таких миров и таких ситуаций, благо современная действительность и сама не скупится на таковые.

Эти же идеи вплетены в ткань романа "Шиворот-навыворот", но самое яркое воплощение получают в серии

"Мир Реки". В романе "Шиворот-навыворот" герой (скорее, антигерой), живущих вместе с тысячами других несчастных внутри вращающейся огромной сферы размером с малую планету, пытается выяснить, кто создал эту вроде бы загробную жизнь и с какой целью контролирует этот мир, а заодно понять, является ли это место адом или чистилищем. Для этого он предпринимает почти что дантевское путешествие по канализационным системам этого мира к его наружной оболочке и обнаруживает, что находится внутри искусственно созданного планетоида где-то в далеком космосе. Однако это открытие приводит к постановке еще большего числа вопросов и догадке, что все это создано никаким не богом, а "Бессмертными" — расой технологически развитых инопланетян, которым под силу создать не только планету, но и искусственные человеческие души, и что это не загробная жизнь, а этап, предшествующий рождению, где душам предназначено познать природу добра и зла и тем самым приобрести начала нравственности.

Действие "Мира Реки" — эпопеи, состоящей из семи рассказов и ряда повестей — разворачивается на искусственной планете, где небольшая группа скорее всего все-таки людей будущего, обладающих практически всемогуществом, но не всеведением, и называющая себя (какая ирония!) "этикалами", ставит поражающий своим беспредельным цинизмом садистский эксперимент над всеми людьми, жившими от начала времен и до конца XX столетия, воскресив и расселив их на берегах реки, длиною в сотни тысяч километров, многократно опоясывающей всю планету. Борьба ряда героев эпопеи (кстати, среди них есть конкретные исторические личности) за выяснение цели этого эксперимента смыкается с борьбой одного из отступников из среды "этикалов", понявшего всю низость подобного отношения пусть хоть и к искусственно созданным существам, но обладающим разумом, душой и свободной волей. Однако, как и в ряде других произведений, основной пружиной сюжета становится поиск как самоцель. Для Фармера, собственно, важной является не конечная цель этого поиска, а свободный дух личности, не желающей мириться с навязанным ей окружением и правилами игры, и любыми средствами пытающейся вы-

свободиться из-под принуждения, в каких бы благих целях оно не применялось.

Следует отметить, что для творчества Фармера характерно наличие, наряду с проблемными произведениями, большого количества чисто приключенческих романов, действие которых разворачивается в так называемых "карманных вселенных", переходящих из одной в другую, романы "Одиссея Грина" (1957), "Языки Луны" (1964), "Врата времени" (1966), "Пробуждение каменного бога" (1970), "Последний дар времени" (1972) и некоторые другие.

Нельзя также не отметить весьма характерную для Фармера черту, весьма редкую в американской фантастике — добродушный юмор и мягкая ирония, с которой автор относится к своим героям, блестящая способность пародировать самые различные жанры так называемой "массовой литературы". Такие элементы хорошо прослеживаются и в романах "Плоть" и "Дэйр", и в цикле повестей об Отце Кэрмоди, и в повести "Божье дело" — однако наиболее ярко они проявились в цикле романов о незадачливом частном детективе Гарольде Чайлде. "Облик зверя" и "Взорвано!" (пародии на детективы и порнографию), "Там, по ту сторону..." и в тематически к ним примыкающем романе "Неслыханное пиршество" (пародия на литературу о сверхгероях типа Тарзана). Его увлекательные буффонады не следует принимать слишком всерьез, ибо автор во всех вышеназванных романах настолько увлекается возможностями, которые предоставляет ему пародирование, что сам забывает о своих первоначальных намерениях и заставляет забыть о них и читателя, увлекая его игрой ума и блеском воображения, в результате чего задуманное как пародия начинает представлять известную самостоятельную ценность.

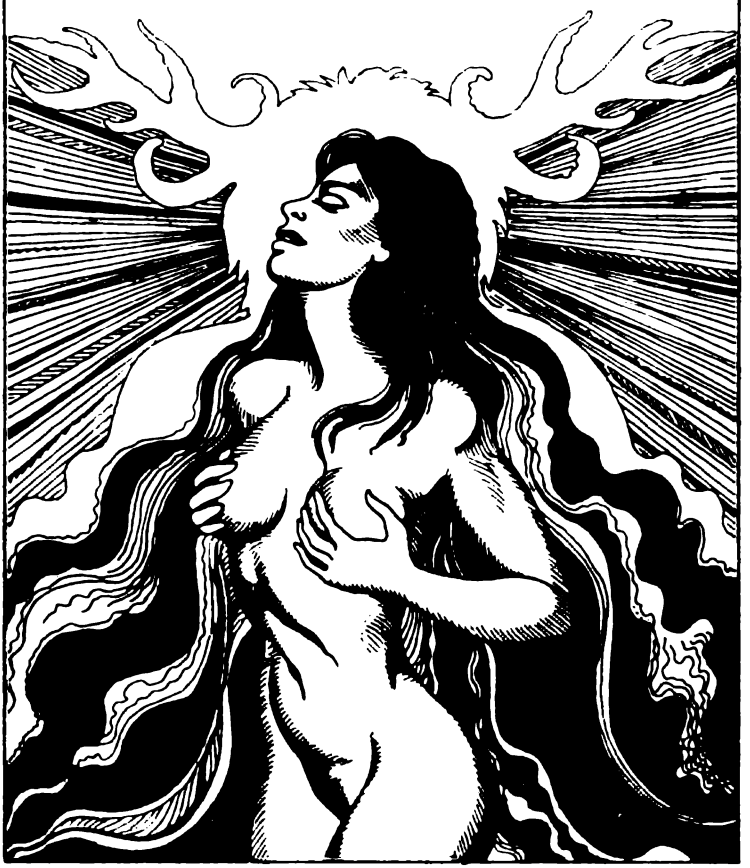
Разумеется, творчество Фармера далеко не ограничивается перечисленными темами и направлениями, но автор этого предисловия не может позволить себе разбирать произведения, практически неизвестные советскому читателю, ибо в настоящее время такая практика, пожалуй, уже выходит из моды.

И. Бестужев
А. Кононов

ПЛОТЬ

FLESH

DOUBLEDAY NEW-YORK 1968



ПРОЛОГ

Оживленные толпы стекались к Белому Дому. Отовсюду неслись смех, рев мужчин, пронзительные выкрики женщин. Недоставало лишь звонких ребячих голосов: дети остались дома под присмотром старших, но еще не достигших зрелости, братьев и сестер. Им не подобало видеть то, что произойдет вечером. Да и не понять детям смысла этой церемонии, одной из самых священных среди устраиваемых в честь Великой Седой Матери.

К тому же им было бы и небезопасно присутствовать здесь. Несколькими столетиями ранее /а сейчас шел по старому стилю 2860 год/, когда только начинали проводить подобные торжества, детям разрешалось бывать на них, но было много случаев, когда толпа, безумствуя, разрывала их на части.

Сегодняшний вечер таил немало опасностей и для взрослых. Бывали нередкими случаи, когда калечили и убивали женщин. Мужчины тоже становились жертвами длинных женских ногтей и острых зубов. Одержимые с корнем отрывали то, что делало мужчин мужчинами, и, исступленно крича, носились по улицам, высоко подняв или держа в зубах свои трофеи, а после возлагали их на алтарь Великой Седой Матери в Храме Матери-Земли.

На следующей неделе, в пятницу, во время молений, одетые во все белое Глашатаи Матери, жрецы и жрицы, упрекнут оставшихся в живых в том, что они слишком далеко заходят в своем рвении. Однако суровыми словами все и ограничится. Разве можно всерьез наказывать тех, кто столь искренне одержим Богиней? Разве жрецы не ожидали этого? Разве не бывает так каждую ночь, когда

рождается Герой-Солнце, Король-Олень? Глашатаи прекрасно понимали, что нужно просто успокоить народ, чтобы он мог вернуться к своим повседневным делам. Народ должен слушать, молиться и забывать. И дожидаться следующего праздника.

Да и жертвам не на что жаловаться. Их торжественно похоронят в святилище, над ними произнесут молитвы и принесут в жертву оленя. Души убитых напьются крови и, трижды прославленные, будут пребывать в вечном блаженстве.

Багровое солнце скользнуло за горизонт, шелестя черными холодными крыльями. Пришла ночь. Толпа немного притихла, когда вдоль Пенсильванской авеню начали выстраиваться представители великих братств. Между главами братств Лося и Изюбря разгорелся ожесточенный спор, кому возглавить процессию. Ведь оба гордо носят рога, как и сам Герой-Солнце!

Раскрасневшийся Джон-Ячменное Зерно, затянутый в традиционное зеленое облачение, попытался уладить спор. Как обычно, он так хватил за ночь, что ему было все равно, что и как говорить. Несколько бессвязных фраз еще больше распалили спорщиков. Они тоже были изрядно пьяны и дошли до того, что схватились за ножи, не заботясь о последствиях.

Одно из отделений Почетной Стражи оставило свой пост, чтобы прекратить ссору. С крыльца Белого Дома сошли несколько девушек, сверкая остроконечными шлемами в свете факелов. У них были блестящие светлые одежды и длинные, до талии, волосы. В одной руке у каждой был лук, в другой — по стреле. В отличие от других девственниц города Вашингтон, у них была обнажена только одна грудь левая. Одежда скрывала другую, вернее ее отсутствие. По традиции, лучницы Белого Дома добровольно разрешали удалить одну грудь, ради удобства при стрельбе. Они сделают свой выбор после того, как сегодня ночью Герой-Солнце оплодотворит их божественным семенем. И мужья-избранники будут гордиться тем, что их жены — бывшие почетные Стражницы с одной грудью.

Командир девушек без обиняков осведомилась о причине спора. Выслушав спорщиков, она заметила:

— Впервые все так скверно подготовлено. Видимо, нам нужен новый Джон-Ячменное Зерно.

Острием стрелы она указала на главу братства Лося:

— Ты возглавишь процессию. Твои братья удостоены чести нести Героя-Солнце.

Старейшина братства Изюбра запротестовал — то ли из смелости, то ли по глупости:

— Я всю прошлую ночь пропьянствовал с Ячменным Зерном, и он лично обещал мне, что этой чести удостоятся Изюбри. Я требую объяснения, почему вместо нас избраны Лоси?

Командир бесстрастно взглянула на него и наложила стрелу на тетиву. Однако она была достаточно искушена в политике, чтобы стрелять в кого-либо из могучего братства Изюбря.

— В эту ночь Джона Ячменное Зерно воодушевляло, видно, что-то другое, а не дух Великой Богини. То, что Лоси будут сопровождать Героя-Солнце по пути в Капитолий, было решено недавно. Как зовут Героя-Солнце? Стэгг. И притом только лося. Самца изюбря всегда звали просто быком.

— Да, все так, — согласился глава Изюбрей, побледнев при виде стрелы. — Мне не нужно было слушать Джона. Но по традиции очередь была наша. В прошлом году была очередь Львов, а в позапрошлом — Баранов. Следующими должны были быть мы.

— Так бы и случилось, если бы не это.

И она указала в направлении Пенсильванской авеню.

В шести кварталах от Белого Дома проспект упирался в гигантское здание бейсбольного стадиона. Но еще выше подымалась в небо сверкающая игла корабля, который Земля не видела семьсот шестьдесят лет. Всего лишь месяц назад, в конце ноября, он с грохотом и пламенем опустился с неба и приземлился в центре игрового поля.

— Ты права, — кивнул глава Изюбрей. — Никогда прежде Герой-Солнце не спускался к нам с небес, как посланник самой Великой Седой Матери. Она, разумеется, сама дала понять, какое из братств удостоится высокой чести, дав ему имя Стэгг.

Как только Изюбрь со своими людьми отошел от ступеней Белого Дома, из Капитолия донесся крик, хорошо

слышный за шесть кварталов, разделяющих два священных места. Толпа, будто парализованная, притихла, мужчины побледнели, глаза женщин загорелись нетерпеливым предвкушением. Некоторые упали на землю, корчась и издавая стоны. Вновь раздался вопль, и всем стало ясно, что это кричат молодые девушки, сбегая вниз по ступеням Конгресса.

Это были жрицы, недавние выпускницы семинарии в Вассаре. На них колыхались высокие конические шляпы с узкими полями, распущенные волосы свисали до бедер, груди были обнажены, как и у других девственниц. Лишь через пять лет служения смогут они прикрыть груди, как подобает матронам. Не им этой ночью предназначалось семя Героя-Солнце, их участие сводилось к прологу торжества. Белые переливающиеся юбки в виде колокола чуть приоткрывали множество нижних юбок. Некоторые из жриц опоясались живыми светящимися гремучими змеями, у остальных гремучие змеи обвивали шеи и плечи. В руках они держали трехметровые плети из змеиной кожи.

Зазвучала барабанная дробь, пропели фанфары, зазвенели цимбалы, пронзительно взвизгнули флейты.

Дико крича и безумно вращая глазами, молодые жрицы побежали по Пенсильванской авеню, расчищая путь кнутами. Вот они уже у решетки, окружающей двор Белого Дома. Последовала короткая притворная схватка. Почетная стража только делала вид, что противится вторжению. Однако схватка эта была далеко не безобидной, так как и лучницы, и молодые жрицы имели заслуженную репутацию норовистых сучек. Они таскали друг друга за волосы, царапали и выкручивали обнаженные груди. Жрицы постарше, время от времени, ударами своих плеток по голым спинам остужали пыл не в меру разошедшихся. От ударов девушки с визгом отскакивали в разные стороны и продолжали схватку уже с меньшим рвением.

Многие жрицы вытаскивали из-за пояса маленькие золотые серпы и угрожающе размахивали ими, что также было частью ритуала. Внезапно, с преднамеренно обставленной торжественностью, в дверях Белого Дома показался Джон-Ячменное Зерно. В руке он держал полупустую бутылку виски. Не было сомнения в том, куда девалось ее содержимое. Пошатываясь, Джон наощупь нашел свиток,

висевший на шнурке вокруг шеи, вложил его в рот и пронзительно свистнул.

Сейчас же ему ответил вопль собравшихся на улице Лосей. Многие из них прорвались через стражу и стали взбираться на крыльцо. Вся одежда Лосей — миниатюрные, торчащие в разные стороны рога, накидки, пояса, с которых свешивались оленьи хвосты, штаны в виде двух вздувшихся фаллосов — была изготовлена из оленьих шкур. Даже их походка, вприпрыжку на кончиках пальцев, напоминала бег оленей. Они угрожающе размахивали руками в сторону жриц; те, как бы испугавшись, отпрянули в сторону, открыв перед Лосями проход в Белый Дом.

Здесь, внутри огромного вестибюля, Джон-Ячменное Зерно еще раз свистнул и начал выстраивать их в соответствии с положением в братстве, а затем нетвердой походкой стал подниматься по широкой лестнице на второй этаж.

Однако он опростоволосился, потеряв равновесие и упав вниз, прямо на руки следовавшего за ним главы Лосей. Тот поймал его и отпихнул в сторону. При обычных обстоятельствах он бы не отважился так бесцеремонно обходиться со Спикером Дома, но то, что Джон совсем потерял форму, придало ему смелости.

Шатаясь, Джон-Ячменное Зерно привалился к перилам, затем перегнулся через них и упал головой вниз на мраморный пол приемной. Шея его торчала под необычным углом к туловищу, он не шевелился. К нему быстро подскочила молоденькая жрица, заглянула в остекленевшие глаза, прощупала пульс, а затем вытащила золотой серп.

Тотчас же по ее голым плечам и груди хлестнула плеть, оставляя за собой кровавый след.

— Что ты затеваешь? — закричала пожилая жрица.

Молодая жрица раболепно приникла к земле, отвернув голову в сторону, но не смея поднять руки, чтобы защититься от плети.

— Я хотела воспользоваться своим правом, — захныкала дева. — Великий Джон-Ячменное Зерно мертв. Я — воплощение Великой Седой Матери, я хотела пожать урожай.

— Я бы тебя не остановила, — сказала старшая жрица. — Оскопить его — твое право, если бы не одно обстоятельство: он умер случайно, а не во время Ритуала Посева. Ты знаешь это.

— Да простит меня Колумбия! — пролепетала жрица. — Я не могла удержаться. Сегодняшняя ночь — наступление зрелости Сына, коронование Рогатого Короля, лишение девственности девушек...

Суровое лицо пожилой жрицы расплылось в улыбке.

— Да простит тебя Колумбия! В воздухе впрямь что-то такое, что лишает нас рассудка. Это божественное присутствие Великой Седой Матери в образе Виргинии, невесты Героя-Солнце и Великого Стэгга. Я ощущаю ее присутствие. Она с нами...

В этот момент раздался рев на втором этаже. Обе женщины взглянули вверх. Вниз по ступеням спускалась толпа Лосей, водрузив на свои плечи Героя-Солнце.

На Герое-Солнце не было никакой одежды. Он был великолепно сложен и, несомненно, очень высок. Выпуклые надбровные дуги, длинный прямой нос и массивный подбородок сделали бы честь любому чемпиону-тяжеловесу. Но в этот момент все, что можно было бы назвать такими словами как "красивый" или "уродливый", исчезло с его лица. Его можно было бы определить как "одержимое". Именно такое слово употребил бы любой из жителей города Вашингтон, столицы народа Ди-Си.[1] Его длинные огненно-золотистые волосы спадали на широкие плечи. Из волнистой копны волос прямо надо лбом возвышалась пара рогов. И это были не искусственные рога, которые одевали себе на головы мужчины из братства Лося, они были живыми, имплантированными в череп Героя-Солнце.

Рога возвышались на 30 см над головой, а между наружными концами их было добрых полметра. Они были покрыты бледной лоснящейся кожей, пронизанной синими жилками кровеносных сосудов. У основания каждого рога пульсировала мощная артерия в такт с сердцебиением Ге-

1 Ди-Си — Д.С., почтовый индекс, составленный из инициалов названия "Д.С.". Так в современных США называется округ Колумбия, куда входит г.Вашингтон с прилегающей территорией. Он не входит ни в один из 50 штатов. /прим.перев./

роя-Солнце. Очевидно, их пересадили на голову совсем недавно. У основания рогов еще была запекшаяся кровь.

Лицо человека с рогами резко выделялось среди лиц жителей Ди-Си. И лица Лосей, и лица жриц — все они отличались друг от друга, но имели нечто общее, что говорило об их принадлежности своей эпохе и что можно было бы назвать оленьим выражением. Треугольные контуры, большие темные глаза, высокие скулы, маленький, но мясистый рот, тонкая шея — все эти отдельные черты свидетельствовали о том, что они сформированы своим своеобразным временем. На всех лежал отпечаток сходства с животным — основой материального благополучия людей, живших в это время. От зоркого наблюдателя не ускользнуло бы, что, восседавший на плечах людей-оленей, человек с лицом, лишенным печати интеллекта, принадлежит более ранней эпохе. Как знаток портретов разных времен мог бы отличить друг от друга лица античной эпохи, и Возрождения, или мог бы определить что: "Этот человек жил в начале индустриальной эры", так он сказал бы сейчас: "Этот человек родился, когда Земля кишела людьми. Есть что-то от насекомых в выражении его лица. Хотя имеется и небольшое отличие. Оно отражает неповторимость того времени — когда людям удавалось сохранять индивидуальность в человеческом муравейнике".

И вот толпа вынесла человека с рогами на гигантское крыльцо Белого Дома. Появление его вызвало взрыв криков в толпе на улице. Снова загремели барабаны, пронзительно взвыли флейты. Будто трубы Гавриила в судный день зазвенели горны. Жрицы на крыльце размахивали своими серпами прямо перед носом мужчин, изображавших оленей, но поранить их могли разве что случайно. Лоси, стоявшие поближе, легонько подталкивали жриц, и те, качаясь, падали на спину, да так и оставались лежать, задрав ноги кверху, вопя и извиваясь.

Героя-Солнце пронесли через железные ворота на середину Пенсильванской авеню и посадили на спину большого черного лося с обезумевшими глазами. Животное пыталось сбросить седока, но толпа крепко держала его за рога, хватала за длинные космы, свисавшие с боков и не давала броситься вскачь по улице. Чтобы удержаться на спине лося, Герой-Солнце вцепился в концы его рогов.

Спина человека выгнулась дугой. Лось дико мычал, фыркал, хрипел, безумием сверкали в свете факелов белки его глаз. В последний момент, когда уже казалось, что шея его сломается под напором вздувшихся мышц человека, зверь расслабился и стал мелко дрожать. Изо рта его капала слюна, в газах появился страх. Наездник стал его повелителем.

Представители братства Лося построились позади наездника по 12 человек в ряд. За ними пристроился оркестр, все музыканты также принадлежали к этому братству. Еще дальше расположились Изюбри со своими музыкантами, за ними группа Львов в шлемах в виде черепов пантер и в плащах из шкур пантер. Длинные когти хищников волочились по мостовой. В руках Львов были веревки, прикрепленные к воздушному шару, поднявшемуся на четыре метра над их головами. Баллон был в форме сосиски с выпуклой красной оконечностью. В каждой из двух гондол сидели беременные женщины и разбрасывали цветы и зерна риса на толпы, окаймлявшие улицу. Еще дальше находились представители братства Петуха со своим тотемом, представлявшую из себя высоченную жердь с насаженной на ней огромной петушиной головой с высоким красным гребнем и длинным прямым клювом, заканчивавшимся шишковатым наростом.

Позади них расположились предводители остальных братств: Слонов, Мулов, Зайцев, Лосей, Козлов и многих других. Наконец, в самых задних рядах — представительницы великих женских сообществ: Диких Кошек, Олених, Пчел, Львиц, Ласточек. Вся процессия тронулась с места и начала постепенно продвигаться по Пенсильванской авеню в направлении Капитолия.

Герой-Солнце не обращал внимания на шествующих следом. Взор его был устремлен на улицу, по обеим сторонам которой толпились жители Ди-Си. Они собрались здесь вовсе не случайно. Поближе к мостовой стояли девушки от 14 до 18 лет в блузках с высоким воротником и длинными рукавами. Широкий разрез впереди обнажал их грудь, ноги же скрывались под длинными белыми колоколообразными юбками со множеством нижних юбок. Ногти на ногах, обутых в белые сандалии, были выкрашены в красный цвет. Длинные волосы девушек не были подвяза-

ны и спадали к талии. У каждой в руках — букет белых роз. Все они были крайне возбуждены и непрерывно кричали:

— Рогатый Король!

— Могучий Самец!

— Великий Сын и Любовник!

Матроны, стоящие за девушками, давали дочерям советы. На них были такие же блузки с высокими воротниками и длинными рукавами, как и у дочерей, но прикрывающие груди. Под верхней частью юбок топорщились турнюры, придавая им вид беременных. Из пышных причесок торчали красные розы — по одной на каждого ребенка.

Еще дальше, за матронами, стояли отцы девушек, облаченные в одежды своего братства. В одной руке каждый держал свой тотем, в другой — бутылку, к которой частенько прикладывался, время от времени передавая своей жене.

Все шумели и кричали, напирая вперед. Казалось, толпа вот-вот запрудит улицу и закроет проход. Предупреждая давку, почетная стража и выпускницы Вассара срочно выстроились впереди наездника и стали наконечниками стрел и плетьми сдерживать зрителей. Больше всех доставалось девственницам в первом ряду, как будто им нравился запах и вид собственной крови.

Внезапно наступила тишина. В дверях Белого Дома появились девушки, несшие на своих плечах трон, в котором покоилось тело Джона-Ячменное Зерно. Все они принадлежали к женскому сообществу Кукурузы и были одеты в традиционные одежды: длинные суконные платья и высокие желтые шляпы в виде кукурузного початка. Они несли единственного мужчину — члена своей общины. Мертвого... Толпа, впрочем, не догадывалась об этом, так как при виде его неподвижного тела раздался дружный хохот. Ему уже не раз доводилось показываться народу в таком бессознательном состоянии. Девушки же никому не сообщили о случившемся. Они заняли положенное им место сразу же за стражей и жрицами, чуть впереди Героя-Солнце.

Вновь раздалась барабанная дробь, воззывали трубы и флейты, еще громче стали крики мужчин и женщин.

Лось испуганно рванулся вперед. Человек у него на спине с трудом удержал равновесие, едва не свалившись в объятия девушек-подростков, выстроившихся вдоль прохода. Они выкрикивали такие советы, от которых мог бы покраснеть бывалый матрос. Наездник отвечал в таком же духе. Лицо его, теперь стало демоническим. Он изо всех сил рвался к девушкам, и когда Лоси заталкивали его назад, на спину зверя, не церемонясь пускал в ход свои железные кулаки. Несколько Лосей рухнули, алея разбитыми лицами и были затоптаны своими же собратьями. Их место тут же заняли другие, удерживая Героя-Солнце на спине животного.

— Держись, Великий Стэгг! — кричали они. — Потерпи до Капитолия! Там мы тебя отпустим, и ты сможешь делать все, что тебе угодно! Там ждет тебя Верховная Жрица Виргиния — воплощение в образе девушки самой Великой Седой Матери! И там ждут тебя самые красивые девственницы Вашингтона, нежные, томные, преисполненные духа Колумбии и ее дочери Америки! Ждут, чтобы наполниться божественным семенем Сына!

Человек с рогами вряд ли слышал и понимал их. Частично из-за того, что его родной язык, хоть и английский, существенно отличался от их языка, но главным образом из-за того, что был одержим, и не принадлежал самому себе. Он был глух ко всему, кроме кипения собственной крови.

Процессия старалась идти медленно, но по мере приближения к месту назначения, ход ее все более ускорялся. Возможно из-за угроз девушек разорвать Лосей на части, если они будут медлить. Все больше крови лилось под бичами и стрелами. Несмотря на это, девушки то и дело вливались в процессию. Одна из них умудрилась вспрыгнуть прямо на плечи Лосей, поддерживающих Героя-Солнце на спине оленя. Ее стряхнули на землю, содрали одежду. Тело ее мгновенно покрылось кровавыми пятнами. Один из мужчин попытался даже предвосхитить Героя-Солнце, но за такое святотатство ему разбили голову, девушку же отшвырнули в задние ряды зрителей.

— Жди своей очереди, красотка, — кричали Лоси, смеясь. — Если на тебя не хватит Большого Стэгга, маленькие утешат тебя чуть позже, малышка.

Когда процессия достигла подножия лестницы Капитолия, вновь возникла короткая свалка между девушками и отталкивавшими их жрицами и лучницами. Лоси сняли Героя-Солнце с оленя и понесли вверх по ступеням.

— Еще минуту, Великий Самец, — кричали они. — Потерпи, пока не поднимемся наверх. А там мы отпустим тебя.

Герой-Солнце исступленно взревел, но позволил нести себя. Он, не отрывая глаз, смотрел на статую Великой Седой Матери, установленную на верхней площадке лестницы у входа в здание. Высеченная из мрамора, она имела 15 метров в высоту. Великая Седая Мать кормила своего Сына огромной грудью, ногою же попирала бородатого дракона.

Толпа взорвалась неистовым криком.

— Виргиния! Виргиния!

Из-за колонн на огромный балкон, опоясывавший Капитолий, вышла Верховная Жрица.

Свет факелов заливал ее обнаженные плечи и грудь. На этом светлом фоне еще более темными казались золотисто-меловые волосы, спадавшие до лодыжек, загадочная темнота окружала алый, как свежая рана, рот, черными углями сверкали темно-синие глаза.

Герой-Солнце взревел, словно самец, учуявший самку во время гона. Он закричал:

— Виргиния! Больше ты уже не оттолкнешь меня! Ничто не остановит меня сейчас.

Темный рот открылся как распустившийся бутон, в свете факелов сверкнули белоснежные зубы. Длинная стройная рука простерлась к нему. Стэгг вырвался из цепляющихся за него рук и побежал вверх по ступеням. Он не обращал внимания ни на громовое крещендо музыки, ни на вторившие высоким нотам флейт похотливые крики девушек. Он не видел того, что бывшие его телохранители — Лоси сейчас изо всех сил боролись за свою жизнь, вырываясь из острых ногтей девственниц, рвущих их на части. Он не видел как смешались в одну кучу с упавшими на пол мужчинами белые юбки и кофты, сброшенные девушками, взбирающимися вверх по ступеням.

Лишь одно заставило остановиться его на мгновение — неожиданное появление девушки в стальной клетке, уста-

новленной у подножия статуи Великой Матери. Она была так же молода, но одета иначе: шапка с длинным козырьком, как у игроков в бейсбол, свободная рубаха с какими-то нашивками, широкие штаны до лодыжек и толстые чулки с туфлями на толстой подошве.

Над клеткой — большая надпись на языке Ди-Си:

"ДЕВА,
пойманная при набеге на Кейсиленд".

Девушка бросила на него один, преисполненный ужаса взгляд и отвернулась.

Недоумение исчезло с его лица, и Герой-Солнце бросился к Верховной Жрице, встретившей его с простертыми руками, как бы благословляя. Она изогнула спину назад и широко раскрыла бедра, давая ясно понять, что долгое ожидание закончилось — она не будет противиться.

Он закричал так, будто крик шел из самых глубин его нутра, схватил ее за одежды и потянул к себе.

Такой же безумный крик исторгся из тысяч глоток за ним и, окруженный со всех сторон плотью, он исчез из виду собравшихся у подножия лестницы отцов и матерей прорывавшихся наверх девушек.

I

Звездолет совершал вокруг Земли один виток за другим.

Капитан Питер Стэгг оторвался от смотрового экрана.

— Земля сильно изменилась за 800 лет, не правда ли? Как объяснить то, что мы видим?

Доктор Кальторп почесал длинную седую бороду и повернул маховичок на панели под экраном. Поля, реки, леса приблизились и исчезли. Теперь телескоп показывал город по обеим сторонам реки, некогда называвшейся Потомак. Совсем небольшой, никак не более 10 квадратных миль.

Он был виден настолько отчетливо, словно корабль кружил не выше сотни метров над Землей.

— Что я думаю об этом? — переспросил Кальторп.

— Твои предположения могут быть столь же правильными, как и мои. Как старейший на Земле антрополог, я должен был бы тщательно проанализировать полученные нами данные, возможно даже объяснить, каким образом получилось многое из того, что мы видим. Но не могу. Нет необходимых данных. Я не уверен, что этот город — Вашингтон. Если даже это так, то он перестроен без всякого плана. Больше я ничего не знаю, и ты тоже. Поэтому надо сесть и все выяснить.

— Ничего другого не остается, — пожал плечами Питер Стэгг. — Топливо, считай, на нуле.

Неожиданно он хлопнул огромным кулаком по ладони.

— Ну, сядем, а что дальше? Я не вижу на Земле ни одного здания, внутри которого мог бы располагаться реактор, ни машин. Где техника? Возврат к лошадям и телегам. Только вот лошадей тоже нет. Похоже, они исчезли, хотя появилась замена, эти самые безрогие олени.

— Рога-то есть, — сказал Кальторп, — да только это скорее рога молодого лося. Пожалуй, нынче американцы разводят оленей или лосей, а может быть и тех, и других, не только вместо лошадей, но и вместо рогатого скота. Оленьих пород много: те, что побольше — для грузов и на мясо, которые поменьше — под седло. Но меня беспокоит... Даже не так отсутствие ядерного топлива, как...

— Как что?

— Прием, который ждет нас после посадки. Большая часть Земли превратилась в пустыню. Словно Господь решил побрить свое творение. Погляди: разве это наши старые добрые Штаты? Весь Запад усеян вулканами. Пламя, копоть. То же самое — в Азии, Австралии. Естественно, земной климат изменился. Полярные шапки тают, океан наступает, в Пенсильвании растут пальмы...

Доктор на мгновение умолк.

— Все-таки не верится. Сколько труда ушло, сколько адского труда — и вот Средний Запад перед нами, гигантская чаша выжженной пыли...

— Какое это имеет отношение к тому, как нас примут? — осведомился Стэгг.

— Самое прямое. Судя по всему, Атлантическое побережье понемногу приходит в себя. По крайней мере там

— люди. Поэтому я рекомендую приземлиться там. Вот только уровень развития... Организация... То ли рабство, то ли община. Во всяком случае, побережье гудит похлеще улья. Сады, поля, оросительные каналы, дамбы, дороги. Почти вся деятельность, смысл которой нам удалось понять, направлена на восстановление почвы. Да и все эти церемонии, которые мы наблюдали на экране, думаю, связаны с культом плодородия. А отсутствие техники... Какая там техника, когда судя по всему именно науку эти люди обвиняют в катастрофе, постигшей Землю.

— Что же из этого?

— Да то, что эти люди напрочь забыли о космических кораблях. И поиск нетронутых планет для них — пустой звук. На нас они будут смотреть как на дьяволов или чудовищ. Мы для них — исчадие ада. Или еще хуже: представители той самой науки, которая, в их понимании, источник зла. Именно так, капитан. Изображения на стенах их храмов, статуи, некоторые пышные обряды, которые мы видели, отчетливо указывают на ненависть к прошлому.

Стэгг прошелся туда и обратно.

— Восемьсот лет, — пробормотал он. — Ради чего? Наше поколение, наши друзья, враги, жены, любовницы, дети, внуки, правнуки давно погребены и стали травой. И трава эта превратилась в прах. Пыль, которая носится вокруг планеты, это прах десяти миллиардов, живших вместе с нами. И это прах, один Бог знает, скольких еще десятков миллиардов. В том числе девушек, на которых я не женился, потому что хотел принять участие в полете...

— И все-таки ты жив, — заметил Кальторп, — и по земному исчислению тебе 832 года.

— Но только тридцать два года физиологического времени, — отозвался Стэгг. — Как объяснить этим людям, что пока наш корабль полз к звездам, мы спали как рыба во льду? Известна ли им техника замораживания? Сомневаюсь. Как же им понять, что мы выходили из спячки только на время обследования планет земного типа? Что мы нашли десять планет, одна из которых открыта для массового заселения?

— Дай тебе поговорить, так мы никогда не сядем, — сказал Кальторп. — Командуй, капитан. От судьбы не уйдешь. Кто знает, возможно внизу тебя ждет женщина, похожая на ту, что осталась в прошлом.

— Женщины! — вскричал Стэгг. Апатию как рукой сняло.

Кальторп поразился внезапной перемене в поведении капитана.

— Женщины! Восемьсот лет не видел ни одной, единственной-разъединственной! Я проглотил 1095 сексоподавляющих пилюль — их бы хватило выхолостить слона! Но они уже не действуют! Я привык к ним! Я хочу женщину. Любую! Беззубую, слепую, хромую... собственную прабабку в конце концов!

— Поздравляю, — хмыкнул Кальторп. — Так лучше, Стэгг. Уж очень тебе не к лицу поэтическая меланхолия. Не мучайся. Скоро ты будешь по горло сыт женщинами. Из того, что мы видим на экране, можно заключить, что, скорее всего, женщины верховодят в этом обществе. Ты потерпишь женское превосходство?

Стэгг ударил себя кулаком в грудь, словно рассерженный самец гориллы.

— Не завидую женщине, которая попробует противостоять мне. — Он вдруг невесело улыбнулся, — На самом деле я боюсь этого. Я ведь так давно не разговаривал с женщиной... Кажется, даже забыл как обращаться с ними.

— Не думаю, что природа женщин изменилась. Каменный ли век, космический ли, знатная леди или Джуди О'Греди — они все те же.

Стэгг снова улыбнулся и ласково похлопал Кальторпа по спине. Отдал распоряжение на посадку. Однако во время спуска спросил:

— А может, все-таки, нам устроят славный прием?

Кальторп пожал плечами.

— Все может быть. Может, повесят. А возможно, сделают королями.

Случилось так, что через две недели после их триумфального прибытия в Вашингтон Стэгг был коронован.

II

— Питер, каждый твой дюйм выглядит по-королевски, — сказал Кальторп. — Да здравствует Питер Шестой.

Каламбур д-ра Кальторпа был не лишен оснований.

Рост Стэгга достигал двух метров. весил он около 100 кг и имел обхват груди, талии и бедер соответственно 120, 80 и 90 см. У него были длинные рыже-золотые волнистые волосы. Лицо было красиво орлиной красотой. Только сейчас он больше напоминал орла в клетке, так как ходил туда-сюда, заложив руки за спину наподобие сложенных крыльев и наклонив голову вперед. Темно-синие глаза недобро поблескивали. Время от времени он хмуро поглядывал на Кальторпа.

Антрополог сидел, развалясь в огромном золоченом кресле, поигрывая длинным, усеянным бриллиантами мундштуком. Как и Стэгг, он был полностью лишен волос: вскоре после посадки им устроили роскошную баню — с душем, массажем и бритьем. И все бы хорошо, да только вскоре они обнаружили, что душистые кремы-умащения навсегда лишили их возможности отпускать усы и бороды по собственной воле.

Кальторп весьма скорбел по своей пышной бороде, но — увы! — иного выхода не было. Туземцы ясно дали понять, что бороды для них отвратительны и непереносимы, как нечто, противное обонянию Великой Седой Матери. Теперь доктор уже не напоминал патриарха и чувствовал себя весьма неуютно, ощущая непривычную наготу тщедушного подбородка.

Внезапно Стэгг остановился перед зеркалом, закрывавшим всю стену огромной комнаты и злобно посмотрел на свое отражение. Голову его венчала золотая корона с 14 зубцами, каждый из которых заканчивался крупным бриллиантом. На голой груди Стэгга было нарисовано лучезарное Солнце. Шею обвивало пышное зеленое жабо из бархата. С неодобрением смотрел он на широкий пояс из шкуры ягуара, придерживающий ярко-красную юбку с нашитыми на передней части большими фаллическими символами, на сверкающие белые кожаные сапоги. Из зеркала на него глядел король Ди-Си во всем своем великолепии. Рывком он снял корону и со злостью швырнул ее через всю комнату. Золотым метеором она пролетела десяток метров, ударилась о стену и откатилась обратно к ногам короля.

— Так коронованный я властитель Ди-Си или нет?! — вскричал Стэгг. — Король дочерей Колумбии или как они

там называют их на своем дегенеративном английском? Какой же я монарх? Где моя власть? Уже две недели я властитель этой бабской земли и по горло сыт всякими праздниками в мою честь. Куда бы я ни шел со своей одногрудой стражницей, мне всюду поют дифирамбы. Меня посвятили в тотемическое братство Лося. Премного благодарен! Наконец меня избрали Великим Стэггом года.

— С таким именем, как Стэгг, немудрено, что тебя засунули к Лосям, — отозвался Кальторп. — Хорошо, что ты догадался не открыть им свое второе имя Лео. А то пришлось бы девочкам ломать головы куда тебя сунуть — к Лосям или ко Львам.

Стэгг не унимался.

— Мне говорят, я — отец этой страны. Если это так, почему же не дают стать им фактически? Ко мне близко не подпускают женщин. Понимаешь, эта прелестная сучонка, Верховная Жрица, говорит, что мне нельзя оказывать расположение какой-нибудь отдельной женщине. Я — Отец, Любовник, Сын каждой женщины в Ди-Си.

Кальторп все больше и больше хмурился. Он поднялся и подошел к огромному окну на втором этаже Белого Дома. Туземцы считали, что дворец назван так в честь Великой Седой Матери. Кальторп, правда, знал более точную причину, но у него хватило ума не спорить.

Глянув ненароком вниз, подозвал Стэгга к окну. Тот выглянул, потянул носом и сделал гримасу. Внизу несколько человек поднимали большую бочку на задок телеги.

— Когда-то этих парней называли золотарями, — сказал Кальторп. — Они приходили каждый день и собирали испражнения для удобрения полей. Этот мир таков, что все должно идти на пользу людям и для обогащения почвы.

— А ведь мы уже привыкли к этому, — сказал Стэгг, — Хотя запах, мне кажется, с каждым днем сильнее. Видно, прибавляется людей в Вашингтоне.

— Для этого города запах не нов. Хотя прежде он был не столько от человеческих испражнений, сколько от воловьих.

— Кто бы мог подумать, что Америка, страна домов с двумя ваннами вернется к избушкам, да к тому же без

дверей. И не потому, что они не знают канализации и водопровода. Водопровод есть во многих зданиях.

— Все, это приходит от Земли, должно вернуться в Землю. Они не грешат против природы, выбрасывая в океан миллионы тонн столь нужных почве фосфатов и других веществ. В этом они похожи на нас, слепых глупцов, убивавших свою землю во имя санитарии.

Стэгг посмотрел на доктора — сверху вниз, очень выразительно.

— Для этой лекции ты пригласил меня к окну?

— Да. Я хотел объяснить корни этой культуры. Во всяком случае, попытаюсь. Видишь ли, пока ты резвился, я работал, изучая язык. Он английский по сути, но от нашего ушел дальше, чем наш от языка англосаксов. И в лингвистическом отношении выродился значительно быстрее, чем когда-то предсказывали. Вероятно, вследствие изолированности небольших групп после Опустошения. И еще потому, что большинство неграмотны. Грамотность — исключительная привилегия жрецов и "дирада".

— "Дирада"?

— Аристократов. Слово произошло от "диирлрайвер", так как только привилегированным позволяется ездить верхом на оленях. Аналогично испанским кабальеро или французским шевалье. Оба слова первоначально обозначали всадников. Давай еще раз взглянем не роспись.

Они подошли к дальней стене длинной комнаты и остановились перед огромной яркой фреской.

— На этой картине, — комментировал Кальторп очень серьезно, — изображена легенда из религии Ди-Си. Как видно, — он указал на фигуру Великой Седой Матери, возвышающейся над крохотными полями и горами и еще более крохотными людьми, — она очень разгневана. Сдернув голубое покрывало, которым некогда покрывала Землю от безжалостных стрел своего сына, Богиня помогала своему Сыну — Солнце сжечь земные создания.

Человек в своей слепоте, алчности и высокомерии осквернил землю, данную богиней. Его города-муравейники опорожняли свои нечистоты в реки и моря, превратив их в сточные канавы. Он отравил воздух зловонной копотью. Кстати, эта копоть, я полагаю, была не только результатом деятельности промышленности, но имела и

радиоактивное происхождение. Сами Ди-Си, конечно, ничего не знают об атомных бомбах.

Тогда Колумбия, будучи уже не в состоянии терпеть отравления земли человеком и его отказ от поклонения ей, сорвала свое защитное покрывало с Земли и позволила Солнцу в полную силу осыпать своими стрелами все живое.

— Я вижу валяющихся по всей Земле мертвых людей и животных. На улицах, в полях, в морях, — подхватил Стэгг. — Завяли травы и высохли деревья. Люди и животные еще как-то укрывались от солнечных стрел.

— Но спастись им не удалось, — продолжил Кальторп. — Они не умерли от ожогов, но им надо было питаться. Животные выходили по ночам и поедали падаль и друг друга. Люди, покончив с запасами пищи, съели животных. А затем человек стал есть человека.

К счастью, смертоносные лучи падали сравнительно недолго. Возможно, меньше недели. Затем богиня смягчилась и вернула на место защитное покрывало.

— Так чем же на самом деле было Опустошение?

— Могу только предположить. Помнишь, незадолго до нашего взлета правительство заключило соглашение с одной из исследовательских компаний на разработку всепланетной системы передачи энергии? Предполагалось соорудить шахту такой глубины, с которой можно было бы отсасывать тепло, исходящее из ядра планеты. Эта энергия должна была преобразовываться в электричество и передаваться по всему миру, используя в качестве проводника ионосферу.

Теоретически, любая энергосистема могла бы подключиться к этому источнику. К примеру, весь Нью-Йорк извлекал бы из ионосферы энергию, необходимую для освещения и обогрева домов, питания телевизоров, а после установки электромоторов — и питания всех средств передвижения.

Полагаю, этот проект был осуществлен через 25 лет после того, как мы покинули Землю. Я уверен, сбылись предупреждения некоторых ученых, в частности, Кардена. Он предсказал, что первая же передача энергии в таких размерах разрушит часть озонового слоя.

— Боже, — сказал Стэгг.— Ведь если уничтожить достаточное количество озона в атмосфере... — То наиболее

короткие волны ультрафиолетовой части спектра, не поглощаемые более им, будут доходить до поверхности Земли и каждого живого существа на ней. Животные и люди умирали от ожогов; растения, пожалуй, были более устойчивы. Но все равно — эффект был опустошающим, судя по гигантским пустыням, покрывающим всю Землю. Но этого, как будто, оказалось недостаточно. Природа, или если сказать иначе, Богиня, поразила еще раз только-только поднявшегося на трясущихся ногах человека. Утечка озона, по-видимому, продолжалась очень недолго.

Естественные процессы восстановили его обычное содержание. Лет через 25 остатки человечества — жалкие остатки, не более нескольких миллионов — стали образовывать небольшие изолированные сообщества-поселения. И тогда по всей Земле начали извергаться потухшие ранее вулканы. Возможно, этот второй катаклизм явился запоздалой реакцией Земли на попытки пробить земную кору. Механизм Земли действует медленно, но верно.

Утонула почти вся Япония. Исчез Кракатау. Взорвались Гавайи. Раскололась надвое Сицилия. Манхеттен опустился на несколько метров под воду, а затем снова поднялся. Тихий океан был весь окружен извержениями. Не намного легче было в Средиземном море. Приливные волны проникали далеко вглубь континентов, останавливаясь только у подножия гор. Горы тряслись, и те, кто спасся от цунами, были погребены под снежными лавинами.

Итог: человек низведен до уровня каменного века, атмосфера наполнена пылью и углекислым газом, что вызвало удивительные закаты и субтропический климат в Нью-Йорке, таяние полярных льдов.

Стэгг зябко передернул плечами.

— Не удивительно, что практически нет преемственности между нашим обществом и теми, кто уцелел после Опустошения, — сказал он. — Вот, например, порох. Он открыт заново или нет?

— Нет.

— Почему? Ведь сделать порох очень просто.

— Очень просто, — объяснил Кальторп. — Так просто и очевидно, что человечество потратило почти полмиллиона лет на то, чтобы открыть, что из смеси древесного угля, серы и

селитры в должной пропорции можно получить взрывчатку. Только и всего.

Доктор помолчал. Пожевал губами.

— А теперь возьмем такой двойной катаклизм — как Опустошение. Почти все книги погибли. Более ста лет ничтожная горстка уцелевших была настолько занята тем, чтобы выкарабкаться, что даже не обучала своих отпрысков грамоте. Результат? Бездонное невежество, почти полная потеря истории. Для этих людей мир начинается в 2100 году нашей эры или в 1 году после Опустошения по их летоисчислению. Так говорят легенды.

И еще один пример — выращивание хлопка. Когда мы покинули Землю, его почти не сажали. Зачем такие хлопоты, если есть синтетика? Хлопок был заново открыт всего 200 лет назад, до этого люди одевались в звериные шкуры или ходили нагишом. В основном, нагишом.

Кальторп снова подвел Стэгга к открытому окну.

— Я отклонился, хотя делать все равно нечего. Взгляни, Питер. Вашингтон или Ваштин, как его теперь называют, совсем не тот город. Не наш. Дважды его равняли с землей, а нынешний город был основан на руинах 200 лет назад. Да, они пытались возродить древнюю столицу, но сами-то были другими! Вот в чем штука, Пит. Они его строили в соответствии со своими верованиями и мифами.

Кальторп ткнул пальцем в сторону Капитолия — чем-то здание напоминало знакомый им Капитолий, но теперь у него было два купола вместо одного, и на вершине каждого была красная башенка.

— Так сделано ради того, чтобы здание было похоже на грудь Великой Седой Матери, — сказал Кальторп. Затем он указал на Монумент Вашингтона, ныне расположенный левее Капитолия и взметнувшийся почти на 90 метров. Башня из стали и бетона, раскрашенная чередующимися спиралями красных, белых и голубых полос и увенчанная круглой красной надстройкой.

— Думаю, тебе понятно, что именно он изображает. Согласно легенде, такой был у Отца всей страны. Предполагается, что сам Вашингтон похоронен под ним. Вчера вечером мне рассказал об этом с благоговением сам Джон-Ячменное Зерно.

Стэгг вышел на балкон, опоясывавший весь второй этаж. Кальторп вытянул руку по направлению к зданию за пышным садом во дворе Белого Дома.

— Видишь огромное здание со статуей женщины над ним? Это Колумбия — Великая Седая Мать, присматривающая за своим народом и оберегающая его. Для нас — ее людей, наших потомков — живая вездесущая сила, ведущая народ к его предназначению. И ведет она безжалостно. Любой, вставший у нее на пути, будет растоптан — раньше или позже.

— Я обратил внимание на этот храм сразу же, — заметил, Стэгг. — Мы шли мимо него в Белый Дом. Помнишь, как Сарвант чуть не умер от стыда, когда увидел фрески на стенках?!

— А какое твое мнение?

Стэгг слегка покраснел.

— Я считаю себя закаленным, но эти фрески! Возмутительные, непристойные, абсолютная порнография! И украшают место, предназначенное для поклонения.

Кальторп покачал головой.

— Отнюдь нет. Мне довелось быть на двух богослужениях. Достоинство и красота — ничего более. Государственная религия — культ плодородия, и этим скульпторы иллюстрируют различные мифы. Их смысл — не предать забвению то, что когда-то человек в своей ужасной гордыне едва не уничтожил Землю. Он и его наука, вкупе с высокомерием, нарушили равновесие Природы. Но теперь оно восстанавливается, а человек должен сохранять смирение, работать рука об руку с Природой, которая является живой Богиней, чьи дочери совокупляются с Героями. Богиня и Герои, изображенные на стенах, своими позами отображают важность поклонения Природе и Плодородию.

— Так ли? Тут есть такие позы, в которых вряд ли можно кого-то оплодотворить.

Кальторп засмеялся.

— Колумбия — также и богиня эротической любви.

— Мне все время кажется, — сказал Стэгг, — ты хочешь рассказать о чем-то важном. Но все ходишь вокруг да около. Видно, чувствуешь, что мне может это не понравиться.

В комнате, откуда они вышли, мелодично звякнул гонг. Стэгг, а за ним и доктор, поспешно вернулись — и навстречу им приветственно грянул оркестр. Барабаны и трубы. И музыканты — жрецы, капелла Джорджтаунского университета. Рослые, упитанные, оскопившие себя во имя служения Богине (а равно и ради пожизненных почестей и привилегий), они сверкали пестрыми женскими одеяниями: блузами с длинными рукавами и высокими воротниками, юбками до колен.

За ними шел — Джон-Ячменное зерно. Впрочем, это имя было лишь титулом; подлинного имени и истинного положения "Джона" в обществе Стэгг не знал. Обитал "Джон" в Белом Домс на третьем этаже и имел какое-то отношение к административному управлению страной. Функции его отдаленно напоминали работу премьер-министра в древней Англии.

Во всяком случае, насколько мог судить Стэгг, Герои-Солнце в этой стране были скорее символами лояльности и традиции, царствовали, но не правили; подлинная власть сосредотачивалась в иных руках.

Высокий и совсем не старый Джон-Ячменное Зерно поражал своей худобой. Невероятен был синий набухший нос алкоголика. Длинные зеленые волосы и такого же цвета очки лишь усиливали впечатление. Волосы венчал зеленый цилиндр, а шею обвивали волосы с кукурузного початка. Юбка вокруг голых чресел усеяна была листьями кукурузы. В правой руке Джон держал эмблему своей должности — большую бутылку водки.

— Привет Человеку-Легенде! — воскликнул Джон, повернувшись к Стэггу. — Да здравствует Герой-Солнце! До здравствует великий Лось из Лосей! Да здравствует Великий Муж, Отец своей страны, Дитя и Любовник Великой Седой Матери!

Он сделал большой глоток прямо из бутылки, облизнулся и протянул ее Стэггу.

— Мне это необходимо, — согласился капитан и сделал большой глоток. Через минуту, откашлявшись, отдышавшись и вытерев слезы, он вернул бутылку.

Ячменное Зерно повеселел.

— Великолепное зрелище, благородный Лось! В тебя, видно, вселилась сила самой Колумбии, столь сильно

ударившей тебя белой молнией. Тем не менее, ты был божественен. Возьмем меня. Я — простой бедный смертный и, когда впервые выпил белую молнию, меня проняло. Должен признаться. что когда я заступил на эту должность совсем молодым парнем, то порою чувствовал присутствие Богини в бутылке и бывал сражен так же, как и ты. Но человек, возможно, привыкает к божественности, да простит Она мое богохульство. Рассказывал ли я тебе легенду о том, как Колумбия впервые растворила удар молнии и закупорила ее? И как дала бутылку с молнией первому из людей, и не кому-нибудь, а самому Вашингтону? И как он опозорился и тем самым навлек гнев Богини?

Да? Ну тогда о самом главном. Я пришел к тебе раньше, чем Главная Жрица, чтобы передать, что завтра день рождения Сына Великой Матери. Ты — сын Колумбии, родишься завтра. И тогда случится то, что должно случиться.

Он еще раз отхлебнул спиртного, сделал глубокий поклон, едва не свалившись лицом вниз, и шатаясь, шагнул к выходу.

Стэгг окликнул его.

— Одну минуту. Я хочу знать, что с моей командой?

Ячменное зерно заморгал.

— Я же сказал, что они были в Джорджтаунском университете.

— А где мои товарищи сейчас. в этот самый момент?

— С ними обращаются очень хорошо. У них есть все, что они пожелают. Кроме свободы. Ее им предоставят послезавтра.

— Почему только тогда?

— Потому что тебя освободят. Но увидеть их ты не сможешь. Ты будешь на Великом Пути.

— Что это такое?

— Узнаешь.

Ячменное Зерно повернулся к выходу, но Стэгг задержал его.

— Скажи мне, почему ту девушку держат в клетке? Ты знаешь, в клетке с надписью "Дева, пойманная при набеге на Кейсиленд".

— И это ты узнаешь, Герой-Солнце. Между прочим, в твоем ли положении опускаться до того, чтобы задавать вопросы? Великая Седая Мать в свое время все объяснит.

После ухода Ячменного Зерна Стэгг спросил у Кальторпа:

— Тебе не кажется, что парень темнит?

Кальторп нахмурился.

— Я бы сам хотел знать. Но мои возможности исследования социальных механизмов этой культуры весьма ограничены. Вот только...

— Что? — с беспокойством спросил Стэгг.

Кальторп выглядел очень уныло.

— Завтра зимнее солнцестояние — середина зимы — когда солнце светит меньше всего и занимает самое низкое положение. По нашему календарю — 22 декабря. Насколько мне помнится, это было важной датой в доисторические времена. С этой датой связаны разного рода церемонии, такие как... Ааа!

Это было не восклицание. Это был вопль ужаса. Кальторп вспомнил.

Стэгг еще больше встревожился. Он хотел спросить, что же такое вспомнил Кальторп, но ему помешали: грянул оркестр. Музыканты и служители обернулись к дверям и пали на колени, хором крича:

— Верховная жрица, живая плоть Виргинии — дочери Колумбии! Святая дева! Красавица! Виргиния, скоро ревущий олень — яростный, дикий, жестокий самец — лишит тебя твоей священной и нежной плевы! Благословенная и обреченная Виргиния!

В комнату вошла надменная высокая девушка лет восемнадцати. Несмотря на бледное лицо и широкую переносицу, она была очень красива. Ее полные губы были красны как кровь, голубые глаза излучали свет и не мигали, подобно кошачьим, вьющиеся волосы цвета майского меда спадали на бедра. Это была Виргиния, выпускница училища в Вассаре, жрица-прорицательница, и воплощение Дочери Колумбии.

— Приветствую смертных, — произнесла она высоким чистым голосом. И обернувшись к Стэггу, сказала: — Приветствую бессмертного!

— Здравствуй, Виргиния, — ответил он и почувствовал, как затрепетало все естество, и волна боли сжала грудь и поясницу. Каждый раз при виде ее он испытывал мучительное, почти непреодолимое влечение. Он был уве-

рен в том, что как только их оставят наедине, он овладеет ею, несмотря на любые последствия.

Виргиния ничем не выдавала того, что сознает, как воздействует на него. Она смотрела на него равнодушным решительным взглядом львицы. Как и все девственницы она была одета в блузу с высоким воротником и юбку до лодыжек, но одежду покрывали крупные жемчужины. Треугольный вырез обнажал большую упругую грудь. Каждый сосок был напомажен и обведен белым и голубым кольцом.

— Завтра, бессмертный, ты станешь и Сыном, и Любовником Матери. Поэтому тебе необходимо подготовиться.

— А что я должен для этого сделать? — поинтересовался Стэгг. — Зачем мне готовиться?

Он взглянул на нее, и волна боли прокатилась по всему его телу.

Девушка дала знак и сейчас же Джон-Ячменное Зерно, должно быть только и ожидавший этого за дверью, появился в комнате с двумя бутылками: с водкой и какой-то темной настойкой. Жрец-евнух протянул чашу. Джон наполнил ее темной жидкостью и вручил жрице.

— Только ты — Отец своей Страны, — имеешь право пить это, — сказала она, передавая чашу Стэггу. — Нет ничего лучше. Настоено на воде из Стикса.

Стэгг взял чашу. Не очень приятно выглядел напиток, но не хотелось быть неблагодарным.

— Не все ли равно из чего сделано. Пусть все видят. что Питер Стэгг может перепить кого угодно!

Зазвучали трубы и барабаны, служители захлопали и приветственно закричали.

И вот тогда он услышал протестующий возглас Кальторпа.

— Капитан, ты что, не понял? Она сказала на воде из Стикса. СТИКСА. Ясно?

Стэгг понял, но было уже поздно. Комната поплыла кругом, и кромешная черная мгла низринулась с высоты.

Под звуки труб и приветствий он рухнул на пол.

III

— Ну и похмелье, — простонал Стэгг.

— Страшно смотреть, что они сделали, — отозвалась мгла и он с трудом узнал голос Кальторпа.

Стэгг приподнялся и застонал от боли и потрясения. Превозмогая себя, скатился с кровати, от слабости упал на колени, с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к трем громадным зеркалам, расположенным под углом друг к другу. Зеркала отразили ужасное зрелище. Он был гол. Мошонка выкрашена в голубой цвет, член — в красный, ягодицы — в белый. Но не это потрясло Стэгга. Он увидел два рога, торчащих под углом сорок пять градусов из лба на добрый фут, затем разветвляющихся на множество отростков.

— Рога?! Зачем они здесь? Откуда? Дай бог только добраться до этого шутника...

Стэгг схватился за основания, дернул и вскрикнул от боли. Опустив руки, он снова взглянул в зеркало. У корня одного из рогов выступило кровавое пятно.

— Рога — не совсем точное слово, — тихо сказал Кальторп. — Это не твердые, омертвевшие рога.

Скорее, это — панты. Они довольно мягкие, теплые и бархатистые на ощупь. Приложи к ним палец и под поверхностью кожи почувствуешь биение артерии. Станут ли потом они твердыми, мертвыми рогами зрелого самца? Не знаю.

Капитан потемнел. Гнев и бессильный ужас искали выхода.

— Да-а, Кальторп, — прорычал он. — И ты участвовал в этой затее? Если да, то я оторву у тебя все, что торчит!

— Ты не только похож на зверя, ты и поступаешь по-звериному, — отпарировал Кальторп.

Стэгг весь сжался, сдерживая желание ударить маленького антрополога за неуместную шутку. Он увидел, что Кальторп бледен, и у него трясутся руки. И понял, что за шуткой кроется неподдельный страх.

— Так что же произошло? — спросил Питер, немного успокоившись.

С дрожью в голосе Кальторп рассказал, как жрецы понесли Стэгга, потерявшего сознание, к спальне. В коридоре на них набросилась толпа жриц и захватила

тело. В какой-то момент Кальторпа охватил ужас от того, что эти две стаи разорвут Стэгга на куски. Однако борьба была ложной, всего лишь частью обряда. Согласно ритуалу жрицам полагалось добыть тело в бою.

Они отнесли бесчувственного капитана в спальню. Кальторп попытался последовать за ними, но его буквально отшвырнули.

— Они сделали это без зла. Просто не хотели, чтобы в комнате был хотя бы один мужчина, кроме тебя. Даже хирургами были женщины. Скажу честно: когда я увидел, как они идут со скальпелями, дрелями и прочим, то чуть не рехнулся. Особенно, когда увидел, что хирурги были пьяны. Что за дикая компания? Но Джон-Ячменное Зерно вытолкал меня. Он сказал, что в этот момент женщины готовы разорвать, в полном смысле этого слова, любого подвернувшегося под руку мужчину. И намекнул, что некоторые музыканты стали жрецами поневоле — им не хватило прыти убраться с дороги этих дам в вечер зимнего солнцестояния.

Джон-Ячменное Зерно спросил, являюсь ли я Лосем. Оказывается, только братья по тотему Великого Самца находятся в это время в относительной безопасности. Я ответил, что нет, но раньше был членом Львиного клуба, хотя уже давно не платил членских взносов. Он сообщил, что я буду в безопасности на следующий год, когда Герой-Солнце будет из Львов. Сейчас же мне находиться здесь опасно. И настоял, чтобы я убрался из Белого Дома, пока сын (он имел ввиду тебя) не родится. Вернулся я рано утром. Все, кроме тебя, ушли. Ну, а я остался возле кровати ждать, когда ты проснешься.

— Я кое-что припоминаю, — задумчиво произнес Стэгг. — Все как в тумане, все перепутано, но помню, как очнулся после того пойла. Я был беспомощнее ребенка. Вокруг шумно. Женщины кричали, словно рожая.

— А ребенком был ты, — подсказал Кальторп.

— Я? Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто ситуация проясняется.

— Не оставляй меня во тьме, если видишь свет, — взмолился Стэгг. — Я едва соображал, что происходит. Я даже пробовал сопротивляться, когда меня укладывали на стол. Затем у изголовья поместили белого ягненка. У меня

не было ни малейшего представления об их намерениях, пока ему не перерезали горло. Я с ног до головы был пропитан кровью.

Потом его убрали, а меня начали протаскивать через узкое треугольное отверстие. Что-то вроде металлического каркаса, обрамленного какой-то розоватой губкой. Две жрицы держали меня за плечи и протаскивали через отверстие. Остальные же кричали по-кошачьи, как безумные. Уж насколько я был в дурмане, а все равно кровь стыла. Ты за всю жизнь никогда не слыхал таких кошмарных криков.

— Слышал, слышал. Весь Вашингтон слышал. Все взрослое население стояло у ворот Белого Дома.

— Я застрял в отверстии, жрицы яростно толкали меня. Мои плечи сдавило, как в тисках. Вдруг я почувствовал, как вода брызжет мне на шею — кто-то, должно быть, направил на меня струю. Даже помню, подумал, что у них должно быть что-то вроде насоса в доме, так как ударил сильный напор.

Наконец, я проскользнул сквозь отверстие, но не упал. Две жрицы подхватили меня на руки, подняли и перевернули вверх тормашками. И шлепали меня, здорово шлепали. От удивления я закричал.

Именно этого они и хотели от тебя.

— Затем меня уложили на другой стол, прочистили нос, рот, и глаза. Смешно, но до этого момента я не замечал, что у меня во рту и ноздрях был толстый слой похожего на слизь вещества. Это должно было затруднять мне дыхание, но я не сознавал этого. Затем... затем...

— Затем?

Стэгг покраснел.

— Меня отнесли к невообразимо толстой жрице, распластавшейся на подушках на моей кровати. До этого я не видел ее.

— Наверно, она приехала из Манхеттена. Ячменное Зерно сказал мне, что тамошняя жрица очень толстая.

— Чудовищная — вот верное слово, — продолжал Стэгг. — Эта женщина была крупнее всех, кого я когда-либо видел. Могу поспорить, рост у нее не меньше моего. И весила она, наверное, не меньше полтораста килограмм. Все ее тело было покрыто пудрой, должно быть добрую

бочку потратили на это. Она была огромная, только для того, чтобы откладывать миллион яиц.

Он немного помолчал.

— Они положили меня так, что голова моя покоилась на одной из ее грудей. Клянусь это была самая большая грудь в мире. Она казалась выпуклой, как сама Земля. Жрица взяла мою голову и повернула к себе. Я попробовал сопротивляться, но был очень слаб. Я ничего не мог поделать.

И тогда я почувствовал себя маленьким ребенком и не был более взрослым. Я — Питер Стэгг — новорожденный. Это должно быть, все еще пойло действовало. Клянусь, в нем был гипнотический компонент. И я был... я был...

— Голодным? — тихо подсказал Кальторп.

Стэгг кивнул головой. Затем, очевидно желая уйти от темы, он провел ладонью по одному из рогов и сказал:

— Гм. Рога укоренились прилично.

— Да. Среди Ди-Си замечательные биологи. Возможно, местные ученые не столь сильны в физике и электронике, но они превосходные скульпторы плоти. Между прочим, эти панты гораздо большее, нежели символ или украшение. Они действуют. Тысяча против одного — они содержат железы, которые выделяют в твою кровь гормоны всех видов.

Стэгг заморгал.

— Что заставляет тебя так думать?

— Во-первых, Ячменное Зерно сделал пару намеков, во-вторых, ты феноменально быстро оправился после такой сложной операции. Ведь необходимо было сделать два отверстия в черепе, поместить панты, соединить их кровеносные сосуды с твоими и бог знает что еще.

Питер проворчал:

— Кто-то еще заплатит за это. Здесь замешана эта Виргиния! Как только увижу ее, разорву на части. Мне надоели ее пинки.

Кальторп с беспокойством следил за ним.

— А сейчас ты чувствуешь себя хорошо?

Стэгг раздул ноздри и ударил себя в грудь.

— Нет. Но чувствую, что мог бы покорить весь мир. Единственное — голоден, как медведь после спячки. Сколько я был без сознания?

— Почти тридцать часов. На дворе темнеет. — Кальторп приложил ладонь ко лбу своего капитана. — У тебя жар. Не удивительно. Тело бурлит, как доменная печь, создавая новые клетки, насыщая кровь гормонами. Для твоей печи нужен уголь.

Стэгг ударил кулаком по столу.

— Пить я тоже хочу! Весь пылаю!

Он стал бить кулаком в гонг, пока весь дворец не наполнился звоном. И, как бы ожидавшие этого сигнала, в дверь ринулись слуги, держа в руках подносы со множеством тарелок и бокалов.

Забыв все хорошие манеры, Стэгг вырвал поднос из рук слуги и начал нагружать быстро работающие челюсти мясом, останавливаясь только для того, чтобы запить съеденное громадными глотками пива. Пища и пиво попадали на его голую грудь и ноги, но он, хотя раньше ел всегда очень аккуратно, не обращал на это никакого внимания.

Раз рыгнув так, что чуть не сшиб слугу, он прогремел:

— Могу всех перепить, перебить, пере...

Затем еще раз рыгнул с такой же силой и снова набросился на еду, как изголодавшийся боров на лохань.

Кальторпа тошнило не только от самого этого зрелища, но и от его подтекста. Он отвернулся. Очевидно, гормоны вымывали из психики Стэгга все ограничения и обнажали животную часть человеческого естества. Что же будет дальше?

Наконец Стэгг поднялся, выпятив живот вперед, словно горилла, ударил себя кулаком в грудь и заявил:

— Ух, вот теперь мне хорошо, даже очень! Эй, Кальторп, ты обязан раздобыть себе пару рогов. Ах, да. Я забыл, у тебя уже есть пара. Именно поэтому ты и покинул Землю, не так ли? Ха! Ха!

Лицо антрополога вспыхнуло и исказилось, он вскочил и бросился на Стэгга. Тот рассмеялся, схватил его за рубаху и удержал на вытянутой руке. Кальторп ругался, беспомощно размахивая руками. Затем неожиданно почувствовал, как пол уходит из-под его ног, и ткнулся во что-то твердое сзади. Раздался громкий звон и до него дошло, что он угодил в гонг. Какая-то огромная рука обхватила его за талию, ставя на ноги. Испугавшись, что Стэгг собирается прикончить его, он сжал кулак и ударил смело, но беспомощно. Затем опустил кулак.

В глазах Питера стояли слезы.

— Великий Боже, что же со мной? Должно быть, я совсем тронулся, если позволил себе такое с тобой — моим лучшим другом! Что-то не так! Как я мог?

Он заплакал и с чувством прижал к себе Кальторпа. Тот вскрикнул от боли в ребрах. Стэгг виновато отпустил его.

— Ну хорошо, ты прощен, — сказал Кальторп, осторожно отодвигаясь от него подальше. Только сейчас он понял, что Стэгг уже не отвечает за свои действия. В чем-то он стал ребенком. Но ребенок не всегда абсолютный эгоист, он может быть добрым и мягкосердечным. И ему сейчас на самом деле было стыдно.

Кальторп подошел к окну.

— На улице полно народу и факелов, — сказал он. — Сегодня вечером у них еще один праздник.

Эти слова ему самому показались неискренними. Он знал точно, что жители Ди-Си сегодня собрались на церемонию, где почетным гостем и участником будет его капитан.

— Не задумали ли они содрать с кого-нибудь кожу? — спросил Стэгг. — Когда эти люди собираются повеселиться, они не останавливаются ни перед чем. Запреты отбрасываются, как прошлогодняя змеиная кожа. Их совсем не волнует, если кого-то покалечат.

Затем, к великому удивлению Кальторпа, он заявил:

— Надеюсь, праздник начнется вот-вот. И чем скорее, тем лучше.

— Почему, ради Бога? — выкрикнул Кальторп. — Разве твоя душа не натерпелась вдоволь всяких страхов?

— Не знаю. Но во мне сейчас есть что-то такое, чего раньше не было. Я чувствую такое влечение и такую силу, настоящую силу, какой не знал прежде. Я ощущаю себя... ощущаю себя... богом! Богом! Во мне кипит мощь всего мира! Я хочу взорваться! Не дано тебе знать, что я чувствую! Ни одному простому человеку не дано!

Снаружи донесся крик бегущих по улицам жриц.

Стэгг и Кальторп прислушивались. Они стояли, окаменев, слушая шум мнимой схватки между жрицами и Почетной Стражей. Затем схватка переросла в битву, когда в бой против жриц пошли Лоси.

И вот — шаги в коридоре, с грохотом Лоси срывают двери с петель, берут Стэгга на плечи и выносят наружу. Всего мгновение он, казалось, понимал, что происходит. Потом обернулся и закричал:

— Помоги мне, Док! Помоги!

Кальторпу оставалось только всхлипывать.

IV

Их было восемь: Черчилль, Сарвант, Ястржембовский, Лин, Аль-Масини, Стейнберг, Гбве-Хан и Чандра.

Они, да еще отсутствующие Стэгг и Кальторп, составляли десятку уцелевших из тридцати, покинувших Землю 800 лет назад. Они собрались в большой гостиной здания, где их держали узниками шесть недель, и слушали Тома Табака.

Том Табак не было настоящим его именем. Как звали его на самом деле, никто не знал. На этот вопрос он отвечал, что не имеет права называть свое имя и откликаться на него. Став "Томом Табаком", он уже не был больше человеком. Для жителей Ди-Си он был полубогом.

— Если бы все шло как положено, — говорил он, — с вами разговаривал бы не я, а Джон-Ячменное Зерно. НО Великой Седой Матери Было угодно прервать его жизнь до Праздника Посева. Состоялись выборы, и я, как глава великого братства Табака, занял принадлежавшее ему место правителя Ди-Си. И буду им, пока не состарюсь и не ослабею, и тогда, чему быть, того не миновать.

В то короткое время, когда экипаж звездолета был в Вашингтоне, его члены изучали произношение, грамматику и словарный состав языка Ди-Си, хотя от акцента им избавиться было практически невозможно. Английский язык изменился сильно, появились многие звуки, которых никогда не было не только в английском, но и в древнегерманском, много новых слов пришло из других языков, ударения и интонации стали играть важную роль в значении фразы. К тому же, незнание культуры Ди-Си было серьезной помехой для понимания языка. Да и сам Том Табак плохо говорил на основном диалекте. Он родился и

вырос в Норфолке, в Виргинии — самом южном городе Ди-Си. Язык его соплеменников отличался от языка жителей Вашингтона так же, как испанский язык от французского или шведский от исландского.

Том Табак, как и его предшественник Джон-Ячменное Зерно, был высок и очень худ, но в отличие от того, вся его одежда была коричневого цвета. Такими же были его длинные волосы, из коричневых зубов торчала толстая коричневая сигара. По ходу разговора он вытаскивал из кармана юбки сигареты и вручал членам экипажа. Кроме Сарванта никто не отказывался, и все находили их превосходными. Том Табак выпустил густое облако зеленого дыма и продолжил:

— Вас отпустят на свободу после моего ухода. И случится это очень скоро, так как я человек весьма занятой. Мне еще многое нужно решить, подписать немало бумаг и отдать много распоряжений. Все мое время принадлежит Великой Седой Матери.

Черчилль был первым помощником та "Терре" и теперь, когда Стэгга не было, он стал не только формальным вожаком, но, благодаря силе своей личности, и фактическим.

Он был невысок и коренаст, с мощной шеей, пышной курчавой шевелюрой, толстыми руками и массивными ногами. Лицо его имело детское выражение, но в тоже самое время было волевым. Оно было розовое, в веснушках, а глаза были круглыми и прозрачно-голубыми, как у ребенка. И хотя с первого взгляда могло показаться, что он и есть беспомощный ребенок, но оказалось, что ему присущ природный дар командовать теми, кто был рядом. Голос его звучал уверенно и мощно.

— Возможно, вы занятой человек, мистер Табак, но все-таки не настолько, чтобы уйти, не рассказав, что происходит. Нас взяли в плен. Нам не позволяют общаться ни с капитаном, ни с доктором Кальторпом. Есть все основания подозревать, что вокруг них затеяли какую-то нечистую возню. Когда же мы справляемся о них, нам спокойно отвечают: "Чему быть, того не миновать". Очень успокаивающе!

Я требую, мистер Табак, ответов на вопросы. И не думайте, что мы побоимся ваших телохранителей за

дверью. Мы хотим, чтобы вы ответили и притом сию же минуту!

— Возьмите еще сигарету и поостыньте, — с важным видом ответил Том Табак. — Конечно, вы обеспокоены и недовольны, но о правах не говорите. Вы не граждане Ди-Си, и положение ваше очень шаткое.

Но я все же отвечу на ваши вопросы. Ради этого и пришел сюда. Первое — вас освободят. Второе — вам будет дан месяц на то, чтобы вы могли прижиться в Ди-Си. Третье — если к концу месяца вы не оправдаете надежды стать хорошими гражданами, то будете убиты. Да, не изгнаны, а убиты. Если бы мы выпроводили вас через границу в другую страну, это увеличило бы население враждебных нам государств. Мы этого делать не намерены.

— Ну что ж, теперь нам понятно наше положение, — задумчиво протянул Черчилль. — Хотя и весьма туманно. Мы сможем попасть на "Терру"? Ведь в этом корабле результаты десяти лет уникальных исследований.

— Нет, не сможете. Но ваше личное имущество вам возвратят.

— Спасибо. Только вот, вы знаете, что кроме нескольких мелочей у нас нет ничего личного? Откуда мы возьмем деньги, пока будем подыскивать работу? Возможно, что мы даже не сможем получить ее в вашем довольно примитивном обществе.

— Мне действительно больше нечего сказать, — ответил Том Табак. — Благодарите за то, что вас пока оставили в живых. Многие не хотели даровать даже этого.

Он приложил ко рту два пальца и свистнул. Появился слуга со шкатулкой в руках.

— Я должен сейчас уйти, господа. Дела, дела. Но для того, чтобы у вас не было причин нарушать законы нашей благословенной Родины по незнанию, и для уменьшения искушения украсть, этот человек расскажет вам о наших законах и даст взаймы денег, которых хватит на покупку еды в течение недели. Деньги вы вернете, когда у вас появится работа, если только она появится. Да благословит вас Колумбия!

Через час вся восьмерка беспомощно стояла на улице. Настроение было далеко не приподнятым.

Черчилль обвел товарищей взглядом и, хотя его чувства были такими же, сказал:

— Ради Бога, встряхнитесь! Что это с вами? Ведь мы бывали и не в таких переделках. Помните, на Вольфе-69111? Плот — и ничего больше. А вокруг юрское болото. Мы же не хныкали а, парни? А помните похожих на баллоны тварей, что обступили нас, и то, как мы уронили в воду оружие и вынуждены были голыми руками расчищать себе обратный путь на корабль? Тогда нам было похуже, не так ли? Но никто не пищал! Что произошло? Разве мы сейчас другие?

— Боюсь, другие, — пробормотал Стейберг. — Пожалуй, мужество мы не потеряли. Но от Земли ожидали слишком многого. Когда мы высаживались на неизвестную планету, то были готовы к любым неожиданностям и опасностям. Даже искали их. А здесь нас провели как котят. У нас даже не осталось оружия, и попади мы сейчас в передрягу, нечем будет расчистить себе путь на корабль, чтобы укрыться там. Мы лишились опоры.

— Поэтому вы собираетесь ждать сложа руки в надежде на то, что все будет хорошо? — спросил Черчилль. — Ждите! Вы, мужчины, сливки человечества, отобранные от десятков тысяч кандидатов благодаря высокому интеллекту, образованию, изобретательности, физической закалке. А теперь вы среди людей, знаний у которых не больше, чем у вас в мизинце! Вы, мужчины, должны были бы быть богами, а вы — мышата!

— Хватит, — оборвал Лин. — Мы еще не пришли в себя. И не знаем, что делать! Именно неопределенность нас пугает...

— Я лично не собираюсь ждать тут, пока какая-нибудь добрая душа возьмет меня за руку, — решил Черчилль. — Я буду действовать, и сразу же!

— И что же ты собираешься делать? — заинтересовался Ястржембовский.

— Поброжу по Вашингтону, погляжу что и как. Идемте со мной, кто хочет. Но если хотите идти своей дорогой — пожалуйста. Я могу быть предводителем, но поводырем не буду.

— Ты так и не понял кое-чего, — сказал Ястржембовский, — шестеро из нас даже не с этого материка. Каж-

дого тянет в родные места. Меня — в Сибирь, Гбве-Хан хочет вернуться в свою Дагомею, Аль-Масини — в Мекку, Чандра — в Индию, Лин — в Шанхай. Но это, пожалуй, невозможно. Стейнберг мог бы вернуться в Бразилию, но там сейчас пустыня, джунгли и дикари. Так что...

— Значит, нужно остаться здесь и попытаться, как советовал Табак, прижиться. Именно это я и собирался сделать. Кто со мной?

Дальнейшие препирательства были бесполезны. Черчилль решительно двинулся вперед по улице, но, обогнув угол, остановился, глядя на стайку мальчишек и девчонок, играющих в мяч.

Подождав минут пять, он тяжело вздохнул. Видимо, никто так и не пошел с ним.

Но он ошибся. Тронувшись с места, он услыхал голос Сарванта:

— Подождите минутку, Черчилль!

— А где остальные?

— Азиаты решили добираться до родных мест. Когда я уходил, они все еще спорили: угнать ли им корабль и пересечь Атлантику или похитить оленей и на них добраться до Берингова пролива, а оттуда морем до Сибири.

— Смелые люди, ничего не скажешь. И столь же безрассудные. Неужели они всерьез думают, что это им удастся? Или у них дома условия получше чем здесь?

— Они не понимают, что их ждет. Потеряли голову.

— Я бы хотел вернуться и пожелать им удачи. Все-таки, они храбрые парни. Я всегда знал это, даже когда назвал их мышатами. Хотелось их расшевелить, но, кажется, перестарался.

— Я благословил их, хотя почти все они атеисты, — сказал Сарвант. — Боюсь, что их кости на этом материке побелеют.

— А что же вы? Будете пробираться в Аризону?

— Насколько я смог увидеть с корабля, там нет не только организованной власти, но и людей вообще. Юта выглядит не намного лучше. Большое Соленое Озеро высохло. Возвращаться мне некуда. Ну, а здесь работы хватит на всю жизнь.

— Работы? Не собираетесь ли вы проповедовать? — Черчилль недоверчиво посмотрел на Сарванта, словно впервые увидев его истинную сущность.

Нефи Сарвант был невысоким, смуглым, костистым человеком лет сорока с весьма характерной внешностью: вздернутый подбородок, казалось, был заострен на конце, тонкие губы, делающие рот узкой полоской, и загнутый крючком нос, направленный к подбородку. Спутники часто шутили, что в профиль он напоминает щипцы для орехов.

Его большие выразительные глаза прямо засветились сейчас изнутри. Вот так же они вспыхивали не раз во время полета, когда он превозносил достоинства своей церкви, как единственной истинной из того ортодоксального ядра христианства, что сохранялось Последними Хранителями. Правда, в конце концов, и члены этой церкви стали отличаться от других христиан только тем, что посещали свои храмы. Религиозный пыл у них угас.

И лишь небольшая группа Хранителей, к которой принадлежал Сарвант, отказывалась смиряться с пороками своих соседей. Организовав штаб-квартиру в штате Аризона, эта группа стала рассылать миссионеров в охладевший к религии мир.

Сарвант попал в экипаж "Терры" по той причине, что был крупнейшим авторитетом в области геологии. Ему пришлось дать обещание не заниматься обращением в свою веру членов экипажа. Он и не пытался делать это прямо, но предлагал Библию своей церкви и просил, чтобы ее прочли. После этого он пытался объяснить суть отдельных положений.

— Конечно, я намерен проповедовать! — сказал он. — Эта страна так же широко открыта для Священного Писания, как и во времена Колумба. Скажу вам, Руд, что, когда я увидел опустошение родного Юго-Запада, меня охватило отчаяние. Мне казалось, что моя церковь была ложной, ведь один из главных ее постулатов — ее вечность. Но я молился, и прозрение снизошло на меня. Ведь я еще существую! И, благодаря мне, наша вера вновь возродится и притом так, как никогда прежде, поскольку те языческие умы, которые убедятся в истине, станут первоапостолами. Наше учение распространится, как пламя. Мы — Последние Хранители — не имели большого влияния на остальных христинан, так как они считали, что уже давно обрели истинную веру и не хотели иной. А значила она для них едва ли больше, чем спортивный клуб. Но ведь главное — путь.

— Я понимаю вас, — сказал Черчилль. — Только прошу одного — не приобщайте меня к своей вере. У нас и без этого трудностей достаточно. Пошли.

— Куда?

— Куда-нибудь, где мы сможем продать эти дурацкие костюмы и достать местную одежду.

Улица, по которой они шли, была направлена с севера на юг, и поэтому Черчилль предложил, что если все время идти к югу, она приведет их к гавани. Там, если не произошло больших изменений, должна быть одна лавка, где можно сменить одежду, и, возможно, даже не без выгоды. Пока что по обеим сторонам улицы были расположены аккуратные жилые дома и большие общественные здания. Жилые дома располагались в глубине ухоженных дворов и были построены из кирпича и цемента. В основном, это были одноэтажные, вытянутые по фасаду, строения, многие их которых имели пристройки, расположенные под прямым углом. Дома, выкрашенные в разные тона, отличались разнообразием. Перед каждым домом стоял столб тотема. Столбы были большей частью высечены из камня, так как дерево берегли для изготовления судов, экипажей, оружия и как топливо.

Общественные здания располагались ближе к улице, были построены из кирпича и зачастую облицованы мрамором. Вокруг многих домов тянулись галереи из высоких колонн. Верхушки куполообразных крыш венчали статуи.

Сарвант и Черчилль шли по мостовой, так как тротуаров не было. Время от времени им приходилось отступать поближе к зданиям, чтобы избежать столкновения с всадниками на оленях или экипажами. Всадники были богато одеты и не обращали внимания на пешеходов; зачастую они неслись во весь опор, не сомневаясь в том, что пешеходы сами поостерегутся, чтобы их не затоптали.

Внезапно характер улицы изменился в худшую сторону. Однообразные обшарпанные дома теснились друг к другу, лишь изредка улицу прорезали узкие переулки. Скорее всего, это были некогда общественные здания, проданные частным владельцам под лавки, ночлежки, доходные дома. Перед ними прямо на улице в грязи копошились голые дети.

Черчилль отыскал нужную лавку и вместе с Сарвантом вошел в нее. Лавка представляла из себя небольшое помещение, заваленное различной одеждой. Цементный пол и стены были очень грязны, противно воняло собачьим калом. Два пса неопределенной породы бросились на вошедших.

Хозяин был невысок, лыс, с большим животом и двойным подбородком, с большими медными серьгами в ушах. Вид у него был такой же, как и у каждого лавочника из любого столетия, разве что на черты его лица время наложило некоторый отпечаток сходства с оленем.

— Мы хотим продать нашу одежду, — обратился к нему Черчилль.

— А она разве чего-нибудь стоит? — спросил лавочник.

— Как одежда — немного, — ответил Черчилль. — Как редкость — может быть и много. Мы с того корабля. — Маленькие глаза хозяина расширились.

— О, братья Героя-Солнце!

Черчилль не знал точного смысла этого восклицания. Что он знал — так это то, что Том Табак вскользь обронил, что капитан Стэгг стал Героем-Солнце.

— Я уверен, ты сможешь продать каждый предмет нашей одежды легко и недешево. Эти одежды были среди звезд в местах столь отдаленных, что идти к ним без остановки для еды и отдыха пришлось бы тысячи лет да еще целую вечность. Ткани этих костюмов хранят свет чужих солнц и запах экзотических миров, где, сотрясая землю, бродят чудища больше этого дома. — Однако на лавочника это не произвело сколько-нибудь благоприятного впечатления.

— А Герой-Солнце прикасался к этим одеждам?

— Много раз. Как-то он даже одел эту куртку.

— О-о!

Хозяин должно быть понял, что выдал свое нетерпение. Он потупил глаза, лицо его стало безразличным.

— Все это очень хорошо, но я бедняк. И у матросов, которые заглядывают в мою лавку, денег немного. Когда они проходят мимо таверн, они готовы продать собственную одежду.

— Возможно, что это так. Но я уверен, вы имеете дело и с теми, кто может продать эти вещи более состоятельным господам.

Хозяин вынул из кармана юбки несколько монет.

— За все я дам вам четыре колумба.

Черчилль взял Сарванта за руку и двинулся к выходу. Однако хозяин был ловок и преградил путь к выходу.

— Я мог бы предложить пять колумбов.

Черчилль показал на юбку и сандалии.

— Столько это стоит? Или вернее, сколько вы запрашиваете за это?

— Три рыбы.

Черчилль задумался. По золотому содержанию колумб был примерно равен долларам 21-го века. Рыба была равна четверти доллара.

— Ведь я же отлично знаю, что вы на нас заработаете 1000 процентов. Я отдам все за двадцать колумбов.

Хозяин в отчаянии всплеснул руками.

— Идемте отсюда, Сарвант. Я бы мог пройтись по домам богачей и по одной вещи все распродать. Но у меня нет времени. Даете двадцать или нет? Спрашиваю в последний раз.

— Вы вырываете хлеб из рта моих бедных детей, но я принимаю ваше предложение.

Через несколько минут оба звездолетчика вышли из лавки, одетые в юбки, сандалии и круглые шляпы с отвислыми полями. Талии стягивали широкие кожаные пояса с ножнами для длинных стальных ножей. Убранство довершали сумки с накидками от дождя, а в карманах каждого еще оставалось по восемь колумбов.

— Следующая остановка — гавань, — сказал Черчилль. — Когда-то я ходил матросом на яхтах богачей во время летних каникул, чтобы заработать на оплату колледжа.

— Я знаю, что вы умеете ходить под парусами, — подтвердил Сарвант. — Ведь вы командовали краденным парусником, когда мы бежали из тюрьмы на планете Выкса.

— Я хочу сначала посмотреть, сможем ли мы найти работу в порту, а еще лучше на судне. Потом попробуем выяснить, что случилось со Стэггом и Кальторпом.

— Почему именно на судне? Я знаю вас достаточно хорошо и чувствую: у вас что-то на уме.

— Я знаю, что Вы не сплетник. Если я подыщу подходящее судно, мы свяжемся с ребятами Ястржембоского и двинем в Азию через Европу.

— Рад слышать это, — сказал сарвант. — А то я уже подумал, что вы умыли руки, бросив парней. Но как их разыскать?

— Вы что, притворяетесь? — засмеялся Черчилль. — Мне для этого достаточно спросить, где ближайший храм.

— Храм?

— Конечно. Совершенно очевидно, что власти будут присматривать за всеми нами. По сути, за нами хвост с того самого момента, как мы вышли из плена.

— Где же он?

— Не оглядывайтесь. Я покажу его вам позже. Пока что идите как ни в чем не бывало.

Они увидели группу людей, собравшихся в кружок и сидевших на коленях. Черчилль мог бы обойти их, но остановился и заглянул через плечи.

— Что они делают? — спросил Сарвант.

— Играют на деньги образца 29-го века.

— Наблюдать азартные игры против принципов. Надеюсь, Вы не имеете намерения присоединиться к ним?

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Не надо, Руд, — попросил Сарвант, взяв Черчилля за руку. — Из этого не получится ничего хорошего.

— Отче, я не ваш прихожанин. У них, наверное, есть правила. Это все, что мне нужно.

Черчилль вынул три колумба из кармана и громко спросил:

— Можно вступить в игру?

— Конечно, — ответил крупный загорелый мужчина с повязкой на глазу. — Можешь играть, пока деньги не кончатся. Только сошел с корабля?

— Недавно, — подтвердил Черчилль.

Он присел на колени и положил на землю один колумб.

— Моя очередь бросать, да? Ну, малютки, папе нужны деньги на водку.

Через тридцать минут Черчилль вернулся к Сарванту, ухмыляясь и тряся горстью серебряных монет.

— Плата за грех, — пояснил он.

Однако улыбка быстро сошла с его лица, когда он услышал громкие крики сзади. Обернувшись, он увидел, что игроки направляются к нему.

— Подожди минутку, дружище, у нас есть пара вопросов.

— Ну и ну, — произнес Черчилль как бы в сторону. — Приготовьтесь к бегству. Эти парни не умеют проигрывать.

— А вы не плутовали, нет? — спросил Сарвант.

— Конечно, нет! Вам следовало бы получше знать меня. Кроме того, разве можно плутовать с такими грубиянами?

— Послушай-ка, дружище, — сказал одноглазый, — ты как-то чудно разговариваешь. Откуда ты? Из Олбани?

— Манитовек, Висконсин, — ответил Черчилль.

— Не слыхал. Это что, какой-то городишко на севере?

— На Северо-Западе. А зачем вам знать?

— Нам не по нутру незнакомцы, которые даже говорить правильно не могут. У чужаков много всяких штучек, особенно когда они играют в кости. Только неделю назад нам попался один матрос из Норфолка, который заговаривал кости. Мы ему повыбивали все зубы и сбросили с причала с грузом вокруг шеи. Только его и видели.

— Если считаете, что я мошенник, нужно было сразу сказать об этом, пока мы играли.

Одноглазый моряк оставил без внимания реплику Черчилля и оскалился:

— Что-то не вижу на тебе тотема. Из какого ты братства?

— Лямбда Чи Альфа, — с вызовом ответил Черчилль и опустил руку на нож.

— Что это за тарабарщина? Ты имеешь в виду братство Льва?

Черчилль понял, что сейчас их с Сарвантом, как ягнят, принесут в жертву, если они не докажут, что находятся под опекой какого-нибудь могущественного братства. Он был бы не против солгать в такой ситуации как эта, лишь бы выпутаться из нее. Но чувство обиды, зревшее в нем все прошедшие шесть недель, вызвало неожиданную вспышку ярости.

— Я принадлежу к расе людей, чего вы не можете сказать о себе! — закричал он.

Одноглазый побагровел.

— Клянусь грудью Колумбии, я вырежу у тебя сердце! Чтобы какой-то вонючий чужеземец так со мной разговаривал!

— Давайте, вы, ворюги, — огрызнулся Черчилль и вытащил нож из чехла. Одновременно с этим он крикнул Сарванту:

— Бегите, что есть мочи!

Одноглазый также вынул нож и, выставив вперед лезвие, двинулся на Черчилля. Тот швырнул горсть монет в глаза моряка и сделал шаг вперед. Ладонью левой руки он ударил по запястью руки, державшей нож. Он выпал, и Черчилль воткнул острие своего ножа в живот моряка.

Затем выдернул его и отступил, согнувшись, чтобы встретить остальных. Но они, как и любые матросы, вовсе не собирались придерживаться каких-либо правил. Один из них схватил валявшийся в груде мусора кирпич и запустил им в голову Черчилля. Мир потускнел в его глазах. Лицо залила кровь из раны на лбу. Когда он пришел в себя, нож уже забрали, и два дюжих парня скрутили ему руки.

Третий. маленький и сморщенный, вышел вперед, скалясь беззубым ртом, и направил лезвие в живот Черчилля.

V

Проснувшись, Питер Стэгг обнаружил, что лежит на спине на чем-то мягком. Над головой шелестели ветви огромного дуба. Сквозь листву пробивалось яркое безоблачное небо. Вверху в ветвях резвились птицы — воробьи, дрозды, на нижней ветке сидела огромная сойка, свесив вниз голые человеческие ноги.

Ноги были загорелыми. стройными, красивой формы. Остальные части тела были спрятаны в костюме гигантской птицы. Как только Стэгг открыл глаза, сойка сняла маску, открыв хорошенькое личико смуглой большеглазой девушки. Она вытянула руку и подняла висевший на веревке за спиной рожок. Прежде, чем Стэгг остановил ее, она издала протяжный дрожащий зов.

И сейчас же поднялся шум.

Стэгг сел и повернулся к источнику шума, исходившего от толпы людей, стоявших по другую сторону дороги. Это было широкое бетонное шоссе, вдоль которого тянулись

KC

поля. Он сидел в нескольких метрах от обочины на толстой кипе одеял, заботливо кем-то подложенных под него.

У него не было ни малейшего представления, как и когда он сюда попал. И вообще, где он находится. Отчетливо Питер помнил все события до самой зари, после этого — полное затмение. По высоте солнца можно было судить, что время где-то около одиннадцати.

Девушка-сойка спрыгнула с ветви и пропела:

— Доброе утро, благородный Стэгг. Как ты себя чувствуешь?

Стэгг тяжело вздохнул.

— Все мышцы затекли и ноют. И ужасная головная боль.

— После завтрака все будет в порядке. Должна сказать, что этой ночью ты был великолепен. Никогда не слыхала о Герое-Солнце, который мог бы сравниться с тобой. Я сейчас должна уйти. Твой друг Кальторп предупредил, что когда ты проснешься, тебе захочется некоторое время побыть наедине с ним.

— Кальторп! — произнес Стэгг и снова застонал. — Его-то я меньше всего хотел бы видеть.

Но девушка уже перебежала через дорогу и затерялась среди остальных людей.

Из-за дерева появилась седая голова Кальторпа. Он приближался с большим крытым подносом в руках и улыбался, но по всему было видно, что он отчаянно пытался скрыть беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь? — закричал он.

Стэгг ответил, затем спросил:

— Где мы находимся?

— Я бы сказал, что мы находимся на дороге N 1 прежних США, но теперь это место называется застава Мэри. Где-то в 15 километрах от окраины нынешнего Вашингтона, в трех километрах от небольшого крестьянского поселка под названием Фэйр Грэйс. Его обычное население — две тысячи, но сейчас в нем около пятнадцати тысяч. Здесь собрались фермеры и их дочери со всей округи. Все в Фэйр Грэйс с нетерпением ждут тебя. Но нечего сейчас к ним спешить. Ты — Герой-Солнце, поэтому можешь отдыхать сколько захочешь. Разумеется, только до захода солнца. Тогда ты должен дать такое же представление, как и прошлой ночью.

Стэгг осмотрелся и только сейчас понял, что он все еще обнаженный.

— Ты видел меня прошлой ночью? — он умоляюще посмотрел на Кальторпа.

Теперь наступила очередь Кальторпа уткнуться взглядом в землю.

— Место возле ринга, только на время. Я прокрался сквозь толпу в здание. Там и наблюдал за оргией с балкона.

— У тебя есть хоть на грамм благопристойности? — промолвил сердито Стэгг. — То, что я ничего не могу с собой сделать, плохо само по себе. Но еще хуже, что ты спокойно смотришь на мое унизительное поведение.

— Почему же унизительное? Да, я наблюдал за тобой. Я антрополог. В первый раз у меня появился шанс засвидетельствовать обряд оплодотворения с близкого расстояния. Кроме того, как твой друг, я беспокоился за тебя. Но причин для беспокойства не оказалось, ты сам о себе прекрасно заботился. И другие тоже.

Стэгг вспыхнул.

— Смеешься надо мной?

— Боже упаси, нет. Испытываю только изумление. Может быть даже зависть. Разумеется, это рога дают тебе такое влечение и способность. Мне врядли бы дали хотя бы малую часть тех веществ, которые вырабатывают панты.

Кальторп поставил поднос перед Стэггом и снял с него салфетку.

— Вот завтрак, какого у тебя не было.

Стэгг отвернулся.

— Забери его отсюда. Мне тошно в желудке и муторно на душе от всего, что я вытворял ночью.

— А мне казалось, что ты упивался этим.

Питер застонал с нескрываемой яростью, и Кальторп успокаивающе замахал рукой.

— Я не хотел тебя обидеть, просто видел тебя и не могу привыкнуть к этому. Давай, дружище, ешь. Смотри, что тебе приготовили! Свежеподжаренный хлеб, свежее мясо, масло и джем, мед, яйца, бекон, ветчина, форель, оленина и кувшин холодного свежего пива. И, если захочешь, будет еще добавка.

— Повторяю тебе, меня мутит! Я ничего не могу есть!

Несколько минут он сидел молча, разглядывал расположенные через дорогу ярко раскрашенные палатки и снующих возле них людей. Кальторп присел рядом и раскурил большую зеленую сигару.

Порывистым движением Стэгг схватил кувшин и сделал глоток. Затем отставил кувшин, вытер пену с губ тыльной стороной кисти, икнул и схватил вилку и нож.

Он начал есть, как будто ел первый раз в жизни. Или в последний.

— Я должен есть, — извинился он. — Я слаб, как новорожденный котенок. Смотри, как трясется моя рука.

— Ты должен поесть за сотню людей, — заметил Кальторп. — И в конце концов, ты выполнил работу целой сотни, двух сотен.

Стэгг поднял руку и прикоснулся к рогам.

— Все еще здесь. Эге! Они не торчат прямо и упруго, как вчера. Они мягкие. А вдруг они будут уменьшаться и отсохнут?

Кальторп покачал головой.

— Нет. Когда к тебе вернется сила, и давление крови повысится, они затвердеют снова.

— Чем бы эти рога не накачивали меня, — рассуждал Стэгг, — оно должно на некоторое время выводиться из организма. Если отбросить слабость и раздражительность, то я чувствую себя вполне сносно. Если бы только избавиться от этих рогов! Док, ты не сможешь их удалить?

Кальторп печально покачал головой.

Стэгг побледнел.

— Значит, мне предстоит пройти через все это опять?

— Боюсь, что да, мой мальчик.

— Сегодня ночью в Фэйр Грэйс? И следующей ночью в еще одном городе? И так пока... Когда?

— Питер, извини, но я не знаю, сколько это будет длиться.

Стэгг сжал его кисть своей огромной рукой так, что Кальторп взвыл от боли. Затем ослабил хватку.

— Извини, Док. Но я опять возбужден.

— Что ж, — Кальторп потирал кисть. — Есть одно предположение. Раз все это дело началось в зимнее солнцестояние, закончится оно, может быть, в летнее. То есть где-то около двадцать второго июня. Ты символизируешь

солнце. По сути, этот народ смотрит на тебя буквально как на воплощение Солнца, особенно если учесть, что ты снизошел на пылающем железном коне с небесной выси.

Стэгг встал и направился через поле к протекавшему поблизости ручью.

— Я должен выкупаться. Я весь грязный. Если уж быть Героем-Солнце, то хотя бы чистым.

— А вот и они, — указал Кальторп на толпу, поджидавшую Стэгга в полусотне метров, — твои преданные почитатели и телохранители.

Питер сделал гримасу.

— Сейчас я ненавижу себя. Но прошлой ночью восхищался тем, что могу сделать. Мне было все дозволено, все внутренние запреты были сметены. Я переживал то, что является заветной и тайной мечтой каждого мужчины — получить неограниченные возможности и иметь неистощимую способность. Я был Богом!

Он остановился и снова схватил Кальторпа за руку.

— Вернись на корабль! Достань ружье и попробуй пронести его мимо охраны. Возвращайся и стреляй мне в голову, чтобы не нужно было проходить сквозь это снова.

— Извини, но, во-первых, я не знаю, где достать ружье. Том Табак сказал мне, что все оружие вынесено с корабля и заперто в укромном месте, а во-вторых, я не смогу тебя убить. Пока есть жизнь, есть надежда. Мы еще выпутаемся из этой переделки.

— Скажи мне, как?

Продолжить разговор не удалось. Толпа пересекла поле и окружила их. Прямо в уши ревели трубы и барабаны, визжали флейты и дудки. Мужчины и женщины старались перещеголять друг друга в пронзительности криков. Стайка молоденьких девушек настаивала на том, чтобы выкупать Стэгга, а затем растереть полотенцем и надушить. Напиравшая толпа оттеснила Кальторпа.

Постепенно самочувствие Стэгга улучшилось. Массаж, произведенный ловкими девичьими пальцами, развеял уныние, и, когда солнце подошло к зениту, силы стали возвращаться к нему. К двум часам жизнь в нем била через край, и он уже хотел приступить к делу.

К его неудовольствию наступило время сиесты. Толпа рассеялась в поисках тени. Несколько особенно верных

почитателей остались возле Стэгга, но их сонный вид выдавал желание поваляться где-нибудь. Однако это им было запрещено, это были его стражи, надежные люди с копьями и ножами. В нескольких метрах поодаль дежурили несколько лучников. У них были странные стрелы, вместо широких острых стальных наконечников, завершающиеся длинными иглами. Без сомнения, кончики игл были смочены каким-то наркотиком, который бы на некоторое время парализовал Героя-Солнце, решись он сбежать.

Стэгг подумал о том, что выставлять стражу было глупо. Теперь, когда он чувствовал себя лучше, он уже нисколько не думал о бегстве. Наоборот, даже удивился, как это он мог помышлять о таком глупом поступке. Зачем ему бежать и почти наверняка быть убитым, если есть столько всего, ради чего стоит жить.

Он прогуливался по полю, стража следовала за ним на почтительном расстоянии. На лугу было разбито около сорока шатров, вокруг которых спало более ста пятидесяти человек. Но не они в этот момент интересовали Стэгга. Ему захотелось поговорить с девушкой в клетке.

Едва попав в Белый Дом, он сразу же заинтересовался, кто она и почему ее держат пленницей. На вопросы окружающие неизменно отвечали одно и то же, приводившее его в ярость: "Чему быть, того не миновать". Он вспомнил, что видел ее, когда неудержимо рвался к Виргинии — Верховной Жрице. Память напомнила ему о том стыде, который он испытал в какой-то момент вчера, но это воспоминание быстро прошло.

Клетка стояла на тележке с колесами в тени платана, олень, таскавший ее, пасся рядом. Стражники, которые могли бы подслушивать, были далеко.

Девушка сидела на встроенной в одном из углов клетки параше. Рядом Стоял крестьянин и спокойно курил сигарету, ожидая, когда она закончит. После того, как она встанет, он заменит выдвижной ящик под парашей и отнесет его в поле, чтобы удобрить почву.

На ней была кепка с длинным узким козырьком, серая рубашка и штаны до лодыжек, какие носили все девственницы. Она наклонила голову, но Стэгг знал, что не от стыда справлять нужду на людях. Он уже был достаточно знаком с простым, естественным, как у животных (с его

точки зрения), отношением этих людей к отжившим условностям. Они стыдились многого и многое запрещали, но не публичное опорожнение.

В одном из углов стояла метла, в противоположном — привинченный к полу шкафчик. Скорее всего в нем были туалетные принадлежности, так как на полке сбоку шкафчика лежали таз для мытья и полотенца.

Он вновь взглянул на надпись над клеткой, но, как и тогда, понял немногое.

— Здравствуй, — сказал он.

Девушка встрепенулась, как будто он нарушил ее дремоту, и подняла голову. У нее были большие темные глаза и правильные черты лица. И без того белая кожа побелела еще больше, когда она увидела его рядом с собой. Девушка отвернулась.

— Я сказал, здравствуй. Ты не умеешь говорить? Я тебе не сделаю ничего плохого.

— Не хочу разговаривать с тобой, ты — зверь, — ответила она дрожащим голосом. — Уйти прочь.

Он хотел подойти еще ближе, но сдержался.

Разумеется, девушка была свидетельницей прошлой ночи. Даже если она отвернулась и закрыла глаза, все равно должна была все слышать. Да и любопытство заставило бы открыть глаза, хотя бы чуть-чуть.

— В том, что произошло, моей вины нет, — продолжал он, — вот что всему причина, — он притронулся к рогам. — Они что-то творят со мной. Я сам не свой.

— Уйди прочь. Не желаю говорить с тобой. Ты языческий дьявол.

— Потому, что я не одет? Так я натяну юбку.

— Уйди прочь.

Один из стражей подошел к нему.

— Великий Стэгг, ты хочешь эту девушку? Она будет твоей потом, но не сейчас. Только в конце путешествия. Тогда Великая Седая Мать отдаст ее тебе.

— Я только хотел бы поговорить с ней.

Страж улыбнулся.

— Поджарить бы слегка ее милую задницу, и она б заговорила. Увы, нам не разрешено пытать ее, во всяком случае, пока.

Стэгг отвернулся от клетки.

— Ничего, как-нибудь заставлю ее говорить, потом. Сейчас мне захотелось холодного пива.

— Минуточку, сир.

Страж, ничуть не заботясь о том, что разбудит весь лагерь, пронзительно засвистел. Из ближайшего шатра выбежала девушка.

— Холодного пива, — крикнул страж.

Девушка юркнула в шатер и вернулась с подносом, на котором стоял запотевший медный кувшин.

Стэгг схватил кувшин, не поблагодарив девушку, приложил ко рту и уже пустой отшвырнул в сторону.

— Хорошо! — рыгнул он громко. — Но от пива раздувается живот. Водка холодная есть?

— Конечно, сир.

Она вынесла из шатра серебряный кувшин, полный кусочков льда. Вылив водку в кувшин со льдом, она протянула его Стэггу.

Он выпил пол-кувшина. Это обеспокоило стражников.

— Великий Олень, если будешь так продолжать, то нам придется нести тебя до Фэйр Грэйс.

— Герой-Солнце способен выпить за десятерых, — хвастливо сказала девушка, — и все равно сможет переспать с сотней девушек за одну ночь.

Стэгг зычно рассмеялся.

— Что, смертный, ты не знал этого? А зачем быть Великим Оленем, если нельзя делать всего, что в голову взбредет?

— Прости меня, сир, — пролепетал стражник. — Просто я знаю, как людям в Фэйр Грэйс не терпится приветствовать тебя. В прошлом году когда Герой-Солнце был из Львов, он выбрал другую дорогу из Вашингтона, и в Фэйр Грэйс не смогли принять участие в празднествах. Поэтому их очень опечалит, если Герой-Солнце будет не в форме.

— Не дури, — строго заметила девушка. — Разве можно так говорить с Героем-Солнце? Он может разозлиться и убить тебя. Такое случается, чтоб ты знал.

Стражник еще раз извинился и побрел к своим товарищам, стоявшим в стороне в ожидании.

— Я снова голоден, — удивленно отметил Стэгг, — дайте еще еды. Побольше мяса.

— Да, сир.

Стэгг начал рыскать по лагерю. Подойдя к седому тучному мужчине, храпевшему в гамаке, натянутом между двумя шестами, он перевернул гамак и опрокинул толстяка на землю. Затем с хохотом начал будить спящих громко крича прямо в ухо. Когда и это ему надоело, он поймал за ногу одну из девушек и принялся щекотать ее подошву. Она тряслась от смеха, плакала и умоляла отпустить ее. Молодой человек, ее возлюбленный, стоял рядом, но не шелохнулся, чтобы освободить ее. Кулаки его были стиснуты, но вмешиваться в действия Героя-Солнце считалось святотатством.

Увидав парня, Стэгг нахмурился, отпустил девушку и вскочил на ноги. К счастью, в этот момент девушка, посланная за едой, вернулась с подносом, на котором стояли два кувшина с пивом. Стэгг взял один кувшин и выпил его на голову парня. Обе девушки расхохотались и, казалось, это стало сигналом для всего лагеря. Все стали дико смеяться.

Девушка с подносом схватила другой кувшин и вылила на толстяка, вывалившегося из гамака. Холодная жидкость живо привела его в чувство, он вскочил и побежал в палатку. Выйдя из нее с бочонком пива, он немедля вылил на девушку все его содержимое.

По всему лагерю начали обливаться пивом. На лугу не осталось никого, с кого бы ручьями не текло пиво, вино или виски. исключением была только девушка в клетке. Даже Герой-Солнце был весь мокрый. В голову ему пришла новая мысль. Он начал опрокидывать шесты, поддерживающие палатки, и они накрывали тех, кто был внутри. Остальные последовали за ним, и скоро весь лагерь превратился в хаос копошащихся тел, пытающихся выбраться из-под материи, накрывшей их.

Стэгг схватил девушку, которая прислуживала ему, и девушку, которую щекотал.

— Вы обе, наверное, девицы. Иначе бы не были почти голыми. Как же это я прошел мимо вас прошлой ночью?

— Для первой ночи мы были недостаточно красивы.

— Судьи, видно, ослепли, — взревел, негодуя, Стэгг. — Вы две самые красивые и желанные девушки, которых я когда-либо видел.

— Спасибо тебе. Говоря честно, наша внешность не виновата в том, что нас не избрали невестами Героя-Солнце, сир. Мне страшно даже думать о том, что может случиться, если меня подслушают жрицы. Но правда в том, что если родители богаты и имеют связи, то такую девушку изберут невестой скорее, чем даже очень красивую.

— Тогда почему же вас приставили в мое окружение?

— Мы заняли второе место на конкурсах Мисс Америка, сир. Быть в вашем окружении тоже великая честь, хотя и не такая, как дебютировать в Вашингтоне. И мы надеемся, что сегодня ночью в Фэйр Грэйс...

Обе смотрели не него, широко открыв глаза, тяжело дыша от вожделения. Их губы и соски набухли ожиданием.

— Зачем же ждать ночи?

— Обычно не принято начинать до начала праздника, сир. К тому же большинство Героев-Солнце приходят в себя после предыдущей ночи только к вечеру...

Стэгг расхохотался.

— Я — Герой Солнце, какого у вас еще не было. Я подлинный Стэгг.

Он сгреб обеих девушек и на руках понес в шатер.

VI

Черчилль отпрянул назад и попытался пустить в ход ноги, чтобы выбить еще пару зубов. Но удар кирпичом не прошел даром, и он едва поднял ногу.

Увидев угрожающее движение Черчилля, беззубый отскочил назад. Но поняв его беспомощность, он решительно бросился вперед, целясь ножом в солнечное сплетение.

Раздался крик, и невысокий человек оттолкнул Черчилля, рукой преградив путь к лезвию. Острие прошло насквозь через ладонь.

Это был Сарвант, который прибег к столь неуклюжему, но действенному средству, чтобы спасти друга от смерти.

На мгновенье все оцепенели. Затем другой моряк толкнул Сарванта так сильно, что тот упал на спину вместе

с торчащим из руки ножом. Беззубый вырвал его из ладони и обернулся к первоначальной мишени. Прямо над ухом у него прозвучал пронзительный свист. Беззубый замер. Свистевший размахнулся длинной пастушьей палкой и огрел концом ее беззубого по шее.

Свистевший был одет в светло-голубое. Такими же были его совершенно невозмутимые глаза.

— Эти люди находятся под защитой самой Колумбии, — объяснил он. — Расходитесь сейчас же, если не хотите, чтобы вас через десять минут вздернули. И не думайте даже мстить людям после. Поняли?

Моряки не стали дожидаться развития событий и побежали.

— Я обязан вам жизнью, — поблагодарил Черчилль, все еще трясясь.

— Вы обязаны жизнью Великой Седой Матери. — ответил человек в голубом. — А ее пути и деяния неисповедимы. Я просто ее орудие. Еще четыре недели вы будете под ее покровительством. Будем надеяться, вы докажете, что достойны ее внимания.

Он взглянул на кровоточащую руку Сарванта.

— Думаю, вы обязаны жизнью и этому человеку. И хотя он тоже простое орудие Колумбии, он хорошо послужил ей. Идемте со мной. Мы исцелим руку.

Они последовали за человеком в голубом. Черчилль поддерживал стонущего от боли Сарванта.

— Вот этот парень шел за нами, — объяснил Черчилль. — К счастью для нас. И спасибо за то, что вы сделали, Сарвант.

Лицо Сарванта засветилось удовольствием.

— Я был счастлив сделать это для вас, Руд. И я бы сделал еще раз, даже зная наперед, что мне будет плохо. Сознание содеянного делает меня счастливым.

Черчилль не знал, что ответить на это, поэтому промолчал.

Они молча вышли из района гавани и подошли к храму, расположенному в глубине улицы. Проводник завел их в прохладное внутреннее помещение. Он что-то сказал жрице в длинном белом платье, которая повела Сарванта дальше в храм, а Черчилля попросила подождать, пока они не вернутся назад.

Он не возражал, так как был уверен, что у них не было дурных намерений, во всяком случае сейчас.

Почти час расхаживал он взад и вперед около больших песочных часов, стоявших на столе. В комнате было тихо, прохладно и полутемно.

Когда он переворачивал часы, появился Сарвант.

— Как рука?

Сарвант протянул ее к свету. На ней не было повязки. Отверстие было заклеено, и прозрачная пленка из какого-то вещества покрывала рану.

— Мне сказали, что я могу пользоваться ею для тяжелой работы даже сейчас, — восхищался Сарвант. — Руд, может быть эти люди и отсталые во многих отношениях, но что касается биологии, они не уступят никому. Жрица сказала, что эта тонкая пленка-псевдоплоть, которая будет расти и полностью затянет рану, будто ее и не было. Они сделали мне переливание крови, затем дали поесть, что, кажется, сразу придало мне силы. Но не даром, — закончил он, сделав гримасу, — они сказали, что пришлют мне счет.

— У меня такое впечатление, что эта культура не терпит лодырей и тунеядцев, — заметил Черчилль. — Нам нужно подыскать какую-нибудь работу и побыстрее.

Они покинули храм и на этот раз без происшествий вышли к берегу реки Потомак.

Гавань простиралась вдоль берега на добрых два километра. Некоторые суда были пришвартованы к причалам, многие стояли на якоре посреди реки.

— Перед нами панорама порта начала девятнадцатого века, — констатировал Черчилль. — Парусники любых типов и размеров.

Уверен, пароходов мы здесь не увидим, хотя неразумно полагать, что эти люди не умеют их строить.

— Запасы угля и нефти истощились задолго до того, как мы покинули землю, — заметил Сарвант. — Они могли бы жечь дрова, но у меня сложилось впечатление, что, хотя деревья здесь нередки, их не рубят без надобности. Очевидно, они утаивают это знание.

— Сила ветра пусть и не обеспечивает большой скорости, — добавил Черчилль, — но его всегда в избытке и он доставит куда нужно вовремя. Смотрите, какой красивый корабль идет сюда!

Жестом он указал на одномачтовую яхту с белым корпусом и красными парусами. Она разворачивалась, чтобы пристать как раз к тому причалу, где они стояли.

Черчилль, таща за собой Сарванта, сбежал по длинной лестнице к берегу. Он любил поговорить с моряками, а люди на этой яхте очень напоминали тех, с кем он плавал во время летних каникул.

За рулем стоял седой плотный мужчина лет пятидесяти пяти. Двое других, по-видимому, были его сын и дочь. Сын был высоким, хорошо сложенным, статным блондином лет двадцати, дочь — невысокой, с хорошо развитой грудью и тонкой талией, длинноногая, с необычайно красивым лицом и длинными светлыми волосами. Ей могло быть от шестнадцати до восемнадцати лет. На ней были свободные шаровары и короткая синяя куртка.

Она вышла на ют и, видя, что двое мужчин стоят на пирсе, обратилась к ним, сверкнув белыми зубами:

— Держи конец, моряк!

Черчилль подхватил конец и подтянул яхту к пристани. Девушка перегнулась через борт и улыбнулась:

— Спасибо, моряк!

Юноша-блондин пошарил в кармане юбки и бросил Черчиллю монету.

— За твой труд, милейший.

Черчилль перевернул монету. Колумб. Раз эти люди дают столь щедрые чаевые за такую ничтожную услугу, с ними, должно быть, стоит познакомиться.

Он легко перекинул щелчком монету в сторону юноши. Тот, хотя и удивился, ловко поймал ее одной рукой.

— Спасибо, но я не слуга, — пояснил Черчилль.

Глаза девушки стали шире, и Черчилль увидел, что они темно-синие.

— Мы не хотели вас обидеть, — произнесла она низким голосом.

— А я и не обиделся. — По вашему акценту можно судить, что вы не из Ди-Си, — сказала она. — Вас не обидит , если я спрошу откуда вы родом?

— Я родился в Манитовеке, городе который больше не существует. Имя мое — Рудольф Черчилль, а товарища моего — Нефи Сарвант. Он из Мезь, в Аризоне. Нам по

восемьсот лет, и мы на удивление хорошо сохранились для своего возраста.

У девушке перехватило дыхание.

— О, вы братья Героя-Солнце!

— Да, сотоварищи капитана Стэгта.

Черчиллю понравилось то, что он произвел такое сильное впечатление.

Отец протянул ему руку, и по этому жесту Черчилль понял, что он и Сарвант приняты как равные, во всяком случае, в данный момент.

— Я — Рес-Витроу. Это — мой сын Боб, а это — моя дочь Робин.

— У вас красивая яхта, — похвалил Черчилль, зная, что это лучший способ завязать непринужденный разговор.

Рес Витроу сразу же стал объяснять достоинства своего судна, его дети с воодушевлением дополняли его. Как только в разговоре бывалых яхтсменов наступила короткая пауза, Робин, едва дыша, сказала:

— Вы, должно быть, многое увидели — множество удивительных вещей, если это правда, что летали к звездам? Я бы так хотела послушать об этом.

— И я, — присоединился у ней Витроу, — также полон желания. Почему бы вам обоим не зайти вечером ко мне в гости? Конечно, если сегодняшний вечер у вас не занят.

— Мы польщены, — с достоинством ответил Черчилль. — Но, боюсь, мы не одеты надлежащим образом.

— Об этом не беспокойтесь, — сердечно возразил Витроу. — Я позабочусь, чтобы вас одели, как подобает братьям Героя-Солнце.

— А вы можете сказать, что с ним?

— Вы не знаете? Охотно допускаю это. Мы сможем поговорить об этом вечером. Очевидно, есть многое такое, чего вы не знаете о Земле, на которой не были столь невероятно долго. Это правда? Восемьсот лет! Да хранит вас Колумбия!

Робин сняла куртку и стояла обнаженная по пояс. У нее была замечательная грудь, но, казалось, она сама не осознавала этого, так же как и других своих прелестей. Вернее, она знала, что у нее есть на что посмотреть, но не позволяла этому знанию препятствовать грации движений либо побуждать к кокетству.

Сарвант был настолько потрясен, что не позволял себе смотреть на нее долго. Черчиллю это казалось странным. Нефи, хотя и порицал одежду и манеры девушек Ди-Си, казалось, нисколько не смущался при виде их, когда они шли по улицам. Пожалуй, из-за того, что на других девушек он смотрел отстраненно, безразлично, как на диких туземцев чуждой земли. Здесь же знакомство подразумевало возникновение другого отношения.

По ступеням они взобрались наверх, где уже ждал экипаж, запряженный парой крупных темнокоричневых оленей. На небольшой площадке позади возка стояли двое вооруженных парней. Робин не задумываясь расположилась рядом с Черчиллем, и притом очень близко к нему. Грудь ее почти лежала на его руке, и он чувствовал, как исходящее от девушки тепло поднимается к лицу. Ему даже стало немного не по себе от того, что он не в состоянии скрыть, насколько сильно она его волнует.

Олени быстро бежали по улице, возница не считал нужным обращать внимание на пешеходов, которые, по его убеждению, должны были сами вовремя убираться с дороги. Через пятнадцать минут они оказались в районе проживания знати и богачей, промчались по длинной мощеной алее и остановились у большого светлого дома.

Черчилль спрыгнул и подал руку Робин. Она, улыбнувшись, поблагодарила его. Внимание его привлек громадный тотемный столб во дворе. На нем скалились стилизованные головы нескольких животных, но чаще всего попадались кошачьи.

Витроу догадался, что интересует Черчилля.

— Я из Львов. Моя жена и дочери принадлежат к Речным Кошкам.

— Мне известно, что тотем является могучей частью вашего общества. Но мне чужда сама идея.

— Я заметил, что у вас нет ничего, что свидетельствовало бы о принадлежности к какому-либо из братств, — отозвался Витроу. — Я мог бы посодействовать вам присоединиться к одному из них. Это совершенно необходимо. По сути, насколько мне известно, вы — первые, кто сам по себе.

Беседу прервали пятеро ребятишек, выскочивших из главного входа и с нежностью набросившихся на своего

отца. Витроу поочередно представил гостям этих голых мальчишек и девчонок, а затем, когда подошли к крыльцу, познакомил со своей женой, полной женщиной средних лет, некогда, вероятно, очень красивой.

Пройдя небольшие сени, они вошли в просторное помещение, вытянувшееся во всю длину дома, и служившее одновременно столовой, гостиной и комнатой для отдыха.

Здесь Витроу поручил Бобу позаботиться о том, чтобы обоим гостям дали возможность вымыться. Приняв душ, они получили весьма пристойную одежду, которую, по настоянию Боба, могли оставить себе.

Вернувшись из ванной в гостиную, они встретили Робин с двумя бокалами вина.

— Я понимаю, это противоречит вашим принципам, — прошептал Черчилль, пытаясь упредить отказ Сарванта, — но если вы отвергнете угощение, то обидете хозяев. Хотя бы пригубите для вида.

— Стоит уступить в малом, потом не устоишь и в большом.

— Да не упрямьтесь, как осел, — сердито зашептал Черчилль. — Вы ведь не станете пьяным от одной рюмки.

— Я притронусь к бокалу губами, — пообещал Сарвант. — И все. На большее не рассчитывайте.

Черчилль рассердился, но не настолько, чтобы не оценить по достоинству изысканный букет вина. К тому времени, когда показалось донышко бокала, их пригласили к столу. Витроу предложил гостям почетное место по правую от хозяина руку, Черчилля усадил рядом с собой.

Робин оказалась, к удовлетворению Черчилля, прямо напротив него. Даже просто смотреть на нее — и то доставляло радость.

Жена Витроу, Анжела, сидела на другом конце стола. Хозяин произнес молитву, нарезал мясо и стал передавать его гостям и домочадцам. Дети, хотя и перешептывались и хихикали, следили за тем, чтобы не рассердить отца. Даже два десятка котов, разгуливавших по комнате, вели себя вполне пристойно.

Стол ломился от яств: жареная оленина и баранина, цыплята и индейка, ветчина, тушеные кузнечики и муравьи. Слуги непрерывно подливали в бокалы вино и пиво.

— Мне очень хочется послушать о вашем путешествии к звездам, — громко возвестил Витроу. — Но об этом

потом, за столом я лучше расскажу о себе, о своей семье, чтобы вы лучше узнали, кто мы, и чувствовали себя посвободнее.

Витроу набрал полный рот пищи, но продолжал говорить. одновременно пережевывая еду. Родился он на небольшой ферме на юге Виргинии, неподалеку от Норфолка. Отец его был человеком уважаемым, поскольку выращивал свиней, а свиноводство, как это всем известно, кроме, пожалуй, звездолетчиков, весьма почетное занятие в Ди-Си.

Однако Витроу не был в ладах со свиньями. Ему нравились корабли, поэтому, по окончании начальной школы, он бросил ферму и ушел в Норфолк. Начальная школа, по-видимому, соответствовала семилетке во времена Черчилля. Из слов Витроу можно было понять, что учение не было обязательным и влетело отцу во внушительную сумму. Большинство людей оставалось неграмотными.

Витроу нанялся юнгой на рыбацкое судно. Через несколько лет, накопив достаточно денег, он поступил в навигационное училище в Норфолке. Из историй, касавшихся пребывания Витроу в этом училище, Черчилль понял, что компас и секстант все еще употреблялись моряками.

Витроу, хотя и стал моряком, не был посвящен ни в одно из матросских братств. С самой ранней юности он строил далеко идущие планы. Ему было известно, что наиболее могущественным из всех братств в Вашингтоне были Львы. Очень нелегко было вступить в это братство сравнительно небогатому юноше, но тут ему улыбнулось счастье.

— Сама Колумбия взяла меня под свое крыло, — произнес он, и трижды ударил кулаком по столу. — Я не хвастаюсь, Колумбия, просто хочу, чтобы люди знали о твоей доброте!

Да, я был простым матросом, хотя и закончил Математический колледж в Норфолке. Чтобы получить должность младшего офицера, мне нужен был состоятельный поручитель. И я нашел покровителя! Это случилось, когда я на купеческой бригантине шел в Майами, во Флориде. Жители Флориды незадолго до этого проиграли крупное

морское сражение и вынуждены были просить мира. Мы оказались первым за десять лет кораблем с грузом из Ди-Си и поэтому рассчитывали, что рейс будет прибыльным. Жителям Флориды должны были понравиться наши товары, даже если не понравятся наши лица. В пути, однако, на нас напали карельские пираты.

Черчилль было подумал, что карелами зовут сейчас жителей Каролины, но некоторые подробности, упомянутые Витроу, наводили на мысль о том, что они родом из-за океана. Но если это так, то Америка вовсе не настолько изолирована, как он полагал.

Суда карелов протаранили бригантину, и пираты пошли на абордаж. Последовала жесткая схватка. Витроу спас одного состоятельного пассажира, которому грозило быть рассеченным надвое широким карельским мечом. С большим трудом и потерями нападение было отбито. В сражении пали все офицеры, и командование судном принял Витроу. Вместо того, чтобы вернуться, он привел судно в Майами и продал груз с большой выгодой.

С этого-то и началось его быстрое возвышение. Ему доверили судно. Как капитан, он получил большие возможности увеличивать собственное состояние. Кроме того, человек, жизнь которого он спас, хорошо разбирался в том, что происходит в деловых кругах Вашингтона и Манхеттена, и направлял финансовую деятельность Витроу.

— Я часто бывал у него в гостях, — произнес Витроу, разделываясь с очередным, десятым по счету, бокалом вина. — Вот там я и познакомился с Анжелой. После того, как мы поженились, я стал компаньоном ее отца. И вот теперь, можете убедиться сами, я — владелец пятнадцати крупных торговых судов, множества ферм, и гордый отец этих крепких и красивых детей, да продлит Колумбия наше процветание!

— Выпьем за это! — воскликнул Черчилль и выпил тоже десятую по счету чарку. В начале обеда он пытался пить в меру, чтобы сохранить четкость восприятия. Однако Витроу настоял на том, чтобы гости пили, не отставая от него, Сарвант отказался. Витроу промолчал и больше уже к нему сам не обращался, только отвечал на те вопросы, которые ему задавал Сарвант непосредственно.

За столом стало очень шумно. Дети тоже пили вино и пиво, даже самый младший шестилетний сын. Теперь они уже не хихикали потихоньку, а хохотали вовсю, особенно, когда Витроу отпускал шутки, от которых пришел бы в восторг Рабле. Слуги, стоявшие за креслами хозяев, тоже хохотали до слез и держались за бока.

У этих людей казалось, не было никаких сдерживающих начал. Они громко чавкали и разговаривали с набитыми пищей ртами. Когда отец громко рыгнул, дети попытались превзойти его.

Поначалу внешний вид Робин, расправлявшейся с едой как заправская хавронья, вызывал чувство отвращения у Черчилля. Ему еще более явной стала видна пропасть между ними, пропасть, гораздо большая, чем просто разница в возрасте. Но после пятой выпитой чарки он вдруг потерял отвращение к ее застольным манерам. И убедил себя, что отношение этих людей к еде более непосредственное и здоровое, чем в его эпоху. Кроме того, застольные манеры сами по себе по своей внутренней сущности, не могли характеризоваться такими категориями, как хорошие или плохие. Обычаи страны определяли, что допустимо, а что — нет.

Сарвант, казалось, был другого мнения. Он становился все более замкнутым и к концу обеда не поднимал глаз от тарелки.

Витроу же совсем разбушевался. Когда жена проходила мимо него, чтобы распорядиться по кухне, он сильно, но с любовью похлопал ее по широкому заду, рассмеялся и сказал, что вспомнил ту ночь, когда была зачата Робин, а затем пустился расписывать подробности той ночи.

Прямо посреди рассказа Сарвант поднялся и вышел из дома. После его ухода за столом воцарилась тишина.

— Ваш друг заболел? — спросил, наконец, Витроу.

— Некоторым образом, — ответил Черчилль. — Он вырос в стране, где сексуальные разговоры считаются непристойными, табу.

Витроу удивился.

— Однако... как же такое могло произойти? Что за странный обычай?

— Я полагаю, что и у вас есть свои запретные темы, и они могут показаться столь же странными ему. Извините

меня, я должен пойти и выяснить, что он затевает. Я скоро вернусь.

— Передайте ему, чтобы он тоже вернулся. Мне хочется еще разок взглянуть на человека со столь извращенным мышлением.

Выйдя из дома, Черчилль увидел, что Сарвант попал в довольно своеобразное положением. Он забрался почти на половину высоты тотемного столба и тесно к нему прижался, чтобы не упасть. Увидев эту освещенную луной сцену, Черчилль стремглав бросился назад, в дом.

— Во дворце львица! Она загнала Сарванта на столб!

— Это Алиса, — пояснил Витроу. — Пума, которую мы отпускаем после захода солнца отпугивать бродяг. Я сейчас попрошу Робин унять ее. Она и ее мать умеют управляться с крупными кошками намного лучше меня. Робин, отведи Алису в клетку!

— А может ее лучше взять с собой? — спросила Робин. — Ты не возражаешь, если мистер Черчилль проведет меня на концерт? С тобой он успеет поговорить позже. Я уверена, он не откажется от предложения погостить у нас некоторое время.

Казалось, что-то промелькнуло между отцом и дочерью. Витроу понимающе улыбнулся и кивнул.

— Разумеется. Мистер Черчилль, не угодно ли вам быть моим гостем? Можете оставаться у нас столько, сколько вам заблагорассудится.

— Для меня это большая честь, — согласился Черчилль. — А Сарванта касается это приглашение?

— Если он пожелает. Только не уверен, что ему будет легко у нас.

Черчилль открыл дверь и пропустил Робин. Она вышла наружу и, не колеблясь, взяла пуму за ошейник.

— Спускайтесь, Сарвант, — позвал Черчилль. — Еще не пришло время бросать христиан ко львам на растерзание.

Сарвант неохотно спустился со столба.

— Мне, разумеется, следовало не трогаться с места. Но все произошло так неожиданно. Я меньше всего ожидал этого.

— Вас никто не осуждает за то, что вы спасались, как могли, приободрил его Черчилль. — Я бы поступил точно так же. Горного Льва нельзя не уважать.

— Подождите немного, — произнесла Робин. — Я должна пойти за поводком для Алисы.

Она погладила голову львицы и пощекотала, хотя издаваемые ею звуки напоминали, скорее, шум отдаленной грозы. Затем, по команде хозяйки, она последовала за нею в дом.

— Все в порядке, Сарвант, — сказал Черчилль. — Почему вы улизнули из-за стола? Неужели вам непонятно, что этим вы могли нанести смертельную обиду нашим хозяевам? К счастью, Витроу на меня не сердится. А вот из-за вас этот лучший взор Фортуны за все время нашего пребывания в Ди-Си мог от нас отвернуться.

Сарвант сердито посмотрел на Черчилля.

— Неужели вы хоть на миг допускаете, что я должен был спокойно переносить описания совокупления с женой?

— Полагаю, что в данное время и в данной стране в этом нет ничего предосудительного, — спокойно заметил Черчилль. — Эти люди, ну, как это сказать, люди вполне земные. Им по нраву хорошая возня в постели, им нравится рассказывать об этом.

— Боже праведный, да ведь вы их защищаете!

— Сарвант, что-то я вас никак не пойму. Вы сотни раз сталкивались с обычаями гораздо более отталкивающими, совершенно омерзительными, когда мы были на Виксе. Но я никогда не замечал, чтобы вы отворачивались.

— То было совсем иное. Виксиане не были людьми.

— Они были гуманоидами. Нет, Сарвант, нельзя осуждать этих людей, исходя их наших этических норм.

— Вы хотите сказать, что получили удовольствие от анекдотов об его постельных радостях?

— Мне, разумеется, было не совсем по себе, когда он рассказывал о зачатии Робин. Но, полагаю, только из-за того, что сама Робин присутствовала при этом. Однако это нисколько ее не смущало — она смеялась вместе со всеми.

— Эти люди — выродки! Нет кары на их головы!

— А мне всегда казалось, что вы противник всякого насилия.

— Да? — Сарвант запнулся в недоумении. Затем произнес тихо: — Вы правы. Я поддался ненависти, хотя мне следовало бы возлюбить. Но ведь я только человек. И тем не менее, даже такой язычник, как вы, абсолютно прав, упрекая меня в том, что я заговорил о каре.

— Витроу предложил вам вернуться.

Сарвант покачал головой.

— У меня не хватит духа на это. Один бог знает, что может случиться, если я проведу там хотя бы одну ночь. Я бы не удивился даже, если бы он предложил мне свою жену.

Черчилль рассмеялся.

— Я так не думаю. Ведь Витроу не эскимос. Вы, что, думаете, если эти люди развязны в разговоре, так у них нет определенного кодекса сексуального поведения? Да он у них может быть даже более строгим, чем во времена королевы Виктории. Что вы намерены делать дальше?

— Я хочу подыскать какую-нибудь гостиницу и заночевать в ней. А вы?

— Робин, похоже, собирается взять меня в город. Ночевать буду здесь. От такой возможности не хочется отказываться. Такой человек, как Витроу, мог бы нам помочь занять приличное положением в Ди-Си. Во многих отношениях Вашингтон мало изменился — здесь во все времена неплохо иметь хорошую "руку".

Сарвант поднял руку в знак прощания. Лицо его было серьезным.

— Да поможет вам Бог, — прошептал он и шагнул в темноту улицы.

Из-за угла показалась Робин, держа в одной руке поводок, а в другой — большую кожаную сумку. Было ясно, что она была занята не только подготовкой львицы. И хотя единственным источником света была луна, от Черчилля не ускользнуло, что девушка переоделась и наложила свежую косметику, а также сменила сандалии на туфли с высокими каблуками.

— А куда делся ваш друг?

— Ушел куда-то, где можно переночевать.

— Вот и хорошо! Мне он не понравился. И я опасалась показаться грубой, не пригласив его с нами.

— Не представляю себе, что вы можете быть грубой. Не стоит из-за него расстраиваться. По-моему, ему нравится страдать. Так куда мы идем?

— Что-то меня уже не тянет на концерт, не люблю долго сидеть на одном месте. можно пойти в парк, там много всяких развлечений. А в ваше время как было?

— Было по-всякому. Интересно, как изменились за эти годы развлечения? Но вообще-то, мне все равно куда идти. Лишь бы с вами.

— Мне показалось, что я вам понравилась, — улыбнулась Робин.

— А какому мужчине вы бы не понравились? Но, как ни странно, мне кажется, что и я вам по душе. Ведь во мне нет ничего особенного, просто рыжий борец с лицом ребенка.

— А я люблю детей, — ответила Робин. — Почему это вы удивились? Да у вас, наверное, была добрая сотня девушек, с которыми вы спали.

Черчилль заморгал от неожиданности. Зря Сарвант посчитал, что он уже привык к острым манерам жителей Ди-Си.

У него хватило ума обойтись без хвастовства.

— Могу поклясться, что вы — первая женщина, к которой я притронулся за восемьсот лет.

— Великая Колумбия, как же это вас не разорвало от переполнения! — весело воскликнула Робин.

Черчилль покраснел и был рад, что в темноте этого не видно.

— Есть идея, — предложила Робин. — Почему бы нам не покататься сегодня вечером на яхте? Сейчас полнолуние, и Потомак очень красив. Да и жара на реке не такая. Скоро вечерний бриз.

— Отлично, но придется долго ждать.

— Храни вас Виргиния! Вы думаете, мы пойдем пешком? А коляска для чего?

Она вынула из кармана юбки свисток и тихо свистнула. Тотчас же послышалось цоканье копыт и треск гравия под колесами. Черчилль помог ей взобраться в экипаж. За ними туда же прыгнула пума и легла на полу у их ног. Возница прикрикнул на оленей, и коляска покатилась по залитой лунным светом улице. За возком, так же, как и днем, стояли двое вооруженных слуг. Черчилля заинтересовала причина, по которой Робин взяла с собой Алису, но он тут же понял, что ее присутствие значительно усилит охрану — в схватке она стоила пятерых.

В гавани Робин велела слугам ждать их возвращения, и вся троица, включая Алису, спустилась к воде.

— Слугам не наскучит нас ждать? — спросил Черчилль, когда они подошли к яхте.

— Не думаю. У них есть бутылка белой молнии и кости.

Алиса первая прыгнула на палубу и улеглась в маленькой каюте, надеясь, что туда не попадет вода. Черчилль отвязал яхту, оттолкнул ее от причала и сам прыгнул на борт.

Прогулка удалась на славу. Полная луна светила им более, чем достаточно, бриз дул ровно, яхта прекрасно шла даже против ветра. Отсюда, с речки, город казался черным чудовищем с тысячей мерцающих глаз — факелов прохожих. Держа в руке руль, Черчилль рассказывал сидевшей рядом с ним Робин о том, как выглядел Вашингтон в его время.

— Башни здесь громоздились одна на другую, к тому же они соединялись между собой множеством мостов по воздуху и туннелями — под землей. Башни возвышались на добрую милю вверх и на милю вгрызались в землю своими подземными этажами. В этом городе ночи не было, такими яркими были огни.

— А теперь это все исчезло, рассыпалось в прах и покрылось грязью, — вздохнула Робин. Она поежилась, как будто ей стало холодно от мысли, что теперь уже нет всего этого великолепия бетона, стали и миллионов людей. Черчилль обнял ее и, не видя сопротивления, поцеловал.

Сейчас самое время, подумал он, свернуть паруса, бросить якорь. Ему не терпелось выяснить, не будет ли ему помехой львица, но он полагался на то, что Робин знает, как она ведет себя в подобных обстоятельствах. Наверно, им лучше бы спуститься в каюту, хотя он предпочел бы оставаться на палубе, а в каюте запереть львицу.

Но вышло все совсем иначе. Когда он без обиняков заявил Робин о том, что хочет сбросить паруса, она ответила, что этого делать не нужно. Во всяком случае. не сейчас.

Робин говорила очень нежно и все время ему улыбалась. Она даже просила у него прощения.

— Ты не представляешь, Руд, что ты для меня значишь. Мне кажется, что я в тебя влюбилась. Но я еще не вполне уверена — люблю ли я тебя, или люблю брата

Героя-Солнце. Для меня ты больше, чем простой мужчина. Во многих отношениях ты как полубог. Ты родился восемьсот лет назад и был в таких далеких местах, что от одной мысли об этом дух захватывает. Мне кажется, что даже днем вокруг тебя сияет ореол. Но я — девушка порядочная. Я не могу себе этого позволить — Колумбия знает, что хочу — даже с тобой. Пока не буду знать точно... Я понимаю твои чувства сейчас. Почему бы тебе завтра не зайти в храм Готью?

Черчилль не понимал, о чем это она говорит. Единственное, что его волновало — не обидел ли он ее чем-то так, что она больше не захочет его видеть. Его к ней тянуло не только вожделение. В этом он был совершенно уверен. Он полюбил эту красивую девушку. И желал бы только ее, будь у него даже дюжина женщин.

— Давай вернемся, — предложила Робин. — Боюсь, у тебя испортилось настроение. Я сама виновата. Не надо было с тобой целоваться. Но мне так хотелось.

— Значит, ты на меня не сердишься? Что ж, я снова счастлив.

Когда они подошли к лестнице, ведущей с причала наверх, он остановил ее.

— Робин, а сколько пройдет времени, когда у тебя появится уверенность?

— Завтра я собираюсь в храм. Смогу сказать, когда вернусь.

— Ты хочешь попросить совета? Или что-то вроде этого?

— Я буду молиться. Но это не главное, ради чего я собираюсь посетить храм. Я хочу, чтобы жрица меня проверила.

— И после этой проверки ты узнаешь, хочешь или не хочешь выходить за меня замуж?

— Да нет же. Прежде, чем решиться выйти замуж, я должна гораздо лучше узнать тебя. Нет, я хочу пройти проверку, чтобы узнать — можно мне или нет ложиться с тобой в постель.

— Что же это за проверка?

— Если ты не знаешь этого, то тебе и беспокоиться незачем. А мне станет известно завтра...

— Что известно?

— А то, что можно будет перестать себя вести так, будто я еще девственница.

Лицо ее зарделось в экстазе.

— Я узнаю, ношу ли я под сердцем дитя Героя-Солнце!

VII

Утром того дня, когда Стэгг должен был возглавить шествие в направлении Балтимора, пошел мелкий дождик. Стэгг и Кальторп отсиживались под широким навесом и для согревания прихлебывали теплую белую молнию. Стэгг был недвижим, как статуя, пока ему, как обычно по утрам, подкрашивали половые органы и ягодицы, поскольку за ночь краска стиралась. Он молчал и не обращал внимания на смешки и комплименты трех девушек, вся работа которых заключалась в ежедневном наведении лоска на Герое-Солнце. Кальторп, обычно много говоривший для поднятия духа Питера, был также угрюм.

Первым нарушил молчание Стэгг.

— Ты знаешь, Док, прошло уже десять дней, как мы покинули Фэйр Грэйс. Десять дней и десять городов. Пора нам разрабатывать план побега. По сути, если мы все еще остаемся теми же людьми, что были прежде, то нам давно уже надо было бежать в леса, подальше отсюда. Но думать об этом я в состоянии только утром, а по утрам я настолько разбит и опустошен, что ничего стоящего не могу придумать. К полудню же ничего не стою. Я себе нравлюсь таким, какой я есть!

— А я неважный тебе помощник, не так ли? — отозвался Кальторп. — Я напиваюсь вместе с тобой и утром настолько сдаю, что могу только разве гладить собаку, которая меня кусает.

— Ну, а что получается из-за этого? Ты понимаешь, ведь мне до сих пор ничего неизвестно о том, куда меня ведут, и что со мною будет в конце пути. Я даже не знаю по-настоящему, кто же такой Герой-Солнце!

— В основном, тут я виноват, — тяжело вздыхая, произнес Кальторп и пригубил водку. — Мне никак не удается собраться с духом.

Стэгг посмотрел на одного из своих стражников, стоявшего у входа в ближайшую палатку.

— Хочешь, я припугну его, что сверну ему шею? Может быть, он тогда расскажет все, что мне необходимо знать.

— Попробуй.

Стэгг поднялся.

— Подай мне плащ, пожалуйста. Не думаю, что они станут возражать, если я буду в плаще, пока идет дождь.

Говоря так, он имел ввиду случившийся вчера инцидент, когда он натянул юбку и намеревался поговорить с девушкой в клетке. Прислужницы были потрясены этим и позвали стражу, которая окружила Стэгга и, прежде чем он успел выяснить, что же их так возмутило, один из стражников сорвал с него юбку и убежал с нею в лес.

В тот день он уже больше не показывался на глаза. Но урок Герою-Солнце был преподан. Ему все это время полагалось демонстрировать своим почитателям все великолепие своей наготы.

Теперь Питер завернулся в плащ и побрел босиком по мокрой траве. Стражники вышли из своих палаток и последовали за ним, не отваживаясь подойти ближе.

Он остановился перед клеткой. Девушка подняла на него глаза, затем отвернулась.

— Можешь, не стыдясь, смотреть на меня, — горько произнес Стэгг. — Я одет.

Ответа не было Тогда он взмолился:

— Поговори со мною, ради бога! Я такой же пленник, как и ты! И клетка у меня ничуть не лучше!

Девушка обхватила руками прутья и прижалась к ним лицом.

— Ты сказал "Ради бога"?! Что это значит? Что ты тоже из Кэйсиленда? Не может этого быть. Ты говоришь совсем не так, как мои соплеменники. Правда, ты не говоришь и на Ди-Си. Не так, во всяком случае, как остальные. Скажи мне, ты — почитатель Колумбии?

— Помолчи немного, я все тебе объясню. Главное, что ты, слава богу, заговорила со мною.

— Ты опять помянул имя божье. Значит, ты не почитаешь эту гнусную суку-богиню. Но если это так, то почему ты Рогатый Король?

— Я надеюсь ты кое-что мне разъяснишь. Если не сможешь, то хотя бы расскажи о других вещах, интересующих меня. — Он протянул ей бутылку. — Может быть, выпьешь?

— Мне бы хотелось, но я не имею права брать из рук врага. И у меня нет уверенности, что ты не враг.

Стэгг понимал ее с большим трудом. То, что она употребляла достаточно много слов, похожих на слова языка Ди-Си, давало ему возможность ухватить основную мысль сказанного. Но произношение, особенно гласных, не такие, как в языке Ди-Си.

— Ты разговариваешь на Ди-Си? — спросил он. — Мне трудно разбирать язык твоего Кэйсиленда.

— Я неплохо владею Ди-Си, — ответила девушка. — А какой твой родной язык?

— Язык американца двадцать первого века.

У нее перехватило дыхание, большие глаза сильнее округлились.

— А как это может быть?

— Я родился в двадцать первом веке, 30 января 2030 года нашей эры. Это должно составлять...

— Не стоит утруждаться, — ответила девушка на его родном языке. — Это будет... гм... Так, первый год — это 2100. Значит, ты родился в 70 году до Опустошения, по стилю. принятому в Ди-Си. Мы у себя в Кэйсиленде пользуемся старым стилем. Только не все ли равно по какому стилю.

Питер наконец перестал на нее пялиться и произнес:

— Ты говоришь на английском языке, очень близком к языку 21 века!

— Да. Обычно только жрецы могут, но мой отец — человек состоятельный. Он направил меня в Бостонский Университет, и я там изучала церковно-американский.

— Ты хочешь сказать, что его употребляют при богослужениях?

— Да. Латынь пропала во время Опустошения.

— Мне кажется, нам надо выпить, — предложил Стэгг. — Ты первая.

Девушка улыбнулась и ответила:

— Мне многое не понятно из того, что ты сказал, но я все равно выпью.

Он просунул бутылку между прутьями.

— До сих пор я знаю только твое имя. — Мэри из Маленького Рая Кэйси. Но это все, что мне удалось вытянуть из моих стражников.

Мэри возвратила бутылку.

— Вот замечательно! А то у меня давно уже пересохло горло. Ты сказал, стражники? Разве тебе нужна стража? Я была уверена в том, что все Герои-Солнце — добровольцы.

Стэгг пустился в длительный рассказ о себе. Однако вдаваться во все подробности у него не было времени, хотя по выражению лица Мэри можно было заключить, что она понимала не более половины из рассказанного. И время от времени ему приходилось переходить на Ди-Си, так как было очевидно, что хотя Мэри и изучала церковно-американский, владеть им свободно она не могла.

— Теперь ты видишь, — закончил он, — что я — жертва этих рогов. Я не отвечаю за то, что творю. — Мэри покраснела.

— Я не хочу говорить об этом. От этого меня тошнит до глубины души.

— Меня тоже, — признался Стэгг. — По утрам, то есть. А вот позже... — А ты можешь убежать?

— Могу. Но прибегу назад еще быстрее.

— Ох, эти гнусные Ди-Си! Должно быть они заколдовали тебя. Только дьявол в твоих чреслах мог бы так повелевать тобою! Если бы только мы убежали отсюда в Кэйсиленд, тамошние жрецы могли бы изгнать дьявола.

Стэгг оглянулся вокруг.

— Лагерь начинает сворачиваться. Через минуту мы двинемся. До Балтимора! Слушай! Я рассказал о себе все. Но я не знаю ничего о тебе. Откуда ты, как попала в плен? И есть вещи, которые ты бы могла мне объяснить. Что означает этот Герой-Солнце, и тому подобное.

— Мне непонятно, почему Каль...

Она прикрыла рот рукой.

— Каль...! Ты имеешь ввиду Кальторпа! Он-то здесь причем? Уж не хочешь ли ты сказать, что беседовала с ним об этом? Он мне говорил, что ему ничего не известно!

— Я ему рассказала и считала, что он тебе передаст.

— Он ничего мне не сказал! Фактически, он убеждал меня в том, что ему известно ничуть не больше, чем мне...

Потеряв дар речи, он развернулся и побежал прочь.

И только, пробежав добрых пол-поля, начал выкрикивать имя антрополога.

Все, кто ему встречались, торопились убраться подальше с его пути. Они считали, что Великий Стэгг опять обезумел. Выскочивший из палатки Кальторп, едва завидев, что Король-Олень бежит к нему, с разгона махнул через шоссе. Забор не остановил его. Кальторп подтянулся на одной руке и перебросил тело. И дальше, по другую сторону забора, он бежал во всю прыть своих ног, подальше в поля за фермой.

— Если я поймаю тебя, Кальторп, — кричал ему вслед Стэгг. — Я переломаю тебе все кости! Как ты посмел так поступить со мною?

Постояв некоторое время, задыхаясь от ярости, он повернул назад, бормоча про себя:

— Почему? Почему?

Дождь прекратился. Еще через несколько минут небо прояснилось, и засияло полуденное солнце.

Стэгг сорвал с себя плащ и швырнул его на землю.

— К черту Кальторпа! Мне он не нужен и никогда нужен не был! Предатель!

Подозвав к себе одну из прислужниц, Сильвию, он велел принести ему еду и питье. Ел он и пил, как всегда, днем. Управившись, свирепым взглядом посмотрел на окружающих. Панты, которые раньше свободно болтались при каждом движении головы, теперь выпрямились и затвердели.

— Сколько километров до Балтимора? — взревел он.

— Два с половиною, сир. Вызвать вам экипаж?

— К черту экипаж! Колеса будут меня лишь задерживать! Я намерен бежать до Балтимора! Я хочу взять город врасплох. Я буду там раньше, чем меня ждут! Пусть трепещут, когда Великий Стэгг из всех Стэггов шквалом пройдется по ним! Я уложу их всех до единой, как ураган! На сей раз моими станут не только девственницы! Я теперь не стану брать только то, что мне подсовывают! Не только конкурсанток мисс Америки! Сегодня — весь город!

Сильвия в ужасе отпрянула.

— Но, сир... так не годится! Испокон веков...

— Герой-Солнце я или нет? Кто здесь Рогатый Король? Я поступлю, как пожелаю!

Он схватил бутылку с подноса в руках девушки и помчался по дороге.

Поначалу он бежал прямо по бетону. Но хотя теперь пятки стали твердыми, как железо, он решил, что мостовая все-таки слишком тверда, и поэтому побежал по мягкой траве, покрывавшей обочину дороги.

"Так лучше, — отметил он про себя. — Чем ближе к Матери-Земле, тем лучше, тем больше она мне понравится. Возможно, это всего лишь суеверная болтовня — что непосредственный контакт с землей придает человеку новые силы. Но я склонен верить этим Ди-Си. Я чувствую, что черпаю силу прямо из лона Матери-Земли, что эта сила, подобно электрическому току, заряжает и перезаряжает мое тело. И ощущаю, что сила эта вливается в меня столь мощно, ошеломляюще мощно, что мое тело уже недостаточно велико, чтобы вмещать ее всю. А избыток ее хлещет из короны на моей голове и пламенем вздымается к небесам. Я чувствую это!"

На какое-то мгновение Стэгг приостановился, чтобы откупорить бутылку и отхлебнуть глоток. При этом он заметил бегущих к нему стражников, но они отставали от него, по крайней мере, метров на двести. Им недоставало его силы и быстроты. В придачу к силам собственных мускулов у него еще была добавочная сила, сообщаемая разбухшими от крови рогами. Он был, отметил Пит про себя, по всей вероятности, самым быстрым и сильным человеческим существом за все время бытия человечества. Он отхлебнул еще. Стражники несколько приблизились, но они задыхались, и бег их замедлился. Они держали наготове луки и стрелы, но Стэгг не думал, что они будут стрелять, пока он придерживается дороги в Балтимор. У него не было намерения убежать от них, только желание бежать и бежать по выпуклой груди Земли и ощущать, как ее сила захлестывает тело и приводит в исступленный восторг мысли.

Вот он побежал быстрее, часто и высоко подпрыгивая и издавая дикие выкрики. В них смешивались беспредельное восхищение, буйство жизни, безымянные вожделения и уверенность в их удовлетворении. Они присутствовали еще в самых первых словах, произнесенных первобытным человеком, в его ломаной хаотической речи, еще не спо-

собный передавать оттенки чувств, охватывавших его. Стэгг тоже уже не пытался назвать предметы. Он пытался выразить словами чувства. И столь же мало преуспевал в этом, как и его предки сто тысяч лет тому назад.

Но он, как и они, испытывал наслаждение от этих попыток. И в нем росло сознание чего-то ранее не испытанного, чего-то нового для существ его рода и, пожалуй, для всего живого на свете.

Впереди себя он увидел мужчину, женщину и ребенка, которые шли по дороге. Они остановились, увидев его, и пали на колени, поняв кто перед ними.

Питер, не останавливаясь, пробежал мимо.

— Кому-то может показаться, что я бегу один! — прокричал он им. — Но я не один! Со мной Земля, мать и ваша и моя! Она — моя невеста, и следует за мною, куда бы я ни шел. И я не могу уйти от нее. Даже в космосе, в местах столь далеких, что туда даже свету нужно добираться многие годы. Она всегда была со мной. И доказательство этому в том, что я вернулся и теперь выполняю данное ей восемьсот лет назад обещание жениться на ней!

К тому времени, когда он закончил свою тираду, люди остались далеко сзади. Его не волновало, слышали ли они его. Все, чего он хотел — это говорить, говорить, говорить. Кричать, кричать, кричать. Пусть даже от этого лопнут легкие, но он должен, обязан выкричать истину.

Вдруг он остановился. В поле зрения попал крупный красавец — лось, который пасся на лугу за забором. Он был единственным самцом в стаде крестьянина, и внешность у него была поистине величественная: массивное туловище, короткие ноги, могучая шея, глупые, но похотливые глазки. Это был, по-видимому, тщательно подобранный самец, высоко ценимый производитель.

Стэгг легко перемахнул через забор, хотя ограда была больше полутора метров в высоту и сложена из грубого камня, который бы устоял перед попытками его повалить. Приземлившись, он рванулся к животному. Самец замычал громко, но с места не сдвинулся. Его самки сбились в кучу в углу загона и оттуда взирали на происходящее. Их громкие, похожие на собачий лай, крики подняли такой шум, что из расположенного рядом амбара выскочил хозяин.

Король-Олень смело подбежал к могучему самцу. Зверь ждал, пока человек не приблизится на расстояние двадцати метров от него. Тогда он опустил рога, протрубил боевой клич и ринулся вперед.

Питер засмеялся радостно и подбежал еще ближе. Тщательно рассчитав шаги, он разогнался и подпрыгнул вверх как раз в тот момент, когда огромные ветвистые рога со свистом рассекли воздух там, где он был долей секунды раньше. Стэгг поджал колени к туловищу так, чтобы рога его не задели, а затем выпрямил ноги и оказался точно на холке зверя, сразу же за основанием рогов. Секундой позже самец запрокинул голову, пытаясь все-таки достать человека рогами и подбросить в воздух. Но ему удалось лишь стать подкидной доской для наездника, протолкнув его вдоль собственного хребта. Питер оказался верхом на широкой спине лося.

Затем, вместо того, чтобы спрыгнуть на землю, он резко развернулся и подался вперед намереваясь оседлать шею зверя. Однако нога его соскользнула, и он, скатившись с лося, упал рядом с ним. Самец развернулся, протрубил еще раз, наклонил рога и бросился снова. Но его противник уже был на ногах. Он отпрыгнул в сторону, ухватился рукой за огромное ухо зверя и закинул свое тело на спину лося.

В течение следующих пяти минут изумленный фермер наблюдал за тем, как обнаженный человек скачет верхом на ревущем, бросающемся в разные стороны, брыкающемся, брызжущем слюной звере, и не падает с его спины, несмотря на все бешеные маневры животного. Вдруг лось замер. Глаза его были выпучены, из открытого рта текла слюна, он мучительно хватал воздух.

— Отвори ворота! — закричал Стэгг фермеру. — Я на этом звере войду в Балтимор, как подобает Рогатому Королю!

Фермер молча открыл ворота. Возражать он не смел. Он не мог препятствовать Герою-Солнце забрать его призового самца. Он не стал бы возражать даже когда Герой-Солнце возжелал бы его дом, жену, дочерей, а также его собственную жизнь.

Стэгг вывел лося на дорогу, ведущую в Балтимор. Далеко впереди он увидел экипаж, мчавшийся к городу. Да-

же с этого расстояния он сумел разглядеть, что это Сильвия, проехавшая вперед, чтобы предупредить жителей Балтимора о том, что Рогатый Король прибывает раньше, чем рассчитывали, и, несомненно, чтобы посвятить жителей в намерения Рогатого Короля изнасиловать весь город.

Он хотел было пуститься в погоню и ворваться в Балтимор буквально у нее на пятках, но лось все еще тяжело дышал, поэтому ему пришлось пуститься ровным шагом, пока не восстановится дыхание животного.

В полукилометре от Балтимора Стэгг ударил голыми пятками зверя под ребра и стал кричать в уши. Тот перешел на рысь, затем, непрерывно понукаемый наездником, — в галоп. Промчавшись между двумя невысокими холмами, он неожиданно оказался на главной улице города, ведущей прямо к центральной площади, находившейся в 12 кварталах, где спешно собиралась огромная толпа. Едва Стэгг очутился в черте города, оркестр грянул "КОЛУМБИЯ — ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА" и группа жриц вышла навстречу Герою-Солнце.

За ними плотной массой выстраивались девственницы, кому повезло попасть в число невест Героя-Солнце. В своих белых колоколообразных юбках и белых кружевных накидках они очень хорошо смотрелись. У каждой был букет роз.

Стэгг позволил зверю перейти на рысь, чтобы приберечь его силы для финишного броска. Он кланялся и приветственно размахивал руками, проезжая мимо выстроившихся вдоль улицы мужчин и женщин. Девочкам-подросткам, которым не удалось занять первые места на конкурсе "Мисс Америка" и которые уныло стояли рядом со своими родителями, он громко обещал:

— Не плачьте! Сегодня я не пренебрегу и вами!

Грохот труб, барабанов и флейт заполнил улицу. К нему приближалась процессия жриц, одетых в светлоголубые платья. Это был любимый цвет богини Мэри, покровительницы Мэриленда. Согласно легендам, Мэри была внучкой Колумбии и дочерью Виргинии. Именно она обратила обитателей этой местности в истинную веру и взяла их под свое покровительство.

Пятьдесят жриц церемониальным маршем приближались к Стэггу. Они пели и разбрасывали вокруг себя цветы.

Время от времени они издавали протяжные дрожащие вскрики.

Стэгг подождал, пока расстояние до них не составило пяти — десяти метров. Затем ударил животное по ребрам и стал барабанить кулаком по голове. Лось взревел и галопом ринулся прямо на жриц. Те прекратили пение и остановились в изумлении. Внезапно осознав, что Герой-Солнце вовсе не намерен сдерживать могучего зверя, а наоборот, разгоняет его, они закричали и ринулись в стороны. Здесь они уткнулись в толпу, сбившуюся в единую непреодолимую массу. Когда же они развернулись и начали убегать от скачущего оленя, то стали натыкаться друг на друга, сбивая с ног и кувыркаясь.

Только одна жрица не обратилась в бегство. Это была Главная Жрица, женщина пятидесяти лет, сохранившая свою девственность в честь богини — своей покровительницы. Смелость словно припечатала ее к тому месту, где она находилась. Она вытянула вперед руку, как бы благословляя появление Героя-Солнце и всем своим видом показывая, словно ничего особого не произошло. Она бросила ему навстречу букет цветов и стала рисовать в воздухе священные символы своим золотым серпом.

Цветы упали под копыта лося, были им растоптаны, а затем и сама жрица была брошена наземь. Голова ее раскололась, как орех под могучим копытом зверя.

Тело жрицы вряд ли могло задержать весившего более полутонны зверя. Выставив голову вперед, он тараном пошел на плотно спресованную толпу, состоявшую из дико кричавших и упирающихся женщин.

Пробить эту живую, но прочную, как камень изгородь, зверь не смог и остановился. А вот тело наездника продолжало движение.

Он по инерции перелетел через опущенные рога и шею лося и на мгновение как бы завис в воздухе над затянутыми во все голубое жрицами. Тела их разлетелись во все стороны, катились кувырком, увлекаемые другими телами, волочились по земле. Рога зверя уткнулись в чей-то подбородок и вырвали голову из туловища. Теперь эта голова, вращаясь, летела рядом со Стэггом.

Он пронесся над голубым месивом из гибнущих жриц и мягко опустился на поле, образованное белыми

накидками, розовыми ртами, белоснежными юбками и голыми девственными грудями.

Из этой западни из кружев и плоти выбраться он уже никак не мог и исчез из виду.

VIII

Проснулся Питер Стэгг только к вечеру следующего дня. Из всей своей группы он поднялся первым, за исключением доктора Кальторпа, который уже сидел у ложа своего капитана.

— Ты давно в Балтиморе? — спросил Стэгг.

— Я следовал за тобой по пятам и видел, как ты напустил зверя на жриц — и все, что было после.

Питер сел и застонал.

— Мне кажется, что каждый мускул моего тела натянут, как струна.

— Так оно и должно быть. Ты лег спать аж в девять часов утра. Но у тебя должны болеть не только мышцы. Разве спина у тебя не болит?

— Немного, как-будто легкий ожог в районе поясницы.

— И это все? — Кальторп удивленно поднял брови. — М-да, все что я могу сказать — так это то, что твои рога насыщают кровь не только гормонами. Они также способствуют самозаживлению клеток.

— Что все это означает?

— Ну так вот. Прошлой ночью тебя пырнули ножом в спину. Но тебе это нисколько не помешало, а рана, кажется, совсем зажила. Разумеется, лезвие вошло не более, чем на дюйм. Мышцы у тебя очень твердые.

— Да, да, что-то припоминаю. Правда очень смутно. — Стэгг поморщился. — И что же произошло с этим человеком потом?

— Женщины разорвали его на куски.

— Почему он меня ранил?

— Выяснилось, что у него помутился разум. Его возмутило то, что ты сильно заинтересовался его женой, и он ударил тебя ножом. Безусловно, он совершил ужасное пре-

ступление, непростительное святотатство. Чтобы покарать его, женщины пустили в ход зубы и ногти.

— Ты тоже считаешь, что он психически неуравновешен?

— Да. По крайней мере, с точки зрения этой культуры. Никто в здравом уме не стал бы возражать против того, что его жена совокупляется с Героем-Солнце. По сути это великая честь, так как Герои-Солнце обычно не посвящают свое время никому, кроме девственниц. Вот только вчера ночью ты сделал исключение... для всего города. Во всяком случае, пытался сделать.

Стэгг тяжело вздохнул.

— Прошлая ночь хуже всех. Не покалечил ли я больше народу, чем обычно?

— Вряд ли стоило упрекать в этом жителей Балтимора. Ты с самого начала затеял все в грандиозных масштабах, еще когда затоптал тех жриц. Что тебя побудило к этому?

— Не знаю, просто тогда это мне показалось неплохой идеей. Но, как мне кажется, именно подсознание подтолкнуло меня к тому, чтобы отомстить виновникам, организовавшим подобное.

Он притронулся к рогам, затем пристально взглянул на Кальторпа.

— Ты — Иуда! Почему ты многое от меня скрываешь?

— Кто это тебе сказал? Та девушка?

— Да. Но это не имеет значения. Давай, Док, выкладывай. Как бы это ни было горько для меня, все равно, выкладывай. Я тебя пальцем не трону. Мои рога — лучший индикатор того, в здравом ли я уме или нет. Видишь, как они обвисли?

— Я начал догадываться об истинной сути событий, как только стал понимать язык, — начал Кальторп. — Однако уверен не был до тех пор, пока тебе не пожаловали эти рога. Но я не хотел говорить об этом до тех пор, пока не придумаю какой-нибудь способ бегства. Я боялся, что ты раньше времени совершишь такую попытку и тебя пристрелят. Вскоре, однако, я понял, что даже если ты убежишь утром, то все равно вернешься вечером, если не раньше. Этот биологический механизм на твоем лбу не только обеспечивает тебя более, чем неистощимой способностью извергать свое семя — он еще и неодолимо понуж-

дает тебя поступать так. Он овладевает тобою всецело — ты становишься невменяемым. Ты представляешь из себя величайший в истории случай сатириазиса.

— Я сам знаю, как они воздействуют на мое поведение, — нетерпеливо произнес Стэгг. — Я хочу понять, какую все-таки роль я играю во всем этом. Ради какой цели? И зачем вся эта кутерьма с Героем-Солнце и все прочее?

— Может быть, выпьешь сначала?

— Нет! Я не намерен топить в вине свои печали. Мне еще нужно кое-что совершить сегодня. Лучше бы хороший глоток холодной чистой воды. И еще смертельно хочется искупаться, чтобы смыть с себя весь этот пот и другую дрянь, которой я покрыт. Но я готов терпеть. Пожалуйста, начинай. И как можно быстрее!

— У меня нет сейчас времени на то, чтобы вдаваться в мифологию и историю Ди-Си. Мы сможем это сделать завтра, — начал повествование Кальторп. — Лучше я пролью свет на то, какая сомнительная честь тебе предоставлена.

Если говорить коротко, то ты сочетаешь в себе несколько религиозных персонажей из пантеона народа Ди-Си, а именно: Героя-Солнце и Короля-Оленя. Герой-Солнце — это мужчина, которого выбирают каждый год, чтобы в символической форме разыграть прохождение солнца вокруг Земли. Да, мне известно, как известно и жрецам Ди-Си, что вокруг солнца вращается Земля. Об этом знают даже самые неграмотные. Но для всех практических целей принимается будто солнце вращается вокруг Земли. Так думает любой ученый, если только в это время не размышляет о науке.

Итак, избирается Герой-Солнце и рождается он символически во время церемонии, где-то около 21 декабря. Почему именно тогда? Потому что это дата зимнего солнцестояния. Когда солнце занимает самое низшее положение над горизонтом и в полдень находится в самой южной точке.

Вот почему разыгрывалась сцена твоего рождения.

И именно поэтому сейчас ты совершаешь путешествие в северном направлении. Тебе предназначено повторять путь солнца после зимнего солнцестояния, к северу. И

подобно солнцу, с каждым днем ты становишься сильнее и сильнее. Ты, наверно, ощутил, что с каждым днем воздействие, оказываемое на тебя рогами, становится все более могучим. Доказательство тому — сумасбродство, которое ты отколол, взнуздав лося и затоптав жриц.

— И что же случится, когда я достигну самой северной точки своего маршрута? — спросил Питер тихо. Он хорошо владел собой, но здорово побледнел, несмотря на густой загар.

— Это случится в городе, который мы когда-то называли Олбэни в штате Нью-Йорк. Это крайний север государства Ди-Си. И именно там живет Богиня в ипостаси Богини Смерти. Ей посвящаются свиньи, поскольку они, подобно смерти, всеядны. Альба является также Белой Богиней Луны, еще одним символом смерти.

Кальторп замолчал, не в состоянии продолжать разговор дальше. В глазах его стояли слезы.

— Продолжай, — скомандовал Стэгг. — Я переварю это.

Кальторп тяжело вздохнул.

— Север, в соответствии с религией Ди-Си, это то место, где Лунная Богиня забирает в плен солнце. Иными словами, оно...

— Умирает, — закончил за него Питер.

Кальторп сглотнул слюну.

— Да. Намечается, что Герой-Солнце завершит свой Великий Путь во время летнего солнцестояния — двадцать второго июня.

— А как насчет другой его ипостаси — Великого Стэгга, Рогатого Короля?

— Ди-Си не были бы сами собой, если бы и тут не экономили. Они сочетают роль Героя-Солнце с ролью Короля-Оленя. Король-Олень символизирует человека. Рождается слабым и беспомощным ребенком, вырастает в страстного зрелого мужа, любовника и отца. Но и он заканчивает Великий Путь и должен, хочешь не хочешь, встретить Смерть. К тому времени он уже слепой, лысый, слабый, бесполый. И... он борется до последнего вздоха, но... Альба безжалостно лишает его жизни.

— А если излагать простым языком, а не языком символов, Док? — спросил Стэгг. — Изложи мне голые факты, на чистом английском языке.

— В Олбэни состоится грандиозная церемония, апофеоз. Там ты овладеешь не юными нежными девственницами, а седовласыми, вислогрудыми жрицами Богини Свиньи. Твое естественное отвращение к старухам будет подавлено тем, что тебя будут держать в клетке до тех пор, пока похоть не дойдет до такой степени, что ты рад будешь любой женщине, даже столетней прабабке.

— А потом?

— Потом тебя ослепят, оскальпируют, оскопят и, наконец, повесят. Будет объявлен всеобщий траур на целую неделю, а затем похоронят в позе зародыша под дольменом, под сводом из огромных глыб. В твою честь будут вознесены молитвы, а перед местом погребения будет принесен в жертву самец лося.

— Слабое утешение, — произнес Стэгг. — Скажи мне, Док, почему именно меня избрали для этой роли? Разве не верно, что Героями-Солнце обычно бывали добровольцы?

— Мужчины жаждут славы, так же, как девушки мечтают стать невестами Рогатого Короля. Мужчина, которого подбирают на эту роль — самый сильный, самый красивый, самый жизнетворный юноша страны. Но твое несчастье заключается в том, что ты не только соответствуешь всем этим требованиям, но и возглавляешь людей, поднявшихся в небо на огненной колеснице, а затем возвратившихся на Землю. У них есть легенда, согласно которой именно таким был настоящий Герой-Солнце. Как я полагаю, правительство Ди-Си решило избавиться от тебя и тем самым дезорганизовать весь остальной экипаж. Более того, уменьшится опасность, что благодаря нам может возродиться старая и столь теперь ненавистная наука. Питер, погляди-ка. Мэри Кэйси машет тебе рукой. Мне кажется, она хочет поговорить с тобою.

IX

— Почему ты все время отводишь глаза в сторону, когда говоришь со мной? — спросил Питер Стэгг.

— Потому что мне трудно отделить вас одного от другого, — ответила Мэри Кэйси.

— Как это одного от другого?

— Питера, которого я знаю утром, и Питера, кого я знаю ночью. К сожалению, я бессильна что-либо поделать. Ночью я закрываю глаза и пробую думать о чем-нибудь другом, но не могу заткнуть уши. И хотя понимаю, что ты тоже бессилен что-либо сделать, я все равно тебя ненавижу. Извини, но иначе я не могу.

— Тогда зачем же ты подозвала меня к себе?

— Потому что понимаю, что делаю это вовсе не без задней мысли. Потому что знаю, что ты хотел бы вырваться из своей клетки, прутья которой из плоти, так же, как и я из своей железной. Потому что еще не потеряла надежды на то, что можно придумать какой-нибудь способ бегства.

— Мы с Кальторпом обсудили несколько вариантов побега, но так и не знаем, каким образом предотвратить мое возвращение. Как только рога начинают свое воздействие на меня, я тотчас же бегу назад, к женщинам.

— Неужели у тебя такая слабая сила воли?

— Даже святой не смог бы противиться рогам.

— Тогда надежды никакой нет, — грустно произнесла Мэри.

— Не совсем так. Я не собираюсь пройти весь путь до Олбэни. Лучше сменим тему. Расскажи мне о себе и о своем народе. Мое невежество очень мешает мне. У меня недостает многих необходимых данных, чтобы выработать план побега.

— Буду рада тебе помочь, — сказала Мэри Кэйси — Мне все равно нужно поговорить с кем-то, даже если это... Извини.

Весь следующий час Стэгг простоял возле ее клетки, слушая ее рассказ о себе и о Кэйсиленде. Все это время она не подымала глаз от пола. Несколько раз он перебивал ее вопросами, ибо она пропускала многое, считая это общеизвестными фактами.

... Кэйсиленд располагался на территории, некогда называвшейся Новой Англией. Он не был ни столь же густо населен, как Ди-Си, ни столь же богат. Все его население было занято восстановлением плодородия почвы, а основными источниками пищи были разведение свиней и оленей и промысел рыбы. Даже воюя с Ди-Си на юго-западе, ка-

релами на севере и ирокезами на северо-западе, жители Кэйсиленда, сокращенно кэйси, продолжали торговать со своими противниками. Существовало особое правило, известное как Договорная Война. По всеобщему соглашению количество воинов, участвовавших в набегах на территорию противника в течение года, строго ограничивалось, так же регламентировался и порядок ведения боевых действий. Ди-Си и ирокезы эти правила соблюдали неукоснительно, зато карелы то и дело их нарушали.

— Каким же образом любая из воюющих сторон собирается одержать победу над противником? — недоумевая, поинтересовался Питер.

— А никто и не собирается. Как я полагаю, Договорная Война была придумана нашими предками для того, чтобы давать выход излишней энергии наиболее агрессивной части населения, позволяя большинству продолжать заниматься восстановлением почвы. Думаю, когда население какой-либо из стран станет слишком большим, война пойдет без всяких правил. Но пока что ни одно государство не имеет достаточно сил, чтобы воевать по-настоящему. Карелы же нарушают договоренности просто потому, что почти полностью живут за счет военной добычи.

Затем она приступила к краткому изложению истории своего народа. Существует несколько легенд происхождения нынешнего названия — Кэйсиленд. Согласно одной из них, после Опустошения организации под названием "Рыцари Колумба" удалось основать город-государство неподалеку от Бостона. Оно, подобно некогда крохотному Риму, стало постепенно расширяться за счет поглощения своих соседей. Назывался этот город — государство Колумб — Сити. Со временем сокращенное (по первым буквам) его название трансформировалось в имя мифического предка, символизирующего этот народ — Кэйси.

Согласно другой легенде, на самом деле существовала семья по фамилии Кэйси, которая и дала название основанному этой семьей городу. Родоначальник города основал также существующую и поныне родовую систему, по которой все жители страны имеют одну и ту же фамилию — Кэйси и различаются средним именем.

Есть еще и третья версия, но очень распространенная, и состоящая в том, что сочетает оба мифа. Человек по имени Кэйси был предводителем "Рыцарей Колумба".

— Скорее всего, все эти легенды — вымысел, — подытожил Питер.

Такое предположение, похоже, не вызвало особого энтузиазма у Мэри, но будучи беспристрастной, она просто сказала, что и это возможно.

— И как это согласуется с притязаниями Ди-Си на то, что вы позаимствовали имя своего бога у богини Колумбии? — спросил он. — Ди-Си утверждают, что вы поклоняетесь богу-отцу по имени Колумб, сделав мужским как само божество, так и его имя. Это правда, что у вашего бога два имени: Иегова и Колумб?

— Ничего подобного! — возмутилась Мэри. — Ди-Си путают имя нашего бога с именем Святого Колумба. Верно, мы часто молимся Святому Колумбу с просьбами заступиться за нас перед Иеговой. Но мы не поклоняемся ему.

— А кто это Святой Колумб?

— Всем известно, что он приплыл с востока, из-за океана и высадился в Кэйсиленде. Именно он обратил жителей города — родоначальника нашего государства в истинную веру и основал орден Рыцарей Колумба. Если бы не Святой Колумб, мы все были бы язычниками.

Питеру все труднее было поддерживать разговор, но прежде, чем уйти, он нашел в себе силы задать еще один вопрос.

— Скажи, почему и вы, и жители Ди-Си так почитают девственниц?

— Считается, что девственница — что-то вроде талисмана, приносящего удачу, — гордо ответила она, впервые глядя прямо на него. — Ты, наверное, видел, как Ди-Си при любой возможности стараются дотронуться до волос достигшей зрелости девушки. Потому, что именно таким путем к притрагивающемуся иногда может снизойти удача. И, разумеется, каждый отряд воинов, собираясь совершить набег на территорию противника, обязательно берет с собой девушку в качестве талисмана. Я как раз участвовала в экспедиции на Пьюкипси[1], когда меня взяли в

1 — Город, расположенный несколько севернее Нью-Йорка (прим.перевод.).

плен. Надпись лжет, утверждая, что я была поймана при набеге Ди-Си на Кэйсиленд. Совсем наоборот. Но разве можно ждать правды от людей, поклоняющихся Ложному Богу?

Питер окончательно понял, что жители Кэйсиленда столь же невежественны и суеверны, как и жители Ди-Си. С ними бесполезно спорить или пытаться отделить мифы от истории.

Пульсация в крупных артериях у основания рогов усилилась, сами рога стали затвердевать.

— Сейчас мне пора уходить, — успел сказать Стэгг. — До завтра. — Он повернулся и быстро пошел прочь. Только усилием воли он сдерживался, чтобы не побежать.

Так прошло еще несколько дней и ночей. Утром — слабость и разработка планов побега. Днем — еда, пьянство и дикие необузданные выходки, иногда заканчивающиеся яростными скачками. Ночью — кромешное марево исступленно кричащей белой плоти, слияние в единый огромный организм, пульс которого, казалось, бился в такт с глубоко упрятанным сердцем самой земли, превращение каждого отдельного человека в силу природы. Безумное исступление тела, послушного воле Первейшего закона жизни. Он становился орудием природы, у которого не оставалось иного выхода, как только повиноваться тому, что всецело им владело.

Великий Путь из Вашингтона поначалу пролегал по Коламбиа-Пайк, некогда бывшей Трассой N 1 США. В Балтиморе он сворачивал на некогда Трассу N 40 США, теперь называвшуюся Дорогой Мэрио. В Вимлине (Уайлмингтон, штат Дэлавер) он переходил на бывшую Магистраль Нью-Джерси. Этой дороге было присвоено имя еще одной дочери Колумбии, Ньюджи.

Целую неделю Стэгг находился в Кепте (Кэмдене) и обратил внимание на большое количество воинов, находившихся в городе. Ему объяснили, что скопление войск связано с тем, что по другую сторону реки Двэй (Дэлавер) расположена Филадельфия, столица враждебного государства Пантс-Эльф (Восточная Пенсильвания).

Воины сопровождали Стэгга по выходе его из Кэмдена, по бывшей Трассе N 30 США до тех пор, пока он не оказался на достаточном удалении от границы. Здесь они

повернули назад, а он со своей свитой продолжал свою миссию в городишке Берлин.

После пышной церемонии и последовавшей за ней оргии Великий Путь продолжался все по той же Трассе N 30 до Таланта (Атлантик-Сити).

В Атлантик-Сити Король-Олень задержался на две недели. Население этого города, а составляло оно обычно тридцать тысяч, увеличилось пятикратно за счет сельских жителей, устремившихся в него, чтобы принять участие в ритуале. Отсюда процессия проследовала по некогда Бульвару Гарден-Стэйт, пока не перешла на Федеральное шоссе N 72. Пройдя еще по шоссе N 70 и Трассе N 206, они прибыли в Тринт (Трентон), где снова их встречала многочисленная охрана.

Выйдя из Трентона, Герой-Солнце снова очутился на Коламбиа-Пайк, некогда бывшей Трассой N 1 США. Сделав положенные остановки в сравнительно крупных городах Элизабет, Ньюарк и Джерси-Сити, он на пароме переправился на остров Манхэттен. Здесь его пребывание было наиболее длительным, так как в Манхэттене было пятьдесят тысяч жителей и множество жителей окружающих его городов, составляющих Великий Нью-Йорк.

Кроме того, именно здесь начинались игры Большой Серии.

Стэгг должен был не только открыть первый матч сезона, но и посещать каждую игру. Он сразу же обнаружил, что за восемьсот лет игра изменилась очень сильно.

Насколько он помнил, в Америке прошлого бейсбольные матчи проводились на ровном поле, на середине которого разбивалась квадратная площадка с длиной сторон по 90 футов (27,3 метра). Площадка располагалась "ромбом", т.е. так, чтобы ее углы были направлены к сторонам поля. В углах квадрата устраивались базы, одна из которых называлась "домом". Принадлежностями для игры являлись бита, набитый волосом кожаный мяч и перчатки-ловушки. В игре участвовали две команды по очереди, которые стоя у "дома", должны были отбивать битой бросаемый им мяч и во время его полета перебегать от одной базы к другой. Полный пробег по квадрату давал выигрыш очка. Игроки "защищающейся" команды старались поймать мяч и "запятнать" им перебегающих противников. Если это

удавалось три раза подряд, команды менялись ролями. Выигрывала та команда, у которой оказывалось больше очков после девяти таких смен. Бейсбол прошлого требовал от игроков большой ловкости, быстроты, силы и согласованности действий всех игроков.

Теперь же игра велась так, что считался необычным матч, в котором бы не было серьезных увечий и нескольких смертельных исходов в каждой из команд.

Первая часть Большой Серии состояла из игр между чемпионами различных областей Ди-Си. В финале встретились Великаны, но при этом потеряли столько игроков, что вынуждены были пригласить пол-команды Странников в качестве резерва для предстоящих международных встреч.

Международная часть Большой Серии состояла из игр между чемпионами Лиги, карельскими пиратами, Флоридой и Буффало. Последнее государство занимало территорию, прилегающую к городу Буффало и часть побережья озер Эри и Онтарио.

Финальная игра Большой Серии вылилась в кровавую бойню между командами Ди-Си и Кэйсиленда. Одной из отличительных черт формы игроков Кэйсиленда были ярко-красные гетры, но к концу игры игроки команды были красными с головы до ног от крови. Уныние царило не только среди игроков, но и среди их болельщиков. На стадионе за Кэйси был забронирован отдельный сектор, отгороженный от других секторов высоким забором из колючей проволоки. Кроме того, полиция Манхэттена выделила специальный наряд для их защиты на тот случай, если страсти зайдут слишком далеко.

К счастью, рефери-карел, который, как предполагали, должен был быть нейтральным, поскольку ненавидел обе стороны в равной степени, принял решение, приведшее к очень печальным последствиям.

Шла девятая подача, и счет был 7:7. Отбивали мяч Великаны. Один игрок из их команды был уже в третьей базе, и хотя на шее у него была глубокая рана, сохранял достаточно сил, чтобы перебежать в "дом", представься такая возможность. Два игрока были вне игры — в самом буквальном смысле. Один, прикрытый простыней, лежал там, где его сразили, между второй и третьей базами. Дру-

гой сидел в траншее для запасных и тихо стонал, пока лекарь скреплял разрывы кожи у него на голове.

Игрок с битой в руке был сильнейшим отбивающим, бэтменом команды Ди-Си. Ему противостоял в центре ромба сильнейший подающий из команды Кэйсиленда. Форма бэтмена мало чем отличалась от формы, принятой еще в девятнадцатом столетии, щека его оттопыривалась от большого кома жевательного табака. Он энергично размахивал битой. Отблески солнца сверкали на ее металлических боковицах, так как верхняя часть биты покрыта тонкими продольными полосками меди. Отбивающий ждал, когда судья объявил "Мяч в игру". Услыхав эту фразу он не сразу шагнул к своей площадке, а повернулся навстречу выбежавшей к нему из траншеи девушке.

Это была хорошенькая миниатюрная брюнетка в бейсбольной форме, единственным отступлением от правил в которой был треугольный вырез в майке, обнажавший небольшую, но упругую грудь.

Бэтмен по прозвищу Билл-Большая Яблоня потер суставы пальцев о черные волосы девушки, поцеловал ее в лоб, и, когда она повернулась бежать назад, в траншею, игриво шлепнул ее по ягодицам. После этого вошел в очерченную мелом площадку, квадрат со стороной около метра, и принял традиционную, древнюю позу отбивающего, готового принять подачу.

Лэнки Джон-Через-Речку-Через-Лес-Могучий-Кэйси выплюнул табак и замахнулся. В руке у него был мяч стандартного размера, из которого торчали четыре симметрично расположенных стальных шипа. Поэтому ему приходилось держать мяч осторожно, чтобы не порезать пальцы при броске. С точки зрения древнего подающего это весьма затрудняло хорошее выполнение подачи, но зато теперь он стоял на шесть метров ближе к Бэтмену, что с лихвой компенсировало неудобства, возникающие при метании мяча.

Лэнки также подождал, пока девственница из команды Кэйсиленда не подошла к нему и не дала потереться о свою голову. Затем он развернулся и метнул мяч.

Снабженный шипами мяч просвистел в дюйме от лица Билла-Большая Яблоня. Яблоня зажмурился, но не уклонился.

Толпа дружным ревом приветствовала такую демонстрацию мужества.

— Первый мяч, — прокричал рефери.

Болельщики из Кэйсиленда взвыли от негодования. С того места, где они сидели, казалось, что мяч пролетел точно по прямой линии, совпадающей с границей очерченного мелом квадрата, и поэтому должен быть засчитан как мяч, пропущенный отбивающим.

Яблоня попытался отбить следующую подачу, но промахнулся.

— Первый промах!

На третьей подаче Яблоня замахнулся битой и попал по мячу. Однако мяч взмыл высоко влево, за пределы поля. Разумеется, и он был пропущенным.

— Второй промах!

На следующей подаче мяч со свистом летел прямо в живот Яблони. Он втянул его и отпрянул назад, но так, чтобы не зацепить мяч и при этом не выйти из квадрата. Иначе был бы засчитан промах.

При очередной подаче Яблоня взмахнул битой, но не попал по мячу. А вот тот угодил в цель. Игрок рухнул на землю, один из шипов мяча впился в его бок.

Толпа вскрикнула и сразу же притихла, так как рефери открыл счет.

У Яблони было всего десять секунд та то, чтобы подняться и отбить мяч, иначе будет засчитано решающее очко.

Вторая девушка — талисман команды Ди-Си, высокая красивая блондинка с потрясающе длинными ногами и роскошными волосами, спадающими на круглые и твердые, как яблоки, ягодицы, бегом направилась к нему, высоко поднимая колени, как и подобалось бежать девственницам в подобных случаях. Подбежав к лежащему, она опустилась на колени и пригнула голову так, чтобы роскошная рыжая копна ее волос упала ему на лицо, и он мог их гладить. Считалось, что при этом к нему перейдет сила девушки, посвятившей себя Великой Седой Матери. Но но что-то шепнул ей, и она поднялась, расстегнула клапан в его форме, располагавшийся ниже пояса, и снова склонилась над ним. Толпа взвывала от досады, ибо это означало, что игрок настолько сильно ранен, что ему нуж-

на двойная порция духовной и физической энергии. При счете восемь Яблоня, радостно приветствуемый толпой, встал на ноги. Даже болельщики из Кэйсиленда устроили ему овацию — человека с такой силой духа чествовали все.

Яблоня вытащил из бока шип, взял у девушки пластырь и наложил его на рану. Пластырь пристал к телу без липучки, так как псевдо-плоть сразу же выпускала большое число загнутых, как крючки, усиков, которые удерживали ее.

После этого он кивнул рефери в знак того, что готов.

— Мяч в игру!

Так как мяч остался у команды Ди-Си, им разрешалась одна попытка на то, чтобы поразить подающего. Попав в него, он мог спокойно перейти в первую базу.

Яблоня размахнулся и метнул мяч. Джон Кэйси стоял внутри используемого в таких случаях крошечного квадрата. Выйдя из него, уклоняясь от мяча, он бы покрыл себя несмываемым позором — его бы забросали камнями, — а его оппонент мог бы столь же беспрепятственно перейти во вторую базу.

Он крепко стоял на ногах и только покачивал туловищем, слегка подогнув колени.

Бросок оказался техническим промахом, хотя кончик одного из шипов при вращении мяча слегка резанул правое бедро кэйсилендера.

Джон Кэйси подхватил мяч и замахнулся.

Болельщик из Ди-Си, находившийся в третьей базе, подался вперед, готовый бежать к "дому", если представится шанс. Кэйси это заметил, но угрожающего движения не сделал. Не желая рисковать, так как своим четвертым промахом он бы позволил противнику занять первую базу, Кэйси спокойно и точно подбросил мяч высоко над площадкой, внутри которой стоял отбивающий. Яблоня попал по мячу точно, но, как часто случается, задел один из шипов. Мяч взвился высоко над линией перехода из "дома" в первую базу, а затем стал падать как раз посредине между первой базой и "домом".

Бросив в подающего, на что он имел право, Яблоня рванулся к первой базе. Ровно на полпути к ней на его голову обрушился отбитый им же самим мяч. Его

противник, карауливший первую базу, бросился на перехват мяча, но тоже врезался прямо в него. Яблоня сильно ударился о землю, несколько раз отскочил от нее как резиновый мяч, пробежал еще несколько шагов и юзом на животе скользнул к первой базе.

Однако первый базовый защитник из команды Кэйси все-таки поймал мяч и, не выпуская его из рук, сделал выпад в сторону ползущего игрока Ди-Си, который был рядом. Сразу же после этого, решив, что запятнал Яблоню, он высоко подпрыгнул и бросил мяч другому защитнику из своей команды, который прикрывал "дом". Мяч звонко шлепнулся в огромную и толстую перчатку-ловушку защитника ровно за мгновение до того, как игрок команды Ди-Си из третьей базы должен был проскочить в "дом".

Рефери справедливо определил у игрока Ди-Си положение "вне игры" и пригласил вернуться в третью базу. С этим никто не спорил. Но первый базовый из команды Кэйсиленда подошел к судье и громко заявил о том, что он запятнал Яблоню, когда тот рвался к первой базе. Поэтому тот тоже должен быть объявлен в положении "вне игры".

Яблоня категорически это отрицал. Тогда защитник у первой базы заявил, что имеет доказательство. Он зацепил кончиком шипа правое колено Яблони сбоку. Рефери велел Яблоне снять защитный чулок.

— Свежая, еще кровоточащая рана, — объявил судья. — Вы тоже "вне игры".

— Почему это? — взревел Яблоня, выплюнув жеванный табак прямо в лицо судье. — Это кровь из двух порезов на бедре и это было еще на предыдущей смене! Этот почитатель бога-отца — лжец!

— А почему же он был уверен в том, что мне надо осмотреть правое колено? Только потому, что он именно это колено зацепил мячом, — гаркнул в ответ рефери. — Здесь судья — я, и я говорю — аут!

Затем он еще громче повторил по буквам: — А — У — Т!

Решение это пришлось не по вкусу болельщикам Ди-Си. Они засвистели и стали громко выкрикивать традиционное "УБИТЬ СУДЬЮ".

Карел побледнел, но решения своего не отменил. К несчастью, его смелость и твердость не принесли ему ничего хорошего, ибо толпа выплеснулась на игровое поле и повесила беднягу на балке в проходе. После этого началось массовое избиение игроков из команды Кэйсиленда. Они, наверное, все погибли бы под ударами кулаков, если бы вовремя не вмешалась полиция Манхэттена, окружив взбесившихся болельщиков и оттеснив их тыльной стороной своих мечей. Карела также удалось спасти, так как кто-то успел перерезать веревку до того, как петля свершила свое дело.

Болельщики из Кэйсиленда тоже сделали попытку прийти на помощь своей команде, но не сумев пробиться к полю, сцепились с болельщиками из Ди-Си.

Стэгг некоторое время внимательно следил за свалкой. Сначала ему захотелось броситься в самую гущу отчаянно дерущихся тел и раздавать удары направо и налево своими могучими кулаками.

Он ощутил нарастающую жажду крови и даже приподнялся, чтобы броситься в бушующую под ним толпу. Но в это же самое время огромная толпа женщин, тоже возбужденная зрелищем драки, но в совсем другом смысле, захлестнула его целиком.

X

Черчилль плохо спал в эту ночь. Он никак не мог избавиться от воспоминания, каким восторженным было лицо Робин, когда она с гордостью призналась, как надеется на то, что забеременела от Героя-Солнце.

Сначала он ругал себя за то, о чем мог бы и сам догадаться: она должна была быть среди ста девственниц, избранных дебютировать на открытии праздника. Ведь она очень красива, а отец — достаточно богат.

Затем он стал искать оправдание себе в том, что до сих пор очень плохо знает культуру Ди-Си и относится ко многим ее проявлениям с предубеждениями, свойственными морали его времени. Никак нельзя относиться к ней, как к девушке начала двадцать первого века.

Наконец, он корил себя, что влюбился в Робин. Его отношение к ней напоминало больше реакцию пылкого двадцатилетнего юноши, а не мужчины тридцати двух лет — нет, восьмиста тридцати двух лет; мужчины, который пропутешествовал миллиарды километров и покорение космоса сделал основным своим занятием, а теперь влюбился в восемнадцатилетнюю девчонку, которой знакома была крохотная часть Земли на крохотном отрезке времени!

Однако Черчилль был человеком практичным. Факт есть факт. А фактом было то, что он действительно хотел, чтобы Робин Витроу стала его женой, или, по крайней мере, хотел до того самого момента прошлого вечера, когда она ошарашила его своим признанием.

Какое-то время он ненавидел Питера Стэгга. У него и раньше часто возникала некоторая обида на своего капитана: слишком уж тот был красив и высок, да и занимал должность, которую, по мнению Черчилля, он мог бы занимать сам. Он любил и уважал шефа, но будучи честен перед самим собою, признавался в том, что ревнует.

Было почти невыносимо думать о том, что тот, как всегда, обошел его. Стэгг всегда был первым.

А ночь все не кончалась. Черчилль поднялся с постели, закурил сигару и стал шагать по комнате, заставляя себя не кривить душой.

Во всем происшедшем нет вины ни Питера, ни Робин. И, конечно же, Робин ничуть не любит Стэгга, который, вот бедный дьявол, обречен на короткую, но полную чувственных наслаждений жизнь.

Самое главное, что лишало его покоя — это то, что он хочет жениться на женщине, которая намерена родить от другого. Несомненно, в этом нельзя упрекать ни ее, ни отца ребенка. Важнее было другое: хочет ли он растить ее дитя, как свое собственное?

Наконец, лежа спокойно в постели и прибегнув к технике йогов, он все-таки смог заснуть.

Проснулся он примерно через час после восхода солнца. Слуга сообщил ему о том, что Витроу уехал по делам и что Робин с матерью отправились в храм и должны вернуться через два часа, а может быть и раньше.

Черчилль осведомился о Сарванте, но тот еще не появлялся. Позавтракал он вместе с детьми. Они просили рас-

сказать что-нибудь из его путешествия к звездам, и он описал происшествие на планете звезды Вольфа, где команда была атакована летающими осьминогами. Случилось это во время бегства от преследовавших их местных жителей, когда пришлось пересекать болото на плоту.

Это были гигантские твари, летавшие с помощью наполненного легким газом мешка и добывавшие пищу при помощи длинных свисающих щупалец. Щупальца могла наносить электрические удары, вызывая паралич у жертвы или убивая ее, после чего осьминог разрывал добычу острыми когтями, которыми заканчивались его восемь мускулистых конечностей.

Дети сидели молча, широко раскрыв рты, пока он рассказывал, а к концу повествования смотрели на него, как на полубога. К концу завтрака настроение поднялось, особенно когда Черчилль припомнил, что именно Питер Стэгг спас ему жизнь, отрубив схватившее его щупальце.

Когда он поднялся из-за стола, дети умоляли рассказать еще. Только дав обещание продолжить, когда вернется, ему удалось от них освободиться.

Черчилль велел слугам передать Сарванту, чтобы подождал его, а Робин — что он пошел искать товарищей по команде. Слуги настояли, чтобы он воспользовался каретой и взял охрану. Ему не хотелось быть в еще большем долгу перед Витроу, однако отказ мог, вероятно, оскорбить хозяина. Карета мигом примчала его к стадиону, где стояла "Терра".

Ему пришлось столкнуться с немалыми трудностями в поисках нужных чиновников. Однако в некоторых отношениях Вашингтон почти не изменился. Маленькие взятки то здесь, то там помогли ему раздобыть нужные сведения, и вот он уже в кабинете чиновника, ведающего звездолетом.

— Я бы хотел узнать, где сейчас находится экипаж? — спросил Черчилль.

Чиновник, извинившись, вышел минут на пятнадцать. Он, должно быть, выяснил местонахождение бывшего персонала "Терры". Вернувшись, он сказал, что все, кроме одного, находятся в Доме Заблудших Душ. Это, объяснил он, дом, где можно поесть и переночевать иностранцам и путешественникам, которые не могут найти гостиницу, принадлежащую их братству.

Если вы не посвящены в какое-либо из братств, пояснил чиновник, вам придется искать прибежище в общественных или жилых домах, если только удастся. Это весьма нелегко сделать.

Черчилль поблагодарил и вышел из кабинета. Следуя наставлениям чиновника, он отправился в Дом Заблудших Душ.

Здесь оказались все, с кем он расстался вчера. Они были в одеждах туземцев. Не один Руд догадался продать свою.

Обменявшись последними новостями, Черчилль справился о Сарванте.

— Не слышали о нем ни слова, — сказал Гбве-Хан и добавил. — А мы до сих пор не пришли к какому-либо решению.

— Если наберетесь немного терпения, — обнадежил Черчилль, — то, возможно, еще отплывете домой.

Он поведал им все, что удалось разузнать о мореплавании в Ди-Си и о шансах заполучить корабль, заключив:

— Если я добуду корабль, то уж позабочусь, чтобы каждому из вас на нем досталось по койке. Прежде всего, вам нужно быть готовыми заменить моряков. Это означает, что придется присоединиться в какому-либо из морских братств, а затем походить в море для тренировки. Осуществление этого плана требует времени. Если же вас это не устраивает, то всегда можете попробовать добраться по суше.

После двухчасового бурного обсуждения все члены экипажа решили следовать за Черчиллем.

— Вот и прекрасно, — заключил он, поднимаясь из-за стола. — Пока не последует дальнейших указаний, оставайтесь здесь, как в нашей штаб-квартире. Вы знаете, как связаться со мной. До скорого! Удачи вам!

Черчилль не стал гнать оленей, позволив им идти тем шагом, который им по душе. Он все еще опасался того, что выяснится, когда он вернется в дом Витроу, а ведь он до сих пор еще не решил, как ему поступить.

Наконец, карета остановилась перед домом. Слуги выпрягли оленей. Черчилль заставил себя войти в дом. Робин и ее мать сидели за столом и стрекотали как пара счастливых сорок.

Робин соскочила со стула и побежала к нему. Глаза ее сияли, она восторженно улыбалась.

— О, Руд, это случилось! Я ношу ребенка Героя-Солнце, а жрица сказала, что это будет мальчик!

Он попытался изобразить улыбку, но это ему не удалось. Даже, когда Робин обняла его и расцеловала, а затем стала весело танцевать, ему все не удавалось справиться с собой.

— Хотите холодного пива? — предложила мать Робин. — У вас такой вид, будто вы получили плохие вести. Надеюсь, это не так. Сегодняшний день должен быть днем веселого праздника. Я сама дочь Героя-Солнце и дочь моя — дитя Героя-Солнце. А вот теперь и внук мой будет сыном Героя-Солнце. Трижды благословение Колумбии простерлось над этим домом! Мы должны отблагодарить ее весельем.

Черчилль сел и выпил кружку пива. Вытер пену с губ и произнес:

— Вы должны простить меня. Я выслушивал жалобы моих товарищей. К вам это не имеет никакого отношения. Меня сейчас больше всего интересует дальнейшая судьба Робин.

Анжела Витроу понимающе посмотрела на него, как бы ощущая, что сейчас происходит в его душе.

— Что ж, она возьмет себе в мужья какого-нибудь удачливого молодого человека. Похоже на то, что ей самой будет весьма трудно сделать выбор, так как не менее десятка мужчин имеют серьезные намерения по отношению к ней.

— Предпочитает ли она кого-нибудь? — как ему самому показалось, не очень-то тактично спросил Черчилль.

— Она ничего не говорила мне об этом, — ответила мать Робин. — Но будь я на вашем месте Черчилль, я бы спросила у нее об этом прямо здесь и сейчас — пока не объявились другие соискатели.

Он смутился, но ничем не выдал волнение.

— Вы прямо читаете мои мысли.

— Вы ведь мужчина, не так ли? И я знаю, что вы нравитесь Робин. Я уверена в том, что вы будете ей наилучшим из мужей.

— Благодарю вас, — пробормотал Черчилль.

Некоторое время он сидел молча, барабаня пальцами по столу. Затем встал и подошел к Робин, которая ласкала одну из своих кошек. Обхватив Робин за плечи, он спросил:

— Пойдешь за меня, Робин?

— Да, да! — закричала она и упала в его объятия.

Вот и все, пожалуй.

Как только Черчилль принял решение, его уже нисколько не беспокоило, что Робин не девушка и что она зачала ребенка от капитана Стэгга. Ведь могло, в конце концов, быть так, что она была замужем за ним и родила сына, а затем Стэгг умер, и поэтому у Черчилля не может быть ни малейших оснований в чем-либо обвинять ни его, ни Робин. Эта ситуация ничуть не отличалась от той, которую он так мучительно исследовал, где Робин всего одну ночь была замужем за его бывшим командиром, а Питер Стэгг, хотя еще и жив пока, все равно обречен.

Он понял окончательно, что его душевное равновесие нарушилось только тем, что он рассматривал происходящее, исходя из системы оценок в данном случае неприемлемых. Ему хотелось, чтобы его невеста была девушкой, но она ею уже не была, и с этим ничего не поделаешь.

И все же, где-то в самой глубине души у него то и дело возникало ощущение, что в чем-то его обманули.

Но предаваться подобным мыслям все время было просто невозможно — жизнь продолжалась. Витроу вызвали домой из его конторы. Он разрыдался и обнял дочь и своего будущего зятя, а затем напился вдрызг. Тем временем служанки увели Черчилля, чтобы помыть его и постричь, сделать массаж и надушить. После того, как его туалет был завершен, он увидел, выйдя из ванной, что Анжела Витроу с несколькими подругами занята приготовлениями к праздничному гулянью, которое должно было состояться сегодня же вечером.

Гости стали собираться сразу после ужина. К этому времени успели изрядно набраться и оба старшие Витроу и суженый младший из них, но гостей это вовсе не смущало. Казалось, другого они и не ожидали и вовсю стремились их догнать.

В доме Витроу воцарилась атмосфера буйного веселья, шумных разговоров, открытого хвастовства. Общее настро-

ение не испортил даже прискорбный инцидент, когда один из парней, ранее ухаживавших за Робин, непристойно прошелся по адресу чужеземного акцента Черчилля и затем вызвал его на поединок, дуэль на ножах, причем оба должны быть привязаны за талию к тотемному столбу. Робин доставалась победителю.

Освоившись с простыми нравами Ди-Си, Черчилль, не долго думая, заехал парню в челюсть. Друзья его, смеясь и громко икая, отнесли неподвижное тело своего незадачливого приятеля в одну из своих колясок, а сами вернулись продолжать веселье.

Около полуночи Робин оставила друзей и взяла Черчилля за руку.

— Идем в постель, — шепнула она.

— К-куда? С-сейчас?

— Ко мне в комнату, глупенький. И, разумеется, сейчас.

— Но, Робин, мы ведь еще не поженились? Или я такой пьяный, что даже не заметил?

— Ну и что? Свадьба будет в Храме в конце следующей недели. Только какое отношение это имеет к нашему желанию завалиться в постель?

— Никакого, — признался он, пожимая плечами. — Другие времена — другие нравы. Веди, Макдуф.

Робин хихикнула и спросила:

— Что это там ты бормочешь?

Воздержавшись от объяснений, кто был Шекспир и когда жил, он задал встречный вопрос:

— Слушай, а что ты будешь делать, если я дам задний ход до того, как мы поженимся?

— Ты шутишь, разумеется?

— Верно. Просто ты должна понять, Робин, дорогая, что я плохо знаком с обычаями Ди-Си и к тому же очень любопытен.

— Я-то сама ничего не буду делать. Но это будет смертельным оскорблением моему отцу и брату. Им придется тебя убить.

Следующая неделя была до предела заполнена различными делами, в дополнение к обычным приготовлениям в свадебной церемонии Черчилль должен был решить, к какому из братств он намерен примкнуть. Было

бы немыслимым, чтобы Робин вышла замуж за мужчину без тотема.

— Я бы предложил свой собственный тотем Льва, — посоветовал Витроу. — Но тебе лучше было бы примкнуть к братству, непосредственно связанному с твоим занятием и именно такому, которое было благословлено духом-хранителем в образе животного, с которым ты будешь иметь дело.

— Вы имеете в виду одно из рыбацких братств, Рыбы иди Дельфина?

— Нет, ничего подобного. Я имею ввиду тотем Кабана. Неразумно разводить свиней и в то же самое время иметь в качестве своего тотема Льва — зверя, который на них охотится.

— Но, — запротестовал Черчилль, — какое мне дело до свиней?

Наступила очередь Витроу удивляться.

— Разве ты еще не обсуждал это с Робин? Ну, впрочем, это неудивительно. У нее мало было времени для болтовни. Правда, вы оставались одни каждую ночь от полуночи до утра. Но в это время, я не сомневаюсь, вы больше занимались соответствующими постельными упражнениями. Вот бы снова стать молодым! Так вот, мой мальчик, положение таково. Я унаследовал несколько ферм от отца, который тоже был не промах, когда дело касалось денег. Мне нужно, чтобы ты заведовал этими фермами по нескольким причинам.

Во-первых, я не доверяю нынешнему управляющему. Думаю, он меня обманывает. Докажи мне это, и я его вздерну.

Во-вторых, на мои фермы совершают регулярные набеги карелы, воруя лучший скот и женщин с хорошей внешностью. Дома и хлевы они не сжигают и не оставляют батраков голодными, так как они умные люди и не хотят убивать гусыню, несущую золотые яйца. Ты должен прекратить набеги.

В-третьих, я понимаю, что ты — человек образованный и немного смыслишь в селекции. Ты сможешь улучшить свой скот.

В-четвертых, когда я вернусь в лоно Великой Седой Матери, ты унаследуешь несколько ферм. Торговый флот достанется моим сыновьям.

Черчилль встал.

— Я должен поговорить с Робин.

— Поговори, сынок. Но ты увидишь, что она согласна со мной.

Витроу оказался прав. Робин не хотела, чтобы ее муж был капитаном судна. Она бы не смогла выдержать частых разлук.

Черчилль опроверг этот довод, сказав, что она могла уходить в плавание вместе с ним.

Робин возразила, что это невозможно. Жены моряков не могут сопровождать своих мужей. Они бы мешали на судне, увеличивали расходы, и что хуже всего, навлекали бы на корабль беду. Даже когда на судно берут за плату пассажира-женщину, требуется, чтобы жрец особо благословил корабль, дабы не навлечь на него несчастья.

Черчилль уколол ее, сказав, что если она любит своего мужа, то смирится с его продолжительными отлучками.

Робин и здесь не осталась в долгу. Если он по-настоящему ее любит, то не захочет оставлять ее одну даже ненадолго. Кроме того, а как же дети? Всем известно, что дети, выросшие в семьях, где отец более или менее часто отсутствует, обычно вырастают с извращенной психикой. Детям нужен сильный отец, который всегда рядом для ласки и для поддержания дисциплины.

Черчилль призадумался на минуту.

Возьми он назад обещание жениться, неизбежен поединок с Витроу и его сыном. Кто-то будет убит, и Черчилль не сомневался в том, что, скорее всего это будет он. Но даже если он не уступит двум мужчинам Витроу и сразит их, то ему придется тогда сражаться с ближайшими родственниками, а таковых у Витроу было множество. Конечно, он мог бы вынудить Робин, чтобы она сама его отвергла. Но он не хотел ее терять.

В конце концов он сдался.

— Ладно, дорогая. Буду свиноводом. Только хочу попросить об одном. Мне хочется прежде, чем осесть, совершить одно последнее морское путешествие. Мы можем отправиться в Норфолк на судне, а затем добраться к фермам сушей.

Робин вытерла слезы, улыбнулась и поцеловала его. Затем сказала, что была бы бессердечной дрянью, если бы отказала ему в этом.

Черчилль ушел, чтобы предупредить своих товарищей о том, что им придется оплатить билеты на то судно, на котором он будет с Робин. Он позаботился о том, чтобы им хватило на это денег, и договорился с ними о том, что как только корабль выйдет в открытое море, они его захватят и попытаются пересечь Атлантику. Очень плохо, что у них не было возможности приобрести навыки кораблевождения и что учиться придется на ходу.

— А твоя жена не рассердится? — поинтересовался Ястржембовский.

— Еще как! Но если она любит меня, то пойдет за мной. Если же не любит, то мы высадим на берег ее и команду перед отплытием в океан.

Но экипажу "Терры" так и не представился случай захватить корабль. На второй день плаванья на них напали пираты-карелы.

XI

У входа в Вассарское училище Стэгг услышал те же гимны или вариации песнопений, которые слышал всегда, когда ему вручали ключи от городов. В данном конкретном случае ему вручили диплом почетного профессора. Здесь, однако, приветственные гимны исполнялись не огромными толпами, а хором из новеньких послушниц. Женщины постарше, жрицы и преподавательницы, разодетые в голубое и алое, полумесяцем располагались за одетым во все белое хором. Пока послушницы пели, остальные кивали в знак одобрения или постукивали своими жезлами от великой радости лицезрения Рогатого Короля.

Боевой отряд Пант-Эльфов застал Вассарское училище совершенно врасплох. Участники набега неизвестно откуда получили сведения о том, что Герой-Солнце должен посетить неофициальную церемонию во дворе семинарии в полночь. Они узнали также, что жителей, близлежащего городка Пюкипси предупредили: не мешать проведению церемонии. Единственным мужчиной на территории семинарии был Стэгг, жриц было около сотни.

Воины прямо из окружавшей семинарию темноты ворвались в освещенный факелами двор. Женщины опомнились только тогда, когда Пантс-Эльфы издали боевой клич и начали рубить головы тем, кто был в первых рядах.

Питер ничего не помнил из того, что было после. Когда он поднял голову, услышав шум, то только и успел увидеть прыгнувшего на него мужчину, который и оглушил его, ударив плоской стороной меча.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что висит, как забитый олень, на жерди, которую несли на плечах двое мужчин. Руки и ноги его онемели из-за нарушения кровообращения, так как он был привязан к жерди ремнями из сыромятной кожи. Ему казалось, что голова вот-вот расколется; она болела не только от удара, но и от прилива крови, вызванного положением его тела.

Высоко в небе стояла полная луна. В ее ярком свете он мог видеть только голые ноги и грудь человека, шедшего сзади. Повернув голову, Питер различил отсвет луны на сильно загоревших спинах мужчин и белой одежде жрицы.

Внезапно его грубо опустили на твердую землю.

— Старый Рогач пришел в себя, — услышал он низкий мужской голос.

— Давайте развяжем этого ублюдка, пусть идет сам, — послышалось в ответ. — Я устал тащить этого никчемного зверя. Жердь на дюйм впилась мне в плечо.

— Хорошо, — послышался третий голос, принадлежавший, по-видимому, вожаку. — Развяжите его. Но спутайте руки за спиной и накиньте петлю на шею. Если попытается бежать, мы его придушим. Эй, поосторожней с ним! На вид он силен, как лось.

— Ох, какой сильный! А как хорошо сложен! — воскликнул четвертый. Голос был намного выше, чем у остальных. — Мальчик просто прелесть!

— Ты что, добиваешься, чтобы я приревновал? — грозно произнес один из мужчин. — Если так, голубь мой, то это у тебя получается. Только не переборщи, не то я вырежу из тебя печенку и скормлю ее твоей мамаше.

— Не смей ничего говорить о моей матери, ты, волосатый! — отпарировал высокий голос. — Ты что-то перестаешь мне нравиться!

— Во имя Колумбии, Матери нашей Благословенной! Прекратите эту ссору влюбленных! Мне уже тошно от них! Мы в военном походе, а не на гулянке в тотемном зале. Давай, освободи его. Но смотри в оба.

— Я при всем желании не смог бы охранять его, — вновь раздался высокий голос.

— Ты хочешь пересадить его рога на мой лоб? — спросил только что угрожавший мужчина. — Только попробуй, и я так разукрашу твою морду, что ни один мужчина больше на тебя не глянет.

— Последний раз говорю, заткнитесь! — резко прикрикнул вожак. — Еще раз, и я перережу глотку тому, кто первый начнет препираться, поняли? Вот и прекрасно! Тогда пошли. Нам еще чертовски долго идти по вражеской территории и, наверное, совсем скоро по нашим следам пустят гончих.

Стэгг весьма свободно разбирал то, о чем говорили похитители. Язык их был близок к языку Ди-Си, примерно, как датский к немецкому. Ему доводилось слышать такой и раньше, в Кэмдене, когда в его честь были перерезаны глотки у группы плененных пантс-эльфов на грандиозном празднестве. Многие их пленников были храбрецами: они выкрикивали непристойности в адрес Героя-Солнце, даже захлебываясь собственной кровью.

Ныне он был не против того, чтобы глотки перерезали всем мужчинам Пантс-Эльфа. Ноги и руки онемели и ныли все больше. Ему захотелось закричать от боли, но, понимая, что пантс-эльфы вышибут из него дух, он сдержался. Да и не хотелось доставлять им удовольствие, выдавая, насколько ему плохо.

Налетчики связали ему руки за спиной, затянули петлю на шее и пригрозили проткнуть ножом спину при первом же подозрительном движении. Затем Питера толкнули вперед.

Поначалу ему показалось, что он не в состоянии идти. Каждый раз, споткнувшись, он чувствовал, как петля стягивает шею и перехватывает дыхание. Но через некоторое время, по мере того, как восстанавливалось кровообращение и утихала боль, он мог идти быстрее. Это ему показалось добрым знаком.

Сейчас отряд спускался с пологого холма по редколесью: человек сорок, построенных по два, и у каждого широкие мечи, короткие копья, дубины, луки и стрелы. На них не было никаких доспехов, по-видимому, чтобы не ограничивать. Воины Пантс-Эльфа не отращивали длинные волосы, как жители Ди-Си, а подрезали их очень коротко. Широкие темные усы делали их лица весьма необычными в этом мире — пант-эльфы оказались первым народом, из виденных им, оставляющим растительность на лице.

Когда отряд вышел из леса и стал спускаться к берегу реки Гудзон, Питеру удалось лучше рассмотреть пантс-эльфов и он обнаружил, что усы вытатуированы или нарисованы.

Более того, на голой груди каждого большими буквами было выведено слово "МАТЕРЬ".

Пленников оказалось семеро: он сам, пять жриц и — сердце его слегка дрогнуло — Мэри Кэйси. Их руки также были связаны за спинами. Питер попытался нагнуться к Мэри, чтобы шепнуть что-то, но веревка вокруг шеи оттянула его назад.

Отряд остановился. Несколько воинов раздвинули кусты, стали разгребать груду веток, и вскоре показались несколько крупных каноэ, укрытых в небольшом углублении в земле. Их перенесли у самой воды.

Пленников посадили в каноэ по одному в каждое, и флотилия направилась к противоположному берегу.

После переправы каноэ столкнули вниз по течению, и отряд быстрым шагом двинулся через лес. Время от времени кто-либо из пленников, споткнувшись, падал на колени или навзничь. Пантс-эльфы пинали их и угрожали перерезать горло тут же, если они не перестанут плестись, как неуклюжие коровы.

Один раз упала Мэри Кэйси. Кто-то пнул ее под ребра, и девушка скорчилась от боли. Стэгг взревел от ярости и громко сказал:

— Стоит только мне высвободиться, пантс-эльф, я оборву твои руки и ими же тебя придушу!

Пантс-эльф рассмеялся и ответил:

— Давай, дорогуша. Одно удовольствие побывать в объятиях такого мужика, как ты.

— Матери ради, помолчи-ка! — вскричал вожак. — Это война или гулянка?

Остаток ночи прошел спокойно. Некоторое время шли быстро, затем продвижение замедлилось. К утру было пройдено немало миль, хотя и меньше, чем если бы шли напрямик. Приходилось все время петлять среди крутых склонов.

Едва только стала светлеть восточная кромка горизонта, вожак объявил привал.

— Надо укрыться где-нибудь и поспать до обеда. Затем, если вокруг будет достаточно безлюдно, двинемся вперед. Днем можно уйти гораздо дальше, пусть даже будет больше шансов на то, что нас засекут.

Они подыскали удобную выемку под нависшим карнизом обрыва, расстелили одеяла прямо на земле и улеглись. Через несколько минут все спали, кроме четырех часовых, оставленных для присмотра за пленниками и на тот случай, чтобы объявить тревогу в случае появления Ди-Си.

Стэгг тоже был исключением.

— Эй! — обратился он к одному из часовых. — Я не в состоянии уснуть! Я голоден!

— Поешь вместе с остальными, — буркнул часовой. — То есть, если что останется.

— Тебе этого не понять. У меня ненормальная потребность в еде. Если я не буду есть каждые четыре часа и притом вдвое больше, чем обычный человек то мое тело начнет пожирать само себя. Тому виной рога. Они так воздействуют на меня, что я должен есть, как самец лося.

— Сейчас я принесу тебе охапку сена, — тихо заржал часовой.

Кто-то другой тихо шепнул Стэггу сзади:

— Не беспокойся, красавчик мой. Я что-нибудь тебе раздобуду. Не могу себе позволить, чтобы такой чертовски красивый мужик помер с голоду. Это было бы такой утратой!

Послышался шорох заплечного мешка. Часовые с любопытством посмотрели на добровольца, затем осклабились.

— Похоже, ты совсем свел с ума Абнера, — хмыкнул один из них, обращаясь к Стэггу. — Вот только это вряд ли понравится его дружку, Люку, когда он проснется.

Другой добавил:

— Хорошо еще, что голоден не Абнер. А то он мог бы тебя съесть с потрохами. Ха, ха, ха!

Шептавший, наконец, возник перед Питером. Это был невысокий юноша, тот самый, что, не стесняясь, восхищался им прошедшей ночью. В руках у него были полбуханки хлеба, два больших ломтя ветчины и фляга.

— Сиди тихонько, малыш. Мама покормит большого Рогатика.

Часовые тихо засмеялись. Стэгг покраснел, но был слишком голоден, чтобы отказаться от пищи. Ему чудилось, что внутри него пылает огонь, плоть пожирает плоть.

Тонконогому на вид было не более двадцати лет.

Это был красавчик с очень стройными бедрами, длинными в отличие от остальных пантс-эльфов, вьющимися кудрями цвета спелой пшеницы. Женщины, пожалуй, сочли бы его миловидным, если б не нарисованные усы, портившие нежное лицо, придавая владельцу несколько шутовской вид. Зато большие карие глаза, окаймленные длинными пушистыми ресницами, очень красили юношу, зубы были настолько белы, что казались вставными, а язык был неестественно красен, по-видимому, из-за злоупотребления какой-то жвачкой.

Стэгга передернуло от омерзения. Невыносимо оказаться в должниках у подобной мрази. Но рот его, вопреки мыслям, открывался, казалось, сам собой, заглатывая пищу.

— Вот и славно, — проворковал Абнер, ласково поглаживая панты Стэгга. Затем провел длинными нежными пальцами по волосам.

— Рогатику сейчас лучше? Как там насчет хорошего поцелуя, в знак благодарности Рогатика?

— Рогатик вышибет из тебя дух, только сунься поближе, — отрезал Питер.

Абнер удивленно выпучил глаза, отступил назад, его нижняя губа искривилась в негодовании.

— Разве так обращаются с дружком, который спас тебя от голодной смерти? — спросил он обиженно.

— Разумеется, не так, — ответил Стэгг. — Я просто хотел, чтобы ты понял, если попытаешься затеять свои шуточки, я прибью тебя.

Абнер засмеялся, ресницы его встрепенулись.

— О, ты должен стать выше этого глупого предрассудка, малыш. Кроме того, я наслышался о том, что вы, рогатые люди, сверхчувственны и когда возбуждены, вас уже ничто не может остановить. Что же ты намерен предпринять, если вокруг не окажется женщин?

Его губы насмешливо искривились, когда он упомянул про женщин. "Женщины" были весьма вольным переводом слова, которое он употребил, слово, которое во времена Стэгга применялось в самом унизительном, физиологическом смысле. Позже Питер узнал, что мужчины Пантс-Эльфа всегда прибегают к этому словечку в разговорах между собой, хотя в присутствии женщин они обращаются к ним, употребляя слово "ангел".

— Будущее покажет, — пробормотал он, закрыл глаза и уснул.

Ему показалось, что проспал он не более минуты, но солнце уже стояло в зените. Пит присел и стал искать взглядом Мэри Кэйси. Девушка ела, руки ее были развязаны, но рядом стоял часовой с мечом наготове.

Вожака банды звали Раф. Это был крупный, широкоплечий мужчина с узкой талией, потрясающими волосами и холодными бледно-голубыми глазами.

— Мэри Кэйси говорит, что ты не из Ди-Си, — сказал он. — Она утверждает, что ты сошел с неба на огненном железном корабле и покинул Землю восемьсот лет назад ради исследований звезд. Она лжет?

Питер вкратце рассказал свою историю, внимательно наблюдая за Ральфом. Он надеялся, что Раф решит обращаться с ним не так, как обычно обращаются пантс-эльфы с жителями Ди-Си, оказавшимися в их власти.

—Да, тебе можно позавидовать, — произнес Раф с энтузиазмом, хотя его бледно-голубые глаза оставались такими же бесстрастными, как и всегда. — А эти бешеные рога! Они придают тебе вид настоящего мужика! Я слышал, что когда вы, Рогатые Короли, в силе, то можете заменить полсотни застоявшихся кобелей.

— Это общеизвестно, — подтвердил Стэгг спокойно. — Я хотел бы узнать другое: что нас ждет дальше?

— Это мы решим, когда покинем территорию Ди-Си и переправимся через Дэлавер. У нас впереди еще два дня

усиленного хода, мы будем в безопасности, как только перевалим через Шаванганские Горы. За Шаванганками простираются земли кочевников, где повстречаться можно только с небольшими вооруженными отрядами как своими, так и противника.

— Почему бы меня не развязать? — спросил Стэгг. — Теперь я уже не могу вернуться в Ди-Си, и моя судьба отныне крепко повязана с вашей.

— Ты что, смеешься? Я бы скорее выпустил на волю взбесившегося лося! Я — человек чертовски добрый, крошка, но не хотел бы оказаться с тобой наедине. Нет, с тобою лучше не связываться. Так и оставайся связанный. Вернее будет.

Отряд двинулся в путь быстрым шагом. Двое разведчиков бежали впереди, чтобы предупредить о засаде. Преодолевая Шаванганские Горы, воины очень осторожно вышли на перевал, подолгу прячась в ожидании сигналов дозорных. В полночь отряд, наконец, сделал привал по другую сторону высокого каменистого кряжа.

Стэгг несколько раз пытался заговорить с Мэри Кэйси, успокоить ее. Девушка выглядела совсем измотанной. Всякий раз, когда она начинала отставать, ее ругали и били. Особенно суров с нею был Абнер — казалось, он ненавидел ее.

Вечером третьего дня они пересекли вброд Дэлавер, заночевали на другом берегу, поднялись на заре и к восьми часам утра триумфально вступили в небольшое приграничное селение Хай Квин.

В Хай Квине жило человек пятьдесят. Каменные дома, уродливой прямоугольной формы, с заборами из камня и бетона, возвышались на добрые восемь метров. Двери были упрятанны в глубоких нишах. Окна домов выходили во двор.

Ни дворов, ни лужаек, стены шли заподлицо с улицей. Однако между домами располагались поросшие бурьяном пустыри, на которых паслись козы, копошились куры и возились грязные голые дети.

Толпа, приветствовавшая отряд, состояла, в основном, из мужчин. Несколько случайно оказавшихся женщин ушли, подчинившись грубому приказу. Их лица скрывала вуаль, длинная одежда укрывала тела с головы до самой

земли. Очевидно, здесь женщины были существами низшего сорта, несмотря на то, что единственным идолом в городе была гранитная статуя Великой Седой Матери.

Позже Питер узнал, что пантс-эльфы тоже поклоняются Колумбии, но в Ди-Си считали их еретиками. В религиозных канонах пантс-эльфов каждая женщина была живым воплощением Колумбии и, следовательно, священным сосудом материнства. Но мужская половина Пантс-Эльфа также понимала, что плоть слаба. Поэтому мужчины делали все, чтобы лишить женщин малейшей возможности осквернять чистоту этого сосуда.

Им полагалось быть хорошими служанками и добрыми матерями, но не более. Их внешность должна была быть как можно больше скрыта, показываться на людях они должны были как можно реже, чтобы не вводить мужчин в искушение. Мужчины вступали в половой контакт со своими женами только ради продолжения рода. Другие контакты, как в личной, так и в общественной жизни, сводились к минимуму. Процветало многоженство, полезность которого подкреплялось доводом, согласно которому полигамия — отличное средство для быстрого заселения пустующих земель.

Женщины, отгороженные от мужчин и предоставленные обществу себе подобных, зачастую становились лесбиянками. Такое поведение даже поощрялось мужчинами, но тем не менее женщинам предписывалось ложиться в постель с мужчиной по меньшей мере три раза в неделю. Это возлагалось на мужа и жену как святая обязанность, сколь бы неприглядна она ни была для обоих. Результатом была почти непрекращающаяся беременность.

Это и было то состояние женщины, которого жаждал мужчина. Согласно их еретическому учению беременная была ритуально нечистой, прикасаться к ней могли только жрицы и другие нечистые.

Пленников заперли в одном из самых больших каменных домов. Прислужницы принесли им пищу, но перед этим Стэгга заставили одеть юбку, чтобы не смущать женщин. Участники набега и жители поселка отпраздновали возвращение повальной пьянкой.

Около десяти часов вечера хмельная толпа вломилась в камеру и выволокла Питера, Мэри и жриц на главную

площадь поселка, к статуе Колумбии. Изваяние окружали большие груды дров, а в центре каждой торчал столб.

К каждому столбу привязали по жрице. Стэгга и Мэри не тронули, но заставили стоять и смотреть.

— Этих злых ведьм необходимо очистить огнем — пояснил Раф. — Поэтому мы не поленились привести сюда этих девушек. Нам жаль тех, кто пал от меча. Их души навсегда потеряны и обречены вечно блуждать неприкаянными. Но этим повезло. Очищенные огнем, они отойдут в блаженные края.

— Конечно, плохо, — добавил он, что в Хай Квин нет священных медведей; всем известно — лучше бы скормить нечистивиц медведям. Медведи, понимаете, такое же орудие, как и огонь.

За себя, Олень, и за девку пока не беспокойся. Жаль пускать тебя в расход в таком вшивом селении. Мы отведем вас в Филу, пусть правительство решает, как с вами поступить.

— Фила? Филадельфия, город братской любви?

В последний раз за этот вечер Питер попытался поддержать себя шуткой.

Костры были подожжены, и начался ритуал очищения.

Стэгг какое-то мгновение смотрел, затем закрыл глаза. На его счастье криков слышно не было, так как несчастным перед казнью заткнули рты. Жрицы, сгорая, имели обыкновение низвергать потоки проклятий на пантс-эльфов. Кляпы уберегали суеверных зрителей от этого.

Увы, запах, горелой плоти заткнуть было невозможно, им с Мэри стало дурно. К тому же приходилось еще и переносить веселый смех мучителей.

Когда костры догорели, обоих пленников увели назад, в тюремную камеру. Несколько стражников схватили Мэри за руки, а двое других раздели ее догола, одели на бедра железный пояс целомудрия и сверху натянули юбку.

Стэгг пытался воспротивиться, но на него посмотрели с удивлением.

— Что? — возмутился Раф. — Оставить ее незащищенной перед искушением? Позволить, чтобы этот чистый сосуд Колумбии был загрязнен? Ты, должно быть, сошел с ума. Если оставить ее наедине с тобой, Рогатый Король, то результат очевиден. Учитывая твою неистощимость, он

для нее будет роковым. Вы должны благодарить нас за это. Ведь ты прекрасно знаешь, что сотворил бы с нею!

— Если вы меня и дальше будете так кормить, — отрезал он, — то я ни на что не буду годен. Я умираю от истощения.

По правде говоря, в некотором отношении ему совсем не хотелось есть. Скудная диета заметно ослабила воздействие рогов на его организм. Но он продолжал страдать от неудовлетворенного желания, что стало постыдно заметно и оказалось мишенью многочисленных насмешек и восхищенных замечаний тюремщиков. Однако вожделение, испытываемое сейчас, не шло ни в какое сравнение с сатириазисом, который овладевал им в Ди-Си.

Сейчас Питер опасался того, что, поев, он набросится на Мэри Кэйси независимо от того, в поясе целомудрия ли она или без него. Но не менее его пугало и то, что если он не подкрепится, то к утру будет мертв.

Наверное, подумалось ему, не помешает все-таки подкрепить немного свое тело и рога, но не в такой мере, чтобы влечение стало неуправляемым.

— Почему бы не поместить нас в разных помещениях, если вы так уверены, что я на нее наброшусь? — предложил он.

Раф сделал вид, будто удивился такому предложению. Но Стэгг догадался, что он исподволь подталкивал пленника к тому, чтобы тот сам высказал такое пожелание.

— Разумеется! Просто я так устал, что плохо соображаю! — горячо откликнулся Раф. — Мы запрем тебя в другой комнате.

Эта комната была в том же доме, но по другую сторону внутреннего двора. Из окна ему было видно окно комнаты Мэри. Света там не было, но луна хорошо освещала двор. Питер отчетливо видел бледное лицо Мэри, плотно прижавшееся к стальным прутьям.

Ожидание длилось минут двадцать. Затем раздался долгожданный звук ключа, вставляемого в замок обитой железом двери.

Скрипнули несмазанные петли, и дверь отворилась. Вошел Абнер с большим подносом в руках. Он поставил чашу на стол и крикнул часовому, что позовет его в случае

надобности. Часовой попробовал возразить, но осекся, увидев свирепый взгляд Абнера. Он был из местных и имел причины бояться этих филадельфийских головорезов.

— Смотри, Рогатик, — промурлыкал Абнер, — какую чудесную еду я принес! Ты догадываешься о том, что за это будешь у меня в небольшом долгу?

— Разумеется, буду, — ответил Питер. Он был уже готов на все, что угодно ради еды. — Ты принес более, чем достаточно. Но если позже я захочу еще, ты мог бы легко достать?

— На спор. Кухня чуть дальше по коридору. Кухарка ушла домой, но я ради тебя охотно выполню женскую работу. Как насчет поцелуя в знак благодарности?

— Только после еды, — сказал Стэгг, принуждая себя улыбнуться Абнеру. — Там посмотрим.

— Не скромничай, Рогатик. И, пожалуйста, скорее ешь. У нас не так уж много времени. Я уверен, эта сука Раф намеревается заглянуть сюда ночью. Да и Люк, мой приятель... Не дай Колумбия, если он узнает, что я здесь, с тобой наедине...!

— Я не могу есть с руками, завязанными за спиной.

— Не знаю, не знаю..., — нерешительно протянул Абнер. — Ты такой большой, такой сильный. У тебя такие огромные руки — ты бы мог меня разорвать на куски голыми руками.

— Это было бы очень глупо с моей стороны. Кто бы тогда таскал мне еду? Я бы умер с голоду.

— Верно. Значит, ты не причинишь вреда своему маленькому дружку? Я такой слабый и беззащитный. И похоже, тебе чуточку нравлюсь, не правда ли? Ты ведь не думаешь на самом деле сделать со мною то, о чем говорил во время перехода?

— Разумеется, это я просто так, — промычал Стэгг, пережевывая ветчину, хлеб с маслом и соленья. — Я сказал лишь для того, чтобы твой дружок Люк ни о чем не догадался.

— Так ты не только сногсшибательно красив, ты еще и умница к тому же, — восхищенно сказал Абнер. Лицо его слегка вспотело. — Ты уже чувствуешь себя достаточно сильным?

Питер хотел было сказать, что должен съесть все до конца, прежде чем к нему вернется сила, но вспомнил о необходимости воздержания. Его выручил шум снаружи. Питер приложил ухо к железу двери.

— Это твой дружок, Люк. Ему известно, что ты у меня и он требует, чтобы его пропустили.

Абнер побледнел.

— О, Матерь! Он убьет меня, и тебя тоже! Такая ревнивая сука!

— Позови его. Я беру это на себя. Я не стану его убивать, просто задам небольшую взбучку. Пусть знает, как обстоят дела у нас с тобой.

Абнер взвизгнул от восторга.

— Это будет божественно!

Он схватил руку Питера и в умилении закатил глаза.

— Матерь! Что за бицепс! Такой большой и такой твердый!

Стэгг постучал кулаком по двери и сказал часовому:

— Абнер просит пропустить!

— Да, да, — пролепетал Абнер, прячась за спину Стэгга. — Именно так. Пусть Люк пройдет.

Он поцеловал Питера в затылок.

— Воображаю, какая у него будет рожа, когда ты ему скажешь о нас. Я чертовски устал от его ревнивых выходок.

Дверь скрипнула, и в комнату с мечом в руке ворвался Люк. Часовой захлопнул за ним дверь, и все трое оказались взаперти.

Стэгг не стал терять время зря. Он рубанул ладонью по шее Люка. Тот свалился, меч его зазвенел, ударившись о пол.

Абнер слегка вскрикнул от восторга. Затем увидел лицо повернувшегося к нему пленника и открыл рот, чтобы закричать. Но прежде, чем легкие наполнились воздухом, тоже рухнул на пол. Голова оказалась под каким-то непривычным углом к туловищу. Удар кулака был столь силен, что сломал шейные позвонки.

Стэгг отволок тела вглубь комнаты, чтобы их не было видно с порога, взял меч Люка и резким ударом отсек ему голову.

Затем легонько постучал по двери и позвал, подражая голосу Абнера:

— Часовой! Иди сюда и заставь Люка прекратить издеваться над пленником!

Ключ повернулся, и часовой с мечом в руках вошел внутрь. И тотчас же напоролся на меч. Голова часового на полме́тра отлетела от тела, из разрубленной шеи брызнул поток крови.

Стэгг засунул за пояс кинжал часового и вышел в коридор, тускло освещенный факелом в дальнем конце. Рассудив, что именно там находится кухня, он, не мешкая, направился туда. Дверь вела в большую комнату, полную всякой еды. Питер нашел вещевой мешок и, наполнив его пищей и несколькими бутылками вина, снова вышел в коридор.

Как раз в это время в коридоре появился Раф.

Шел он, крадучись, и, вероятно, из-за охватившего его волнения не заметил отсутствия часового. При нем не было никакого оружия, кроме ножа в чехле у пояса.

Стэгг стремглав ринулся к нему. Раф поднял голову и увидел бегущего прямо на него рогатого человека с поднятым мечом в одной руке и большим мешком в другой.

Он повернулся и побежал к выходу. Поздно! Лезвие прошло насквозь через его шею.

Стэгг переступил через труп, из которого все еще хлестала кровь, и вышел во двор. Здесь он наткнулся на двух охранников, спавших прямо на каменной дорожке. Как и большинство обитателей Хай Квина они были пьяны до потери сознания. Ему не хотелось оставлять ни малейшего шанса на то, чтобы его преследовали и двумя быстрыми ударами по шее он устранил эту возможность. У тому же, у него возникло желание убивать всех пантс-эльфов, сколько их ни попадется под руку.

Питер быстро пересек двор и вошел в другой коридор, точно такой же как и тот, откуда он вышел. Возле двери в комнату, где была заперта Мэри, сидел часовой, приложив к губам бутылку.

Он заметил Стэгга только тогда, когда тот уже был рядом. Какое-то мгновенье он был парализован от изумления и не мог даже пошевелиться. Этого мгновения вполне хватило, чтобы метнуть в него меч острием вперед.

Острие ударило стражника прямо в букву "А" вытатуированного на его голой груди слова "Матерь". Часовой от удара отшатнулся назад, рука его вцепилась в поразившее грудь лезвие. К удивлению Питера, другая его рука продолжала крепко держать бутылку.

Острие вошло в тело неглубоко, но Стэгг сбросил с плеча мешок, прыгнул к мечу, схватил его за рукоятку и с силой толкнул эфес. Лезвие проткнуло насквозь внутренности до самого позвоночника.

Мэри Кэйси едва не потеряла сознание, когда открылась дверь и в комнату вошел окровавленный рогатый человек. Затем она все поняла.

— Питер Стэгг! Как это...?

— Потом, — бросил он. — Нет времени на разговоры!

Вместе они перебегали из тени одного дома в тень другого, пока не достигли стены и высоких ворот, через которые попали в поселок. У ворот стояли двое часовых и еще двое — в небольших будках над ними.

К счастью все четверо отсыпались после попойки. Стэггу не составило особого труда перерезать кинжалом горло обоим часовым внизу. Затем он неслышно поднялся по ступеням, которые вели к смотровым будкам, и покончил еще с двумя. Без всякого труда он вытащил огромный дубовый болт, удерживавший обе половины ворот вместе.

Они вышли на ту же тропу, по которой их вели сюда. Сотню шагов пробежали. сотню прошли быстрым шагом, опять пробежали, сотню, снова перешли на ходьбу.

Подойдя к реке Дэлавер, они перешли ее вброд в том же месте, что и утром. Мэри захотела отдохнуть, но он возразил — останавливаться нельзя.

— Когда в поселке проснутся и обнаружат все эти обезглавленные трупы, то бросятся в погоню. Они не остановятся, пока нас не перехватят, если только мы не доберемся до Ди-Си раньше, чем они. Но от Ди-Си тоже не приходится ждать добра. Нам нужно пробираться в Кэйсиленд.

Пришло время, когда им все-таки пришлось перейти на медленную ходьбу — Мэри уже не могла идти так быстро, как он.

В девять часов утра она села.

— Не могу больше сделать ни шага. Я должна хоть немного передохнуть.

Они нашли ложбинку в сотне метров от тропы. Здесь Мэри сейчас же уснула. Питер сначала поел и выпил, затем тоже прилег. Ему хотелось остаться на страже, но он понимал, что все равно через несколько часов отдых понадобится ему тоже. Следовало восстановить силы, потому что не исключено, что придется нести Мэри.

Он проснулся раньше Мэри и снова перекусил.

Когда она открыла глаза несколькими минутами позже, то увидела склонившегося над ней Стэгга.

— Что ты делаешь?

— Молчи. Пробую снять твой пояс целомудрия.

XII

Контуры лица в профиль у Нефи Сарванта полностью отражали его характер. Они напоминали щипцы для раскалывания орехов. И Нефи был верен своему лицу: вцепившись во что-то, уже не отпускал.

Покинув дом Витроу, Сарвант поклялся больше не переступать порог дома, столь погрязшего в пороках. Он также поклялся посвятить свою жизнь, а если будет надо, то и отдать ее, делу несения Истины этим заблудшим язычникам.

Он прошел пять километров к Дому Заблудших Душ, провел там бессонную ночь и сразу же после восхода ушел. Несмотря на раннее время, на улицах было полно фургонов с грузами, моряков, купцов, детей, торговок. Сарвант заглянул в несколько харчевен, счел их слишком грязными и решил позавтракать фруктами прямо на улице. Он разговорился с хозяином фруктовой лавки относительно возможностей подыскать работу. Тот рассказал, что есть место уборщика в храме богини Готью. Хозяин знал это наверняка, так как только вчера с этой работы прогнали его зятя.

— Там платят немного, но зато предоставляют стол и жилье. Есть и другие преимущества, особенно, если у вас много детей, — сказал хозяин и подмигнул Сарванту. —

Моего зятя уволили как раз за то, что он пренебрегал уборкой ради этих преимуществ.

Сарвант не стал уточнять, что это за преимущества, узнал, как пройти к храму, и распрощался с хозяином.

Эта работа, если только удастся ее заполучить, может стать отличным местом для изучения религии Ди-Си. А также и первоклассным полем боя за обращение в свою веру.

О, это может оказаться опасным занятием, но какой миссионер, достойный своей веры, отступал перед опасностями?

Оказалось, что к храму пройти непросто. Сарвант сбился с пути и забрел довольно далеко, в район обитания знати и богачей, где не у кого было справиться о дороге, кроме пассажиров карет или всадников на оленях. Однако на это рассчитывать не приходилось, вряд ли кто остановился бы перед переходом, ибо это само по себе указывало на низкое происхождение.

Он решил вернуться в район гавани и начать сначала. Но не прошел и квартала, как увидел женщину, вышедшую из большого дома. Она была как-то странно одета — в длинный, до самой земли, балахон с капюшоном, натянутым на голову. Сначала Нефи подумал, что это кто-нибудь из прислуги, сознавая, что аристократка никогда не опустится так низко, чтобы идти пешком, когда можно ехать в экипаже. Приблизившись к ней, он увидел, что балахон сшит из слишком дорогой для низших классов ткани.

Нефи проследовал за ней несколько кварталов, не рискуя вступить с ней в разговор из опасения, что это может оскорбить аристократку. Наконец, все-таки решился.

— Госпожа, можно вам задать скромный вопрос?

Женщина, обернувшись, высокомерно посмотрела на него. Она была высока, лет двадцати двух, лицо ее можно было бы, пожалуй, назвать красивым, не будь черты его слишком заостренными. У нее были большие темно-синие глаза, из-под капюшона выбивались золотистые локоны.

Сарвант повторил вопрос и незнакомка утвердительно кивнула. Тогда он спросил, как пройти к храму Готью.

Женщина вспыхнула и сердито бросила:

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Нет, нет, — опешил Нефи. — Что вы! Мне не понятно, почему вы так решили.

— Поверю вам, — сказала женщина. — Вы говорите, как чужеземец. Скорее всего, у вас нет причин преднамеренно меня оскорблять. Не то мои люди убили бы вас — даже если бы я и заслуживала упрека.

— Клянусь, у меня не было дурных намерений. Если же я и обидел вас чем-то, то я приношу свои извинения.

Она улыбнулась и сказала:

— Я вас извиняю. Только откройте, почему вы хотите посетить храм Готью? Ваша жена столь же несчастна и отвергнута Богиней, как и я?

— Она давно умерла, — признался Сарвант. — И я не понимаю, что вы имеете ввиду, предполагая, что она несчастна и отвергнута? Нет, я хочу наняться уборщиком в храме. Видите ли, я один из тех, кто вернулся на Землю...

И он, хотя и очень коротко, поведал свою историю.

— Думаю, вы можете разговаривать со мною, как равный, хотя и трудно представить себе, чтобы знатный человек подметал полы. Настоящий аристократ, "дирада", скорее бы умер с голода. И я вижу, что у вас нет символа вашего тотема. Если бы вы принадлежали к одному из высоких братств, то могли бы подыскать более достойную работу. Может быть, у вас нет покровителя?

— Тотемизм — проявление суеверного идолопоклонства. Я никогда не нацеплю на себя такой знак.

Она подняла брови.

— Вы какой-то чудной. Не знаю даже, как оценить ваше положение. Как брат Героя-Солнце, вы — "дирада". Но ваш внешний вид и поведение совершенно не соответствуют вашему высокому происхождению. Я бы посоветовала вам вести себя так, как и подобает "дирада". В этом случае мы могли бы что-нибудь придумать, чтобы помочь вам.

— Благодарю вас. Но я должен оставаться тем, кто я есть. И все же, будьте любезны, подскажите мне, как пройти в этому храму.

— Просто следуйте за мной.

Сбитый с толку, он плелся в нескольких шагах позади нее. Ему очень хотелось, чтобы она пояснила свои слова,

но что-то в ее отношении к нему отбивало охоту задавать вопросы.

Храм Готью располагался на границе между районом, где обитала знать. Это было внушительное здание из бетона в форме гигантской полуоткрытой устричной раковины, покрытое чередующимися красными и белыми полосами. Ко входу вели широкие ступени. Внутри было полутемно и прохладно. Верхняя часть раковины поддерживалась несколькими стройными каменными колоннами, представляющими собой подобие Богини Готью, хорошо сложенной женщины с печальным вытянутым лицом и открытым углублением в том месте, где должен был быть ее живот. В этих нишах помещались большие каменные скульптуры куриц, окруженных яйцами.

У основания каждой кариатиды-богини сидели женщины. Все они были одеты примерно так же, как и дама, за которой он следовал. Только у одних одежда была поношенная, у других — новая и дорогая. Богатые и бедные сидели рядом.

Женщина, не колеблясь, подошла к группе, сидящей на цементном полу далеко в тени. Вокруг кариатиды уже было двенадцать женщин и они, должно быть, поджидали эту высокую блондинку, поскольку заранее заняли ей место.

Сарвант нашел жреца с очень бледным лицом, стоящего за рядом больших каменных киосков, и справился у него насчет работы. К его удивлению, оказалось, что он говорит с управляющим храмом — он ожидал, что придется иметь дело со жрицами.

Настоятель Энди заинтересовался странным произношением Сарванта и задал ему уже ставший привычным вопрос. Тот подробно ответил, ничего не скрывая, и вздохнул с облегчением, когда у него так и не спросили, является ли он почитателем Колумбии. Настоятель отослал Сарванта к младшему жрецу, который объяснил ему, что входит в его обязанности, сколько он будет получать, где будет питаться и когда спать. В заключение он спросил:

— Вы отец многих детей?

— Семерых, — Нефи, не упомянув, однако что все они умерли восемьсот лет тому назад. Не исключено было, что и сам жрец является одним из его потомков. Было даже

возможно, что все находящиеся под этой крышей, могли считать его своим дедом в тридцатом с лишним колене.

— Семерых? Отлично, — сказал жрец. — В таком случае у вас будут привилегии, как и у любого другого мужчины, доказавшего свою плодовитость. Однако, проверку придется пройти, так как в столь ответственном случае мы не можем верить на слово. Но хочу вас предупредить. Не злоупотребляйте привилегиями. Ваш предшественник был уволен за то, что пренебрегал своей метлой.

Подметать Сарвант начал с тыльной части храма. Дойдя до колонны, под которой сидела блондинка, он обратил внимание на мужчину, разговаривавшего с ее соседкой. Он не слышал, о чем они говорили, но вскоре женщина встала и распахнула свой балахон. Под ним у нее ничего не было.

Мужчине, по-видимому, пришлось по вкусу то, что там увидел, так как он одобрительно кивнул. Женщина взяла его под руку и повела к одному из киосков. Они вошли в него, и женщина задернула занавеску над входом.

Сарвант потерял дар речи. Прошло несколько минут, прежде чем он снова смог взяться за метлу. За это время он успел убедиться, что подобные действия совершаются всюду вокруг храма.

Первым его побуждением было швырнуть метлу, бежать из храма и больше никогда сюда не возвращаться. Но он напомнил себе, что, куда ни пойдешь в Ди-Си, всюду найдешь Зло. С таким же успехом можно остаться здесь и посмотреть, можно ли что-нибудь совершить во имя Истинной Веры.

Затем ему довелось увидеть нечто такое, от чего его едва не вырвало. К блондинке подошел верзила-матрос и заговорил с нею. Она поднялась и распахнула балахон. И тут же оба ушли в киоск.

Сарвант затрясся от ярости. С него было уже более, чем достаточно того, что другие занимались этим, но то, что она, она...!

Усилием воли он заставил себя спокойно и думать.

Почему ее поступок потряс его больше, чем подобные же действия других? потому что — Нефи вынужден был признаться в этом — он ощущал к ней влечение. Очень сильное влечение. У него возникли такие чувства, каких

не было в отношении любой другой женщины с того дня, когда он познакомился со своей женой.

Он поднял метлу, прошел в помещение, где сидел жрец, и потребовал, чтобы ему рассказали, что здесь происходит.

Жрец искренне удивился.

— Вы настолько плохо знакомы с нашей религией, что на самом деле не знаете о том, что Готью является покровительницей бесплодных женщин?

— Нет, не знаю, — ответил с дрожью в голосе Сарвант. — А какое касательство это имеет к ... — тут он запнулся, так как, насколько это было ему известно, в языке Ди-Си не было слов, обозначающих проституцию или блуд, затем продолжал. — Почему эти женщины предлагают себя незнакомцам, какое отношение к этому имеет почитание Готью?

— Самое прямое, разумеется! Это несчастные женщины, заклейменные бесплодием. Они приходят к нам после года бесплодных попыток зачать от своих мужей, и мы их тщательно обследуем. У некоторых женщин имеются такие дефекты, Но не у всех. Во многих случаях, а это относится именно к этим женщинам, мы бессильны что-либо сделать.

Поэтому, когда не помогает знание, нужно полагаться на веру. Эти несчастные приходят сюда каждый день — кроме святых дней, когда надо посещать церемонии в честь Богини, — и молятся... Молятся о том, чтобы Готью послала им мужчину, семя которого оплодотворило бы их мертвое чрево. Если в течение года на них не снизойдет благословение в виде зачатого дитя, они уходят в особый монашеский орден, где могут посвятить свою жизнь служению богине и народу.

— А что же Арва Линкон? — Сарвант упомянул имя блондинки. — Немыслимо, чтобы женщина с ее внешностью и артистического происхождения ложилась в постель с каждым встречным, который ее поманит.

— Но, но, мой дорогой друг! Не с каждым встречным. Вы, наверное, не обратили внимания на то, что те мужчины, которые прошли сюда, сначала должны были посетить боковой притвор. Там мои братья проверяют их, удостоверяясь в том, что она переполнены здоровым семе-

нем. Там же отвергается любой человек, который болен или по-каким-то причинам не подходит к роли отца. Что же касается уродства или красоты, то на это мы не обращаем никакого внимания. Семя и чрево — вот, что главное. Личность и предпочтения здесь не принимаются во внимание. Кстати, почему бы вам самим не провериться тоже? Зачем эгоистично ограничивать себя потомством только от одной женщины? Вы в таком же долгу перед Готью, как и перед любым другим воплощением Великой Седой Матери.

— Пора возвращаться к уборке, — пробормотал Сарвант и поспешно вышел.

Немалых усилий ему стоило закончить уборку первого этажа. Он не мог удержаться, чтобы время от времени не поглядывать в сторону Арвы Линкон. Она ушла в обеденное время и больше уже не появлялась.

Ночью Нефи почти не спал. Ему все виделась Арва, то, как она заходит со всеми этими мужчинами в киоск. Их оказалось десять — он сосчитал. И хотя умом Сарвант понимал, что должен возлюбить грешников и возненавидеть грех, он люто ненавидел всех десятерых.

Когда наступило утро, он поклялся, что не будет ненавидеть мужчин, с которыми Арва сегодня пойдет. Но даже произнося клятву, понимал, что не в силах следовать ей.

В этот день он насчитал семерых. Когда уходил последний, ему пришлось убежать в свою каморку, чтобы не погнаться и не вцепиться ему в горло.

В третью ночь он молил небо, чтобы хватило мужества принять хоть какое-нибудь решение.

Следует ли покинуть этот храм и подыскивать другую работу? Оставшись, он косвенно одобрит и непосредственно поддержит это непотребство. Более того, еще, возможно, отяготит свою совесть ужасным грехом убийства, обагрит руки человеческой кровью. Он не хотел этого! Но страстно жаждет этого! Он не должен желать такого! Но он обязан...

А если он уйдет , то так ничего и не совершит для искоренения зла, сбежит, как трус. Более того, уже никогда не сумеет заставить Арву осознать, что она фактически плюет в лицо божье, осуществляя такую омерзительную

пародию на святой обряд. Ничего сейчас не желал он более, чем тогда, когда на борту отправлявшейся "Терры" мечтал нести слово божье невежественным язычникам, обитавшим на других планетах.

За все восемьсот лет Сарвант так никого и не обратил в свою веру. Но старался, как мог. Лез из кожи вон. И нет его вины в том, что уши их остались глухи к Слову, глаза — слепы к свету Истины.

На следующий день Нефи подождал, пока Арва не собралась уходить из храма, приткнул метлу к стенке храма и последовал за нею по залитой солнцем и бурлящей жизнью улице столицы Ди-Си.

— Госпожа Арва, — позвал он. — Я должен переговорить с вами.

Она остановилась. Лица почти не было видно в глубине капюшона, но ему казалось, что в глазах ее выражение глубокого стыда и страдания. Может быть, выражение лица было совсем иным, но Сарвант страстно желал, чтобы было именно таким, какое ему показалось.

— Можно вас проводить домой? — спросил он.

— Зачем? — удивилась Арва.

— Потому, что я сойду с ума, если не пойду рядом с вами.

— Не знаю. Правда, вы — брат Героя-Солнце, поэтому я не уроню своего достоинства, позволив вам идти рядом. С другой стороны, у вас нет тотема, и вы выполняете работу, приличествующую только самым низким слугам.

— А кто вы сами, чтобы от имени всех говорить мне, что я пал столь низко! — резко отчитал ее Сарвант. — Вы, которая уводит с собой всех первых встречных!

Ее глаза расширились.

— Что я совершила дурного? Как вы смеете так говорить с одной из Линконов?

— Вы... вы... продажная девка! Блудница! — выкрикнул Нефи английское слово, значение которого, как он сам понимал, она не знает.

— О чем это вы?

— Проститутка! Женщина, которая продает себя за деньги!

— Я никогда не слышала о чем-либо подобном, — сказала она. — Интересно, из какой это такой страны вы

родом, где позволяют так бесчестить святой сосуд Великой Матери?

Сарвант попробовал взять себя в руки. Он заговорил тихим, но дрожащим голосом.

— Арва Линкон, я просто хочу переговорить с вами. Я должен сказать вам нечто такое, что станет самым важным из всего слышанного за всю вашу жизнь. В самом деле, это крайне важно.

— Не знаю, что и сказать. Мне кажется, что вы немного не в своем уме.

— Клянусь, что даже в помыслах у меня нет желания причинять вам зло!

— Поклянитесь святым именем Колумбии!

— Нет, этого я не могу сделать. Но клянусь именем своего Бога, что даже не притронусь к вам рукой.

— Бога? Какого это бога? Вы почитаете бога Кэйсилендов?

— Нет, нет! Не их бога! Своего! Истинного Бога!

— Теперь мне уже совершенно ясно, что вы безумны! Иначе не поминали бы этого бога в нашей стране и, тем более, в разговоре со мною. Я не намерена слушать эти мерзкие богохульства, извергаемые из порочных уст.

Она ушла. Сарвант сделал один шаг за нею. Затем, осознав, что сейчас не время продолжать разговор, и то, что он ведет себя совсем не так, как следовало бы, повернул назад, сжав кулаки и сцепив зубы. Он брел как слепой, натыкаясь на прохожих. Его осыпали бранью, но Нефи не обращал внимания. Вернувшись в храм, он подобрал свою метлу.

Наступила очередная бессонная ночь. Сотни раз он мысленно представлял себе, как спокойно и разумно поговорит с Арвой. Он раскроет ошибочность ее веры, сделает это настолько логично, что она не сможет его опровергнуть. И станет первой обращенной им в новую веру.

Бок о бок они дружно примутся за работу, которая сделает всю страну чистой от греха, как очистили Рим первые христиане.

Однако, на следующий день Арва не появилась в храме. Сарвант был в отчаянии. А вдруг она больше никогда сюда не вернется?

И тут вдруг до него дошло, что именно этого он и добивался, хотел, чтобы она это сделала. Наверное, подумал Нефи, ему сопутствует больший успех, чем он предполагал.

Но как все же встретиться с нею снова?

Утром следующего дня Арва, одетая, как обычно, в балахон бесплодной женщины, пришла в храм. Когда Нефи поздоровался с нею, она ничего не ответила и отвела глаза в сторону. Помолившись на обычном месте под колонной, она прошла вглубь храма и оживленно заговорила с настоятелем.

Страх обуял Сарванта. Он опасался разоблачения. Да разве разумно ожидать от такой женщины, что она будет хранить молчание? Ведь в ее глазах он совершает святотатство одним фактом присутствия в столь священном для нее месте.

Через некоторое время, когда Арва вернулась на свое привычное место, настоятель вызвал Сарванта к себе.

Нефи отложил метлу и пошел к нему. Неуверенность сковала ноги. Неужели вся его миссия закончится здесь и сейчас, до того, как он успеет бросить в благодатную почву хоть одно семя веры, пусть даже прорастет оно тогда, когда его уже не станет. Если он потерпит неудачу сейчас, то Слово будет потеряно навеки, так как он последний представитель церкви.

— Сын мой, — произнес настоятель храма. — До сих пор только высшее жречество знало, что ты не являешься последователем нашей веры. Ты должен был помнить о том, что такая великая привилегия была тебе дарована лишь потому, что ты брат Героя-Солнце. Будь ты кем-нибудь другим, тебя бы уже давным-давно повесили. Но вам был дан месяц, чтобы отрешиться от пороков прежней жизни и засвидетельствовать постижение истины. Твой месяц еще не истек, но я должен предупредить тебя о том, чтобы ты держал язык за зубами, когда дело касается твоей прежней фальшивой веры. Иначе срок сократится. Я очень расстроен, так как искренне надеялся, что твоя просьба поработать здесь означает намерение в скором времени известить о своем желании посвятить себя всецело служению Матери Всех Нас.

— Значит, Арва рассказала вам?

— Да снизойдет благословение на эту поистине благочестивую женщину! Обещаешь, что ничего подобного тому, что ты совершил позавчера, больше не повторится?

— Обещаю, — произнес Сарвант.

Он легко дал это обещание, ведь настоятель не просил прекратить попытки обращения в новую веру. Он только просил не повторять то, что произошло позавчера. А позавчера он не делал попытки. С этого момента придется быть хитрым, как лис, и коварным как змея.

Но уже через пять минут он начисто позабыл о своем решении.

Он увидел, как высокий красавец, судя по манерам и дорогой одежде, аристократ, приблизился к Арве. Она улыбнулась ему, встала и повела к киоску.

Все решила ее улыбка.

Никогда раньше она не улыбалась мужчинам, делавшим ей предложение. Обычно лицо ее было бесстрастным, будто высеченным из мрамора. Сейчас же, увидев ее улыбку, Сарвант почувствовал как что-то в нем пробудилось. Это возникло в чреслах, поднялось к груди, прокатилось по горлу, перехватив дыхание. Оно наполнило его мозг и там взорвалось. Вокруг сгустилась тьма, он перестал что-либо слышать.

Он не знал, как долго находился в трансе, но когда чувства частично к нему вернулись, обнаружил, что стоит перед жрецом-медиком.

— Нагнитесь, чтобы я мог сделать массаж предстательной железы и взять пробу, — попросил жрец.

Нефи повиновался как автомат. Пока жрец рассматривал пробу в микроскоп, он стоял окаменев, словно глыба льда. Внутри него пылал настоящий пожар. Он был переполнен такой неистовой радостью, какой никогда не знал прежде, и, зная, что собирается сделать, не противился этому. В это мгновенье он был готов бросить вызов любому существу или божеству, которое пыталось бы его остановить.

Выбежав через несколько минут от медика, он решительно подошел к Арве, которая только что вышла из киоска и собиралась сесть.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мною! — произнес он громко и отчетливо.

— Куда? — спросила она, но все поняла, увидев выражение его лица.

— А что ты говорил обо мне в тот день? — спросила она с презрением.

— Тогда было не сегодня.

Он взял ее за руку и потянул к киоску. Она не сопротивлялась, но когда они очутились внутри киоска и он задернул занавеску, заявила:

— Теперь я знаю! Ты решил принести себя в жертву Богине!

Она отшвырнула балахон и восторженно улыбнулась, глядя при этом не на него, а куда-то выше.

— Великая Богиня, благодарю тебя за то, что ты позволила именно мне стать орудием, которое обратит этого человека в истинную веру!

— Нет! — прохрипел Сарвант. — Не говори этого! Я не верю в твоих идолов. Я только... Помоги мне, Боже... Я только хочу тебя! Я не в состоянии спокойно стоять, когда ты заходишь с любым мужчиной, стоит ему только попросить. Арва, я люблю тебя!

Какое-то мгновенье она с ужасом смотрела на него, затем нагнулась, подняла свой балахон и выставила его, как щит, перед собой.

— Ты думаешь, что я позволю осквернить себя твоим прикосновением? Язычник! И это под святой-то крышей!

Она поднялась, чтобы выйти. Сарвант набросился на нее и развернул лицом к себе. Арва открыла рот, чтобы закричать, но он заткнул ей рот краем балахона. Оставшуюся часть балахона Нефи обмотал вокруг ее головы и толкнул ее назад на кровать, а сам навалился на нее.

Она корчилась и извивалась, пытаясь высвободиться из мертвой хватки, но Сарвант держал ее так крепко, что пальцы глубоко впились в ее тело. Она пыталась сжать колени вместе, но он как гигантская рыба обрушился на нее, дико работая бедрами. Это взломало замок ее ног.

Тогда Арва стала отползать на спине назад, извиваясь по змеиному, но голова ее уперлась в стенку. Внезапно она прекратила сопротивление.

Сарвант застонал и обхватил руками ее спину, пытаясь прижаться лицом к балахону, прикрывшему ее лицо. Он

искал ее губы, но там где был заткнут рот, материя одежды была двойной толщины, и он ничего не ощущал.

Мелькнула в его мозгу искра благоразумия, мысль о том, что он так всегда ненавидел жестокость и особенно насилие, а вот теперь сотворил такое над женщиной, которую любил. И что было хуже, гораздо хуже — это то, что она добровольно отдалась по меньшей мере доброй сотне мужчин за последние десять дней, мужчин, которым была абсолютна безразлична и которые просто желали выплеснуть на нее свою похоть, а вот ему сопротивляется, как дева-мученица в Древнем Риме, брошенная на милость императора-язычника! Это было бессмысленно, совершенно непостижимо!

Он вскрикнул от неожиданного высвобождения того, что копилось в нем восемьсот лет.

Он не сознавал того, что кричит. Он вообще уже совершенно не воспринимал окружающее. Он не был в состоянии постигнуть происходящее и тогда, когда в киоск ворвались настоятель и жрец, и Арва, всхлипывая, рассказала о насилии. Только тогда понял Нефи, что происходит, когда храм запрудила толпа разъяренных мужчин, и кто-то притащил веревку.

Но уже было слишком поздно.

Слишком поздно пробовать объяснить им свои побуждения. Слишком поздно, даже если бы они были в состоянии понять, о чем он говорит. Слишком поздно, даже если бы его не повалили и не били ногами до тех пор, пока не выбили все зубы, а губы распухли так, что он вообще уже не мог ничего сказать больше.

Настоятель попытался было вмешаться, но толпа отпихнула его в сторону и вытащила Сарванта на улицу. Здесь его волокли за ноги, голова больно билась о цемент, и так было до самой площади, где стояла виселица. Виселица в форме отвратительной богини-старухи Альбы, губительницы Духа Человеческого. Ее стальные руки, окрашенные смертельно-белой краской, простирались так, будто она хотела схватить и задушить каждого, кто проходит мимо.

Веревку перебросили через одну из рук и конец завязали вокруг запястья. Из какого-то дома поблизости притащили стол и поставили под свисающей с руки верев-

кой. Миссионера-насильника подняли на стол и завязали руки за спиной. Двое мужчин крепко держали его, пока третий набрасывал не шею петлю.

Когда крики разъяренных людей прекратились, и они перестали дубасить его и рвать богохульную плоть, на какое-то время наступила тишина.

Сарвант попытался осмотреться. Что-либо увидеть отчетливо он уже не мог — глаза заливала кровь из глубоких ран на голове. Он что-то прошамкал

— Что он сказал? — спросил кто-то из державших.

Повторить Нефи уже не мог. Он думал о том, что ему всегда хотелось стать мучеником. Ужасным грехом было его желание. Грехом гордыни. Но он продолжал жаждать мученичества. И всегда рисовал в воображении свой будущий конец в ореоле достоинства и мужества, которые придаст ему знание, что ученики будут продолжать его дело, пока оно окончательно не восторжествует.

Сейчас же все было совсем не так. Его вешали как преступника самого низкого пошиба. Не за проповедь Слова, а за изнасилование.

Так никого и не обратил он в свою веру. И умрет не оплаканным, безвестным, безымянным. Тело его швырнут свиньям. Но не судьба тела его волновала. Мучила мысль о том, что имя его и деяния умрут вместе с ним — и вот это как раз и заставляло его взывать к небесам в отчаянии. Кто-нибудь, пусть хоть одна живая душа, но несет Слово дальше.

Никакая новая религия, мелькнуло у него в голове, не добьется успеха, пока сперва не ослабеет окончательно старая. А эти люди верят без тени какого-либо сомнения, которое могло бы ослабить слепоту заблуждений. Они верят так истово, как уже давно не верили люди — его современники.

Он что-то прошамкал снова. Теперь он уже стоял на столе один, покачиваясь из стороны в сторону, но преисполненный решимости не выказывать страха.

— Слишком рано, — произнес Сарвант на языке, который был непонятен его слушателям, даже если бы он говорил разборчиво, — слишком рано я вернулся на Землю. Следовало бы подождать еще восемьсот лет, когда

люди, возможно, начали бы терять веру и тайно глумиться над нею. Слишком рано!

Затем стол вышибли из-под его ног.

XIII

Две шхуны с высокими мачтами, вынырнули из утреннего тумана, оказавшись рядом с бригантиной раньше, чем впередсмотрящий успел выкрикнуть предупреждение. Однако у матросов на борту "Священного Дельфина" не было сомнений в отношении того, кто на них напал. Со всех концов бригантины раздался одновременно крик: "Карелы!", и все смешалось.

Один из пиратских кораблей подошел вплотную к "Дельфину". Ободранные крючья с карельского судна притянули борта друг к другу. Короткое мгновение — и пираты уже на палубе.

Это были высокие полунагие люди, одетые лишь в ярко раскрашенные короткие штаны, стянутые широким кожаным поясом, обвешанные оружием. Тела их с головы до ног покрывала татуировка, они размахивали саблями и увесистыми дубинками с острыми шипами. Пираты свирепо вопили на своем родном финском наречии и орудовали саблями и дубинами, как берсеркеры, то и дело обрушивая их в слепой ярости на своих же воинов.

Команда Ди-Си была захвачена врасплох, но сражалась мужественно. Она и не думала сдаваться — плен означал рабство и непосильный труд до самой смерти.

Экипаж "Терры" сражался в рядах защищающихся. Хотя у звездолетчиков отсутствовали навыки боевого фехтования, они рубили и кололи нападающих, как могли. Даже Робин схватила меч и дралась бок о бок с Черчиллем.

Вторая шхуна прижалась к "Дельфину" с другого борта. Карелы, как муравьи, ринулись с нее в битву и напали на людей Ди-Си раньше, чем те успели повернуться к ним лицом. Гбве-Хан, дагомеец, пал первым среди звездолетчиков. Удачным ударом он сразил одного пирата, ранил еще одного, но подкравшийся сзади карел ударил дагомей-

ца по руке, державшей меч, а затем срубил голову. Следующим пал Ястржембовский, истекая кровью из раны на лбу.

В пылу сражения Робин и Черчилль не заметили, как их сверху накрыли сеткой, сброшенной с реи, после чего они были избиты до беспамятства.

Очнувшись, Черчилль обнаружил, что руки его связаны сзади. Робин валялась на палубе рядом с ним, тоже связанная. Звон мечей прекратился, не слышно было и криков умирающих. Тяжело раненых врагов карелы повыбрасывали за борт, а тяжело раненые карелы сдерживали стон.

Перед пленниками стоял капитан пиратов, Кирсти Айнундила, высокий загорелый моряк с повязкой на одном глазу и шрамом через всю левую щеку. На языке Ди-Си он говорил с сильным акцентом.

— Я ознакомился с судовым журналом, — сказал он, — и знаю, кто вы. Отпираться бессмысленно. Так вот, вы двое, — он показал на Черчилля и Робин, — стоите большого выкупа. Я уверен, что Витроу раскошелится, чтобы заполучить невредимыми дочь и зятя. Что касается остальных — за них тоже дадут приличную цену на базаре в Айно.

Айно, Черчилль знал это, был удерживаемый карелами город на побережье в районе прежней Северной Каролины.

Кирсти велел отвести всех пленников в трюм и приковать цепями к переборкам. Среди них оказался и Ястржембовский, так как карелы во-время заметили, что он оправился от раны.

После того как, посадив на цепь, пираты оставили их одних, первым заговорил Лин.

— Теперь я понимаю, что было глупо рассчитывать на то, что нам удастся добраться до родных мест. И не из-за плена, а потому, что у нас уже больше нет родных мест. Там нам было бы ничуть не лучше, чем здесь. Мы обнаружили бы, что наши потомки столь же чужды нам и враждебны, сколь здесь — потомки Черчилля. Я сейчас долго думал о том, что мы позабыли из-за нашего страстного желания возвратиться на Землю. Что случилось с землянами, которые находились в колониях на Марсе?

— Не знаю, — ответил Черчилль, — но мне кажется, что уцелей так или иначе, они давным-давно бы послали на Землю свои корабли. Ведь они жили на самообеспечении и владели собственным космофлотом.

— Видимо, что-то им помешало, — вступил в беседу Чандра. — Но я понял, куда клонит Лин. На Марсе есть радиоактивные минералы. Есть средства для добычи руды, пусть даже людей там больше нет.

— Насколько я понял, — произнес Черчилль, — вы предлагаете направить туда "Терру"? У нас действительно хватит топлива, чтобы добраться до Марса, но слишком мало, чтобы потом вернуться. Значит, вы предлагаете использовать оборудование, оставшееся в марсианских куполах, для того, чтобы изготовить недостающее количество топлива? А затем еще раз улететь в дальний космос?

— Мы обнаружили планету, где аборигены слишком отстали, чтобы угрожать нам, — сказал Лин. — Я говорю о второй планете Веги. Там четыре крупных материка, каждый почти с Австралию, разделенные океанами. Один из них заселен гуманоидами: развитые примерно на уровне древних греков. Два заселены людьми с камнями и палками. Четвертый необитаем. Если нам удастся добраться до Веги, мы сможем осесть на четвертом материке.

Все притихли.

Черчилль понимал, что в предложении Лина есть резон. Дело за малым: как его осуществить? Во-первых, нужно освободиться. Во-вторых, завладеть "Террой", — а она столь надежно охраняется, что им пришлось отвергнуть эту мысль, обсудив ее после того, как их освободили из заточения в Вашингтоне.

— Даже если нам удастся захватить корабль, — рассуждал он, — а это маловероятно, мы должны лететь на Марс. Вот в чем главный риск этой задумки. Что, если условия там таковы, что не удастся пополнить запасы топлива?

— Тогда придется застрять на Марсе надолго и начать производство необходимого оборудования, — предложил Аль-Масини.

— Ладно, предположим на Марсе мы раздобудем все, в чем нуждаемся, и долетим до Веги, но нам понадобятся женщины. Иначе раса вымрет. А это означает, что волей-

неволей, но я должен взять Робин. А также и то, что нам придется похитить женщин Ди-Си.

— Когда они очнутся на Вере после глубокого замораживания, им останется только смириться, — улыбнулся Стейнберг.

— Насилие, похищение, изнасилование — какой великолепный старт прекрасного нового мира, — воскликнул Черчилль.

— А существует другой выход? — спросил Лин.

— Вспомним сабинянок, — ответил Стейнберг.

Черчилль не стал отвечать на это предложение, а привел еще один довод:

— Нас так мало, что через совсем небольшое время начнется кровосмешение среди наших потомков. Мы ведь не собираемся стать основоположниками расы кретинов.

— Мы похитим вместе с женщинами и детей и возьмем их с собою в морозильнике.

Черчилль нахмурился. Казалось, нет никаких способов избежать насилия. Но так ведь всегда и было на всем протяжении человеческой истории.

— Предположим, мы заберем с собою младенцев, еще не умеющих говорить, но нам придется набрать еще и достаточное количество женщин, чтобы их вырастить. И тут еще одна проблема: полигамия. Не стану ручаться за других женщин, но уверен, что Робин будет крепко возражать.

— Объяснить ей, что это временная мера, — сказал Ястржембовский. — В любом случае, для тебя можно сделать исключение. Оставайся с одной женой, если тебе так хочется, а нам оставь удовольствие. Я предлагаю напасть на одну из деревень в Пантс-Эльфе. Мне рассказывали, что тамошние женщины привычны к полигамии и, судя по тому, что я слышал, будут очень довольны, заимев мужей, обращающих на них внимание. Им чертовски не по душе так называемые мужики, которые достались им сейчас.

— Порядок, — произнес Черчилль. — Согласен. Осталось одно, что меня беспокоит.

— Что же именно?

— Как освободиться из плена?

Наступила угрюмая тишина.

— Как ты считаешь, — спросил Ястржембовский, — Витроу выложит деньги, чтобы выкупить нас всех?

— Вряд ли. Его кошелек серьезно отощает, когда он раскошелится, чтобы вырвать меня и Робин из рук этих головорезов с огромными кулаками.

— Ну что ж, хотя бы вы окажетесь на свободе, — сказал Стейнберг. — А что же будет с нами?

Черчилль поднялся и громко звякнул наручниками, требуя капитана.

— Что ты затеял? — спросила Робин, до этого не участвовавшая в разговоре, так как могла разобрать не больше двух-трех слов на английском языке 21-го века.

— Я намерен попытаться подбить капитана на что-то вроде сделки, — ответил он на языке Ди-Си. — Кажется, я нашел выход. Но все зависит от того, насколько буду красноречив я и насколько понятлив он.

В люк трюма просунул голову один из матросов-карелов и спросил, с чего это поднят такой чертов шум.

— Передай своему капитану, что я знаю способ, с помощью которого он мог бы заработать в тысячу раз больше денег, чем рассчитывает, — заявил Черчилль. — И такую славу, которая сделает его героем.

Голова исчезла. Через пять минут в трюм спустились два матроса и освободили Черчилля.

Он даже представить себе не мог, насколько верными окажутся его слова, произнесенные почти что в шутку.

Прошел день, и он не вернулся. Робин была близка к истерике. Ей представлялось, что капитан разгневался на ее мужа и убил его. Другие пытались ее успокоить разумными доводами, рассуждая, что такой делец, как капитан пиратов, не станет губить столь крупное помещение денег. Тем не менее, несмотря на все доводы, остальных пленников тоже понемногу охватило беспокойство. Черчилль мог совершенно непреднамеренно оскорбить чем-то капитана, и тому не оставалось ничего другого, как убить его, чтобы смыть позор. А может быть, его просто прирезали при попытке к бегству.

Некоторые из узников задремали. Робин продолжала бодрствовать, безостановочно молясь Колумбии.

Наконец, почти на заре, люк открылся. По лестнице, сопровождаемый двумя матросами, сошел Черчилль. Пошатнулся, еле удержался на ногах и стал громче икать. После того, как его приковали, все наконец-то поняли в

чем дело. От него несло перегаром и он едва ворочал языком, глотая слова и обороты.

— Напился, как верблюд перед уходом каравана, — пролепетал Черчилль. — Весь день, всю ночь. Переговорить мне его удалось, но перепить — вряд ли. Многое разузнал об этих финнах. Они меньше других пострадали во время Опустошения, а затем заполнили всю Европу, подобно древним викингам. Смешались с остатками скандинавов, поляков и прибалтов. Сейчас они удерживают северо-запад России, восток Англии, почти весь север Франции, побережье Испании и Северной Африки, Сицилию, Южную Африку, Исландию, Гренландию, Лабродор и Северную Каролину. Бог знает, что еще, так как они выслали несколько экспедиций в Индию и Китай...

— Все это очень интересно, но расскажешь как-нибудь позже, — перебил его Стейнберг. — Лучше выкладывай, о чем договорился с капитаном. Заключили сделку?

— Очень хитрый парень и ужасно подозрительный. Убедить его было чертовски трудно.

— Что с тобою? — спросила Робин.

Черчилль попросил ее не беспокоиться, скоро они все будут на свободе. Затем снова переключился на родной язык.

— Вы пробовали объяснить действие антигравитационных генераторов и двигателей человеку, который даже не ведает о том, что есть такие штуки, как молекулы или электроны? Между прочим, мне пришлось прочесть целую лекцию по основам теории атома и...

Его голос ослабел, голова упала на грудь. Он спал.

В отчаянии женщина трясла его, пока он не переборол дурман.

— А, это ты, Робин, — пробормотал он. — Робин, тебе ужасно не понравится моя затея. Ты возненавидишь меня. — Он снова заснул. Все попытки разбудить его на этот раз оказались тщетными.

XIV

— Жаль, что у меня нет возможности самой снять этот пояс, — пожаловалась Мэри Кэйси. — Он так мне натер

кожу, что я едва хожу. И он очень негигиеничен. В нем есть два небольших отверстия, но мне приходится наливать туда воду, чтобы смыть грязь.

— Сочувствую, — нетерпеливо произнес Питер, — Но не это меня сейчас беспокоит.

Мэри взглянула на него.

— О нет, только не это!

Рога его перестали свободно болтаться и стояли ровно и упруго.

— Питер, сказала она, пытаясь сохранить спокойствие. — Пожалуйста, не надо. Ты не имеешь права. Ты погубишь меня.

— Нет, не погублю, — ответил он, едва сдерживая рыдания — то ли от овладевшего им желания, то ли от мук, которые ему приносила невозможность владеть самим собой. Точную причину Мэри определить не смогла.

— Я буду нежен, насколько это возможно. Обещаю, что для тебя это будет совсем немного.

— Даже один раз — слишком много! — возразила она. — Нас не повенчал жрец. Это грех.

— Какой же грех, если ты сделаешь это не по своей воле, — прохрипел он. — У тебя нет выбора. Поверь мне, нет выбора!

— Я не хочу этого! Не хочу! Не хочу!

Она продолжала протестовать, но Стэгг не обращал внимания. Он был слишком занят, сосредоточившись на открывании пояса. Это оказалось проблемой, разрешить которую мог только ключ или напильник. Поскольку ни того, ни другого под рукой не было, казалось, все его старания окажутся тщетными. Но напор гормонов был столь велик, что он уже не мог рассуждать трезво.

Пояс состоял из трех частей. Две, облегавшие талию, были из листовой стали. На спине они соединялись петлями. Одеть эти створки можно было открытыми, а затем защелкнуть замок впереди. Третья часть пояса состояла из множества небольших звеньев, как у кольчуги, и пристегивалась к поясу вторым замком. Благодаря такому устройству третья часть предоставляла телу определенную степень свободы. Как и бандаж вокруг талии, она была изнутри подбита толстой тканью, чтобы предотвратить натирание кожи и порезы. Однако, в целом, приспособ-

ление было весьма тесным, иначе носящая его, могла бы выскользнуть, либо стащить его силой, всего лишь немного поцарапав поверхность кожи.

Пояс был очень тесен и Мэри жаловалась на затрудненность дыхания.

Стэгту удалось просунуть руку под переднюю часть пояса.

На ее протесты и стоны он не отвечал, и пытался, двигая туда и сюда две части пояса, перегнуть их до такой степени, чтобы оторвать замок.

— О боже! — рыдала Мэри. — Не надо! Не надо! Ты раздавишь мне внутренности! Ты убьешь меня. Не надо, не надо!

Неожиданно он отпустил ее. Казалось на мгновенье ему удалось овладеть собой. Он тяжело дышал.

— Мэри прости меня, прости. Я не ведаю, что творю. Наверное, мне нужно бежать, куда глаза глядят, пока эта штука во мне не повернет меня и не заставит снова тебя искать.

— Но тогда мы, может быть, уже больше никогда не найдем друг друга, —она старалась говорить как можно спокойнее. — Мне будет недоставать тебя, Питер. Ты мне очень нравишься, пока не испытываешь действия рогов. Только не нужно кривить душой. Даже если ты одолеешь себя сегодня, завтра все начнется сначала.

— Лучше я уйду сейчас, пока владею собой. Вот положение! Оставить тебя здесь умирать в одиночестве или остаться, но тогда ты все равно погибнешь.

— У тебя нет другого выхода, — сказала Мэри.

— Ну, видишь ли, есть еще... — начал он немедленно и нерешительно. — Этот пояс совершенно не мешает мне получить то, что я хочу. Существуют другие способы... Она побледнела и закричала:

— Нет! Нет!

Он повернулся и со всех ног побежал по тропе.

Но через некоторое время в голове его мелькнула мысль о том, что она может пойти этой же дорогой, и они снова встретятся. Питер сошел с тропинки и углубился в лес. Лес здесь не был густым, скорее эта была пустошь, медленно возрождающаяся после катастрофы. Почву никто не засевал и не орошал, как это делали на территории Ди-

Си. Деревьев было не густо. Тем не менее, там, где влага была доступна круглый год, лес рос погуще. Стэгг убежал не очень далеко, когда дорогу преградил небольшой ручеек. Он лег прямо в него, надеясь, что струи холодной воды остудят огонь, пылавший в нижней части его туловища, но вода в ручье оказалась теплой.

Он поднялся, пересек ручей и побежал снова. Внезапно, обогнув одно из деревьев, Питер оказался лицом к лицу с медведем.

С ночи побега из Хай Квин он все время остерегался встречи с таким зверем.

Ему было известно, что в этой местности медведи сравнительно многочисленны, так как жители Пантс-Эльфа имели обыкновение оставлять связанных пленников и взбунтовавшихся женщин на съедение священным медведем.

Медведь оказался крупным темным самцом. Неизвестно, был ли он голоден. Возможно, неожиданное появление человека, напугало его не меньше. Будь у зверя возможность, он наверняка бы отступил, но Стэгг возник настолько внезапно, что тот, должно быть, принял это за нападение. А раз уж на тебя напали, то лучше всего атаковать самому.

По привычке, выработанной опытом обращения с беспомощными человеческими жертвами, зверь поднялся на задние лапы и занес необъятную переднюю лапу над головой Питера. Попади он по черепу, тот раскололся бы, как сброшенная на пол мозаика.

Но удар не достиг цели, хотя лапа и прошла настолько близко к голове, что когти слегка скользнули по коже. Стэгг повалился наземь — частично от удара, частично по инерции, нарушившей равновесие тела.

Медведь опустился на все четыре лапы и двинулся на человека. Питер вскочил, выхватил меч и с криком бросился на медведя. Зверь, не обращая внимания на крик, снова поднялся на дыбы. Стэгг взмахнул мечом и край его лезвия полоснул по протянутой лапе.

Медведь взревел от боли перестал теснить своего противника. Стэгг замахнулся вновь, но на этот раз лапа с такой силой обрушилась на лезвие, что меч выскользнул из рук и полетел в траву.

Питер прыгнул вслед, нагнулся, чтобы поднять клинок и оказался погребенным под огромной тушей. Голова его была прижата к земле и, казалось, все тело расплющено гигантским утюгом.

Наступило короткое мгновение, когда даже медведь оказался в некотором замешательстве и слегка приподнялся, чтобы перевести дух. Стэгг оказался прижатым только задней четвертью туши. Он воспользовался этим и, приподнявшись, выскользнул из-под зверя, но не успел сделать и двух шагов, как медведь снова встал на задние лапы и обхватил его передними.

Питеру вспомнилось: когда-то он читал, что медведи не душат своей жертвы до смерти. В данный момент он подумал, что ему повстречалось животное, ничего не ведавшее о том, что пишут о нем естествоиспытатели. Зверь продолжал удерживать его и одновременно питался разодрать ему грудь.

Но это не удалось, так как Стэгг вырвался. Имей он время оценить гераклов подвиг, позволивший ему раздвинуть могучие объятия, то понял бы, что эту сверхъестественную силу ему придали все те же рога.

Питер отпрыгнул в сторону и снова повернулся лицом к своему противнику. Он понимал, что как бы быстро он не бежал прочь, зверь слишком близко от него. На отрезке в пятьдесят метров он сможет обогнать даже олимпийского чемпиона в спринте.

Медведь снова бросился на него. Стэгг сделал единственное, до чего был в состоянии додуматься: изо всей силы ударил животное кулаком по черному носу.

Человеческая челюсть сломалась бы от этого удара. Медведь с шумом выдохнул воздух и оторопел. Кровь бежала из его ноздрей, глаза налились яростью.

Стэгг не стал восхищаться своей работой. Он метнулся к клинку и попытался его поднять, но правая рука не повиновалась и висела безжизненно, парализованная ударом косматой лапы. Тогда он перехватил его левой рукой и обернулся. На счастье, вовремя. Медведь пришел в себя настолько, что сделал еще один бросок в сторону человека, хотя скорость его уже была не та, что в начале схватки.

Стэгг хладнокровно поднял меч и в тот момент, когда зверь оказался рядом, нанес сокрушительный удар по короткой могучей шее.

Последнее, что он видел, было лезвие, глубоко вошедшее в черный мех, и алая струя, ударившая из раны.

Когда Питер пришел в себя, то обнаружил, что все его тело мучительно болит, рядом с ним лежит мертвый медведь, а над ним плачет Мэри.

Затем боль стала невыносимой и он потерял сознание.

Когда он снова пришел в чувство, голова его покоилась на ее коленях и в открытый рот текла вода из фляги. Голова все еще мерзко болела и, пытаясь выяснить причину такой боли, он обнаружил на голове повязку.

Вся правая ветвь его рогов отсутствовала начисто.

— Должно быть, это Медведь сорвал, — объяснила Мэри. — Я издали услыхала шум схватки. Слышала, как ревел медведь и как кричал ты. Я старалась бежать как можно быстрее, хотя и была напугана.

— Если бы не ты, — прошептал Питер, — я бы умер.

— Наверное, — промолвила она, как нечто само собой разумеющееся. — Ты жутко истекал кровью из раны на голове, у основания сорванного рога. Я оторвала часть своей юбки и остановила кровотечение.

Горячие слезы закапали на лицо Стэгга.

— Теперь, когда все позади, сказал он, — можешь плакать сколько захочешь. Но я рад, что ты так смела.

Я бы не посмел тебя упрекнуть, даже если бы ты убежала отсюда.

— Я бы не смогла убежать, — продолжала всхлипывать Мэри, — Я... Я, кажется, люблю тебя. Разумеется, и любого другого не бросила бы умирать в одиночку. Кроме того, я испугалась, что останусь одна.

— Я не ослышался? — спросил Питер. — Не понимаю, как такая девушка может любить подобное чудовище. Но если от этого тебе лучше, а не хуже, то, признаюсь, я тебя люблю тоже — хотя раньше это проявлялось несколько иначе.

Он притронулся к поврежденной части основания рогов и поморщился.

— Может быть... от этого мое влечение наполовину уменьшится?

— Не знаю. Хорошо было бы. Только... мне кажется, если у тебя совсем удалить рога, ты умрешь от потрясения.

— Мне тоже кажется. А может быть, жрица солгала. Возможно, смерть наступит при полном удалении рогов.

Ведь пока что у меня еще остались костное основание и один рог, который действует.

— Лучше бы ты перестал думать об этом, — посоветовала она. — Как ты считаешь, тебе можно есть? Я приготовила немного медвежатины.

— Слушай, это от меня такой запах? — спросил он, потянув воздух ноздрями. Затем увидел мертвую тушу медведя. — Сколько времени я был без сознания?

— Весь день, всю ночь и часть утра. А о дыме можешь не беспокоиться. Я знаю, как надо разводить небольшой костер без дыма.

— Кажется, я поправляюсь быстро. У рогов очень сильная заживляющая способность. Я даже не удивлюсь, если отрастет оторванный рог.

— Буду молиться, чтобы этого не произошло. — сказала она и сняла с деревянного вертела два куска медвежатины. В одно мгновенье он проглотил и их, и полбуханки хлеба.

— Мне, похоже, становится лучше, — признался Питер. — Я вдруг стал таким голодным, что мог бы проглотить всего медведя.

Эти слова, сейчас произнесенные со смехом, он вспомнил через два дня, ибо к тому времени он на самом деле съел медведя. От медвежьей туши ничего не осталось, кроме шкуры, костей и внутренностей. Даже мозги были поджарены и съедены.

Он был готов двинуться в путь. Мэри сняла повязку с раны, обнажив чистый заживший шрам точно над костным основанием рогов.

— По крайней мере, рог не собирается отрастать, — заметил Стэгг и, глядя в сторону девушки, добавил. — Мы там же, где и раньше, когда я решил от тебя убежать. Я снова начинаю ощущать то же самое влечение.

— Это означает, что нам снова придется расстаться? — по тону ее трудно было разобрать, хочет ли она, чтобы он ушел, или нет.

— Я о многом передумал, пока выздоравливал, — сказал Питер. — Первое, о чем я подумал, это то, что когда пантс-эльфы вели нас в Хай-Квин, я чувствовал ощутимое уменьшение влечения. Причиной тому, кажется, было недоедание. Предлагаю не разлучаться, а перейти на жест-

кую диету. Я буду есть ровно столько, сколько нужно для того, чтобы идти дальше, но недостаточно, чтобы возбуждать это... это желание. Будет трудно, но у меня хватит сил терпеть.

— Просто замечательно, — воскликнула Мэри, затем покраснела и нерешительно произнесла. — Мы должны еще кое-что сделать. Я должна избавиться от этого пояса... Нет, нет, вовсе не для того, о чем ты, может быть, думаешь. Он меня сводит с ума. Все время так натирает кожу и впивается в тело, что я едва дышу.

— Как только мы доберемся до территории Ди-Си и найдем какую-нибудь ферму, — сказал он, — я украду напильник. Тогда мы и освободимся от этой дьявольской выдумки.

— Ладно, только не вздумай превратно истолковать мои побуждения, — предупредила Мэри.

Он поднял мешок, и они пустились в путь. Пояс существенно мешал их попытке увеличить скорость. К тому же нужно было проявлять осторожность, приходилось прислушиваться к каждому необычному звуку. В равной степени они могли нарваться как на неизбежную погоню из Хай Квина, так и на разведчиков из ненавистной им Ди-Си.

Перейдя Шаванганские Горы, они увидели на одной из лесных прогалин тех, кто вышел вслед за ними из Хай Квина отомстить за смерть своих друзей. Пантс-Эльфы, видимо, настолько увлеклись погоней, что были захвачены врасплох засадой людей Ди-Си. Теперь некоторые из них еще висели, привязанные к стволам деревьев до того, как им перерезали горло, кости же других валялись внизу, у корней. То, что не успели съесть медведи, довершили лисицы, а что проглядели они, теперь растаскивали вороны.

— Следует быть поосторожнее, — сказал Питер. — Вряд ли люди Ди-Си прекратили поиск.

В его голосе уже не было прежней силы. Рог безвольно болтался при каждом движении головы, он изрядно похудел, под глазами появились черные круги. Когда они садились перекусить, он быстро расправлялся со своей скудной долей, а затем жадно взирал на порцию Мэри. Иногда даже оставлял ее одну во время еды, а сам где-нибудь прятался, чтобы не видеть, как она ест.

Хуже всего было то, что он никак не мог позабыть о еде, даже во сне. Ему снились столы, гнущиеся под тяжестью изысканных яств и множества кувшинов, наполненных холодным темным пивом. А если его не мучали видения пищи, то снова снились девушки, снился Великий Путь. И хотя влечение значительно уменьшилось вследствие скудного питания, оно все еще было сильнее, чем у большинства мужчин. Бывали времена, когда после того, как засыпала Мэри, ему приходилось бежать в лес и там сбрасывать избыток вожделения. После этого ему было до глубины души стыдно, но это было лучше, чем овладеть девушкой силой.

Он до сих пор не осмеливался поцеловать Мэри. Она, казалось, понимала его состояние, поскольку тоже не делала попыток. И больше не повторяла, что любит. Наверное, думал он, она меня и раньше не любила, просто сильно расчувствовалась, когда увидела, что он остался жив. Слова ее, скорее всего, выражали радость облегчения.

После встречи с останками пантс-эльфов они сошли с тропы и двигались прямо через перелески. Продвижение замедлилось, но они себя чувствовали в большей безопасности.

Так они вышли к берегам Гудзона. В этот вечер Питер взломал сарай и нашел напильник. Ему пришлось придушить сторожевого пса прежде, чем тот гавкнул более двух раз. После этого они вернулись в лес, где Стэгг более четырех часов возился с поясом. Сталь была твердая, напильник — не очень подходящим орудием для такой работы, и к тому же ему приходилось быть очень осторожным, чтобы не поранить Мэри. Освободив ее от пояса, он дал ей мазь, найденную в том же сарае, и она ушла за кусты, чтобы смазать раны и потертости. Он только пожал плечами, глядя на такую неуместную скромность. Ведь они уже много раз видели друг друга без одежды. Правда, тогда, разумеется, это от нее не зависело.

Когда девушка вернулась, они двинулись вдоль берега, пока не наткнулись на привязанную к деревянному настилу лодку. Отвязали ее и на веслах переправились на другую сторону реки, после чего пустили лодку вниз по течению, и возобновили свой путь на восток. Они шли две ночи, прячась и отсыпаясь днем. На одной из ферм, непо-

далеку от Пьюкипси, Питер украл немного еды и, вернувшись в лес к Мэри, за один присест съел в три раза больше того, что мог себе позволить. Девушка встревожилась, но он попытался успокоить ее, сказав, что должен был плотно поесть, так как почувствовал, что клетки его тела начали пожирать друг друга.

Съев половину принесенного и выпив целую бутылку вина, он на некоторое время успокоился. Затем обратился к Мэри:

— Прости меня, но я не в силах терпеть более. Я вынужден вернуться на ферму.

— Зачем? — спросила она, встревожившись.

— Потому, что мужчин там нет, ушли, наверное, в город, и остались три женщины, причем две из них — привлекательные девушки. Мэри, ты можешь меня понять?

XV

— Нет! — сказала Мэри. — Не могу. Но даже если б могла, все равно была бы против, потому что ты не понимаешь, какой опасности подвергаешь нас, возвращаясь на ферму. Когда вернутся мужчины, эти несчастные обо всем им расскажут, и жрицы в Вассаре будут уведомлены, что ты где-то здесь неподалеку. Можешь не сомневаться — нас выследят и поймают.

— Да, ты права, я понимаю. Но больше я уже не в силах терпеть. Слишком много съел. Или эти две женщины, или ты.

Мэри вскочила. У нее был такой вид, будто она собирается сделать что-то, что ей не нравится, но сделать это было необходимо.

— Если ты отвернешься на мгновение, — произнесла она с дрожью в голосе, — мне кажется, я смогу облегчить твое положение.

— Мэри, в самом деле? — восторженно вскрикнул Стэгг. — Ты сама не представляешь, что это для меня значит!

Он отвернулся и, несмотря на почти непереносимое страстное нетерпение, вынужден был улыбнуться. На-

сколько это в ее духе, проявлять подобную благопристойность, раздеваясь самой перед тем, как лечь с ним!

— Я могу повернуться? — спросил он, услышав какое-то движение у себя за спиной.

— Еще нет. Я еще не готова.

Он услышал, как она к нему приближается.

— Ну? Все в порядке? Уже можно? — в нем нарастало нетерпение.

— Еще нет, — ответила она и стала позади него.

— Я больше уже не в состоянии ждать, как ты...

Что-то тяжелое обрушилось на его затылок, и он лишился чувств.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на боку со связанными руками и ногами. Для этого ей пришлось перерезать надвое тонкую веревку, которую он бросил в мешок перед бегством из Хай Квина. Рядом лежал крупный обломок, сваливший его.

Увидев, что он открыл глаза, она сказала:

— Прости меня, Питер, но я вынуждена была так поступить. Если бы ты навел людей Ди-Си на наш след, мы бы уже не могли скрыться.

— У меня в мешке две бутылки виски, — сказал Стэгг. — Обопри меня о ствол дерева и приложи бутылку у губам. Я хочу выпить весь литр. Первое, мне нужно хоть как-то убить боль в голове. Второе, если я не напьюсь до бесчувствия, то сойду с ума от безысходности. Третье, я постараюсь забыть, какой бессердечной сукой ты оказалась!

Она молча повиновалась.

— Прости меня, Питер.

— Убирайся к чертям! Зачем только я связался с такой, как ты? Неужели я не мог убежать с настоящей женщиной? Спаивай меня, спаивай!

Два часа длилась эта странная попойка. К концу он совсем притих, устремив перед собой неподвижный взор. Затем застонал и уснул.

Утром он сразу же почувствовал, что развязан. На похмелье не жаловался и вообще ни о чем не говорил с Мэри. Молча смотрел, как она поставила перед ним его порцию. После завтрака, в течение которого он выпил очень много воды, они молча отправились на восток.

Был уже почти полдень, когда Мэри заговорила.

— Лес становится все реже, появились скалы. За последние два часа не видно было ни одной фермы. Мы в пустоши между Ди-Си и Кэйсилендом. Здесь надо быть осторожнее вдвойне, так как легко нарваться на вооруженный отряд с любой стороны.

— А что плохого, если мы повстречаемся с твоими соплеменниками? — спросил Питер. — Именно они нам и нужны, не так ли?

— Они сначала нас пристрелят, и только после этого начнут разбираться, кто мы, — объяснила Мэри, явно нервничая.

— Ну и что? — резко бросил он. — Мы ведь можем покричать им с безопасного расстояния. Скажи мне, Мэри, ты уверена, что со мной не будут обращаться как с пленником из Ди-Си? Эти рога могут им не понравиться.

— Я расскажу им, как ты спас мне жизнь. И что ты не по своей поле стал Героем-Солнце. Разумеется...

— Что разумеется?

— Тебе придется вытерпеть операцию. Не знаю, есть ли в моей стране достаточно искусные медики, чтобы удалить твой рог, не убив тебя при этом, но придется рискнуть. А не то тебя запрут. И ты сойдешь с ума. Разгуливать на свободе с этой штуковиной на голове тебе никто не позволит. И, естественно, я и не подумаю выйти за тебя замуж, пока у тебя будет этот рог. Кроме того, тебе следует сначала креститься. Я ни за что не выйду замуж за язычника. Не смогу, даже если бы захотела. Язычников мы убиваем.

Стэгг не знал, то ли рычать от ярости, то ли плакать от досады, то ли заливаться хохотом. Опыт подсказывал ему, что лучше всего вообще не показывать свои чувства. Поэтому он спокойно произнес:

— Я что-то не припоминаю, чтобы просил тебя выходить за меня замуж...

— О, а тебе и не нужно просить, — ответила она. — Достаточно того, что мы провели хотя бы одну ночь вместе без свидетелей. В моей стране это означает, что мужчина и женщина обязаны пожениться. Зачастую это единственный способ объявить о своей помолвке.

— Но ты же не совершила ничего такого, что оправдывало бы вынужденный брак. Ты все еще девственница. Во всяком случае, насколько мне известно.

— Ну, а как же! Только это не имеет никакого значения. Считается само собой разумеющимся, что мужчина и женщина, проведя ночь вместе, обязательно уступят плоти, сколь бы ни была у них сильна воля. Если только они не святые. Но святые никогда не допустят, чтобы возникло такое положение.

— С какой же это стати-разстати ты изо всех сил старалась мне показать, какая ты паинька? — громко сказал он. — Раз уж попалась, так чего же мешкать?

— Потому что я воспитана так, а не иначе. Потому что, — добавила она самодовольно, — не имеет никакого значения, что люди думают. Главное, что видит Мать. Вот что засчитывается.

— Временами ты такая ханжа, что я с удовольствием свернул бы твою прелестную шейку! Я здесь исхожу от изнеможения, такого, что тебе век не знать, а ты все это время могла бы облегчать мои страдания, нисколько не запятнав свою репутацию — да за одно и провести время так, как мало кому из женщин удавалось!

— Не надо сердиться, — попросила Мэри. — Все гораздо сложнее. Если бы такое случилось у меня на родине, нас бы убили еще до свадьбы. Для меня это было бы большим грехом. Кроме того, разве ты сейчас нормален? У тебя этот рог. А это уже особый случай. Я уверена, что понадобится очень умудренный жрец, чтобы разобраться во всех этих сложностях.

Стэгг затрясся от гнева.

— Мы ведь еще не в Кэйсиленде, — только и сказал он.

День клонился к вечеру. Стэгг съел гораздо больше, чем мог себе позволить. Мэри ничего не сказала об этом, только стала внимательно следить за ним. Она отступала каждый раз, когда он подходил к ней близко. Они упаковались и тронулись в путь. Воздействие еды на самочувствие Питера стало очевидным. Верхняя, мясистая часть рога стала набухать и распрямляться. Глаза блестели, он шел вприпрыжку, кряхтя от едва сдерживаемого самодовольства.

Мэри стала потихоньку отставать. Его настолько захватила волна нарастающего желания, что он этого не замечал. Отстав метров на двадцать девушка юркнула в кусты. Он прошел еще метров двадцать и только тогда, обернувшись, увидел, что она исчезла. Стэгг взревел и бросился искать в заросли, потеряв всякую осторожность и громко выкрикивая ее имя.

Он отыскал ее след по примятой траве, прошел по нему к руслу небольшого, почти высохшего ручья, и вошел в дубовый подлесок. Подлесок быстро кончился. Питер очутился на обширной поляне.

Прямо в лицо ему целились более дюжины, широких мечей, за остриями которых он увидел хмурые лица кэйсилендеров.

Из-за их сомкнутых спин выглядывала девушка лет двадцати.

Девушка-талисман была одета точно так же, как Мэри, когда он впервые увидел ее в клетке. Мужчины были в форме чемпионов Кэйсиленда по бейсболу. Неуместным предметом их одежды были лишь треугольные адмиральские шляпы с плюмажами вместо кепи с длинными заостренными козырьками.

Чуть поодаль стояли олени: девятнадцать для основных и запасных игроков, один для девушки-талисмана и четыре, груженные едой и снаряжением.

Капитан команды Майти, носивший титул "Могучий", как и все остальные капитаны команд Кэйсиленда, был высок и мускулист, с узким длинным лицом. Одна щека его вздувалась от комка табака. Увидев Стэгга, он издал дикий смех.

— Привет, Рогатый! Ты надеялся найти мягкую юную плоть? Вместо этого тебя ждет острое лезвие! Ты разочарован, зверь? Не стоит. Мы позволим тебе побыть в объятиях женщины, только вот руки ее будут худыми и костлявыми, грудь сморщенной и отвислой, а дыхание будет пахнуть свежей могилой.

— К чему такая торжественность, Майти? — хрипло закричал один из мужчин. — Повесим его, и ладно. Нас ждет игра в Пьюкипси.

Теперь Питер понял, что они здесь делают. Это был не военный отряд, а бейсбольный клуб, приглашенный на со-

ревнования в Ди-Си. Только в таком случае им гарантирована безопасность при переходе на территорию Ди-Си от засад, которые могут им повстречаться.

С другой стороны, такая гарантия означала, что ими дано обещание не причинять вреда кому-либо из Ди-Си, кого они повстречают в этих мало населенных местах.

— Нечего говорить о веревке, — сказал Стэгг, обращаясь к Майти. — По правилам вы не имеете права причинить вред кому-либо из Ди-Си, если он только сам на вас не напал.

— Что верно, то верно, — согласился Кэйси. — Но тебе не повезло. Мы наслышались от своих шпионов, что ты не уроженец Ди-Си и, следовательно, наше обещание тебя не касается.

—Зачем же тогда меня вешать, — спросил Питер, — если я не житель Ди-Си? Я же вам не враг? Скажите, вы не видели женщину, бежавшую впереди меня? Ее зовут Мэри Кэйси. Она скажет, что вы должны обращаться со мной, как с другом.

— Рассказывай, — вмешался тот, кто предлагал повесить пленника. — Ты один из этих одержимых дьяволом рогатых! Нам этого вполне достаточно.

— Помолчи, Лонзо, — сказал Майти. — Здесь я командую. — Он обратился к Стэггу.

— Жаль, что я не перерезал тебе глотку до того, как ты смог открыть рот. Тогда у меня не было бы сомнений. Но мне хочется услышать от тебя больше об этой Мэри Кэйси. — Неожиданно он спросил. — А какое у нее полное имя?

— Мэри из Маленького Рая Кэйси! — выпалил Питер.

— Да, так зовут мою двоюродную сестру. Только мне кажется, что это само по себе еще ничего не доказывает. Ее таскали вместе с тобой по всему Великому Пути. У нас хорошая сеть осведомителей, и нам известно, что вы исчезли после налета этих мужеложцев на Вассар. Но тамошние ведьмы подобрали другого Рогатого Короля, а затем разослали вооруженные дозоры искать вас.

— Мэри где-то поблизости, в этом лесу, — сказал Стэгг.— Разыщите ее, и она подтвердит, что я помогал ей вернуться на родину.

— А что же, вы это делали порознь? — подозрительно спросил Майти. — Почему это ты так бежал?

Он молчал.

— Я вот что скажу, — произнес брат Мэри. — Одного взгляда на тебя достаточно, чтоб любой мог сказать, почему это ты ее преследовал. Вот что я скажу тебе, Рогатый Король. Я намерен проявить к тебя снисхождение. Если бы мы не спешили, то я бы сначала поджарил тебя на медленном огне, потом вырвал бы глаза и заткнул ими твою же глотку. Но у нас впереди игра, мы не можем тратить время, поэтому смерть твоя будет быстрой. Свяжите ему руки, ребята, и вздерните.

Через ветку дуба перебросили веревку и накинули петлю пленнику на шею. Двое игроков схватили его за руки, третий приготовился вязать. Стэгг не сопротивлялся, хотя мог бы легко всех расшвырять.

— Погодите! Я вызываю вас на игру по правилам! "Один против пяти" и призываю бога быть в том свидетелем!

— Что? — не веря своим ушам произнес Майти. — Ради Колумба, мы и так опаздываем. С чего бы это нам принимать вызов? Нам неизвестно, ровня ли ты нам. Мы все "дирада", видишь ли, и вызов человека низкого происхождения для нас неприемлем. Ты что, не понимаешь этого? Просто немыслимо!

— Вы зря меня унижаете. Вы разве не слышали, что Героев-Солнце выбирают только из аристократов?

— Верно, — согласился Майти и почесал затылок. — Что ж, ничего не поделаешь. Отпустите его ребята. Думаю, игра не затянется.

Он не мог даже на секунду допустить мысль о том, чтобы не принять вызов и повесить Питера, ибо у него имелся свой кодекс чести и нарушать его было невозможно. Тем более, когда Стэгг призвал в свидетели его божество.

Начинавшая игру первая пятерка игроков Кэйси сняла свои адмиральские шляпы и одела кепи с продолговатыми козырьками. Распаковав снаряжение из мешков, что висели по бокам оленей, они стали размечать ромб на ближнем лугу. Для этого они сыпали какой-то тяжелый белый порошок из кожаной сумки, обозначая им трассы от

базы к базе и от каждой базы к площадке возле них, согласно правилам "Один против пяти". Стэггу разрешалось в процессе игры отбивать, находясь в любой из баз. Несколько больший квадрат они начертили для подающего.

— Не возражаешь, если судьей будет наша девушка? — спросил Майти. — Она поклянется перед Отцом, Матерью и Сыном, что не будет нам подсуживать. Если же сплутует, пусть поразит ее молния. Хуже того, пусть останется бесплодной.

— У меня нет другого выбора, — согласился Питер, примеряясь к обитой медью бите, которую ему дали. — Я готов.

Сейчас у него прошло влечение к женщинам, его заменило страстное желание пролить кровь этих людей. Девушка, в хорошо защищенной форме и в маске из стальной сетки на голове, вразвалку направилась к своему месту позади защищающего первую базу.

— Мяч в игру!

Стэгг приготовился к приему подачи. Майти находился всего лишь в тридцати девяти метрах от него и держал в руке тяжелый кожаный мяч с четырьмя острыми стальными шипами. Он посмотрел в сторону противника, затем размахнулся и бросил.

Мяч, как ядро, летел прямо в голову Питера, приближаясь, столь быстро и точно, что вряд ли человек с нормальными рефлексами мог бы уклониться от него. Стэгг, однако, успел присесть. Мяч просвистел на дюйм выше его головы.

— Первый мяч! — высоким чистым голосом объявила девушка.

Защитник даже не пытался его поймать. В этом варианте игры его главной обязанностью было бегать за мячом и возвращать его подающему. Разумеется, он также охранял "дом" и попытался бы поймать мяч в свою огромную ловушку, если бы соперник предпринял попытку в него проскочить.

Майти Кэйси размахнулся снова и пустил мяч, целясь на этот раз ниже груди.

Питер взмахнул битой, но вместо ожидаемого резкого звука попадания биты по мячу услышал глухой стук. Мяч

отскочил влево и выкатился за пределы ромба, оказавшись за штрафной линией, откуда им уже нельзя было играть.

— Первый промах!

Защитник вернул мяч подающему. На сей раз Майти Кэйси сделал ложный выпад, а затем метнул его одним неуловимым движением.

Эта подача застала Питера почти врасплох. Отклониться он уже не успевал, у него лишь хватило времени прикрыться битой. Мяч угодил в ее плоскую сторону и на мгновение как бы прилип к ней, смяв медь обшивки своих шипов.

Стэгг рванулся к первой базе, прижав к себе биту, так как правила разрешали это, если мяч прилипал к ней. Майти Кэйси побежал вслед за ним, надеясь, что по дороге мяч свалился с биты. В противном случае, если бы Стэгг добежал до первой базы, продолжая им владеть, то становился подающим, а Майти — отбивающим.

Мяч свалился с биты на полпути к первой базе.

Питер бежал как олень, на которого был похож. Вот он рванулся головой вперед и по траве юзом проскользнул в первую базу. Бита, которую он держал перед собой на вытянутой руке, попала первому базовому защитнику в голень, повалив его с ног.

Что-то сильно ударило Стэгга в плечо. Он взвыл от боли, ощутив, как шип вонзился ему в тело. Но подпрыгнул, развернулся в воздухе и схватил мяч, не обращая внимания на теплую струю, полившуюся из раны, откуда он вытащил шип.

Теперь, по правилам, выдержав удар мяча и сохранив достаточно сил, он мог бросить его либо в подающего, либо в первого базового.

Первый базовый сделал попытку бежать, но его нога была слишком сильно повреждена битой. Поэтому он вынул собственную биту из футляра, висевшего за спиной, и приготовился отбить мяч, если Стэгг бросит в него.

Первый базовый с, лицом, искаженным от боли в ноге лицом встретил бросок.

Раздался глухой звук. Защитник покачнулся несколько раз, затем рухнул на землю. Шип вонзился ему в горло.

Теперь у Питера появилось две возможности: остаться в безопасности в первой базе, или попытаться прорваться

ко второй. Он решил бежать. Так же, как и при перебежке в первую, он сделал перед самой базой бросок вперед, пытаясь проскользнуть в нее. Второй базовый защитник, в отличие от первого, посторонился. Перед падением Питер разогнался настолько сильно, что по инерции проехал юзом базу, но сразу же перевернулся и вкатился в нее.

В это время раздался хлопок — это второй базовый поймал мяч в ловушку.

Теоретически Стэгг был в безопасности, находясь во второй базе. Но он не расслабился, видя ярость на лице второго базового, вскочил на ноги и приготовился ударить защитника по голове, если тот настолько забудет правила, что посмеет попытаться "запятнать" своего соперника прямо в базе.

Второй базовый, увидев занесенную для удара биту, выронил мяч на землю. Кровь капала с его пальцев в тех местах, где их рассекли шипы, когда он поспешно вынимал мяч из ловушки.

Был объявлен перерыв. Над телом первого базового защитника произнесли слова прощания, после чего его накрыли одеялом.

Питер попросил еду и воду, чувствуя, что начинает слабеть от голода. Он имел на это право, так как тайм-аут брал противник.

Как только он закончил есть, раздался выкрик девушки:

— Мяч в игру!

Теперь Стэгг, находясь в крохотном квадрате возле второй базы, снова стал отбивающим. Майти размахнулся и метнул мяч. Питер отбил его влево от себя, но мяч остался внутри ромба, не долетев до штрафной линии. Он рванулся к третьей базе, но на этот раз игрок, заменивший погибшего первого базового, бросился за мячом тотчас же, стоило тому коснуться земли. Стэгг на миг остановился, не зная, то ли бежать к третьей базе, то ли вернуться во вторую.

Первый базовый неуловимым движением перебросил мяч Майти, который теперь, выгнув спину дугой, поджидал противника почти на линии между второй и третьей базами, находясь практически у него на пути. Если бы продолжил Питер перебежку, его спина была бы

не защищена. Он развернулся на ходу, босые ноги скользнули по траве, и он упал на спину.

Вот и конец, пронеслось в объятом ужасом сознании. Майти стоял совсем рядом и уже распрямился, чтобы бросить мяч в распростертое тело.

Но Стэгг не выпустил биту из рук. В отчаянии он поднял ее перед собой. Мяч звонко ударился о биту, выбил ее из рук и, подпрыгивая, остановился в метре от Сэгга.

Питер торжествующе взревел, вскочил на ноги, поднял биту и, не сходя с места, стал угрожающе ею размахивать. Поскольку он ни разу не был "запятнан" во время перебежки, то не имел права подобрать мяч и бросить его в кого-либо из противников. Не мог он и сойти с белой полосы-трассы, чтобы помешать кому-либо из противников подобрать мяч. Но, поскольку тот лежал на земле совсем близко, он мог, не сходя с места, бить битой игроков, пытающихся завладеть мячом.

Над поляной раздался звонкий девичий голос, начавший отсчет до десяти. У игроков Кэйси было десять секунд, чтобы принять решение — либо попытаться овладеть мячом, либо пропустить его без помех в третью базу.

— Десять! — объявила девушка, и Майти повернул назад. Он решил не связываться с битой, которой размахивал чужак.

Он снова подал мяч. Питер замахнулся, но не попал. Майти улыбнулся и метнул мяч, целясь в голову отбивающегося. Тот занес биту, но снова промахнулся. Однако мяч не коснулся Стэгга.

Капитан Кэйси оскалил зубы. Теперь, по правилам, раз уж Стэгг замахнулся битой, но не попал по мячу, то должен был отшвырнуть ее в сторону и стоять неподвижно, пока Майти не сделает попытку "запятнать" его, пусть даже ударом мяча между глаз.

С другой стороны, если сейчас пронесет, у него появилась бы возможность попасть в "дом" и, таким образом, самому стать подающим. Правда, он все равно будет в невыгодном положении. Будучи сам себе командой, он не имел помощников, но зато огромная сила и быстрота реакции делали его совсем неплохим "коллективом".

В наступившей тишине было слышно только,как молятся игроки из команды Кэйси. Затем Майти с силой метнул мяч.

Мяч летел точно в живот Стэгга. Оставалось либо отбить его голыми руками, либо отклонить туловище, не выходя при этом за пределы крохотного квадрата. Сделай он шаг в сторону или упади за пределы квадрата, ему было бы засчитано очко.

Питер предпочел слегка отклонить туловище. Мяч скользнул по телу, вращающийся шип прочертил кровавую полосу на животе.

— Первый мяч!

Майти снова прицелился в живот. Питеру почудилось даже, что он чудовищно разбух, неся в своем чреве собственную судьбу, словно гигантская падающая планета.

Он широко замахнулся, молниеносно описав битой дугу и держа все время параллельно земле. Кончик ее соприкоснулся с мячом, сила удара отклонила биту назад, она раскололась на две части, а мяч отлетел назад к Майти.

Подающий опешил. Он не мог поверить в то, что тяжелый мяч может так далеко отлететь. Затем, когда Стэгг во всю прыть мчался к "дому", он стремглав бросился вперед, навстречу мячу, и поймал его в свою ловушку. Одновременно другие игроки, также оправившись от сковавшего их изумления, бросились на перехват.

Между бегущим человеком-командой и "домом" оказались два игрока, по одному с каждой стороны белых линий, обрамлявших трассу между базой и "домом". Оба умоляли Майти перебросить им мяч. Но он оставил честь перехватить соперника себе.

В отчаянии Питер отбил мяч обрубком биты. Он воткнулся в землю прямо у его ног.

Один из игроков Кэйси нырнул к нему. Стэгг обрушил чудовищный удар на череп под шлемом. Остальные игроки оцепенели.

Девушка закрыла лицо руками, чтобы не видеть второго сраженного. На мгновенье она опустила руки и умоляюще взглянула на своего капитана. Майти колебался, не дать ли сигнал всем броситься на убийцу и порешить его, отбросив ко всем чертям правила.

Затем сделал глубокий вдох и громко крикнул:

— Ладно. Кэйси, начинай отсчет. Мы все-таки "дирада". Не к лицу нам мошенничать.

— Раз! — пронзительно вскричала девушка.

Остальные игроки смотрели на Майти. Он осклабился и скомандовал:

— О'кэй. Выстраивайтесь за мной. Попробую первым. Я не имею права просить вас, ребята, делать то, что является моей обязанностью.

Один из игроков предложил:

— Может быть, пропустить его в "дом"?

— Что? — вскричал Майти. — Чтобы потом всякий подбашмачник, всякий юбочник, всякий идолопоклонник из Ди-Си смеялся над нами? Нет! Если мы и должны умереть, умрем как подобает мужчинам!

— Пять, — объявила девушка. Казалось, сердце ее вот-вот разорвется.

— У нас нет ни единого шанса! — простонал кто-то. — Он вдвое быстрее каждого из нас. Мы для него, что ягнята на алтаре.

— Я — не ягненок, — взревел Майти. — Я — Кэйси. Мне не страшно умереть! Я-то попаду на небо, а этот парень будет жариться в аду!

— Семь!

— Ну, давайте! Давайте! — кричал Стэгг, размахивая обрубком биты. — Подходите, господа, испытайте свою удачу!

— Восемь!

Майти приготовился к прыжку, губы его беззвучно шевелились в молитве.

— Девять!

— ОСТАНОВИТЕСЬ!

XVI

Из-за деревьев выбежала Мэри Кэйси, протестующе размахивая руками. Она обняла Майти и стала его целовать, слезы хлынули из ее глаз.

— О, брат, брат, я уже думала, что никогда тебя не увижу!

— Возблагодари Мать за свое спасение, — сказал он. — Значит все, о чем говорил этот рогатый, правда? — Он немного отстранил ее от себя и внимательно осмотрел. — Он тебя не обижал?

— Нет, нет! Он не прикасался ко мне. Он все время был истинным "дирада". И он не поклоняется Колумбии. Он клянется богом и сыном. Я это слышала множество раз. А ты ведь знаешь, никто из Ди-Си так бы не поступил.

— Жаль, что я этого не знал, — сказал Майти. — Мы бы не потеряли зазря двух хороших парней.

Он повернулся к Питеру.

— Если то, о чем она говорит, правда, то нет смысла, дружище, продолжать игру. Разумеется, если ты настаиваешь, то мы продолжим.

Стэгг швырнул наземь обрубок биты.

— Я с самого начала хотел пробраться в Кэйсиленд и провести там остаток жизни.

— У нас нет времени на болтовню! — сказала Мэри. — Нужно убираться отсюда! И побыстрее! Я вскарабкалась на дерево, чтобы оглядеться и увидела свору гончих, а за ними — скопище мужчин и женщин на оленях. И черных кабанов смерти!

Кэйсилендеры побледнели.

— Кабаны смерти! — произнес Майти. — Это едет Альба. Только что она здесь делает?

Мэри указала на Стэгга.

— Они, должно быть, узнали, что он находится поблизости и выследили его. Нельзя мешкать, они приближаются слишком быстро.

— Ну и дела, — пробурчал Майти. — Нас-то она вряд ли тронет. У нас есть пропуск. Хотя от Альбы можно ожидать чего угодно... Она выше таких мелочей, как договор.

— Верно, — согласилась Мэри. — но даже если вам она не причинит вреда, то что будет со Стэггом — и со мной? На меня ведь ваш пропуск не распространяется?

— Я мог бы отдать вам пару лишних оленей. Вы могли бы бежать в направлении реки Хаусатоник. На другом ее берегу вы будете в полной безопасности. Там у нас укрепление. Но Альба может поймать вас и по дороге.

На лице его застыла маска крайней сосредоточенности. Затем он произнес:

— Нет, это все не то. Надо поступать благородно. Мы не имеем права допустить, чтобы двое правоверных попали в грязные лапы Альбы. Особенно, если среди них моя сестра!

Так вот, мужики! Что скажете? Плюнем на пропуск и будем драться за этих двоих? Или спрячемся в зарослях, как цыплята, завидев ястреба?

— Мы живем, как Кэйси, и умрем, как Кэйси! — Дружно вскричала вся команда.

— Значит деремся, — сказал Майти. — Но сперва попробуем убежать как можно дальше. Пусть они попотеют, если уж так жаждут нашей крови.

Как раз в это мгновенье послышался лай гончих.

— По седлам! В путь!

Мэри и Стэгг отвязали тюки с оленей, которых им дали, взобрались на их голые спины и взялись за поводья.

— Женщины пусть едут первыми, — сказал Питер. — Мы немного сзади.

Мэри огорченно взглянула на Стэгга.

— Если ты останешься сзади, я буду рядом с тобой.

— Не время спорить, — сказал Майти. — Будем держаться все вместе.

Они поскакали по неровной и извилистой тропе. Лай позади усилился — это гончие почуяли запах. Едва беглецы покинули прогалину, как из зарослей выскочили первые гончие. Питер, обернувшись, увидел огромного пса, сложением напоминавшего помесь гончей и волка. Шерсть его была белоснежной, а уши — рыжеватые. За ним вылетела свора — двадцать таких же псов.

Затем внимание его переключилось на управление оленем по усеянной камнями тропе, и он уже больше не рисковал оборачиваться, тем более, что испуганное животное никак не хотело бежать с наибольшей скоростью.

Только через полкилометра бешеной скачки Стэгг обернулся еще раз. Теперь он увидел около двадцати всадников на оленях. Впереди на белом лосе с окрашенными в ярко-алый цвет рогами восседала нагая старуха, только черная коническая шляпа и живая змея вокруг шеи составляли ее наряд. Длинные седые волосы развевались

по ветру, а обвислые плоские груди подпрыгивали при каждом движении животного.

Вид ее испугал бы кого-угодно. Рядом со всадниками, не отставая от оленей, бежало стадо свиней — высокие, длинноногие мускулистые твари, привыкшие к бегу. Все они были черного цвета, их длинные клыки жутко багровели. Они омерзительно визжали на бегу.

В то самое мгновение, когда он повернул голову, раздался оглушительный треск, и олень, бежавший впереди него, закричал от боли.

Питер глянул вперед. Двое оленей бились на земле, рядом лежали их всадники. Случилось самое худшее. Олень с девушкой-талисманом оступился и упал.

Мэри ехала сразу же за ним и не успела увернуться.

Стэгг остановил своего оленя и спрыгнул на землю.

— У вас все в порядке? — крикнул он.

— Немножко тряхнуло, — ответила Мэри. — А вот олень Кэйси, похоже сломал ногу. И мой удрал в заросли.

— Залезай на спину моего,— велел он. — Кто-нибудь другой пусть подберет Кэйси.

Мэри поднялась с места, где лежала Кэйси, и подошла к нему.

— Она не в состоянии двигаться. Кажется, у нее сломан позвоночник.

Кэйси, должно быть понимала, о чем идет речь.

— Убейте меня, — взмолилась она. — Сама я не могу совершить этот грех! Но если меня убьете вы, я знаю, бог простит это. Разве Матери хочется, чтобы я попала в руки Альбы?

— Никто тебя не собирается убивать, Кэйси, — сказал Майти. — Пока в живых будет хотя бы один из нас, мы будем защищать тебя.

Он отдал отрывистые распоряжения, и остальные Кэйси спешились.

— Располагаемся в две линии. Сначала на нас нападут собаки — отбивайтесь мечами. Затем хватайтесь за копья. Сами знаете, следующими ударят кабаны или всадники.

Кэйси едва успели построиться в две шеренги, заслонив девушек, как на них набросились псы. Это были не охотничьи собаки, обученные повисать на боку у загнанной дичи. Это были злобные твари, натасканные на то,

чтобы убивать. С грозным рычанием они взвились в воздух и вцепились в глотки защищавшихся.

На мгновенье все смешалось, так как псы посбивали многих с ног. Но через две минуты, несмотря на отчаянный лай, визг, хрип, рычанье, с ними было покончено. Четыре тяжело раненых пса ползли подыхать в заросли. Остальные валялись мертвыми с наполовину отсеченными головами или отрубленными лапами.

Один из Кэйси лежал на спине с обращенным к небу взором. У него было разорвано горло. Еще пятеро были сильно искусаны, но могли держать в руках мечи.

— А вот и остальные! — вскричал Майти. — Плотнее ряды и приготовьтесь метать копья!

Люди из Ди-Си натянули вожжи. Седоволосая карга выехала чуть вперед и закричала пронзительно:

— Люди Кэйсиленда! Вы нам не нужны. Отдайте нам нашего Рогатого Короля, и все вы, даже девушка, которая была пленницей, сможете невредимыми вернуться на родину. Если же не отдадите, я напущу на вас моих вепрей — и вы все погибнете!

— Сама подыхай, — проревел в ответ Майти. — Я уверен в том, что ты здесь единственная подходящая для этого, ты, вонючая, высохшая коза!

Альба затряслась в бешенстве. Она повернулась к своим жрецам и жрицам и сделала знак рукой.

Те отстегнули с привязи огромных клыкастых зверей.

— Пользуйтесь копьями, будто вы на охоте на свиней, — закричал Майти. — Мы охотимся на диких свиней с детства, едва научившись держать в руках копье! Не поддавайтесь панике!

Стэггу же сказал:

— Бери меч. Я видел, как ты дрался с псами. Ты быстрее и сильнее любого из нас настолько, что можешь и мечом биться с кабанами... Ребята, готовы? Вот и они!

Майти воткнул свое копье в шею огромного борова. Тот припал к земле. Сразу же из-за него на Майти набросилась громадная свинья. Стэгг перепрыгнул через тушу мертвого кабана и с такой силой обрушил на нее меч, что перебил хребет сразу же за шеей.

Затем таким же ударом сразил еще одну свинью, сбившую с ног одного из Кэйси и зубами рвавшую его ноги.

Раздался крик Мэри, и он увидел, что она с трудом удерживает копье, вонзившееся в бок вепря. Рана оказалась незначительной, только еще больше разъярила кабана, и он пытался добраться клыками до девушки. Она же, вцепившись в конец копья, кружилась вокруг мечущегося зверя.

Питер издал воинственный крик и одним прыжком оказался на спине вепря. От удара ноги кабана подкосились, и он скатился наземь. Животное, поднявшись, с быстротой молнии рванулось к нему. Стэгг прикрылся острием меча. Оно вошло в открытую пасть зверя до самой глотки.

Затем он вскочил и бросил взгляд в сторону Мэри, чтобы удостовериться, что она, хотя и напугана, но не ранена. Тут же он заметил свинью, набросившуюся на Кэйси. Защищавший ее соплеменник тоже валялся на земле, корчась от боли. Ноги и туловище его были сплошь искромсаны, из порванной плоти торчали ребра.

Питер запоздал с помощью. К тому времени, когда он отрубил одну из задних ног свиньи и рассек шейную артерию, девушка уже скончалась.

На мгновенье он остановился, оценивая положение. Оно было скверным. Из шестнадцати кэйсилендеров, уцелевших после собачьей резни, кабаны оставили в живых десять, да и то на ногах держались только пятеро.

Стэгг помог расправиться еще с четырьмя кабанами. Оставшиеся израненные, четверо из двух десятков, с диким визгом умчались в лес.

— Теперь очередь Альбы, — тяжело дыша, произнес Майти, — и с нами будет покончено. Только знай, Стэгг, что еще долго будут воспевать эту битву по всему Кэйсиленду!

— Мэри они не получат! — взревел Питер. Глаза его пылали безумием, в лице не осталось ничего человеческого. Он снова был одержим — но не женщин он теперь жаждал, а крови.

Он повернулся лицом к окружению Альбы. Ее дружинники шли рядами по пять, сверкая на солнце наконечниками длинных копий.

— Альба! — зарычал Стэгг и побежал к ней.

Поначалу она не заметила его, но, услышав предупреждение своих приверженцев, направила своего белого оленя навстречу.

— Я убью тебя, гнусная старая сука! — кричал Питер. Он, как берсеркер, описывал широкие круги мечом у себя над головой. — Я убью всех вас до единого!

А затем произошло нечто странное.

С детства жрецов и жриц приучали относиться к Герою-Солнце, как к полубогу. Теперь все они оказались в необычном, не укладывавшемся в их сознании, положении. Их вела непобедимая Богиня-Смерть. Вела против человека, о котором все догматы говорили, что он также непобедим. Все легенды, связанные с Героем-Солнце, подчеркивали его неизбежное торжество над противниками. Одна из легенд повествовала даже о его победе над самой смертью.

Более того, они стали свидетелями расправы над гончими и кабанами, животными Альбы, и видели сверхчеловеческую быстроту и наводящие ужас удары меча. Поэтому, когда воплощение Богини-Смерти приказало им приготовить копья и напасть на Рогатого Короля, они замешкались.

Смятение длилось всего лишь несколько секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы Питер встал лицом к лицу с Альбой.

Он коротким взмахом перерубил деревянное древко копья, стальной наконечник упал на землю. В то же самое время олень, на котором сидела Альба, встал на дыбы.

Старуха упала с его спины, как кошка, приземлившись на ноги. Какое-то мгновенье казалось, что, пользуясь оленем, как прикрытием от Стэгга, она еще сумеет скрыться среди своих приспешников.

Стэгг ударил мечом по оленю, и животное отпрянуло.

Какую-то секунду он смотрел прямо в ее блекло-голубые глаза. Перед ним была высокая женщина со скрюченной спиной, старая, очень-очень старая. На вид ей была не менее двухсот лет, таким изборожденным морщинами и ссохшимся было ее лицо. Длинные поредевшие седые волосы образовали, подобную молочной, пленку над ее верхней губой. Глаза ее, казалось, видели множество давно

умерших поколений, и их спокойствие как бы утверждало, что увидят еще больше. Она была сама Смерть!

Мурашки пробежали по телу Стэгга, будто он стоял лицом к лицу с неизбежной Губительницей всего сущего.

Гремучая змея, шипя и извиваясь вокруг шеи, еще более подчеркивала зловещий облик рока.

Затем он стряхнул с себя оцепенение, напомнив себе, что она, в общем-то, всего лишь человек, и бросился на нее.

Но ему так и не удалось ее поразить.

Лицо старухи перекосилось от боли, она схватилась за грудь и упала замертво.

Среди ее прислужников началась паника, которой не преминул воспользоваться Стэгг. Бросившись прямо в толпу, он разил направо и налево. Сейчас он был берсеркером, нечувствительным к ранам, наносимым копьями и саблями жрецов.

Он одинаково рубил и пеших и всадников. Олени вздымались на дыбы и сбрасывали мужчин и женщин, а Стэгг поражал их прежде, чем они успевали встать на ноги.

Казалось, он в состоянии уничтожить весь отряд. Он убил или ранил, по меньшей мере, шестерых верховых, и опрокинув еще четверых, добил их на земле. И тогда одна из всадниц, хранившая до того невозмутимое спокойствие, погнала своего оленя вперед. Она правила прямо на него. Он поднял взгляд как раз вовремя — она уже склонилась над ним.

Он увидел прекрасное лицо Виргинии, прежней главной девственницы Вашингтона, женщины с волосами цвета меди и точеным носом, губами алыми, как кровь, и высокой выпуклой грудью. Сейчас ее грудь и живот были прикрыты одеждой, так как она несла в своем чреве его ребенка. Ей оставалось всего лишь четыре месяца до родов — и тем не менее она сидела верхом на олене.

Стэгг поднял меч, чтобы поразить и ее.

Затем, узнав ее — и поняв, что в ней его дитя, остолбенел.

Этого мгновения оказалось достаточно. Не меняя невозмутимого и бесстрастного выражения лица, она взметнула остро отточенную саблю. Лезвие просвистело и распороло его рог. И это стало концом Питера Стэгга.

XVII

Осуществление плана потребовало несколько месяцев тщательной подготовки.

Прежде всего, шпионы, замаскированные под людей Ди-Си из различных сословий, просочились в Вашингтон. Они прибегали к любым средствам, чтобы узнать о судьбе оборудования, оставшегося на "Терре". Они также делали все возможное, чтобы выяснить, что же случилось с Героем-Солнце. Данные разведки показывали, что доктора Кальторпа вернули в Вашингтон.

Сразу же с ним связались и через несколько дней переправили на лодке по реке Потомак в Чесапикский залив и далее в открытое море, где его подобрал карельский двухмачтовик и доставил в порт Айно.

Он был счастлив воссоединиться с Черчиллем и остальными членами экипажа "Терры", хотя и глубоко опечалился известием о смерти Сарванта и Гбве-Хана и неизвестностью судьбы капитана Стэгга. Черчилль изложил ему суть сделки, заключенной с карелами. Кальторпу план понравился. Почему бы и нет, сказал он, задумано неплохо. А если и нет, то мы во всяком случае не будем сидеть сложа руки. Доктор стал надежнейшим источником сведений о состоянии дел на борту "Терры". Он-то наверняка знал, что осталось на корабле, а что еще нужно разыскать.

Наконец, все было готово.

Они вышли из Айно на быстроходной бригантине с капитаном Кирсти Айнундила во главе, имея по три карела на каждого из членов команды "Терры". При первом же подозрительном шаге звездолетчиков карелы пустили бы в ход кинжалы, с которыми никогда не расставались.

Вслед за ними должна была выйти флотилия судов, принадлежавших карельским поселениям по всему побережью Атлантики южнее территории Ди-Си и из колоний к северу вплоть до мест, некогда называвшихся Новой Шотландией и Лабрадором.

Бригантина смело вошла в Чесапикский залив и на небольшой парусной лодке высадила передовой отряд в устье Потомака. Замаскировавшись под рыбацкую лодку из Ди-

Си, они вечером причалили к одной из пристаней в Вашингтоне.

В полночь десант двинулся к зданию, где хранилось оружие с "Терры".

Были без лишнего шума перерезаны несколько глоток, взломано помещение для оружия. Скорострельные автоматы звездолетчики взяли себе, остальное раздали карелам. Те никогда прежде не держали в руках такое оружие, но тренировались в Айно, используя макеты, изготовленные по указаниям Черчилля.

Черчилль вооружил звездолетчиков также реактивными гранатами. Без задержек отряд подошел к огромному бейсбольному стадиону, превращенному ныне в святилище Героя-Солнце. На его поле "Терра" все еще вздымала заостренный нос к звездам, которые она покинула.

Часовые окликнули отряд. Последовала короткая схватка, вернее, бойня. Тридцать лучников были убиты из автоматов, и еще сорок — тяжело ранены. Налетчики, не заработав и царапины, взорвали настежь ворота стадиона.

Звездолет был сконструирован так, что управлять им мог даже один человек. Черчилль занял место пилота, Кирсти и два карела с кинжалами в руках стояли рядом.

— Вы сейчас убедитесь, на что способен этот корабль, — гордо сообщил первый помощник. — Он может уничтожить весь Вашингтон, просто проутюжив здания своим корпусом. После этого ваша флотилия может без всяких помех разграбить город. А затем мы можем полететь в Кэмден, Балтимор, Нью-Йорк и повторить то же самое. Если бы его сразу же не захватили вероломные люди Ди-Си, мы ни за что не попали бы к ним в плен. Но мы позволили им убаюкать себя сладкими речами, и они выманили нас из корабля, провозгласив капитана Стэгга своим королем.

Рудольф проверил работу органов управления, изучил показания приборов. Все функционировало вполне нормально. Он закрыл главный вход, а затем глянул на часы на приборной панели.

— Пора переходить к делу, — громко сказал он. По этому условному сигналу все звездолетчики задержали дыхание.

Черчилль нажал какую-то кнопку. Не прошло и шестидесяти секунд, как все карелы были без сознания. Черчилль нажал другую кнопку и провентилировал рубку.

Это был трюк, к которому они уже один раз прибегали, когда попали в подобное положение, спасаясь от авиатропов на планете Викса.

— Поместить их в камеру глубокого холода? — спросил Стэйнборг.

— Временно, — ответил Черчилль. — Позже мы их высадим. Если этих ребят взять с собой на Вегу-2, они могут поубивать нас.

Он отвел один из рычагов, и "Терра" плавно оторвалась от земли. Ее антигравитаторы легко подняли корпус весом в пятьдесят тысяч тонн.

— Из-за сопротивления атмосферного воздуха, — сказал Черчилль, — мы будет в Айно через пятнадцать минут. Заберем там ваших жен, и мою тоже и айда в Пьюкипси!

Под женами он подразумевал женщин-карелок, завезенных Ястржембовским и Аль-Масини во время их пребывания в Айно.

— Они не ожидают этого. Неизвестно, как они себя поведут на борту.

— Дайте им газ — и в камеру глубокого холода, — посоветовал Черчилль. — Это, разумеется, грязный трюк, но у нас нет сейчас времени на разговоры.

— Страшно подумать, что они скажут, когда оттают на Веге.

— Им придется смириться, — сказал Черчилль и тут же нахмурился, вспомнив острый язычок Робин.

Однако все обошлось без особых неприятностей. Робин и две женщины взошли на борт, и корабль покинул Айно. Женщины-карелки слишком поздно поняли, что их похитили, но брань уже никому не смогла принести вреда, так как их просто никто не слушал. На всякий случай, снова прибегли к газу и поместили женщин в камеры охлаждения.

По пути в Пьюкипси Черчилль обратился к Кальторпу:

— Исходя из того, о чем сообщили шпионы, Стэгга видели несколько дней тому назад в деревушке на восточ-

ном берегу Гудзона. Это означает, что он сбежал из Пантс-Эльфа. Не знаю, где он находится сейчас.

— Наверное, пробирается на Кэйсиленд, — сказал Кальторп. — Но он попадет из огня да в полымя. Чего я не пойму, так это откуда у него взялись силы не возвращаться на Великий Путь. Этот человек одержим тем, чему не смог бы сказать "нет" ни один мужчина.

— Мы совершим посадку неподалеку от Пьюкипси, — сказал Черчилль. — Вблизи Вассара. Там есть большой детский приют, в котором заправляют жрицы. Сирот там держат до тех пор, пока не найдется семья, согласная усыновить ребенка. Мы заберем ребятишек и заморозим их. И разузнаем, где все-таки может быть Стэгг.

Этой же ночью они зависли над приютом. Дул легкий ветерок, поэтому корабль продвинулся немного против ветра, прежде чем был пущен усыпляющий газ.

Размещение спящих шестидесяти младенцев заняло почти час. После этого была приведена в чувство старая жрица приюта, женщина примерно пятидесяти лет.

Звездолетчики не стали утруждать себя, заставляя ее говорить добровольно. Ей сделали инъекцию и через несколько минут узнали, что Альба со своей охотничьей свитой покинула Пьюкипси прошлой ночью и напала на след Героя-Солнце.

Затем ее отнесли назад в дом и уложили в кровать.

— Когда рассветет, — сказал Черчилль, — мы прочешем окрестности. Инфракрасные приборы вряд ли сейчас помогут, так как с их помощью трудно обнаружить тех, кто находится под прикрытием листвы.

На заре корабль покинул укромную долину, в которой скрывался, и поспешил на восток на высоте тридцати метров. Как только показалась река Хаусатоник, Черчилль повернул корабль назад, на запад. По его расчетам, Стэгг не мог еще достигнуть этой реки и должен был находиться где-то на ничейной территории.

Вернувшись, они несколько раз задерживались, чтобы разобраться, что за люди замечены в лесу. Раз они увидели мужчину и женщину, которые исчезли в пещере, и звездолетчики высадились, чтобы допросить их. Оказалось не так-то просто выудить их из извилистых туннелей — остатков заброшенной шахты. Пока было выяснено, что

этим двоим ничего неизвестно о местонахождении Стэгга, они потеряли несколько часов.

Опять достигнув Гудзона, корабль повернул на несколько миль к северу, а затем возобновил поиски в восточном направлении.

— Если Стэгг увидит "Терру", он выйдет из укрытия, — предположил Кальторп.

— Мы сейчас поднимемся повыше и включим полное увеличение, — ответил Черчилль. — Мы обязаны разыскать его!

Корабль плыл километрах в пяти от реки Хаусатоник, когда увидели беспорядочно скачущих по тропе всадников на оленях. Спустившись пониже и увидев одинокую фигуру, шагавшую рядом с оленем в километре позади всадников, они решили допросить отставшего.

Это была Виргиния, бывшая главная жрица-девственница Вашингтона. Обремененная плодом, она утомилась от езды и спешилась. Попытка укрыться в зарослях не удалась: с корабля пустили облако газа и она повалилась на землю. Когда ее привели в чувство, сделав укол противоядия, жрица не стала молчать.

— Да, я знаю, где находится так называемый Герой-Солнце, — сказала она злобно. — Он лежит на тропе в двух с половиною километрах отсюда. Но вам уже не нужно спешить. Он подождет. Он мертв.

— Мертв?! — Черчилль задохнулся от боли. На полчаса раньше, и мы бы могли спасти его — промелькнуло в его голове.

— Да, мертв! — произнесла Виргиния и плюнула. — Я убила его. Я срезала оставшийся рог, и он умер от потери крови. И я рада этому! Он не был настоящим Героем-Солнце. Он был предателем и святотатцем, и погубил Альбу.

Она умоляюще посмотрела на Черчилля и жалобно попросила:

— Дайте мне нож, чтобы я могла себя убить. Когда-то я очень гордилась тем, что ношу под сердцем ребенка Рогатого Короля. Но мне не нужно отродье ложного бога! И я не хочу умереть от стыда, вынашивая его.

— Вы хотите сказать, что если мы вас отпустим, вы убьете и себя, и неродившееся дитя?

— Клянусь священным именем Колумбии, что именно так я и сделаю!

Черчилль кивнул Кальторпу, и тот ввел иглу шприца ей в руку. Нажав на кнопку, он впрыснул в кровь крупную дозу анестезирующего вещества, жрица обмякла, и двое мужчин отнесли ее в камеру глубокого холода.

— Мы ни в коем случае не должны позволять ей убить ребенка Питера, — сказал Кальторп. — Если он мертв, пусть хоть живет его сын.

— На вашем месте я бы не беспокоился о том, будут ли у него потомки, — сказал Черчилль. Он не стал развивать свою мысль, но подумал о Робин, замороженной в резервуаре с жидким азотом. Примерно через пятьдесят лет она родит ребенка от Стэгга.

Бессильный изменить что-либо, он просто перестал об этом думать. Сейчас следовало думать о своем капитане и решать его судьбу.

Черчилль поднял корабль и направил его на восток. Внизу узкой коричневой лентой, окаймленной зеленью, вилась проселочная дорога. Она огибала небольшую гору, холм, затем еще один холм... И вот уже показалась картина разыгравшейся здесь битвы.

Мертвые тела собак, оленей и кабанов. Несколько человеческих трупов. А где же остальные, которых, судя по словам Виргинии, должно быть немало?

Корабль коснулся земли, сев точно на тропу и повалив множество деревьев. Из главного выхода вышли звездолетчики, вооруженные автоматами, и стали осматривать поле боя. Стейнберг остался в кресле пилота.

Мне кажется, — сказал Черчилль, — мертвых кэйсилендеров убрали с проселка в лес. Возможно, их похоронили. Обратите внимание на то, что все трупы в одежде Ди-Си.

— Может быть, похоронили и Питера? — спросил Кальторп.

— Надеюсь, нет, — печально ответил Черчилль.

Ему стало вдруг очень жаль погибшего капитана, который успешно провел "Терру" через столько опасностей. Однако он понимал, что есть одна причина, по которой он не смог бы заставить себя оплакивать Стэгга слишком долго. Будь тот жив, какие только трудности не возникнут по

достижении Веги? Вряд ли он поддержал бы только умеренный интерес к ребенку Робин. Всякий раз, когда Черчилль поощрял бы или наказывал ребенка, у его настоящего отца могло возникать желание вмешаться в его действия. А он, Черчилль, все хотел бы знать, считает ли еще Робин Стэгга более, чем простым человеком.

Что если она захочет остаться верна своей вере?

Звездолетчики разделились в поисках похоронной команды. Вскоре прозвучал свисток, который кэйсилендеры не могли бы услышать, так как частота звука была слишком высокой для восприятия человеческим ухом. У звездолетчиков же в одном ухе был прибор, понижающий частоту, но при этом не мешающий восприятию обычных звуков.

Они бесшумно, украдкой собрались вокруг подающего сигнал Аль-Масини. Здесь, внутри круга, образованного деревьями, они увидели наихудшее: девушку и четырех мужчин, выравнивавших холм, ставший, по-видимому, братской могилой.

Черчилль вышел из-за деревьев и произнес:

— Не пугайтесь. Мы друзья Питера.

Кэйсилендеры всполошились, но услышав еще раз заверение Черчилля, несколько успокоились, впрочем, не выпуская оружия из рук.

Черчилль приблизился на несколько шагов, остановился и объявил, кто он и почему сюда пришел.

У девушки были красные глаза, по лицу размазаны слезы. Услышав, что Черчилль интересуется судьбой Стэгга, она вновь разрыдалась.

— Он мертв, — всхлипывала она. — Если б вы только пришли немного раньше!

— Давно он умер?

Один из кэйсилендеров взглянул на солнце.

— Около получаса тому назад. Он еще долго истекал кровью и не сдавался без борьбы.

— Прекрасно! Стэйнборг, — произнес Черчилль в микрофон переносной рации. — Гони корабль сюда и спускай несколько механических лопат. Нам нужно как можно быстрее откопать тело Стэгга. Кальторп, как ты считаешь, шансы есть?

— Воскресить его? Очень неплохие. А вот на то, что мозг его останется без повреждений — практически

никаких. Но можно восстановить поврежденные клетки и ткани, а там посмотрим, что получится.

Они не открыли кэйсилендерам причин необходимости извлечь из могилы тело Стэгга. Теперь им уже стали известны чувства, которые питала к нему Мэри, и они не хотели подавать ложных надежд. Ей сказали лишь, что хотят забрать капитана назад, к звездам, где он желал быть захороненным.

Остальные трупы остались в могиле. Они были очень сильно повреждены, да и жизнь покинула их гораздо раньше.

Уже находясь внутри корабля, Кальторп, управляя сверхнежным робохирургом, вырезал костное основание рогов и поднял черепную крышку Стэгга.

Была вскрыта грудная клетка, в сердце и мозг имплантированы электроды. К системе кровообращения подключили насос. Затем специальное устройство подняло тело и поместило в ванну для оживления.

В ванне пульсировал биогель, идеальная питательная среда для помещенных в нее клеток. Клеток было два вида. Один выедал из трупа поврежденные или распавшиеся клетки. Другой вид состоял из множества воспроизведенных собственных клеток тела Питера Стэгга. Здесь, в ванне, эти клетки, соприкасаясь с различными органами, замещали те, что были отторгнуты от тела первым видом.

Повинуясь электростимулятору, начало биться сердце. Поднялась температура тела. Постепенно сероватый цвет кожи сменялся здоровым, розовым.

Почти пять часов делал свое дело биогель. Кальторп снова и снова проверял показания приборов и форму кривых на экранах осциллографа. Наконец он произнес:

— Можно больше не держать его здесь.

Он повернул переключатель на приборной панели робохирурга, и тело Стэгга было осторожно извлечено из ванны и перенесено на операционный стол. Здесь с него были смыты остатки биогеля, извлечены электроды из сердца и головного мозга, зашита грудь, установлена на свое место черепная коробка, натянута кожа на кости черепа и наложены швы.

Теперь товарищи отнесли его в постель. Спал он как новорожденный.

Черчилль вышел из корабля к кэйсилендерам, которые наотрез отказались пройти внутрь корабля, будучи преисполненными суеверного ужаса.

Мужчины тихо переговаривались между собой. Мэри Кэйси сидела, прислонившись к стволу дерева, лицо ее походило на маску из древнегреческой трагедии.

Услышав шаги Черчилля, она подняла голову и произнесла безжизненно:

— Мы можем теперь уходить? Я бы хотела остаться со своими.

— Мэри, — сказал Черчилль. — Вы можете идти, куда пожелаете. Но сначала я должен рассказать, почему просил подождать эти несколько часов.

Мэри слушала его рассказ о намерении слетать на Марс для пополнения запасов топлива, а затем направиться на планету звезды Вега, где они собираются обосноваться. Поначалу казалось, что выражение ее лица стало не таким печальным, как раньше, но через некоторое время к ней снова вернулось безразличие.

— Я рада, что у вас есть цель, к которой стоит стремиться, — сказала она, — хотя все это и отдает слегка богохульством. Однако меня это, в сущности, не касается. Для чего вы рассказываете об этом?

— Мэри, когда мы покидали Землю, в 2050 году было широко распространено возвращение умерших к жизни. Это не колдовство и не черная магия, это приложение знаний, которые...

Она вскочила и схватила его за руку.

— Неужели вы хотите сказать, что возвратили Питеру жизнь?

— Да, — ответил Черчилль. — Он сейчас спит. Вот только...

— Только что?

— Когда человек бывает мертв столь долго, как он, неизбежно повреждается какая-то часть мозга. Обычно ее удается восстановить. Но бывают случаи, когда человек остается слабоумным.

Улыбка сошла с ее лица.

— Значит, до утра ничего не будет известно? Почему же вы сразу не сказали о том, чтобы подождать до утра?

— Потому что вы могли бы отправиться домой, если бы я не предупредил об этом. Есть еще кое-что, с этим связанное. Каждый из членов экипажа "Терры" знает, что может случиться, если он умрет и будет воскрешен после. Все из нас, кроме Сарванта, договорились о том, что если выйдут из ванны для оживления идиот, то их снова убьют. Кому хочется жить слабоумным?

— Его убийство будет чудовищным грехом! — Воскликнула Мэри. — Это будет крайне жестоко!

— Не буду тратить время на спор с вами, — пожал плечами Черчилль. — Я только хочу, чтобы вы знали, что может произойти. Тем не менее, если это хоть немного вас утешит, я могу рассказать, как на планете Викса погиб Аль-Масини. Ядовитое растение, стреляющее крохотными отравленными иглами при помощи сжатого воздуха, дважды попало в него. Он умер на месте, а растение затем раскрылось и из него выскочило около двадцати, похожих на сороконожек, насекомых более полуметра длиной и вооруженных огромными клешнями. По-видимому, они намеревались затащить тело Аль-Масини внутрь, где все — в том числе и растение — поделили бы его плоть между собой.

Мы находились вне пределов досягаемости игл и уничтожили насекомых ружейным огнем, а растение — гранатой. Затем переправили тело Аль-Масини на корабль и, изгнав яды из его системы кровообращения, воскресили его. Он совершенно не пострадал — ни физически, ни умственно. Но случай со Стэггом намного сложнее.

— Я смогу повидаться с ним утром?

— Обязательно, каков бы ни был исход.

Ночь тянулась медленно. Никто из команды не спал. Не спала и Мэри, хотя остальные кэйсилендеры залегли в кусты и сладко храпели. Кто-то спросил у Черчилля, почему они торчат на месте, ожидая, пока проснется Стэгг. За это время они могли усыпить еще одну или две деревни, заложить в камеры глубокого холода еще больше женщин и детей и отправиться на Марс.

— Из-за этой девушки, — объяснил Черчилль. — Питер, возможно, захочет забрать ее с нами.

— Тогда почему бы просто не отправить ее тоже в азот? — заметил Ястржембовский. — Что за мелкое чистоплюйство? Такая трогательная забота о ее чувствах

на фоне похищения нескольких дюжин женщин и младенцев!

— Мы их не знаем. И делаем одолжение детям и пантс-эльфским женщинам, вытаскивая их из этого дикого мира. Но ее-то мы знаем. И знаем, что они собирались пожениться. Подождем и поглядим, что Стэгг скажет об этом.

Наконец наступило утро. Команда позавтракала и занялась различными подготовительными работами, пока всех не созвал Кальторп.

— Время! — произнес он, зарядил шприц и воткнул иглу в огромный бицепс Стэгга, после чего приложил тампон и предусмотрительно отошел в сторону.

Черчилль вышел к Мэри и сообщил ей, что Питер вот-вот проснется. Мерой ее любви к Стэггу стало то, что она набралась смелости пойти внутрь корабля. Она старалась не глядеть по сторонам, пока ее вели по коридорам, заполненным тем, что ей казалось колдовскими и зловещими устройствами. Девушка смотрела прямо перед собой на широкую спину Черчилля.

Увидев Питера, она разрыдалась.

Он что-то пробормотал, веки его слегка дрогнули и замерли. К нему возвращалось дыхание.

— Проснись, Питер! — громко сказал Кальторп и похлопал капитана по щеке.

Глаза Стэгга открылись. Он обвел взглядом всех собравшихся вокруг него — Кальторпа, Черчилля, Стэйнборга, Аль-Масини, Лина, Ястржембовского, — и на лице его отразилось недоумение. Когда же он увидел Мэри Кэйси, то совсем опешил.

— Что за дьявольщина? — попытался он рявкнуть на своих подчиненных, но звуки эти скорее напомнили кудахтанье. — Я, что, потерял сознание? Мы на Земле? А где же еще! Иначе, откуда на борту женщина. Если только вы, Дон-Жуаны, не прятали ее, как зайца, все это время.

Черчилль первым понял, что произошло со Стэггом.

— Капитан, — спокойно произнес он. — Что ты помнишь последнее?

— Последнее? Странный вопрос. Вы, что, не знаете, какое я дал распоряжение перед тем, как потерял сознание? Садиться на Землю!

С Мэри Кэйси случилась истерика. Черчилль и Кальторп вывели ее и доктор дал ей успокоительное. Через две минуты она уже спала. Затем Кальторп с первым помощником ушли в навигационную.

— Пока еще рано что-то утверждать, — сказал док, но не думаю, что у него пострадал интеллект. Он явно не идиот. Вот только часть мозга, которая хранила воспоминания последних пяти с половиною месяцев, претерпела некоторые изменения. Физически она восстановилась, будет функционировать не хуже, чем прежде. А вот память в ней пропала. Для него мы только-только возвратились с Виксы и готовимся к посадке на Землю.

— И я так полагаю, — произнес Черчилль. — Только как нам теперь поступить с Мэри Кэйси?

— Объясним ей положение и пусть сама решает. Может быть, она захочет попытаться заставить его влюбиться в нее еще раз.

— Мы должны рассказать ей о Виргинии. И о Робин. Может быть, это повлияет на ее решение.

— Сейчас не время, — сказал Кальторп. — Я сделаю укол, чтобы она проснулась, и все расскажу ей. Она должна сделать выбор сейчас, не мешкая. У нас нет времени на всякие трали-вали.

Он вышел из навигационной.

Черчилль сел в кресло пилота и задумался. Что же, все-таки, их ждет в будущем? Что-что, а скучать им не придется. У него будет по горло собственных неприятностей, но он ни за что не хотел бы очутиться в шкуре Стэгга. На самом деле, стать отцом многих сотен детей, участвуя в самых разнузданных и длительных оргиях, о которых только мог бы мечтать любой мужчина, и в то же самое время оставаться в душе невинным, ничего не ведая об этом! Отправиться на Вегу-2 и там получить в подарок двух младенцев от разных женщин, а возможно — и трех, если Мэри его не покинет. Слушать о том, что происходило — и быть абсолютно неспособным представить себе это визуально, и, скорее всего, неспособным даже поверить этому, несмотря на клятвенные заверения доброй дюжины свидетелей. Разбираться в конфликтах, о которых он не имеет ни малейшего представления, но

отзвуки которых будут возникать во время неизбежных впоследствии семейных ссор.

Нет, решил про себя Черчилль, не хотел бы он быть на месте Стэгга. Он доволен тем, что он — Черчилль, хотя и ему будет несладко, когда проснется Робин.

Он поднял глаза. Вернулся Кальторп.

— Ну и каков вердикт? — спросил Черчилль.

— Не знаю, смеяться или плакать, — ответил Кальторп. — Она остается с нами.

ЭПИЛОГ

Молния, гром, ливень.

Небольшая таверна на ничейной земле на границе Ди-Си и Кэйсиленда. За столом в отдельной комнате с тыльной стороны таверны сидят три женщины. Их тяжелые одеяния с капюшонами висят на деревянных колышках, забитых в стену. На всех троих высокие черные конические шляпы.

Первая, Виргиния, младшая сестра девы, оставшейся на борту "Терры". Сейчас она, как и ее старшая сестра во время появления Стэгга в Вашингтоне, главная жрица священного города. Высокая, красивая, волосы цвета меда, темно-синие глаза, точеный, чуть хищный нос, губы, как разверстая рана, открытая грудь, полная и упругая. Другая, настоятельница женской общины Кэйсиленда. Тридцать пять лет, седеющие волосы, тяжелая, отвислая грудь, выпирающий живот, а под длинным платьем — набухшие вены на ногах, признак многих деторождений, хотя она и давала обет безбрачия. На людях она молится Колумбу-Отцу, Сыну и Матери. Оставшись одна, славит Богиню Колумбию, Великую Седую Мать.

Третья, Альба, вся седая, беззубая, высохшая старуха, преемница Альбы, сраженной Королем-Оленем.

Из высоких бокалов они медленно потягивают вино. А может быть, и не вино?

Виргиния, девственница, спрашивает, не потерпели ли они поражение. Ведь звездные люди убежали от них, за-

брав с собою Героя-Солнце и ее любимую сестру, понесшую от него.

Седоволосая матрона отвечает ей: они никогда не терпят поражений. Неужели она думает, что ее сестра позволит зачахнуть мысли о Богине в своем ребенке? Никогда!

Но ведь Стэгг, протестует дева, забрал с собою также и благочестивую девушку из Кэйсиленда, почитающую Отца.

Альба, старая ведьма, кудахчет — так она смеется — и говорит, что даже если он и приобщится к вере Кэйси, молодой и красивой, но невежественной девушки, они, сидящие с нею, должны знать, что Богиня уже победила в Кэйсиленде. Люди оказывают весьма слабое почтение Отцу и Сыну в своих субботних рождениях, но именно Матери молятся истово и ежечасно. Ее статуи заполняют их землю. Ею заполнятся их помыслы. Разве имеет какое-либо значение, зовут ли Богиню Колумбией или иначе. Если она не может войти через парадный вход, она пройдет в заднюю дверь.

— Но Стэгг ускользнул от нас, — не унимается дева.

— Нет, — отвечает матрона, — он не ушел ни от нас, ни от Великого Пути. Родился он на юге и держал путь на север. Встретил Альбу и был умерщвлен. Не имеет никакого значения, что он сразил человеческое существо, называемое Альбой, поскольку она осталась среди нас в старой телесной оболочке и сидит сейчас с нами. И был он убит, и погребен, и вновь восстал, как о том и гласят легенды. А сейчас он, как новорожденный ребенок, ибо слышала я, что не осталось у него памяти о днях жизни, проведенных на Великом Пути.

Обрати, дитя, внимание на то, что говорит Альба о Богине, которая всегда в выигрыше, даже тогда, когда она терпит поражение! И не имеет никакого значения, возьмет ли он Виргинию или предпочтет Мэри. Он наш. Мать Земля шествует с ним к звездам.

Они говорят и о других вещах, строят планы на будущее. Затем, несмотря на неистовство грома и молний, несмотря на продолжающийся ливень, покидают таверну. Теперь их лица в тени капюшонов, и никто не сумеет рас-

познать, кто они. Они останавливаются на мгновенье, прежде чем разойтись: одной — на юг, другой — на север, третьей — оставаться на полпути между ними.

Дева спрашивает: когда мы все трое встретимся снова?

Зрелая женщина отвечает: когда человек родится и умрет, и снова родится.

Старуха отвечает: когда битва и проиграна, и выиграна.

ДЭЙР

DARE

CROWN NEW-YORK 1965

ПРОЛОГ

Куда же они делись?

Сто восемь мужчин, женщин и детей не исчезают с лица Земли просто так. "Затерянная" колония на острове Роанок в Виргинии именно так и исчезла. Виргиния Дэйр, первый белый ребенок, родившийся в Северной Америке, была среди тех, кого не видели больше никогда. Вместе со своими соплеменниками - выходцами из Англии - и несколькими индейцами она исчезла неизвестно куда. Это произошло между 1587 и 1591 годами нашей эры.

Чарлз Форт, летописец тех давних событий и толкователь явлений необъяснимых, об этом исчезновении знал. Но ему не было известно о некоторых других, не менее загадочных, событиях. И это очень плохо, ибо они привели бы его в восторг. Какие гипотезы, какие парадоксальные умозаключения, полные иронии и сарказма вышли бы из-под его пера!

Грустно, что никто из южноамериканских корреспондентов Форта не обратил его внимания на исчезновение генуэзского судна "Буонавита". В последний раз это судно видели с испанской каравеллы "Тобоса" 8 мая 1588 года в ста пятидесяти милях от Канарских островов. "Буонавита" под португальским флагом плыла в Бразилию, имея на борту сорок ирландских и трех итальянских монахов, собиравшихся обращать в истинную веру краснокожих язычников. Ни христиане, ни язычники их больше не видели.

Такая вот история.

Исчезновение судна само по себе не является событием, достойным особого внимания. У кораблей, увы, издавна укоренилась привычка выпадать из естественного хода со-

бытий."Буонавита" упоминается в различных церковных хрониках и новой истории Бразилии только потому, что главой монахов был некто Марко Соццини, или, как его чаще называли, Маркус Социнус. Он был племянником еретика Фаустуса Социнуса, и в Бразилию был направлен вдогонку специальный папский курьер с повелением Маркусу вернуться в Рим для дачи показаний.

Но курьер не смог бы вручить папское послание даже если бы знал, где обретается Социнус-племянник.

В 1886 году была опубликована книга (более не переиздававшаяся), содержащая перевод нескольких глав из "Истории турков" Ибн-Кулаила. По случайному (или закономерному?) совпадению, переводчиком книги был методистский священник преподобный Карл Форт. Исполненный такого же интереса ко всему экстраординарному, как его литературный "внук", он привел рассказ некоего арабского историка об исчезновении в одну ночь целого большого каравана.

По этому рассказу, в 1588 году христианского летоисчисления загадочно исчезли девяносто черкесских красавиц, предназначавшихся для гаремов мусульманских владык, а также сорок воинов-охранников различных национальностей. Лошади воинов были найдены стреноженными на ночь, палатки стояли на своих местах. Нетронутая пища остыла, дожидаясь едоков.

Никаких признаков нападения не было, кроме найденного на песке окровавленного ятагана, валявшегося на песке. К лезвию ятагана вместе с кровью прилипла дюжина толстых и длинных буроватых волос, не принадлежащих - по мнению специалистов - ни одному из известных животных. Правда, некоторые склонны были считать эти волосы медвежьими, поскольку неподалеку от опустевшего лагеря были обнаружены отпечатки лап гигантского медведя.

Куда, вопрошал Ибн-Кулаил, подевались все люди? Может быть, джинн унес их в какую-нибудь охраняемую пламенем твердыню? Уж не его ли волосы прилипли к лезвию?

История не дает ответов на вопросы Ибн-Кулаила так же, как ничего не говорит о таинственном исчезновении

колонии Роанок, а равно - монахов и команды "Буонавиты".

И еще одно любопытное сообщение. Издательство "Эжилет Пресс" (ныне уже не существующее), опубликовало в свое время очерки о китайском философе восемнадцатого столетия Хо Ки. Он в своих "Замерзших мыслях" походя сообщает, что вся община деревни Хан Чу вдруг решила в один из вечеров пуститься в дальнее странствие и больше не вернулась.

Это все, что сообщает философ, кроме того, что указывает дату этого события - по христианскому календарю - 1592 год новой эры.

С 1592 до 2092 года прошло пятьсот лет - срок не такой уж большой для земной истории. А вот путь с Земли до планеты Дэйр долог даже для луча света. Дэйр является второй планетой звезды, обозначаемой современными земными астрономами как Тау Кита.

На Дэйре говорят по-английски, на латыни и на языке гривастых.

Старая карта, вычерченная Ананием Дэйром, отцом Виргинии, изображает материк, на который высадили похищенных землян. Называется он Авалоном. Контуры его, увиденные в иллюминаторе и в спешке набросанные чернилами, когда материк стремительно приближался при посадке, напоминают овал с четырьмя выступами-лепестками, брошенный на шар.

Остальная поверхность планеты Дэйр покрыта водой.

Крестиком обозначено первое поселение людей, первоначально называвшееся Новый Роанок. Позже оно было переименовано в поселок Далекий, поскольку маленькая Виргиния Дэйр заметила отцу, что поселок "очень далеко от того места, где я родилась".

На самой первой карте планеты Дэйр помещены также надписи, поясняющие, где обитают местные живые существа, для землян очень необычные. Названы они, по аналогии с земными существами, - реальными или мифическими.

"Здесь единороги"... "Здесь пожирающие людей оборотни"... Многие же места, разумеется, помечены просто: "Гривастые".

I

Джек Кейдж брел по древней дороге. Широкополая шляпа защищала его от горячего весеннего солнца. Глаза под полями шляпы были напряженно-внимательными. Левая рука Кейджа сжимала длинный лук; колчан, полный стрел и кожаные ножны с изогнутой саблей висели на широком поясе слева. Справа была сумка с круглой стеклянной гранатой, наполненной черным порохом. Предельно короткий запальник торчал из шейки гранаты.

Рядом с сумкой - под рукой - ножны с ножом из дерева цвета красной меди. Появись из чащи "дракон" - Джек готов к встрече. Прежде всего - стрела в огромный драконий глаз: все остальное просто бесполезно, кремневые наконечники не пробивают пятисантиметровую шкуру-броню. Правда, Кейдж слышал, что брюхо у драконов мягкое, но можно ли полагаться на слухи? Слух, говорят, может убить и кота. Джек не кот - он даже не знал, что это за зверь - но кому хочется быть убитым?

Как бы читая его мысли, Самсон - гигантский рыжий, похожий на собаку сторожевой зверь из породы "львов", - хрипло заурчал. Он остановился в трех метрах впереди хозяина и, напружинив мощные лапы, уставился в заросли слева от Кейджа.

Джек мгновенно приготовился к стрельбе, но передумал. В глаз стрелять не стоит. Вообще не стоит стрелять: попадет он или нет - лук все равно придется отбросить. Лучше так: выхватить гранату, поджечь запальник, метнуть гранату в грудь чудовища, стараясь, чтобы осколки порвали дракону глотку. И не ждать взрыва - сразу к дереву, оно защитит; на ходу достать саблю - можно будет рубить, крутясь вокруг ствола! И Самсон поможет - отвлечет огромного, но неуклюжего зверя.

Кейдж стал позади Самсона.

В густой зелени леса обнаружился просвет, в котором вдруг что-то блеснуло. Кейдж перевел дух. Неизвестно, что это там такое, но точно - не дракон. Драконы не блестят. Возможно, там человек. Или гривастый.

Лук и стрелы беспомощны среди лиан и кустарника, поэтому Кейдж вернул стрелу в колчан и повесил лук на

специальный крючок наплечного ремня. Но на всякий случай вынул из ножен саблю.

- Тихо, Самсон, - сказал он шепотом. - Пошел.

Желтый зверь мягкой походкой двинулся по едва различимой тропе, принюхиваясь к невидимому следу. Осторожно пройдя метров тридцать зеленого лабиринта, они вышли на небольшую прогалину. Самсон замер. Урчание, вырвавшееся из его напряженной глотки, перешло в глухое клокотание. Джек взглянул поверх его головы и тоже застыл, как вкопанный, охваченный ужасом..

Над телом сатира низко склонился двоюродный брат Джека - Эд Ванг. Сатир лежал на боку, спиной к Джеку. Из огромной раны под лопаткой хлестала кровь, заливая косматые волосы на пояснице.

Ножом из медного дерева Эд вырезал кожу вокруг хвостовой кости сатира. Затем, поднявшись, вытянул руку со своим окровавленным трофеем, чтобы лучше рассмотреть его.

- Зачем это? - хрипло спросил Джек и содрогнулся, увидев выражение лица Эда.

Эд резко обернулся, выронив хвост, и напрягся, готовый к прыжку, отставив руку с ножом. Узнав Джека, он выпрямился, выражение его лица несколько изменилось, но нож он продолжал держать наготове.

- Святой Дионис! - хрипло произнес Эд, - я принял тебя за гривастого.

Джек слегка подтолкнул коленом Самсона. Зверь степенно вышел на поляну. Он узнал Эда, но всем своим видом показывал, что тому лучше не совершать неосторожных движений.

Кейдж опустил саблю, но в ножны не вложил.

- А что было бы, если бы я оказался гривастым?

- Пришлось бы убить и тебя тоже. - Эд внимательно следил за реакцией Джека, но тот сумел сохранить невозмутимый вид. Тогда Эд пожал плечами и отвернулся, украдкой наблюдая за Самсоном. Затем наклонился и медленно вытер лезвие о густые соломенные волосы сатира.

- Это моя первая жертва, - сказал он медленно, - но не последняя.

- Да ?! - Джек постарался передать в этом возгласе весь свой страх и отвращение от увиденного.

- Да, да! - передразнил его Эд. Голос его перешел в крик. - Я сказал, что не последняя!

Джек понял, что Эд близок к истерике. Он уже видел братца в деле во время кабацких ссор: его отчаянные удары были столь же опасны для друзей, как и для врагов.

- Успокойся. - сказал Кейдж. - Разве я похож на гривастого? - Он подошел, чтобы разглядеть лицо убитого. - Кто это?

- Вав.

- Вав?!

- Да, Вав. Он из семьи вийров, что живут у твоего отца на ферме. Я шел за ним, пока не убедился, что он один. Я заманил его на эту поляну. Я обещал ему показать гнездо мандрагора. Конечно, никакого гнезда не было. А когда он оказался впереди меня, я проткнул ему спину. Оказывается, это очень легко. Он даже не закричал. Вот и верь после этого, что гривастого нельзя застать врасплох! Это было совсем просто. Совсем, совсем просто!..

- Эд, ради Бога, но зачем? Что он тебе сделал? - Эд выругался и сделал шаг к Джеку. Лезвие ножа сверкнуло на солнце.

Могучая грудь Самсона напряглась, он припал к земле для прыжка. Хозяин его, ничего не понимая, все же приготовился отразить нападение.

Эд остановился. Джек опустил саблю. Очевидно, брат не собирался нападать на него, просто рубанул воздух ножом, чтобы подчеркнуть последние слова.

- А какая еще причина мне нужна? Он - гривастый. Он гривастый, а я человек! Слушай, Джек. Ты знаешь Полли О'Брайен, верно?

Джек удивился повороту темы, но кивнул. Да, он знает Полли. Она жила в городке Слашларк, в окрестностях которого водилась пропасть маленьких крылатых хищников, похожих на земных жаворонков. Благодаря чему город и получил свое название. А они — благодаря необычной манере полета. Полли и ее мать, вдова аптекаря, раньше жили в Сант-Дионисе и сравнительно недавно перебрались из столицы в этот пограничный городишко. В Слашларке мать Полли открыла лавку, где торговала лекарствами, вином, косметикой и, как поговаривали, приворотными и прочими зельями.

Полли с первой встречи понравилась Джеку, больше, чем понравилась. Стройная, с удивительно красивым лицом (Кейджу казалось, что абрис этого лица напоминает сердце), с огромными невинно-распутными глазами, она почти подвигла Джека отказаться от женитьбы на Бесс Мерримот, за которой он давно уже ухаживал, и всерьез приударить за ней, Полли. Удержало его только то, что Эд Ванг громогласно объявил однажды в таверне "Красный Рог" о своих притязаниях на нее. Джек не хотел становиться на пути у своего друга, к тому же - двоюродного брата. Он оставил Полли в покое, хотя и сожалел об этом. Но к чему этот разговор?

- Конечно, я ее знаю, - ответил он на вопрос Эда,- ты был очень ласков с нею.

- Джек,- громко сказал Эд, - она пошла искать убежища в кадмусе!

- Погоди! Что произошло? Я пять дней был в горах.

- Святая Виргиния, Джек! Произошло чертовски много. Мать Полли выдали властям - дескать, продает целебные средства гривастых - и посадили. Полли сперва ни в чем не обвиняли, но когда пришел шериф за матерью, Полли сбежала. Никто не мог ее разыскать. А потом старуха Винни Оргард - ты ее знаешь, Джек, это та, которая больше ничего не делает, кроме того, что смотрит за слашларкской дорогой - сказала, что видела, как Полли встретилась с сатиром на окраине города. Они ушли вместе и больше ее не видели. Понимаешь, Джек? Она ушла в кадмус!

Эд замолк, чтобы перевести дух, и нахмурился.

- А дальше? - спросил Джек, выказывая хладнокровие, которого вовсе в себе не ощущал.

- Дальше? На другой день шерифу велели арестовать Полли. Смех! Ты слышал, чтоб кого-то арестовали после того, как он ушел к гривастым?

- Нет.

- И я нет. Не знаю уж, что случается с теми, кто уходит в кадмус. То ли гривастые их сжирают, как некоторые говорят, то ли их тайком переправляют в Социнию - слыхал я и такое. Но я знаю одно: Полли О'Брайен так просто от меня не уйти!

- Ты влюблен в Полли, это правда, Эд?

- Нет!

Эд поднял взор на своего рослого родственника, затем покраснел и опустил глаза.

- Ладно. Да, был. Но это прошло. Я ненавижу ее, Джек. Я ненавижу ее за то, что она колдунья. Я ненавижу ее за то, что она путается с сатиром. Не гляди на меня с таким недоверием, Джек. Я знаю, что говорю. Она с ним спала. Она покупала лекарства у гривастых и тайно встречалась с этим Вавом, чтобы получить их. Она занималась любовью с ним. Можешь себе это представить, Джек? Дикий, голый, волосатый зверь. Она встречалась с ним, и я... я... я готов взорваться, стоит мне об этом подумать!

- Кто выдвинул обвинение против миссис О'Брайен?

- Не знаю. Кто-то слал письма епископу и шерифу. Автора, ты ведь знаешь, всегда скрывают.

Джек потер задумчиво нос и подбородок и сказал:

- Разве аптека Ната Рейли не растеряла всю свою клиентуру, потому что не могла конкурировать с матерью Полли?

Эд криво улыбнулся.

- Ох, какой ты умный! Да, не могла. И все догадываются о том, кто донес на нее. В основном, благодаря тому, что жена Ната - самая большая сплетница в Слашларке. А это о чем-нибудь да говорит. - Затем, подумав немного, добавил:

- Ну и что из этого? Если миссис О'Брайен торговала дьявольскими зельями, она заслужила, чтобы ее сдали властям, какими бы ни были подлинные мотивы Рейли.

- Что же случилось с миссис О'Брайен?

- Ее приговорили к пожизненной каторге на золотых копях в горах Анания.

Джек поднял брови.

- Суд весьма скорый, не так ли?

- Нет! Она призналась во всем через шесть часов после ареста, а выслали ее двумя днями позже.

- Шесть часов пыток могут кого угодно заставить сознаться. Что, если местный Блюститель Соглашения услышит об этом?

- Ты говоришь так, будто ее защищаешь. Знаешь ведь: когда кто-то уличен так явно, как она, небольшая пытка просто ускоряет правосудие. А гривастым неоткуда узнать

про инструменты в подвале тюрьмы. Да и что они могут сделать, даже узнав о нарушении Соглашения?

- Так ты думаешь, что Полли прячется в кадмусах на ферме моего старика?

- Вот именно. Я хотел загнать Вава в угол и узнать что-нибудь про нее. Но когда остался с этим ... один на один... Словом, я завелся и... - Эд сделал жест в сторону трупа.

Джек проследил за ним взглядом.

- А это что?! - вдруг воскликнул он, указывая саблей на щеки мертвеца с длинными ножевыми надрезами.

- Видишь эти буквы - УГ? С сегодняшнего дня ты еще не раз их увидишь. А когда-нибудь их можно будет увидеть на щеках каждого гривастого в Дионисии. Да,да! А если сумеем договориться с другими странами - так будет по всему Авалону. Ими будет помечен каждый гривастый, и каждый гривастый будет мертв.

- Я слышал какие-то разговоры в тавернах о тайном обществе, посвятившем себя истреблению гривастых, - медленно сказал Джек Кейдж, - но я не поверил в это. Прежде всего, какое оно тайное, если о нем знают все пьяницы. И потом, мне кажется, что именно такой треп слышишь, как только заходит речь о Проблеме. Всегда треп. Треп, и никаких действий.

- Клянусь всем святым и человеческим, теперь ты увидишь действия!

Эд снял с плеча мешок.

- Ты поможешь мне зарыть этого?

Он вытащил из мешка лопату с короткой ручкой и штыком из недавно изобретенного прочного стекла. При виде лопаты Джек ужаснулся не меньше, чем при виде мертвого тела: лопата свидетельствовала о хладнокровно задуманном и исполненном замысле.

Ванг начал срезать дерн и откладывать его в сторону, не переставая говорить. Говорил он все время, пока копал неглубокую могилу.

- Ты еще не член Общества, но ты замешан в этом не меньше меня. И я рад, что именно ты, а не кто-нибудь другой. Я знаю сколько угодно мерзавцев, готовых лизаться с гривастыми, которые сейчас с криком побежали бы к шерифу. Разумеется, так будет продолжаться недолго. Не

одним гривастым можно разукрасить щеки. Человеческую шкуру так же легко резать! Тем более шкуру предателя. Ты понял, Джек?

Джек оцепенело кивал головой. Он понял. Сейчас решалось: или он считает себя заодно с Эдом, который отождествляет себя со всей человеческой расой, либо против. Решиться он не мог. Его мутило от происшедшего. Он искренне сожалел о том, что Самсон учуял запах смерти, что он сам заметил блеск ножа в просвете между кустами, что он появился на этой прогалине. Кейджу хотелось броситься бежать со всех ног и навсегда забыть об увиденном. Если бы он мог убедить себя, что ничего не произошло, а если и произошло, то он здесь совершенно ни при чем! А теперь...

- Вот, бери его за ногу, - скомандовал Эд. - Я возьму за другую, и оттащим его к яме.

Джек вложил саблю в ножны. Они вместе потащили тело. Руки сатира волочились, как брошенные весла гонимой течением лодки. На примятой траве остался кровавый след.

- Надо прикрыть яму дерном. - сказал Эд, потный от напряжения.

Кейдж кивнул. Сперва он не понял, почему Эд, хотя и невысокий, но достаточно сильный, требовал от него помощи. Теперь стало ясно - Эду нужно было сделать Джека соучастником. И хуже всего то, что он не мог отказаться.

Джек пытался убедить себя, что помогает Эду совсем не потому, что боится его. Страха действительно не было. Ни перед Эдом, ни перед могучей, но неясной тенью тайного Общества убийц. Ведь, в конце концов, гривастые - не люди. У них нет души. Что с того, что кроме волос на теле, они похожи на людей во всем остальном? Они - не люди. Прикончить гривастого - не убийство. Хотя... Закон называет это преступлением. Но ведь убить собаку - не преступление. Почему же это не относится к вийрам?

Конечно, есть ряд причин, по которым суды рассматривают это как убийство. Во первых, они просто вынуждены так поступать. Правительство Дионисии заключило соглашение, которое устанавливает определенный образ действий при возникновении конфликтов между людьми и гривастыми.

Но с другой стороны, ни один человек не испытывал бы угрызений совести от того, что он убил вийра. Человеческую веру это не оскорбляло.

Так для чего же себя мучить?

- Тебе не кажется, что хорошо бы зарыть его поглубже? - машинально произнес Кейдж. - Дикие собаки или оборотни легко могут до него добраться.

- А для чего нам головы, Джек? Да, собаки могли бы добраться до него. Но они этого не сделают. Вот, гляди. - Эд запустил руку в мешок и извлек бутылочку с прозрачной жидкостью. - Эта штука уничтожает любой запах на сутки. За это время секстоны управятся с телом, останутся одни кости.

Он обрызгал труп. Жидкость растеклась и покрыла тело тончайшей пленкой. Затем пленка исчезла. Эд обошел всю поляну, капая из бутылочки везде, где замечал кровь или примятую траву. Удовлетворенный, он поднял длинный светлый хвост сатира с земли, обрызгал его и запихнул в мешок. Потом небрежно спросил:

- Ты не собираешься прикрыть тело?

Джек стиснул зубы и почти минуту стоял неподвижно. Ему хотелось завопить: "Убийца!", и броситься прочь. Но рассудок удерживал его. Или он сейчас последует за Эдом, надеясь отколоться позже, или же - разум подсказывал и такую возможность, хотя нутро сопротивлялось - он мог бы убить Эда и сбросить его в ту же яму. Да, выбор небольшой: либо стать соучастником убийства, либо самому убийцей, либо умереть!

Вздохнув, Джек принялся забрасывать тело землей.

- Эй, Джек, взгляни-ка!

Под опавшими листьями притаился секстон. Он был не больше фаланги пальца, длинный тонкий нос непрерывно подрагивал. Маленький могильщик исчез быстрее, чем мог уловить человеческий глаз.

- Спорим - за ночь он и его родня сожрут все мясо с костей? На что хочешь спорим!

- Сожрут, - угрюмо ответил Джек, - но когда эти падальщики сделают свое дело, земля над скелетом просядет и останется впадина. Если вийры заметят и выроют труп, они сразу поймут, что Вав был убит. Ты поступил бы умнее, оставив тело на поляне: по костям не определишь, что с ним

стряслось. Мало ли - несчастный случай или другая какая-то причина... А так любому ясно - убийство.

- Ты прав, Джек, - согласился Эд. Умный ты парень, Джек Кейдж! Ценное приобретение для Общества!

Кейдж хмыкнул:

- С другой стороны, его поза все равно выдает убийство. Так что, может и к лучшему, что его зарыли. -

Вот-вот, я и говорю! У тебя достаточно ума, чтобы сделать все как надо. Попомни мои слова, Джек: ты станешь великим убийцей!

Кейдж не знал - смеяться ему или плакать.

Эд не спускал глаз со своего рослого кузена, пока заравнивал место захоронения, при этом торопливо говорил:

- Джек, хочешь кое-что узнать? Ты мне нравишься, и не потому, что мы родня. А ведь сегодня могло выйти так, что мне пришлось бы прикончить тебя. Но ты держался молодцом, Джек. Ты настоящий Человек.

- Да, я - Человек, - ответил Джек, - не прекращая работы: в то время как Эд обрывал окровавленную траву, он аккуратно прикрыл дерном потревоженную землю. Потом, разогнувшись, оценил результат. Опытные в лесной жизни вийры могли заметить нарушенный покров. Если присмотрятся. А они непременно присмотрятся - Джек знал обстоятельность аборигенов и испытывал тяжелые предчувствия. - Эд, это ваше первое убийство? Я хочу сказать - твое и твоих... твоего Общества?

- Это не убийство! Это война. Война, Джек! Да, у меня это первое. У других - нет. Мы тайком прикончили пару гривастых возле Слашларка: сатира и сирену.

- А среди членов Общества не было таинственных исчезновений?

Эд вздрогнул, как от пощечины:

- Почему ты спросил об этом?

- Гривастые очень умны, Эд. Неужели вы думаете, что они не поймут, откуда дует ветер и не попробуют повернуть его вспять?

Эд Ванг сглотнул:

- Они этого не сделают! У нас же Соглашение. Даже если нас поймают, мы подлежим человеческому суду. Гривастые обязаны нас выдать. Они связаны словом.

- А много правительственных чиновников в УГ ... в Организации?

- Джек, а тебе не кажется, что ты слишком умный?

- Не кажется, Эд. Просто вийры - реалисты. Они знают, что человек, убивший гривастого, по закону подлежит смерти. И знают, что невозможно осудить человека по такому обвинению в наших судах. Да, они крепко держат слово. Но есть оговорка, что если другая сторона судит неправедно, Соглашение нарушается автоматически.

- Но они должны предупредить другую сторону.

- Верно. А напряженность все нагнетается, вот-вот наступит разрыв, и гривастые понимают это. Как знать, не захотят ли они создать свою Организацию - УЛ, "Убийцы Людей"?

- Ты спятил! Нет, они не сделают ничего подобного!.. И потом: никто из УГ пока не исчез.

Джек понял, что разговор зашел в тупик.

- Здесь неподалеку ручей, - сказал он. - Нам не мешало бы вымыться. А потом и на себя побрызгать твоим снадобьем. Ты же знаешь, какой нюх у гривастых.

- Звериный. Они дикие звери, Джек, просто дикие звери.

Помывшись постарались не оставить никаких следов. Затем решили разойтись.

- Я позову тебя на следующее собрание, - пообещал Эд.

- Было бы не плохо, чтобы ты прихватил туда свой меч. Ведь если не считать Лорда Хоу, у тебя единственное стальное оружие во всей округе. Оно может стать великолепной эмблемой Организации, символом нашей сплоченности.

- Это меч моего отца, Эд. Я взял его без спросу, когда уходил на охоту. Не знаю, что скажет отец, когда я вернусь. Но готов поспорить: он запрет меч так, что мне его больше не взять.

Эд пожал плечами, многозначительно хмыкнул и ушел.

Джек проводил его взглядом, встряхнул головой, как после тяжелого сна, и побрел в другую сторону.

II

Уолт Кейдж вышел из амбара и большими шагами пересек двор. Его тяжелые сапоги глубоко впечатывались в размокшую грязь, чавкая при каждом шаге. Гоготуны разбегались с пути с невыносимым шумом и криками. Оказавшись в безопасности, подальше от грязных сапог Уолта, они разглядывали его своими большими синими глазами из-под двойных век. Некоторые ковыляли по двору на голенастых ногах, хлопали недоразвитыми крыльями-перепонками и высоко задирали перемазанные грязью клювы. Кормилицы высоко вздымали головы, повизгивали, созывая малышей к отвисшим почти до земли набухшим сосцам. Несушки ревниво кусали кормилиц мелкими острыми зубами и убегали к своим гнездам и петухам. Самцы то и дело сшибались, кусая друг друга за бока - без особого, впрочем, ущерба: за несколько столетий одомашнивания их природная ярость заметно поутихла.

Все вокруг было пропитано вонью, соединившей в себе ароматы летней помойки и мокрой псины, вонью, почти непереносимой для самого невзыскательного носа. Но обитатели фермы жили в самой гуще этой вони и не замечали ее.

Уолт Кейдж поморщился и сплюнул, сразу же ощутив нечто вроде стыда: неразумные твари не виноваты, что так мерзко воняют. Зато их мясо и яйца хороши на вкус и приносят немалый доход.

Уолт направлялся к переднему крыльцу своего дома, но вовремя вспомнил о грязи, налипшей на сапоги: Кейт убьет его, если он снова наследит в сенях! Он свернул к конторе. - Билл Камел, управляющий Кейджа, наверняка ждет его там.

Билл сидел на хозяйском стуле, забросив ноги в грязных сапогах на письменный стол Уолта, и раскуривал трубку. Увидев входящего хозяина, он вскочил так поспешно, что с грохотом опрокинул стул.

- Продолжай! - рявкнул Уолт. - Не обращай на меня внимания!

Камел поднял стул и нерешительно собрался усесться, но Уолт обошел его и тяжело опустился на стул.

- Что за день! - простонал он. - За что ни возьмусь, ничего не выходит. До чего противно стричь единорогов!

Да еще эти гривастые... Каждую минуту останавливаются, чтобы хлебнуть вина. Новый сорт пробуют, видите ли.

Билл деликатно закашлялся и попытался выпускать дым в сторону.

- Не беспокойся о запахе, - проворчал Уолт, - я и сам хватил пару стаканов. - Билл покраснел, а Уолт наклонился и достал карандаш. - Ладно. Начали.

Билл закатил глаза и начал отчитываться:

- Все плуги уже с новыми ножами медного дерева. Агент из Слашларка говорит, что можно по дешевке достать одно из этих лезвий прочного стекла, на пробу. Обещает доставить через неделю, потому что везут водой. Говорят, эти лезвия вдвое долговечнее деревянных. Я сказал агенту, что в случае удачной пробы будет большой заказ, правильно? Он обещал скостить десять процентов, если мы порекомендуем эти лезвия своим соседям.

Гуртовщик говорит, что из тридцати жеребят, с которыми он начал работу, стоит оставить только пять. Он говорит, может, они станут хорошо пахать, а может, и нет. Вы же знаете, какие беспокойные и ненадежные твари единороги...

- Разумеется, знаю! - нетерпеливо сказал Уолт Кейдж, - Мог же я хоть чему-то научиться за двадцать лет работы на ферме! Святой Дионис, до чего же я ненавижу весеннюю пахоту и до чего надоело возиться с единорогами!.. Неужели не может быть животного, которое бы ровно тянуло плуг, не пытаясь пуститься вскачь каждый раз, как на него упадет тень пролетевшего ларка?!

- ... пасечник сообщает, что в ульях очень шумно. По его оценке у нас около пятнадцати тысяч пчел. Они должны вылететь на следующей неделе. Зимнего меда в этом году будет меньше, потому что пришлось выкармливать больше молодняка...

- Значит, и денег будет меньше. В чем дело, Билл? Что-то не так?

- Ну почему же? Следующей весной меда будет больше, потому что к зиме молодняк подрастет...

- Пошевели-ка мозгами, Билл: от этого молодняка появится еще больше молодых пчел и они сожрут весь зимний запас меда. Не рассказывай мне байки о следующем урожае!

- Пасечник говорит другое. Он говорит, что каждый третий год матки съедают излишек молодняка, чтобы урожай был больше. Следующий год как раз третий...

- Прекрасно! - рявкнул Уолт. - Хоть что-нибудь, может статься, выйдет неплохо. Правда, налоги растут, а ведь придется платить с большего урожая... Вспомни прошлый год!

Билл смущенно поглядел на хозяина и продолжал:

- Ларколов говорит, что сбор яиц будет примерно прошлогодний, около десяти тысяч... Если, конечно, не расплодятся оборотни и мордашники. Иначе нам сильно повезет, если удастся собрать хотя бы половину...

- Знаю, - простонал Кейдж, - а ведь от дохода с яиц зависит покупка новых лемехов... И новой повозки!

- К сожалению, мы не знаем пока, каким будет сбор этого года...

- Вот-вот. А эти сатиры, похоже, трахают матушку Природу. Во всяком случае, знают ее, как мужчина собственную жену. Даже лучше. - Уолт добавил это, вспомнив о некоторых своих сомнениях относительно Кейт. - Если ловчий считает, что поголовье оборотней увеличится, то, верно, придется нанять сторожей и, может быть, раскошелиться на большую охоту...

Камел поднял брови и стал сердито пыхтеть, сдерживаясь, чтобы не показать хозяину, что тот противоречит сам себе относительно надежности суждений гривастых.

Глаза Кейджа сузились, он вырвал несколько волосков из своей густой черной бороды - так, как если бы это были зрелые мысли, которым нельзя позволить застаиваться на корню:

- У Лорда Хоу есть кол для оборотней. Если бы подбросить ему эту мыслишку так, чтоб он вообразил, будто она - его собственная, Лорд мог бы сам организовать эту охоту. Если мне хотя бы не придется кормить охотников и собак, то... - Уолт облизал губы, улыбнулся и потер ладони. - Ну, ладно, поглядим. Давай дальше.

- ...садовник говорит, что фруктов ожидается больше обычного. В прошлом году собрали шестьдесят тысяч плодов. В этом году он предполагает не меньше семидесяти. При условии, что поголовье слашларков не увеличится...

- Что еще? Почему-то всегда в твоих докладах я после первой затяжки богач, а после второй - нищий! Ну, ты так и будешь сидеть и курить? Что говорит ларколов?

Билл пожал плечами:

- Он говорит что число ларков увеличится примерно на треть...

- Новые убытки!

- Не обязательно. Слепой Король вчера вечером намекнул мне, что мог позвать своих кочевых родичей, только за еду и вино. И часть счета он оплатит сам... - Билл умолк, не зная, стоит ли выкладывать плохие новости, которые он до сих пор придерживал. Кейдж оборвал его мысли вопросом:

- А ты проверял расчеты садовника?

- Я не думал, что это нужно. Вийры не лгут. - Лицо его покраснело.

- Разумеется! - взревел Уолт, - покуда знают, что мы всегда проверяем их!

Камел был готов ответить хозяину резкостью, но передумал и только пожал плечами.

- Ты чересчур легкомысленен, Билл, - проговорил Уолт более мягко, - доверие к гривастым когда-нибудь подведет тебя. - Билл уставился в невидимую точку чуть повыше наметившейся лысины Кейджа и задумчиво выпустил дым. - И Бога ради, Билл, перестань пожимать плечами и пыхтеть всякий раз, как я что-нибудь говорю! Ты сводишь меня с ума!

- Нет. Мне это ни к чему.

- Ладно! Временами я вспыльчив, но ведь не один же я, верно? Когда все натянуто, как струна... Хватит. Что с этой ночной засадой на дракона?

- Гривастые говорят, что дракон возьмет несколько единорогов и потом его не будет до следующего года. Он не сделает вреда, если на него не нападать. Может, оставим его в покое?

Кейдж грохнул кулаком по столу:

- Значит, будем сидеть, не поднимая задницы, пока эта тварь ворует мой скот?! Пошли Джоба и Эла вырыть западню.

- А Джек? Может, он убьет дракона?

- Джек - дурак! Я велел ему ждать, пока можно будет собрать охотников. После стрижки единорогов и весенней пахоты, разумеется: сейчас у меня нет ни людей, ни гривастых. Так этот чертов дурень, этот идиот-романтик, мой сынок, взялся гоняться за тварью, которая может

перешибить его пополам легким взмахом хвоста! Еще бы! Он же герой, этот недотепа-переросток, этот лентяй! Он один полезет на это чудище! И ему плевать, что будет с его стариком-отцом и его матерью, когда ему случайно откусят башку!..

Слезы внезапно побежали по лицу Уолта, увлажнили бороду. Задыхаясь, полуослепший от слез, он выскочил из конторы. Камел остался на месте и, смущенно разглядывая свою трубку, размышлял над тем, как же сообщить хозяину по-настоящему плохие новости.

Уолт Кейдж плеснул в лицо холодной водой из умывальника. Слезы перестали литься, плечи больше не тряслись. Сняв рубаху, он тщательно вымылся до пояса, взглянул в зеркало. На него смотрели опухшие, налитые кровью глаза, но это можно было принять за раздражение от пуха, которым был наполнен воздух сарая, где стригли единорогов. Билл - неплохой парень и не станет болтать о том, как хозяин сорвался. Никто ничего не узнает. И семья не потеряет уважения к нему. Уолту и так непросто с ними. Но мужчина не должен плакать. Никогда. Слезы - это для женщин...

Кейдж расчесал бороду, гордясь, что не поддался новомодной дури и не сбрил бакенбарды. Слава Богу, он не похож на бабу или голомордого сатира! Видно, моду на бритье придумали гривастые...

Надев чистую фланелевую жилетку, свободную настолько, что выпирали загорелые грудь и живот, поросшие седыми волосами, Уолт услыхал сигнал к обеду. Он сменил грязные сапоги на мягкие шлепанцы, вошел в просторную столовую и остановился, обводя взглядом присутствующих.

Его дети стояли за спинками стульев, ожидая, пока он усадит Кейт во главе стола. Быстрым взглядом зеленых глаз Кейдж незаметно пересчитал их: Уолт, Алек, Нэл, Борис, Джим, Джинни, Бетти, Мэри, Магдален...

Два стула за столом пустовали.

Предупреждая его вопрос, Кейт сказала:

- Я послала Тони на дорогу высматривать Джека.

Уолт крякнул и бережно усадил Кейт. Он обратил внимание, что сыпь, появившаяся несколько дней назад, к сегодняшнему дню стала гуще. Если она продолжит уродовать складками и красными пятнами белую кожу Кейт,

придется взять жену с собой в Слашларк и отвести на прием к доктору Чандеру. Конечно, только после того, как закончится стрижка.

Когда он сел во главе стола, из кухни, пошатываясь, вышел Ланк Кроата, прислуга. Он едва не опрокинул поднос с дымящимися шашлыками из единорога на колени хозяину.

Уолт принюхался:

- Опять напробовался вина из тотума, Ланк? По-прежнему трешься возле сатиров?

- Почему бы и нет? - почти грубо ответил слуга, - у них скоро большой праздник. Слепой Король только что узнал, что сегодня вечером его сын и дочь возвращаются с гор. Вы знаете, что это значит: много музыки, много песен, много жареного мяса единорогов и тушеной собачины, а еще - вина, пива, всяких рассказов и плясок. И, - добавил он злобно, - никакой стрижки. Три дня, по крайней мере.

Уолт перестал жевать:

- Они не имеют права. Вийры обещали помочь. Три дня задержки означают, что мы теряем половину шерсти. К концу недели у единорогов начнется линька - что тогда?

Качаясь еще заметнее, Ланк произнес:

- Не беспокойтесь. Они позовут на помощь лесных вийров, и все будет закончено точно в срок. К чему эта истерика, хозяин? Мы неплохо проведем время, потом хорошо поработаем, чтобы нагнать...

- Заткнись! - взревел Кейдж.

- Я говорю, что хочу, - сказал Ланк с достоинством, несколько неубедительным из-за волнообразных движений его тела. - Напомню: я больше не слуга по договору. Долг я отработал и могу уйти в любое время, когда захочу. Так что вы думаете на этот счет, хозяин?

Покачиваясь, он медленно вышел из комнаты. Уолт вскочил так резко, что опрокинул стул.

- Куда идет этот мир?! Никакого уважения к тем, кто его заслуживает! Слуги... Молодежь... - он с трудом подбирал слова, - безбородые... Все молодые парни бреют морды и отращивают длинные патлы... Бабы даже при дворе носят лифчики с таким разрезом, что груди вываливаются... как у сирен! Даже жены слашларкских чиновников

подражают им!.. Слава Богу, никто из моих дочерей еще не набрался наглости носить такое!

Уолт обвел взглядом стол. Джинни, Бетти, Мэри и Магдален переглянулись из-под низко опущенных век: теперь уж им ни за что не надеть свои новые наряды на Военный бал! Разве что добавить кружев на низкое декольте... Слава Богу, что портной не успел доставить платья на ферму!..

Их отец взмахнул ножом, облив соусом новую фуфайку Бориса, и заорал:

- Это все штучки гривастых, вот что! Ей-Богу, будь у Людей железо на ружья, мы стерли бы с лица планеты эту безбожную, дикую, голую, развратную, непристойную, ленивую, пьяную, нахальную, вечно толкующую о каких-то договорах, непотребную породу! Взгляните-ка, что они сделали с Джеком! Слишком уж он близко водился с ними: не только выучил говор их ребят, но зачем-то навострился и во взрослой их речи... Их сатанинские нашептывания заставили его бросить работу на ферме - моей ферме! На ферме его деда, царствие ему небесное!.. Как вы думаете, с чего это он рискует своей шкурой, гоняясь за драконом? Да чтобы получить премию за драконью голову и поехать в Дальний - изучать науки у Рудмэна, человека, обвиненного в ереси и сношениях с дьяволом... Ну зачем, зачем ему это, даже если он вернется с головой дракона, а не оставит собственную где-нибудь в глухих дебрях вместе с телом, разодранным в клочья?!.

- Уолт! - закричала Кейт, а Джинни и Магдален громко всхлипнули.

- ...Почему бы этому мальчишке не использовать премию - если он ее еще получит - на приданое для Лиз Мерримот? Объединить наши фермы и наши деньги! Она самая красивая девушка в округе, а ее отец - первый после Лорда Хоу богач. Пусть женится и растит детей к вящей славе Государства, Церкви и Бога - не говоря уж о радости, которую он доставит этим нам всем...

Ланк вернулся из кухни с большой тарелкой яичного пудинга. Дослушав тираду Уолта, он закрыл глаза, вздрогнул и громко сказал:

- Господи, избавь нас от сатанинской гордыни! - с этими словами, сделав шаг вперед, Ланк зацепился паль-

цем босой ступни за шкуру хвостатого медведя на полу и рухнул. Пудинг попал прямо в лысеющую голову Уолта. Горячий густой джем волной потек по лицу и бороде Уолта, измазал свежий жилет. Воя от боли, изумления и ярости, Кейдж подскочил. В этот момент за окном столовой раздался пронзительный крик. Секундой позже в столовую влетел малыш Тони.

- Джек идет! - кричал он. - Джек вернулся! И мы - богачи! Мы богачи!..

III

Джек Кейдж услышал пение сирены.

Сирена была очень далеко и в то же время близко. Она была тенью голоса, звавшего найти телесную оболочку его обладательницы.

Джек сошел с дороги и растворился в густых зарослях. Впереди двигалась желтая громада Самсона. Рокот струн лиры дробился в зеленом лабиринте. После нескольких крутых извивов тропы, кружащей между огромными стволами, Джек остановился, чтобы оглядеться.

Лес прервался, открыв небольшую поляну, похожую на чашу с рассеянным в зеленом тростнике светом. В центре поляны лежал гранитный валун в два человеческих роста высотой. На вершине валуна было высечено сиденье.

На этом гранитном троне восседала сирена. Она пела. А еще она расчесывала свои удивительные красно-золотые волосы раковиной озерной ресничницы... У ее ног, у самого основания валуна, присев на корточки, перебирал струны лиры сатир.

Сирена глядела вдоль просеки, туда, где начинался окаймленный деревьями проспект, который спускался по горному склону и раскрывал просторную панораму местности к северу от Слашларка Виднелась и ферма отца Джека. Она была так далеко, что казалась не больше ладони, но Джек различал белые шкуры и поблескивающие на солнце рога единорогов, склонившихся к траве просторных даже издали лугов.

На несколько секунд мысли о гривастых сменились у Джека тоской по дому. Главное здание фермы отливало красным в лучах солнца, преломленных прикрепленными к бревнам медного дерева кристаллами. Дом был двухэтажный, с плоской крышей, построенный так прочно, что способен был выдержать и внезапный штурм и длительную осаду: посреди двора - колодец, по углам крыши - катапульты.

Рядом с домом - амбар, за ним - разбитые на отдельные квадраты поля и фруктовые сады. На самой северной оконечности фермы поднялись над лугом кадмусы - двенадцать сверкающих клыков цвета земной слоновой кости.

Дорога, идущая мимо фермы, прослеживалась до самого Слашларка, столицы округа. Самого города не было видно за густо поросшими лесом холмами.

Сирена встала, чтобы пропеть последние звуки привета стране, куда она и ее спутник-сатир возвращались после трехлетнего пребывания в далеких горах, и это вернуло Джека к действительности. Солнечный свет, пробившийся сквозь крону деревьев, четко обрисовал силуэт сирены на фоне пронзительно голубого неба. Она была прекрасна, великолепная представительница своей расы, результат тысячелетнего отбора. По обычаю вийров, на ней не было ничего, кроме расчески в волосах. Сейчас она пропускала их роскошную красно-золотую тяжесть сквозь зубцы озерной раковины. Левая грудь сирены с маленьким розовым соском двигалась вверх-вниз вслед за движениями руки. Джек не мог оторвать глаз от этой красоты.

Слабый ветерок тронул длинный локон сирены, обнажив изящное, как морская раковина, ухо. Красавица слегка повернулась, и стало заметно иное, чем у людей, распределение волос на ее теле: густые, как грива, волосы начинались у основания шеи и покрывали впадину вдоль позвоночника. С крестца волосы спадали по крутой кривой, почти как лошадиный хвост.

На ее широких округлых плечах волос не было, как и на остальной части спины. Джек не видел сирену спереди, но знал, что ее талия покрыта пучками пушистых волос. Волосы в паху были достаточно длинными и густыми, чтобы соответствовать даже человеческим представлениям о благопристойности: казалось, на сирене набедренная повязка.

Сатир был покрыт косматыми волосами от пупка до середины бедер, как его мифический предок, которому он и его родичи были обязаны своим прозвищем. Бедра сирен были гладкими, только внизу живота два пушистых треугольника образовывали подобие ромба, вершина которого приходилась чуть ниже окруженного кольцом волос пупка. Это был символ женственности у вийров: буква омикрон, пронзенная дельтой.

Джек, волнуясь, ждал, когда замрет последний аккорд лиры и затихнет среди густой зелени сочное контральто сирены.

Наступила тишина. Сирена замерла, высоко подняв голову, как прекрасная статуя в венце червонного золота. Сатир припал щекой к своему инструменту, прикрыв глаза, отрешенный от всего окружающего мира.

Джек вышел из-за ствола мятного ореха и хлопнул в ладоши. Даже внезапный взрыв не смог бы более богохульно нарушить священную для вийров трепетную тишину первых секунд после песни сирены.

Джек хотел именно этого: испугать и обидеть гривастых. Однако оба вийра обернулись и посмотрели на него с таким спокойствием и грацией, что Джек ощутил досаду и даже легкий стыд за себя: неужели эти гривастые никогда не выглядят неуклюжими? Да может ли хоть что-нибудь смутить их?!.

- Добрый день, вийры! - сказал Джек.

Сатир поднялся. Его пальцы пробежали по струнам.

"Добрый день!" - произнесли струны.

Сирена воткнула гребень в волосы и мягко спрыгнула на траву, спружинив ногами. При этом ее высокая грудь так всколыхнулась, что пристально смотревший на нее Джек пришел в замешательство. Сирена подошла к нему и взглянула своими фиалковыми глазами, резко отличавшимися от желтых кошачьих глаз ее брата.

- Как дела, Джек Кейдж? - произнесла она по-английски. - Ты меня не узнаешь?

Джек заморгал, начиная понимать.

- Р-ли! Крошка Р-ли! Святой Дионис, как ты изменилась! Выросла...

Она провела рукой по волосам.

- Естественно. Мне было четырнадцать лет, когда я ушла в горы для прохождения обрядов. Это было три года тому назад. Теперь мне семнадцать, и я взрослая. Разве в этом есть что-то странное?

- Да... нет... то есть... ты была похожа на швабру... то есть... А теперь... - рука его непроизвольно описала изящную выпуклую линию.

Она улыбнулась.

- Не нужно краснеть от смущения. Я знаю, что у меня красивое тело. И мне нравятся комплименты, можешь говорить их сколько угодно. При условии, что ты будешь искренним.

Джек почувствовал, как румянец разливается по его лицу.

- Ты... ты не понимаешь. Я... - и он поперхнулся, чувствуя свою полную беспомощность перед ужасающей прямотой гривастых.

Ей, должно быть, стало жалко его, и поэтому она попыталась сменить тему разговора.

- У тебя есть закурить? - спросила Р-ли. - Мы остались без курева несколько дней тому назад.

- У меня есть три. Как раз хватит.

Джек вынул из кармана куртки коробочку из дорогой меди, подаренную ему Бесси Мерримот. Он вытряс из нее три самокрутки из грубой коричневой бумаги. Непроизвольно он протянул первую Р-ли - как женщине. Его рука отказалась следовать принятому грубому обращению с гривастыми.

Однако следующую самокрутку Джек закурил прежде, чем предложил последнюю вийру. Сатир мягко, почти незаметно, улыбнулся.

Р-ли наклонилась к Джеку, прикуривая, подняла на него глаза. Джек не мог удержаться от мысли, что эти фиалковые глаза, пожалуй, красивее, чем у Бесси. Он никогда не понимал, почему отец говорит, что глядеть в глаза гривастых все равно, что в глаза дикого зверя.

Сирена глубоко затянулась, закашлялась и выпустила дым через ноздри.

- Отрава, - сказала она, - но я люблю ее. Один из драгоценных даров, который люди принесли с собой. Не представляю, как мы обходились бы без табака!..

Если в словах Р-ли и была ирония, то совсем незаметная.

- Это, похоже, единственный порок, который вы у нас переняли, - ответил Джек, - и единственный дар, который вы приняли. И они такие несущественные...

Р-ли улыбнулась:

- О, дар не единственный. Ты же знаешь, мы едим собак. - Она взглянула на Самсона, который прижался к хозяину, словно понимая, о чем идет речь. - Тебе не нужно беспокоиться, большой лев. Мы не жарим твоих сородичей. Только собак. Жирных и глупых собак для еды. А что касается даров, - Р-ли обращалась уже к Джеку, - вам, землянам, не стоит корить себя за то, что вы пришли к нам с пустыми руками: мы научились у вас гораздо большему, чем вы думаете.

Сирена снова улыбнулась. Джек чувствовал себя ужасно глупо: можно подумать, что все умения землян идут вийрам во вред! А ведь и вправду можно подумать...

Сатир обратился к сестре с быстрой взрослой речью.Она коротко ответила ему, но если перевести этот разговор на английский, он занял бы гораздо больше времени. Затем Р-ли сказала Джеку:

- Мой брат Мррн хочет побыть здесь еще, чтобы закончить песню, которую давно задумал. Завтра он нам ее исполнит, уже дома. А я, если ты не против, провожу тебя.

Джек пожал плечами:

- Я не против.

- А ты не боишься, что нас увидит кто-нибудь из людей и донесет, что ты запанибрата с сиреной?

- Прогулка по общественной дороге с вийром это вовсе не панибратство. Даже по закону так.

Они молча пошли усыпанной листьями тропкой к дороге. Самсон, как всегда, бежал чуть впереди. Позади яростно рокотала лира: если музыка сирены была мелодичной, радостной и одухотворенной, то в мощных аккордах Мррна было что-то от песен Диониса, какая-то неистовость и неукротимость.

Джеку хотелось дослушать. Он никому не признался бы в этом, но музыка вийров всегда поражала его. Однако не было никакого разумного повода задерживаться, и

Джек продолжал шагать по просеке рядом с Р-ли. За поворотом лесной дороги отчаянные звуки лиры почти затерялись в шуме листвы громадных деревьев.

Широкое пятнадцатиметровое шоссе, которому было не меньше десяти веков, плавно огибало пологий склон горы. Шоссе было выложено из неизвестного людям серого материала без швов и стыков, сплошной полосой. Прочный, как гранит материал, казалось, слегка пружинил под ногами. Это было совершенно непонятно, как и то, что под жарким уже солнцем шоссе оставалось прохладным. Все знают, что зимой все будет наоборот: даже в лютый мороз босые ноги не замерзнут на ласковой поверхности дороги, а снег и лед стекут талой водой по ее чуть заметной выпуклости.

Тысячи таких шоссе густой паутиной покрывали поверхность Авалона, позволяя людям стремительно расселяться по всему материку.

Р-ли, которой наскучило долгое молчание Джека, попросила показать ей саблю. Слегка удивившись, Джек вынул из ножен и протянул сирене оружие. Держа саблю за эфес, Р-ли осторожно провела пальцами по кромке клинка.

- Железо, - сказала она, - ужасное слово для ужасной вещи. Думаю, наш мир был бы куда хуже, будь в нем много таких вещей...

Джек смотрел, как сирена обращается с металлом. Вот и еще одна дурацкая детская легенда о гривастых оказалась ложью: они спокойно могут прикасаться к железу! И пальцы у них от этого не отсыхают, и руки не скрючивает параличом, и от ужасной боли они не корчатся...

Р-ли указала на рукоять:

- Что здесь написано?

- Не знаю. Говорят, это по-арабски, на одном из языков Земли. - Джек взял саблю, показал еще две надписи на рукояти, - "Год первый ХД", "Хомо Дэйр". Это год, когда мы сюда прибыли. Говорят, вырезал сам Ананий Дэйр. Эту саблю Камел Тюрк подарил Джеку Кейджу Первому, одному из своих зятьев, потому что у турка не было сыновей, которым он мог бы передать ее.

- А это правда, что железной саблей можно разрубить подброшенный волос?

- Не знаю. Никогда не пробовал.

Р-ли тут же выдернула длинный волос и подбросила его, пустив по ветру. Свистнул клинок. На дорогу медленно опускались две красно-золотые нити.

- Знаешь, - задумчиво проговорила сирена, - после такого, будь я драконом, да узнай, что ты охотишься на меня с этой штукой...

Джек был изумлен, а Р-ли спокойно гасила окурок самокрутки крепкой босой ступней.

- Как... как ты узнала, что я выслеживал дракона?

- Драконiха сказала.

- Драконiха сказала... тебе?!.

- Ну да. Ты разминулся с ней минут на пять, не больше. Она была с нами и ушла, когда ты приблизился. Ты знаешь, как она устала убегать от тебя? Она беременна и страшно голодна, она просто выбилась из сил. Я посоветовала ей подняться в горы: там скалы и следов не видно...

- Ну, спасибо! - голос Джека дрожал. - А откуда все же ты узнала, что она знает, что я знаю... Тьфу!.. Она знает, что я иду по следу, и что она собирается... Короче, как ты узнала о том, куда она направляется? Может, ты понимаешь по-драконьи? - последнюю фразу Джек попытался произнести с иронией.

- Конечно.

- Что?!. - Он заглянул в глаза сирены. Похоже, его дурачат. Впрочем, от этих вийров можно ждать чего угодно...

Ответный фиалковый взгляд Р-ли был спокойным и загадочным. Разговор взглядов был беззвучен и быстр, но означал он многое. Рука сирены почти легла поверх человеческой руки, но в последний момент замерла, словно вспомнив, что человеческим рукам не нужны касания рук вийров. Самсон зарычал и вздыбил шерсть на загривке. Изящная кисть Р-ли плавно отустилась. Ничего не произошло.

Человек, сирена и лев двинулись дальше.

Р-ли, как ни в чем ни бывало, весело продолжала разговор, но Джека бесило, что она вдруг перешла на детский язык вийров. Взрослые вийры прибегали к нему только сердясь или выражая презрение, да еще в разговоре с детьми и возлюбленными. Джек не был ни детенышем сирены, ни ее милым.

А сирена говорила о счастье вернуться домой, снова увидеть друзей и родных, бродить по знакомым полянам

и тропам в лесах округа Слашларк. Она улыбалась, и глаза ее светились, и руки взлетали, словно отгоняя уже сказанные слова, чтобы освободить место новым... Ее сочные губы, изливающие теплые потоки беззаботной детской речи, завораживали. Это было, как песня. Песня сирены.

Странная и неожиданная перемена произошла в Джеке. Недавний гнев сменился желанием. Вот бы прижать ее к себе, растрепать золотой водопад вдоль спины, поцелуем заставить замолчать эти губы... Предательница-мысль была скоротечной, но от нее закипела кровь и затуманился мозг: а почему бы и нет?..

Джек отвернулся, чтобы Р-ли не видела его лица. Что так бьется в его груди и до боли, до сладкой мучительной боли рвется наружу - сейчас, немедленно? Святой Дионис, только бы она не заметила!.. Нельзя, нет!

Со слашларкскими девушками, которые ему нравились, - а их в его жизни было уже несколько - он не стал бы мешкать, если бы... если бы хоть одна из них вызвала в нем хоть что-то похожее. А с этой...

Р-ли одновременно манила и отталкивала Джека. Она сирена, существо, которое люди-мужчины отказываются называть женщиной. Она - гривастая. У нее нет бессмертной души, поэтому она так же опасна, как легендарные обольстительницы с берегов земного Рейна и Средиземноморья, к ней даже приближаться нельзя без риска для жизни и для души! Недаром Церковь и Государство в своей безграничной мудрости запретили мужчине прикасаться к сиренам.

Но Церковь и Государство далеки и не очень понятны. А сирена - рядом. Рядом ее золотисто-смуглая плоть, фиалковые светящиеся глаза, алый рот, тяжелые волосы и сводящее с ума тело... Рядом! Взгляд и смех, крутые бедра и высокая легко дышащая грудь, пятна света на коже, "иди ко мне, милый", "убирайся прочь, дурак", "я тебя знаю, а ты меня - нет"...

Она разорвала тяжелое молчание:

- О чем это ты сейчас думаешь?

- Ни о чем.

- Замечательно! Как тебе удается так сосредоточенно думать ни о чем?

Шутка разрядила напряжение. Джек снова мог смотреть в лицо Р-ли. Она больше не казалась самым желан-

ным существом на свете; она была просто... женщиной. Просто женщиной, воплощением всего, о чем мечтает мужчина, когда мечтает... о женщине.

Только что он был так близок к... нет! Никогда. Он даже думать об этом не будет. Он не должен думать об этом. Но как это сделать? Вернее, как этого не сделать? За секунду до мучительно-сладкого пожара он был так зол на нее - из-за сабли, дракона и детской речи - что готов был ударить. А потом гнев перешел в желание...

Уж не колдовство ли это?

Джек рассмеялся. Нет, он ни за что не расскажет Р-ли что тут такого забавного. Он обманывал самого себя, когда придумывал какие-то колдовские чары. Колдовство - это сказки для детишек (Джек никогда и никому не сказал бы этого вслух). Нет. Чары здесь ни при чем. Такое колдовство может совершить любая смазливая баба без всякой помощи дьявола. И можно избавиться от него, просто назвав настоящим именем.

Похоть - вот как это называется.

Джек быстро перекрестился и поклялся про себя, что на ближайшей исповеди расскажет отцу Таппану о своем искушении. И тут же понял, что опять врет самому себе: никому он об этом не расскажет. Уж очень велик стыд...

Просто, вернувшись домой и уладив все дела с отцом, надо съездить в город и повидаться с Бесс Мерримот. С хорошенькой стройной человеческой девушкой он легко забудет прогулку с Р-ли, если... Если то, что случилось в его душе, не осквернит Бесс. Чепуха! Не стоит так думать. В конце концов, ничего ведь и не было. А нытики, что бродят с виноватым видом, везде привлекая внимание, и каются, не позволяя простить себя ни богу, ни кому-либо другому, просто отвратительны. Стоит ли превращаться в одного из них?

Устав от самокопания, Джек попытался снова заговорить с Р-ли. Вспомнив, что сирена довольно неохотно говорила о драконе, он спросил о причинах этого.

- Дело в том, - сказала Р-ли, - что, в сущности, ты обязан нам жизнью, понимаешь? Драконица сказала, что ты гнался за ней и хотел убить. Несколько раз она могла подстеречь тебя и прикончить. И поверь, ей очень хотелось это сделать. Но наше Соглашение с драконами гласит, что только защищаясь, только в самом крайнем случае...

- Соглашение?..

- Ну да. Ты не заметил порядка в ее набегах на фермы? Один единорог из поместья Лорда Хау за неделю. На следующей неделе - один с фермы Чаксвилли. Через неделю один у О'Рейли. Через семь дней - одно животное из стада Филиппинского монастыря. После этого - одно у твоего отца... Одна неделя, один единорог, одна ферма. Потом круг повторяется, начиная с Лорда Хау и кончая жеребчиком из стойла твоего отца пять дней назад. Одна неделя, один единорог, одна ферма. Кроме того, по Соглашению нельзя трогать пахотных животных и дойных самок. Не забираются беременные кобылицы. Только те, что на мясо и на продажу, только! Избегать людей и собак. С каждой фермы - не более четырех единорогов в год. Один дракон на округу... Такие Соглашения заключаются каждый год, слегка меняясь, ведь и обстоятельства тоже, бывает, меняются...

- Погоди! А кто вам, гривастым, - Джек почти выплюнул это слово, - позволил распоряжаться нашей собственностью?!.

Р-ли опустила взгляд. Только теперь до Джека дошло, что рука сирены лежит в его руке. Кожа ее руки была гладкой и прохладной, куда более гладкой и прохладной (Джек не мог сдержать эту крамольную мысль), чем у Бесс.

Только взглядом из-под ресниц Р-ли показала, что заметила, как поспешно Джек отдернул руку. Спокойно взглянув в зардевшееся лицо молодого человека, сирена спокойно произнесла:

- А ты не забыл, что по Соглашению, которое твой дед заключил с моим народом, ваши люди должны давать нам четырех единорогов в год? Между прочим, это условие не выполнялось уже десять лет: у вийров достаточно мяса для еды. Мы не требовали того, что принадлежит нам по праву, мы не жадные. - Р-ли на мгновение умолкла, затем продолжила. - И мы не сообщали сборщику податей, когда твой отец включал этих единорогов в перечень необлагаемого налогом имущества, а потом оставлял себе.

Как ни был разгневан Джек, он заметил приверженность сирены к "мы", которое филологи определяли как "частицу двусмысленного презрения". В объяснениях Р-ли была серьезная неувязка: даже если существует это Согла-

шение с драконами, почему бы гривастым не забирать причитающихся им четырех единорогов и не отдавать их чудовищу? К чему прикрывать пустой болтовней ночные набеги опасного зверя? Тут что-то не так, что-то не вяжется.

Правда, гривастые редко лгут. Но ведь время от времени это все же случается... Рассказывая небылицы, взрослые вийры используют детскую речь. Ведь и Р-ли прибегла к ней в разговоре с ним! Но это вовсе не значит, что она врет: она сама учила Джека детской речи, когда они вместе играли на ферме. Вполне естественно, что и сейчас Р-ли воспользовалась ею в разговоре с товарищем детских игр...

Смотритель Моста Эгстоу стоял на слашларкской дороге возле своего дома - высокой круглой башни из серого камня с кварцевыми вкраплениями. Перед Смотрителем стоял большой мольберт со старательно загрунтованным холстом, в руках он держал палитру и кисти; такое свое времяпрепровождение Эгстоу называл " пленэром".

В тридцати метрах от Смотрителя сидела на корточках его жена Вигтва. Пока супруг занимался высоким искусством, она сдирала чешую с какого-то двуногого животного полуметровой длины, только что выловленного в ручье. В том же ручье плескались трое ребятишек: пятилетняя Анна, во всем похожая на человеческое дитя, если не считать золотого пуха вдоль позвоночника, заметного только при внимательном разглядывании; десятилетний Крэйн, хребет которого уже явно отливал золотом в солнечных лучах и брызгах воды; тринадцатилетняя Лида - воплощение созревания, созревания гривастых: с короткой оранжево-красной гривкой вдоль спины и подобием хвоста длиной примерно в фут ниже копчика. Наливающаяся грудь и едва намеченный символ женственности внизу живота обещали восхитительную женщину, но женщину-сирену.

Увидев родичей, Р-ли восторженно завизжала. Эгстоу бросил палитру и кисти и устремился навстречу племяннице. Вигтва выронила нож и чешуйчатую тварь. Первыми, в брызгах воды и со звонким восторгом, сирену встретили дети. Поцелуи, объятия, поспешный нескладный разговор... Р-ли только сейчас по-настоящему поняла, как

она соскучилась: три года, долгих три года, она не была дома...

Джек стоял в стороне. Тайфун родственных чувств не помешал Эгстоу вежливо предложить гостю (на хорошем английском) свежего хлеба и молодого вина и извиниться за то, что жареное мясо будет чуть позже. Не менее вежливо Джек сказал, что ждать мяса у него, к сожалению, нет времени, но хлеб и вино он с удовольствием попробует.

- У нас еще один гость-человек; тебе не будет одиноко, - сказал Эгстоу и махнул рукой мужчине, выходящему из дома-башни.

Джек напрягся. В их пограничном округе на незнакомых людей всегда смотрели с любопытством, если не с подозрением. Особенно на тех, кто дружит с туземцами настолько, что запросто входит в их жилища.

- Джек Кейдж - Манто Чаксвилли, - представил Эгстоу. После обмена рукопожатиями Джек спросил:

- Вы не родственник Эла Чаксвилли? Его ферма рядом с нашей.

- Все люди - братья, - серьезно произнес незнакомец, - а что до Эла, то мы с ним происходим от грузина по фамилии, если не ошибаюсь, Джугашвили. А имя у меня от одного из индейцев племени кроатанов, пришедшего сюда вместе с обитателями колонии Роанок. А вы?..

"Черт бы тебя побрал!" - подумал Джек и решил как можно быстрее прекратить разговор с новым знакомым. Он терпеть не мог умников, забивающих голову своей и чужой генеалогией и тратящих уйму времени на бессмысленные прыжки с ветки на ветку родословного древа. Джек считал подобные знания и умения совершенно ненужными: сегодня любой человек может объявить себя потомком кого-то из первоначально похищенных.

Чаксвилли было лет тридцать. Смуглый, тщательно выбритый, с массивной челюстью, пухлыми губами и слегка горбатым крупным носом, он был одет богато и даже, пожалуй, изысканно: в широкополую шляпу из белого фетра, темно-синий пиджак из кожи оборотня и короткий кильт - аккуратно выглаженную короткую белую юбку с красными полосками, давно уже привычную в столице, но новинку для здешнего захолустья. На широком кожаном

поясе висела рапира и нож из медного дерева. Пряжка пояса - из настоящей меди, отметил про себя Джек. И сапоги богатые - высокие, закрывающие икры целиком, из хорошо выделанной кожи...

Рапира крайне заинтересовала Джека, и он учтиво спросил, нельзя ли ее осмотреть. Чаксвилли излишне, пожалуй, стремительно выдернул оружие из ножен и эфесом вперед метнул Джеку. Тот принял рапиру, как бы просто взяв ее из воздуха: легко и изящно. Неужели незнакомец пытался застать его врасплох, выставить смешным и неуклюжим? Ох, уж эти важные городские франты... Джек слегка пожал плечами.

Это не ускользнуло от внимательных черных глаз горожанина: он слегка растянул полные губы, обнажив ряд белоснежных зубов, скорее похожих на вийрские, чем на человеческие; при желании это можно было считать улыбкой, но уж очень смахивало на оскал...

Джек стал в позицию, отсалютовал владельцу рапиры по всем правилам - в Слашларкской фехтовальной академии он был далеко не из худших, - немного поработал "с тенью", приноравливаясь к оружию, провел несколько стремительных выпадов и затем вернул рапиру Чаксвилли.

- Удивительно упругая, - отметил он. - Гибкое стекло, не так ли? Хотел бы я иметь такую... В наших местах их еще нет, но, говорят, гарнизон Слашларка будут оснащать по последнему слову: шлемы, кирасы, поножи, щиты - все стеклянное! И, конечно, наконечники пик и стрел. Говорят даже, что появилось стекло, выдерживающее пороховой заряд! Значит, вскоре будут и ружья... Понятно, стволы придется делать сменные, на десять-пятнадцать выстрелов - больше-то никакое стекло, пожалуй, не выдержит?.. - Джек запнулся, заметив едва заметный кивок собеседника в сторону приближающегося Смотрителя.

- Даже если это только слухи, - негромко сказал Чаксвилли, - гривастым совершенно ни к чему о них знать, верно?

- Верно... - промямлил Джек, чувствуя себя человеком, только что разгласившим государственную тайну, - а что вы сказали о своих занятиях? Я имею в виду...

- Этому... Эгстоу я сообщил, что являюсь одним из искателей невозможного, идиотом, ищущим что-то вроде Чаши святого Грааля, словом... Словом, я разведчик руд. Да, я

ищу железо. И королева неплохо платит мне за поиски этого легендарного минерала. Пока что, как и следовало ожидать, я не встретил в этих краях даже железной соринки; впрочем, в любых других краях - тоже... Чаксвилли искоса взглянул на Джека и улыбнулся, собрав вокруг внимательных глаз сеть морщинок. - Кстати, если ты собираешься донести на меня, то не трать время: как королевский минералог, я имею правительственное разрешение на вход в жилища гривастых, при условии, что вийр - владелец жилища приглашает меня. Так-то, дружище!

- Да у меня и в мыслях ничего подобного не было! - вспыхнул Джек.

- А между тем, это твой долг. Ты был просто обязан это сделать, не так ли?..

Джек резко повернулся и сделал несколько шагов прочь от Чаксвилли: до чего же все-таки неприятный тип!.. Но желание "спасти честь" и произвести на нового знакомого должное впечатление пересилило - Кейдж не должен быть смешным или жалким! Он, будто играя, выхватил саблю и очертил лезвием в воздухе сверкающий круг. Блик солнца блеснул на металле клинка.

- А что вы скажете об этом?

Чаксвилли глядел с благоговейным трепетом. Наконец-то этот франт завидует Джеку!

- Железо! Настоящее железо!.. Вы позволите... прикоснуться к нему... подержать...

Клинок сверкнул в стремительном полете. Смуглолицый ловко поймал саблю за рукоять, и Джек опять расстроился: в душе он надеялся, что Чаксвилли промахнется и уронит оружие или даже порежет руку, схватившись за лезвие; дурацкая, мальчишеская выходка! Совсем незачем было обезьянничать, копировать городские фокусы...

Чаксвилли восторженно рубил воздух:

- Да!.. Такими ударами сносят головы! Р-раз!.. Р-раз!.. Да будь у людей королевы такое оружие - кто бы смог их остановить?!.

- Верно, остановить их не смог бы никто, - сухо произнес подошедший Эгстоу; Джек принял у Чаксвилли саблю и вернул ее в ножны. - Никто. Но, честно говоря, я сильно сомневаюсь в том, что вам удастся разыскать залежи. А даже

если и удастся? Я полагаю, Соглашение... Впрочем, по Соглашению с правительством Дионисии людям, уполномоченным на то, не возбраняется проводить поиски минералов где угодно. При условии, разумеется, получения согласия от местных вийров. Что касается меня... Пожалуйста! Вы можете подняться в Тракийские горы и искать.

Правда там очень многочисленны оборотни, да и драконы по Соглашению могут нападать на любого человека, встреченного в горах. И если кому-либо из вийров вздумалось бы вдруг убить вас где-нибудь на горной тропе, то он вполне мог бы это сделать, не опасаясь возмездия со стороны родичей или закона. В определенном смысле Тракия - одна из наших святынь...

Но, повторяю, вас никто не станет удерживать от похода в горы. Правда, и помогать вам никто не станет. Понятно ли я сказал?

- Понятно. Ну, а как насчет попутчиков? Насколько велика может быть группа, я имею в виду?

- Не более пяти человек. Превышение этого числа является нарушением Соглашения, автоматически отменяющим его. Вспомните, в прошлом в Тракию уже ходили большие отряды людей. Ни одного из них больше не видели...

- Ясно. А скажите, вийрам известно хоть что-нибудь о железе в тех местах? Это-то вы мне можете сказать, не так ли?

- Не так. Дело не в том, могу я сказать или нет. Не хочу говорить об этом, вот и все.- Эгстоу чуть улыбнулся, как ребенок, только что лукаво припрятавший какой-то свой детский секрет.

Чаксвилли шутовски поклонился вийру:

- Благодарю тебя, о великодушный Смотритель Моста!

Эгстоу ответил таким же поклоном:

- Счастливого пути, о бесстрашный Искатель Неприятностей!

Минералог нахмурился и, подойдя к Кейджу, сердито шепнул:

- Ну, гривастые!.. Ладно. Настанет наш день...

Джек почти не слышал его, потому что в этот момент из дома-башни появилась Р-ли, неся комок зеленого мыла из жира тотума и охапку свежесрезанной душистой травы.

Джеку нелегко было оторвать взгляд от ее торжествующего сильного тела и неосознанно-дразнящей походки. Она идет к ручью купаться. Вот бы...

- Опасайтесь сирен, дружище, - встрял Чаксвилли, перехвативший мечтательный взгляд Джека, - помните, что это всего-навсего бездушные дикие твари! И вспомните заодно, что полагается делать с мужчиной, которого застали с такой...

- И кошке позволено глядеть на королеву, - довольно спокойно ответил Джек.

- Но любопытство сгубило кошку.

- Острый нос выдает острый ум. Не суй свой нос не в свое дело - станешь богаче...

Джека уже раздражало это фехтование словами; никто еще не стал богаче от бессмысленного жонглирования поговорками! Поэтому он подошел к мольберту и стал разглядывать почти законченную картину Смотрителя. Эгстоу последовал за ним и принялся весьма торжественным тоном давать пояснения:

- Как видите, здесь изображен один из Арра, знакомящий первого из землян с нашей планетой. Арра говорит землянину, что здесь ему и его родичам предоставляется, наконец, возможность избавиться от болезней, нищеты, угнетения, невежества и войн, которые, как парша, сплошными струпьями покрыли Землю тогдашнего времени. Но вся хитрость заключается в том, как сказал тогда Арра человеку, что здесь, на новой родине, землянам придется научиться сотрудничать - мирно сотрудничать! - с существами, обитающими на этой земле от века. Если люди сумеют обучаться у гривастых, было сказано Аррой, а гривастые - у людей, то тем они докажут, что им позволительно развиваться и идти дальше вместе - к великим свершениям...

Как видим, был задуман грандиозный план.Но обратим внимание на левую руку Арры! Она сжата в кулак. Это ли не символ угрозы того, что ждет людей здесь и на Земле, если они не образумятся к моменту возвращения мудрых и грозных Арра?! Сказано: у людей есть примерно четыре столетия для создания общества, основанного на взаимопомощи, а не на предрассудках и ненависти.

Для этого определено, что у человека на планете Дэйр не будет могучего оружия, которым он мог бы уничтожать

"отсталых туземцев", как это делалось на Земле... Почти все железо Дэйра, почти все, способное стать оружием, исчезло за тысячелетия до появления здесь людей.

На Дэйре уже было общество, возлюбившее сталь, огонь, взрывчатые вещества... Когда-то вийры передвигались в гигантских летающих машинах, общались через невообразимые расстояния и умели еще многое такое, что людям Дэйра сегодня показалось бы волшебством. Но именно своим могуществом они взорвали свой мир до основания! Почти все животные и растения, не говоря уж о самих вийрах, погибли от оружия, природа которого сегодня, к счастью, неведома никому. Уцелела лишь горстка, ничтожная горстка мудрецов...

Но эта горстка сумела создать - не возродить, а создать на иной основе - новый тип общества для нового типа разумных существ. Уцелевшие поняли, что они подошли к грани всеобщего уничтожения. Более того - что перешли эту грань, потому что так и не поняли, кто они такие и для чего им дан великий дар - разум. Поэтому все силы выжившие отдавали поиску ответов на эти два вопроса, с тем, чтобы решить: нужно ли разумным технологическое общество, а если да, то каким оно должно быть, и по какому принципу строиться... Разум должен сначала познать себя, а уж потом познавать остальные тайны природы!

И оставшимся в живых удалось это: на развалинах рухнувшего они создали свой мир, свободный от болезней, нищеты, ненависти и войн; мир, в котором жилось настолько вольно и свободно, насколько это вообще возможно для существ, обладающих свободой воли. И он был именно таким, этот мир! Был!.. До прихода землян.

Джека не покоробили последние слова. Он знал: когда на языке гривастых борются правдивость и вежливость, то правда побеждает в большинстве случаев. Даже если это "детский язык" вийров.

Он внимательно вгляделся в картину. Она была неяркой: красители редки на этой лишенной железа планете; явственно выделялся Арра, знакомый Джеку по школьным описаниям и угольным копиям знаменитого карандашного портрета. Портрет был сделан предком Кейджа с натуры вскоре после того, как землян зашвырнули на Дэйр. Внешне Арра походил на помесь человека с хвостатым медведем

(видно, поэтому отец Джон называл Арра "урсокентаврами"). Между тем, Эгстоу продолжал:

- Заметно, не правда ли, что безусловно доброе выражение лица этого великого человека внушает трепет и даже некоторый страх? Мне хотелось изобразить Арра как символ Вселенной. Ведь это непостижимое существо, не похожее ни на людей, ни на вийров. Оно объединяет и олицетворяет в себе как физическое, материальное начало, так и нечто такое, что находится "по ту сторону" материи, про что, конечно, давно догадываются вийры, хотя и подразумевают под этим нечто иное, чем люди Дэйра. Носители двух столь отличающихся, и одновременно неразрывно связанных начал, необычайно могущественны, но при этом добры. Арра, по-видимому, прибегали к средствам устрашающим, внешне враждебным для людей, однако лишь с целью преподать урок, а вовсе не с желанием покарать или уничтожить. Если человек ничему не учится - тем хуже для него.

Поймите меня правильно. Арра - не сверхъестественные существа, они из такой же плоти и крови, как вы или я. И я не верю, что ими руководили некие таинственные высшие силы, в которые верите вы. Сами Арра - это и та часть реальности, которую мы в состоянии понять, и та, которая пока нам недоступна. Я ясно говорю?

Да, Джеку было ясно. Но ему была не по душе мысль, что человек - это лишь ребенок, лишь усваивающий уроки жизни, а гривастые - его учителя.

В стороне неодобрительно хмыкнул Чаксвилли; Эгстоу опять слегка улыбнулся. Джек вежливо поблагодарил Смотрителя за рассказ, за хлеб и вино, извинился за срочные дела, мешающие остаться и отведать жаркого. Это были не просто вежливые слова: ему на самом деле не хотелось уходить. Ведь каждый шаг в сторону дома приближал встречу с отцом и неминуемую расплату за то, что в разгар стрижки Джек ушел на охоту, да еще прихватив драгоценную саблю.

Решив все же, что дальше пребывание тут будет выглядеть нелепым, а то и назойливым, Кейдж свистнул Самсону. Чаксвилли уже шагал впереди по дороге, и Джек стал догонять его. Хоть минералог чужак здесь и вообще довольно неприятный тип, но вдвоем все же веселее; да и

любопытно разузнать побольше об этом походе в горы. Интересно, кого Чаксвилли собирается взять с собой? А вдруг они и вправду найдут железо?.. Надо поторапливаться - смуглый уже далеко по ту сторону моста.

Что-то заставило Джека обернуться; его нагоняла Р-ли, вытираясь на ходу душистой травой.

- Немного пройдусь с тобой, не возражаешь?

Джек не успел ничего ответить: из-за высокой каменной стены на дальнем конце моста раздался жалобный возмущенный вой и показалась трехколесная повозка, запряженная парой единорогов. На козлах повозки сидел Чаксвилли. Завидев Джека и Р-ли, он натянул поводья, пытаясь остановиться; как обычно, единороги и не думали повиноваться и продолжали, взбрыкиваясь, трусить по дороге с громким негодующим храпом. Только кнут вместе с туго натянутыми поводьями и отчаянной руганью позволили Чаксвилли остановить животных. Удлиненные глаза единорогов сверкали; не было никаких гарантий, что через секунду повозка не рванет во весь опор безо всяких приказов седока.

- Святой Дионис! - хрипло прокричал Чаксвилли. - За какие грехи нам посланы эти вместилища нервов и тупости?! Почему бы вместе с людьми не захватить сюда легендарных лошадей? Какое, говорят было животное!..

- Если, конечно, вообще было. - рассудительно заметил Джек. - Вы не позволите мне поехать с вами?

- И мне? - добавила Р-ли.

- Залезайте, залезайте! Если вы не хотите упустить свой шанс свернуть шеи! Эти тупые твари одинаково мчатся и по шоссе, и по лугу, и по извилистой лесной тропе.

- Да уж, управлять ими при езде нелегко; но попробовали бы вы пахать на них...

- Пробовал. Лучше уж запрячь в плуг дракона. Он намного сильнее и куда послушнее.

- Что?!

- Шучу, Кейдж. А вашему зверю, - он указал на Самсона, - лучше бы бежать позади и чуть поодаль, а то как бы мои скакуны вконец не свихнулись со страху...

Джек пристально взглянул на Чаксвилли. Нет, ему определенно не нравятся люди, позволяющие себе шуточки в отношении драконов. Да и в отношении многого другого...

Смуглолицый гаркнул на единорогов и полоснул кнутом по мохнатым спинам. Своенравная пара продолжала упрямо идти мерным неспешным шагом. Погонщик пожал плечами и предоставил животным самим выбирать аллюр. Некованые раздвоенные копыта медленно ступали по темно-серому покрытию древнего шоссе.

Минералог спросил Джека о его дальнейших намерениях. Джек вежливо ответил, что прошлой зимой закончил учебу в монастырской школе и с тех пор помогает отцу на ферме.

- А призыв в армию?

- Отец заплатил отступного... Мы не можем допустить, чтобы я зря терял там время. Другое дело, если бы запахло войной...

- Ты все еще собираешься поступать в столичный колледж? - Спросила Р-ли.

Джек удивился этому вопросу. Он не виделся с сиреной три года и не помнил, чтобы когда-нибудь говорил ей об этом. Хотя, может быть, и говорил... А память у гривастых отменная. А может, она услыхала об этом, будучи в горах? Он много слышал о дальней связи вийров при помощи тайных сигналов.

- Нет, не сейчас. Я хочу поступать в училище, но не в Сан-Дионисе. Дело в том, что меня очень интересуют психические исследования. Мой научный наставник, брат Джон, поддерживает меня в этом. Но он говорит, что лучшим местом для меня будет не столичный колледж, а Дальний.

- Почему в чужой стране? - бесцеремонно вмешался Чаксвилли. - Почему не на родине, у отечественных преподавателей?

- Хочется получить наилучшее образование, - резко ответил Джек. Теперь он точно знал, что смуглолицый ему не нравится. - Один священник много рассказывал мне о Рудмэне. Говорят, он знает о человеческом мозге больше, чем кто-либо другой.

- Рудмэн? Я слыхал о нем. А разве его не судили за ересь?

- Судили, - сказала Р-ли, - но нашли, что он невиновен.

Брови Джека поднялись. Опять их система связи...

- Я слышал, что его освободили из-за того, что обвинители исчезли при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи о черной магии, о демонах, выкрадывающих тех, кто хотел бы сжечь их чародея.

- А кто-нибудь вообще видел демона? - спросила Р-ли.

- В том-то и сущность демонов, что их не видно, - сказал Чаксвилли, - А вы что думаете об этом, Кейдж?

Джеку не хотелось отвечать. Похоже, этот парень - провокатор.

- Я лично их не видел, - осторожно ответил он, - но скажу так: оставшись ночью один на дороге, я стал бы остерегаться только оборотней и взбесившихся хвостатых медведей. И взбесившихся людей тоже, - добавил он, вспомнив Эда Ванга, - но только не демонов.

Чаксвилли всхрапнул как единорог.

- Я дам вам еще один совет, мой деревенский друг. Не дай бог кто-нибудь услышит от вас такие речи. Они еще могут сойти с рук в этой пограничной глуши, но подобное заявление будет пороховой бомбой в цивилизованных районах Дионисии. Найдутся миллионы ушей, которые услышат, и миллион языков, которые передадут ваши слова серым палачам.

- Остановите повозку, - потребовал Джек, и сам обратился к единорогам. - Тпрру!

Повозка остановилась. Джек спрыгнул и остановился рядом с козлами.

- Слезайте, Чаксвилли. Я не позволю, чтобы кто угодно называл меня деревенщиной! Если ваш рот разевается сам, попытайтесь почаще придерживать его рукой.

Чаксвилли рассмеялся, блеснув зубами, особенно белыми на фоне смуглой кожи:

- Не обижайтесь, юноша. Признаю, у меня довольно распущенный язык. Но я самым серьезным образом хотел предостеречь вас от неприятностей. Кроме того, позвольте вам напомнить, что я выполняю задание королевы. И пока я его выполняю, мне нельзя принимать вызов - будь то меч, топор, кулак или что-либо иное. А теперь садитесь обратно, и поедем дальше.

- Только не я. Вы мне просто не по душе, Чаксвилли.

Он зашагал по дороге. Щелкнула плеть, застучали копыта и загрохотали деревянные колеса.

- Не обижайся, парень! - окликнул Чаксвилли Кейджа, поравнявшись с ним.

Джек не ответил. Сделав еще несколько шагов, он остановился: сирены в повозке не было. Он повернулся и произнес:

- Тебе не нужно было слезать только из-за того, что я это сделал.

- Знаю. Но я поступаю так, как мне хочется.

- Вот как?

Зачем это ей хотелось остаться с ним? Какие мысли под этой копной красно-золотых волос? Не из-за прекрасных же его глаз околачивается она здесь...

Его внимание привлекла возня в кроне большого дерева на обочине. Джек молча подошел к маленькой зверушке, бившей неокрепшими крылышками в тщетной попытке взлететь. Самсон тоже прыгнул к ней, но замер рядом, не тронув, и принялся обнюхивать. Хозяин не запрещал ему не трогать зверька, но Самсон был настолько хорошо выдрессирован, что не стал бы нападать без команды.

- Детеныш синебородки, - бросил Джек через плечо. Он поднял крохотного летучего зверька с обезьяньей мордочкой в бахроме сине-черных волосков, - выпал из гнезда. Подожди минутку, я положу его обратно.

Он снял пояс с оружием и стал карабкаться по стволу дерева. Это был стрельчатый орех. Первые ветви находились на высоте не менее десяти метров. Джек крепко обхватывал гладкую кору ногами и локтями, отставляя подальше от ствола левую ладонь с маленьким комочком меха, сжавшегося от ужаса. Приходилось изо всех сил напрягать предплечье, используя его вместо занятой кисти. Лезть было неудобно и утомительно, но ведь он всю жизнь карабкался по деревьям. Джек без передышки достиг первой развилки, рывком подтянулся на одной руке и положил детеныша в гнездо, где братья приветствовали его отрывистым тявканьем. Их родителей нигде не было видно.

Спустившись, Джек увидел, что сирена смотрит на него сияющими глазами:

- Хоть ты и грубо разговариваешь, Джек Кейдж, сердце у тебя нежное.

Он пожал плечами. А что бы она сказала, узнав, что он помогал хоронить ее двоюродного брата?

Они двинулись дальше.

- Если ты хочешь уйти в Дальний, - спросила сирена, - почему бы тебе просто не отправиться туда?

- Как старший сын я наследую большую часть фермы. Отец рассчитывает на меня. Он будет убит горем, если я откажусь от своего будущего здесь и стану учиться у человека, которого он считает чернокнижником. Кроме того, у меня нет денег. Надо же на что-то жить во время учебы.

- А ты часто ссоришься со своим отцом?

Джек решил не обижаться на этот вопрос. В конце концов, нельзя ожидать от гривастых хороших манер.

- Часто...

- Именно из-за этого?

- И из-за этого тоже. Мой отец - богатый фермер. Он мог бы послать меня учиться года на четыре, но никогда этого не сделает. Порой мне кажется, что я все равно уйду и добьюсь своего. Но матери каждый раз становится плохо, когда я говорю об уходе. Сестры ревут... Мать хочет, чтобы я стал священником, хотя боится даже думать о моем отъезде.

Правда, как священник, я мог бы изучать психологию, к примеру, в колледже святого Фомы... Но где гарантия, что меня туда примут. И даже если я туда попаду, мои исследования будут находиться под жестким контролем. Не будет той свободы выбора цели и методов, какая, говорят, есть у Рудмэна.

И еще. Если я стану священником, мне придется сразу жениться. А мне не нужны жена и дети. Во всяком случае - сейчас.

Можно, конечно, вступить в орден филиппинцев и стать монахом. Но это меня никак не устраивает.

Джек замолчал, чтобы перевести дыхание. Поразительно, как легко он вдруг, ни с того ни с сего, выдал Р-ли свои самые потаенные мысли. Как будто выплеснул воду из кувшина!..

Но беседовал же он о своих трудностях с Самсоном. Она ведь относится к тому же кругу его понятий, что и собака. Сирена никогда не сможет рассказать его родителям об этом разговоре. Как и Самсон.

- А если бы ты нашел что-нибудь, что дало бы тебе финансовую свободу? Тогда бы ты решился?

- Если б раздобыл голову дракона, у меня было бы достаточно денег. Награда от Лорда Хоу плюс премиальные королевы - этого хватило бы.

- Именно из-за этого ты так рассердился, когда узнал, что мы заключили соглашение с драконами?

Он кивнул:

- Это было одной из причин. Я...

- Если бы не эти соглашения, земли, освоенные людьми, давно опустели бы. - перебила его Р-ли. - Ты себе даже не представляешь, насколько ужасны и насколько неуязвимы драконы. Вашу ферму они могли бы опустошить за одну ночь. Перебить скотину, разрушить постройки... Более того, если бы не соглашение, ты был бы сейчас мертв. Драконихa сказала, что она могла бы застать тебя врасплох добрый десяток раз.

Охотничья гордость Джека была уязвлена. Он выкрикнул короткое слово, которое без изменений пережило многие столетия и множество световых лет:

-.....! Я в состоянии сам о себе позаботиться. И никакие сирены мне для этого не нужны! - Джек побрел дальше молча, разъяренный, усталый и злой.

- А если бы ты смог взять взаймы нужную сумму?

Поистине сегодня день ошеломляющих событий!

- Взаймы? У кого? И чем? Вы, гривастые, не пользуетесь деньгами...

- Послушай меня. Первое: мы знаем Рудмэна. Мы считаем его учение верным и хотели бы обеспечить ему распространение. Если достаточно много людей избавятся от своих психических отклонений, это смягчит ужасную напряженность между людьми и нами, и предотвратит войну, которая грозит стать неизбежной. Второе: может быть, ты не знаешь, но вийры давно присматриваются к тебе. Нам известно, что ты, сознательно или неосознанно, но симпатизируешь нам. Хорошо бы развить это чувство. Погоди, не возражай! То, что мы знаем, мы знаем точно. Третье: нам нужно представительство в вашем пàрламенте. Нужен человек, представляющий наши интересы. Если мы добьемся первого и второго, то через несколько лет ты смог бы стать хорошим депутатом от слашларкских вийров. Четвертое: тебе нужны деньги, чтобы учиться. Мы дадим тебе то, что тебе нужно. Все, что

требуется от тебя - это заключить обычное устное соглашение. Мой отец, Слепой Король, мог бы засвидетельствовать его, если ты не против. Если есть возражения, это сделает кто-нибудь другой. Если хочешь, можешь взять адвоката из людей для оформления документов. Лишь бы тебе было удобно. Нам, разумеется, ничего этого не нужно...

- Погоди! - сказал Джек. - Ты даже не встречалась с моей родней. Откуда тебе знать, какие у них виды на меня? И кто тебя уполномочил предлагать мне все это?

- Долго рассказывать. Да ты все равно не поверил бы. А что касается полномочий, то они есть у каждого взрослого вийра. А я уже взрослая.

- Тогда перестань говорить на детском наречии! Я ведь тоже не дитя. И... и как я мог узнать об этом, пока не спросил?

- Верно. А теперь, каково же твое решение?

- Э... На это нужно время... Твое предложение... Я не ожидал, признаться. Словом, все это надо хорошо обдумать.

- "Гривастый" принял бы решение сразу же...

Джек сердито и растерянно заорал:

- Я не гривастый! И в этом все дело! Я не гривастый, и ответ мой: нет! Знаешь, как меня назовут соседи, если я возьму у вас деньги? Собакоедом! И родной отец вышвырнет меня из дома... Ничего не поделаешь. Нет.

- Даже взаймы? На учебу в академии Рудмэна? Даже это тебя не прельщает?

- Нет!

- Прекрасно. Я возвращаюсь к своему дяде. До следующей встречи, Джек Кейдж!

- Прощай... - пробурчал он и побрел по дороге. Но, не пройдя и нескольких шагов, услышал оклик сирены.

Она дала ему знак соблюдать тишину. Наклонив голову, Р-ли прислушивалась к чему-то:

- Слышишь?

Джек напряг слух. Ему почудился негромкий рокот, раздавшийся с запада. Это был точно не гром. Звук то появлялся, то затухал. Самсон превратился в желтое изваяние, устремленное на запад. Его сдавленный рык эхом отдавался в лесу.

- Что это, как ты думаешь? - шепотом спросил Джек.
- Я думаю... Нет, я еще не уверена...
- Дракон? - Джек выхватил саблю.
- Нет. Будь это дракон - ничего страшного. Но если это то, что мне кажется...
- Так что же?
- Тогда...

Р-ли вошла в густую тень гигантских стрельчатых орехов и опутавших их лиан. Джек следовал за нею с обнаженной саблей. Петляя, они прошли километра полтора, затем еще метров триста почти по прямой. Несколько раз пришлось прорубать путь в зарослях. Это была самая плотная и густая чащоба, когда-либо виденная Джеком. До фермы было рукой подать, но здесь явно никогда не бывало людей.

Наконец человек, сирена и лев остановились. Сноп солнечного света, продравшись сквозь чащу, вызолотил волосы Р-ли. Она стояла в сияющем ореоле, по-прежнему внимательно прислушиваясь, а Джек от восхищения забыл и о недавнем разговоре, и о цели их теперешних поисков. Если бы он был живописцем, как Эгстоу!..

Неожиданно шум раздался совсем рядом. Р-ли встрепенулась, разбрызгивая солнечное золото, и бесшумно скользнула в тень...

Догнав сирену, слегка запыхавшийся Джек прошептал:
- Я никогда не слыхал ничего подобного!.. Будто великан пытается одновременно всхлипывать и полоскать горло...
- Я думаю, ты все же попадешь в Дальний, Джек.
- Что? Ты считаешь - это дракон?

Р-ли не ответила и легко перепрыгнула через поваленный ствол. Свободной левой рукой Джек ухватил ее за локоть:

- Откуда ты знаешь, что это тот самый? Может, это другой дракон, который не заключал соглашения?
- Разве я говорила что-нибудь о драконе? - она стояла теперь рядом с Джеком, касаясь его бедром и предплечьем. Джек вгляделся в лесной сумрак:
- А может, хвостатый медведь? Они сейчас бесятся; ты же знаешь - достаточно одного укуса...
- О!.. - Р-ли затаила дыхание и плотнее прижалась к Джеку; левой рукой он обнял ее талию: она так похожа

сейчас на его сестренок и так же нуждается в защите!.. Впрочем, перед кем ему оправдываться?

Глаза сирены были полузакрыты, и Джек не мог заметить их неожиданного блеска. Потом, не раз вспоминая этот момент, он вызывал в памяти легкую улыбку на губах Р-ли. Не насмешка ли это? Была ли она и впрямь напугана, или просто насмехалась над ним?

А может, это проявление совсем другого чувства? Но что бы Джек не думал потом, сейчас у него не было сомнений: он должен защищать Р-ли и себя от любой ожидавшей впереди опасности! Его рука сильней сжала тонкую талию, притянула к себе. Человек она или не человек - нет другой такой прекрасной женщины! И такой желанной... Даже дыхание перехватывает!..

Непривычный рокот вывел его из восторженного напряжения. Опустив руку, Джек, как тогда, на дороге, сделал несколько шагов вперед, чтобы Р-ли не видела его лица.

- Оставайся чуть позади, - приглушенно сказал он, не оборачиваясь, - не знаю, что это, но, похоже, что-то очень большое...

- И очень больное, судя по звуку, - добавила Р-ли. Ее голос тоже звучал приглушенно.

Джек осторожно раздвинул заросли.

Совсем близко, спрятанное в густой темной зелени, мучительно опорожняло желудок какое-то чудовище.

IV

Тони ворвался в комнату.

Его мать, сестры и братья приподнялись со своих стульев и глядели на отца: кто с удивлением, кто с гневом, кто со страхом, а кто с едва скрываемым смехом. Только хозяин дома остался сидеть как парализованный. Над ним стоял Ланк Кроатан, похожий на восковой манекен, с расплывшимся в идиотской улыбке широким коричневым лицом. В руках у него все еще оставалась перевернутая миска. По лысеющей голове хозяина растекалось густое дымящееся варево, стекало по лицу, впитывалось в бороду...

Трудно предсказать, что могло бы случиться в следующий момент, ибо хозяин Кейдж не обладал чувством

юмора. Зато глаза Ланка закрылись, вокруг них собрались морщинки, и он захохотал, обдав столовую густым перегаром.

Кожа Уолта - там, где она была видна из-под желтого потока, - мгновенно побагровела. Вот-вот должен был последовать взрыв.

И тут раздался ликующий голос Тони:

- Мы богачи! Богачи!

Только это слово могло остановить гнев старого Кейджа. Забыв о своем смехотворном виде, он обратился к сыну:

- Что?! Что ты сказал?

- Бо-га-чи!!! - отчаянно-восторженно вопил Кейдж-самый-младший, - Там! Там Джек! От него просто воняет богатством! Правда-правда! Он весь воняет и ... Он сказочно разбогател!

Хозяйка дома больше не могла этого выдержать; она метнулась мимо орущего Тони и уткнулась головой в грудь своего ошалевшего от всей этой кутерьмы мужа как раз в тот момент, когда он начал подниматься. Энергия ее чувств была так велика, что Уолт потерял не только моральное, но и физическое равновесие, хоть и был тяжелее супруги на добрую сотню фунтов, и тяжело плюхнулся в кресло.

В любое другое время Кейт забегала бы, засуетилась вокруг поверженного мужа; сейчас она просто охнула и оставила повелителя на стуле потерявшим дар речи - не до того!

Вся многочисленная ребятня повскакивала, толкаясь и пихаясь. Ланк откачнулся в сторону, подхватил на буфете просторную полотняную салфетку, качнулся обратно и принялся обтирать ею темя, лицо и бороду своего обезумевшего хозяина. Ему и в голову не пришло извиниться или перестать хихикать.

Наконец, к Уолту стало возвращаться хотя бы дыхание. Первым делом он от души выругался, что вернуло ему способность к мало-мальски осмысленным действиям; затем вырвал салфетку из ослабевших от вина и смеха рук слуги и тяжело вылетел на крыльцо, разметав родню.

Сцена возвращения блудного сына получилась презабавная: Джек оказался в кольце родственников, сметенных с крыльца патриархом семейства; все жаждали прижать

вернувшегося к груди, но никто, даже родная мать не могли подойти к нему достаточно близко для этого. Некоторые из встречающих, особенно сестры, заметно побледнели и продолжали бледнеть еще больше. И почему-то истосковавшиеся родственники обращали куда больше внимания на стол у крыльца, куда Джек поставил свою дорожную ношу, нежели на него самого.

Уолт, не обращая внимания на разрушения, произведенные его появлением в сплоченном кругу семьи, остановился на крыльце, как вкопанный. Он схватил ртом воздух, закашлялся и чуть было снова не лишился дыхания. Его спасло только то, что ему стал понятен смысл безумных выкриков младшего Кейджа.

Впрочем, если отец был изумлен, то его блудный сын был изумлен отнюдь не меньше:

- Великий Дионис, отец! - воскликнул Джек, - что с тобой стряслось?!

- Что? Ах, ну да... Негодяй Ланк! - пророкотал Кейдж-старший, как будто это все объясняло, - не обращай внимания... - Уолт указал на ношу, принесенную Джеком и лежавшую на столе. Это была непрерывно подрагивающая студенисто-серая масса, величиной с человеческую голову, дрожащая, словно от ужаса. - Клеевой жемчуг, верно?

- Верно, папа. Когда я возвращался домой, я услышал, как одно из рвотных деревьев рыгало в лесу; здесь неподалеку.

- Рвотные деревья? Неподалеку от дома? Как же это мы не заметили их? И как их не заметили гривастые?

- Мне кажется, пап, они-то об этом все знали. Просто не хотели говорить.

- Не хотели говорить?!. Вийры? Разве это похоже на них? Рвотное дерево!.. Это же такие деньги! И они хранили это в тайне?..

- Не совсем так, пап...

Джеку совсем не хотелось сейчас рассказывать отцу о встрече с Р-ли и о том, чем он ей обязан. Лучше, не торопясь, подробно объяснить все позже. Все равно сирена отказалась от своей доли денег, которые можно выручить за принесенное драгоценное сырье для парфюмерии. По Соглашению она имеет полное право на половину, но ведь

сама Р-ли настояла, что бы все принадлежало Джеку... Никаких объяснений. Во всяком случае - сейчас.

Джеку не очень-то нравился такой оборот. Как забыть об ее убитом кузене? Ведь Джек едва только смыл с себя кровь родича Р-ли, как пошел за ней к драгоценной лесной находке... Теперь-то Джек понимал, что происшедшее вовсе не было случайностью: он старательно обдумал все на обратном пути. Просто ему дали взятку, ему, Джеку Кейджу, чтобы он мог поехать в Дальний, и учиться, а выучившись - стать депутатом парламента. Депутатом парламента от вийров! Он-то разгадал, что они задумали!.. Поймет ли отец? Захочет ли? Скорее всего нет!..

- Видишь ли, пап, - стал объяснять Джек, - на самом деле вийры знают, что делают. Ведь проходит не менее трех десятков лет, пока в рвотном дереве созреет клеевой жемчуг, верно? Так вот, если бы вдруг стало известно, что здесь, в окрестностях, есть такое дерево - как ты думаешь, через сколько времени нашелся бы купец, или бродяга, или разбойник с большой дороги, который свалил бы дерево и разрубил, чтобы добраться до хотя бы наполовину созревшего клея? И много ли в сваленном дереве вызрело бы клеевого жемчуга? Нисколько, верно? Не-е-т! Вийры знают, что делают.

- Может, и так, сынок, - сказал Уолт, - но, святой Дионис, какой счастливый, сказочный поворот судьбы, что ты проходил мимо именно тогда, когда оно срыгивало клей! Потрясающе!..

Джек печально кивнул.

Уолт заметил саблю на боку сына. Его губы дернулись, но, поскольку взгляд с трудом отрывался от лежащих на столе сокровищ, ничего не произнесли.

Джек как будто читал мысли отца: "...если бы сын не взял клинок без разрешения, не погнался бы за драконом - он не нашел бы клеевой жемчуг... и сейчас серая масса, никем не обнаруженная, валялась бы на земле у основания дерева и, пожалуй, начинала бы гнить... Верных три тысячи фунтов просто сгнили бы - да и все тут..."

Вдруг Уолт, очнувшись, вспомнил свою роль в сцене "Возвращения блудного сына":

- Джек, сынок! Да ты же весь провонялся! Да и черт с ним! Это приятная, самая приятная вонь в мире! Ты же знаешь, сын, - "деньги не пахнут!" - Он потер руки. С

кончика мясистого носа свалилась густая капля пудинга. - Ланк! Ты и Билл берите этот стол и тащите его в подвал. Закройте его на все замки и засовы и принесите мне ключи. Завтра мы отвезем это в город и продадим.

О, Джек, если бы ты так не вонял, я бы обнял и расцеловал тебя! Ты сделал меня счастливым. Пошевели мозгами, сынок! У тебя теперь намного больше денег, чем нужно для того, чтобы купить ферму Эла Чаксвилли. Ты теперь можешь просить руки Бесс Мерримот! Когда вы оба получите свое наследство полностью, у вас будет пять ферм - ведь у ее отца три! И все они большие, богатые. Плюс кожевенная мастерская Мерримота, да еще магазин и таверна! Уж не говорю о самой красивой девушке во всем округе. Какие у нее губы, какие глаза! Я бы позавидовал тебе, Джек, но я женат на твоей матери.

Он украдкой посмотрел на свою жену и добавил:

- Я хочу сказать, Кейт, что Бесс - самая красивая из девушек. А из зрелых женщин, само собой, ты выглядишь лучше всех по соседству. Это каждому ясно.

Кейт улыбнулась и сказала:

- Давно ты не говорил мне ничего подобного, Уолтер Кейдж.

Он, сделав вид, что не расслышал, запустил свои заскорузлые пальцы глубоко в бороду и яростно поскреб корни волос.

- Послушай, мальчик. Может быть, вместо фермы ты сумеешь подкупить чиновников при дворе и добыть себе рыцарское звание. Тогда ты смог бы со временем даже выбиться в лорды. Ты сам знаешь, чего может добиться здесь честолюбивый человек. Это пограничная территория, а ты ведь как-никак Кейдж. Кто может остановить Кейджа на этой земле?!

Джек все больше злился, хотя и сохранял внешнюю невозмутимость. Почему отец не обращается с ним как с мужчиной? Почему он не спрашивает, чего хотел бы сам Джек? Ведь это же его, Джека, деньги! Или нужно ждать еще два года до совершеннолетия?

Вернулись Ланк и Билл. Слуга вручил Уолту большой стекломедный ключ от подвала. Уолт передал его своей жене. Затем Уолт неожиданно взревел:

- Ладно, Кейт! И вы, дочки! Все в дом! И не выглядывайте из окон. Джек сейчас станет голым как сатир.

- Что ты задумал, отец? - спросил Джек с тревогой в голосе.

Кейт и старшие сестры хихикнули.

- Они хотят избавиться от этой вони, Джек, - сказала Магдален.

Из дома вышел Ланк с несколькими огромными мочалками и большими кусками мыла.

- Заприте его, ребята, - распорядился Уолт. - И не выпускайте отсюда.

- Эй! Что вы собираетесь делать?..

- Срывайте с него одежду! Ее все равно надо закопать... От нее такой дух! Хватайте его за руки! Снимайте с него штаны... Джек, ты как бешеный единорог, ты лягнул меня! Принимай лечение как подобает мужчине!

Смеясь и задыхаясь от вони, ругаясь и толкаясь, они схватили извивающееся обнаженное тело и понесли его к наполненному водой корыту, стоящему перед амбаром. Джек вопил и вырывался. Затем его погрузили в воду.

Три дня спустя утро началось для Джека с гогота птичьего двора, головной боли и ощущения выжженной солнцем пустыни во рту. Предыдущей ночью было слишком много разнообразных радостей, но, увы, совсем мало сна; к числу радостей относился героический набег на винный погреб, принесший два бочонка старого вина. Последствия были мучительны.

Почему-то Уолт Кейдж не торопился отвозить клеевой жемчуг в город; казалось, он просто не в силах расстаться с этой грудой трепещущего студня, сулившей богатство и процветание семейству Кейджей. Сперва предполагалось выехать на следующий день, но утром хозяин фермы провел в подвале целых полчаса, после чего заявил, что привалившую удачу надо как следует отпраздновать. Решение Уолта поразило его домочадцев: устраивать попойку в разгар стрижки единорогов!

Тем не менее, Ланк был снаряжен приглашать соседей,а Билл Камел пожав плечами, стал прикидывать, что можно успеть сделать с изрядно поредевшей бригадой стригалей. Женщины пекли пироги и наводили красоту. Сам Уолт, хоть и пытался работать, но пользы от него было мало: он то и дело ее бросал, спускался в подвал и вновь и вновь любовался своим сокровищем.

К вечеру следующего дня стали съезжаться гости. Вино и пиво текли рекой, на вертелах жарились целиком два единорога, а все приглашенные считали своим долгом взглянуть на сказочный клей.

Уолт парил в облаках радости, гордыни и винных паров. Он вопил во всю глотку, что от частого посещения подвала ноздри у него ссохлись, язык одеревенел, а вони он вобрал в себя столько, что стоит ему, Уолту Кейджу, еще разок спуститься в подвал, как он станет таким же драгоценным, как и настоящий продукт рвотного дерева, и его, Уолта Кейджа, все будут искать с неиссякаемым рвением.

Он хватал за руку каждого гостя, тащил в подвал и держал там до тех пор, пока несчастный не начинал кричать, что умрет, если его немедленно не выпустят, что так, пожалуй, можно опоздать к вину и мясу, и что совершенно незачем добавлять вони за столом.

Иногда хозяин жалел и отпускал гостя с миром. А иногда захлопывал дверь и орал, что тот останется в подвале до утра стеречь его, Уолта Кейджа, богатство. При этом попавший в западню начинал колотить в дверь и кричать, требуя ради всего святого прекратить шутки и выпустить его, иначе у него сгниют легкие. Когда дверь, наконец отпиралась, гость с разноцветными пятнами на лице, качаясь, вываливался наружу, хватаясь руками за горло, остальные хохотали, совали жертве полные до краев кружки и убеждали чихать и сморкаться, чтобы поскорее освободить нос от аромата сокровища.

Мистер Мерримот прибыл на торжество с сестрой-вдовой и красавицей-дочерью - черноглазой, с яркими губами и высокой грудью, Бесс было разрешено присутствовать на празднике несмотря на поздний час: в конце концов, она уже совсем взрослая девушка.

Джек был рад встрече. К этому времени он уже изрядно отяжелел от вина, обычно он не пил так много. Но сегодня... Алкоголь помогал преодолеть неловкость, которую он испытывал из-за вони, оставшейся даже после очень тщательного мытья.

Вероятно, поэтому он и повел Бесс взглянуть на свою находку: рядом с жемчугом его запах будет не ощутим. Они пошли вдвоем по тенистой аллее; впервые Бесс не сопровождала тетушка.

Мистер Мерримот слегка приподнял брови, глядя вслед уходящей паре, и перевел взгляд на сестру. Джек ведь еще не сделал официального предложения! Но сестра только покачала головой, давая понять, что настало, мол, время, когда девушке надо побыть наедине со своим кавалером. Мистер Мерримот решил довериться женской мудрости. Тем не менее, принимая из рук слуги очередной стаканчик, мистер Мерримот размышлял о том, какой из органов чувств подсказал его сестре, что именно сегодня Джек должен сделать первый шаг к ярму, то есть, - к священным узам брака...

Джек и Бесс осмотрели трепещущий ком. К этому времени Джека уже поташнивало от этого зрелища. Бесс сделала подобающий случаю, жест, свидетельствующий об отвращении и протесте, после чего спросила, сколько может стоить этакая штуковина. Джек ответил и поспешно вывел девушку наверх, в сад.

В этот момент ветер донес с лугов звуки барабанов и рогов, а горизонт к северу от фермы озарили отсветы костров. Джек невнятно пробормотал: "Вот Р-ли и дома".

- Что ты сказал? - спросила Бесс.

- Хочешь поглядеть, как гривастые возвращаются домой? Ну, как их встречают, и все такое?

- Очень хочу, - ответила Бесс, легонько сжав его руку, - я никогда ничего подобного не видела. А гривастые... Они не будут возражать?

- Мы незаметно.

Когда они шли по залитому лунным светом лугу, Джек почувствовал знакомое уже волнение. Из-за вина? Бесс? Того и другого вместе?

Между тем барабаны умолкли, зазвенели струны лир, наполнив чистый воздух полнолуния ласковой музыкой. Трепетно запела свирель. И на этом фоне возник кристально чистый голос. Голос Р-ли. Он звучал все выше, менял оттенки каждое мгновение, был разным на каждом вздохе и все-таки оставался одним и тем же - голосом Р-ли. Голосом сирены, таким же манящим, как и она сама. И таким же опасным. Джек опять слушал песню сирены.

В удивительный оркестр мягко и властно влился рокот струн какого-то, видимо, очень крупного струнного инструмента. Влился - и подчинил себе все остальные, и

повел их за собой. Когда в лунном свете уже затихали последние высокие аккорды, он звучал мощнее и увереннее всех остальных звуков, воспевая величие духа и красоту природы. У слушавших волновались сердца, а на глаза навертывались слезы.

Потом и он замолк.

Потрясенная Бесс сильно сжала ладонь Джека и прошептала:

- Боже, как прекрасно!.. Нет, что бы ни говорили о вийрах, но петь они умеют...

Джек взял девушку за руку и молча повел дальше. Слов у него не было. Да они были бы лишними сейчас.

Потом он мог очень смутно вспомнить, как глядел сквозь просвет в густом кустарнике на праздник у костров. Они видели ритуальные танцы вийров и танцы-импровизации. Джек не сводил глаз с Р-ли. Когда она, танцуя, на несколько мгновений исчезла в кадмусе, а затем опять появилась в проеме входа, Джек успел заметить еще кое -что.

Из сумерек в глубине кадмуса выглядывало чье-то лицо. И хотя дым костров и расстояние мешали хорошенько разглядеть его, Джек был уверен, что видел лицо Полли О'Брайен.

Как только Джек окончательно уверился, что не ошибается, что там, в кадмусе, действительно Полли, он повел Бесс обратно. Ее родня, наверное, уже вовсю беспокоится, почему их нет так долго. Бесс совсем не хотелось уходить. Возбужденная музыкой и непривычными танцами обнаженных вийров, она с неохотой медленно пошла прочь от костров, опираясь на руку Джека и болтая без умолку. Джек почти не слушал девушку; впечатлений было многовато для одного вечера: песня сирены, танцующая Р-ли, Полли О'Брайен в кадмусе гривастых... Голова Джека кружилась, он почти совсем забыл о своей спутнице и даже не сразу понял, что Бесс остановилась и глядит на него из-под опущенных ресниц, приоткрыв губы для поцелуя.

Джек попытался забыть о приключениях последних суток, азартно и радостно целуя послушную и неумелую Бесс; в конце концов, хватит с него раздумий и забот о каких-то чужих женщинах! Какое они имеют отношение к нему и его жизни? Он живет здесь и сейчас. И здесь и

сейчас ему нужна женщина его мира, мира, в котором он живет и который знает. Нужна семья, дом, дети и все такое прочее. Кстати, это наилучший выход из всех затруднений и сомнений последних дней.

Когда они вернулись к гостям, Бесс уже успела пообещать Джеку сменить свою фамилию на его. Правда, было решено пока никому ничего не говорить: вот кончится весенний сев, все станут посвободнее, тогда и можно будет объявлять о помолвке и устраивать праздник по этому случаю. Разумеется, хотя все будет держаться в секрете, Джеку следует побеседовать с мистером Мерримотом хотя бы о том, чтобы им разрешили видеться это время. Такие "прелюдии" к помолвке являются обычным делом. Редкие пары рискуют игнорировать общественное мнение и прервать отношения после официально разрешенных родителями "встречаний". Парню еще куда ни шло, а вот девушке... В таком случае она считается как бы "не совсем" целомудренной и вряд ли сможет найти другого жениха в этой округе. А уезжать куда-нибудь - страшно непрактично...

Словом, тайна Джека и Бесс, собственно, таковой не являлась. И хотя Джек считал всю эту возню глупой и ненужной, но, как и большинство мужчин, предпочитал в подобных вопросах не перечить женщине.

Сразу по возвращении, Бесс украдкой от Джека стала шептать что-то на ухо своей тетушке. Джек заметил устремленные на него заговорнические взгляды обеих и покраснел.

Праздник продолжался почти до рассвета. Джеку удалось проспать меньше двух часов и проснулся он с головной болью, сухостью во рту и отвратительным настроением. С трудом поднявшись, Джек кое-как оделся и побрел на кухню.

Ланк спал на груде шкур оборотней за печью и даже не заворчал, когда Джек легонько пнул его ногой под ребра. Поэтому Кейдж сам принялся разводить огонь, рассудив, что легче приготовить что-либо бодрящее самому, нежели пытаться разбудить пьяного слугу. Он залил крутым кипятком сушеные листья тотума и поставил настаиваться. А до тех пор надо покормить собак.

Вернувшись с псарни, Джек обнаружил пропажу бодрящего напитка, в результате чего Ланк еще раз получил

ногой по ребрам, на этот раз гораздо ощутимее. Впрочем, он только крякнул и повернулся на бок. Рожа спящего раскраснелась и лоснилась от жара печи.

Джек снова лягнул слугу, Ланк сел.

- Ты выпил мой отвар?

- Ну... мне снилось, что я вроде что-то пил...

- Ах, тебе снилось?.. Так пусть тебе приснится, что ты, наконец, поднялся и сделал мне новый! А я-то еще пытался тебе помочь...

Поскольку отец велел разбудить его пораньше, Джек постучался в спальню родителей. Первой, как всегда, проснулась миссис Кейдж и принялась энергично трясти главу семьи до тех пор, пока тот не поднялся с постели.

После легкого завтрака, состоявшего из бифштексов, печенки, яиц, хлеба с маслом и медом, пива и бодрящего отвара, Ланк отправился запрягать единорогов в повозку, а оба Кейджа начали обход фермы.

- Терпеть не могу брать что-нибудь у гривастых, - начал Уолт,- мне это поперек гордости.Но не думаю, чтобы тебе удалось отговорить эту Р-ли от принятого раз решения... Упрямство вийров вошло в пословицу, верно? - он стал насвистывать что-то, потирая переносицу, потом вдруг резко остановился и ухватил сына за плечо.- Скажи мне, Джек, почему эта сирена отказалась от своей доли?

- Не знаю, отец.

Пальцы Уолта еще крепче сжали плечо Джека:

- Ты в этом уверен? Здесь нет ничего... личного?

- О чем это ты?

- Ты не...- Уолт долго подыскивал подходящее слово, - Я хочу сказать, ты не... ну, не сожительствовал с ней?..

- Па, что ты говоришь? Я? С сиреной? Да я не видел ее три года! И один на один с ней был совсем недолго...

Уолт убрал руку с плеча сына:

- Я верю тебе. Я верю тебе, Джек.- он поднес руку к воспаленным глазам. - Мне не следовало даже задавать этот вопрос. Я понял бы даже, если б ты сейчас... ударил меня. Но ты должен меня понять, сынок. Поверь, такие дела случаются гораздо чаще, чем ты думаешь. Да, гораздо чаще... К тому же я знаю, какими они могут быть, сирены. Лет двадцать тому назад... Еще до женитьбы... Сынок... У меня было искушение!..

Джек не осмелился спросить отца, поддался ли он ему.

Немного погодя они остановились поглядеть на нескольких молодых сатиров, только-только начавших обрастать жестким взрослым волосом. Сатиры стояли на четвереньках и крошили почву между пальцами, время от времени прикладывая ухо к земле, как бы прислушиваясь. Пальцы их поочередно барабанили по верхней корке грунта.

С ними был старший - рослый сатир с длинным хвостом, тяжело бившим его по лодыжкам при ходьбе.

- С добрым утром,- дружелюбно приветствовал он хозяина фермы по-английски.

Ни в желтых глазах, ни в открытом лице вийра не было ни малейших признаков сегодняшнего ночного пиршества."Редкий, как головная боль у гривастого" - говорила одна из пословиц.

- Как дела, Слушатель Почвы? - спросил Уолт. Беседа их была уважительной и степенной, как будто разговаривают два старых добрых соседа-фермера. Они обсудили состояние почвы, количество влаги в ней, наметили день начала пахоты; затем перешли к удобрениям, севообороту, хищным животным, приметам сухих и дождливых периодов... Вийр сообщил, что под верхним слоем "слышно" много дождевых червей, рассказал об их новой породе, выведенной в одном из отдаленных кадмусов Кроатании. Уолт высказался о видах на урожай зерновых, признав их "неплохими", и Слушатель Почвы согласился с ним, после чего Уолт с пессимизмом отозвался о набегах ларков, голых лисиц, хвостатых медведей и секстонов. Вийр рассмеялся. Ничего не поделаешь, приходится платить десятину иждивенцам Матери-Природы, если, конечно, налог не станет слишком обременительным. Но в таком случае Охотники просто уменьшат поголовье местных захребетников, верно?

Потом вийр рассказал, что его сыновья, Испытатели грома, ушли в горы, надеясь пощупать пульс погоды. Когда они вернутся, он обязательно обсудит результаты с Уолтом.

Когда они распрощались со Слушателем Почвы, старший Кейдж задумчиво произнес:

- Если б они все были такими, как этот, у нас не было бы никаких хлопот.

Джек хмыкнул что-то себе под нос. Он размышлял о собственном будущем.

Ферма была обширной и разбросанной, а Кейдж - хорошим и внимательным хозяином, поэтому прошло больше двух часов, пока отец и сын добрались до белых матовых конусов жилищ вийров.

С детства Джеку запрещали "ошиваться" вблизи кадмусов. В результате чего Джек проводил почти все свободное время возле них и знал о кадмусах все. Но только снаружи, и его просто распирало от желания узнать, что же происходит внутри. Однажды он почти упросил одного из своих гривастых приятелей по играм пригласить его в гости. Остановил Джека только страх перед последствиями. Он не очень боялся наказания людей, хотя и оно было бы суровым, гораздо больше его пугали рассказы о том, что случалось с теми мальчиками (и не только мальчиками), которые проникали в желанную "святая святых". А подобных рассказов он наслушался вдоволь. Сейчас, в девятнадцать, он, разумеется не верил в эти бабьи сказки. Теперь от проникновения в кадмус его удерживали запреты властей и людские законы.

Лужайка кадмуса, служившая фермой, была, в сущности, небольшим полем, покрытым ковром из зеленой и красной бахромистой травы, настолько выносливой, что не поддавалась постоянному вытаптыванию босыми ногами вийров. По лужайке без всякой системы была разбросана дюжина строений по форме напоминающих десятиметровые клыки, сделанные из чего-то похожего на слоновую кость.

Строения назывались кадмусами в память о Кадме, мифическом основателе земных Фив, герое, якобы засеявшем поле зубами дракона и вырастившим из них воинов. Когда земляне впервые почувствовали себя силой на Дэйре и стали нападать на общины аборигенов, из кадмусов высыпало такое несметное количество гривастых воинов, что пришельцам пришлось отступить, лишившись и оружия, и чести.

Если бы тогда аборигены поступили с землянами так, как те собирались поступить с ними, они могли бы раз и навсегда решить проблему взаимоотношений между людьми и обитателями кадмусов. Ведь пришельцы собирались перебить вийров, захватить их подземные жилища и обратить в рабство оставшихся в живых.

К счастью для землян, им была предоставлена еще одна возможность перемирия - заключить Соглашение. Сто лет прошли спокойно.

Затем потомки Дэйра, желая оправдать имя, данное планете (ведь по-английски "Дэйр" - "дерзкий вызов"),нарушили свое слово и объявили войну туземцам на занимаемой землянами территории. И обнаружили, что вийры вообще не знают границ, и что любой из них, живущий на материке Авалон, готов выступить против чужаков. Численное превосходство гривастых было подавляющим. Война длилась один день.

Подточенное позорным поражением и внутренней смутой, государство землян со столицей в Дальнем рухнуло.

Мятеж смел династию Дэйров. Дальний стал республикой с комитетом граждан во главе. Было заключено новое Соглашение с вийрами, установлена практика предоставления убежища в кадмусах преступникам и беженцам-землянам. Смертная казнь была отменена. Ведьм больше не сжигали.

Часть землян - в основном, католики и социнианцы - недовольная таким оборотом событий, воспользовавшись неразберихой первого послевоенного времени, покинула столицу и отправилась в отдаленные области материка.

Оторванные от людей, социнианцы со временем отказались не только от религии, но и от одежды, домов и даже языка и полностью одичали.

Через тридцать лет после того, как мученик Дионис Харви Четвертый основал государство, носящее его имя, Дионисия была охвачена междоусобной войной. Произошел раскол церкви на Церковь Ожидания и Церковь Целесообразности.

Прагматики победили. Недовольные вновь сочли за лучшее отправиться в дальние края. Под предводительством епископа Гаса Кроатана они собрали пожитки и переселились на большой полуостров, где со временем и создали новое государство.

И выжидающие, и прагматики короновали своих церковных вождей, так называемых капутов в соответствующих столицах. При этом каждый был объявлен главой единственно истинной церкви.

Вийры улыбались и показывали на Дальний, вернее, на государство Дальнее, лидер которого объявил себя единственным истинным наместником Господа на планете Дэйр.

Джек вспоминал историю Дэйра, приближаясь к кадмусам. Остановившись у ближайшего, он прервал воспоминания, чтобы приветствовать О-рега по прозвищу Слепой Король, который курил самокрутку в длинном костяном мундштуке, стоя у входа:

- Приветствую тебя, о Хозяин Дома!

- Удачи тебе, о Нашедший Жемчуг!

Слепой Король был высок, худ и рыжеволос. Он вовсе не был слепым, да и королей в полуанархическом обществе гривастых никогда и в помине не было. Однако он занимал положение, дававшее право на титул, происхождение которого уходило в глубокую древность.

Старший Кейдж попросил разрешения поговорить с Р-ли.

- Вон она,- сказал О-рег, указывая в сторону ручья.

Джек обернулся и замер - так хороша была выходящая из воды сирена. Тихо напевая, она упругой походкой подошла к отцу и поцеловала его. О-рег обнял ее за тонкую талию, а Р-ли склонила голову на его плечо и так разговаривала с Уолтом Кейджем.

Глаза ее то и дело обращались к Джеку, и каждый раз при этом он улыбался. К тому времени, когда раскрасневшийся хозяин фермы устал от попыток уговорить сирену принять свою долю или, по крайней мере объяснить причину отказа, Джек решился тоже вступить в разговор с Р-ли.

Уолт и Слепой Король перешли к обсуждению со вопросов стрижки единорогов, а Джек предложил сирене отойти с ним чуть в сторону. Когда отец уже не мог их услышать, он спросил:

- Р-ли, тогда, в лесу... Ты ведь знала, что это не медведь, да? Почему же ты... Почему ты схватилась за мою руку, будто испугалась? И... повисла на ней? Ты ведь не боялась, ты знала, что это рвотное дерево, верно?

- Верно.

- Тогда почему ты это сделала?

- А ты не догадываешься, Джек Кейдж? - ответила сирена.

V

Кейдж-старший отсрочил перевозку жемчуга в город еще на один день. Частые визиты в погреб сделали хозяина фермы посмешищем для родни и работников. Уолт вел себя так, словно драгоценный серый студень - часть его собственной плоти. Продать его казалось ему равноценным продаже руки или ноги ради денег.

Джек, Тони и Магдален, наименее сдержанные из его детей, за последние дни отпустили в адрес отца такое количество шуток, что он, наконец, понял несуразность своего поведения.

Утром четвертого с появления жемчуга дня двое старших Кейджев, Ланк и Билл Камел все-таки выехали за ворота фермы. Все надели шлемы из медного дерева, покрытого кожей, наборные костяные кирасы и тяжелые боевые рукавицы. Уолт сел на козлы. За ним - Джек и Билл с луками наготове. Ланк восседал на ящике с сокровищем, сжимая в руке копье.

Вопреки опасениям Уолта, они покрыли двенадцать миль до центра округа без особых происшествий. Из лесу не выскакивали разбойники, на драгоценный груз никто не покушался. Небо было ярким и безоблачным. По нему стаями носились слашларки, заполняя все вокруг своими песнями. Время от времени то одна, то другая птица выпускала грозные когти. Однажды какая-то самка пронеслась так низко, что Джек сумел разглядеть крохотный комочек шерсти, прильнувший к животу матери. Детеныш повернул плоскую мордочку и глядел на людей черными глазами-крапинками.

Один раз на поляну спокойной поступью вышел хвостатый медведь. Единороги, и без того нервные, едва не понесли. Уолт с помощью сына едва удержал вожжи, пока огромный зверь, не обратив на них внимания, не скрылся в зарослях.

Они проехали мимо семи ферм. Местность к северу от столицы была довольно безлюдной и вряд ли предполагалось увеличение ее заселенности в ближайшее время: пока что обитатели кадмусов не давали согласия на создание новых поселений, говоря, что это нарушит равновесие в природе.

Миновав ферму Моури, они подъехали к мосту через ручей Сквалюс-Крик. Смотритель Моста высунулся из окна своей башни и помахал рукой. Ланк и Билл помахали ему в ответ. Джек заметил, что отец нахмурился и, чтобы не нарваться на неприятности, не стал приветствовать Смотрителя.

От моста и до того места, где ручей впадает в речку Бигфиш-ривер вийры больше не встречались: обычно они держатся подальше от крупных поселений людей, появляясь в них только при особой необходимости.

С вершины крутого холма стала видна панорама Слашларка. Он раскинулся между высокой горой и рекой. Большинство фасадов были обращены именно к воде. Обычный, ничем не примечательный городишко, состоящий из длинной главной улицы и дюжины пересекающих ее коротеньких улочек. Вдоль центральной, являющейся продолжением шоссе, стояли казенные и торговые здания, таверны и танцевальный зал. Жилые дома без особых претензий расположились на поперечных улицах.

На южной окраине притулился приземистый форт. За его красными бревенчатыми стенами жила сотня солдат.

У причалов сгрудилось множество лодок и небольших судов. Речники суетились, грузя меха, кожу, свежие яйца слашларков, шерсть и ящики с зимними плодами тотума. Свободные от работы разбрелись по тавернам, ссорясь с солдатами-отпускниками и заглядываясь на женщин.

Военная полиция внимательно следила за тем, чтобы дальше взглядов дело не заходило, и никогда не упускала случая (вероятно, со скуки) хватить дубинкой по твердому, как дерево, черепу речника.

Кейджи медленно двигались по запруженной людьми и повозками главной улице. Уолт неожиданно резко натянул вожжи и заорал в сторону перегородившего дорогу пивного фургона, кучер которого вспотел от ругательств и тщетных попыток разнять четверку единорогов, составлявших его упряжку. Своенравные твари лягались, кусались, бодались из-за какой-то неизвестной взаимной обиды. Внезапно мелькнуло копыто, и оглушенный его ударом кучер повалился на спину.

Через некоторое - довольно продолжительное - время, когда незадачливого возницу (одного из огромного количе-

ства жертв непредсказуемого и вздорного характера единорогов) вытащили на тротуар, а упряжку с трудом усмирили и отвели к одной из обочин, Кейджи тронулись дальше. Тут же, прямо перед мордами единорогов, неожиданно выскочил какой-то мальчишка, и нервные твари попытались пуститься вскачь по забитому повозками шоссе.

Джек и Билл успели спрыгнуть с повозки и, повиснув на сбруе, остановили зловредных животных. После этого они повели храпящих и дрожащих единорогов к коновязи перед Палатой Королевы - правительственному зданию Слашларка и округа.

В Палате Королевы агент парфюмерной компании взвесил жемчуг, запер его и выписал чек, не забыв извиниться, что не может выплатить стоимость товара - четыре тысячи фунтов - наличными. Сборщик налогов засвидетельствовал сделку и применил к выписанной сумме "Укус Королевы". Зубы Королевы оказались ужасно острыми, и после "Укуса" осталось только две тысячи фунтов.

Хотя и это было немалым кушем, Джек был возмущен огромностью потери. А его отец закатывал глаза и божился, что налоги его окончательно изведут, что, видимо, лучше всего - продать ферму и переехать в город, чтобы жить на подачки.

Только тогда до Джека дошла истинная причина, почему отец пытался договориться с Р-ли не отказываться от своей доли: она - из вийров, поэтому ей и надо платить налог со своей половины в Палату Королевы. В этот момент кто-то окликнул его. Это был Манто Чаксвилли. Смуглолицый рудоискатель сердечно поздоровался со всеми и пригласил выпить в таверне "Красный Рог". Сообщив, что там собирается все "лучшее общество" Слашларка, он добавил:

- Между прочим, Джек, ваш кузен, Эд Ванг, будет там. Почему-то он сильно хочет с вами повидаться.

У Джека екнуло сердце. Неужели его зовут на сборище "УГ"? Приглашают ли его - или велят - присоединиться?.. Он посмотрел на отца. Тот отвел глаза.

- Я буду там, - сказал Джек, - немного попозже. Сначала мне надо повидаться с Бесс Мерримот.

- Отлично, сынок. Окажешься там - переверни получасовую склянку. Переверни, сын. Как только она закончится, мотай сюда, ладно?

Уолт Кейдж переглянулся с миндальным Чаксвилли, который, кивнув, дал понять, что это его устраивает.

Джек задумчиво побрел прочь. Ланк, похоже, знающий о переездах людей все, сообщил ему, что Чаксвилли впервые появился в Слашларке недели две назад, успел перезнакомиться со всеми, с кем стоит, тратил очень много сил и времени на общественные дела и очень мало - на подготовку к экспедиции в горы.

Насколько Джеку было известно, отец не встречался с Чаксвилли прежде. До того, как Джек ушел охотиться на дракона Уолт довольно долго не ездил в город: стрижка, подготовка к пахоте... Правда, он мог съездить, пока его сын бродил по горным тропам. Как бы это узнать? Жаль, забыл спросить у Ланка... Но как бы то ни было, отец и Чаксвилли определенно знакомы друг с другом.

Мерримоты жили в большом двухэтажном доме на вершине холма у окраины Слашларка. После жилища Лорда Хоу это был, пожалуй, лучший дом в округе. Когда-нибудь, если Джек женится на Бесс, он станет хозяином этого дома, как и ферм Мерримотов, сыроварни Мерримотов, магазина Мерримота и мерримотовского золота в банке. Его женой будет самая красивая женщина на много миль вокруг. Немного найдется в округе Слашларк молодых людей его возраста, которые ему не позавидовали бы.

И все же через час Джек выходил из дома Мерримотов недовольным и сердитым.

Все, вроде, было как обычно. Бесс красивая, веселая и ласковая, сидела у него на коленях и целовала до тех пор, пока не послышались шаги тетушки, которые, как всегда, раздались не вовремя. Потом Бесс принялась - почему-то шепотом - обсуждать подробности предстоящей свадьбы.

Но Джек не ощущал того волнения, которое полагалось бы испытывать. И злился на себя за то, что не может набраться храбрости сказать о своем намерении отправиться в Дальний. Несколько раз он совсем было собирался раскрыть рот, но как только Джек представлял, как потускнеет счастливый блеск в глазах Бесс, предложи он

отстрочить свадьбу на целых четыре года, слова застревали в горле.

Собственно, они не назначали даже точной даты помолвки. Но в Слашларке считалось само собой разумеющимся жениться как можно быстрее и как можно быстрее и тут же обзаводиться детьми. Совершенно невозможно будет убедить Бесс и ее родню подождать сорок восемь месяцев, пока он будет учиться где-то за три тысячи миль от дома. Да и может ли он, Джек, требовать такой жертвы?

Только перед самым уходом ему пришло в голову, что он мог бы взять Бесс с собой. Пожалуй, она даже рада будет поехать далеко-далеко, повидать новые земли и людей, другую жизнь... Настроение Джека улучшилось, но ненадолго - до первой мысли о мистере Мерримоте. Он любит дочь и устроит такой гвалт, что Бесс, конечно, останется дома.

Но ведь это будет означать, что она любит мистера Мерримота сильнее, чем Джека?

А что, если спросить ее прямо сейчас и все выяснить? Да! Он, конечно, спросит. Но... Не сейчас. Попозже, когда у него будет побольше времени, чтобы все хорошенько обдумать, и когда тетушка не будет им мешать. А может, это просто увертки? Джек так и не сумел задать главный вопрос и злился на себя за нерешительность. Он ушел от Мерримотов очень недовольный собой.

К "Красному Рогу" Джек шел скорым шагом: ему срочно нужно было выпить.

Джим Таппан, хозяин таверны, кивнул, когда Джек переступил порог его заведения:

- Там, в задней комнате. - сказал он.

Джек постучал в дверь задней комнаты. Открыл ему Эд Ванг.

Но вместо того, чтобы просто распахнуть дверь и впустить двоюродного брата, Эд только слегка приоткрыл ее и осторожно выглянул наружу. Похоже, он не хотел, чтобы находящиеся в комнате слышали то, что он собирался сказать Джеку. Впрочем, судя по громкому гулу голосов, доносящемуся из-за спины Эда, вряд ли стоило опасаться подслушивания.

- Слушай, Джек, - сдавленно произнес Эд, - не выдавай меня... насчет Вава, ладно? Нет, они знают, что он

мертв. Это я им рассказал... Но... мой рассказ - он не... Он не совсем такой, как можешь рассказать ты... Ты понял меня, Джек? Обещаешь?

- Я вовсе не такой дурак, чтобы сейчас обещать что-либо, - спокойно ответил Джек, - перед тем, как вообще что-то говорить, я посмотрю, как оно все обернется. А теперь - с дороги, братец.

Эд метнул на него отчаянный взгляд. Джек сильнее нажал на дверь. Мгновение у Эда был такой вид, словно он собирается захлопнуть ее и силой не впустить Джека. Но что-то, видимо, заставило его передумать. Он отступил, и Джек, наконец, смог войти.

Около трех десятков человек сидели на грубых скамьях вдоль стен. За большим овальным столом в центре разместилось еще человек двадцать, среди которых был и Уолт Кейдж. Он поднял руку и указал сыну на свободное место рядом с собой.

Разговоры в комнате почти затихли. Почему-то все наблюдали за Джеком. В глазах, скрытых за поднятыми к губам кружками или дымом самокруток и трубок, ничего не удавалось прочесть. Джеку стало не по себе. Неужели они обсуждали его в качестве кандидата в "УГ"? Это что - экзамен? Или... тайное судилище? Впрочем, здесь отец. Да и остальные...

Перечень присутствующих практически полностью совпадал с перечнем самых влиятельных лиц округа Слашларк: Мерримот, Кейдж, Эл Чаксвилли, Джон Моури, шериф Глэйн, лесопромышленник Ковский, доктор Джей Чаттерджи, Лекс Ванг - отец Эда, меховщик Нокенвуд...

Лорд Хоу отсутствовал, но это не удивило Джека: о старике говорили, что он излишне потакает гривастым, живущим на его земле. Ходили неясные, но упорные слухи о его делишках с сиренами в дни молодости.

Зато молодой Джордж Хоу был здесь. Он приветственно поднял каменную чашу и выпил, расплескав пиво по толстым губам и двойному подбородку.

Джек улыбнулся в ответ. Джордж - славный парень и неплохой собутыльник, если не считать единственного недостатка: стоит ли в конце почти каждой пьянки вскакивать на стол, круша посуду, и с пеной у рта орать о своей ненависти к отцу? Хорошо ли после этого обрушиваться, пот-

рясая кулаками, на приятелей, приписывая им разнообразные грехи?

Впрочем, знакомые Джорджа обычно готовы к таким выходкам: надо просто припечатать его к полу и обливать холодной водой, пока не очухается, вот и все. Правда, пару раз приходилось прибегать к ударам по голове и пинкам в живот - вон на лбу два шрама от пивных кружек. Но чего не бывает между друзьями? Все равно Джордж наутро ничего не помнит, а дружба от этого только крепче...

Усевшись рядом с отцом, Джек обнаружил единственного, кто стоял в этой комнате - Манто Чаксвилли. Тот находился между двух сидящих военных из форта - капитана Гомеса и сержанта Амина.

- Джек Кейдж, эта встреча - неофициальная, - произнес щеголь-рудоискатель, - не будет ни свечей, ни надевания масок, ни произнесения торжественных клятв, - красивые губы иронически изогнулись. - так что можете вести себя совершенно свободно: вы не неофит, обязанный выказывать почтение и трепет перед старшими.

Несколько мужчин одарили Джека суровыми взглядами. Чаксвилли продолжал:

- Эд Ванг рассказал нам, что на него напал гривастый по имени Вав, и что он, защищаясь, принужден был убить этого гривастого. Эд Ванг рассказал также, что вскоре вы случайно оказались на месте происшествия. Не угодно ли вам будет описать своими словами, что там произошло?

Джек неторопливо и четко рассказал. Закончив, он взглянул на Эда. У того было точь-в-точь такое выражение лица, как тогда, когда Джек застал его у свежего трупа.

- Так вы говорите, - спросил Чаксвилли, - что у сатира было три раны на спине? Эд Ванг, вы не упомянули об этом.

Эд вскочил:

- Я нанес ему удар, когда он повернулся, чтобы убежать. Он понял, что я сильнее его, и что я убью его за вероломное нападение. Как все гривастые, он оказался трусом...

- Гм. Джек Кейдж, какого роста был Вав?

- Шесть футов два дюйма. И весом больше центнера.

Чаксвилли оглядел низкорослого Эда:

- Я ненавижу вийров, но не могу отрицать очевидного. Я никогда не встречал трусливого сатира и никогда не слышал ни об одном достоверном случае неспровоцированного нападения вийра на человека...

Эд, с искаженным лицом, снова вскочил:

- Сэр, похоже, вы назвали меня лжецом? За такое вызывают на дуэль, сэр!

Чаксвилли остался холоден и спокоен:

- Сядьте, сэр. Когда мне нужно будет, чтобы вы встали, я вас об этом попрошу.

А пока что позвольте мне, джентльмены, напомнить вам о следующем. УГ - не общество для неумных игр. Мы собрались, чтобы пролить кровь. И мы выбрали вас, цвет здешнего округа, чтобы вы, джентльмены, стали ядром местной организации Общества УГ.

Заметьте, джентльмены, я сказал, что вас выбрали. Выбрали, а не пригласили, джентльмены. Я мог бы сказать и иначе, что вас призвали. Думаю, нет необходимости объяснять, какова будет судьба тех, кто захочет уклониться от призыва. К тому же, джентльмены, для всех примкнувших к нам исключен всякий риск. Несмотря на кажущуюся неофициальность, мы являемся организацией военной. Я - ваш командир, джентльмены. Вы обязаны безоговорочно повиноваться моим приказам. В противном случае понесете положенное наказание.

А теперь...- оратор замолк, нахмурился и вдруг рявкнул на продолжавшего стоять Эда:

- Сядьте, сэр!

Эд так напрягся, что голова его мелко тряслась.

- А если я не... - прошипел он.

Чаксвилли кивнул сержанту Амину. В следующее мгновение Эд упал навзничь с разбитым ртом. Сержант, огромный мужчина в военной форме, спокойно опустил увесистую шипастую дубину.

Эд смог подняться только через пару минут. Он сплюнул три раскрошенных зуба. Изо рта его текла кровь, из глаз лились слезы. Оратор невозмутимо продолжил:

- А теперь садитесь, уважаемый господин Ванг. И прошу всех запомнить на будущее: никаких убийств без приказа! Пусть вас не раздражает отсутствие немедленных действий. Наступит день, когда мы будем шагать по колено в крови

гривастых. А если среди присутствующих джентльменов есть кто-то, кто не согласен с нашей программой, он может немедленно обратиться к властям. Для этого не понадобится даже выходить. Шериф Глэйн и капитан Гомес к вашим услугам.

По комнате пробежал неуверенный смешок. Мистер Мерримот поднялся и протянул руку с пивной кружкой в сторону мистера Чаксвилли:

- Мистер Чаксвилли, клянусь, мне по душе такие люди как вы! Я имею в виду - практичные, решительные, твердо стоящие на ногах... А главное, знающие, когда и где нанести удар. За ваше здоровье! И за УГ!

Чаксвилли поднял свою кружку:

- За вас, сэр! - и выпил до дна.

Остальные тоже встали и выпили. Однако никто особо не напрягал голосовые связки для произнесения здравиц. В помещении было тихо.

- А теперь, Эд, не угодно ли вам присоединиться к нашему тосту? - произнес Чаксвилли. - Между нами не должно быть обид. Будем считать, что мы в расчете. Между прочим, когда я создавал организацию в Старом Городе, пришлось убрать одного не в меру ретивого джентльмена, который настаивал на каких-то особых личных счетах с сатирами и на своем праве на кровную месть. Джентльмен видел только то, что у него под носом. А мы должны думать о будущем.

Эд спрятал окровавленный платок, поднял кружку, и немедленно выпил за своего вождя. Сквозь непроглоченное пиво он произнес:

- За вечные муки всем гривастым, сэр!

- Ну вот и прекрасно, Ванг, - сказал Чаксвилли. - Когда-нибудь вы еще поблагодарите меня за этот урок дисциплины и здравого смысла. А теперь, может быть, вы расскажете джентльменам то, что поведали мне перед этой встречей?

Голос Эда, дрожавший в начале рассказа, постепенно наполнялся уверенностью:

- Так вот, джентльмены. Сын мистера Моури, Джош, знает, какие чувства я испытываю - испытывал - к Полли О'Брайен. Джош вчера пришел ко мне и рассказал, что в ту ночь, когда она сбежала, он возвращался домой с фермы Коспито, от Салли Коспито. Было уже поздно, часа

четыре ночи. Впрочем, луна стояла еще высоко. Джош спешил: в округе опять видели оборотней. Перед поворотом к ферме отца он услышал громыхание повозки на мосту через Сквамос-Крик. Джош заинтересовался, кто это разъезжает в такой час. И хорошо сделал, потому что повозкой правил человек в маске, а рядом с ним сидела женщина в капюшоне. А сзади... Сзади, джентльмены, сидели два сатира. Он, разумеется, не мог узнать людей, но одним из сатиров был Вав. В этом Джош уверен.

Джош сказал также, что, хотя лица девушки было почти не видно, он готов присягнуть, что это была Полли О'Брайен. Думаю, понятно, джентльмены, что она попросила убежища в кадмусе на ферме Кейджа. И я полагаю, что...

- Я полагаю, что вам следует сесть, Эд. - оборвал его Чаксвилли. - Мистер Кейдж! Судя по тому как вы отложили в сторону свою трубку, вам, должно быть, хочется что-то сказать.

Уолт поднялся и хрипло произнес:

- Мне ничего не известно о пребывании этой девушки на моей ферме. Позвольте мне...

- Никто вас не подозревает, сэр. - сказал Чаксвилли. - Она могла оказаться в любом из кадмусов. По сути дела, хорошо зная вийров, я несколько удивлен, что ее не спрятали на ферме Вангов. Хотя ваша ферма, мистер Кейдж, является наиболее логически оправданным местом - она ближе всего к горам.

Эд снова поднялся.

- Если это правда, то Полли какой-нибудь темной ночкой увезут в Тракию! Не считаете ли вы, сэр, что прежде, чем это произойдет, стоит сделать набег на кадмусы, вытащить оттуда Полли и сжечь, как ведьму? Это показало бы гривастым, что у них ничего не выйдет из их гнусных затей, убедило бы и обнадежило настоящих людей в том, что есть все-таки кто-то, готовый сражаться за человеческую справедливость и правосудие!

Мы могли бы атаковать кадмусы с гранатами, залить их нефтью и поджечь. Главное - застать гривастых врасплох, спящими, вырезать сатиров, сжечь проклятые кадмусы, добраться до их сокровищ, урожая, плодов, вина и скота...

- Сядьте! - прогремел Чаксвилли, но его перебил отец Джека, тяжело налегая на стол, по которому он яростно стучал кулаком:

- Мистер Чаксвилли! Я протестую, сэр! Если послушаться этого идиота, то это будет не только истребление моих вийров, это разорит меня! Моя ферма будет уничтожена, а я, Уолт Кейдж, и моя семья станем нищими! Кто в темноте отличит имущество вийров от моего?! Кто захочет отличать? И это не все!..

- Прошу вас, сядьте, мистер Кейдж.

Уолт, поколебавшись, сел. Лицо его побагровело, он тяжело дышал и нервно крутил полуседую бороду.

- Одним из результатов УГ-Дня может стать разорение ваших ферм, в этом вы правы, мистер Кейдж; и, пожалуй, самым незначительным. - По комнате прокатился ропот. - Прошу соблюдать тишину, джентльмены. Дайте мне объяснить.

Чаксвилли, не торопясь, развернул и повесил на стену большую карту Авалона. Пользуясь вместо указки кинжалом, он принялся объяснять:

- Каждый из этих крестиков, джентльмены, обозначает группу кадмусов. Кружками обозначены центры расселения людей. Как видите, в окрестностях больших поселков и городов кадмусов немного. Сейчас там соотношение людей и гривастых - двенадцать к десяти в пользу людей.

А вот в сельских местностях гривастых, увы, больше, чем нас. Значит, в УГ-День, если все останется так, как сейчас, у вийров будет превосходство.

Но мы намерены изменить такое положение дел. В назначенный день одновременно с ночным нападением нашего Общества на каждый кадмус из городов хлынут толпы горожан, разгоряченных речами, бесплатным пойлом и возможностью грабежа. Мы позаботимся о том, чтобы они были хорошо вооружены и доведены до бешенства.

Мы принудим правительство поддержать своих граждан. Уже сегодня многие высокопоставленные чиновники входят в Организацию. Да и королева, я уверен, ждет только повода, чтобы разорвать позорное соглашение с вийрами и ввести в дело армию.

Наша организация является международной. Мы даже пошли на союз с еретиками, чтобы сплотить всех людей

этой планеты. Разобравшись с гривастыми, мы уладим проблему отступников.

Вы жаждете немедленных действий, мистер Ванг? Вы получите такую возможность, обещаю вам, сэр. В ближайшее время будет осуществлен рейд, но не против кадмусов. Это будет операция против армейского обоза, направляющегося в здешний форт по дороге мимо Черной скалы. Он везет новое оружие из твердого стекла, много гранат и даже пушку, которая нам очень пригодится в бою.

Кроме того, там ожидается фургон с огнеметами. Они позволят нам выжигать вийров прямо в их жилищах...

Джек задумался. Если бы правительство королевы тайно не готовилось к войне, зачем бы оно посылало сюда оружие, как будто специально предназначенное для штурма кадмусов?..

Между тем Чаксвилли продолжал:

- ... Встречаемся завтра в десять вечера в магазине мистера Мерримота. Там окончательно уточним детали предстоящего рейда. Предупреждаю вас, джентльмены, вам придется сделать кое-что, чему вы вряд ли обрадуетесь, а именно: переодеться сатирами, чтобы у королевы была возможность обвинить в нападении гривастых, а у армии - повод вмешаться.

Чаксвилли сухо засмеялся; многие из присутствующих захихикали, сочтя за лучшее поступать так же, как он.

- Теперь последнее. Вы, мистер Кейдж, опасаетесь, что во время штурма будет разграблено или уничтожено фермерское имущество. Отчасти вы правы в своих опасениях, если учесть присутствие толп городских мародеров. Вы, джентльмены, живете вдалеке от больших городов и, вероятно, просто не можете себе представить, насколько доведены до отчаяния городские низы. Загнанные в свои ветхие и грязные трущобы, где кишат их многочисленные голодные и шумные ублюдки, они ненавидят состоятельных людей не меньше,чем гривастых, а может быть, и сильнее: вийров они практически не знают и винят в своих несчастьях именно наиболее авторитетные слои людского населения.

Вполне вероятно, что в назначенный день чернь не остановится на истреблении вийров и разграблении их имущества, а попытается повернуть оружие против тех,

кто имеет больше, чем городские подонки... Минуту, джентльмены, минуту! - Чаксвилли поднял руку, останавливая протестующие и возмущенные возгласы, - наша Организация создана, чтобы решить разом все стоящие перед людьми проблемы. Разумеется, ее целью является подготовка победы над вийрами, но только одной из целей... Сохранение закона и порядка, борьба с преступной чернью и еретиками - задачи не менее важные. Поэтому в действиях против кадмусов будет участвовать только половина частей регулярной армии; другая же половина останется в резерве, чтобы выступить в качестве сил по умиротворению и установлению твердой дисциплины после окончательного разрешения туземного вопроса. Советую вам, джентльмены, не удивляться ничему, что может произойти в Великий День. Будет много убитых, вероятно, и среди присутствующих. Возможно, пострадают ваши дома, посевы и скот... Что ж! Укрепляйте фермы, запирайте или перегоняйте подальше скотину и готовьтесь к битве... Не стоит впадать в уныние! Ведь нам предстоит раз и навсегда избавить эту планету от наглых и опасных зверей, лишенных бессмертной души. А чего стоит победа, если она не оплачена потерями и не обагрена кровью? Какие будут вопросы ко мне, джентльмены?

Снова поднялся отец Джека. Уперевшись тяжелыми кулаками в стол, он набычился и сдавленно заговорил. По его щекам и бороде обильно стекал пот:

- Такого мы не ожидали, мистер Чаксвилли, совсем не ожидали. Если я правильно понял, предстоит перебить всех гривастых до единого? Мне кажется, это не совсем то, что нужно. Думаю даже, что это совсем не то. Я полагал, что надо перебить сколько-то вийров, чтобы показать уцелевшим, кто здесь хозяева, а потом... Потом погнать этих уцелевших на поля и фермы. Работать! Гривастые должны работать; и без всякой там ерунды с долей продуктов труда!..

- Категорически нет, сэр! - Чаксвилли воткнул свой кинжал в доску стола, как бы подкрепляя жестом свою аргументацию, - Категорически! Никаких колебаний! Гривастые должны быть перебиты все, все до единого! Мы не можем оставлять корни обеих проблем. Куда, скажите, мы денем толпы городской голытьбы? Как мы сможем заселить

ими сельскую местность и выгнать на работу в поля, если гривастые останутся в кадмусах?! Нет! Как только с гривастыми будет покончено, мы начнем планомерное переселение неимущих горожан на пустующие земли. Тогда города избавятся от своего отребья, а страна получит тысячи новых фермеров. Только так, джентльмены!

Уолт даже задохнулся от возмущения.

- Но... Но... Они же понятия не имеют, как надо вести хозяйство! Они загубят почву, сады, скот! Они невежественны, ленивы, грязны и неумелы. Мы не получим от них и сотой доли помощи, которую способны оказать гривастые! А кто нам гарантирует наш процент с урожая в конце года - городские подонки? Да разве можно положиться на их слово?! Нет, они просто потащат нас всех вниз, все ниже и ниже, к своему уровню, на самое дно, это говорю вам я, Уолт Кейдж!.. Мы станем нищими, такими же нищими, как эти скоты в городах!

- Вы ошибаетесь, сэр, - спокойно произнес Чаксвилли, - все будет иначе. Кто вам сказал, что придется делиться с этой грязной братией вашей землей или чем-либо еще? Ваше имущество останется при вас, джентльмены. Переселенцы станут просто вашими батраками. В сущности, это будут просто безгривые вийры; только гораздо менее независимые. Разумеется, сначала у вас будут трудности с тем, чтобы приучить их к дисциплине, привить им любовь к земле и к труду на ней, хотя бы вполовину такую, как у их предшественников. Они будут ошибаться и путать. Возможно, от этого будут страдать ваши урожаи, но только в первое время! Довольно быстро все вернется к нормальному уровню производства.

- Но позвольте, сэр, а что будет в первое время с теми людьми, которые останутся в городах? - спросил мистер Нокенвуд, - Нам и сейчас достаточно сложно прокормить их. Пока все уладится, им придется поголодать, не так ли?

- Не более, чем сейчас, сэр. Вы спросите, почему? Да ведь кормить-то вам придется только половину нынешнего населения! Пошевелите мозгами, джентльмены! До сих пор вы несколько чересчур радужно оценивали свое будущее - вийров уберут, и вы полные хозяева всего здесь, так? Нет, джентльмены, не совсем так. Не приходило ли

вам в голову, что гривастые чувствуют и понимают наши приготовления? Что они будут драться не хуже людей, зная что битва идет за само существование их рода? Что, возможно, они уже создали свое Общество и назначили дату своего Дня? Что этот День может грянуть раньше, чем наш, и тогда гривастые сначала вырежут сельское население - вас и ваши семьи, джентльмены! - а потом двинутся на города?..

Джек поглядел на Чаксвилли даже с некоторым уважительным изумлением. Интересно, чего больше в этом человеке: дерзкого цинизма или острого реалистического ума? Во всяком случае, у остальных присутствующих нет либо того, либо другого, либо и того и другого вместе... Чаксвилли между тем продолжал:

- Должен предупредить вас, джентльмены. Пусть слабонервные укрепятся духом, ибо наши специалисты считают, что в грядущей битве мы потеряем едва ли не половину своих сил.

- Половину?!.

- Да, джентльмены, цена ужасная. Но, хотя мне крайне неприятно говорить об этом, здесь есть своя положительная сторона. Уцелевшим останется больше места; сменится несколько поколений, прежде чем на Авалоне опять возникнет угроза перенаселения, а значит - и мятежа. А сегодня эта угроза, как вы, несомненно, понимаете, доставляет немало хлопот королеве. Впереди у нас кровавое, лихое время. Готовьтесь, джентльмены.

VI

Тони принес Джеку обед. Он нашел брата посреди поля налегающим на рукоятки плуга и изо всех сил клянущим упряжку единорогов:

- Всякий раз, завидев малейшую тень, эти твари пытаются пуститься вскачь! Я здесь с самого рассвета и почти ничего не сделал, если не считать возни с этими проклятыми животными!..

- Привет, Джек! Почему бы тебе не перекусить? Может, тогда почувствуешь себя лучше?

- Разве во мне дело? Я-то чувствую себя прекрасно... Вернее, чувствовал бы, если б не эти чертовы недоумки. Господи, чего бы я только не дал за легендарную лошадь! Говорят, это был лучший друг человека: лежи себе целый день в тенечке, а она сама за тебя все вспашет...

- Джек, а почему бы нам не нанять людей на пахоту? Я слышал, первые здешние поселенцы так и делали.

- Братишка, когда пашешь целину, надо пахать ее глубоко, иначе урожая не видать: зерно очень разборчиво. А чего ради наемный пахарь станет корячиться и глубоко пахать? Это ведь не его земля и не его зерно, верно?

- Верно. А отец говорит, что и зерно у нас не такое, как там, на Земле. Вроде бы его вывели гривастые из какого-то сорняка, но при выведении порода стала такой нежной...

Джек выпряг животных и повел их к ручью поить.

- А знаешь, что наши единороги - это карликовая порода? Когда-то, говорят, существовал гигантский предок нынешних капризных тварей, умный и послушный, как лошадь.

- И куда же он девался?

- Исчез в тот же день, когда Дэйр лишился железа. Бах! Ни железа, ни пахотных единорогов. Почти все живое на планете пропало, во всяком случае, почти все полезные виды.

- И ты в это веришь?

- Шахтеры и рудоискатели находят множество костей животных, которых теперь нет. И остатки больших городов, - как возле Черной скалы, знаешь? - явно погибших от какой-то катастрофы. Должно быть, истории о Страшном Дне - правда...

- Здорово! Отец Джо говорил, это было тысячу лет назад, да я как-то не очень верил. Джек, а как ты думаешь: гривастые и вправду тогда умели летать?

- Не знаю. Но жалко, что когда железо взлетело на воздух, оно не пощадило хороших пахотных животных...

- А когда Святой Дионис обращал дракона, он запряг его в плуг, чтобы вспахать широкую полосу земли... Джек! А почему бы тебе не запрячь дракона?

- Ну еще бы! - Джек ел, поэтому говорил невнятно, - - ты имеешь в виду историю первого Соглашения с вийрами?

- Ну да! Когда наши пришли сюда из Дальнего, а гривастые разрешили им занять столько земли, сколько может обойти человек с плугом от зари до зари, Святой Дионис перехитрил их: запряг христианского дракона и обошел с плугом по границе... Здорово, да? Представляю, какие выражения были на лицах у гривастых в тот вечер!..

- Тони, вряд ли стоит верить всему, что слышишь. Но хотел бы я иметь того дракона... Могу спорить - он-то пахал на нужную глубину!

- Джек, а ты когда-нибудь видел дракона?

- Нет.

- Но если нужно верить только в то, что сам видел, а ни одного дракона тебе никогда на глаза не попадалось, откуда же ты знаешь, что такие звери на самом деле существуют?

- Если драконов не существует, то кто тогда ворует наших единорогов? - Джек посмотрел куда-то поверх головы Тони. - И потом, мне сирена говорила, что она общалась с тем самым, на которого я охотился. Да вот она сама идет. Можешь спросить, если не веришь.

Тони скорчил рожицу:

- Мне, пожалуй, пора.

Джек рассеянно кивнул; его внимание было прикован к приближающейся сирене, к ее легкой упругой походке. Тони ехидно прищурился и побежал к деревьям у края поля.

- Привет, Джек! - поздоровалась Р-ли по-английски. В руках у нее была ваза в форме слезы.

- Привет, Р-ли, - ответил он детской речью.

Сирена заговорщицки улыбнулась, как будто применение Джеком этого языка было чем-то особенным, каким-то тайным знаком:

- Иду за медом. Хочешь со мной?

Джек огляделся. Вокруг никого.

- Пошли. Пахота подождет. Если я сейчас не уйду, то не удержусь и поубиваю этих тварей.

Р-ли стала напевать одну из последних модных песенок - "Запряги дракона в плуг".

- О, это было бы неплохо! Если б я мог...

Он разделся до пояса и стал плескать на себя воду из ручья. Сирена поставила амфору острым концом в ил, вошла в ручей и улеглась в воде.

- Если б ты не стеснялся своего тела, ты мог бы сделать то же самое, - подразнила она Джека.

- Пока я с тобой, мне это тоже кажется нелепым. - Все-таки Джек украдкой еще раз огляделся.

- Странно слышать от тебя такое...

- Да я имею в виду... Ну, вообще-то одежда людям необходима, а вот для вийров... Словом, нет ничего дурного в том, что вы ходите голыми.

- Ну да, мы же животные... У нас нет души или чего-то вроде... Джек, ты помнишь, когда мы были детьми, ты часто убегал к нам на пруд и плавал с нами? Тогда на тебе штанов не было.

- Я был ребенком!

- Верно, но не таким уж невинным, как воображаешь теперь. Мы тогда часто смеялись над тобой - не потому, что ты голый, а потому, что ты казался себе ужасно испорченным и одновременно был в тайном восторге от сознания, что совершаешь грех. Эта тайна была прямо-таки написана у тебя на лице! Представляешь, если бы тебя тогда застукали родители? Славную порку ты бы получил, а?

- Да уж. Но когда мальчишке говорят, что чего-то делать нельзя, он сперва пытается попробовать - почему нельзя. Кроме того, это было так... забавно. И весело.

- Значит, тогда ты так не стыдился своего тела? А теперь стыдишься. Тебя убедили в этом, да? Я еще понимаю, когда ваши женщины наряжаются - у большинства из них куча недостатков, которые надо скрывать...

- Не будь злючкой.

- Ничуть. Я говорю правду.

Джек поднялся, надел шляпу и собрал одежду:

- Прежде, чем мы пойдем за медом, Р-ли, скажи мне вот что. Почему ты отказалась от своей доли жемчуга?

Сирена поднялась и двинулась к нему, плавно ступая в воде. Капли на ее гладкой коже блестели, как маленькие хрустальные вселенные, скатываясь на песок. Р-ли левой рукой подняла тяжелые мокрые волосы и они блестели на

солнце червонным золотом. Ее фиалковые глаза, не отрываясь, глядели в карие глаза Джека. Правая рука вопросительно замерла на полпути к нему. Джек сглотнул и протянул руку ей навстречу.

Она не отпрянула. Подчиняясь нежной, но твердой настойчивости мужской руки, Р-ли оказалась в объятиях Джека.

VII

Неделей позже было совершено нападение на армейский обоз. Боевики Организации с вечера вырядились сатирами. Вряд ли их маскировка одурачила бы кого-нибудь днем, да и в темноте достаточно было лишь слегка приглядеться, чтобы понять что к чему. Впрочем, это никого не беспокоило: армии королевы нужен был повод - она его получит!

Охрана обоза расположилась в таверне "Сплошное стекло". Солдаты пили пиво и резались в кости. Фургоны с оружием цепочкой выстроились на заднем дворе таверны под присмотром ездовых и сержанта, возившихся с упряжками. Сержант даже не обернулся, когда первые участники налета появились из-за сарая.

Справиться с часовыми оказалось делом несложным. Лжесатиры просто окружили изумленных солдат, практически не встретив сопротивления, и заставили их молчать. Таким ли уж неожиданным было нападение? - размышлял Джек, затыкая кляпом рот одному из солдат. Непохоже, чтобы так.

Веселый шум в таверне помешал остальным воинам расслышать скрип осей повозок и храп упряжных единорогов, когда обоз выбирался на дорогу. Выехав, похитители отбросили всякую осторожность и стали шумно погонять запряжки. Только тогда двери таверны распахнулись настежь и из них, спотыкаясь, с криком и руганью, высыпала толпа обозников, все еще с пивными кружками, деньгами и костями в руках.

Джек решил, что военные - никудышные актеры: слишком слабыми и неубедительными были проклятья, и слишком громко звучали среди них взрывы хохота.

На протяжении всего долгого пути обратно он испытывал что угодно, только не отвагу боевого задора. Больше всего было разочарования. И это все? Да ведь ему даже не пришлось вынуть свою шпагу! Еще недавно Джеку так хотелось опробовать ее на ком-нибудь или на чем-нибудь. А теперь на его плечи давил какой-то тяжелый груз, который никак не удавалось сбросить...

Даже во время своих редких свиданий с Р-ли он не мог полностью освободиться от этого гнета. Слишком многое напоминало о словах, сказанных после их первого поцелуя...

Тогда он прижал ее к себе и, прерывая дыхание, повторял, что любит ее, любит, и ему совсем наплевать, что будет, когда об этом узнают, наплевать и все...

- Сейчас ты меня любишь, да. Но мы никогда не будем вместе, Джек, милый.

- Почему, Р-ли?

- Потому что это невозможно. Церковь, государство, родня запретят тебе.

- Я им не позволю. Я... Я люблю тебя, Р-ли!

- Конечно, милый. У нас есть один выход. Только один.

- Какой?

- Пойдем со мной.

- Куда?

- В горы. В Тракию.

- Я не могу этого сделать.

- Почему?

- Оставить своих родных? Разбить сердца родителей? Обмануть девушку, которая мне обещана? Быть отлученным от церкви?.. Я не могу, Р-ли... Не могу!

- Вот видишь... Если бы ты по-настоящему любил меня, ты бы смог.

- Пойми, Р-ли, для тебя все слишком просто. Но... Ты же не человек...

- Если б ты пошел со мной в долину по ту сторону гор, ты приобрел бы не только меня, но гораздо больше. Ты стал бы таким, каким тебе никогда не стать здесь в Дионисии...

- Кем же?

- Цельным человеком. Настоящим человеком, Джек!

- Не понимаю.

- Ты приобрел бы равновесие, единство тела и души. Твое подсознание работало бы рука об руку с сознанием. Ты перестал бы быть похожим на сумасбродного ребенка или расстроенную лиру...

- И все же я никак не пойму, о чем ты...

- Пойдем со мной в долину, где я была три года перед Посвящением. Там ты будешь среди настоящих людей. Пойми, Джек, ты сейчас... не обижайся, ты сейчас какой-то... шероховатый, состоящий из кучи привычек, черт и предрассудков, не сливающихся в единое целое. Иначе говоря, набор чего угодно.

- Просто какое-то пугало! Ну, спасибо...

- Сердись, если хочешь. Я не хочу тебя обидеть или оскорбить, поверь. Ты еще не осознал себя, своих скрытых способностей. Они спрятаны от тебя - тобой и другими. Ты сам с собой играешь в прятки, Джек. Отказываешься увидеть себя таким, какой ты на самом деле.

- Если уж ты такая цельная, почему же ты меня любишь? Такого разрозненного?

- Джек, у тебя столько же возможностей стать сильным и совершенным, как у любого человека или... гривастого. Там, в Тракии, ты сможешь стать таким, каким должен быть. Сегодня любой, кто преодолел барьер страха и ненависти, может легко научиться тому, на что у нас ушли мучительные столетия.

- Бросив все, что имеет?

- Брось все, что стоит бросать. Лучшее сохрани. Но решить, что для тебя лучшее ты не сможешь... Не сможешь, если не пойдешь со мной.

- Я подумаю.

- Джек, милый, решать надо сейчас.

- Это такое искушение. У меня просто голова кружится...

- Идем. Стреножь единорогов и оставь плуг в борозде. Не надо прощаний. Просто уйдем.

- Я... Нет, я не могу! Пойми - это так...

- Не надо извиняться, Джек. Жаль...

После этого разговора он никак не мог отделаться от мысли, что проморгал дорогу к счастью, прямую и ясную. Сперва Джек пытался убедить себя, будто он преодолел

сатанинское искушение, но в конце концов осознал, что ему просто не хватило смелости отказаться от всего ради... Ради Р-ли и счастья.

Но ведь ни один священник никогда не освятил бы их брак! Хотя...

Если они любят друг друга, так ли уж необходимо, чтобы человек в рясе говорил над ними какие-то слова? Видно, эта необходимость глубоко засела в нем, раз он не ушел тогда с любимой... А ведь она сказала - если любишь, идем...

Он не пошел.

Выходит, он не любит ее?

Нет, любит!

Джек трахнул кулаком по борту фургона. Он любит Р-ли! Любит!

- Что, черт тебя побери, ты там устраиваешь? - спросил молодой Хоу. - Решил разнести фургон на кусочки?

- Отвяжись!

- Что-то ты бесишься из-за ерунды, - засмеялся Хоу, - вот, глотни-ка.

- Спасибо. Нет настроения.

- Ну, воля твоя. Твое здоровье! Уффф! Кстати, ты заметил, что Джоша Моури с нами не было?

- Не заметил.

- А мистер Чаксвилли заметил. И закатил скандал, потому что никто не мог сказать ему, где Джош. Не могли или не хотели. Но я-то знаю!..

Джек хмыкнул:

- Джо, мне это совсем неинтересно, поверь. Меня это не касается.

- Неинтересно? Дружище, да ты спятил! Это касается именно тебя! Эд Ванг послал Джоша наблюдать за кадмусами на вашей ферме.

- Зачем?

- Эд решил, что Полли еще там.

Хоу засмеялся, отхлебнул из фляги и принялся нахлестывать упряжку. Когда фургон набрал скорость, Джордж заорал, перекрывая грохот колес:

- Эд упрямый, как молодой единорог! Увидишь - он снова схлестнется с мистером Чаксвилли!

- Чаксвилли прикончит его.

- Возможно. Если Эд раньше не всадит ему нож под ребра. Сейчас он притих, но вряд ли забыл о своих выбитых зубах.

- С кем мы деремся? С гривастыми или друг с другом?

- Разногласия надо устранять до того, как они начинают мешать делу.

- Ты-то на чьей стороне, Джо?

- А мне все равно! Я просто жду, когда начнется большая драка.

Хоу сделал еще один внушительный глоток из фляжки и пристально уставился на Джека. Джеку уже приходилось видеть такое выражение на лице Джо. Обычно оно предшествовало драке. Но Хоу продолжал говорить:

- Хочешь послушать умную вещь, Джек? В День УГ очень много собственности поменяет хозяев. И гривастые, и городские мародеры, и фермеры будут... э... не прочь свести кое-какие счеты. Когда этот день настанет...- он вновь отхлебнул из фляги. - Вероятно, я стану бароном Хоу. Ох, и памятник тогда отгрохаю своему бедному старому папаше, не пережившему кровавой суматохи великого Дня!..

- Не удивительно, - медленно произнес Джек, - что твой отец убежден, будто твоя матушка ощенилась жирным, глупым, подлым и никчемным псом...

- Придержи язык, Кейдж. Став бароном Хоу, я не забуду своих обид той поры, когда меня звали просто Джо. - Он отшвырнул пустую флягу. Вожжи давно ослабли в его руках, и, не подгоняемые никем, единороги едва плелись. - Ты считаешь себя чертовски умным, Джек Кейдж, а меня недоумком, но я докажу тебе обратное, клянусь, докажу! Я врал, когда говорил, будто мне все равно, кто верховодит в Организации. Ха! Я всегда вру. Это помогает запутать людей. Так вот, мне известно кое-что, чего ты не знаешь. И об этом бешеном Ванге, и о большеглазом лакомом кусочке О'Брайен... И о нахальном выскочке - мистере Манто Чаксвилли - тоже...

- Что такого ты можешь про них знать?

Хоу погрозил Джеку пальцем и помотал головой:

- Э-э, нет! Не так быстро! Сначала попроси как следует.

Он запустил руку в карман и извлек вторую фляжку; Джек ухватил его за ворот и притянул к себе:

- Говори, пока не пожалел о своем молчании!

Хоу перехватил флягу за горлышко. Не дожидаясь удара, Джек рубанул ребром ладони по заплывшему жиром бычьему затылку. Хоу без звука свалился назад, вглубь фургона. Джек поднял вожжи и спросил через плечо:

- Как он там? Не умер?

- Пока дышит.

В фургоне засмеялись. Джек почувствовал себя лучше. Обрушив руку на затылок болтливого пьяницы, он дал выход накопившейся ярости. Интересно, на что все-таки намекал этот болтун?..

На протяжении следующих шести миль - от Черной Скалы до Слашларка - животных не жалели. Джек удивлялся, как им удается выдерживать такой аллюр. Того и гляди, сдохнут от изнеможения, не добравшись до города. Стоит ли так загонять упряжку, ведь предстоит еще объезд? Да от Слашларка до фермы Кейджа добрых семь миль!

Чаксвилли велел остановиться в полумиле от города. Тут Джек и другие участники налета обнаружили, что посвящены далеко не во все планы хитроумного полководца: из лесу вышли люди с факелами, выпрягли усталых, покрытых пеной животных и впрягли свежих. Чаксвилли разрешил переодеться в человеческую одежду.

Когда все уже заканчивали приводить себя в порядок, из фургона выполз Хоу. Он потер шею и непонимающе уставился на факелы:

- Что случилось?

- Что случилось? Ты упал и вышиб себе мозги, - ответил кто-то.

- А разве я не разговаривал с тобой, Джек, перед тем, как это произошло?

- Разговаривал.

- И что я говорил?

- Свой обычный бред.

- Ха! - Хоу перестал опасливо коситься на Эда Ванга, стоящего неподалеку. Похоже, к нему вернулось отличное настроение. - Видишь, Эд! Все путем!

- Заткнись! - рявкнул Ванг и скрылся в темноте.

Джек задумчиво смотрел ему вслед. Нехороший какой-то вид у его двоюродного братца... Что-то он опять затевает?

Обоз снова тронулся в путь, огибая Слашларк с запада. Невысокая гряда, заслонявшая город, сменилась плоской равниной. Они выбрались на главное шоссе, ведущее вдоль Бигфиш к месту, где в нее впадает ручей Сквалюс-Крик и дальше, через мост. Не доезжая до моста, остановились.

- Большинство из вас может разойтись по домам, джентльмены. Останутся ездовые и несколько человек, чтобы помочь в разгрузке, они заночуют на ферме мистера Кейджа.

Люди стали не спеша расходиться. Обоз двинулся дальше. Передним фургоном правил Чаксвилли, следующим - Хоу, за ним - Ванг. Остальных ездовых Джек не знал.

Под колесами прогрохотал мост. Люди в тревоге выглядывали из фургонов, ожидая увидеть в окне башни голову разбуженного Смотрителя Моста, но ничто не выдавало присутствия кого-либо из ее обитателей. Многие облегченно вздохнули. И тут на берегу ручья вспыхнул фонарь. Прямо навстречу фургонам шел Аум Эгстоу с удочкой на плече, фонарем и плетеной корзинкой в руках. Людям просто не повезло, что именно этой ночью вийр отправился на рыбалку и именно в это время возвращался с нее.

Джек повернулся к Эгстоу. Фургон Ванга остановился, перегородив дорогу, а сам Эд спрыгнул с козел с босвым дротиком в руке.

Джек вырвал у Хоу вожжи, резко остановил свой фургон и предупреждающе заорал:

- Чаксвилли! Эй, мистер Чаксвилли!.. -

Чаксвилли тоже остановился. Увидев происходящее, он буквально взвыл:

- Ванг, идиот! Немедленно вернитесь на место и поехали!

Эд Ванг тоже издал вопль; но это был вопль ярости! Не сбавляя скорости, он с ходу метнул дротик в сатира.

Эгстоу бросил удочку и фонарь, ничком упал на землю. Дротик прошуршал над ним и исчез в темноте. Вийр мгновенно вскочил и швырнул фонарь в голову Эда. Тот не успел уклониться, продолжая бешеную езду, и фонарь с силой ударил его в лицо. Эд рухнул. Горящее масло из разбитого фонаря растеклось огненной лужей; пламя лизало голову потерявшего сознание Ванга. Эгстоу скрылся среди темных деревьев на обочине.

- Проклятый болван! - ругался подошедший Чаксвилли. - Пусть себе горит!

Тем не менее, он, схватив Эда за ногу, оттащил его от лужи горящего масла и сбил пламя. Ванг с трудом сел, прижимая руку ко рту, и невнятно спросил:

- Что произошло?

- Чертов дурень! За каким дьяволом вам понадобилось кидаться на этого вийра?!

Эд, пошатываясь, поднялся на ноги:

- Я не хотел оставлять свидетеля - гривастого...

- Благодарю! Теперь-то уж одного мы точно имеем! А ведь такого приказа, Ванг, вам никто не давал. Неужели вам нужно выбить все зубы, чтобы вколотить в вашу глупую башку уважение к приказам?

Ванг угрюмо ответил:

- Кажется, проклятому Ауму это почти удалось. - Он убрал руку от лица, обнажив окровавленный рот. Два зуба выпали в ладонь, еще один свободно шатался в гнезде.

- Жаль, что он не убил вас. Мистер Ванг, вы арестованы. Возвращайтесь в фургон. Дальше упряжкой будет править Тюрк. Мистер Нокенвуд, проследите за арестованным. При малейшей попытке делать что-либо неподобающее - прикончите его.

- Слушаюсь, сэр.

В башне хлопнула дверь. Все головы повернулись к дому Смотрителя. Оттуда слышались голоса и звук задвигаемых засовов. Потом в окне второго этажа вспыхнул свет.

- Все! Пока мы тут толпились, Эгстоу добрался домой. Теперь нам его не достать!

Засветились поочередно окна третьего, четвертого и пятого этажей дома-башни. Похоже, Смотритель с факелом взбирался по винтовой лестнице. На шестом свет остался гореть. В свете полной луны был ясно виден какой-то шест, появившийся над крышей.

Джек не мог определить, из чего он сделан, но догадывался, что из дорогой меди: ему приходилось видеть такие над домами и кадмусами вийров. Говорили, будто гривастые применяют их для своих колдовских действ.

У многих защемило сердце: уж очень шест походил на рог демона. Эд Ванг был близок к обмороку. Его выпученные глаза закатились под самый лоб.

- Да, натворили дел, - медленно произнес Чаксвилли, - пора сматываться...

Он обернулся к первому фургону.

Прежде, чем кто-либо успел отреагировать, Ванг схватил увесистый камень и бросился на спину Чаксвилли. Джек только вскрикнул.

Должно быть, реакция смуглого не уступала вийровской: он начал оборачиваться одновременно с криком Джека, а рука уже лежала на рукояти шпаги. Но угодивший в висок камень остановил начатое движение. Командир грозной Организации УГ рухнул лицом вниз. В следующее мгновение эфес его оружия был в ладони Эда, а клинок уперся Джеку в грудь. Джек остановился.

- Это все равно должно было случиться! - прохрипел Эд, - Все равно! Джордж, вяжи его! Таппан, оттащите Чаксвилли в свой фургон, да не забудьте про кляп!

- Что здесь происходит, Эд? - спросил Джек.

- Ничего особенного, братец, - ощерился Ванг окровавленным щербатым ртом, - ничего особенного! Это моя собственная маленькая затея. Нам, у кого кровь помоложе и погорячей, несколько надоела осторожность мистера Чаксвилли. Дело надо начинать здесь и сейчас. Я ведь уже говорил тебе, что никому не позволю встать между мной и Полли О'Брайен, верно? Вот я и нашел с четверть сотни настоящих мужчин для настоящего дела. Ха! Осторожный мистер Чаксвилли думал, что они разошлись по домам? Как бы не так! Они здесь, поблизости, а тут, в фургонах, сколько угодно первоклассного оружия... Сегодня ночью в кадмусах на вашей ферме будет весело, Джек! О да! Очень весело, братец!..

Через минуту действительно послышался топот копыт и стали собираться распущенные по домам мужчины. Эд поприветствовал вернувшихся, сообщил им о происшедшем у моста, затем уселся в передний фургон, и обоз тронулся.

- Чаксвилли никогда не простит вам этого, Эд. Он просто поубивает вас.

- Нет, братец, он этого не сделает! А знаешь, почему? Потому что после славной битвы с пожирателями собак тело нашего храброго предводителя будет найдено среди павших в первых рядах... Да, Джек! Мистер Чаксвилли станет мучеником великой борьбы за истребление гривастых!.. И не надо нервничать и вырываться, Джек. Тебя все

равно не развяжут, пока я не прикажу. Разве что вставят кляп...- Эд разразился хохотом. Он еще смеялся, когда вдалеке над вершинами деревьев вспыхнул яркий цветной шар. - Это ракета Моури! Это сигнал! - заорал Эд. - Должно быть, Полли покидает кадмус!

От ударов кнутов на спинах единорогов выступила кровь. С криками и грохотом кренящихся фургонов обоз стремился в направлении сигнала. Джек не понимал и не чувствовал ничего, кроме толчков, встречного ветра, адского шума да боли от врезавшихся в запястья веревок.

Гонка, показавшаяся ему бесконечной, закончилась, однако, довольно скоро. К моменту, когда в горле у Джека окончательно пересохло, а на натертых кистях выступила кровь, фургоны въехали во двор фермы Кейджа.

Эд спрыгнул с козел и принялся бешено колотить в ворота амбара. Зеб, один из работников, высунулся в окошко, потрясенно округлил глаза и через считанные секунды загремел огромным засовом. Ворота распахнулись, и обоз въехал внутрь. Эд велел Зебу сразу запереть амбар.

Джек, с трудом поднявшись на колени, увидел своего отца, поднимающегося с груды шкур в углу. Красные глаза его говорили о недолгом и беспокойном сне.

Где сейчас мать и сестры? Понятно, им не полагается знать о происходящем, но вряд ли они могут спать под весь этот сумасшедший шум, рев и топот... И как отец объяснил маме, почему он остается ночевать в амбаре? Пожалуй, секретности во всем этом деле оказалось немного; впрочем, какое это имеет значение, раз Эду удалось добиться своего?

Раздался негромкий условный стук в большие ворота. Зеб приоткрыл маленькую калитку в них и впустил Джоша Моури. Обычно смуглый, сейчас он был пепельно-бледен, губы его дрожали.

- Вы видели мою ракету?

- Видели, - нетерпеливо ответил Эд, - и что она значила?

- Клиц, ты знаешь его, ларколов, вернулся сегодня вечером по шоссе с гор. Понимаешь, его не было две недели... И вот, понимаешь, он входит в кадмус, знаешь - второй слева, если лицом к ручью? Вот... А потом, примерно час назад, выходит... А с ним, понимаешь, Р-ли и... И Полли О'Брайен тоже... Они развели костер... Сидели там, разговаривали,

понимаешь, грудинку жарили... У них еще несколько мешков было, таких... Ну, больших, дорожных. Вот... Я смотрю... А ничего не происходит. Ну я, понимаешь, и подумал... Если Полли появляется в такой компании и при таких... ну, обстоятельствах, так это значит только одно. Понимаешь?..- Джош отчаянно закашлялся. - Черт возьми, Эд, неужели нельзя поговорить снаружи? Знаешь ведь - не могу я возле единорогов! У меня от ихнего запаха сразу эта... ну, одышка.

- Ну да, ты хочешь, чтобы весь округ знал, что здесь творится? Сиди, где сидишь. И поменьше подробностей. Ты не книгу пишешь.

Джош состроил обиженную мину:

- А если меня замучает одышка, какой же я, понимаешь, ну... боец? Так вот, я говорю... В общем, она, верно, отправляется в эту... в Тракию. Но тогда, понимаешь, чего она ждет? Там было далеко... в общем, не слышно, чего они там... А ближе я не подползал. Эти гривастые... Ну, ты же знаешь, они человека за милю чуют. Они... Они слышат, как со лба, это... в общем, пот капает. Что, не так?

- Да не тяни ты, зануда!

Джош тяжело вздохнул:

- Проклятые твари!.. Не бесись, Эд. Я с самого начала подобрался как можно ближе, ну, ты знаешь, как я могу... А потом что-то мелькнуло между деревьев. Я как разглядел, что это такое, у меня прямо волосы дыбом встали. Точно тебе говорю, Эд, волосы встали дыбом! Хорошо, что был там... ну, где с самого начала!.. Просто чудо, что в штаны не наложил... Жаль, что ты сам его не видел, понял?

- Да что ж там такое?! - в голосе Ванга появились визгливые ноты.

- Огромный, как дом... Зубы - во! Каждый, как три медвежьих!.. Хвост вот такущий - дерево свалит. И хотя я раньше никогда...

- Джош, ты что, хочешь сдохнуть до срока?

- Эд, там был дракон!

Джош обвел взглядом слушателей, желая убедиться, что его слова произвели должное впечатление.

Эд почувствовал, что еще немного - и от его авторитета вожака ничего не останется.

- Ладно! - заорал он. - Будь там хоть дюжина драконов, мы все равно ударим! Разгружайте фургоны! Кто не знает, как обращаться с новым оружием - там есть наставления! Встряхнитесь, черт возьми, скоро рассвет!

Тут Джек заметил, что Чаксвилли уже пришел в себя и кто-то помог ему выбраться из фургона Таппана. Тем временем Уолт Кейдж направился прямиком к сыну, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Он смотрел только на Джека и в левой руке его была сабля. Борода Уолта промокла от слез.

- Сын, - Кейдж-старший говорил таким необычным тоном, что Джек сразу испугался, - Тони рассказал мне и твоей матери... Он просто не мог... Не мог этого скрывать...

- Чего, отец?

- Он говорит, что видел, как ты, Джек Кейдж... целовал сирену. Эту... Р-ли. И... ты обнимал ее!

- И что же?

- Ты... сознаешься в этом?

Джек не опустил глаз под взглядом отца:

- Да. А что такого? Я этого не стыжусь.

Уолт взревел и взмахнул саблей. Эд перехватил его руку и драгоценное оружие зазвенело по полу. Уолт принялся баюкать вывихнутое запястье, а Эд поспешно нагнулся и поднял саблю.

Только теперь, когда Уолтер Кейдж с быстро распухающей кистью руки остолбенело замер посреди амбара, до него дошло, что его сын и его командир связаны по рукам и ногам.

- Что произошло, мистер Чаксвилли?

Чаксвилли, сумевший избавиться от кляпа, быстро объяснил. Лицо его было черно от запекшейся крови.

Уолт окаменел. Слишком много потрясений сразу навалилось на него. Удары, сыплющиеся со всех сторон, не давали времени решить, на который из них реагировать сначала. Сейчас Уолт был просто растерян и беспомощен.

- Сегодня ночью мы собираемся перебить ваших вийров, мистер Кейдж, - обратился к нему Эд Ванг, многозначительно помахивая саблей, - надеюсь, вы нам поможете?

Святой Дионис, новый удар судьбы!

- Это... бунт, да? - прошептал Уолт, - А почему Джек связан? Встал на сторону Чаксвилли? Или... что?

- О, Джек в порядке, мистер Кейдж, - добродушно произнес Эд. Сталь в его руке произвела на него волшебное действие. - Джек просто на секуну потерял голову. Но теперь... Теперь он мыслит правильно. Не так ли, братец? Конечно, того, что он любился с сиреной, вполне достаточно, чтобы приговорить его и тут же привести приговор в исполнение... Но ведь, в сущности, он просто слегка позабавился, верно, Джек? Сирены же такие аппетитные... Правда, я не уверен, что Бесс Мерримот смогла бы это правильно понять... Я имею в виду - если бы Бесс услышала от кого-нибудь о забавах Джека. Но ведь она не услышит, да, парень? А почему она не услышит? А потому, что мы оба знаем, кого следует сегодня прикончить первым, правильно? Ну, Джек, кого тебе сегодня надо прикончить?..

Джек медленно произнес:

- ...Р-ли?

Эд кивнул:

- Конечно. Ты же у нас умный, Джек. Ты же понимаешь, что это единственный способ искупить свой грех, стереть его с души, смыть с тела? Ты понимаешь, что только так можешь снова стать одним из нас? Я уж не говорю о прощении Церкви...

На обоих пленниках развязали веревки. Даже с поверженным мистером Чаксвилли обращались сравнительно вежливо.

Один из мужчин, разгружавших фургон, спросил:

- Эд, а что мы теперь станем делать? Я имею в виду, со всем этим хозяйством? Ведь никто не умеет с ним обращаться...

- Ну, разумеется, - презрительно бросил Чаксвилли, - никто из вас, паршивых сорвиголов, не умеет! Так куда же вы несетесь сломя голову? Неплохо было бы как следует поучиться обращению с оружием, прежде чем именовать себя грозным воинством? Почему, подумайте, я настаивал на тщательной подготовке Дня УГ? Задайте-ка себе вопрос: какая польза от ружья, которое не умеешь даже зарядить, не говоря уж об умении стрелять, а? Кто из вас умеет обращаться вот с этой стеклянной пушкой, джентльмены? А с огнеметом? То-то же! Безмозглые чурбаны, вы ухитрились потерпеть поражение, даже не начав битву!..

- Черта с два! - вспылил Эд Ванг, - друзья, читайте инструкцию и заряжайте оружие!

Он развил бурную деятельность: выделял расчет канониров к пушке и расчет, чтобы таскать стеклянное чудовище; так в течение часа он муштровал своих вояк.

- Главное, не стрелять, пока не окажетесь так близко, что наверняка не промажете, - поучал Эд, - гривастые сдохнут со страху от одного грохота!..

- Точно так же, как твои воины после первого залпа, - пробормотал Чаксвилли.

Наконец, весь отряд двинулся по шоссе. Впереди - Чаксвилли с Джеком, оба при шпагах, за ними два человека с заряженными пистолетами, наведенными на них.

Казалось, прикосновение к стали полностью преобразило Эда, наполнило его нечеловеческой отвагой. Он то негромко напевал, то принимался расхваливать свое отважное войско, пока не пришлось свернуть с шоссе на лесную тропу, ведущую к кадмусам. Оттуда было уже рукой подать до поля, где высились жилища вийров.

Но на тропе колеса пушки сразу увязли в жирном перегное так, что усилия всех присутствующих - мужчин, привычных к тяжелому труду, - не помогли сдвинуть орудие с места.

Тогда Эд выругался и скомандовал:

- Бросьте ее к дьяволу! Все равно эта штука нам ни к чему!

Пушку оставили на тропе. Удрученные потерей, ослабившей их боевую мощь и своим неумением толком обращаться с огнестрельным оружием, с тревожными мыслями о предстоящей битве двигались через лес воины могущественного Общества УГ. При малейшем хрусте ветки под ногой или стуке оружия раздавались нервные призывы к тишине.

Наконец, между ними и полем осталась только полоса кустарника. У входа в один из кадмусов догорал костер, но никого из гривастых видно не было.

- Огнеметы - вперед! - негромко скомандовал Эд. - Джош, перестань, наконец, сопеть! Слушать всем! Здесь дюжина кадмусов. По моему сигналу огнеметчики дают огонька во входы восьми внешних. На каждый из запасных выходов - по два человека. Приканчивать каждого, кто

попытается выбраться. Я сейчас разделю вас на две группы. Первая, вместе со мной - к входу в правый кадмус, всем видно? Вторая, с Джошем во главе - к левому. Чаксвилли - впереди меня, Джек - впереди Джоша. Мистер Кейдж, с кем хотели бы пойти вы?

Уолт выпучил глаза, помотал головой и хрипло сказал:

- Не знаю. Как скажешь.

- Тогда ступайте за сыном. Может, вам удастся вовремя ухватить его за ворот и не дать перебежать к гривастым.

Прежний Уолтер Кейдж, которого знал Джек всю жизнь, за такие слова немедля вышиб бы из Эда дух. Нынешний же опять помотал головой и произнес:

- Ребята, а надо ли сжигать все добро под землей? Там хватило бы на всех вас, да и мне бы осталось. Это все же моя ферма и мои вийры. Зачем жечь все без толку? Не по-людски это...

- Ради Бога, па!..- почти закричал Джек, - В такое время... Лучше бы подумал о крови, которая прольется сегодня!..

Удар кулака Эда заставил его замолчать. Джек отпрянул назад, ощутив во рту вкус собственной крови.

Уолт часто заморгал, даже не пытаясь понять сына:

- После того... После того, что ты совершил... натворил... О чем ты думаешь?

Через пару минут, крадучись, отряд вступил на лужайку кадмусов.

VIII

Ветра не было. Полная луна ярко освещала окрестности. Единственными звуками были приглушенные ругательства, шорох шагов по траве, да сопение Джоша Моури.

Темные пятна входов в кадмусы казались пустыми. Но Джек явственно представлял глядящие на него из темноты глаза. Глаза - и руки, сжимающие оружие. Может, в его не защищенную грудь сейчас направлена чья-то стрела?..

Эд тихонько шепнул Моури:

- Джош, как ты думаешь, Полли там? Может, она успела уйти, пока мы добирались сюда?

Сверкая белками глаз и тяжело дыша, Джош выговорил:

- Не знаю, Эд. Да и не это меня беспокоит. Я хотел бы, понимаешь, знать - где сейчас тот дракон?

Эд фыркнул:

- Джош, единственный дракон, которого ты видел, мог прятаться только в бутылке!..

- Не говори так, Эд. Я пью только чтоб избавиться от своей проклятой одышки. После выпивки у меня ее не бывает; а сейчас какая, слышишь? Подумай, Эд, где, черт побери, они могут прятать дракона?..

Как будто подслушав его слова, над полем прокатился чудовищный рев. Никто из фермеров никогда не слышал подобного. Чья-то могучая гортань извергала звук, по сравнению с которым рычанье бешеного медведя показалось бы игрой на свирели.

Заговорщики в смятении бросились назад, истошно вопя.

Существо, атаковавшее их из-за деревьев, в холке более чем вдвое превосходило самого рослого мужчину. Оно мчалось на массивных задних конечностях, держа вертикально мощное туловище. Лапы напоминали страшно увеличенные задние ноги собаки, но пять пальцев на каждой были развернуты широким веером, чтобы обеспечивать надежную опору исполинскому телу. Передние, протянутые вперед, трехпалые лапы казались небольшими по сравнению с задними, хотя, на самом деле, каждая из них была в охвате с человеческую талию. В них было зажато по дубинке - стволу молодых деревьев.

Под луной ярко блестели чудовищные зубы. У дракона была тяжелая бронированная голова, отдаленно напоминающая человеческую; по углам рта свисали усы, толщиной с карандаш. Все вместе производило впечатление непобедимой мощи и какого-то звериного изящества.

В ответ на грохочущие над лесом раскаты драконьего рыка, буквально пригинающего к земле растерявшихся людей, с тылу, со стороны ручья донесся ответный клич чудовища. Те, у кого хватило сил и отваги обернуться, увидели второго дракона.

Эд, орущий, словно взбесившийся единорог, сумел привлечь внимание лишь нескольких ближайших к нему людей:

- Огнеметы! Пускайте в дело огнеметы! Пламя отпугнет их! Где огнеметы?!

Но ужас - плохой помощник для неумелых рук; к тому же половина огнеметчиков успела разбежаться, побросав снаряжение.

Кому-то удалось все же поджечь горючую смесь. Косо взметнулась струя яростного пламени, озарила лес и упала... Не на приближающееся чудовище, а на группу залегших людей. Огнеметчик поспешно повернул раструб своего оружия в сторону дракона, но - увы! - слишком поздно для полудюжины своих товарищей. Они катались по земле, пытаясь сбить цепкое пламя, истошно кричали, а затем затихали один за другим. Кто-то попробовал добежать до ручья, но упал мертвым на полпути.

Струи огня заставили чудовище остановиться, но не надолго - оно развернулось и попыталось напасть с другой стороны, так, что огнеметчик не мог причинить ему вреда, не рискуя зажарить своих товарищей.

- Стреляйте из ружей им в брюхо! - скомандовал Эд, - Брюхо у них мягкое!..

Он обеими руками поднял двуствольный кремниевый пистолет и выпалил из обоих стволов.

Выстрел остановил драконов; свирепо рыча, они озирались по сторонам. Но на их бледных утробах не было видно ни одной раны, ни одной струйки крови.

Несколько человек набрались смелости и тоже открыли беспорядочную пальбу из ружей и пистолетов. Четыре или пять дали осечку, но дюжина выстрелов все же прогремела.

Один из людей упал, пораженный в спину пулей своего неумелого товарища.

Просыпая порох и роняя пыжи и пули, перезарядили оружие. Густой дым первого залпа медленно рассеивался.

Оба дракона, невредимые, молча неслись на людей. Они были уже слишком близко, чтобы пытаться остановить их редким ружейным огнем, а огнеметные струи в такой позиции опаснее для людей, чем для чудовищ. К тому же огнеметчик валялся на земле, сраженный дубиной, которую издалека швырнул один из драконов...

Горючая смесь вытекала из брошенного огнемета на землю.

Дракон гигантскими скачками несся мимо Джека, хлеща по сторонам ужасным хвостом. Джек едва спасся от удара, успев упасть и вжаться в почву. В то же мгновение он услышал свист бронированной плоти над собой и хруст костей бежавшего следом человека.

Несколько секунд он пролежал, зарывшись в траву, дрожа всем телом, полностью потеряв способность и желание действовать. Когда он пришел в себя настолько, чтобы приподнять голову и оглянуться, он узнал в бежавшем сзади своего отца. Уолт лежал на спине, на губах его пузырилась кровь, а правая рука была вывернута неестественным, невозможным образом.

Ничего больше Джек разглядеть не успел - теперь дракон двигался прямо на него. Он опять изо всех сил вжался в землю. Гигантская пятипалая ступня сотрясла почву совсем рядом с головой Джека и исчезла: чудовище пронеслось дальше.

Джек перекатился на спину, и вовремя - след в след за первым мчался второй дракон, держа в зубах Джорджа Хоу; тот вопил и извивался. Зверь слегка сжал челюсти, и толстяк затих; во все стороны брызнула кровь. "Как лопнувшая колбаса" - мелькнуло в смятенной голове Джека. Хоу прохрипел что-то и обвис в драконьих зубах.

Первый дракон обернулся и прорычал на детском языке вийров:

- Потешилась, сестренка?

Второй не ответил, сжал челюсти, и изуродованные половины того, что еще недавно было Джорджем Хоу, упали на траву. Мертвая голова оказалась в нескольких дюймах от лица Джека. Глаза были открыты, и Джек, казалось, прочел в них: "Следующий - ты!".

Джек вскочил и помчался, не разбирая дороги, не понимая куда он бежит; его гнала животная потребность хоть что-то делать для своего спасения. Он не осознавал, что ноги несут его к ближайшему кадмусу.

Очутившись у темного провала входа, он нырнул в него головой вперед, как в омут, и только ударившись о гладкий земляной пол, смог подавить инстинкт бегства и выглянуть.

Примеру Джека последовали другие. Теперь они мчались к его убежищу. Впереди несся Эд, яростно топча землю короткими ногами, с саблей в вытянутой руке.

Когда Эд и те, что бежали за ним, толкаясь, вваливались в темноту кадмуса, с земли тяжело поднялся еще один человек и, шатаясь, попытался совершить ту же перебежку. Драконы как раз прекратили свой громовый разговор, раненые затихли, и по полю далеко разнеслось свистящее дыхание Джоша Моуи. Только оно нарушало внезапно обрушившуюся звенящую тишину, особенно жуткую после недавней какофонии боя. В этой тишине хрип в легких Моуи казался громким скрежетом.

Один из драконов в несколько прыжков легко настиг несчастного, взмахнул дубинкой - и, проехав по скользкой от крови траве, замерло обезглавленное тело Джоша...

Больше Джек ничего не видел: толпа оттеснила его в глубину кадмуса.

Голова кружилась, его трясло, но Джек сообразил, что получил крохотное преимущество: он четко видит силуэты людей в лунном свете, а они его видеть не могут. Он может, например, легко отнять у Эда отцовскую саблю - достаточно одного удара по руке...

Через мгновение сабля, не успев упасть, оказалась у Джека.

Эд завопил и попытался наощупь схватить обидчика. Джек отступил глубже в темноту и, подняв саблю, крикнул:

- Оставайся на месте, Эд! Иначе зарублю!

Грянул выстрел. Пуля просвистела у виска Джека, слегка задев мочку уха. Он тут же упал на пол, успев избежать целого залпа. К нему бросились, спотыкаясь и падая. Началась суматошная драка, в которой никто не видел противника. Упавшего топтали, а поднявшийся получал удар вслепую от своего же товарища.

Внезапно дерущихся залил свет, показавшийся очень ярким привыкшим к темноте глазам. Через дыру в стене кадмуса был просунут факел. Все мгновенно забыли о Джеке: рука, вернее, лапа, держащая светильник, была огромной и трехпалой. Лапа дракона!

Положение было безвыходным.

Стены кадмуса прочны, единственный выход - отверстие, через которое они сюда попали. Ход в глубину кадмуса если и существует, то спрятан так искусно, что никаких его признаков не видно. Пользоваться взрывчат-

кой в маленьком помещении - самоубийство, снаружи - дракон. Остается одно - стоять, где стояли.

Что они и сделали.

Огнестрельное оружие было у четверых. Трое лихорадочно перезаряжали, у четвертого кончился порох.

Отвага отчаяния побудила Джека сделать то, что он сделал в следующий миг: выскочить на освещенное место и рубануть саблей по лапе, держащей факел. Он успел встретить взгляд дракона и даже заметить почерневший гнилой клык в его пасти. На земляной пол упал отрубленный когтистый палец с факелом. Джек нагнулся, чтобы подхватить факел, и на его затылок хлынула струя драконьей крови из раны. Страшный рев оглушил пленников кадмуса, многократным эхом отдаваясь в замкнутом пространстве. Джек поднял пылающее полено и швырнул его в нападавших. Коготь отрубленного пальца глубоко вонзился в древесину. Рев за спиной сменился нелепым громовым хныканьем, потом жалобными причитаниями детской речи:

- Мой большой палец, человечек!.. Отдай мой палец!

Джек замер, глядя на стену за спинами сгрудившихся людей.

В прочной коричневой стене открывался проход высотой в рост взрослого мужчины.

Джек не стал пытаться бежать мимо раненого дракона в лес. Вместо этого он рванул сквозь остатки отряда к открывшемуся отверстию, молясь, чтобы люди не успели прийти в себя шока.

Джек успел нырнуть в проход.

За спиной грянул пистолетный выстрел, раздались крики, но он уже свернул за угол - подальше от ножей и пистолетов людей.

И угодил в ловушку.

Проход осторожно, но сильно сдавил его, словно исполинская рука. Что-то мягкое заткнуло рот, мешая дышать.

Джек почти потерял сознание.

Словно сквозь вату услыхал он голос. Голос Р-ли:

- Он умер?

Мужской голос:

- Джек Кейдж?

- Нет. Его отец.

- Он будет жить. Если захочет.

- О, Целитель Душ, неужели нужно всегда говорить словами Посвящения?

- А разве это неправильные слова?

- Правильные, но... очевидные. А Уолт Кейдж, скорее всего, захочет умереть, когда поймет, что он в кадмусе. Он нас ненавидит.

- Это его дело. И его жизнь...

Джек очнулся на мягком возвышении посреди большого круглого помещения. Слабый рассеянный свет лился из жемчужносерых гроздей, гирляндами свисавших с потолка и стен. Джек приподнялся и осторожно тронул ближайшую гроздь, отдернул руку: гроздь оказалась холодной, а он ждал ожога.

Джек повернул голову.

Напротив на мягком ложе лежал его отец, а рядом стояли Р-ли и Полли О'Брайен. Йат, лекарь местных вийров поправлял повязку на руке Уолта, что-то шепча ему на ухо.

- Йат, мой отец очень плох?

- Не мешай ему, Джек, - вмешалась Р-ли, - сейчас ему нельзя ни с кем говорить. Я расскажу. У твоего отца в трех местах сломана правая рука, два ребра справа, очень трудные переломы правой ноги, и, может быть, внутреннее кровоизлияние. Он без сознания. Мы делаем все, что можем.

Джек порылся в карманах. Р-ли протянула ему самокрутку, поднесла огонь.

- Спасибо. А теперь расскажи, что за чертовщина случилась? Последнее, что я помню - вокруг меня смыкались стены...

Р-ли улыбнулась и взяла его за руку:

- Будь у нас раньше время говорить о чем-нибудь, кроме нас самих, ты давно знал бы, что кадмус - живое существо, вроде тотемного дерева: полурастение, полуживотное. Прежде кадмусы были меньше и жили вместе с медведями или мандрагорами - с кем-нибудь, кто добывал для них мясо и траву. Признаков разума у них не было. В обмен на пищу кадмус давал кров и защиту. Если еда переставала поступать, жилец становился врагом и отправлялся в пустую желудочную сумку. Так было прежде.

А потом вийры вывели новую породу кадмусов, больших и почти разумных - для себя. Они дают нам свежий воздух, тепло и свет. В сущности, здесь "семья" из двенадцати кадмусов, рога которых ты видел наверху.

- Они просто большие деревья? И все? А к чему было столько таинственности вокруг кадмусов? Все эти легенды, запреты...

- Это ваши легенды и ваши запреты. Человеческие вожди знают правду. Но им удобнее, чтобы остальные люди считали кадмусы средоточием ужасов и злого колдовства.

Джек пропустил это мимо ушей:

- А как вы управляете этим... полудеревом? Откуда он знает, кто враги, а кто - нет?

- Прежде чем заключить Соглашение, нужно предложить кадмусу определенную пищу, причем через определенное входное отверстие. Потом он должен привыкнуть к твоему запаху, виду и весу. Когда он освоится с новыми хозяевами - или друзьями - все остальные, кого он не знает, для него - враги. Кадмус захватывает таких и держит, пока мы не попросим их выпустить. Или убить.

У Джека накопилась тысяча вопросов: о нападении, о драконах, об Эде, Полли, об отце, о своей дальнейшей судьбе, о...

Он тихо застонал.

По лицу Р-ли пробежала тень беспокойства. Это обрадовало его: Р-ли за него волнуется!

- Ты знаешь, что я был с Эдом и... другими?

Наклонившись, Р-ли поцеловала Джека в губы:

- Я знаю все.

- Откуда?

- Знаю, Джек.

- Надо мне было с самого начала послать их к черту...

- Да? И закончить, как бедняга Вав...

- А когда вы об этом узнали?

- Недавно.

- Так вам было известно об... Организации?

- Конечно.

Йат поднял голову.

- Мы мешаем ему лечить твоего отца, - сказала Р-ли и увела Джека и Полли в соседнюю комнату. Там она несколько раз провела ладонью по стене, и та закрылась.

Джек охотнее остался бы с отцом: здесь были другие вийры, занимавшиеся непонятными делами. Один из них разговаривал с небольшим ящиком, украшенным круглыми стеклышками, и ящик отвечал ему мужским голосом. В следующей комнате за столом восседал О-рег, Слепой Король, отец Р-ли. Они прошли туда.

Слепой Король заговорил сразу:

- Присядь, Джек. Я хотел бы поговорить о твоем будущем, тем более, что это касается и моей дочери.

Джек собрался было спросить, что ему известно о нем и Р-ли, но О-рег сделал знак, чтобы его не перебивали:

- Я понимаю, твой отец будет очень недоволен тем, что попал в кадмус не по своей воле, но мы не могли дать ему умереть, дожидаясь лекаря-человека.

Придется долго ждать, пока он придет в себя и сможет принимать решения. Но вы, - Полли и ты, - вы должны решить свою судьбу сейчас. В Слашларке уже знают о ночном нападении, и весь гарнизон направляется сюда, чтобы окружить ферму. Десять минут назад авангард в фургонах миновал мост через Сквалюс-Крик. За ним следует пехота. Значит, головной отряд будет здесь через полтора часа.

Официально войска посланы, чтобы обезопасить вийров от мятежного населения, но не исключено, что будет попытка нападения на кадмусы. Властям известно, что у нас в плену несколько участников Организации. Возможно, кое-кто опасается, что они начнут говорить и расскажут лишнее. Тогда кое-кто захочет назначить День УГ на сегодня, чтобы освободить пленных или... заставить их молчать.

Будем надеяться, что кое-кто не решится так поступить без приказа из столицы. Сейчас день. Государственные гелиографы работают вовсю. Но отсюда до Санта-Диониса полторы тысячи миль, так что понадобится некоторое время, пока придут нужные кое-кому приказы.

А солдаты будут здесь раньше. Они возбуждены и напуганы. Если они не станут ждать указаний и нарушат Соглашение о неприкосновенности кадмусов, то вам лучше сейчас решить, как вы поступите. Собственно, возможностей только две: либо рискнуть и предстать перед людским судом, либо немедленно уходить в Тракию.

- По правде, вы не оставляете нам выбора,- задумчиво сказал Джек, - первое означает верную гибель в рудниках.

Он смотрел в лицо Слепому Королю, но краем глаза заметил, что Полли пододвинулась к нему. Большие глаза ее полуприкрыты, правая рука - под передником. Что она там прячет? Нож? Что-то слишком много людей за последние сутки пытались его прикончить... Хотя - что он сделал Полли плохого? Надо успокоиться, перестать чувствовать себя дичью...

В комнату вошел сатир и что-то сказал О-регу взрослой речью. Слепой Король поднялся и произнес по-английски:

- Я вернусь через несколько минут.

Когда он вышел, Джек спросил:

- У отца есть шанс выкарабкаться?

- Не могу сказать наверняка, - Р-ли отвечала детской речью, - но Йат очень хороший целитель. Пожалуй, один из лучших в своем сословии.

В другое время Джек удивился бы: он и не подозревал, что у вийров есть какое-то сословное деление. Профессии, ремесла - да, но слово, которое употребила Р-ли по-английски, не значит ни того, ни другого. Там была такая частица, которая...

Но сейчас не до языкознания и общественного устройства гривастых.

- Что с отцом?

- Йат уже срастил поломанные кости, - объяснила сирена. - Если б не потрясение и возможное внутреннее кровоизлияние, Уолт мог бы уже ходить.

Полли изумленно воскликнула:

- Колдовство!

- Никакого колдовства. Просто знание природы. Йат вправил кости и впрыснул клей. Сейчас кости мистера Кейджа прочнее, чем до перелома. Ну, и еще лекарства от потрясения, от шока... Твой отец, Джек, сейчас в состоянии "кипума". Это когда он полностью открыт для внушения; нужно убедить его организм собраться и привести себя в порядок...

Никакого колдовства! Если б Йат объяснил способы распознавания болезней, и их лечения, секреты составления лекарств и внушения - любой мог бы лечить не хуже, чем сам Йат. Но все это составляет тайны сословия и

не должно выходить за его рамки. Целитель никогда не станет Королем, но и Король не умеет того, что может Целитель...

В комнату вернулся О-рег:

- Чаксвилли удалось ускользнуть от Мар-Кук и Ниананн, наших друзей-драконов. Он встретился с авангардом и сейчас вместе с солдатами движется сюда. Через несколько минут мы узнаем, чего он хочет. - Слепой Король задумался, - Думаю, он потребует твоей выдачи, Джек. Твоей и всех людей, находящихся в кадмусе: Полли, твоего отца, Эда Ванга и его приятелей...

Р-ли тревожно поглядела на Джека:

- Ты понимаешь, что это значит? Вас всех приговорят, всех, не разбираясь, как и почему вы сюда попали! Ты знаешь человеческие законы: вошел в кадмус - преступник. Приговор обеспечен! Выбор только между костром и рудниками!..

- Спасибо, я знаю, - криво усмехнулся Джек, - в каком-то смысле забавна судьба Эда: его-то привела сюда ненависть к гривастым и их друзьям. А теперь его...

- Эд Ванг вовсе не считает свое положение забавным - сказал О-рег, - я рассказал ему, что его ждет, и он едва не лишился чувств от бессильного гнева. И еще, мне кажется, - от страха. Когда я уходил от него, он изрыгал непристойности и угрозы. Я думаю, он просто гнусный подлец...

- Ну, и как ты намерен поступить? - спросила Р-ли.

- А что будет, если мы с отцом останемся здесь? То есть не то, чтобы я очень хотел остаться... Всю жизнь просидеть под землей...

- Да и нам вовсе не нравится сидеть взаперти у себя дома, - сказал О-рег,- ты же знаешь, как мы, вийры, любим просторы лесов, наши поля и горы... Конечно, мы собираемся в кадмусах по делу или для обороны, но остаться здесь надолго...

Однако сейчас нам не приходится выбирать. Знаешь, что происходит снаружи? Ваше правительство заключило союз с Кроатанией и Дальним против вийров. Они собираются вести войну до нашего полного истребления.

Мы только недавно узнали об этом, поэтому еще не решили, что делать. Мы готовы на любые уступки ради

мира, кроме отказа от своей независимости и своего образа жизни. Но три правительства не хотят с нами даже разговаривать. Они собираются решить "проблему вийров" раз и навсегда. Значит...

- Но если вам все равно придется сражаться, почему вы не наносите удар первыми? - перебил Джек, - надо же быть реалистами!..

- Мы готовы к борьбе, - сказала Р-ли, - и прибегнем в ней ко всей мощи Байбан, нашей Матери!

Джек не понял, что она имеет в виду. Для него Байбан была ложным божеством, отвратительным демоном, ненавистным для истинно верующего. Ходили слухи, что гривастые приносят ей в жертву своих детей, но он в это не верил: слишком уж ненавидят вийры кровопролитие. У них есть другие недостатки, но детские жертвоприношения? - Нет, это уж слишком!..

О-рег печально улыбнулся и сказал:

- Конечно, Организация УГ была неофициальной, но уж чересчур много было в ней правительственных агентов и военных на руководящих постах! Да, Джек, еще новость: столица Дионисии в огне.

- Как в огне?

- Там огромный пожар. Начался он в трущобах, потом ветер разнес огонь. Сейчас он уже угрожает богатым кварталам. Погорельцы из трущоб покидают Санта-Дионис и захватывают окрестные сельские местности. Похоже, у правительства на уме не только война с нами...

- Но кто же поджигатели? - спросила Полли.

О-рег пожал плечами:

- Какая разница? Трущобы давно стали пороховой бочкой. Сегодня она взорвалась. Рано или поздно это должно было произойти. Но я не сомневаюсь, что обвинят в поджоге именно гривастых.

Джек думал о том, откуда у Слепого Короля такие новости. Потом вспомнил говорящий ящик. За полторы тысячи миль?!

- Еще несколько минут, и вы не сможете выйти,- напомнил О-рег, - солдаты уже близко.

Вошел сатир и сказал несколько фраз на взрослом языке. Слепой Король перевел:

- Эд Ванг и его сообщники вышли из кадмуса. Похоже, они собираются скрыться в Тракии.

Р-ли положила руку на плечо Джека:

- Ты не можешь сдаться! Это самоубийство! Тебя казнят, Джек!..

- Твой отец, скорее всего, выздоровеет. И притом быстро. Но ему придется пролежать еще день-другой.

- Я не брошу отца! - Джек оглядел присутствующих. На щеках его перекатывались желваки.

- Ну, а ты, Полли О'Брайен? - спросил О-рег.

Лицо девушки побледнело, ввалившиеся глаза беспокойно бегали. Она поглядела на Джека, на вийров, опять на Джека...

- Решай сама, Полли, - сказал Джек, - мне надо присмотреть за отцом.

Он вышел в длинный овальный коридор, в котором едва смогли бы разминуться два человека. Стены коридора были гладкими, зеленовато-серыми, блестящими. Свет - сумрачный, никаких звуков, кроме шагов Джека по прохладному полу слышно не было. Примерно через каждые восемнадцать футов видны были полосы, обозначающие вход.

Один из них оказался приоткрыт. За входом было просторное помещение, с оранжевыми, в прожилках, стенами, освещенное значительно ярче остальных. Помещение было завалено разнообразными мехами. Единственная мебель - низкий круглый стол, за которым можно только либо лежать, либо сидеть на полу.

Противоположный вход был открыт полностью. Там Джек мельком увидел девочку-гривастую лет пяти, снизу вверх глядящую на сирену, скорее всего, ее мать. Сирена заметила Джека, но ее реакция оказалась совершенно неожиданной для него: он ждал удивления, смущения, но не ужаса!.. Она просто задохнулась от внезапного испуга.

Джек поспешно прошел дальше. Неужели вийры, всегда такие доброжелательные или хотя бы вежливые с людьми, на самом деле прятали под этой доброжелательностью страх?..

Он вошел в комнату отца. Йат все еще сидел на корточках рядом с ложем и что-то шептал на ухо Уолту. Кожа раненого порозовела, на губах появилось подобие улыбки, хотя сознание еще не вернулось к нему.

Йат обернулся, узнал Джека:

- Он должен какое-то время поспать, потом сможет поесть и немного походить.

- А когда он сможет совсем уйти отсюда?
- Часов через десять, не раньше.
- Насколько же он к тому времени окрепнет?

Йат пожал плечами:

- Это зависит от него. Ваш отец достаточно крепок. Думаю, ему будет по силам пройти, не торопясь, несколько миль. Но до Тракии, если вы об этом подумываете, ему не дойти. Нужно несколько дней, чтобы он смог набраться сил. Дорога через горы нелегка.
- А можно с ним поговорить?
- Несколько позже. Но к тому времени все вокруг будет кишеть солдатами. Так что вам, мой мальчик, не стоит ждать советов отца. Выбор придется делать самому. И как можно быстрее.

Из коридора донесся знакомый голос:

- Джек!..

Узнав Полли, Джек вышел к ней. Девушка протянула ему какой-то неровный цилиндрический предмет, завернутый в когда-то белую тряпку и покрытый кровью с одной стороны:

- Палец драконихи, - сказала она. - Р-ли хотела его выбросить, но я не дала. Она смеется, но я принесла его тебе...
- Зачем?
- Ты что, совсем глупый? Мар-Кук чуть не сломала этому кадмусу рог, пытаясь вернуть свой палец! Это ей не удалось, но она клянется, что убьет тебя при первой возможности и вернет свой драгоценный палец. Она откуда-то знает, как тебя зовут. Наверное, гривастые подсказали, когда она громила и грабила наши фермы. Она говорит, что искромсает тебя при встрече, если ты не...
- Если я...
- Если ты не будешь иметь при себе частицу ее тела. Моя мать была аптекарша, и знала больше, чем следовало, разных вийровских тайн. И с костями драконов она имела дело. Они бешено дорого стоят. Считается, что перетертые и размешанные в вине, они лечат сердце. И еще... говорят... словом, это средство для... ну, в общем, для... Оно... ну, для постели...

А еще мать рассказывала, что драконы страшно суеверны. Они верят, что тот, кто владеет частицей их тела, мо-

жет получить власть над ними. Мар-Кук, конечно, надеется, что ты не знаешь всего этого и хочет расправиться с тобой раньше, чем тебе кто-нибудь расскажет. Знаешь, она боится, что после смерти в драконьем загробном мире она окажется неполноценным духом без этого пальца...

Джек оглядел драконий палец и с трудом затолкал его в карман куртки:

- Вряд ли он мне понадобится здесь, в кадмусе. А уходить я не собираюсь.

- Но, Джек, мы должны поскорее уйти отсюда! Убежать со всех ног! Скоро солдаты начнут подкоп, чтобы добраться до нас, можешь не сомневаться! Они всех поубивают, Джек!

- Я не могу оставить отца.

- Отца? Или эту сирену? Как ты можешь, Джек... Как ты можешь любить ее? Неужели все, что говорят о сиренах - правда? Неужели они и впрямь умеют привораживать мужчин?..

Джек вспыхнул:

- Она ушла бы со мной, если б я попросил об этом. Ушла бы даже без моей просьбы. Но я не могу оставить отца, а он не может уйти отсюда.

- Это бессмысленно, Джек. Ты губишь и отца и себя. Я ухожу, ухожу сейчас же, слышишь?

Подошел высокий рыжеволосый сатир с кожаной дорожной сумкой:

- Нам пора, Полли. Солдаты уже близко.

- Еще не поздно передумать, Джек, - сказала Полли О'Брайен. - Решайся! Сифлай проведет нас через горы.- Джек покачал головой. - Ну и дурак! Что ж, прощай, Джек Кейдж...

Он проводил обоих взглядом, пока они не скрылись за поворотом, потом вернулся к отцу. Вскоре появились Р-ли и Слепой Король.

- Только что солдаты закончили окружение кадмусов,- сообщил О-рег. - Чаксвилли и капитан Гомес требуют выдачи всех людей. Я поднимаюсь наверх, на переговоры.

Он поцеловал Р-ли и вышел.

- Вы прощаетесь так, как будто не надеетесь больше увидеться,- полувопросительно произнес Джек.

- Мы всегда так прощаемся, даже если расстаемся всего на несколько минут. Кто может знать? В этом мире разлучиться навеки можно в любой миг... А сейчас нам всем действительно грозит опасность. Очень серьезная опасность.

- Пожалуй, нам с отцом стоит сдаться самим. Какой смысл в том, чтобы из-за нас двоих вырезали все кадмусы?

- Пожалуйста, не говори так больше, Джек. Да и выбора у нас нет: эти таррта (на детском языке вийров это означает "позже прибывшие") жаждут нашей крови не меньше, чем вашей. Тебе их не остановить - они пришли убивать.

Джек принялся расхаживать от стены к стене. Р-ли, негромко напевая, достала гребень. Ее самообладание сейчас раздражало Джека:

- Неужели у вас нет сердца? Как вам, вийрам, удается быть такими спокойными?

Р-ли улыбнулась ему:

- Потому что сейчас нужно спокойствие. Что толку от слез и страхов? - Не стоит растрачивать себя понапрасну. Если бы сейчас я могла что-нибудь сделать, я делала бы это "что-нибудь". Но делать-то пока нечего! Вот я и отодвигаю в сторону свои заботы и тревоги. Они никуда не уходят, они есть, но стоит ли возиться с этим именно сейчас? - Джек непонимающе глядел на Р-ли, - Если бы ты согласился пройти Посвящение, ты вел бы себя так же, как, например, я или мой отец. И был бы счастливее от этого, поверь.

Вошла незнакомая сирена:

- Джек Кейдж, О-рег просит, чтобы ты показался Чаксвилли и капитану Гомесу. Они утверждают, что ты убит, и угрожают напасть на кадмусы, если не увидят тебя. О-рег говорит, что ты можешь отказаться. Это просто его просьба.

- А что Полли? Они знают, что Полли О'Брайен была здесь. Что с ней?

- Они хотят, чтобы она тоже вышла. Солдаты пришли слишком быстро, Полли О'Брайен не успела выбраться. Она здесь.

- Р-ли поднялась:

- Я выйду с тобой, Джек.

- Вряд ли это разумно, милая. Возможно, это просто ловушка для меня и Полли, тебе незачем в нее попадать. Солдаты могут перебить всех вышедших...

- Джек, я иду с тобой.

Уже выходя, Джек спросил у посланницы О-рега:

- Что говорят насчет моего отца?

- Гомес хочет видеть и его. О-рег объяснил, что мистер Кейдж тяжело ранен и не может ходить. Тогда Гомес сказал, что сын мистера Кейджа должен подтвердить, что мистеру Кейджу ничего не угрожает.

- Я чувствую западню,- задумчиво проговорил Джек. - с чего бы им так за нас волноваться? Мы попросили убежища в кадмусах, и, по Соглашению, законы Дионисии на нас не распространяются. Почему их так интересует наша судьба?

- Не думаю, что военных волнует ваше здоровье, - на ходу ответила Р-ли, - им нужен повод, чтобы напасть на кадмусы. Отец там, наверху, пытается умиротворить их, хотя это вряд ли возможно. Но не ценой ваших жизней и не ценой вероломства. Мы не так уж беспомощны: у Слепого Короля полсотни воинов, и если солдаты попытаются схватить вас или начать атаку, они увидят, что вийры - вовсе не беспомощные щенки!

Солнце взошло около часа назад и на лугу перед кадмусом было совсем светло. У входа стоял О-рег и группа вооруженных сатиров. Полли О'Брайен держалась в нескольких шагах позади Слепого Короля.

Переговоры с О-регом вели два человека. Один - командир гарнизона капитан Гомес, коренастый, широколицый, с густыми светлыми усами. Он был в полном боевом снаряжении: кожаный шлем, кожаная кираса и длинная юбка форменного образца, ножны и кобура на поясе, в руке - стеклянная шпага.

Вторым был Чаксвилли.

Позади них в отдалении стояли несколько сотен солдат гарнизона и десятков пять вооруженных фермеров. У большинства - копья и луки, но кое-где и огнестрельное оружие.

- Джек Кейдж, тебя держат там против твоей воли, не так ли? - зычно, как на плацу, обратился к нему капитан. - Жив ли сейчас твой отец? Отвечай смело, Джек Кейдж!

Джек набрал в грудь воздуха для ответа и... Слова застряли у него в горле. Только сейчас он понял! Он, Джек Кейдж, - предатель. Он предал людей, которые сейчас глядят на него - а это его соседи и представители властей его страны, его родины.

Он предал их всех.

Он перешел на сторону чужого племени, на сторону врагов всего человеческого рода, существ, у которых нет души, которые отвергают его Бога.

Он должен быть отлучен от церкви, предан анафеме и сожжен на костре! Имя его станет ругательством - именем предателя... Джек молчал. Р-ли легонько дотронулась до его плеча:

- Я понимаю тебя, Джек. Трудно вдруг потерять все... Всю прежнюю жизнь. Делай, как знаешь, Джек. Я тебя пойму.

Позже он будет часто задумываться - сделала сирена это сознательно, чтобы добиться от него нужных слов и действий, или то было движение ее сердца? Касание руки и всего несколько негромких слов... Как она нашла струны, пробудившие в нем гордость и любовь сразу?

Но в тот момент...

В тот момент Джек Кейдж обнял сирену Р-ли за талию, притянул к себе, и они вместе обернулись к Чаксвилли, Гомесу и вооруженным людям на противоположном краю луга.

Поцелуй юноши и сирены был долгим и горячим.

Вооруженная людская толпа загудела.

- Ублюдок! Скотоложец! - проорал Гомес.

Слепой Король тоже был потрясен. Он подошел вплотную к Джеку и, едва сдерживаясь, произнес:

- Джек, ты сошел с ума! Сейчас здесь начнется побоище! Тебе не терпится быть убитым? - он слегка отступил назад и уже спокойнее закончил: - Впрочем, сделанного не воротишь. У тебя нет пути назад, Джек Кейдж. И у всех нас - тоже...

- Я люблю тебя, Джек, - сказала Р-ли.

Ошеломленный, но счастливый и гордый собой, Джек молчал.

Голос Слепого Короля перекрыл все другие звуки:

- Вот вам ответ! Джек Кейдж добровольно пришел сюда и желает остаться здесь! Что касается его отца, то мистер Кейдж сможет покинуть кадмус, как только будет в состоянии ходить. Если, конечно, мистер Кейдж пожелает вернуться к вам!

Неожиданно О-регу ответил крик Чаксвилли:

- Колдовство! Это колдовство! Вы околдовали парня, чтобы сгубить его бессмертную душу! Ни за что не поверю, чтобы Джек Кейдж в здравом уме и твердой памяти смог сделать такое! Никто из людей этому не поверит! Мы требуем, чтобы наши лекари и священники получили возможность осмотреть Джека Кейджа! И Уолтера Кейджа тоже!..

Слепой Король усмехнулся:

- А когда вы убедитесь, что Джек Кейдж в здравом рассудке, вы отпустите его обратно, не так ли? Вы можете это пообещать?

- Разумеется! Я готов поклясться на Библии, что так и будет!

- Благодарю! Когда наши отцы повстречались с вашими отцами, то очень быстро узнали цену человеческим клятвам. В том числе - и клятвам на Библии! Теперь вы хотите доказать нам, что цена клятвы не изменилась, не так ли, мистер Чаксвилли?

Все это время капитан Гомес молчал, задумчиво пощипывая усы: он искал решение. Но Чаксвилли, не дожидаясь конца раздумий командира гарнизона, скомандовал солдатам:

- Вперед! Хватайте колдунов и богохульников!

Часть солдат неуверенно двинулась вперед, расстроив ряды. Но тут взревел Гомес:

- Отставить! Здесь командую я!..

- Похоже, переговоры зашли в тупик, - уже по-другому задумчиво сказал Джек Слепому Королю, - не лучше ли уйти в кадмусы, пока не поздно? И поскорее! Потому что поздно уже сейчас!..

- Ты прав, Джек, - сказал отец Р-ли. - Ты и Полли О'Брайен уходите первыми. Р-ли, ты идешь с Джеком. Мы прикроем вас...

- Только попробуйте! - заверещал Чаксвилли. Он выдернул шпагу и стал в позицию перед Джеком. Джек приготовился к бою: ему ли сегодня бояться смуглого?!

IX

Прошло трое суток. Джек продолжал отказываться от мяса, которое ему по три раза в день предлагала Р-ли. Он питался плодами тотумных деревьев и все настойчивее искал дичь: голую лисицу, горного единорога или дикого гоготуна. Несколько раз они попадались Джеку на глаза, но быстро удирали. С каждым днем он слабел все больше, ноги подкашивались, а живот вздулся от кислых плодов.

На третий вечер, сидя на корточках у костра, Джек взял ломтик мяса. Выражение лица Р-ли не изменилось. Полли улыбнулась было, но, наткнувшись на взгляд Джека, сочла за лучшее промолчать. Голод юноши был так силен, что, казалось, Джек никогда не ел ничего вкуснее этого мяса. Однако его желудок немедленно возразил, и Джек бросился в кусты. Его стошнило.

Ночью он поднялся и развернул нижнюю юбку Полли, в которую был завернут остаток мяса. Джек съел его и некоторое время опять боролся со своим желудком, но на этот раз одержал победу.

В ту ночь ему снились плохие сны, проснулся он злым, во рту и на душе было мерзко. Но когда в этот же день Полли убила еще одну собаку, суку, Джек ел уже с аппетитом.

- Теперь ты настоящий мужчина, - сказала Полли. - По крайней мере, более настоящий.

На следующий день ему повезло на охоте. Он заколол самку единорога, когда она шла по лесной тропе с двумя ягнятами. Он находился по ветру от неё, а она, должно быть, спешила куда-то. Казалось, у самки не было присущей диким животным осторожности. Джек ударил её копьём в бок, и она повернулась с такой силой, что древко вырвалось из его рук. Тогда он прыгнул на спину самки и стал наносить удары ножом, пока она не повалилась наземь, всей своей тяжестью придавив ногу Джека. Кость осталась цела, но несколько дней после этого Джек прихрамывал.

Кроме мяса, им пригодились и сухожилия. Из них изготовили тетиву для лука. Острый рог зверя Джек отделил от черепа и прикрепил к длинной ровной ветке. Получилось хорошее копье. Несколько дней они потратили

на изготовление стрел и наконечников к ним, луков и колчанов. Всё это время Р-ли нетерпеливо ожидала окончания их работы. Она спешила снова тронуться в путь, но не спорила. Оружие было необходимо.

Мясо разрезали на куски и прокоптили. При этом, разумеется, было много дыма и запаха. Запах привлекал хищников. Два раза к их лагерю подходили хвостатые медведи. В них пришлось выпустить несколько драгоценных стрел. Стрелы попали в цель, но животных не убили. Медведи убежали.

Более опасными были дикие собаки. Они появлялись стаями от шести до двадцати особей, рассаживаясь на недоступном для луков расстоянии, и бросали голодные взгляды на мясо, свисавшее с ветвей, и на людей. Джек подходил к ним ближе. Часть собак начинала пятиться, остальные пытались зайти сзади, чтобы окружить его. Тогда Р -ли и Полли начинали стрелять из луков в ближайших псов. Остальные собаки разрывали раненых на куски и пожирали. Через некоторое время все повторялось снова.

- Надеюсь, они не застанут нас врасплох, - говорила Р-ли. - Они очень быстрые и очень умные.

- Насколько я понимаю, они - ничто в сравнении с мандрагорами и оборотнями, - сказала Полли. - Те наполовину люди, и гораздо умнее собак.

- Не говоря уже о драконах, - сказал Джек.

Они возобновили подъем к Фула. Местность, хоть и возвышенная, все еще была покрыта густыми лесами. Пройти вперед можно было только вброд по ручью. Метод этот был, однако, пригоден лишь для коротких переходов - ледяная вода быстро сводила ноги. К тому же через два дня пути пороги стали встречаться чаще, и делались все выше.

- Нам лучше покинуть ручей, - сказал Джек. - Если кто-нибудь заметит нас, то без труда пристрелит с берега.

Р-ли не возражала. Пришло время уйти от ручья - нужно было прекратить подъем в гору. Чтобы попасть в долину Аргул, они должны были обогнуть гору на этой высоте.

Через некоторое время Джек заметил, что тропа, по которой они шли, стала очень гладкой.

- Под лесной почвой здесь погребена древняя дорога Арра, - сказала Р-ли. Она идет вдоль склона горы и заканчивается вон там, - она показала на огромное скальное обнажение впереди. Там есть большое плато, а на нем - развалины города Арра.

- Хотел бы я поглядеть на них, - сказал Джек. - Нас не слишком задержит такой крюк?

Р-ли заколебалась:

- Да, это стоит посмотреть. Жаль упускать такую возможность. Но впереди у нас еще немало опасностей, и мне не хотелось бы умножать их.

- Я так много слышал об Арра и их огромных городах, - настаивал Джек. - Мне всегда хотелось поглядеть хотя бы на один из них. Если бы я знал, что здесь, неподалеку от нашей фермы, есть такой город, я давным-давно отправился бы к нему.

- Собственно, нет причин, чтобы запретить посещение этих мест вам, людям, - сказала Р-ли.- Да мне и самой хочется взглянуть еще разок. Но мы должны быть очень осторожны.

Полли тоже не возражала. Наоборот - она азартно стремилась к древним руинам. Джек поинтересовался - с чего вдруг девушка так засуетилась?

- Говорят, в городах Арра полным-полно всяких чудес, кладов и тайн. Вот бы добраться хоть до нескольких...

- Вряд ли, - охладила ее Р-ли, - эти руины уже перекопаны, и не раз.

Тропа плавно вилась вокруг горы, потом внезапно повернула. Теперь путники двигались почти в обратном направлении, только на сотню футов выше, чем в начале тропы. Они продолжали говорить шепотом, ни на секунду не теряя бдительности и держа оружие наготове.

На долю секунды раньше Джека Р-ли заметила в кустарнике футах в восьмидесяти впереди чье-то лицо.

- Не подавать виду! - скомандовал Джек одними губами. - Похоже, это Джим Уайт, дружок Эда... - Выждав несколько секунд, он резко крикнул: - Ложись!

Стрела вонзилась в дерево справа от упавших путников. Позади них выше по тропе раздались крики, и из-за деревьев выскочило полдюжины мужчин во главе с Эдом Вангом.

Джек прицелился и спустил тетиву. Трое нападавших залегли, но трое других продолжали целиться. Джек не видел, попал ли в кого-нибудь, но по отчаянному воплю боли понял, что попал.

Как только стрелы трех лучников просвистели над головами, Р-ли и Полли О'Брайен тоже разрядили свои луки. Их выстрелы не достигли цели, но заставили нападавших укрыться за стволами деревьев. Похоже, компания Эда Ванга ожидала сопротивления только от Джека.

- Бегом! - выкрикнул Джек, вскакивая и бросаясь бежать, пытаясь на ходу оценить обстановку. - Вряд ли можно опасаться засады дальше по тропе - из кадмуса с Эдом вышли еще пятеро, они все здесь...

Тропа еще раз резко повернула. Теперь приходилось бежать по гораздо более крутому склону.

- До развалин еще футов восемьсот, - выдохнула в затылок Джеку Р-ли. - Там можно спрятаться. Я знаю места...

Джек глянул вниз.

Преследователи тяжело карабкались напрямик по поросшему кустарником подъему наперерез беглецам. Если бы Эд сообразил броситься по древней дороге, у него было бы куда больше шансов догнать свою ''дичь'' - не пришлось бы останавливаться и переводить дыхание.

Джек перешел на шаг: нужно экономить силы. Р-ли остановилась.

- А где Полли? - спросила она.

- Да не знаю я, где эта сучка, черт бы ее побрал! Что она опять затевает?!

- Похоже, она залегла где-то на тропе чтобы сделать пару прицельных выстрелов. Что ни говори, а смелости Полли не занимать. Хотя иногда мне кажется, что она сумасшедшая...

- Она хочет сквитаться с Эдом, это понятно. Но вряд ли она для этого согласится лишиться жизни, верно? Не настолько же она сумасшедшая...

Джек твердо решил не возвращаться за Полли. Конечно, ее можно понять, но почему он должен из-за этой дуры рисковать жизнью Р-ли?

- Черт с ней! Если она попадет к ним живой, ее затрахают до смерти. Эд орал об этом на каждом углу. Пошли! Мы все равно не знаем, где ее искать...

Следующий поворот тропы вывел Джека и Р-ли на плато. Перед ними были древние развалины. И над ними. И вокруг них. Развалины были везде.

Джек почти забыл о грозящей ему и Р-ли опасности, он был просто раздавлен увиденным.

Должно быть тогда, до катастрофы, здесь была одна из величайших столиц Арра. До сих пор высилось несколько исполинских зданий, каждое не менее трехсот футов высотой, из гигантских гранитных и базальтовых глыб по сорока пяти и более футов длины. Когда-то яркая облицовка зданий почти не сохранилась, только кое-где виднелись ее остатки да цветные пятна разрушенных временем фресок. Фрески изображали странных существ - помесь лошадей и хвостатых медведей, каких Джек видел на картине Смотрителя Моста. Были там и люди - или гривастые? - прислуживающие Арра. А еще были люди со звериными мордами, с ног до головы покрытые шерстью.

Джек вопросительно взглянул на Р-ли.

- Арра привозили сюда других разумных, - объяснила сирена. - А после катастрофы они одичали. Люди зовут их мандрагорами или оборотнями. В развалинах они водятся до сих пор...

- Да где же, черт побери, Полли? - спохватился Джек.

Ему ответили шум и крики внизу, на склоне. Из лесу выскочила голая Полли О'Брайен, следом за ней - четверо мужчин.

- Похоже, одного она свалила, - произнес Джек, занимая позицию за гранитной плитой, - но Эд уцелел...

Р-ли сосредоточенно готовилась к бою. Если бы преследователи попытались появиться на плато, их можно было бы уложить несколькими стрелами. Запыхавшаяся Полли уже добежала до ближайшего укрытия и переводила дух.

У Эда Ванга хватило ума не лезть, очертя голову, в западню. Ни его, ни остальных людей на тропе не было.

- Они полезут по бездорожью и проберутся через развалины там, ниже, - предположила Полли.

Джеку совсем не хотелось иметь за своей спиной в руинах четырех озлобленных вооруженных мужчин, поэтому его маленький отряд стал осторожно углубляться в развалины, низом обходя огромные груды камней, чтобы не стать удобной мишенью на фоне светлого неба.

Во время одной из остановок сирена внезапно опустилась на колени и припала ухом к земле:

- Тшш! Тихо... Мне кажется...

У Джека по коже побежали мурашки от предчувствия неведомой угрозы. Стояла мертвая тишина - ни ветерка, ни резких криков слашларков. А ведь слашларков только что было предостаточно...

Р-ли поднялась с колен и сказала почему-то "детской речью":

- Тррак!

- Один? - спросил Джек.

- Кажется, один. Похоже, недазно прошел. А может, это Мар-Кук ищет человечка, который унес ее палец?

- Да знай я точно, что она потом оставит нас в покое, я бы отдал этой Мар-Кук ее драгоценный палец! Отдал бы, клянусь. И разошлись бы тихо-мирно, а?

- Не советую, - сказала Полли, - лучше напугать ее. Если появится - пригрози, что ты ее уничтожишь. Бог весть, как ты мог бы это сделать, но Мар-Кук не станет рисковать, верно, Р-ли?

- Верно, - подтвердила сирена, - а теперь давайте попробуем попасть на ту сторону развалин; кажется, оттуда можно пройти краем плато и спуститься в долину Аргул. Конечно, это не тот спуск, который я бы выбрала, доведись мне выбирать, но... Выбирать-то не из чего. Старая дорога для нас закрыта.

Город был огромен. Осталось меньше двух часов до заката, когда они, наконец, достигли северной окраины. Как-то вдруг кончился хаос гранита, уступив место плоской поросшей травой и мелким кустарником, равнине, резко переходящей в долину примерно в миле от Джека и его спутниц. Видна была только дальняя сторона Аргула, над которой возвышалась четырехмильная громада массива Плел.

И еще полчаса они пробирались среди густой травы, кустарника и обломков камня. Джек нервничал - успеть бы дотемна пересечь плато! Р-ли внезапно остановилась у конического каменного обломка:

- Вот. Тропа начинается здесь. Видишь - между камнем и обрывом?

- Вижу. До заката - час полтора. Передохнем?

- Джек, это только так называется - "тропа". По ней нелегко спускаться даже при свете дня. А уж в темноте... Не знаю. Свалиться, во всяком случае, легче. Если бы мы смогли хоть чуть-чуть спуститься, пока светло, можно было бы заночевать на одном из уступов. Там и защищаться легче, если что...

Джек тяжело вздохнул:

- Ладно. Но до обрыва еще с полмили. Побежали!

Они не пробежали и двух десятков шагов, когда Джек, обернувшись, обнаружил Эда Ванга и его троицу, выбирающихся из каменного хаоса.

- Придется залечь перед обрывом! - крикнула Р-ли на бегу, - на тропе нас просто забросают камнями!

Джек не ответил - берег дыхание. Его остановил уже знакомый грозный рев. Так мог реветь только охотящийся дракон.

Его спутницы тоже остановились и замерли, узнав Мар-Кук, приближающуюся к ним с изуродованной передней лапой на весу.

Теперь и охотники стали добычей.

Эд Ванг отчаянно размахивал луком и кричал Джеку что-то. Слова его были не слышны за ревом дракона. Джек понял - Эд предлагает попытаться вместе отбиться от чудовища.

- Попробуем, - пробормотал Джек, - все равно это наш единственный шанс...

А у Эла Мерримота, одного из эдовых сподвижников, похоже, шансов уже вовсе не осталось: он отстал от остальных и, поскользнувшись, упал, когда грозная Мар-Кук была уже совсем рядом. Мерримот просто закрыл ладонями лицо, чтобы не видеть чудовищной лапы, которая отняла у него жизнь.

Драконица задержалась над несчастным всего на несколько секунд. Но этих секунд хватило, чтобы недавние беглецы и преследователи оказались вместе. Ванг и его люди едва дышали после отчаянного бега, но нашли в себе силы стать бок о бок с маленьким отрядом Джека.

- Дайте-ка я попробую сперва поговорить с ней, - предложила Р-ли, сделала шаг вперед и произнесла "детской речью": - Мар-Кук! Помнишь ли ты Соглашение с вийрами? Там сказано: "...пусть мать твоя и все твои

бабки и прабабки до самого Великого Яйца проклянут тебя, если ты нарушишь Соглашение!"

Чудовище остановило свой бег, проскользив мощными лапами по траве:

- Я чту Соглашение, - казалось, голос исходит из самой глубины утробы, - но до определенных пределов!

- Чего же ты хочешь? - спросила Р-ли, прекрасно зная, каким будет ответ.

- Чего я хочу?! - Мар-Кук внезапно перешла на горловой визг. - Я хочу обратно свой палец! И еще я хочу труп того человечка, который осквернил меня, отрубив мой палец, и вторично осквернил меня, таская мой палец рядом со своей зловонной плотью... Плотью самца!..

- Хорошо, он вернет тебе часть твоего тела, чтобы ты могла пройти Очищение и вернуться после смерти в темную утробу Величайшей из Матерей. Но взамен ты поклянешься Муками Величайшей из Матерей, муками, которые Она вынесла, откладывая Восьмиугольное Яйцо с Первым Самцом внутри. Ты поклянешься, что как только тебе вернут твой палец, ты уйдешь прочь и никогда не станешь пытаться причинить зло этому человеку, - Р-ли указала на Джека, - или любому, кого увидишь рядом с ним! Согласна ли ты, Мар-Кук?

Челюсть драконихи отвисла, глаза тупо моргали. Вдруг она сложила у груди передние лапы.

Р-ли шепнула Джеку:

- Вряд ли она поклянется... Но уж если поклянется, то просто не способна будет причинить тебе и всем нам малейший вред: она слишком боится ада.

- Чего?

- Ада. Холодного безжизненного ада, где не будет тепла всех ее праматерей. Если бы она поклялась... Еще никто из трраков не нарушил подобной клятвы, никто и никогда. Даже если она поклянется и получит свой палец - Очищение займет долгие годы, а если она умрет, не завершив его - ее все равно ждет холодный ад...

- Так пусть она не отказывается от шанса избежать его! А уж палец-то я ей отдам, за этим дело не станет...

- Будем надеяться, что и она придет к такому решению. А пока слушай... - Р-ли почти шепотом рассказала Джеку, что он должен делать.

Джек кивнул и небрежной походкой, отнюдь не соответствующей его настроению и обстоятельствам, двинулся к краю плато. Он не оглядывался, но ясно представлял себе тупые глаза драконихи, замершей в нерешительности. За несколько футов от обрыва он услыхал драконий рев и топот, преследующие его.

Мар-Кук приняла решение.

Очевидно, Р-ли успела предупредить Полли, потому что обе они отскочили в сторону с до предела натянутыми луками.

А вот Эда и его приятелей никто не предупреждал. Они попытались удержать безнадежную позицию, успев выпустить каждый по стреле, две из которых попали в цель и бесполезно отскочили от бронированной драконьей шкуры. Только после этого бедняги бросились бежать, на их беду - недостаточно быстро и достаточно поздно.

Мар-Кук только слегка изменила направление - и двое из трех пали под ударами могучего хвоста. Раздался хруст раздробленных костей...

Эду Вангу опять повезло: драконихa в своей погоне за Джеком не стала отвлекаться на другого "человечка".

Вблизи Мар-Кук была так ужасна, что Джек еле удержался от попытки спастись, спрыгнув с обрыва вниз, на тропу. Но Р-ли велела держаться нахально и неколебимо, иначе все пропало: ярость бронированного чудища сокрушит всех!..

Джек стоял над кромкой обрыва, держа драконий палец в вытянутой за край пропасти руке. В крайнем случае ему просто нужно разжать кулак - и драгоценный палец пролетит почти целую милю, прежде чем достигнет дна долины. Если достигнет...

На этот раз Мар-Кук сумела затормозить всего в паре шагов от Джека.

- Стой! Не делай этого! - ревела драконихa.

Джек пожал плечами и медленно заговорил "детской речью":

- Гляди, Мар-Кук. Если ты попытаешься убить меня, если мне придется разжать руку - ты никогда не получишь своего пальца. Никогда, Мар-Кук! Ты слишком велика, чтобы спуститься здесь, а в обход... В обход ты будешь идти слишком долго, Мар-Кук! Мелкая живность там,

внизу, успеет сожрать твой любимый палец. Думай, Мар-Кук! Наши условия ты знаешь. А палец - вот он...

Чудовище разразилось потоком непонятных звуков, очевидно, ругалось по-драконьи. Р-ли говорила как-то, что прежде у драконов была своя речь, до того, как они освоили язык вийров. Теперь от той речи остались только ругательства и заклинания.

Джек попытался улыбнуться, чтобы показать Мар-Кук, кто является хозяином положения, но близость дракона превратила улыбку в паралличное подергивание губ. Колени и руки Джека тоже противно тряслись.

Со стороны в разговор вступила Р-ли:

- Мы вернем тебе палец на перевале Идола, Мар-Кук. Но сначала ты поклянешься. И еще - пообещаешь не ходить за нами дальше перевала. А до перевала - охранять и защищать нас...

Мар-Кук едва не задохнулась от злости, но первое вразумительное ее слово было:

- Ладно.

Чудовище смирилось.

Джек не опускал руки, пока Р-ли брала с Мар-Кук Великую клятву, хотя предплечье и кисть уже ныли от напряжения. Когда с формальностями было покончено, он демонстративно положил драконий палец в кожаную дорожную сумку. Мар-Кук не сводила с Джека глаз, но не предпринимала ни малейшей попытки завладеть своим сокровищем.

Потом Р-ли помогла Джеку сбросить тела погибших с обрыва. Конечно, Джек предпочел бы похоронить их по-человечески, но могилу рыть было нечем и некогда.

Мар-Кук стала ныть, что ее лишили свежего мяса и замолкла только после того, как сирена объяснила, что от трупов надо избавиться, чтобы не привлечь мандрагоров. Что это за мандрагоры такие, думал Джек, если даже драконы предпочитают не привлекать их внимания?

Все это время обезоруженный Эд Ванг исподлобья наблюдал за происходящим. Его лук и нож валялись в траве, а в грудь была нацелена стрела Полли, готовой в любой момент спустить тетиву.

- Лучше всего прикончить его сейчас, - посоветовала Р-ли из-за спины Джека.

- Это говоришь... ты?! - поразился Джек.

- Да. Его нельзя отпускать с оружием. Он болен ненавистью. Он будет рыскать вокруг нас, пытаясь убить. А без оружия...

- ...он сделает другое, не хуже этого.

- Не успеет. Полли тоже больна ненавистью, и у нее уже есть лук. Он умрет такой смертью... Я знаю ваших колдуний и я знаю Полли. Ему лучше умереть сразу.

- Жаль, что я не убил его тогда, когда он напал на нас, - задумчиво промолвил Джек, - а сейчас... Нет, я не могу, вот так... хладнокровно. Я... я не палач!

- Когда-то ты прикончил бешеную собаку. А до этого она была твоей любимицей. У тебя нет похожего чувства к Эду?

- У меня есть чувство, что я блуждаю в этой глухомани с двумя самыми злыми ведьмами, какие только бывают! - Выкрикнув это, Джек повернулся и зашагал прочь.

Он понимал, что Р-ли права, что так всем будет лучше, даже Эду. Да разве Эд сам много раз не собирался прикончить его? Но... Нет, Джек не мог этого сделать.

Сирена медленно подошла к Полли и стала рядом. Джек оглянулся. Что там затевается? Вроде бы говорят о пустяках; Полли даже смеется...

И тут Р-ли ударила.

Кулак сирены пришелся снизу в челюсть Полли, и девушка рухнула. Несколько секунд она, пошатываясь, стояла на четвереньках, не в силах даже встать на колени и выпрямиться.

Большего Р-ли было не нужно.

Подхватив оружие Полли, она наложила стрелу и прицелилась в Эда.

Эд метнулся к обрыву, хрипло рыча. Стрела настигла его уже в прыжке. Видимо, Эд надеялся упасть на тропу, но после выстрела Р-ли сорвался в бездну со стрелой под левой лопаткой. Еще некоторое время был слышен его яростный вопль.

Потом стало тихо.

Джек подошел к спутницам.

Потом с трудом поднялась Полли, потерла ушибленную челюсть и процедила, не глядя на Р-ли:

- Обманула меня, сука!..

- Он умер, - ответила сирена, - не думай о нем. Забудь.

- Тебе я этого никогда не забуду, поняла?

- Поняла. Я попрошу Мар-Кук не спускать с тебя глаз.

Они вернулись в развалины. Мар-Кук, шедшая чуть впереди, внезапно с хриплым вскриком остановилась. Джек проследил взглядом за указующей изуродованной им лапой драконихи и увидел свежий помет крупного животного.

- Мандрагор! - сообщила Мар-Кук.

- Что ж, придется поискать убежище понадежнее, - сказала Р-ли, - и побыстрее! Через несколько минут будет темно.

- Вот хорошая нора, - предложила Мар-Кук, обнюхивая квадратный проход меж двух упавших плит. За ним темнело помещение, достаточно большое, чтобы вместить всю четверку. Р -ли отправила драконихи на поиски хвороста, остальные принялись обследовать место будущего ночлега. Вход, через который они вошли, оказался единственным; это их вполне устраивало.

Мар-Кук вернулась через четверть часа, притащила огромную охапку веток и полено, которое правильнее было бы назвать бревном. Она свалили груз на камень перед входом, с трудом протиснулась в убежище и втащила дрова внутрь. Джек быстро развел костер. Сразу стало уютнее, хотя время от времени порывы ветра заволакивали все вокруг горячим дымом.

Большая часть жареного мяса за ужином, конечно же, досталась драконихе, которая по этому поводу почти добродушно пробурчала:

- Не волнуйтесь, карлики. Завтра я добуду вам другого единорога...

- Как она сможет идти с нами? - шепотом спросил подругу Джек, - Ей не спуститься по тропе...

- А мы пойдем кругом; так дольше, но легче и безопаснее. А почему ты говоришь шепотом?

Джек указал на разлегшуюся неподалеку живую громаду:

- Она действует мне на нервы.

Р-ли поцеловала его в щеку и провела ладонью по спине.

- Я вам не мешаю? - ехидно осведомилась Полли, - ради Бога, не стесняйтесь! Не обращайте на меня внимания, прошу вас! А может быть, мне выйти? Я выйду...

- Ты... подлая сука! - яростно прошептал Джек.

- Зато честная, - парировала Полли. - Нет, серьезно: я уже давно с интересом наблюдаю, как ты ее тискаешь, и целуешь, и ласкаешь эти роскошные груди. Похоже, вы уже долго трахаетесь; почему же она до сих пор не беременна? Не хочет?

Джек изумленно округлил глаза:

- Ты что, дура? Не знаешь, что у людей с вийрами детей не бывает?

Полли расхохоталась и долго не могла успокоиться. В углу шумно заворочалась Мар-Кук. Полли оборвала смех:

- Что?! Так твоя милая не рассказала тебе, что все, чем нас пичкают жирные попы - бред? Да сейчас на планете, особенно в Социнии, тысячи таких симпатичных мулатиков...

Джек растерянно взглянул на Р-ли.

- Джек, милый, мы же так недолго были вдвоем... А когда говорили - говорили о нашей любви. Я просто не могла успеть рассказать тебе все, чего ты не знаешь и что может быть тебе интересно. И не волнуйся, милый, я не могла нечаянно забеременеть: у вийров дети рождаются только когда они сами хотят этого и Хранители Потомства не возражают. Нельзя, чтобы родилось намного больше, чем умерло. Вы, люди, этого не понимаете; поэтому вам тесно на ваших землях и вы рветесь захватить земли вийров...

- Да уж, - вмешалась Полли, - моя матушка знала секрет ваших Хранителей: нужные травы в нужном соотношении в нужное время - и трахайся сколько хочешь без всяких последствий!..

Р-ли, не отвечая, выглянула наружу. Луна еще не взошла. Перед входом едва виднелась шестидесятифутовая сравнительно ровная площадка, а дальше отбрасывало жуткие тени нагромождение базальтовых плит и обломков гранита.

- Джек, если хочешь, я могу рассказать тебе подлинную историю вийров (или гривастых, или сирен и

сатиров - как нас только не называли люди!). Правдивую историю, Джек. Ту правду, которую ваша церковь и ваше государство веками скрывали от вас. Впрочем, они и сами знали не так уж много...

Джек, мы, вийры, тоже с Земли.

Джек молчал.

- Это правда, Джек. Наших предков привезли на эту планету примерно сорок веков назад. Считай как хочешь - век на Земле почти равен веку здесь. Тогда здесь была могучая колония Арра. И Арра привозили сюда других разумных. Вряд ли Арра нужны были рабы или слуги - у них были машины; "младшие братья" были для них чем-то вроде... ну, домашних животных, свидетельством их могущества и разума.

Разумных привозили не только с Земли, с других планет, других солнц - тоже. Так появились мандрагоры и оборотни. А вот драконы всегда здесь обитали. Для Арра драконы были слишком глупыми, слишком большими и слишком опасными, чтобы их приручать, поэтому и попали в такие... резервации, понимаешь?

А примерно двадцать веков назад началась звездная война между Арра и... чужими - Эгзви. Войну начали чужие. Они сделали что-то, от чего здесь взорвалось все железо, которое было на поверхности. И какие-то еще металлы - не знаю. После этого уцелевшие Арра покинули Дэйр, а Эгзви, видимо, так и не решились здесь высадиться. И из четырех видов разумных, покинутых на планете, только мы, земляне, смогли избежать одичания. Только нам это удалось. Мы сумели договориться с драконами, мы охотились на тех, кого вы зовете оборотнями и мандрагорами, пока не загнали их на горные кручи, которые были нам не нужны. Они смогли уцелеть только в таких местах, как это...

- Чем ты можешь все это подтвердить? - перебил Джек, - если вы люди, то почему у вас лошадиные хвосты и... такие глаза?

- Одни говорят, что нас чем-то... облучило, когда взорвалось железо; другие - что Арра специально вывели такую породу людей. Известно, что Арра много занимались отбором. Возможно, правы и те, и другие. Но у нас, вийров, свои предания. Они не могут служить надежными

доказательствами, что вийры и вы - с одной планеты. Но есть еще один признак... Язык!

- Но ваша речь совсем не похожа на нашу!

- Взрослая речь - да. Это древняя речь Арра, которую - лучше или хуже - изучали все подвластные им разумные. Это сложный язык, где короткое слово может значить больше, чем много страниц в книге. Но детская речь - потомок нашего и вашего праязыка, отца языков Земли. Арра позволяли пользоваться им только в общении между нами, землянами. И мы берегли эту речь, как память о тех временах, когда мы были свободны... там, на родине. После Взрыва разница наречий стала границей между вийрами и другими разумными. Вы думаете, что "взрослая речь" - язык вийров; нет! Это язык Хозяев. После ухода Арра мы, вийры, были хозяевами этой планеты, безраздельными хозяевами, пока не появились вы, "таррта", "позжепришедшие"... Еще тогда наши ученые поразились, что большинство ваших языков - и главный ныне, английский, и не забытые еще в ту пору немецкий, исландский, испанский, португальский, болгарский, албанский, ирландский, итальянский, греческий, и даже язык ваших богослужений, латинский - родственны нашей "детской речи". Только турецкий и китайский, да язык индейцев-кроатанов не в родстве с английским и нашим...

- Мне страшно в это поверить...

- Джек, милый, а я думала, что ты рад будешь узнать это! Ведь это значит... Это значит, что мы можем быть вместе!..

- Да, но я не вижу никакого сходства между английским, "детской речью" и благородной латынью. Священники говорят, что мы просто взяли несколько латинских слов и выражений, чтобы облагородить английский...

- Джек, пойми, я не языковед, но кое-что об этом знаю. И я могу свести тебя с теми из наших, кто знает намного больше. Да и двое ваших священников независимо друг от друга отмечали родство трех языков. Одному пригрозили отлучением, и он замолчал; другой ушел в кадмусы.

- Р-ли, родная, не думай, что я спорю с тобой со злости или не верю тебе. Просто... все это так невероятно и неожиданно...

Вдруг драконихa зашипела и попыталась вскочить; потолок убежища был низковат для нее, и Мар-Кук замерла, пригнувшись:

- Тсс! Тихо! Снаружи кто-то есть...

Все трое - Р-ли, Джек и Полли - приготовили луки и стали напряженно вглядываться в наружную темноту, еще более плотную из-за отблесков костра внутри убежища.

- Кто это может быть? - тихонько спросила сирена у Мар-Кук.

- Не знаю. Я пока не чувствую запаха, только слышу их.

- Их?

- Их. Там больше, чем один. Хотела бы я сейчас быть подальше отсюда, подальше от этого крохотного лаза в камнях! Здесь чувствуешь себя в капкане.

В этот момент под дикий хор воплей и визга, отбрасывая жуткие, изломанные тени, в отсветах огня перед входом появились пять или шесть пугающих фигур.

Тела незваных гостей отдаленно напоминали человеческие, только с несоразмерно длинными руками, широкими плечами и необъятной грудной клеткой; кроме того, они были покрыты густой длинной шерстью. Морды пришельцев - с массивными выступающими челюстями, уродливыми хрящеватыми носами и оттопыренными, почти квадратными, ушами - тоже до глаз заросли светлым волосом, на фоне которого странно выделялись огромные звериные глаза под темными косматыми бровями.

В проем влетели деревянные, обожженные на концах, копья. Им ответили стрелы трех луков. Все три стрелы нашли свои цели: невозможно было промахнуться по широченным силуэтам. Нападавшие исчезли.

- Мандрагоры! - выдохнула Р-ли.

Мар-Кук прорычала, что она сейчас выйдет наружу, что ей неохота сидеть в этой каменной ловушке. Остальные не стали спорить, сгрудились позади драконихи на почтительном расстоянии, а Мар-Кук одним взмахом хвоста смела костер, рассыпав головешки ярдов на пятьдесят вокруг, и поспешно протиснулась в узкий для нее проем, издав угрожающий рев, как только ее голова оказалась снаружи. Сверху на нее упало шесть мохнатых тел; дра-

кониха рванулась, волоча вцепившихся в нее мандрагоров, перекатилась на спину (двое нападавших оказались раздавленными, остальные успели отскочить) и поднялась на задние лапы. Уцелевшие охотники вновь набросились на Мар-Кук, к ним присоединилось еще с десяток мандрагоров, до того таившихся в темноте среди каменных обломков.

Джек стрелял всякий раз, как представлялась возможность, но Мар-Кук так стремительно и неожиданно вертелась, падала и вскакивала, что Джеку удалось выпустить всего три прицельных стрелы, две из которых нашли цель. Двое нападавших с воем отбежали в сторону.

Когда атакующие решили, что с них, пожалуй, достаточно, они перестали размахивать дубинами и копьями, пытаться вцепиться в драконью шкуру зубами или когтями и внезапно разбежались.

Мар-Кук устремилась в погоню.

Джек долго слышал доносившиеся с темного плато вопли мандрагоров и рев дракона. Он переводил дух после пережитого.

Потом все смолкло.

Всю ночь беглецы по очереди караулили вход. Под утро вернулась Мар-Кук - сытая и сонная, таща с собой труп мандрагора. Это ей на завтрак - объяснила драконiха.

С рассветом продолжили путь.

Шли весь день, сделав лишь несколько коротких привалов. Из развалин выбрались к полудню, потом шли вдоль края плато. До темноты одолели несколько подъемов и спусков, и сирена объявила, что пройдена примерно половина дороги вниз. Склон был довольно пологим, и Р-ли рассчитывала попасть в Аргольскую долину часа через два-три после полудня.

- Она шириной миль в семьдесят и вся заросла буйной растительностью - помните, мы смотрели сверху, с обрыва? Там полным-полно всяких опасностей; даже единороги куда крупнее и злее, чем в наших краях. Но с нами Мар-Кук, так что бояться особенно нечего...

К полудню следующих суток они были в самом сердце долины. Никто и ничто не задержало их в пути, даже на охоту не пришлось тратить времени: драконiха убила в каком-то небольшом ущелье единорога. Они устроили обед

на берегу чистой мелководной речушки. К концу обеда Мар-Кук принялась беспокойно ерзать, потом поднялась и заявила, что пойдет побродит немного.

- Кто-то из твоих сестер поблизости? - спросила Р-ли.

- Да. И я хочу поболтать с ними. И еще - предупредить здешних драконов, чтобы вас оставили в покое. Скажу, что кто вас тронет - будет иметь дело со мной.

Мар-Кук ушла.

- Надеюсь, она скоро вернется, - сказала Р-ли, - вообще-то драконихи любят почесать языки не меньше, чем ваши женщины, а она давно не была здесь...

Прошел час.

Джек начал нервничать. Р-ли сидела тихо, словно спала с открытыми глазами, уставившись на прутик, воткнутый в песок перед ней. Это злило Джека: почему это она не обращает на него никакого внимания? Хоть бы объяснила - в чем дело, о чем это она так глубоко задумалась?!

Полли лежала на траве, заложив руки за голову, в откровенно вызывающей позе. В последние дни она то и дело бросала на Джека совершенно недвусмысленные взгляды, а ее нечастые реплики становились все более смелыми и дразнящими.

Р-ли не обращала внимания ни на то, ни на другое.

Хотя Полли была ему неприятна, Джек испытывал неясное чувство вины. Тяготы перехода не настолько утомляли его, чтобы он не чувствовал копившегося напряжения. Невозможность уединиться и явная нерасположенность к этому Р-ли только усугубляли положение; Джеку нужна была разрядка.

Как-то, ненадолго оставшись вдвоем с сиреной, он спросил ее о причинах такого охлаждения.

- Никакого охлаждения нет, Джек, милый. Просто две недели я должна соблюдать запрет. У каждой женщины вийров есть время воздержания, высчитываемое от даты рождения. Это в честь Богини-Охотницы.

Джек всплеснул руками. Всю жизнь он провел рядом с вийрами - и как мало он о них знает!

- А я-то как же? - спросил он тогда, - мне, выходит, тоже запрет... в честь Охотницы? Или в честь кого?

Р-ли в ответ пожала плечами:

- Есть Полли.

- Что-о?!. Ты хочешь сказать... Неужели... Тебе что - вправду все равно?

- Нет, конечно. Совсем не все равно. Но я никогда не посмею говорить с тобой об этом. Это тоже запрет. И я... мне кажется - я поняла бы...

- Р-ли, клянусь - я не притронусь к этой сучке, будь она даже последней живой женщиной на планете!

Сирена улыбнулась:

- Ну, это уж слишком. Ты переоцениваешь свою способность к воздержанию, Джек, милый. К тому же - разве продолжение рода не священная твоя обязанность?

Уже позже он понял, что имела в виду Р-ли: она не станет принуждать его хранить верность, но будет очень огорчена и обижена, если он этого не сделает. Все ясно и правильно! Хорошо бы еще Полли не выказывала столь откровенно свои плотские потребности... Пока, слава Богу, ему удается избегать искушения, но надолго ли?.. Есть вещи, за которые мужчине трудно ручаться...

Очнувшись от раздумий, Джек почти сердито ткнул большим пальцем ноги Р-ли в бедро:

- Может, пойдем? Драконихa легко найдет нас по следам.

- Откуда такая спешка? Что случилось, Джек?

Джек украдкой покосился в сторону Полли:

- Ничего. Надоело ждать, вот и все.

Р-ли тоже взглянула на Полли, лежащую в прежней позе:

- Ладно, пошли.

Через полчаса пути Джек уже клял себя за ненужную торопливость: каждый пройденный фут отдалял их от Мар-Кук и увеличивал уязвимость. Но он был слишком упрям, чтобы вслух признать свою неправоту. Еще через четверть часа Джек понял, что еще большей глупостью будет продолжать идти без охраны драконихи.

Он остановился и, сглотнув, сказал:

- Давайте подождем ее здесь. Я был неправ. Это глупый риск.

Женщины промолчали. Р-ли воткнула палку в мягкий песок, уселась перед ней, скрестив ноги, и вновь ус-

тавилась неподвижным взглядом то ли в никуда, то ли в себя, то ли на конец палки. Полли приняла прежнюю позу: руки под головой, ноги раздвинуты. Все, как час назад, только защита дальше, а, значит, опасность - больше... Джек нервно ходил взад-вперед.

Вдруг что-то остановило его.

Полли тоже рывком села, широко раскрыв глаза и вытянув шею. И даже Р-ли прервала самосозерцание. Кто-то бежал через заросли, отнюдь не пытаясь делать это бесшумно.

Мар-Кук?..

Из лесу выбежал сатир и бросился вброд через речушку. Он был в полусотне ярдов от них, но не замечал Джека и его спутниц.

- Мррн! - воскликнула сирена.

Теперь Джек тоже узнал брата Р-ли.

Из лесу грянул ружейный залп.

Сатир споткнулся на середине речки, упал лицом вниз, поднялся, сделал, шатаясь, несколько шагов и опять рухнул лицом в воду.

Течение медленно потащило тело сатира.

Р-ли закричала.

- В лес! - скомандовал Джек.

Они подхватили оружие и сумки, кинулись под защиту деревьев, но остановились, пробежав всего с десяток ярдов: навстречу вышла группа мужчин с огнестрельным оружием, среди них - смуглый Чаксвилли; он улыбнулся:

- Привет, Джек! Твой братец искал тебя, а мы искали его. Теперь все должны быть довольны - каждый нашел искомое, верно? Разве ты не счастлив видеть меня?

- Мне казалось - я убил вас...

- Убил? О, нет! Хорошенько шарахнул по черепу - это да. Следующие несколько дней в слашларкской тюрьме я изрядно помучился...

- В тюрьме?

- Да, в тюрьме. Правительство решило, что мы поторопились с гривастыми. Королева была крайне недовольна историей у кадмусов Кейджа. Меня арестовали, я должен был предстать перед судом, чтобы королева могла доказать гривастым свою лояльность. Однако на третью ночь несколько джентльменов - моих друзей - взяли тюрьму штурмом и вернули мне свободу. Что ж, решил я: раз

Дионисии Чаксвилли не нужен - надо возвращаться на родину, в Социнию. По дороге встретил этот патруль, а чуть позже - Мррна с парой друзей. Похоже, они разыскивали вас.

Джек обнял Р-ли за талию, привлек к себе. Бедняжка! Всего за несколько дней потерять сначала отца, потом брата... Однако надо попытаться выиграть время. Где же Мар-Кук?..

- Так вы - социаниец? - обратился Джек к Чаксвилли.

- Специальный агент Великой Социнии к вашим услугам.

- Так что же вам здесь-то было нужно?

- О, сущие пустяки! Всего-навсего развязать войну между Дионисией и гривастыми, которые в ней проживают. Надо сказать, я порядочно в этом преуспел, хотя некоторые недалекие джентльмены и полагают, что я потерпел неудачу. Но ведь гривастые всех трех государств всполошились и, похоже, готовятся к отпору. А там, глядишь, мои коллеги подбросят в огонь еще дровишек... Скоро вспыхнет весь материк, помяните мои слова! Весь материк... Кроме, разумеется, Социнии. Мы уже сегодня готовы навести наш, социнийский, порядок на Дэйре - после того, как люди и гривастые как следует обескровят друг друга.

А теперь, Джек, после того, что я тебе рассказал, у тебя совсем небольшой выбор: либо немедленно присягнуть на верность Великой Социнии и следовать за мной для славной службы, либо... Ты же понимаешь, Джек, я рассказал тебе слишком много.

Тем временем несколько солдат вытащили на берег Мррна. Тот с трудом сел и начал мучительно кашлять, избавляясь от воды в дыхательных путях. Из раны на голове кровь едва сочилась. Видимо, пуля лишь слегка задела череп, только контузив сатира.

Чаксвилли, не обращая на вийра внимания, ждал ответа Джека. Мррн неожиданно прервал затянувшуюся паузу:

- Я и сестра предпочитаем смерть!

- Не очень-то ты умен, дружок, - обернулся к нему смуглый, - будь ты пособразительнее, вы присоединились бы сейчас к нам, а потом попытались бы по дороге сбе-

жать. Впрочем, ты же гривастый высокого сословия, а у вас врать не принято... Или уже принято? Кстати, Р-ли, девочка, а что скажешь ты? Выберешь смерть только потому, что ты - сирена? Глупо. Двое моих бойцов вийры; один - метис. Да я сам метис. Социния пример того, как две расы могут слиться, породив могучую третью. Ну?

- А почему бы вам просто не отпустить нас? Мы идем в Тракию, чтобы мирно жить там и растить детей. Какой вред мы можем вам причинить?

- Жить мирно? О, не думаю, чтобы это продлилось долго: у Великой Социнии свои планы относительно вашей долины. И она осуществит их... После того, как наведет порядок в Дионисии, Кроатании и Дальнем.

- Долина прекрасно защищена. Вы можете положить сто, двести тысяч бойцов и не пройти через перевал.

- Боже, что случилось с гривастыми?! Разве ваши шпионы не донесли о нашей тяжелой артиллерии? Да по сравнению с ней пушки Дионисии - игрушечные пистолетики! А наш воздушный флот? Сотня боевых воздушных шаров с могучими моторами пролетит над горами и оставит от долины пепел, а потом высадит могучих воинов, которые выкосят уцелевших, как сорную траву!

Р-ли всхлипнула и теснее прижалась к Джеку.

- Ну, решай, девочка. Кстати, должен предупредить: мои люди слишком долго шатались в этой глуши без женской ласки и несколько... огрубели. Так что, в случае отказа... Ну, да ты и сама все понимаешь.

- А могу я поговорить с Джеком один на один, без свидетелей?

- Разумеется, моя прелесть! Только сначала вам свяжут руки и ноги, хорошо? Просто на всякий случай...

Их оставили вдвоем.

- Что же нам делать, Джек, милый?

- То, что советует Чаксвилли: соглашаться. Он сам сказал, что нам лучше согласиться, а потом попытаться сбежать. Попробуем так и поступить.

- Джек, ты не понимаешь. Я из рода Слепых Королей. Мы не лжем даже ради спасения жизни.

- Черт побери, я же не уговариваю тебя стать предательницей! Считай это военной хитростью... Ладно, не лги совсем. Просто избегай прямых ответов. Скажи этому

метису, что будешь во всем поступать точно как я. А мои намерения ты знаешь. Идет?

- Это будет косвенная ложь. Обман.

- О, Господи! Ну не подыхать же здесь из-за десятка слов!

- Джек, милый, я очень люблю тебя. Ты столько для меня сделал, от столького отказался... Я...

- Ладно, все. Просто молчи - и все.

Джек подозвал Чаксвилли:

- Мы решили, сэр. Мы присоединяемся к вам. И клянусь: я сделаю то, что велели вы, как Р-ли сделает все, что велю я.

Смуглый улыбнулся:

- О, да она, оказывается не только красивая, но хитрая! Ладно. Ноги вам сейчас развяжут. А руки пока останутся связанными. Так, на всякий случай.

Как и следовало ожидать, за это время Полли О'Брайен успела по всем правилам принести присягу на верность Великой Социнии.

Чаксвилли просто дал ей понять, что знает о ее прошлом гораздо больше, чем Полли могла бы предположить; конечно, она присягает из личной корысти, это ему, Чаксвилли, понятно. Но именно это и заставляет его надеяться, что она останется верна присяге. В конце концов, девушки вроде мисс О'Брайен любят победителей, а судьба Великой Социнии победоносна, Полли сама сможет в этом убедиться.

Более того, там, в Социнии, мисс О'Брайен сможет открыто исповедовать свою веру, ибо веротерпимость - один из столпов, на которых зиждется его, Чаксвилли, великая родина. Запрещены только человеческие жертвоприношения; но Полли сама увидит, что в Социнии все настолько замечательно, что нет никакой необходимости участвовать в запрещенных ритуалах. К тому же - те, кто в них прежде участвовали, уже давно гниют в рудниках...

Единственным ответом Полли была просьба закурить.

Тем временем Джек несколько успокоился и заинтересовался незнакомым оружием своего конвоира. Такого видеть ему еще не приходилось. Оружие было изготовлено из явно искусственного материала большой прочности, причем пуля и порох объединялись в одну оболочку, а за-

ряжалось оружие с казенной части. Конвоир, видя интерес Джека, показал ему непонятного назначения резьбу в канале ствола. Подошел Чаксвилли и, по обыкновению, пустился в длительные разъяснения и похвальбу:

- Так-то, Джек. Один социнийский солдат обладает огневой мощью десяти дионисийских, не говоря уж о точности и дальности стрельбы. А видишь цилиндры у пояса? - гранаты. И каждая - втрое мощней, чем ваши склянки такого же размера. Да еще мы можем их достаточно далеко выстреливать с помощью тех же ружей.

- Так что лучше бы вашему дракону не показываться здесь; вряд ли он сможет уйти живым...

Последние слова Чаксвилли ошеломили Джека, хотя он и постарался не подать виду. Ах, да! Вероятно, следопыты смуглого видели следы Мар-Кук вместе с его, Джека, следами и следами Р-ли. Но где же драконихa?

Социниец подошел к брату Р-ли:

- Ну что ж, герой, попробую дать тебе еще шанс. Пойми, твоя смерть не нужна ни нам, ни твоему племени. Это будет не героизм - глупость. Любая культура на этой планете, кроме культуры Великой Социнии, исторически обречена; если останешься в живых, сможешь сам в этом убедиться. В ближайшее время мы избавим вас от кадмусов и связанных с ними привычек, образа жизни. Это хорошо для земледельческих общин, но они-то уже - прошлое! Мы приобщим вас к обществу победоносной техники, хотите вы этого или нет...

Чаксвилли обернулся к Джеку и Р-ли:

- Попробуйте объяснить ему. Социнию уже не остановить. Мы должны стать обществом могучей науки и непобедимой техники, и мы станем таким обществом - у нас нет другого пути и нет времени убеждать отставших, тех, кто не понимает, что Арра уже дважды побывали здесь. И когда они или кто -либо другой появятся на планете в третий раз - они должны встретить планету, способную дать отпор поработителям и даже одолеть их. Люди больше никогда не станут рабами или животными для экспериментов, не должны стать! У Арра - звездные корабли? Прекрасно! Значит, когда - нибудь они будут и у нас. И тогда... О, тогда борьба пойдет уже на вражеской территории...

Этот монолог не на шутку взволновал Джека. В словах Чаксвилли он обнаруживал высокий смысл и великую

цель. Джек сам не раз и не два задумывался о том, что произойдет, если Арра вернутся; однажды он спросил об этом отца Патрика. Ответ священника огорчил и даже разозлил юношу. Бог не оставит своих детей - объяснял отец Патрик, - ибо он посылает испытание, но он же дает и надежду. Даже если люди вновь станут рабами, то это только к лучшему, ибо рабство обуздывает гордыню и учит смирению, которого так не хватает нынешним людям...

Тогда Джек не стал ничего возражать, но такой ответ его совершенно не устраивал. Уж лучше великие надежды Чаксвилли!

- Поверь, Мррн, - говорил тем временем смуглый, - мне вовсе не доставит радости твоя смерть. Мне неприятно даже думать об этом; но, увы, мы должны быть безжалостными: у нас нет времени на уговоры. Корабли Арра могут появиться в небе хоть сегодня, и тогда конец всему. Только из-за того, что мы не успели навести порядок в своем доме. Решайся, парень, и идем с нами!

- Лучше умереть, чем жить по-вашему. Ты, человек, не хочешь жить по законам Арра. Твое дело. Я - вийр, сын Слепого Короля, а теперь сам Слепой Король - не хочу жить по твоим законам. Нет!

Чаксвилли вынул из кобуры на поясе странного вида пистолет, прицелился в лоб сатиру, напряг палец. Позади ствола с громким щелчком поднялась какая-то штука, ударила вперед, из дула вырвался огонь и грохот; Мррн упал навзничь с большой дырой над правым глазом.

Р-ли негромко вскрикнула, прижалась к Джеку и бесшумно заплакала. Чаксвилли обернулся к ним:

- Я мог бы проверить искренность твоей присяги, Джек, предложив тебе самому казнить его, но, думаю, это было бы чересчур. Я жесток, но не бесчеловечен, поверь.

Джек промолчал. Он не мог бы убить при таких обстоятельствах. Никого. Он не палач. А Мррн - брат Р-ли...

Сирена вытерла глаза и спросила, не глядя на Чаксвилли:

- Я могу похоронить брата по нашим обычаям? Он - Слепой Король, и не годится бросать его тело на растерзание зверям...

- Ты собираешься сжигать его голову? Тогда - нет: я не хочу разводить огонь, дым может нас выдать. Конечно,

мы похороним его, но на полный ритуал у нас просто нет вре... Огонь!

Загремели выстрелы солдат.

Три дракона бесшумно подобрались совсем близко и теперь с ревом бросились на людей.

Стрельба велась почти в упор и одно из чудовищ сразу рухнуло с развороченным брюхом. Два других, хотя и были ранены, продолжали атаку.

В суматохе боя только связанный Джек заметил на другом берегу реки Мар-Кук. Грохот выстрелов, крики людей и рев драконов заглушили ее тяжелую поступь по воде. Она молча напала на солдат с тылу и первым же ударом хвоста скосила четверых. Чаксвилли обернулся и со сказочной быстротой всадил в туловище драконихи три пистолетных пули. Джек бросился к нему и, толкнув плечом, повалил на землю. Вовремя! Хвост Мар-Кук тяжело ударил по тому месту, где они только что стояли. Пытаясь обезвредить Чаксвилли, Джек спас жизнь и ему, и себе.

Но теперь, со связанными за спиной руками он был совершенно беспомощен: он не мог подняться сам и не мог помешать Чаксвилли сделать это. А тот опять выстрелил в Мар-Кук (когда он заряжает? - изумился Джек), попав в искалеченную лапу. В его пистолете опять что-то щелкнуло, и смуглый повернулся, собираясь пересечь речку. Джек извернулся на песке и сделал подсечку. Чаксвилли не успел упасть - Мар-Кук подхватила его и высоко подняла, собираясь шваркнуть о дерево.

Внезапно ее тело обмякло, и она рухнула, как взорванная башня; голова ее оказалась в нескольких дюймах от лица Джека.

Почва дрогнула от тяжести упавшего дракона. Р-ли и Полли О'Брайен, замерев, продолжали стоять. Руки сирены были связаны.

- Полли! - позвал Джек, - развяжи меня!

Он с трудом поднялся и огляделся вокруг. Все солдаты были либо мертвы, либо так изувечены, что не могли двигаться. Чаксвилли лежал без сознания. Три дракона были мертвы, только Мар-Кук еще дышала. Глаза ее были открыты, она, не отрываясь, глядела на Джека. Кровь хлестала из брюха, лапы, головы и окончания хвоста.

Полли подняла лук, наложила стрелу и замерла в нерешительности. Несколько секунд она напряженно размышляла, потом пожала плечами и бросила оружие. За две-три минуты собрала солдатские ружья и патроны к ним, сложила под деревом. Сняла с убитого пояс с кобурой, приладила на себя. Проверила пистолет, зарядила (не сразу). Выстрелила в воздух, убрала оружие в кобуру. Пришел в себя Чаксвилли. Застонав, сел спиной к Мар-Кук и стал наблюдать за Полли.

- Неплохие трофеи, верно? И что дальше? - с трудом спросил он.

- Полли, дай нам уйти, - перебил Джек, - мы теперь не опасны тебе. Вас двое, и вы вооружены. Делайте, что хотите, но дайте нам уйти.

Ответ Полли утонул в отчаянном вопле Мар-Кук:

- Палец! Отдай мне мой палец! Я умираю!

- Я обещал ей, Полли, - сказал Джек.

Полли задумалась, потом пожала плечами:

- Почему бы и нет? Драконы исстари помогали нам, колдуньям. А я ничего не теряю...

Она раскрыла кожаную сумку, вынула палец, подала умирающей драконихе. Та схватила его, прижала к своей груди и почти сразу испустила дух.

Тем временем Чаксвилли удалось подняться:

- Пусть себе уходят, Полли. Они не опасны ни нам, ни тем более - Социнии. Им еще придется пожалеть, что отказались от моего предложения, когда мы придем в их долину. Но до тех пор... Пусть у них будет немножко счастья. Мы поставим их последними в списках.

- Ваше слово - закон, сэр,- сказала Полли.

Она развязала веревки на Джеке и Р-ли, отступила, не спуская с них глаз, подняла солдатскую флягу и напилась из нее (вода в речке была еще мутной от крови).

Джек принялся растирать затекшие кисти рук.

- Надеюсь, вы не отпустите нас без оружия? - спросил он, - иначе мы просто не успеем попасть в ваши списки...

Чаксвилли молчал.

- Ладно, - сказала Полли, - не такая уж я мстительная, как она говорит. А оружие вам понадобится. И по дороге обратно, и в самом кадмусе...

- Не понял?

- Неужели ты все еще так плохо знаешь вийров, мальчик? Ей нужно возвращаться обратно. Ее отец, дядя и брат погибли. Значит, теперь она - глава кадмуса. Пока не умрет или не родит сына. Это ее долг, и никто не может от него освободить.

Джек обернулся к Р-ли:

- Это правда?

Сирена попыталась что-то сказать и не смогла. Молча кивнула.

- Черт побери, Р-ли! Тебе же просто некуда возвращаться! А даже если б и было куда - нельзя! Я бросил все, когда ушел от своих ради тебя! Сделай то же - ради меня, ради нас с тобой, ради Бога!

- Пока жили мой отец... дядя... Мррн... я могла делать все, что захочу. Я могла даже выйти за тебя замуж, хотя отец долго отговаривал меня и говорил, что мне нельзя будет оставаться в нашем кадмусе, если решусь на это. Из-за сложностей в отношениях... Не наших с тобой, Джек, милый - отношениях вийров с вами, "таррта". Поэтому мы ушли в Тракию.

Я могла бросить все, пока жил Мррн. Но теперь...

Сирена тихо заплакала. Слезы беззвучно текли по ее щекам, но ни одного всхлипа не вырвалось у Р-ли, когда она продолжила:

- Я должна, Джек. Это закон. Джек, милый, это сильнее меня, пойми. Я не имею права забывать их... мой кадмус.

- Теперь ты начинаешь понимать, Джек? - встрял Чаксвилли, - у них есть традиции и есть обычаи, но нет ни малейшей возможности, да и ни малейшего желания отклониться от всего этого. Тина столетий высохла и окаменела на их кадмусах и на всей их жизни, омертвила ее. А мы, социнийцы, пытаемся сломать, разбить каменную коросту, которая сковала их...

- Мне надоело,- Джек повысил голос.- Ты понимаешь, от чего я отказался ради тебя, Р-ли? А ведь после отца я тоже старший в роду!

Она вновь кивнула, ее лицо посуровело, приняв уже знакомое Джеку выражение: почти всегда податливая и ласковая, Р-ли порой словно каменела, становилась тверже гранита.

- Ты должна повиноваться мне, - медленно и тяжело произнес Джек. - Я твой муж. Ты пойдешь за мной, потому что ты - моя жена.

Полли засмеялась:

- Твоя жена в первую очередь - гривастая, к тому же - дочь Слепого Короля, Джек Кейдж!

- Может быть, нам не придется надолго оставаться там, Джек, - умоляюще сказала Р-ли, - если сын О-рега из другого кадмуса согласится стать Слепым Королем, меня отпустят...

- Как же, согласится! Когда там в любой момент может начаться черт знает что! Сомневаюсь, чтобы хоть один сатир, способный сражаться, осмелился покинуть свой кадмус в такое время...

- Тогда я должна идти.

Опять вмешался социниец:

- Джек, а ты не хочешь силой заставить ее пойти с нами? Время идет. Скоро ей вообще некуда будет идти...

- Нет, принуждать ее я не хочу.

Страшная мысль пришла Джеку в голову: да может ли Чаксвилли позволить Р-ли вернуться в Дионисию? Он же не может рисковать: стоит сирене сообщить правительству о планах Социнии... Что же делать? Он по-прежнему любит Р-ли. Любит, иначе ему было бы безразлично - уйдет она в свой кадмус, или погибнет здесь от смуглой руки шпиона, раз не хочет быть с ним, Джеком.

Он любит Р-ли, но мужчина - он, а женщина должна идти туда, куда ведет мужчина...

Как будто угадав его мысли, Чаксвилли сказал:

- Джек, я вовсе не собираюсь убивать твою... жену, чтобы заставить ее молчать, забудь об этом. Она и сама не проболтается. А даже если проболтается - люди все равно не поверят... сирене.

Больше говорить было не о чем, зато дел было предостаточно, и весьма срочных. Чаксвилли научил всех собирать складные армейские лопатки, которыми они выкопали в мягком грунте две могилы - одну большую, другую поменьше. Полли и мужчины подтащили трупы к неглубокой могиле, сбросили, забросали землей.

Пришлось повозиться, собирая крупные камни и валуны, чтобы защитить могилу от разорения дикими живот-

ными. Трупы драконов оставили там, где они лежали, кроме того, что упал в речку. Его с огромным трудом вытащили на берег.

Р-ли настояла, что сама похоронит брата. Вырыв могилу, она, прежде чем положить в нее тело, отрезала ему голову и, несмотря на возражения Чаксвилли, сожгла ее на костре. Пока горел костер она молилась на детском наречии и пела древние гимны на взрослом. Потом забросала могилу землей и камнями, камнем раздробила обгоревший череп и бросила осколки в речку.

Солнце уже клонилось к западу. Чаксвилли с каждой минутой все больше нервничал. Он недовольно глядел на дым погребального костра, и мысли его были понятны Джеку и Полли: мало ли каких новых врагов может привлечь далеко видный столб густого дыма и запах горячей плоти...

Наконец, смуглый социниец не выдержал:

- Мы не можем дольше оставаться здесь.

Он дал Полли и Джеку по ружью, а затем, подумав, дал Джеку пистолет (такой же, как висели на поясе у него самого), раздал патроны и показал, как обращаться с оружием. Оставшееся снаряжение и патроны тщательно обернули кожей и зарыли под деревом, приметив место.

Джек оглянулся на любимую.

Та стояла над речкой, поглотившей прах ее брата, четко обрисованная солнцем, неподвижная и прекрасная в своей скорбной неподвижности. Может быть, попробовать все-таки уговорить ее? Нет, поздно. Она приняла решение, и другого не будет.

- Прощай, Р-ли, - тихо сказал Джек и пошел прочь, - догонять Чаксвилли и Полли О'Брайен.

Вечером, после ужина, Чаксвилли сказал:

- Джек, возможно, ты согласился идти со мной, чтобы разведать наши планы и приготовления, а потом сбежать с этими сведениями домой, в Дионисию. У тебя теперь нет дома, Джек. Поверь, в Дионисии тебе не отмыться от прошлых грехов: еретик, любовник сирены, предатель и братоубийца - вот кто ты для своих родных и земляков. И веры тебе будет не больше, чем любому из гривастых. Даже меньше: ваши ненавидят вийров, но знают, что те не лгут. К тому же, вийров побаиваются, а кто из людей станет бояться тебя, Джек? Тебя сожгут на костре, и уверяю

тебя - разбирательство будет коротким, а приговор - скорым.

- Пойми, меня совсем не беспокоит возможность того, что ты станешь шпионить. Поживи хоть немного в Социнии и ты поймешь смехотворность и тщетность любой попытки сопротивления нам, даже в том случае, если люди трех государств объединятся со своими вийрами, а этого никогда не будет: их слишком долго учили враждовать, слишком умело копили ненависть. Мы копили, Джек. Извечной враждебности людей к обитателям кадмусов не хватает только повода, чтобы вырваться наружу. А потом...Когда все устанут от взаимной резни, придем мы, социнийцы, и установим мир. Наш мир по нашим законам. И если Арра надумают вернуться, их встретит другая планета: мирная, сильная и готовая к отпору. Ты должен стать социнийцем хотя бы из желания спасти свой народ от нового рабства!

Джек слышал и не слышал Чаксвилли. Он думал о потерянной любимой. Каково ей сейчас одной под чужими звездами? Путь обратно долог и полон опасностей, а она одна... И как-то ее еще примут дома? Слезы текли по щекам Джека, но он не замечал этого.

Пять дней шли они по лесной тропе. Дважды за это время пришлось стрелять: когда на них с неразумной яростью напала стая мандрагоров (пришлось перебить почти половину нападавших, чтобы остальные разбежались), и когда их выследила пара драконов (эти отступили после первых же выстрелов). К концу пятого дня троица достигла подножия высокой горы. Еще два дня тяжелого пути понадобилось, чтобы перевалить через нее, и еще день - чтобы пересечь узкую долину между гор. Потом - еще три дня мучительного подъема, тяжелый пятимильный перевал в горах Арра, и наконец - каменный форт с социнийским пограничным гарнизоном.

Здесь Чаксвилли назвал себя и коротко рассказал о событиях последнего времени. Потом все трое уселись в невиданный фургон, двигавшийся с помощью таинственной силы пара (впрочем, для Чаксвилли, похоже, и все это тайны не составляло). Немного спустя после того, как фургон тронулся, какая-та штука с делениями и стрелкой, названная смуглым "измерителем скорости", показала, что

они мчатся, пролетая почти шестьдесят миль за час. Поначалу Джеку от такой гонки было не по себе, и он старался не смотреть в окно, за которым все мелькало с пугающей быстротой, но постепенно привык и даже заинтересовался.

Следующее потрясение ожидало Джека и Полли, когда они увидали летящий в небе над ними огромный шар - несомненно, творение человеческих рук.

Местность, по которой мчался "паровик", была утыкана множеством торчащих над лужайками рогов кадмусов, о которых Чаксвилли сказал, что большинство из них заброшены.

- У нас тут была своя внутренняя война, - объяснил он, - людей и метисов против вийров, цеплявшихся за свой образ жизни и привычки. Разумеется, мы одержали победу. Новое всегда побеждает, не так ли?

Скорость заметно снизилась, потому что увеличилось количество паровиков на дороге. Проехав еще миль двадцать, Чаксвилли остановил фургон у ворот форта, гораздо большего, чем тот, что они видели на границе.

Здесь началась воинская подготовка Джека.

Его назначили на большой, покрытый панцирем, паровик, которые здесь называли "медведями". На каждом "медведе" была пушка и несколько крупнокалиберных штук - "самострелов", представляющих собой вертящееся колесо с десятком мощных стволов на нем, паливших по очереди со скоростью до десяти выстрелов в секунду. Заряжал самострелы специальный механизм. Стрелку оставалось лишь целиться и вертеть ручку колеса.

Там было еще множество других диковин, но Джеку не удалось повидать их все. Ему разрешалось покидать форт не чаще, чем раз в две недели, и то только на день - от восхода до заката. Джек узнал, правда, что большая часть удивительных технических новшеств появилась благодаря найденной социнийцами полусгоревшей древней библиотеки Арра.

X

Наступила зима.

Военная подготовка Джека продолжалась. Марши, занятия, учения и маневры сменяли друг друга в прежнем ритме, не завися от изменений погоды; метель, гололед - какая разница?! Главное - боевая готовность и выучка!

Незадолго до наступления весны батальон получил секретный приказ.

Быстро собравшись по тревоге, они двинулись в неизвестность той же дорогой, которой Джек пришел за Чаксвилли в Социнию. Миновав перевал, "медведи" вступили в долину Арчул. Древняя дорога Арра была расчищена от глины и грязи; вдоль дороги высились каменные махины фортов. Обитавших здесь мандрагоров и драконов либо перебили, либо загнали далеко в горы.

На границе Дионисии со священными землями вийров расположилась лагерем социнийская армия.

Впервые с начала службы Джек увидел Чаксвилли. Тот носил эмблему со слашларком, что означало чин полковника, цвет погон и нашивок указывал на принадлежность к штабу командующего.

Джек по всем правилам отдал честь. Полковник Чаксвилли улыбнулся и скомандовал "вольно".

- Ба, Джек Кейдж! Да ты, я вижу, уже капрал! Поздравляю... Правда, не стану говорить, что я об этом не знал. Мы ведь присматривали за тобою. Ну как, не собираешься еще дезертировать? Вон она, Дионисия, рукой подать...

- Нет, сэр, не собираюсь!

- Почему?

- По многим причинам, сэр. Большинство из них вы знаете. Но есть и такие, о которых вам, возможно, неизвестно, сэр. Я тут встретил одного парня. Он был... разведчиком в наших местах. Он говорит, сэр, что моих - мать, сестер и братьев, всех! - сослали в рудники. Отец хотел вернуться к людям, покинул кадмус. Его судили, признали виновным, приговорили к сожжению на костре. Но отец не дался живым: он вырвался на свободу и убил двух тюремщиков, прежде, чем погиб сам...

Чаксвилли, помолчав, произнес:

- Я сочувствую тебе, Джек Кейдж. Совершенно искренне сочувствую. Не хотелось бы внушать тебе напрасные надежды, но я сегодня же распоряжусь, чтобы постарались выяснить - где именно находится твоя семья. Завтра мы перейдем границу. Одно из направлений прорыва проходит рядом с рудниками. Я прослежу, чтобы о твоей семье позаботились.

Голос Джека дрогнул:

- Благодарю вас, сэр.

- Пока не за что, Джек. Да, вот еще что. Ты мне понравился с первой же встречи, хоть, возможно, сам ты так не думал. Но это так. Так вот. Не хочешь ли стать моим ординарцем, Джек? Если справишься, вскоре будешь сержантом. И к тому же - не придется самому стрелять в соотечественников, разве что нам станет уж совсем туго. Ну, решай.

- Спасибо, сэр. Это большая честь для меня. Но. должен признаться, в Дионисии есть несколько человек, которых я бы не прочь увидеть у себя на мушке...

- Ну-ну, Джек! Я все понимаю, но мы не можем позволить себе излишней жестокости и сведения личных счетов. Уцелевшие дионисийцы - это будущие граждане объединенного Социнией Дэйра.

- А вы высоко поднялись с тех пор, как мы виделись в прошлый раз, сэр, - сказал Джек. - Тогда-то вы были простым офицером, не так ли?

Чаксвилли как-то странно улыбнулся. Джек слегка покраснел.

- Должно быть, ты ничего не слышал о моей женитьбе, парень? Я ведь взял ту красивую колдунью - может, правильнее было бы сказать, суку? - в жены. А ты же знаешь, как честолюбива и напориста Полли. Она ухитрилась - неважно как - привлечь ко мне внимание командующего. По секрету, старик Ананий Кроатан всегда заглядывался - и не только - на красивых молоденьких самочек... Я стал довольно быстро расти по службе и ничуть этим не удивлен. Я действительно неплохой офицер. Я не кричу об этом на каждом углу, но сам-то я это знаю.

Джек почувствовал, что краснеет. Чаксвилли расхохотался и похлопал его по плечу:

- Нечего краснеть, парень! Я знал, что делал, когда женился!

* * *

На рассвете армия вторжения двинулась.

Небольшая численно - в сравнении с силами, которые должны были ей противостоять - она была прекрасно вооруженной, обученной, мобильной и практически не зависящей от тылов.

Огневая мощь армии была чудовищной.

План наступления был тщательно подготовлен и проработан штабами до мелочей. Никаких скрытных передвижений и ударов исподтишка - ставка делалась на демонстрацию всесокрушающей и несокрушимой силы. Против пятидесятитысячного королевского войска Дионисии социнийцы выдвинули ударный кулак в восемь тысяч бойцов - восемь тысяч из двадцати, составлявших армию! У солдат королевы было сколько угодно времени, чтобы занять позиции на подступах к Слашларку.

Колонне потребовалось всего около часа, чтобы достичь окрестностей фермы Кейджа. Из открытого люка "медведя" Джек с окаменевшим лицом сухими глазами смотрел на царящее вокруг опустошение. Рога кадмусов, почерневшие от огня, были в беспорядке повалены, лужайки вокруг вытоптаны и покрыты огромными воронками, похожими на язвы. Видимо, нападавшие пытались вести подкопы с помощью взрывчатки. Повсюду из-под снега виднелись полуобнажившиеся скелеты.

От дома, где родился Джек, остался обугленный каркас, едва прикрытый подтаявшим снегом. Амбары стояли под снегом, как забытые в поле стога; около одного валялся на боку разбитый фургон. Чувствовалось, что люди здесь исчезли еще до первых снегопадов.

Джек надолго закрыл глаза.

Р-ли! Где она сейчас, что с ней?..

Отзовись, Р-ли!..

* * *

Генеральное сражение началось в полдень. Главный удар нанесли "медведи", за ними шли паровики с пехотой.

Через полчаса после полудня социнийская флотилия ворвалась в гавань Слашларка и начала обстрел города и форта.

Тридцать боевых аэросфероидов с новейшими нефтяными двигателями в течение часа обрабатывали позиции оборонявшихся тяжелыми бомбами.

К двум часам дня Слашларк пал.

Остатки королевской армии бежали, бросая оружие и снаряжение. Это был разгром.

В городе оставили небольшой гарнизон, а ударная группа покатилась дальше по гладкому шоссе Арра, стремясь использовать преимущество в скорости.

"Медведи" шли впереди.

Если на дороге встречались завалы или баррикады, их попросту обходили, не снижая темпа движения: план кампании предусматривал стремительный бросок вперед с прорывом с ходу любых оборонительных рубежей и непрерывное развитие наступления.

Не заботясь о тылах и флангах - вперед! Армия вторжения катилась к столице. Социнийское командование не беспокоили остатки королевских войск вдоль дороги - они полностью разложены молниеносным поражением; не интересовали толпы жителей, напуганных голодных и потерявших кров - ими займутся оккупационные власти; не пугал отрыв от баз снабжения - все необходимое есть на транспортных машинах, их вполне достаточно катит в батальонных и полковых колоннах.

Вперед!

Через день-другой в Дионисию, гремя моторами, хлынет вторая волна могучей техники социнийцев - для наведения на завоеванных первой волной землях железного порядка - и надо успеть подготовить ей место для работы.

Вперед!

* * *

На марше Джек успел кое-что узнать о недавних осадах кадмусов и об ответной беспощадной "войне из-за деревьев", которую развернули вийры. Об этой войне красноречиво рассказывали дотла сожженные фермы по обеим сторонам дороги. Подкопы и мины погубили множество кадмусов, но вийры, призвав на помощь драконов, сражались самоотверженно и упорно. Драконов перебили всех до единого, но дорогой ценой досталась людям эта победа... До сих пор, несмотря на ожесточение и ярость нападавших, продолжают держаться некоторые кадмусы. И "война из-за деревьев", "война из-за угла" еще далеко не кончена.

Сейчас Джек сидел за откидным столиком в просторном кузове штабного "медведя" и принимал донесения отдельных наступающих батальонов, чтобы потом, рассортировав в порядке важности и срочности, передать с помощью дальноговорителя за две тысячи миль в столицу Социнии, в Главный штаб. Работы у него было по горло. Вчера и позавчера он несколько раз сопровождал полковника Чаксвилли на передовую: а в начале вторжения пришлось даже участвовать в рукопашной. Теперь вот приходится готовить донесения командованию.

"Таран", как неофициально называли ударную группу, стал испытывать трудности с боеприпасами. Сильный ветер держал транспортные аэросфероиды на привязи в базах, далеко от прорвавшихся войск, и нельзя было рассчитывать, что этот ветер скоро уляжется. А вчерашнее неожиданно мощное контрнаступление королевских гвардейцев Дионисии привело к незапланированному расходу патронов; контрнаступление, конечно, захлебнулось, пришлось оставить какой-то мелкий городишко, так как его нечем было защищать.

Ветер утих неожиданно скоро, небо прояснилось, и снабжение вновь наладилось. На то, чтобы разгромить королевских гвардейцев понадобилось меньше часа, и "таран" вновь, не снижая скорости, устремился вперед. До са-

мого Уитторна практически не было встречено никакого сопротивления. Видимо, дионисийцы стягивали все силы на защиту последнего оставшегося у них крупного города - Мерримота, богатого морского порта, куда была перенесена столица после того, как Сан-Дионис сгорел во время беспорядков.

В Уитторне соединились все четыре ударные группы армии вторжения, прорывавшие границу Дионисии в разных местах. Сроки встречи были выдержаны с точностью до минут; отставших не было.

Пять дней ушло на перегруппировку сил, пополнение техники и боеприпасов, реорганизацию штабов. На рассвете шестого дня начался штурм.

Мерримот пал через две недели под согласованными ударами социнийского флота, воздушных сил и объединенных наземных войск.

Город пал, но не сдался.

Солдаты королевы храбро сражались до конца. Когда стали выходить из строя стеклянные ружья и пушки (все равно бесполезные, потому что запасы пороха подходили к концу), дионисийцы взялись за луки и копья. Слабое оружие против "медведей", бомб и скорострельных винтовок!

Вскоре после победы сержант Джек Кейдж стоял на вершине невысокого холма рядом с полковником Чаксвилли и другими высшими начальниками армии вторжения и смотрел, как плененную королеву Дионисии ведут к специально отведенной для нее палатке в центре лагеря победителей. Елизавета Третья, крупная хорошо сложенная женщина тридцати пяти лет с огненно-рыжими спутанными волосами, покрытым грязью аристократическим лицом и гордым взглядом, была бледна, но держалась высокомерно, распрямив плечи и высоко подняв голову.

- Мы убедили ее величество отдать войскам приказ о сдаче оружия. - сказал Чаксвилли. - Когда оккупационная армия будет здесь и займет намеченные позиции, мы должны быть готовы двинуться дальше, - к новым рубежам.

Джек машинально снял с головы каску, когда мимо него прошла королева. Он с детства привык снимать голо-

вной убор при одном упоминании королевского имени или титула в любом разговоре, в любом кругу. Королева и ее охрана прошли. Джек надел каску и стал разглядывать горящий город.

День был ясным. Солнце светило ярко, и даже сквозь гарь отчетливо пахло весной. Легкий ветерок уносил к востоку широкий шлейф дыма, закрывавший обзор. Со своего холма на северо-востоке от города Джек видел все, как на ладони.

Впрочем, мысли его были далеко.

Джек думал, когда будет известно хоть что-нибудь о судьбе его родных - матери, сестер, братьев. Удобно ли спросить об этом у Чаксвилли сейчас? Пока шло наступление, полковник был слишком занят, и Джек не мог даже заикнуться о своих...

Он сделал несколько шагов к своему командиру и замер. Слова застряли в горле.

- В чем дело, Джек? - спросил Чаксвилли, взглянув на него, - ты бледный, как...

В следующий миг горло Чаксвилли также перехватило от жесточайшего потрясения; он с трудом вытолкнул из себя хриплый вздох. Смуглая кожа побледнела, сделав лицо неузнаваемым, похожим на маску. Полковник уронил головной убор и принялся ругаться сквозь редкие глухие всхлипы:

- Поздно! О, Господи, поздно... Опоздали... опоздали, Господи, на пятьдесят лет опоздали...

... Над пылающим городом медленно опускалась сверкающая сфера ста восьмидесяти футов в диаметре.

Из лагеря у подножия холма доносились беспорядочные крики и редкие выстрелы. По всей равнине сновали испуганные фигурки, похожие сверху на муравьев. Несколько боевых машин помчались прочь от города, отчаянно сигналя и дымя.

Над всей этой суетой бесшумно и плавно опускалась сверкающая сфера.

Чаксвилли застонал:

- Боже! В день нашего величайшего торжества... На пороге великой победы!.. Опоздали...

- Как вы думаете, сэр, что они теперь предпримут? - спросил Джек.

- Все, что им заблагорассудится! Все, что угодно! Мы не готовы... Мы не можем им сопротивляться!

Джек почувствовал, что его заливает липкая волна ужаса. Слишком много изображений и статуй могущественных Арра довелось ему увидеть, слишком много легенд и предсказаний о них он слышал...

- Не лучше ли нам убраться отсюда, сэр? - неуверенно спросил Джек, - мы могли бы уйти в Тракию...

Чаксвилли понемногу брал себя в руки:

- Нет, парень, бежать еще рано. Вторжение начнется не сейчас, не сегодня. Возможно, они только хотят захватить нескольких "языков", - в голосе полковника зазвучала надежда. - Похоже, это просто разведка. Если им придется возвращаться на базу, чтобы доложить результаты, вторжения может не быть еще полвека, а может и век. Черт! Еще не все потеряно! Может, нам удастся... Ей-Богу, если они чуть-чуть помедлят, мы будем готовы к встрече!

Корабль бесшумно и стремительно приблизился, завис над безлесной плешью за гребнем холма и совершил четкую посадку. Основание гигантского шара ушло в промерзший грунт на несколько футов.

Минуты звенящей тишины и тревожного ожидания... Вот в блестящем корпусе открылся люк, выдвинулся широкий трап, лег на землю.

Джек затаил дыхание; колени его дрожали. Что станут делать неведомые грозные существа, вперевалку спустившись по трапу? Просто побродят вокруг, по планете, где когда-то были хозяевами, и вернутся на корабль? Или начнут ловить ближайших к ним нынешних хозяев? А может быть, сразу предъявят свои права на все вокруг?

Да где же они?

Из темного проема в блестящем боку гигантского шара медленно появилась неясная издалека фигура. У стоящих на вершине холма вырвался дружный вздох.

На трапе стоял человек.

- Это не Арра! - выдохнул Чаксвилли, - и не Эгзви; Эгзви мельче. Неужели они прислали рабов на усмирение?..

Несколько пехотинцев, затаившихся в расщелине неподалеку от места посадки чужих, стали осторожно подбираться к блестящему шару.

- В машину, Джек, - скомандовал Чаксвилли, - поехали! Надо спуститься туда.

Джек механически повиновался. Он провел машину по извилистой дороге вниз к подошве холма, потом направил прямо к трапу. В нескольких ярдах от него затормозил, вылез вслед за полковником и направился к пришельцам.

Не оставалось никаких сомнений - перед ними люди. Большинство из них были светлокожими, их лица ничем не отличались от лиц дионисийцев или социнийцев. Один был черен, как ночь, с черными жесткими курчавыми волосами. Еще двое - пониже ростом, с необычным разрезом узких глаз и желтоватой кожей. Одежда на всех состояла, казалось, из одной вещи - от горла до щиколоток облегающего одеяния. Различались только цвета одежд и эмблемы на груди. В руках каждый держал неведомое оружие.

Стоящий впереди пришелец попытался заговорить с Джеком, но тот не понял ни одного слова. Тогда Чаксвилли отвел говорившего на несколько шагов и сам попытался завести разговор. Бесполезно! Они совершенно не понимали друг друга.

Вожак пришельцев обернулся к одному из своих, очевидно, переводчику. Тот произнес несколько фраз на разных языках. Ни одного из этих языков не знали, даже не слышали Джек и Чаксвилли. Черный принялся о чем-то совещаться с двумя раскосыми.

Джек заметил распятие, висевшее на шее у одного из пришельцев, распятие, полускрытое воротом одежды. Крест! Это не могло быть простым совпадением! Они веруют в Господа, значит... Джек медленно и внятно произнес по-латыни первую строку "Отче наш". Несколько пришельцев изумленно обернулись к нему, не веря своим ушам. Человек с крестом опомнился первым и продолжил молитву с того места, где остановился Джек. Его произношение несколько отличалось от речи дионисийских священников, но понять было можно. Понять! Джек не знал по-латыни ни слова, кроме вызубренных с детства молитв и выражений, которые слышал во время мессы...

Чаксвилли мгновенно сориентировался в обстановке и послал солдата за ближайшим священником. Солдат воз-

вратился через час с насмерть перепуганным епископом Пассосом, плененным вместе с королевой. Когда епископ понял, чего от него хотят, он почти успокоился и вскоре уже довольно бойко беседовал с пришельцем-христианином. Полковник Чаксвилли тут же произвел пленного священника в официальные переводчики при штабе армии Великой Социнии.

- Они прибыли с Земли! - провозгласил епископ Пассос. - Хвала Всевышнему, они земляне! А он, - Пассос указал на человека с распятием, - священнослужитель Святой римско-католической церкви. На земле ему посчастливилось говорить с самим Его святейшеством папой римским!

Чаксвилли, как всегда, освоился очень быстро. Он тихо шепнул Джеку:

- Интересно, будет ли он так же радоваться, когда обнаружится, что для попа с Земли он - еретик. У него нет ни малейшего представления о том, насколько католицизм Дионисии отклонился от первоначальной веры.

Затем епископ произнес:

- Отец Гудрич говорит, что мы, должно быть, ошибаемся. Не мы говорим по-английски! Говорят они!

- Две различные ветви, - сказал Чаксвилли. - Языки тоже разошлись. Спросите у них, не хотят ли они посетить нашего командующего. Или, если они нам не доверяют, - а я не могу порицать их за это, - можем ли мы оглядеть их корабль внутри?

При посредничестве двух переводчиков главный среди землян ответил, что он посетит командующего в его палатке. Такое бесстрашие означало, что пришельцы чувствуют себя в безопасности. Джек решил, что они, должно быть, обладают очень могучим оружием. От его радости не осталось и следа. Он начал раздумывать, а не являются ли земляне угрозой, не меньшей, чем Арра. Судя по выражению лица Чаксвилли, того обуревали такие же мысли.

В палатке генерала Флорца Дэйриане и земляне беседовали до поздней ночи. Джеку разрешили прислуживать Чаксвилли, поэтому он слышал весь разговор. Когда земляне обнаружили, что дэйриане были потомками потерянной колонии Роанок и других аналогичных поселений,

насильно переселенных сюда, настала их очередь изумляться. Однако сообщения о существовании Арра и Эгзви заставили их насторожиться.

Джек, зная, что они пользуются разновидностью английского, внимательно вслушивался в их речь. Спустя полчаса он уже понимал некоторые слова.

Чаксвилли и генерал, в свою очередь, расспрашивали пришельцев. Каким образом им удалось преодолеть пространство? Что за энергию они применяют? Что представляет собой Земля сейчас? Пришельцы, казалось, отвечали честно. Многие из их ответов вызывали тревогу. Джек задумался, не сошла ли с ума вся Земля? Могли ли люди в здравом уме вести подобный образ жизни? Земляне же, однако, заявляли, что они счастливы и что Земля процветает.

С помощью переводчиков капитан звездолета "Юнайтед" Свенсон объяснил, насколько ему известно, что его корабль первым достиг обитаемой планеты. С Земли стартовали еще два исследовательских звездолета, но совсем в других направлениях. Экипаж "Юнайтед" был подвергнут глубокому замораживанию на те 30 земных лет, которые ушли на полет. Вблизи солнца Дэйра автоматика оживила их, и они стали проверять, на каких планетах системы возможна жизнь.

Они кружили вокруг Дэйра несколько суток. Глядя через приборы с очень сильным увеличением, они с удивлением обнаружили существа, точь-в-точь похожие на них. Такое совпадение было совершенно невероятным. Они также во всех подробностях рассмотрели вийров и поняли, что те несколько иной породы или даже вида.

Капитан Свенсон сказал, что сообщение о существовании Арра и Эгзви очень его встревожило. Они представляли реальную угрозу для Земли.

- Чтобы сообщить об этом на Землю, вам нужно вернуться туда на этом корабле? - спросил Чаксвилли. - Или у вас есть средства связи в межзвездном пространстве?

Свенсон улыбнулся. Он понял, что у Чаксвилли есть и другие причины, чтобы задать этот вопрос. Но ответил он честно, что средства связи у них есть, но ответа с Земли они будут ждать около 60 лет.

- Вы захотите как можно скорее предупредить Землю об Арра, - сказал Чаксвилли. Ведь Арра уже побывали на Земле по меньшей мере дважды. В следующий раз они могут появиться как завоеватели. И этот следующий раз может наступить в любой момент.

- Вы очень проницательный человек, - ответил Свенсон. - Не стану вам лгать, мы встревожены. Сначала мы собирались провести здесь несколько лет. Теперь же нам придется отбыть через самое непродолжительное время.

- Я хотел бы узнать вот что, - сказал Чаксвилли. - Вы, земляне, рассматриваете планету Дэйр в качестве своей собственности?

Свенсон задумался на мгновение перед тем, как ответить.

- Нет, - медленно сказал он. - Правительство объявило политику невмешательства в отношении обитаемых планет. Собственностью Земли объявляются лишь планеты, не населенные разумными существами, но пригодные для обитания, при условии, что на них нет претендентов со стороны других внеземных цивилизаций. У нас нет каких-либо притязаний на Дэйр. Но нам хотелось бы заключить договор, позволяющий нам построить здесь базу. В конце концов, вам это гораздо выгоднее, чем нам. При нынешнем состоянии вашей технологии вы нуждаетесь в помощи Земли. И в следующем корабле несомненно будет много ученых, чьи знания помогут совершенствовать вашу науку.

- Сомневаюсь, - сказал Чаксвилли сухо, что мы смогли бы что-нибудь сделать, чтобы остановить вас, даже если бы склонились к этому.

- Мы здесь не для того, чтобы применять силу, - ответил Свенсон.

- Но известие об Арра может изменить намерения вашего правительства, - сказал Чаксвилли.

Свенсон пожал плечами и сказал, что он хочет вернуться на "Юнайтед". Лицо его ничего не выражало, но было в нем нечто такое, что говорило: он не удивится, если получит отказ социнийцев. Чаксвилли же и генерал были уверены - Свенсон не принял бы их приглашения, если бы подозревал, что они могут предпринять что-нибудь

против него. Это они подозревали, что все происходящее здесь записывалось теми, кто был внутри корабля.

После того как пришельцы ушли, Чаксвилли сказал Джеку:

- Мне это не нравится. Когда они вернутся и соорудят базу, - разумеется, для нашей защиты - они неизбежно подчинят нас. Слишком далеко вперед ушла их культура. Дэйр станет придатком Земли. Дэйриане растеряют всю свою самобытность и будут перенимать образ жизни землян.

- У нас будет по меньшей мере 60 лет, чтобы догнать их, - сказал Джек.

- Не говори глупостей! За 60 лет они тоже продвинутся очень далеко. А нам к тому же недостает минеральных ресурсов Земли.

- Нескольким дэйрианам не мешало бы вернуться вместе с ними, - сказал Джек. - В этом случае они могли бы многое разузнать о Земле, приобщиться к знаниям. Они могли бы оказать нам огромную помощь после своего возвращения сюда.

- Клянусь великим драконом, парень, в этом что-то есть!

Они вернулись в палатку. Джек подогрел воду с тотумом и сел вместе со своим начальником пить ее. Оставаясь наедине с Джеком, Чаксвилли был очень демократичным.

- Мы попали в беду, Джек. Мы не сможем двигаться дальше без помощи Земли. Но если мы примем ее, мы перестанем быть дэйрианами.

Он трахнул кулаком по столу.

- Черт побери! Надо же, на самой вершине нашего торжества!

- Вы мне неоднократно говорили, что "следует смириться с неизбежностью исторического процесса", - сказал Джек. - Вы рассказывали о развитии Социнии, которой как бы самой судьбой было предназначено завоевать остальных. Теперь история на стороне землян. Почему же вы сами не можете смириться с неизбежностью?

Чаксвилли вспыхнул. Однако через несколько секунд лицо его прояснилось, и он рассмеялся:

- Побит собственным же оружием! Надо же!

Некоторое время он молчал. Джек снова наполнил их чашки.

- Если бы мы могли захватить экипаж, а затем и корабль, - размышлял вслух Чаксвилли, - добытое таким образом знание дало бы грандиозный толчок нашей науке. Возможно даже, что к тому времени, когда сюда прилетит еще один корабль с Земли, мы могли бы встретить землян более чем на равных.

Он поднялся.

- Генерал Флорц сказал, что он слишком устал для того, чтобы говорить со мной сегодня ночью, и что мы обсудим все это завтра. Нет, чтоб его дракон побрал! Мы обсудим это сегодня! Сейчас совсем неподходящее время, чтобы отсыпаться!

Он вышел из палатки. Джек поразмышлял еще некоторое время, начал зевать и лег спать. Ему казалось, что он только-только закрыл глаза, когда кто-то начал его трясти за плечо.

Над ним стоял какой-то сержант. Джек прищурился, стараясь не глядеть на свет фонаря, висевшего посреди палатки.

- Что, черт побери, стряслось? - недовольно спросил он.

- Ты, должно быть, великий кобель, - сказал сержант. - снаружи лагеря тебя поджидает какая-то женщина. Она говорит, что ей нужно повидаться с тобой, что ради этого можно даже разбудить тебя. А теперь скажи, когда же это ты, дьявол тебя побери, умудрился выкроить время, чтобы договориться с женщиной?

Джек сел и начал натягивать сапоги.

- Я ни с кем не договаривался.

Он поднялся, не в силах скрыть волнение.

- Может, это моя мать или одна из моих сестер. О боже, неужели им удалось живыми выбраться из рудников!

- Она слишком молода, чтобы быть твоей матерью. Должно быть, это сестра.

- А она что, не сказала, кто она?

- Нет. Просто сказала, что она одна из женщин с фермы твоего отца.

- Смуглая? С торчащими скулами? - спросил Джек.

- Да нет, она светловолосая и привлекательная.

- Элизабет!

Джек выскочил из палатки, затем вернулся, услыхав напоминание сержанта о том, что надо прихватить с собой

оружие. Джек поблагодарил его - быть пойманным без оружия во время военных действий означало для солдата смерть - а затем снова побежал. У границы лагеря он перешел на быстрый шаг. Ему вовсе не хотелось, чтобы какой-нибудь сверхбдительный часовой подстрелил его.

Лагерь был со всех сторон окружен паровиками, стволы которых были направлены наружу. В каждом третьем из них было не менее двух дежурных. Часовой окликнул Джека. Тот произнес соответствующий пароль и затем спросил, где женщина, которой нужен Джек Кейдж. Часовой показал на небольшой костер метрах в ста пятидесяти от лагеря. Ближе женщине подойти не разрешили.

Он побежал по промерзшей земле, выдыхая на бегу клубы пара. Днем снег подтаивал, но по ночам было весьма холодно. Он почти скользил по насту. Наконец он оказался рядом с плотно закутанной фигурой женщины, стоявшей у костра.

- Элизабет! - закричал он и обнял ее. Раздался знакомый ласковый голос.

- Нет, Джек. Р-ли.

Он сделал шаг назад. На какое-то мгновение лишился дара речи.

- Ты? Что... Как? Что ты здесь делаешь? Я думал...

- Я тогда вернулась домой, Джек. Но кадмусы были уже взорваны. Все погибли. Поэтому я удалилась в долину в Тракии. Но мы слышали о войне между людьми и вийрами. Мы не могли отсиживаться в безопасности, пока наших соплеменников истребляли. Мы организовали несколько отрядов, я была в одном из них.

В конце концов, после того как меня несколько раз едва не убили и не взяли в плен, я была вынуждена искать убежище в одном из кадмусов, который еще держался. Мы думали, что через несколько дней все погибнем, так как люди выкопали огромные ямы у основания кадмуса и были готовы к тому, чтобы заложить в них заряды.

Вот тогда-то мы и услыхали о нападении Социнии. Осаждавшие оставили нас в покое. Я думаю, что они ушли оборонять Мерримой. Я надеялась на то, что ты будешь в войсках Социнии и поэтому пошла сюда. И вот... я здесь.

Джек страстно обнял ее и начал целовать как безумный.

- Ты не представляешь себе, как мне тебя недоставало, - без устали повторял он.

- Я боялась, что ты будешь ненавидеть меня за то, что я тебя покинула.

- Так оно и было в течение долгого времени. Но в конце концов я сказал себе, что иначе ты просто не могла поступить. Ты не могла изменить своему предначертанию. И тогда мне снова стало недоставать тебя. Многие ночи я не мог уснуть спокойно, потому что думал о тебе. Я собирался отправиться на поиски, как только все это закончится. Но я уже не верил, что найду тебя. Это просто божья благодать, что я могу снова увидеть тебя, держать тебя в объятиях.

Он стоял, не зная, что предпринять.

- Я не могу позволить тебе оставаться здесь одной. Слишком много бродяг околачивается вокруг. Но я не могу забрать тебя к себе в лагерь. Дисциплина здесь адски строгая.

Хотя земляне - ты слышала о них, да? - побудили нас изменить свои планы. Мы останемся здесь, пока все не уладится. Так что... и все же, где ты можешь чувствовать себя в безопасности?

- Мой кадмус всего лишь в пяти милях отсюда, недалеко от Мерримоя. Он очень крупный и расположен на плоской вершине крутого холма. Его нетрудно защищать. Люди понесли большие потери, прежде чем загнали нас под землю. Я могу вернуться туда и буду там в безопасности.

- Я пойду за тобой, как бы далеко ни был твой дом. Я не хочу, чтобы какой-нибудь бродяга убил тебя. Черт побери, я дезертирую! Я останусь с тобой!

Она улыбнулась, покачала головой, любовно погладила его.

- Нет, я не позволю, чтобы ты снова рисковал собой ради меня.

- Так я, по крайней мере, хотя бы провожу тебя.

- В этом нет необходимости. Мои провожатые прячутся в тени. Ведь я все-таки дочь О-рега.

Они беседовали не меньше часа, целовались, жалели, что не могут остаться где-нибудь наедине. Затем Р-ли нежно, но твердо попрощалась и исчезла в темноте. Джек

вернулся в лагерь, где ему пришлось выслушать несколько непристойных, но добродушных шуток. К тому времени, когда он добрался до палатки, уже занимался рассвет. Чаксвилли встретил его у входа.

Он удивленно спросил у Джека, где он пропадал. Джек честно рассказал обо всем. Чаксвилли, казалось, был доволен, но вскоре его настроение испортилось. Он велел Джеку приготовить еще тотумной воды.

- Флорц слишком ошеломлен и напуган, чтобы предпринять что-нибудь решительное. По-моему, он вообще ничего не сделает. Мы не можем просто так сидеть на онемевших ягодицах, поэтому я запросил по дальновидению штаб-квартиру в столице Социнии. Они согласились, что нужен человек, который способен на решительные поступки. Они переговорили с Флорцем. Сказали, что больше не нуждаются в его службе. Поэтому он завтра возвращается в столицу, где его встретят как героя. Большой парад, речи, цветы, вино, женщины... Теперь главнокомандующий - я!

Чаксвилли встал, сцепил пальцы за спиной и стал расхаживать.

- Не легко принять это решение. Если мы нападем, то по всей вероятности, будем уничтожены. Или корабль просто поднимется в воздух и оставит нас ни с чем. Если же мы ничего не предпримем, нам останется подбирать крохи знаний с их барского стола. Но они не захотят, в этом можно быть уверенным, чтобы мы узнали слишком много. Мы, возможно, станем весьма хорошо вооружены к тому времени, когда они вернутся. Нам очень нужна их наука. Арра могут здесь появиться до прибытия второго корабля землян. А мы будем так беспомощны! Более того, если мы сумеем захватить корабль и его экипаж, возможно, пройдет лет сто, а может, и больше, прежде чем сюда заявится другой корабль с Земли. А когда это произойдет, мы будем готовы к встрече с ним и с Арра, а заодно и с Эгзви.

- Так вы намереваетесь напасть на них, сэр?

- Да! Весь вопрос только как? Пока корабль наглухо закупорен, мы ничего не можем предпринять. Наши пушки бессильны перед металлом, из которого он сооружен. Готов поставить об заклад последние штаны! И мы

не можем подобраться так близко, чтобы можно было ворваться, когда дверь откроется. Их капитан был настолько любезен, что поведал мне о том, что у землян имеются средства, которые позволяют заранее обнаружить нападение.

Насколько я понимаю, даже эти мои слова, произносимые сейчас, могут быть услышаны с помощью их дьявольских машин!

- Мне кажется, сэр, что у вас сейчас есть только две возможности, да и то не очень хорошие. Вы можете захватить в плен капитана и всех, кто будет с ним, когда они еще раз выйдут из корабля. Либо вы сумеете уговорить их взять с собой на Землю нескольких социнийцев. В этом случае, социнийцы могут попробовать захватить корабль и вернуться на нем сюда.

- Социнийцы, которых они возьмут с собой в качестве пассажиров, не смогут управлять таким кораблем. Даже если они заставят это делать землян, то те, скорее всего, разобьют корабль, но не допустят, чтобы он попал в наши руки. На борту корабля всегда найдутся один или два героя.

- Но... гм... если бы мы могли добиться, чтобы нас пригласили прогуляться по кораблю, или на званный ужин, то тогда...

- Они обязательно предпримут меры предосторожности на случай вероломства.

- Это не будет вероломством, если мы предварительно не дадим обещания!

Чаксвилли пожал плечами, походил немного по палатке, потом лег в постель, а несколькими минутами позже то же сделал и Джек. Однако проспал он всего лишь часа два, когда его разбудил Чаксвилли. Корабль с Земли снова выставил трап и по нему спустился Свэнсон с несколькими спутниками. На этот раз они взяли с собой машину для передвижения. Она была небольшой, вытянутой как игла и летела в нескольких метрах над землей. Она направлялась прямо к лагерю.

Чаксвилли развил бурную деятельность. Он проинструктировал двенадцать офицеров, заставил их повторить свои распоряжения, чтобы исключить всякую ошибку.

Если он даст условный сигнал, они набросятся на землян в соответствии с заранее намеченным планом и одолеют их. Пришельцев нужно будет сразу же заставить молчать. Если даже у землян будет аппаратура, которая обеспечивает связь с кораблем, она не зарегистрирует ничего подозрительного. Капитана Свэнсона отведут подальше, чтобы остальные не смогли ничего услышать, после чего у него отберут аппаратуру для разговоров на расстоянии и скажут, что он должен делать, если хочет остаться в живых. Если он согласится, его сразу отведут назад, к основной группе. Он должен будет вести себя так, будто ничего не произошло. Тем временем остальных уведут в сторону и сделают точно такое же предложение, что и капитану. Затем пришельцы и их захватчики взойдут на борт корабля. Там социнийцы попытаются продержать входную дверь открытой достаточное время, чтобы заранее спрятанный за деревьями неподалеку отряд мог ворваться внутрь.

Для осуществления плана Чаксвилли социнийцы заберут у землян их оружие, научатся стрелять из него, а затем воспользуются им внутри корабля.

Если люди Чаксвилли не увидят сигнала во время совещания, они будут обращаться с землянами как с почетными гостями.

- Это слабый и безумный план,- признался Чаксвилли Джеку.- И слабость его, и безумие - от отчаяния. Если один из офицеров Свэнсона решит пожертвовать собой ради спасения корабля и закричит, то все пропало. Даже если нам удастся прорваться внутрь корабля, мы вряд ли сумеем овладеть помещением, откуда он управляется. Мы даже понятия не имеем, где оно находится и что из себя представляет.

Прибыли земляне. Они были удивлены, что Чаксвилли теперь уже генерал и поздравили его. Свэнсон решил, что информация об Арра слишком важна для Земли, чтобы откладывать ее передачу. Поэтому "Юнайтед" должен будет отправиться в полет уже через неделю.

Тем не менее, он хотел бы договориться о том, чтобы оставить здесь ученых, инженеров и техников. Они не только будут собирать данные, касающиеся планеты, ее жизни и истории, но и активно содействовать прогрессу

Социнии. Убежденные в том, что социнийцы не только могут победить в этой войне, но и должны это сделать, поскольку в этом случае дэйриане станут единым народом, земляне решили признать социнийское правительство в качестве полномочного представителя всей планеты Дэйр.

- Тем не менее,- продолжал с помощью двух переводчиков капитан Свэнсон,- необходимо, чтобы мы заключили официальное соглашение. В равной степени важно для нас организовать базу для тех, кого мы здесь оставим. Мы смонтируем на ней определенное оборудование и наши люди будут на нем работать. Я предлагаю, чтобы ваши представители, возможно даже вы, генерал Чаксвилли, прибыли вместе с нами в столицу Социнии. Вы сможете объяснить главе вашего государства, кто мы, что из себя представляем и чего хотим.

Чаксвилли улыбнулся. Только Джек догадывался, что скрывается за этой улыбкой.

- Наша армия должна немедленно выступить в направлении границы. Но вы для нас гораздо важнее, чем покорение других государств. Мой заместитель сможет командовать войсками, пока я буду сопровождать вас в Грэйтхоупс.

- Вы хотите закончить свои завоевания с минимумом кровопролития?- спросил Свэнсон.- Если бы вы могли задержать выступление своих войск, то мы снабдили бы вас средствами для осуществления этого гуманного плана.

Чаксвилли в ответ сказал, что это более чем великодушно. И что же это за средства?

- Их у нас несколько,- ответил капитан.- Но как мне кажется, лучше всего было бы применить газ, который лишает сознания наших противников на несколько часов. У нас также есть устройства, чтобы парализовать сражающихся в ближнем бою.

- Очень хорошо,- произнес Чаксвилли.- Я переговорю о всех ваших предложениях со столицей по дальноговорителю. И возьму с собой около десяти офицеров своего штаба.

- Очень жаль,- покачал головой Свэнсон,- но у нас нет возможности принять на борт корабля такое количество ваших людей.

Чаксвилли скрыл за внешней невозмутимостью горечь от рушившихся планов и понимание того, что капитан лжет. Он спросил, может ли взять с собой хотя бы четырех. Свэнсон согласился. Земляне ушли, а Чаксвилли так и не подал знака.

- Можно ли мне взять Р-ли, сэр?- спросил Джек.- Мне бы хотелось, чтобы она была в безопасности в Социнии.

- Неплохая мысль. Может быть, если земляне увидят, что мы привели с собой женщину, они не будут так сильно беспокоиться о том, что мы захватим корабль.

- Вы все еще не отказались от этой мысли, сэр?

- Если выпадет хоть малейший шанс, мы должны попытаться,- кивнул Чаксвилли. Он написал на бумажке несколько имен и отдал ее Джеку.- Теперь, до того, как ты пойдешь за своей сиреной, вызови ко мне этих людей. Это смелые и быстрые ребята.

Через несколько часов Джек на паровике возвращался в лагерь. Рядом с ним сидела Р-ли. Он объяснил ей, что может произойти и что, может быть, для нее будет лучше, если она за ним не последует. Но Р-ли ответила, что предпочитает быть там, где находится он.

Неподалеку от лагеря Джек сказал:

- Я много размышлял над тем, что говорил Свэнсон. Земляне теперь единый народ и остаются землянами, где бы они не были. Но социнийцы не этого хотят. Они хотят овладеть планетой для себя. Но при этом всем твердят, что их война оправдана, так как объединит Дэйр и сделает планету достаточно сильной, чтобы единым фронтом противостоять Арра и Эгзви.

Теперь все переменилось. Земля может объединить нас без всякого кровопролития. И мы крайне нуждаемся в землянах. Что с того, что мы утратим свой язык, свою веру, свою религию? Они так же будут утрачены под игом социнийцев. К тому же, они не имеют особого значения. Чаксвилли сам твердит о том, что они погибнут, ибо возникнет новая культура. Вся разница только в том, что это будет земная культура, а не социнийская.

- И что ты намерен делать?- спросила заинтересованно Р-ли.

- Не знаю. Один раз я уже стал предателем своей страны, поскольку понял, что она является носителем зла. Смогу ли

стать предателем во второй раз, вот в чем вопрос! Это было бы в еще большей степени оправданным, чем тогда. Но меня мучает вот что. Был ли я предателем потому, что не имел понятия о верности своему государству и думал только о себе? Или мой поступок был оправдан?

В палатке командующего их приветствовал сам Чаксвилли. Он отвел Джека в сторону и сказал:

- Тебе ничего не придется делать, пока мы будем на корабле. Чтобы показать землянам, что я не намерен совершить какие-либо вероломные поступки, на корабль отправляются только ты, Р-ли, священник и я сам.

- Почему?- удивился Джек. Он достаточно хорошо знал своего начальника, чтобы не догадаться, что тот задумал какой-то более выигрышный план.

- Рядом с Народной Палатой есть большой газон,- признес Чаксвилли, имея в виду дворец, в котором жил глава государства Социнии.- Сейчас там тысячи людей подкапывают как кроты. Они заложат в ямы огромное количество взрывчатки, прикроют ее землей и вернут на место дерн с травой. Я предложу землянам, чтобы они совершили посадку на этом газоне. Причин отказываться у них не будет. Слишком уж уверены они в своей неуязвимости. После того, как откроется выход, и мы вместе с землянами, пройдем в Народную Палату, взрывчатка будет взорвана.

Мы не думаем, что взрыв причинит кораблю хоть малейший вред. Но сотрясение либо убьет всех, кто там находится, либо лишит их сознания. Наши солдаты немедленно ворвутся внутрь после взрыва и захватят корабль.

Чаксвилли принялся расхаживать по палатке с торжествующей улыбкой.

- А что будет со следующей земной экспедицией?- спросил Джек.

- Если мы будем готовы к тому времени, мы нападем на нее. Если же нет, то сделаем вид, что понятия не имеем ни о каком земном корабле. И захватим следующий корабль, как и первый.

Чаксвилли продолжал говорить, не умолкая, пока не пришло уведомление о том, что Свэнсон готов к вылету. Чаксвилли ответил, что еще не готов. Он связался по дальноговорителю со столицей и справился, как продвигается

работа по устройству ловушки. Ему велели потянуть еще два часа. Чаксвилли отправил послание Свэнсону, в котором говорилось, что президент Социнии все еще советуется со своими министрами об условиях договора и он уведомит Свэнсона, как только совещание закончится. Землянам ни к чему торопиться, если у них есть корабль, который способен долететь до столицы всего лишь за один час.

- Это даст нам фору по меньшей мере в три часа,- сказал Чаксвилли Джеку.

Джек подумал, что время тянется бесконечно. Он сидел рядом с дальнеговорителем, ожидая сообщения из столицы. Р-ли сидела на стуле рядом с ним. В одежде она выглядела очень непривычно. Более того, у нее было какое-то отчужденное выражение лица. В конце концов, как только Чаксвилли на минуту вышел из палатки, Джек обратился к ней:

- О чем ты думаешь?

- Во-первых, я думаю о том, как мы жили раньше и о том, что все это для нас навсегда потеряно. Ты не представляешь себе, как это все много значит для вийров. Несмотря на все недостатки человеческого общества, люди гораздо легче ко всему приспосабливаются - в широком смысле этого слова. И все же, я могу воспринять перемены. Просто должна, чтобы выжить!

Но Сициния, как только установит новые порядки, сама по себе станет носительницей старых. Ее идеалы, даже если они и были раньше обоснованы, более уже таковыми не будут. Следовательно, они должны обратиться в прах так же, как люди и гривастые уступят свое место метисам. Это логично и справедливо.

Джек ничего не ответил, но глубоко задумался над ее словами. Прошло два часа. Еще полчаса. Вдруг дальноговоритель ожил. Далекий голос докладывал, что сооружение ловушки закончено.

Чаксвилли, Джек, Р-ли и епископ Пассос отправились на паровике к "Юнайтед". Оружия у них с собой не было, так как Чаксвилли хотел убедить землян в полном отсутствии враждебных замыслов. Когда они прошли внутрь корабля, вход закрылся и они почувствовали, что поднимаются вверх. У капитана Свэнсона и отца Гудрича

были небольшие черные коробочки, свисавшие на веревочках с шеи. Из каждой коробочки шел провод к затычке, вставляемой в ухо. Свэнсон взял со стола четыре подобных коробочки и вручил их каждому дэйрианину, объяснив через священника:

- Этот прибор поможет нам разговаривать, не прибегая к помощи переводчика. Мой преобразователь принимает ваш английский язык, улавливает смысл сказанного и воспроизводит его на земном аналоге.

Это не очень-то совершенный переводчик, так как ваш английский сильно отличается от нашего. У вас сохранилось очень много слов, которые мы уже давно не употребляем. Некоторые слова, хотя и общие для наших языков, но имеют совершенно другое значение. Вы позаимствовали много слов у гривастых, да и синтаксис у вас несколько отличается от нашего. И все же, я надеюсь, что нам удастся, по крайней мере на процентов девяносто, понять друг друга без помощи переводчиков.

Ваши приборы будут точно так же преобразовывать мое произношение в привычное для вашего уха.

Они попробовали пользоваться этими преобразователями. Хотя слова звучали в его ухе как-то металлически, вовсе не так, как их произносят живые люди, Джек быстро преодолел связанные с этим неудобства. Он понимал почти все, что говорил капитан. Главная трудность заключалась в том, что он слышал Свэнсона, говорящего как бы в два голоса. Однако, поскольку речь собственно Свэнсона была совершенно непонятна для дэйрианцев, она казалась просто отвлекающим шумом. Джек научился не обращать на нее никакого внимания.

Капитан повел их осматривать корабль. Джек, Р-ли и епископ даже не пытались скрыть свой страх и изумление. Чаксвилли несколько раз не выдерживал и ойкал от неожиданности, но все же большую часть времени лицо его было совершенно непроницаемым.

После осмотра корабля Свэнсон пригласил их к обеду. Не угодно ли помыть руки перед едой? То, как он произнес эту фразу, дало им ясно понять, что капитан будет удивлен и обижен, если они откажутся. Епископ вошел в одну умывальную комнату, Чаксвилли в дру-

гую. Джек и Р-ли стали дожидаться своей очереди. Чаксвилли в нерешительности остановился на несколько секунд, прежде чем уйти от них, и Джек понял, что он не хотел бы оставлять их наедине с землянами. Однако, правила этикета требовали, чтобы Чаксвилли, как начальник Джека, шел мыть руки первым.

Именно тогда Джек принял окончательное решение. Сейчас или никогда! Ибо он сомневался, будет ли еще хоть раз с глазу на глаз со Свэнсоном. Более того, через тридцать минут корабль должен будет совершить посадку в столице Социнии Грэйтхоупсе и вот тогда он уже ничего не сможет предпринять.

- Капитан!- обратился он к Свэнсону,- я должен вам кое-что сообщить.

Через несколько минут из умывальных комнат вышли епископ и генерал. Джек вошел в ту из них, где раньше был его начальник, и долго и нудно мылся. Когда он безо всякой охоты вышел, все вокруг молчали и были бледны. Одна Р-ли улыбалась Джеку.

- Предатель!- зло прошипел Чаксвилли.

Джек дрожал, ощущая себя виноватым, хотя и был убежден в обратном. Однако ему все же удалось сохранить твердость в голосе.

- Я решил рассказать все, что знаю, Свэнсону по тем же причинам, по которым решил присоединиться к социнийцам. Вы были тем человеком, который в обоих случаях меня убедил.

- Тем не менее, мы можем идти обедать, если у кого-нибудь остался аппетит,- пригласил Свэнсон.

- Я склоняюсь перед неизбежным ходом судьбы,- медленно подбирал слова Чаксвилли.- Гораздо важнее, как я полагаю, чтобы человечество существовало объединенным, а не разъединенным на враждующие между собой нации. Но очень нелегко отказываться от своей мечты.

- Тем, кто был против вас в прошлом и потерял все, что имел, в этой битве, наверно было столь же трудно отказываться от своих идеалов,- произнес Свэнсон.

XI

Через двадцать минут показался Грэйтхоупс. Он находился в долине, окруженной со всех сторон крутыми остроьерхими горными вершинами. "Юнайтед" направился прямо к подготовленному для него посадочному полю. Однако, примерно в километре над землей, он остановился и сдвинулся чуть в сторону от посадочной площадки. Прошло пять минут. Внезапно земля перед кораблем исчезла. Клубы поднявшегося дыма образовали гигантское грибоподобное облако.

- Если бы я хотел,- пояснил Свэнсон,- я мог бы приказать, чтобы весь город был просканирован нашими лучами, заставляющими взрываться любые взрывчатые вещества. Каждая частица пороха во всей округе взорвалась бы. Если бы я пожелал, я мог бы то же самое проделать с каждым квадратным метром этого материка.

Корабль сел у края широкой и глубокой воронки, которая образовалась на месте газона.

Через три дня был подписан договор, а еще через неделю была построена с почти волшебной скоростью и с помощью невообразимых машин база землян. А "Юнайтед" покинул планету Дэйр.

Джек и Р-ли провели конец зимы на базе. Оба делились знанием своих родных языков с землянами. Лингвисты объяснили, что не столько интересуются возможностью говорить на их языках, сколько стремятся сохранить их для дальнейшего изучения. Они ожидали, что язык социнийцев, гибрид английского и взрослого наречия гривастых, поглотит оба языка.

Услышав это, Чаксвилли фыркнул:

- О чем они говорят - о том, что земной язык погубит социнийский. Но это случится гораздо позже. Чаксвилли дал Свэнсону торжественную клятву, что против Кейджа не будут применены никакие репрессивные меры за то, что он разоблачил попытку захвата "Юнайтед". Джек и Р-ли не были уверены в том, что его слову можно доверять. Но единственной альтернативой для них было путешествие на Землю, а этого они не хотели. Лучше рискнуть, оставаясь в знакомом мире, чем оказаться в обществе, абсолютно новом для

них, обществе сложном, ошеломляющем и совершенно чуждом.

ЭПИЛОГ

Пришла весна. Солнечным утром Джека и Р-ли переправили в район фермы Кейджа на одной из летающих машин, которые "Юнайтед" оставил на базе. Земляне снабдили их палатками, пищей, оружием и инструментами. Они пожелали им удачи и улетели.

Джек долго глядел на иглу воздушной лодки, пока та не растаяла в голубом небе. Пополневшая в ожидании ребенка Р-ли стояла рядом с ним. Только после этого он заставил себя взглянуть на опустошение, открывшееся после таяния снега. Нужно потратить несколько лет, чтобы построить дом и амбар, достаточно большие и прочные, чтобы удовлетворить его. Там, где сейчас лежат развалины дома его отца, он соорудит небольшую бревенчатую хижину. Позже, после того как он соберет два-три урожая и появятся еще дети, он добавит к ней пару помещений. Вспахать землю будет очень и очень непросто, потому что у него не было единорогов, и не предвиделось, что удастся раздобыть хотя бы одного. Но земляне пообещали привезти ему плуг. Он надеялся, что они не забудут. Хотя он и понимал, что они очень благодарны сейчас ему за свое спасение, но благодарность, увы, не живет вечно.

Р-ли поцеловала его в щеку.

- Не беспокойся.

- Во всяком случае, я буду заниматься тем, что знаю и люблю. Я устал торчать взаперти на базе и учить языку, обреченному на гибель. Но все сейчас так неопределенно и опасно. Мои соплеменники будут относиться ко мне враждебно, в этом не может быть сомнений. И пройдет немало времени, прежде чем окупационные войска Социнии сумеют разделаться с партизанами в горах. К тому же Чаксвилли, возможно, только и ждет случая, чтобы отомстить. Он может приказать убить меня, обвинив в смерти дионисийцев.

Она покачала головой.

- Ты здесь подвергаешься не большей опасности, чем тогда, когда все это началось. Жизнь, дорогой, очень непредсказуемая штука. Смерть же поджидает за каждым углом. Давай построим дом, обработаем нашу землю и будем растить детей. Мы не будем питать ни к кому ненависти и будем надеяться на то, что и нас не будут ненавидеть, зная прекрасно, что в этом мире существует не только ненависть, но и любовь.

Что бы потом ни случилось, мы сделаем все, что в наших силах, ради себя, ради наших детей и наших соседей. Это самое меньшее, что мы в состоянии сделать, и это далеко не все. Да, нам будет нелегко. Единственное, что легко - это сдаться.

ТАМ, ПО ТУ СТОРОНУ

FAN FABULOUS YONDER

FANTASTIC NEW-YORK 1963

I

Громко застонав, Гордон Карфакс приподнялся в постели и потянулся к Френсис.

Сквозь опущенные шторы уже серел занимающийся день, а вместе с ночью исчезла и Френсис.

С улицы доносился сбачий лай, Гордон был совершенно уверен, что сквозь сон слышал едва различимое кукареканье. Но по соседству никто не держал домашнюю птицу. Нечего так много читать перед сном, подумал он. Тень отца Гамлета и все такое. Но это объяснение было весьма шатким, чтобы опровергнуть доводы логики.

... Френсис возникла из мглы, которая всклубилась, как бы облекая нечто серое в плоть. Затем в полной тишине она медленно приблизилась, протягивая к нему распростертые руки. На теле ее не было видно следов увечий; она была такой, какой он помнил ее до несчастного случая. Она улыбалась, но что-то в этой улыбке было вымученным и даже зловещим.

— Френсис! — взмолился он. — Если бы я только знал...

А затем где-то в глубинах его сознания прокукарекал петух, и Френсис растаяла. Не просто исчезла, а именно растаяла — испарилась мгновенно, превратившись в легкое серое облачко...

Тяжело вздохнув, Гордон откинулся на спину и стал жадно впитывать в себя реальность. Но разве сны не являются составной частью реальности?

И разве только в сновидениях могут возвращаться к жизни покойники?

Раймонд Вестерн считает, что это вовсе не так. Нет, надо отдать должное этому чертяке. Он не говорит, что

мертвые способны воскреснуть; просто утверждает, что может определить их местонахождение и наладить связь с живыми, подкрепляя свои слова с помощью "Медиума", который, сверкая металлом, стоит в его доме в Лос-Анджелесе.

Не одному Карфаксу снились теперь покойники. Они снились всему миру. Сны эти были и тревожными, и радостными, а иногда становились сплошными кошмарами, точно так же, как и сознание живых обитателей этого мира могло быть взбудораженным или безмятежно ясным.

Сомнений в том, что с помощью "Медиума" можно с чем-то или с кем-то общаться, практически не было. И многие верили заверениям Вестерна, что эти существа являются умершими людьми.

Но у Гордона было иное объяснение феномена. Именно поэтому и возник весь этот шум. Теперь он, пожалуй, даже сожалел о том, что не сумел удержать язык за зубами. И теперь Гордон Карфакс оказался в центре внимания всего мира и, вполне возможно, мог быть впутан в дело об убийстве. Вернее, в его последствия.

Он закрыл глаза, надеясь снова уснуть, и надеясь, что не увидит снов. А если и увидит, то пусть они будут приятными. Ему всегда казалось, что он любит Френсис, но вот она пришла к нему во сне — и он испугался.

II

Заголовок гласил: "Профессор утверждает, что привидения на самом деле являются чудовищами из жанра научной фантастики".

Карфакс заставил себя прочесть статью, напечатанную под этим заголовком, затем с отвращением швырнул газету на пол, где уже валялось несколько других.

Подумать только, как эти борзописцы сумели извратить его доклад. И все же, подумал он, вытаскивая "Нью-Йорк Таймс" из вороха газет, по сути в этой статье все было изложено довольно верно.

Имя его удостоилось чести попасть на первые полосы; даже в "Таймсе" подобный отчет был приведен на первой

полосе сверху. В былые времена, еще до появления "Медиума", если даже о нем было бы упомянуто (что само по себе казалось ему очень и очень сомнительным), то где-нибудь в самом глубоком "подвале" газеты.

"Фактически мы не можем уже голословно отрицать тот факт, что вступили в общение с другим миром, другой Вселенной, — так заявил Гордон Карфакс, профессор кафедры истории средних веков Трайбеллского Университета в Бусириси, штат Иллинойс. — Однако мы не нуждаемся в привлечении чего-либо сверхъестественного для объяснения этого феномена. Прибегнув к помощи "Лезвия Оккама"...".

Разъяснение термина "Лезвие Оккама" привела газета "Нэйшнл Квосшенер". Ее редакторы прекрасно понимали (и для этого у них были весьма веские основания), что большинство ее читателей подумают, если они вообще в состоянии думать, что "Лезвие Оккама" — один из инструментов парикмахера.

Что касается "Нью-Йорк Таймс", то она не удосужилась это сделать, дабы не лишать своих читателей удовольствия лишний раз заглянуть в словарь, если в этом возникнет необходимость. Тем не менее, эта газета также прибегла к определению "научно-фантастическая", классифицируя гипотезу Карфакса.

Гордона это приводило в отчаяние, однако он вынужден был признать, что обойтись без такого определения практически невозможно — слишком уж велико было искушение у журналистов. Стоит лишь упомянуть о Пятом измерении ("Нэйшнл Квосшенер" назвала его "Четвертым", делая более понятным для неподготовленного читателя), как ассоциации с жанром научной фантастики становятся прямо-таки неизбежны. А если к этому добавить еще и: "поляризованные вселенные", "миры, параллельные нашему" или "внеземные существа с намерениями, совсем не обязательно благими в отношении Земли", то можно быть на все сто процентов уверенным, что репортеры обязательно приклеют ярлык "научная фантастика".

Точно такая же уверенность была у него в том, что у оппонентов найдутся весьма солидные основания для насмешек. Но даже еженедельник "Тайм" отказался от своей, почти что обязательной, привычки жертвовать

истиной ради остроумного сарказма. В самом конце подборки заметок, имевших целью разоблачение Вестерна и его "Медиума", "Тайм" признал, что, может быть, тот и прав.

Вскоре после этого Карфакс выдвинул свою собственную гипотезу. В стремлении найти любое другое объяснение, кроме сверхъестественного, "Тайм" поддержал его, обрушившись на Вестерна с новой силой.

В своем докладе Карфакс упоминал о том, что его гипотеза в определенной мере обязана своим возникновением научной фантастике, однако не в большей степени, чем телевидение или полеты в космос. Это сделали возможным люди, а не художественная литература. Он отстаивал право ученых внимательно рассматривать все гипотезы, чтобы объяснить природу существ, с которыми установил контакт "Медиум". И первыми среди них должны быть такие, которые дают самое простое объяснение. А именно такой является гипотеза Карфакса, согласно которой "духи" не имеют с людьми ничего общего, являясь обитателями параллельной вселенной, занимающей в пространстве то же место, что и наша. И что умершими людьми они прикидываются совсем не из добрых побуждений.

Вестерн в целой серии интервью, данных средствам массовой информации, не преминул поинтересоваться, каким же образом эти существа приобрели такие подробности и неоспоримые сведения о людях, в качестве которых представлялись.

Карфакс ответил, также с помощью массовой информации, что у них всегда были в распоряжении определенные средства слежки за людьми, но вот войти в контакт они не могли, пока не появился "Медиум". Или же, возможно, могли, но предпочли, исходя из каких-то неизвестных нам причин, чтобы мы первыми вступили в общение.

Отложив "Таймс", Карфакс развернул местную утреннюю газету — "Бусирис Джералд Стар". В ней была помещена статья, в очередной раз кратко излагающая содержание его лекции и описывающая "беспорядки", которые за нею последовали. На самом деле этими "беспорядками" была кулачная потасовка между шестью мужчинами, на-

чавшаяся сразу же после того, как был сбит с ног какой-то старик. Сбит огромной увесистой сумкой, брошенной с размаха одной из женщин.

Все это произошло уже после того, как Карфакс своим докладом завершил цикл лекций в честь некоей Роберты Блю. Одним из условий проведения этого цикла было то, что заключительный доклад отводился одному из профессоров Трайбеллского Университета. Более того, докладчик должен был говорить о том, что не имело прямого отношения к его или ее специальности.

Карфакс сам вызвался прочесть доклад. Но для достижения этой цели пришлось воспользоваться преимуществом, которое ему давало постоянное партнерство с заведующим учебной частью в покере, за которым профессура коротала воскресные вечера. Прежде он старался уклониться от подобных поручений, к тому же доклад должен был состояться в четверг вечером, а уже в следующий понедельник началась экзаменационная сессия.

Однако Карфакс до глубины души был убежден, что существует более простой и более научный подход к открытию, совершенному Вестерном. Именно поэтому он заранее уведомил представителей прессы и телевидения "Бурсириса" о предмете своего доклада, предполагая получить освещение лекции только в местной прессе. Однако директор телецентра уведомил редакцию "Чикаго Трибьюн".

Войдя в аудиторию, Карфакс обнаружил в ней добрых пятьсот слушателей, среди которых были и жители города. Хотя, как правило, данный цикл посещали не более полсотни студентов и преподавателей. Более того, присутствовало четверо репортеров из Чикаго и целая бригада Чикагского телевидения. Один из репортеров "Трибьюн" раскопал, что Карфакс и Вестерн — двоюродные братья, и это еще больше подогрело интерес средств массовой информации. И, хотя это не имело ровным счетом никакого отношения к существу доклада, пресса, не стесняясь, намекала, что диспут является продолжением семейных раздоров.

Карфаксу пришлось даже пояснить, что он еще ни разу не встречался со своим двоюродным братом. Однако это ничуть не уменьшило нездорового интереса к его выступлению.

Доклад получился сбивчивым и, по мнению самого Гордона, был провален жидкими аплодисментами и неодобрительными возгласами. По окончании его последовали вопросы.

Миссис Ноултон, высокая угловатая женщина средних лет, обладавшая очень громким, повелительным голосом, была первым и (как выяснилось позже) последним инквизитором. Совсем недавно она потеряла мужа, дочь и внука — лодка, в которой они плыли, перевернулась. Несчастная женщина верила, что все они живы, и что ей обязательно нужно поговорить с ними. Однако, истеричкой она не была, вопросы ее были вполне разумны.

— Вы продолжаете называть объяснения Вестерна гипотетическими, — сказала миссис Ноултон, когда Карфакс как можно обстоятельнее ответил на все ее вопросы. — Но ведь это не гипотеза! Это установленный факт! "Медиум" работает именно так, как утверждает м-р Вестерн. Многие из величайших умов Соединенных Штатов соглашаются с ним; и это, несмотря на то, что они же готовы были назвать его шарлатаном, когда он только приступал к изучению вопроса! Так кто же шарлатан, профессор? Вы или м-р Вестерн? Говорите, ученым следовало бы прибегнуть к "Лезвию Оккама"? Думаю, что самое время воспользоваться им вам.

— Перережьте им свое горло! — истошно завопил какой-то грузный волосатый студент.

При этом он глядел именно на Карфакса, из чего Гордон сделал вывод, что совет относится именно к нему, а не к миссис Ноултон.

Голос же вдовы становился все более высоким, ей удалось даже перекричать возникший в зале галдеж.

— Профессор, вот вы утверждаете, что мы, поверившие Вестерну, руководствовались одними лишь эмоциями, что наши действия в высшей степени субъективны. Ладно, пусть будет так! Но почему же вы сами столь эмоциональны и субъективны в отрицании наших утверждений? Ведь факты со всей очевидностью доказывают нашу правоту. Разве эта, как вы ее называете, слепая эмоциональность не является целиком и полностью вашей собственной чертой?

Эти слова крайне обозлили Карфакса, ибо обвинение имело под собой весьма твердую почву: он не был абсо-

лютно объективен в данном вопросе — его гипотеза основывалась большей частью на предчувствиях и интуиции. Правда, хорошая интуиция часто способствовала зарождению весьма спорных гипотез, которые впоследствии оборачивались отличными теориями и подкреплялись вескими доказательствами. Однако, он не мог говорить об этом открыто, при всех.

И, как выяснилось, вообще оказался не в состоянии что-либо сказать.

Какой-то мужчина рывком вскочил с места:

— Карфакс ненавидит нас! Он отрицает величайшее открытие со дня сотворения мира!

Эта, ставшая крылатой, фраза, была произнесена Вестерном. На это ответ у Карфакса был, но отвечать не пришлось. В этот момент какой-то мужчина был сбит с ног пятидесятикилограммовой сумкой (один из репортеров взвесил ее возвращая владелице сразу же после того, как она была отпущена под залог).

Шум и свалка прекратились только с появлением полиции. Иное дело — фурор в средствах массовой информации. Карфакс стал известной в масштабах всей страны фигурой. Его телефон разрывался на части — звонили со всех уголков США. Но особое его внимание привлекли два — из Лос-Анджелеса.

Первым позвонил Раймонд Вестерн. Пригласил Гордона прилететь в Калифорнию, чтобы быть бесплатно допущенным к "Медиуму". Потом в телефонной трубке раздался голос Патриции Карфакс, дочери Рафтона Карфакса, который приходился дядей как Вестерну, так и Гордону Карфаксу. Она была близка к истерике, вызванной искренним убеждением, что Вестерн убил ее отца с целью выкрасть эскизы "Медиума".

III

Сидя в удобном кресле на застекленной веранде, залитой ярким солнцем, Гордон с удовольствием потягивал только что сваренный кофе. Напиток в самом деле был восхитителен — особая смесь из шести различных сортов

южноамериканского кофе, которую он собственноручно приготавливал каждые две недели. Настроение у него было превосходным. Он с интересом наблюдал за крохотными птичками-крапивницами, которые то ныряли в маленькое круглое окошко своего деревянного домика, подвешенного к суку платана, то весело выпархивали из него; наслаждался красотой розового кардинальчика, восседавшего на краешке белой поилки с водой для птиц, стоящей рядом со стволом шелковицы.

Все в доме дышало уютом и покоем, хотя частенько он, испытывал в нем чувство одиночества. Располагался дом в зажиточном микрорайоне на окраине одного из городов средних размеров штата Иллинойс. Карфакс приобрел его вскоре после того, как был принят на работу в Трайделлский Университет. Он нуждался в некотором наружном ремонте и внутренней отделке. Внешний ремонт Гордон успел закончить, как раз перед женитьбой на Френсис, которая была счастлива расстаться со своей работой в качестве секретаря одного из деканатов. Молодая жена сразу с головой погрузилась в заботы по благоустройству дома, проявляя во всем свой прирожденный отличный вкус.

Она уже почти завершила внутреннюю отделку и начала прикидывать, что бы сделать еще...

В тот летний вечер Карфакс заметил, что остался без сигарет. Почему-то Френсис не предложила ему, как обычно, раз и навсегда бросить курить, а взялась съездить вместо него в торговый центр. По дороге домой она собиралась заехать еще в книжный магазин, чтобы выбрать новый детектив. Это вызвало у него некоторое раздражение — в доме и без того было полным-полно всяких книг — от валяющихся где попало массивных томов классиков до дешевых детективных романов в мягких обложках. Среди последних можно было набрать по меньшей мере дюжину, до которых она еще не дотрагивалась, хотя бы для того, чтобы прочесть аннотацию.

Он что-то пробурчал по этому поводу. Она ответила, что у нее просто нет настроения начинать какую-либо из них. Затем предложила Гордону составить ей компанию, поскольку и ей, и ему такая автопрогулка может принести только пользу.

Несколько сердито (вероятно, из-за того, что ощущал себя виноватым) он сказал, что хочет дочитать до конца начатую книгу, поскольку приведенные в ней сведения очень понадобятся ему для завершения цикла лекций по средневековой Англии. А если она намекает на то, что он с ней, видите ли, маловато разговаривает, то ей не мешало бы вспомнить, что только вчера он водил ее в кино, а после сеанса — в ресторан "Голова Золотого Вепря".

Френсис хлопнула дверью достаточно громко, чтобы вызвать у него чувство удивления. Ее гнев можно было бы оправдать, думал он впоследствии, так как во время сеанса они не разговаривали, а в ресторане к ним присоединился заведующий кафедрой английского языка с женой, и поэтому между собой они обменялись разве что парой слов.

А несколькими минутами позже ее уже не было на свете.

Один пожилой водитель проскочил на своем большом, тяжелом автомобиле со скоростью пятьдесят километров в час на красный свет на участке, где разрешалось только тридцать...

От малолитражки немецкого производства мало что осталось. Френсис похоронили.

Мистер Линкс, гражданин добропорядочный и очень богатый, отправился в больницу на осмотр — его беспокоила рана на голове. Кроме того, ему пришлось заплатить штраф за превышение скорости, предписываемой знаком. Линкс утверждал, что никак не мог видеть знак из-за заслонявших его кустов.

Действительно, городские власти не удосужились своевременно постричь кусты. Так что не знающий о существовании этого знака водитель из другого города мог действительно его не заметить. Карфакс, однако, знал, что старик проезжал этим маршрутом много раз. Единственным свидетелем превышения скорости был семнадцатилетний парень, который, как выяснилось, был нетрезв и ехал с просроченными правами. К тому же ему уже дважды предъявляли обвинение в угоне машин, хотя в обоих случаях дело до конца доведено не было. Во второй раз, как предполагалось, автомобиль был угнан с одной из стоянок, принадлежащих м-ру Линксу. Штраф за то, что

Линкс не снизил скорость, был выписан на основании его собственных показаний, данных сразу же, как только появился полицейский. Утверждение же о том, что он развил скорость в пятьдесят километров в час, исходило только от этого парня, ставшего свидетелем столкновения, однако похоже было на то, что его слова никто даже не собирался брать во внимание.

* * *

Две недели назад м-р Линкс слетал в Лос-Анджелес и приобрел три часа машинного времени "Медиума". По возвращении в Бусирис миссис Ноултон из "Джорнэл Стар" взяла у него интервью. В ее статье полностью приводись слова м-ра Линкса, выражающие то потрясающе благоприятное впечатление, которое произвели на него Вестерн и "Медиум". Он действительно беседовал со своею покойной, горячо любимой женой, и теперь с нетерпением ждет того момента, когда встретится с ней в "Великой Дали". М-р Линкс не приводил обстоятельных подробностей потусторонней жизни. Его больше всего интересовало, счастлива ли она, а он, со своей стороны, заверял ее, что будет несчастлив до тех пор, пока не воссоединится с нею и Господом Богом. Немало времени (по цене пять тысяч долларов за полчаса) ушло у него на то, чтобы рассказать ей, как удачно складываются дела в его агентстве по прокату автомобилей и каковы дивиденты в других финансовых начинаниях. Чистое время беседы составило около тридцати минут. Два часа ушло на то, чтобы определить ее местонахождение, еще полчаса — на установление личности, хотя сам он с первого же момента контакта был абсолютно уверен, что это она. Но в соответствии с федеральными налоговыми правилами требовалось полчаса на идентификацию личности, если сеанс не бесплатен. Даже покойники страдают от совершенно беспардонного вмешательства со стороны правительства, заявил м-р Линкс.

Тем не менее, несмотря на всю тяжесть лапы, наложенной федеральным правительством на свободное предпринимательство, "Медиум" определенно "...выявил неправоту тех безбожных атеистов, которые называют

мистера Вестерна шарлатаном, который подтвердил вечность и подлинную истинность Священного Писания".

М-р Линкс, правда, упустил из виду тот факт, что большинство течений христианства отрицало доказательство того, что "Медиум" в состоянии устанавливать контакт с покойниками.

По прочтении этой статьи Карфакса обуяла ярость. Метнувшись к телефону, он позвонил в главный офис м-ра Линкса и объяснил ему, кто он. Затем добавил:

— А почему вы не переговорили с моей женой и не попросили у нее прощение за свою преступную езду?

Сначала Линкс бормотал что-то несвязное, но вскоре овладел собой:

— Если бы вы купили или взяли напрокат хорошую американскую машину, а не эту немецкую жестянку, она была бы жива!

И повесил трубку.

Карфаксу почему-то стало стыдно, хоть он и не понимал, почему.

* * *

Теперь, прихлебывая кофе и наблюдая за птицами, он вспомнил Френсис. Наверное, стыд был вызван тем, что ему все время казалось — согласись он поехать с нею, все было бы хорошо. Если бы он настоял на том, чтобы закончить главу, а она бы подождала, то смертоносная машина промчалась бы по дороге, никого не зацепив.

Может быть, его упорное нежелание поверить Вестерну связано с тем, что он подсознательно боится ее упреков?

Гордон поднялся и отнес пустую чашку в кухню, все еще сверкающую новой краской, которой Френсис покрыла стены всего лишь три недели назад. Настенные часы показывали девять часов пять минут. Патриция Карфакс обещала позвонить в одиннадцать по местному времени. Звонить она будет из телефона-автомата, так же, как и в первый раз. Но сегодня воспользуется видео, чтобы он мог видеть ее лицо и удостовериться, что это действительно его двоюродная сестра. В семейном альбоме есть ее фотог-

рафии. Правда, на самой последней ей двенадцать лет, но она не настолько изменилась, чтобы он не смог ее узнать.

Карфакс сам предложил ей воспользоваться видеотелефоном. Из того, что ему было известно о Вестерне, он сделал вывод, что брат мог подсунуть ему девушку, выдающую себя за Патрицию, с целью дискредитировать оппонента. Вестерн, несмотря на шумную рекламу, был, по сути, весьма загадочной личностью. Истинная натура этого человека ускользала даже от наиболее дотошных репортеров.

Голос Вестерна по телефону был сочным, дружественным и производил хорошее впечатление. Большие темно-синие глаза и орлиный нос над выдающимся раздвоенным подбородком придавали его лицу выражение силы и искренности.

Но Карфакс прекрасно понимал, как мало значит внешность. Это, плюс предубежденность против утверждений Вестерна, заставило его насторожиться. И все же разговор он закончил с ощущением, что, возможно, заблуждается в отношении этого человека. Или, по меньшей мере, нужно попытаться быть более объективным, чтобы гарантировать себя от возможных ошибок.

Когда же первое впечатление прошло, в Гордоне снова возобладало ощущение какой-то неискренности, нечестности.

Вестерн пригласил навестить его резиденцию в любое время для бесплатного доступа к "Медиуму". Он обещал даже оплатить стоимость перелета в оба конца. Карфакс выразил благодарность и пообещал до субботы подумать.

Откуда такая щедрость?

Вестерн на всех парах мчался к успеху без каких-либо явных препятствий. У него хватало противников, но сторонников было больше. Гораздо больше. С чего бы это ему так беспокоиться о каком-то преподавателе истории теория которого каким-то образом появилась на свет божий?

А может, ему стало известно о звонке Патриции Карфакс?

Чего же нужно ожидать?

Но, каковым бы ни было истинное положение дел. Гордон Карфакс не собирался отказываться от предложения

Вестерна. Слишком уж далеко зашло его любопытство в отношении "Медиума". Ему нужно воочию разобраться, что к чему. Существенную роль играло и то, что он никогда не смог бы наодалживать достаточно денег, чтобы оплатить трехчасовый сеанс связи.

И, тем не менее, прежде чем звонить Вестерну, он подождет звонка от Патриции. Может быть, даже отложит разговор со своим знаменитым братом, чтобы у того сложилось впечатление, что Карфаксу не терпится.

В конце концов, если уж быть честным перед самим собой... Гордон полностью отдавал себе отчет в том, что боится этого сеанса.

С улицы донеслось урчание мотора подъехавшей машины. Хлопнула дверца, и через несколько секунд раздался мелодичный звонок.

Карфакс скривился и пошел открывать. После лекции он буквально попал в осаду телефонных звонков и посетителей. Поэтому поменял номер телефона на незарегистрированный и повесил на двери табличку:

"Пожалуйста, не беспокойте.
Если нужно что-либо сообщить — пишите".

Но многие игнорировали эту просьбу.

Открыв глазок, Карфакс неожиданно вспомнил случай, происшедший с частным детективом, который получил через замочную скважину струю азотной кислоты. Человек этот был его приятелем, и иногда они работали вместе.

На Карфаксе, однако, в этот момент были очки, поэтому за глаза можно было не опасаться.

Ухмыльнувшись от мысли, что с каждым годом он все больше становится шизофреником, Гордон посмотрел в отверстие.

Женщине было лет тридцать. Лицо красивое, хотя нос чуть длинноват и от крыльев к уголкам рта протянулись тонкие, как паутина, морщинки. Волосы, красновато-бронзовые, коротко подстрижены и, похоже, вьющиеся от природы, хотя, разумеется, глупо быть в этом уверенным. Белое, слегка примятое в машине платье посетительницы облегало привлекательные выпуклости фигуры.

Внезапно он понял, почему кольца ее волос показались ему натуральными. Он видел эту женщину раньше, хотя и не во плоти.

Карфакс открыл дверь и увидел рядом с ней два чемодана.

— Было договорено, что вы мне позвоните, — сказал он. — Все равно, входите, пожалуйста.

IV

Патриция Карфакс была очень похожа на его мать. Только волосы у нее были светлее, нос — длиннее, глаза — темнее, а ноги — длиннее.

И никогда в глазах матери он не читал такого отчаяния. Гордон вышел, чтобы взять ее чемоданы.

— Когда мы пройдем внутрь, — очень тихо произнесла она, — нужно будет сразу включить радио. Ваш дом, возможно, прослушивается.

— Неужели? — удивился он и, подхватив чемоданы, последовал за ней в комнату.

И все же, усадив Патрицию, первым делом зарядил стереопроигрыватель пятью долгоиграющими пластинками с холодной, как мрамор, музыкой Бетховена. Через несколько секунд грянула "Героическая". Гордон жестом пригласил гостью на веранду.

— Я приготовлю кофе, — предложил он. — Вам с сахаром или сливками?

— Благодарю, просто черный. Предпочитаю все натуральное.

Вернувшись из кухни с двумя чашками черного кофе, он поставил их на небольшой столик у ее кресла и пододвинул свое ближе.

— За вами кто-нибудь следует?

— Не думаю. Если бы был хвост, он сделал бы что-нибудь еще до того, как я попала в самолет.

— Он?

— Да, могли бы послать и женщину. Но, как мне кажется, все профессиональные убийцы — мужчины.

— Вы прибыли благополучно, следовательно, ни у кого не было намерения вас убивать, — мягко сказал он. —

Совершить убийство очень легко, особенно в толпе или на городских улицах. Причем не имеет особой разницы, днем или ночью.

Она тяжело вздохнула и откинулась назад. Неизвестно почему у него внезапно возникло ощущение, будто тело ее лишено костей.

— Могу поспорить, что вы голодны. Ветчина с яйцами устроит?

— Не люблю ветчину и яйца. Сделайте, если не трудно, бутерброд. Конечно же, я голодна. И, кроме того, очень измучена дорогой.

Резко выпрямившись, Патриция посмотрела ему в глаза.

— Но я не смогу уснуть, пока не избавлюсь от этой тяжести в груди!

Карфакс, не удержавшись, посмотрел на ее полную грудь. Она перехватила его взгляд, опустила глаза, затем подняла их, увидела, что он улыбается и рассмеялась. Но смех получился не очень-то сочным, а глаза остались тусклыми.

Хотя рука ее заметно дрожала, она выпила кофе, не пролив ни капли, и беззвучно поставила чашку на блюдце.

— Кажется, с моей стороны было чересчур осторожно... трусливо, если хотите, не предупредить о приезде. Но после своего звонка я много думала... Не исключено, что Вестерн поместил в вашем доме подслушивающую аппаратуру и записывают все телефонные разговоры.

— Зачем ему это?

— Потому что я поставила его в известность, что собираюсь обратиться к вам за помощью. Конечно, этого не следовало делать. Но все произошло как-то неожиданно, само собой. Я никогда не была с вами знакома, просто знала, что у меня есть такой двоюродный брат. Ваше имя вынырнуло из хлама памяти в мгновение отчаяния, и я его произнесла... Что произошло, того уже не изменить.

Мне очень нужно было выбраться из Лос-Анджелеса и переговорить с вами с глазу на глаз. Даже по видеотелефону разговор получается каким-то отчужденным, безличным, а я по горло сыта равнодушием, устала прятаться от одиночества, когда не с кем поговорить. И еще я знала, что какой-то мужчина околачивается у парадного дома напротив мотеля, в котором я жила...

— В Лос-Анджелесе?

— Да, я переехала туда, чтобы быть поближе к Вестерну. Я не имею в виду тот мотель. У меня была квартира почти в Беверли-Хиллз, но я из нее выехала, как только узнала, что Вестерн меня выслеживает. Срок моего проживания еще не кончился — я уплатила на три месяца вперед. Но после этого еще дважды меняла адрес. Оставила свой автомобиль у одного из друзей в Долине. Так и не забрала его, опасаясь слежки.

— Слишком много нужно иметь денег, чтобы оплачивать услуги человека, который будет месяцами околачиваться возле места, куда вы можете невзначай заглянуть.

— О, у Вестерна они есть! Очень много денег! Он — мультимиллионер. А деньги эти по праву должны быть моими! Он заграбастал все, да еще хочет меня убить! Точно так же, как убил моего отца!

— Вы понимаете, что я должен быть объективным. Поэтому, прошу вас, не надо обижаться на мои вопросы.

— Не буду, — упавшим голосом произнесла она. — Я знаю, что мне еще нужны доказательства.

— Я должен только получить серьезные основания для подозрения Вестерна в убийстве. Извините, но я очень сомневаюсь в том, что вы сможете что-нибудь доказать.

— Вы правы, — ответила Патриция, садясь чуть-чуть свободнее и улыбаясь. — Правы. Во-первых, вас, видимо, интересует, почему я не обратилась в полицию, чтобы рассказать о своих подозрениях? Точнее, не о подозрениях, а о фактах. Видите ли, полиция потребовала бы у меня доказательств, а я не располагаю такими, которые можно было бы предъявить суду. Их недостаточно, по правде говоря, для того, чтобы вызвать Вестерна на дознание. Кроме того, он стал такой известной и могущественной личностью, что полиция вряд ли решится на что-нибудь...

— Сомневаюсь, — сказал Карфакс. — Они, возможно, и не хотели бы его арестовать, но обязательно сделали бы это, будь у них достаточно оснований...

— И Вестерну сразу же стало бы известно, где я нахожусь, и он сразу бы добрался до меня! Единственное, что я решилась сделать — это пойти к адвокату и представить ему свое дело. Он сказал, что у меня нет шансов,

но, если я оставлю свой телефон, он позвонит мне позже — возможно, решение его еще изменится. Конечно же, я не оставила ему телефона. Поблагодарила и вышла. Взяла такси и отправилась прямо к себе в мотель. Это было ошибкой. Думаю, он послал кого-то следом...

— Кто?

— Адвокат.

— Кто именно?

Роджер Хэмптон из конторы "Хэмптон, Торберр, Рокстон и Роу".

— У них отличная репутация. Зачем Хэмптону посылать кого-то выслеживать вас?

— Потому что он подумал, что я чокнутая и прямо сейчас отправлюсь к Вестерну доискиваться правды, даже если мне придется застрелить его, чтобы сделать это! Я порядком побушевала, пока была у него в кабинете. Он мог позвонить Вестерну просто из лучших побуждений.

— Даже если он не взялся за ваше дело, сведения, которые вы предоставили, должны были остаться сугубо конфиденциальными.

— Возможно, он и не объяснил Вестерну сути дела. Но предупредил, что за ним охотится опасный маньяк.

— А может быть, он вообще ничего такого не сделал, — сказал Карфакс. — Может быть, за вами тайно следили, если вообще делали это до вашего похода к адвокату.

— Какое там "может быть"? Я точно знаю, что за мной тянулся "хвост". Я видела, как он подходил к конторке и наводил обо мне справки у портье.

— О вас?

— Потом портье подтвердил это.

— Продолжайте, — сказал Карфакс.

— Через пятнадцать минут в мотеле не было уже ни меня, ни моих вещей. Одно такси довезло меня до ресторана в Шерман-Оукс, другое — до Тарзаны. Там я наняла автомобиль, уплатив наличными, и выехала на шоссе N 1. В Кармеле у меня друзья, я собиралась укрыться у них, надеясь, что Вестерну о них ничего не известно. И вдруг на одном из крутых поворотов...

— Я знаю, — сказал он.

— Я едва не погибла! Отказали тормоза. Машина неслась вниз, едва вписываясь в повороты, и единственной

причиной, почему я не врезалась в машины на встречной полосе, было то, что никто не ехал навстречу...

Машина выписывала чудовищные кренделя, на последней кривой ее занесло. Как назло, лопнула шина, и автомобиль перевернулся. Он был полностью выведен из строя, но я, как ни странно, не получила ни одной царапины. Через некоторое время меня подобрал полицейский автомобиль и отвез назад, к ресторану, Так вот, на том месте, где я ставила машину, блестела лужа тормозной жидкости.

Я отказалась от медицинской помощи и приняла вместо этого пару рюмок виски. В это время подошел еще один полицейский и сказал, что да, действительно в моей машине был поврежден тормозной цилиндр. В этом нет никакого сомнения. И сделано это было на стоянке перед рестораном, потому что прежде тормоза были в полном порядке, а после ресторана я ими совсем не пользовалась до того злополучного спуска.

— И ни у кого другого, кроме Вестерна, не могло возникнуть желания убить вас?

— Ни у кого.

Пятьдесят очков из ста в вашу пользу, подумал он, а вслух произнес:

— Расскажите обо всем с самого начала, не то мы так и будем бродить вокруг да около. Вопросы я буду задавать потом.

— Хорошо. — Она вздохнула. — Вы знаете, что мой отец был профессором физики в Бигсарском университете, в Калифорнии?

— Я читал об этом в газетах. Между прочим, все, что мне известно по этому делу, я почерпнул в "Нью-Йорк Таймс". Местные газеты упоминали об этом лишь мельком.

— До того, как переехать в Бигсар, он преподавал в университете штата Калифорния в Лос-Анжелесе. Уже тогда, должно быть, отец работал над "Медиумом". Он проводил массу времени над уравнениями, чертежами, схемами, крохотными моделями тех или иных устройств — я видела это, когда приходила к нему в кабинет. А когда однажды спросила, над чем он работает, отец отшутился, сказав, что это будет величайшим открытием после сотворения мира.

— Считается, что эту фразу произнес Вестерн.

— "Медиум" — не единственное, что он украл у моего отца. Папа всегда хранил бумаги у себя в сейфе. Но когда мы переехали в Бигсар, он соорудил какое-то электронное устройство, небольшое по сравнению с "Медиумом", но пожирающее чудовищные количества энергии. Вы бы только взглянули на наши квитанции на электроэнергию...

— Они уцелели после пожара? — спросил Карфакс, затем поспешно добавил: — Я знаю, я обещал молчать, но есть некоторые вещи...

— Нет, все они сгорели. Разумеется, электрическая компания хранила учетные книги. Именно хранила — в прошлом времени. Не удивляйтесь. Когда я их запросила, мне ответили, что они уничтожены. Это было спустя полгода после пожара, и компания заявила, что они не сохраняют записи платежей столь длительное время. В Любом случае, мне было известно, что устройство использовало огромное количество энергии.

Мы жили вместе и расходы делили сообща. Я была секретарем ректора университета. Зарабатывала неплохо, но оплачивать половину стоимости электричества мне было все же не по карману. Отец говорил, что сам все уладит. Но я знала, что он не смог бы этого сделать. А через несколько месяцев папа сказал, что идет к одному человеку, у которого можно одолжить деньги под очень небольшие проценты. Угадайте, кто это был?

Карфакс решил промолчать.

— Его племянник. Мой двоюродный брат. И ваш. Да, отец раздобыл денег. Но он, видимо, вынужден был рассказать Вестерну, над чем работает. И все таки, разве кто-нибудь авансировал бы такую бредовую, не от мира сего штуку? Это было бы похоже на финансирование сооружения вечного двигателя.

Что, подумалось Карфаксу, теперь было теоретически возможным. "Медиум" открыл дорогу к вещам более важным, чем общение с покойниками.

— Отец, должно быть, сумел даже провести убедительную демонстрацию действия машины. Не знаю. Никогда не встречала Вестерна в нашем доме, да и папа ни разу не обмолвился о том, что тот был у нас. Но я много времени проводила на работе, а потом уехала в отпуск...

Карфаксу хотелось спросить у нее, знает ли она с полной определенностью, что отец одалживал деньги именно у Вестерна. Как бы читая его мысли, она продолжала:

— У папы вдруг нашлись деньги и на оплату счетов за электроэнергию, и на покупки дополнительного оборудования. Я точно знаю, что первый раз он заплатил двадцать тысяч долларов, второй раз — десять тысяч.

— Тридцать тысяч? — изумился Карфакс.

— Добрая часть пошла на электронные блоки, компоненты, приборы. Отец не говорил мне, откуда берет деньги, над чем именно работает. Всему свое время, сказал он однажды, а пока что мне не нужно беспокоиться. Оплата производилась наличными, а накладных я не видела. Если они и были, то все равно сгорели. Или кто-то изъял их... А отец так и не объяснил мне сущности своей работы. Может быть, боялся, что я сочту его сумасшедшим, посмеюсь над ним? Наверное, так бы оно и было, но я ни за что не высказала бы своих мыслей вслух.

Патриция помолчала, нахмурившись, и через некоторое время произнесла:

— Нет, надо быть честной. Вряд ли я смогла бы молча смотреть, как мой отец теряет рассудок. Может, быть даже прибегла бы к помощи психиатров. Я не верила в жизнь после смерти, никогда не верила ни во что сверхъестественное... Но и он не верил. Во всяком случае, насколько мне это известно. Моя мать умерла четырьмя годами раньше, он очень тяжело перенес эту утрату. Именно поэтому я переехала к нему. Боялась, что он от горя наложит на себя руки. А если быть до конца честной, то я нуждалась в нем не в меньшей степени, чем он — во мне. Я тоже, конечно, любила маму, к тому же только-только получила развод... Словом, я переехала к нему, чтобы он мог утешить меня, а я — его.

Она открыла сумку, вынула тонкий платочек и приложила его к глазам.

— Может быть, у него было желание удостовериться, что она не исчезла совсем, что он еще встретится с нею... Разве Артур Конан-Дойль не увлекся спиритизмом после смерти своего сына?

— Помнится, не сам он, а кто-то из его семьи.

—Я уверена, что папа подошел бы к этой проблеме чисто по-научному. И не стал бы спиритом. Но вполне

возможно, что мамина смерть мало что имела общего с его проектом; может, он случайно наткнулся на принципы "Медиума". Но, как это обнаружилось позже, открытие было не таким уж счастливым.

Глядя на траву, все еще влажную от росы, на птичью возню, Карфакс не испытывал никакого интереса к проблеме бессмертия. Если он и ощущал что-либо, так это заинтересованность в продлении жизни в этом мире. Покойники есть покойники, они никогда не вернутся в этот мир, разве что в качестве пищи для трав и насекомых. А похоронные обряды зачастую делали невозможным даже это.

Теперь он засомневался даже в продолжении жизни как таковой. Человек делал все, от него зависящее, чтобы погубить все живое, включая самого себя.

— Был вечер семнадцатого марта, — сказала Патриция. — Я поехала в Санта-Крус навестить приятелей по колледжу и вернулась примерно к часу ночи, усталая, но довольная хорошо проведенным временем. Бак был почти пустым, а я знала, что автомобиль понадобится отцу утром, так как его машина находится в гараже. Ему нужно было, как он сказал, поехать на заседание кафедры, но не сказал, почему.

Поэтому я решила заправиться и только потом ложиться спать. Это, по-видимому, спасло мне жизнь. Как только я отъехала от бензоколонки...

Она громко всхлипнула и прижала к губам платок. Голос ее стал глухим.

— Раздался взрыв. Его слышал весь город. Дом был в пяти кварталах от бензоколонки, но грохот меня оглушил. В нескольких кварталах вокруг посыпались стекла из окон, а соседей буквально повышвыривало из кроватей. Я... мне пришлось переждать несколько минут, настолько я была потрясена. Потом помчалась к дому. Я почему-то знала, что это был мой дом.

Он пылал гигантским факелом. Пожарники прибыли почти одновременно со мной и первый час потратили на то, чтобы уберечь от огня соседние дома. Я не могла ни двигаться, ни говорить; просто сидела и наблюдала за пламенем и пожарниками, полицией и собравшейся толпой. Затем одна из соседок указала на меня полицейскому — так, по крайней мере, она рассказывала позже, и следую-

щее, что я запомнила — это как меня увозят в карете скорой помощи. Врач дал мне успокоительное, и я проснулась только вечером следующего дня. Но мысли продолжали путаться, и я все еще была очень слаба.

Позже мне рассказали, что тело отца взрывом отбросило на задний двор, на него упало очень много пылающих бревен... Опознать его удалось только по зубам, сверившись с записями нашего дантиста. И... и...

Ее платок был уже совсем мокрый. Карфакс вышел в кухню и вернулся с парой салфеток. Слезы смыли косметику с ее лица и, глянув в компакт, она вышла в ванную комнату. Вернувшись, она не только стала лучше выглядеть, но даже смогла улыбнуться ему.

— Встроенный в стену сейф был закрыт, но пуст. Из него было изъято все, начиная с бумаг и заканчивая моими драгоценностями. Тот, кто взял все это, видимо, сумел заставить отца отпереть его. Полиция пришла к заключению, что причиной взрыва явилась утечка газа. Правда, горелки в камине были плотно закрыты, но полицейские почему-то посчитали, что они были открыты, пока дом не наполнился газом. Все окна и двери оказались плотно закрытыми и имелись даже признаки, того, что щели были заклеены липкой лентой. Лента, разумеется, сгорела, но у них, я имею в виду полицию, есть какой-то способ определять факт ее использования.

— Папа, как выяснилось, умер не от удушья — в его легких газа не обнаружилось, — а от удара по голове. По крайней мере, должен был умереть от такого удара. Однако уверенности в том, что это сделал человек, не было. Возможно, взрыв обрушил какой-нибудь тяжелый предмет на его голову. Однако это было маловероятным, так как в таком случае он надышался бы газом. Поэтому его, должно быть, ударили по голове до того, как включили газ.

Убийца, пустивший газ, по-видимому, был в кислородной маске. Когда дом наполнился газом, он установил какое-то поджигающее устройство, которое должно было сработать после его ухода и вызвать взрыв. Но полиции не удалось найти ничего такого. Устройство, видимо, было уничтожено взрывом.

Убийца проскользнул через черный ход и к тому времени, когда дом взорвался, был уже далеко. Две модели

"Медиума" были уничтожены. Специалист в области электронной техники, исследовав то, что от них осталось, сделал вывод, что некоторых блоков не хватает. Он не знал, каково назначение моделей, никогда не видел ничего подобного. А без недостающих блоков назначение устройств определить не смог... Думаю, если убийца заставил папу открыть для него сейф, отец должен был его знать.

Здесь Карфакс не смог удержаться.

— Не обязательно. Он мог быть в маске и изменить голос.

— Конечно. Но свидетелей не было, тогда зачем беспокоиться? Во всяком случае, кто бы это не сделал, стоял за ним Вестерн. А может, даже он сам... Кто еще мог знать, над чем работает папа? И это не просто совпадение, если учесть, что Вестерн объявил о своем общении с покойниками всего через полгода после смерти отца. Я знала, что именно он выкрал папины чертежи, но не могла это доказать — не было ни одной улики, которую можно было бы предъявить суду. Но и сидеть сложа руки я не собиралась — убийца должен понести наказание. Поэтому первое, что я сделала, получив страховку — переехала в Лос-Анджелес и заключила договор с сыскным агентством, чтобы как можно больше разузнать о Вестерне.

Печать и телевидение уделяют ему очень много внимания, поэтому,думаю, у вас есть общее представление. Он имеет степень бакалавра в области администрирования, унаследовал от своего отца семь магазинов по продаже радиоэлектронных и телевизионных товаров. Прослушав большое количество технических курсов в колледже, Вестерн получил права радиооператора первого класса. Но у него нет ни достаточных знаний, ни способностей, чтобы изобрести...

— Извините, но я должен опять перебить вас, — сказал Карфакс. — Для того, чтобы быть изобретателем или первооткрывателем новых принципов, вовсе не обязательно иметь степень доктора наук.

— Вы правы, — согласилась Патриция, глаза ее потемнели от гнева. — Но Вестерн после окончания колледжа, по-видимому, не занимался ничем, кроме бизнеса, игры на бирже и охоты на женщин. Вы не знаете, что это за человек! После похорон отца я решила выяснить, что же их

на самом деле связывало, и позвонила ему. Он пригласил меня в ресторан, где мы пропустили по несколько рюмок. Затем он предложил продолжить беседу в его квартире, там, видите ли тише и спокойнее. Я согласилась, понадеявшись, что, выпив достаточно, он последует характерной для мужчин тенденции много говорить в присутствии хорошенькой женщины — у меня отсутствует фальшивая скромность — и сболтнет что-нибудь лишнее.

Глаза ее расширились; в голосе больше не было печали. В нем звучал нескрываемый гнев.

— Он предложил мне лечь к нему в постель! Своей сестре! Дочери убитого им человека! Вот тогда-то я и потеряла рассудок. Влепила ему пощечину и пообещала воздать за все, что он совершил — за убийство отца, за кражу чертежей... Если это не удалось полиции, то удастся мне!

Никогда я не видела такой быстрой перемены в человеке. Какое-то мгновение мне казалось, что он убьет меня на месте. Но нет, этот тип слишком умен. Взяв себя в руки, причем очень быстро, он заявил, что я должна сейчас же уйти, что не должна больше попадаться ему на глаза и уж ни в коем случае не должна говорить об этом с другими людьми, а то ему придется позаботиться о том, чтобы я замолчала. Нет, он не обещал убить меня, что вы. Только сказал, что заставит замолчать. Но у меня нет уверенности в том, что это будет сделано законным образом. Словом, я ушла оттуда как можно быстрее.

Позже я выяснила, с помощью своего агентства, разумеется, что Вестерн позволяет красивым женщинам пользоваться "Медиумом" бесплатно — просто покупает их. Какая грязь!

Карфакс невольно подумал о том, что для такой сделки требуется согласие обеих сторон. Да и цена, честно говоря, не маленькая...

— Интересно, откуда ваше агентство добывает подобного рода информацию? — спросил он. — Не думаю, чтобы женщины болтали об этом.

— У агентства есть свой человек в персонале Вестерна. Ему рассказывала об этих женщинах одна из секретарш. Вообще-то персонал очень предан своему шефу, но секретарша состоит в любовной связи с агентом... потом, она

уверена, что все эти разговоры остаются между ними... Работа детектива — довольно грязное дело, не так ли?

— Да. Но в любом деле мало чего достигнешь чистыми руками.

— Кроме того, существуют еще женщины, которые отвергли домогательства Вестерна. И уж они-то не молчат!

Карфакс хмыкнул. Она пристально посмотрела на него.

— Вы, наверное, задумались, почему за эти восемь месяцев, которые прошли после того разговора, Вестерн ничего со мной не сделал. Честно говоря, ему давно уже следовало бы меня убить. Ведь он знает, что я слежу за ним — руководители агентства поставили меня в известность, что получили совет по телефону отказать мне в услугах. Это случилось вскоре после того, как они обнаружили, что моя телефонная линия прослушивается, а в доме установлена подслушивающая аппаратура. Им удалось также установить личность тех, кто следит за мной — это оказались люди из другого агентства, которое, конечно же, не сообщит фамилии своего клиента.

— Назовите мне ваше агентство и то, другое.

— Мое — "Форчун и Торндайк". Вестерн прибег к услугам "Агентства Магнуса по расследованиям и обеспечению безопасности".

Карфакс кивнул.

— "Форчун и Торндайк" расположено в Западном Голливуде. "Магнус" — в центральной части Лос-Анджелеса, принадлежит Вальмонту. Я довольно неплохо знаю всех троих, поскольку работал на них в разные периоды своей жизни.

— Что заставило вас стать профессором истории? — спросила Патриция. — Я могу понять, почему вы бросили профессию частного детектива. Это, должно быть, грязное и скучное занятие, лишь иногда приносящее удовлетворение. Разумеется, ваш кризис...

Он пожал плечами, но она была настойчивой:

— Ведь это было напечатано в "Тайм" — что, работая над одним делом, вы заполучили нервное расстройство, и что оно еще усугубилось, когда вы едва не погибли, попав под грязевой поток во время ужасных дождей. И еще...

— Некоторое время я провел в частном санатории, затем лечился в клинике Маунт-Синай в Беверли-Хилз. Мне

посчастливилось — а может, и не посчастливилось — попасть к психиатру, который был мастером своего дела.

— Не посчастливилось?

— А что вас удивляет? Доктор Слоко убедил меня, что я на самом деле тронулся и испытал целую серию мучительных, совершенно необычных и в высшей степени реалистичных галлюцинаций. Выздоровление мое пошло быстрыми темпами, но я и сейчас еще не вполне уверен...

— Вы обязательно должны рассказать мне когда-нибудь об этом. Сейчас меня заботит другое. Боюсь, Вестерн имеет в этой игре очень сильный козырь — если сочтет нужным, то всегда сможет сослаться на ваш душевный кризис, или хотя бы намекнуть, что сейчас вы переживаете другой, и что поэтому не стоит обращать особого внимания на вашу научно-фантастическую теорию...

Карфакс скривился.

— Я вполне осознаю это. Вы...

Он запнулся. Ему не хотелось говорить, что два лица, у одного из которых прежде были определенные нарушения психики, а другое стоит на пороге психического расстройства, вряд ли будут хорошими партнерами.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала она. — Я обратилась к вам, потому что вы являетесь моим родственником, не являетесь сторонником Вестерна, в прошлом являлись сыщиком и...

— Ладно, пусть будет так, — оборвал он перечень, во время которого она разве что не загибала пальцы. — Настало время поговорить начистоту.

— Что?

— Это я спрашиваю — что. Так что я должен сделать во время своего визита к Вестерну?

— Ответ напрашивается сам собой, не так ли? — спросила она, близко наклонившись к нему. — Я понимаю, что не имею никакого права просить вас об этом... Вам ведь будет предоставлен только один сеанс... Вы, скорее всего, пожелаете поговорить со своей женой, или родителями, или с кем-нибудь еще, кто вам дорог. Или, может быть, вам, как преподавателю истории, захочется выяснить... ну, скажем.. был ли замешан военный министр Стэнтон в убийстве Линкольна...

— Над этим уже работает Лассаль из Чикагского университета. Он получил государственную субсидию. Но выяснение того, был или не был убит ваш отец, было ли это убийство умышленным и кто его совершил, кажется мне более важным, чем убийство Линкольна. По сути, это может стать вообще наиболее важным из всех дел об убийстве.

— Так вы согласны! — выпалила она.

— Подумаю.

Коварно замаскированным побочным эффектом этого разговора, подумалось ему, явилось то, что его исподволь подвели к решению, противоречащему его собственной теории. Вместо того, чтобы придерживаться мнения об этих существах, как о живых, но не имеющих ничего общего с людьми, он начал думать о них, как об умерших людях. Патриция, взывающая о помощи, Патриция, убежденная в истинности утверждений Вестерна...

V

Когда-то давно Гордон Карфакс решил никогда не возвращаться в Лос-Анджелес.

И вот он уже на борту реактивного лайнера, совершающего посадку в международном аэропорту "Риверсайд".

Сверху кажется, что территория Западной Аризоны окутана густой серо-зеленой дымкой. Очертания гор размыты — так выглядят океанские хребты в окне подводной лодки. Где-то там расположен заповедник Кофа, где еще, как сообщают, бродят последние дикие североамериканские пумы со слезящимися от смога глазами и непрерывно кашляющие. Там же произрастают и последние гигантские кактусы. Правда, в их, почти повсеместном, исчезновении виновато не только загрязнение атмосферы.

Президент обещал, что в течение десяти лет, каковы бы ни были затраты, смог будет уменьшен до уровня 1973 года.

Пока Гордон размышлял, самолет, приземлившись, подкатился к одной из вышек. Телескопический переход соединил его салон со зданием аэровокзала. Карфакс

прошел в это, похожее на кондиционированную пещеру, здание и сразу же узнал высокого худого мужчину с широким лицом и коротко остриженными седыми волосами — Эдварда Тоурса, с которым говорил по видеотелефону, когда звонил Вестерну

Встречающий и прибывший обменялись рукопожатиями и несколькими короткими фразами о погоде. Насколько все не любили смог он все же представлял собой нечто такое, о чем можно было всегда поговорить.

От смога они как-то незаметно перешли к повышению налогов, к пляжам, куда пускали только участников конкурсов красоты, вспомнили о филадельфийском побоище, иранском кризисе и снижении уровня грамотности. Когда они поговорили на эти темы (по крайней мере, пробежались по ним), багажный автомат выплюнул два чемодана Карфакса. Небольшая трехколесная тележка-робот подкатилась под чемоданы, поднятые в воздух стальными манипуляторами; захваты опустились, ставя их плашмя, тележка покатилась к Карфаксу и стала в полуметре от него. Он опустил в прорезь на пульте тележки свой пластиковый жетон, и двое молодых парней подхватили багаж. Тележка развернулась и укатила.

Тоурс, как и оба его сотрудника, был одет в ярко-оранжевый летний деловой костюм На серебряной цепочке висел большой серебряный медальон, в верхней части которого кружком была обведена золотая буква "М" — "Медиум".

Карфакс заметил, что такой же фирменный знак выдавал принадлежность к "Медиуму" почти половины толпившихся в здании людей.

— Нам придется воспользоваться монорельсом. — сказал Тоурс. — Извините, но теперь запрещено ездить неэлектрическими видами транспорта Особенно за пределами аэропорта Мало того, что нас заклеймят отравителями, Придется еще уплатить штраф. Поймите...

— Я и не ожидал увидеть лимузин с водителем, — улыбнулся Карфакс. Кроме того, монорельс развивает большую скорость, нежели автомобиль.

Они прошли в вестибюль станции монорельсовой дороги. Минутой позже, скрипя и шипя тормозами, к перрону подкатился голливудский экспресс. Они вошли в один из

яйцеобразных вагончиков, и еще через несколько минут уже мчались со скоростью 250 километров в час. Карфакс, заняв место у окна, осматривал местность.

Смог оказался далеко не таким густым, как это представлялось с высоты двенадцати тысяч метров, и пока что не доставлял особых неудобств, поскольку в вагоне работали кондиционеры.

Городские кварталы продвинулись еще почти на 3,5 километров на восток. Теперь там, где раньше были выжженные солнцем пустыни, простирались улицы с громадными жилыми домами и другими бетонными сооружениями. В старой части города небоскребы еще больше вытянулись ввысь, а многие улицы стали двухъярусными и имели несколько уровней для транспорта. Некоторые из них исчезли под зданиями. Почти все пешеходы украсили свои лица противогазами или кислородными масками. В остальном же город изменился мало.

Через пять минул экспресс уже остановился на станции "Хайлэнд-Сансет". Карфакс отметил, что бульвары Сансет и Голливуд стали двухъярусными.

Все четверо с Тоурсом во главе спустились эскалатором в пластмассовый туннель, который вывел их на верхний ярус улицы. Внутри небольшого павильончика они сели в ожидающий такси-кэт — новинку, работающую на топливных элементах, колеса которой имели индивидуальный электропривод. Вся одежда бритоголового водителя состояла из ядовито-голубых шортов и яркокрасного платочка на шее.

С невероятным трудом машина втиснулась в медленно ползущую по путепроводу через Никольс-Каньон прямо на частную объездную дорогу, которая шла вдоль горного склона к особняку Вестерна. Примерно через полкилометра машина остановилась возле домика охраны перед подъемным мостиком. Тоурс вложил кодовый жетон в прорезь опознающего аппарата, шлагбаум поднялся и мост опустился. Они поехали дальше.

Путепровод поддерживали массивные опоры. Он огибал крутую гору, разветвляясь на множество дорог, которые оканчивались перед особняками, возведенными прямо на склонах. Естественная красота этих склонов была изрядно подпорчена пластиком, металлом и бетоном, которые, однако, большей частью покрывал плющ.

Сквозь густое ограждение вдоль дороги Карфакс различил большую автостоянку у подножья горы, расположенную рядом с высоким белым жилым домом. Множество людей, разбившись на четыре группы, держали в руках огромные плакаты. По краям стоянки было припарковано немалое количество полицейских автомобилей.

— Вестерниты и антивестерниты, — пояснил Тоурс. — Большая группа — это сторонники Вестерна. Остальные — его противники, но враждующие между собой: католики, баптисты, представители церкви, проповедующей преклонение перед науками и небольшая группа карфаксистов. Прошу прощения, если этот термин покажется вам не совсем удачным.

— Я не давал согласия пользоваться моим именем ни одной организации, — сказал Карфакс. — До сих пор, по крайней мере.

— Неплохо было бы, если бы вы сами сказали им об этом, — заметил Тоурс.

Дом Вестерна располагался на самой вершине холма. Это было трехэтажное здание из дерева и кирпича в стиле, характерном для эпохи Гражданской войны. Перед огромным крыльцом на лужайке и среди цветущих кустов, окружающих дом, работали негры во всем белом. Карфаксу представилось, что сейчас на крыльцо выйдет отставной полковник с козлиной бородой и женой в кринолине.

— Садовники на самом деле являются охранниками, — объяснил Тоурс. — Растительность же сделана из пластика.

— А косилки и ножницы?

— В косилках нет ножей, ножницы — тупые. Мистеру Вестерну не нравится атмосфера полицейской службы, но иметь охрану необходимо. Слишком многие заблуждающиеся люди, вроде Филлипса, например — вы, наверное, о нем читали — желают его смерти. Некоторые фанатики считают, что сумеют уберечь свою религию от дискредитации, если устранят создателя "Медиума". Все они, разумеется, сумасшедшие.

— Как я понял, м-р Вестерн беседовал с Филлипсом всего лишь через шесть часов после его смерти?

— Да, Филлипс был обнаружен и опрошен, хотя и коротко. Он еще не оправился от потрясения, которое по-

лучил, осознав, что стал эмсом. Поэтому хорошего контакта не получилось. Однако м-р Вестерн намерен поговорить с ним еще раз, поскольку считает, что показания Филлипса могут убедить других приверженцев этой веры, что "Медиум" — не мошенничество.

Такси остановилось перед массивными металлическими воротами в конце подъемной рампы. Через несколько секунд ворота отворились, машина обогнула дом и проехала в цокольный этаж здания. Позади такси захлопнулись эластичные двери, и пассажиры покинули его. Тоурс протянул водителю свою кредитную карточку. Тот засунул ее в прорезь счетчика и вернул владельцу. Через полминуты такси уже выехало через распахнувшиеся на мгновение двери. Карфакс заметил, что всякий раз, когда двери открывались, серо-зеленый смог отгонялся от входа сильной струей воздуха.

Тоурс повел его по лестнице (20 ступенек — сосчитал на всякий случай Карфакс) наверх, в огромную, красиво обставленную комнату. Четверо находившихся в ней человек, казалось, ничего не делали, слоняясь с непроницаемыми лицами. Карфакс ожидал, что здесь его обыщут, но никто не позаботился это сделать. Наверное, детектор металла находится где-нибудь на лестнице, подумал он.

Потом они прошли через зал с высоким потолком и росписью на стенах в стиле этрусских фресок в направлении лифта, который доставил их на третий этаж. Тоурс не прикасался к пульту управления. По всей вероятности, пульт находился в кабине только для видимости, а управлял лифтом человек, следящий за ними с помощью скрытой камеры. Карфакс подумал, не ведет ли лифт в самый низ — в гараж.

Они вышли прямо в огромное помещение, где за двадцатью столами мужчины и женщины разговаривали по телефонам, диктовали автоматическим пишущим машинкам, просматривали газеты и прослушивали магнитофонные записи. Личная секретарша Вестерна, миссис Моррис, статная женщина средних лет, улыбаясь, провела их через небольшой холл в кабинет с пустым письменным столом и компьютерной стойкой. Дальше виднелся длинный коридор и узкий вход в небольшую комнату.

Тоурс взмахнул рукой перед телекамерой, установленной под самым потолком, и раздвижная дверь скользнула внутрь стены.

Открывшаяся за ней комната с виду была очень прохладной — может быть, такое ощущение создавалось яркобелым цветом стен. На них висели какие-то большие карты, назначение которых Карфакс не смог определить. Кроме небольшого письменного стола и нескольких кресел, никакой другой мебели в комнате не было.

В центре ее стоял Вестерн, положив руку на свое детище — "Медиум".

VI

Надо отдать должное — Вестерн не делал никаких попыток создать таинственную атмосферу. Атрибуты мистицизма, такие обычные для помещений спиритов, здесь отсутствовали начисто. В комнате не было ничего лишнего, с потолка лился яркий свет. Перед темно-серым десятиметровым кубом располагался консольный пульт управления со множеством панелей, приборов, переключателей, ручек регуляторов, сигнальных ламп и видеоэкранов. Кабеля, переплетаясь уходили под пол.

Вестерн, наблюдая за гостем, улыбался. На нем не было ниспадающих до пола одежд, испещренных астрологическими символами, не было и строгого костюма делового человека. Можно было подумать, что он только что покинул теннисный корт. На эту мысль наводила и белая безрукавка. В глубоком вырезе на груди виднелись густые курчавые волосы; такими же волосами были покрыты мускулистые ноги.

Медальона с эмблемой фирмы на нем не было.

Улыбаясь, Вестерн сделал несколько шагов навстречу Гордону и протянул ему крепкую волосатую руку.

Когда он улыбался, он становился очень похож на Патрицию.

Следующие несколько минут хозяин непринужденно беседовал с гостем: расспросил, как прошел полет, сделал обычные замечания в отношении смога. Жизнь в Лос-

Анджелесе, жаловался он, может быть терпимой только в том случае, если вы очень богаты и сидите дома, по крайней мере, шесть месяцев в году.

— А теперь, ближе к делу. Позвольте задать вам один вопрос. Наша двоюродная сестра была у вас?

Карфакс не ожидал такой прямоты. Весь его тщательно разработанный план рухнул в одну секунду.

Конечно, нужно было сказать правду, но не всю — просто добиться чтобы Вестерн убедился в том, что он не лжет. Скорее всего, ему известно, что Патриция летала к нему в Бусирис.

— Да, — ответил он, стараясь выглядеть столь же непринужденно, как и Вестерн, — Она прилетела, по сути, без предупреждения. И гостила у меня около недели.

Карфакс очень тщательно осмотрел в те дни свой дом, стараясь отыскать скрытые микрофоны, но никаких следов подслушивающей аппаратуры не обнаружил. За Патрицией, скорее всего, следовали до самого Бусириса, или же просто выяснили, куда она летит у администрации авиакомпании. Ну, а догадаться, кого именно она решила навестить в Бусирисе, труда не составляло.

— Я не слишком удивлен этим, Гордон, — сказал Вестерн. — Не знаю, каково ваше мнение о ней, но лично мне кажется, что бедняжка до глубины души была потрясена гибелью своего отца. Она очень его любила. Пожалуй, даже слишком. А обстоятельства его трагической смерти были таковы, что смогли бы вывести из себя даже очень уравновешенного человека. Догадываюсь, что она вам поведала — что я украл чертежи "Медиума" и, поскольку одно вытекает из другого, убил ее отца. Ведь так?

Вестерн определенно знал, как обезоружить Карфакса.

— Да, — пришлось признаться ему.

— И вы ожидали или, во всяком случае, надеялись воспользоваться "Медиумом" для выяснения правды?

— Вы слишком мнительны, — с невольной резкостью произнес Карфакс. По правде говоря, а мне хочется верить, что мы оба правдивы друг перед другом, я не был уверен в том, что попрошу вас отыскать дядю. У меня есть, видите ли, свои собственные интересы.

Вестерн рассмеялся.

— Я предоставлю вам два сеанса, Гордон. Признаться, это будет стоить мне немало, но не такой уж я эгоист.

Мне просто хочется убедить вас и, само собой, ваших последователей в своей правоте. Думаю, что ваша гипотеза и другие, ей подобные, будут опровергнуты начисто. Уже завтра здесь появится целая толпа моих оппонентов, которым будет разрешено бесплатно поработать с "Медиумом". Среди них будет троица иезуитов: выдающийся физик, видный богослов и специалист по изгнанию нечистой силы. Причем экзорцисту дано разрешение попрактиковаться в изгнании дьявола, если он того пожелает. Наряду с иезуитами я пригласил известных священников англиканской и методистской церквей, двух раввинов, православного попа, лютеранина, известного атеиста, являющегося также автором научно-популярных книг, главу африканского анимического культа... нигерийца, если я не ошибаюсь. Собственно, насколько объективной будет эта комиссия, я не знаю. Ведь их религии, включая и атеизм, поскольку он является одной из форм верований, будут, скорее всего, разрушены до самого основания. Когда это случится, они сами должны будут испытать глубокое душевное потрясение. Вера человека часто является глубинным проявлением его сущности. Возникнувшие сомнения в истинности представляют угрозу цельности личности, уверенности в себе. Очень немногие в состоянии выдержать такое испытание.

Улыбка снова осветила его лицо.

— Надеюсь, вам это не грозит. Не знаю, откуда вы почерпнули свою гипотезу. Разве что начитались научной фантастики...

Карфакс вздрогнул.

— Извините, — опять улыбнулся Вестерн. — В действительности предпосылки, на которых вы строите свою гипотезу, нельзя назвать нелепыми. И все же, я уверен, что факты развенчают ее.

Голос его стал громче, лицо чуть-чуть раскраснелось.

— Господи! Да что еще нужно людям? Федеральная комиссия провела тщательнейшее, подробнейшее расследование, и вам должно быть известно содержание ее доклада, хотя он еще и не опубликован официально. Нравится это или нет, но "Медиум" действительно является средством общения с потусторонним миром, хотя лично я предпочитаю свой собственный термин — "вэмо", что означает

"вселенная электромагнитных организмов". Общеизвестно, что президент опасается последствий опубликования доклада. Его в любом случае будут яростно ругать, если он скажет: "да, это правда", и если скажет: "нет, неправда". И все же доклад все-таки скоро будет опубликован — слишком велико давление со стороны общественности.

— Понятно, — сказал Карфакс.

— Не сомневаюсь, что вы это понимаете. И, тем не менее, горите желанием лично проверить мои утверждения. Да и утверждения Патриции. Честно говоря, я не менее горячо желаю, чтобы все прояснилось. И вовсе не потому, что она может хоть сколько-нибудь реально досадить мне... Хотя, в принципе, определенной помехой стать может.

Он нагнулся к микрофону на панели пульта:

— Хэрмоно!

Мгновением позже в комнату вошел невысокий лысый толстяк в белой обуви, белых брюках и длинном белом лабораторном халате.

— Хэрмоно — наш старший инженер на первой смене, — пояснил Вестерн. — Он будет здесь на случай каких-либо неполадок. "Медиум" — очень сложное электронное устройство, и хрупкое, как котенок. Даже вес наших тел оказывает на него влияние. Когда он работает, на расстоянии менее метра от него может находиться не более трех человек. А лучше, если это будет только один.

Плоский светильник, который Карфаксу показался сначала просто участком стены, зажегся тускло-красным светом. Вестерн нагнулся к пульту:

— Слушаю.

— Вам звонит миссис Шарп, м-р Вестерн.

— Передайте, что я сам позвоню ей позже.

— Да, сэр, но она настаивает на срочности...

— Позже!

— Да, сэр!

Вестерн выпрямился. Он пять улыбался, тон голоса стал значительно мягче:

— Эта женщина очень стара и очень богата. С кем она хочет поговорить, как вы думаете? С покойным мужем? С усопшими родителями? С умершими детьми? С распятым на кресте Иисусом? Нет, она желает пообщаться со своим подохшим псом!

Он сердито тряхнул головой.

— Все свое состояние эта дама оставила больнице для животных, когда еще столько детей умирает... — Осекшись и прикусив губу, он посмотрел на Карфакса и произнес: — Ну что ж, начнем?

Гордон сел в кресло, предложенное Вестерном. Ему было известно, что в соответствии с гипотезой изобретателя "Медиума" все, что излучает или излучало когда-либо электромагнитную энергию в нашей вселенной, существует в электромагнитной форме в другой вселенной. Это оправдывало настойчивость Вестерна в обозначении умерших термином "эмсы" — по начальным буквам словосочетания "Электромагнитные существа". Он старался не употреблять такие эмоционально окрашенные и ненаучные термины, как "привидение", "призрак", "дух", "тень" и так далее. Даже изобрел целый словарь, который, тем не менее, игнорировался как обывателями, так и средствами массовой информации.

Звонок миссис Шарп, видимо, не доставил ему удовольствия. Вестерн неоднократно заявлял о том, что не в состоянии отыскать отдельных животных. Даже поиск людей был достаточно сложной задачей, зачастую невыполнимой. Тем не менее, на него как из рога изобилия сыпались заказы от любителей животных, сопровождаемые нередко даже угрозами.

Сев рядом с Карфаксом, Вестерн нажал кнопку "пуск" на пульте справа. На консоли вспыхнули сигнальные лампы.

— В главных цепях мы используем вакуумные радиолампы, — пояснял он. — Транзисторы и подобная им мелочь не в состоянии справиться со столь огромным потоком энергии. По-настоящему, то, что вы видите перед собой — всего лишь верхушка айсберга — основное оборудование находится этажом ниже. Оно питается от атомной электростанции штата Невада. Энергию, вырабатываемую в Калифорнии, мы используем только для освещения и радиофикации этого здания.

В этом помещении поддерживается постоянная температура в 20 ± 1°С — некоторые из элементов и узлов очень капризны. Шесть цепей помещены в жидкий ксенон или жидкий водород.

Над одним из ненадписанных циферблатов загорелась лампочка. Вестерн повернул ручку одного из приборов против часовой стрелки на 76 градусов, затем с помощью клавиатуры отпечатал на одном из дисплеев несколько десятков букв и чисел.

— Местонахождение дяди Руфтона я определил давно, исходя из собственных соображений. В любом случае, вы должны поговорить с ним. Тем более, что координаты его занесены на магнитную ленту, что очень экономит время.

Вытащив из кармана рубахи восьмиугольную перфорированную карточку, Вестерн вставил ее в какую-то щель. Карточка исчезла так же беззвучно и быстро, как мышь исчезает в норке.

— У вас будет еще возможность познакомиться с процедурой поиска во время второго сеанса, — сказал он. — Это будет через два дня. Мы не позволяем клиентам проводить сеансы чаще, чем три раза в неделю — нервная система может не выдержать. При общении с эмсами возникает нечто, что мы не можем осознать. Оно вызывает чувство тревоги и у клиентов, и у операторов. Поэтому у "Медиума" мы дежурим по очереди. Эта смена, между прочим, у меня первая на неделе, так что я смогу быть с вами и во время второго сеанса. Для меня это будет уже третья — вторую я проведу завтра с комиссией из богословов и экхорцистов.

На пульте вспыхнула лампочка с надписью "поиск закончен". Раздался зуммер. Вестерн нажал на кнопку "фокусировка". Прямо перед Карфаксом засветился большой экран, как бы заполненный тысячами крошечных кружащихся искорок на молочном фоне.

— Запомните еще кое-что, — предупредил Вестерн. — То, что вы видите, не является настоящей формой этих... существ. Это только их электронные аналоги, электронная интерпретация подлинной формы. Как они выглядят на самом деле, мы не знаем... Мы много еще не знаем...

Он нажал кнопку "отделение". Искорок стало меньше, пространство между ними расширилось. У Карфакса возникло ощущение, будто он сидит в космическом корабле, который движется со сверхсветовой скоростью к далеким галактикам, каждая из которых кажется единичным источником света, хотя и состоит из миллионов звезд.

Здесь, разумеется, не было доплеровского смещения длины волны, поскольку это не было путешествием со сверхсветовой скоростью, накачкой большого количества энергии в другую вселенную — вэмо с целью "привлечь" желаемую конфигурацию.

— Любое существо, любой неодушевленный предмет, излучающий электромагнитную энергию в нашей вселенной, не имеет аналога в вэмо. Когда источник прекращает излучение здесь, там он принимает окончательную форму. Молния — предмет неодушевленный. Во всяком случае, согласно моей теории. Ее энергия в нашей вселенной рассеивается, либо претерпевает превращения, как и солнечный свет. Но в вэмо она продолжает свое существование. если можно так выразиться. А вместе с нею продолжают существовать и люди, и тараканы.

— Свет солнца слишком рассеянный, чтобы быть неодушевленным предметом, — заметил Карфакс. — Солнце светит непрерывно. День и ночь сменяют друг друга благодаря вращению Земли, но это относится только к Земле. Даже ночью имеется немалое количество света. Так что, по-вашему, каждая ночь в отдельности начинает жить в вэмо? И каким образом это возможно, если не существует такой вещи, как индивидуальная ночь? Где проводится разграничительная черта? Неужели наши границы временных поясов тоже находят свое отражение в вэмо?

— Это мне неизвестно, — чуть раздраженно ответил Вестерн. — Этот вопрос напоминает ситуацию, которая возникла бы, попроси королева Изабелла Колумба описать все-все в Новом Свете, когда он только совершил высадку на островках, расположенных за пределами еще не открытого материка.

— Извините, — сказал Карфакс.

— Я предполагаю, что и энергия самого солнца как огненного шара, и энергия отражения его света от Земли — обе имеются в вэмо. В настоящее время нас, однако, интересуют только человеческие существа. Мы знаем, например, что каждый после смерти попадает в конфигурацию, или колонию, более старших людей. Такая колония состоит из строго определенного числа — 81 эмс. Если быть более точным, в каждой из них 81 потенциальная орбита, поскольку колония имеет ядро. Новые колонии

формируются постоянно и, таким образом, многие являются неполными. Кстати, 81 — это девятью девять — любителям мистики есть над чем поработать.

На экране вдруг осталась только одна искра, затем, еще более неожиданно, она распалась на скопление кружащихся по орбитам искорок.

— Обратите внимание на центральную искру — это эмс-ядро, — пояснил Вестерн. — Остальные вращаются вокруг нее, как может показаться нетренированному взгляду, по произвольным орбитам. Но мы проанализировали структуру нескольких колоний и определили, что эмсы следуют по очень сложным, но ограниченным и повторяющимся орбитам. Выяснили, что новые эмсы, недавно умершие, становятся иногда на место эмса-ядра. Не знаю, как именно это происходит, но предполагаю, что немалую роль в этом процессе играют личностные качества.

Он повернул регулятор, и весь экран заполнила одна-единственная искра. При таком увеличении она казалась светящимся шариком. Шарик начал было медленно соскальзывать к правой части экрана, но Вестерн нажал кнопку "автофиксация", и он так же медленно вернулся к центру.

— Дядя Руфтон, — торжественно представил его Вестерн.

Карфакс промолчал.

— Принцип Гейзенберга действует в вэмо примерно так же, как и в нашей вселенной. Чем ближе объект наблюдения, тем больше требуется энергии. Чем больше энергии используется, тем большее воздействие испытывают как вся колония, так и индивидуальный эмс, с которым устанавливается контакт. Она ослабляет электромагнитные связи колонии и расстраивает орбиты. Эмсы сообщают, что испытывают при контакте неприятные ощущения, и буквально впадают в панику, если он длится более часа.

Карфакс непрерывно напоминал себе, что не должен думать об эмсах, как о покойниках, должен оставаться верным своей гипотезе. И все же объяснения Вестерна както незаметно увлекли его.

Теперь же, когда перед ним было то, что Вестерн назвал "дядей Руфтоном", Карфакс начал испытывать еще и

страх, поднимающийся откуда-то из глубины души. Сердце застучало быстрее, кожа стала влажной от пота, но все эти чувства заслонило ощущение нереальности происходящего.

— Мы живем в век просвещения, свободы от суеверий. Во всяком случае, эту мысль нам вдолбили в голову еще в детстве, — улыбнулся Вестерн. — Но даже наименее суеверных людей охватывает внезапный страх, а то и ужас, когда они сидят в этом кресле. Мне попадались клиенты, которым невтерпеж, словно гончим на охоте, было побеседовать со своим любимым покойником. Но, оказавшись с ним лицом к лицу, теряли дар речи, а иногда — и сознание. Суеверие никогда не умирает в человеке...

Не доверяя своему голосу, Карфакс решил промолчать.

— Если бы мы могли подойти еще ближе... — почти мечтательно проговорил Вестерн. — Светящийся шар должен, по идее, состоять из более мелких составляющих. Но есть определенный предел, за который мы пока что еще не в состоянии шагнуть. Если же, подойдя вплотную к этому пределу, увеличить поступление энергии, то так называемое "привлечение" переродится в "отталкивание", эмс начнет отступать, а колония испытает чувство дезинтеграции.

Внезапно экран перечеркнули извивающиеся белые полосы, шар потерял яркость. Вестерн, быстро протянув руку, повернул регулятор с надписью "контроль помех", и полосы, потемнев, медленно исчезли.

— Я называю это явление статистическими помехами. Колония очутилась слишком близко к центру необузданной энергии. Обычно, когда это происходит, она испытывает тревогу. Возникает угроза нарушения электромагнитных связей, удерживающих колонию вместе. Это вызывает у эмсов умственное расстройство. Колония не в состоянии достаточно быстро увернуться от помех. А это означает, что мы можем потерять контакт. Поэтому цепь контроля помех "Медиума" потребляет немало энергии на поддержание стабильности колонии — то есть подпитывает ее, помогая выйти из неблагоприятной зоны.

Карфакс напряженно следил, как палец Вестерна плавно нажимает кнопку с красноречивой надписью "контакт".

— О'кэй, сейчас появится звук. Эмс не в состоянии, разумеется, разговаривать в обычном смысле этого слова.

Он является чисто энергетическим образованием и речевого аппарата у него, само собой, нет. Но он может двигать электрическим аналогом своих губ и языка, легких и гортани, может моделировать нервно-мозговую деятельность с целью передачи информации...

Голос, раздавшийся из громкоговорителя, не был в точности голосом Руфтона Карфакса. Какой-то жесткий, металлический, словно разговаривал робот, пытающийся подражать человеку. Гордон несколько раз прослушивал пленку с записью голоса живого Руфтона Карфакса — ее привезла с собой Патриция. И не мог, несмотря на все характерные для робота особенности речи, не узнать его.

Я... я снова ощущаю ваше присутствие... Не оставляйте меня больше... Пожалуйста! Не покидайте меня!

— Мы побудем с вами некоторое время. дядя, — сказал Вестерн. — Вы узнаете меня? Я — Рэймонд, ваш племянник. Еще один голос, который вы услышите, принадлежит другому вашему племяннику, Гордону Карфаксу. У него есть к вам несколько вопросов. Надеюсь. вы не откажетесь на них ответить.

Была ли в словах Вестерна скрытая угроза? Да и чем может угрожать Вестерн своему дяде? Прекращением контакта?

Гордона поразило, что Вестерн назвал его новое имя. Это может стать зацепкой... А может, оно стало известно дяде еще при жизни... или во время предыдущих контактов... Он решил отложить пока решение этого вопроса, намереваясь порасспросить Вестерна после сеанса.

— Говорите, — прошептал Вестерн.

Горло Карфакса сдавило. Ведь, по сути, ему предстояло говорить с покойником. А что можно было сказать покойнику?

Стоп, одернул себя Гордон. Дурацкие мысли.

Конечно, согласно его собственной гипотезе, это существо вовсе не было человеком.

Но напоминание об этом не помогло. Независимо от того, чем именно оно было, он испытывал сейчас гнетущее чувство страха.

Понукаемый Вестерном, Карфакс разлепил наконец плотно сжатые губы:

— Здравствуйте, дядя.

— Здравствуй, Хэл.

— Теперь меня зовут Гордоном, дядя, — выдавил из себя он, с облегчением чувствуя, что спазм в горле понемногу ослабевает.

— Да, конечно, Гордон. Рэймонд только что снова напомнил мне об этом, не так ли?

Карфаксу очень хотелось, чтобы состояние отупения, охватившее его, поскорее прошло, чтобы вернулась быстрота реакции и ясность мысли.

— У меня к вам несколько вопросов, дядя.

— Пожалуйста.

Карфакс мигнул несколько раз, тряхнул головой. Неужели глаза обманывают его? Или шар на самом деле сжимается и разжимается, словно электронное легкое выдыхает воздух, преобразуя его в мертвенно-механический голос?

Впрочем, человеческому разуму давно пора отказаться от подобного антропоморфизма.

— Как вы себя чувствуете, дядя? — спросил Карфакс и тут же устыдился бессмысленности этого вопроса — что может чувствовать покойник?

— Мне потребуется довольно много времени, чтобы объяснить тебе, как обстоят здесь дела, мой мальчик. Твоего времени. Здесь время — совсем иное понятие. И у меня нет слов, чтобы описать его... А у тебя нет времени. Рэймонд говорит, что время — деньги, во всяком случае, в том, что касается "Медиума". Здесь одиноко, мой мальчик, хотя и нельзя сказать, что у меня нет знакомых. Просто это не та компания, которую я предпочел бы. Но они говорят, что через некоторое время странным будет казаться мир, который мы покинули... Не хочется в это верить...

— Мне очень жаль, дядя, что вы чувствуете себя несчастным, — сказал Карфакс, радуясь, что вопрос не оказался глупым. — Но там, где есть жизнь, живет надежда.

В ответ на его слова из громкоговорителя раздался бездумный металлический смех. Смеялся дядя долго — Гордону начало уже казаться, что он не остановится никогда.

— Я слушаю тебя, племянник.

— Да, дядя... Скажите, вы на самом деле изобрели машину для общения с... э... покойниками?

Наступила продолжительная тишина. Затем голос громко произнес:

— Я? Разумеется, нет! Ее изобрел мой племянник, Рэймонд Вестерн! Он — гений! Величайший из когда-либо живших людей! Раньше у нас не было никакой надежды, а теперь мы...

— Почему не было?

— Да потому что, люди, умирая, становились отрезанными от мира, который покинули, простая ты душа. Похоже, ты никак не поймешь, что для нас изобретение "Медиума" было такой же радостью, как и для вас!

Что-то непонятное, неосознанное мешало Карфаксу поверить дяде...

Дяде?

Или существу внеземного происхождения?

— Скажите мне, дядя, можете ли вы, тамошние обитатели, пробиться в этот мир с помощью медиумов-людей? Или люди-медиумы — сплошное шарлатанство?

Вестерн резко выпрямился. Карфакс заметил это движение краем глаза и пожалел, что не может наблюдать одновременно и за ним, и за экраном.

Видимо, Вестерн пожалел о своей несдержанности, потому что снова откинулся на спинку стула; однако начал барабанить пальцами по пульту. Карфакс взглянул на часы. Если Патриция позвонит, ее вряд ли соединят с Вестерном.

Внезапно возникшая в поле зрения рука заставила его подпрыгнуть. Но это был всего лишь какой-то мужчина, который вошел, чтобы передать Вестерну записку. Тот развернул ее, прочел, нахмурился, положил в карман и встал.

— Я вернусь через несколько минут. Оставлю вас на попечение Хэрмонса.

Карфакс надеялся, что именно звонок Патриции отвлек Вестерна. Хэрмонс, конечно же, будет подслушивать, к тому же разговор со стариком наверняка записывается, так что Вестерн все равно узнает его содержание. Но, возможно, будет слишком поздно что-либо предпринять...

— Ваш племянник Вестерн только что ушел, — быстро заговорил он. — Вы можете говорить совершенно свободно.

Хэрмонс, удобно расположившись в кресле, освобожденном Вестерном, не смотрел на Карфакса и, судя по все-

му, не вникал в суть его слов. Но, может быть, он просто следует инструкции ни во что не вмешиваться.

— Что? — донеслось из громкоговорителя. — Что ты хочешь этим сказать? Почему я не должен говорить свободно в его присутствии?

— Ваша дочь...

— Моя дочь! Почему она до сих пор не поговорила со мной?

— Потому что боится прийти сюда. Боится Вестерна. Послушайте, если вы были убиты...

— Разве Рэймонд не сказал тебе, что я не знаю, почему умер и как? Просто лег спать, а проснулся, если это можно назвать пробуждением, здесь. Это было таким потрясением для меня...

— Да-да, говорил. По телефону. Но если "Медиум" — не ваше изобретение, то над чем же вы работали, потребляя такое количество электроэнергии, что пришлось обратиться к Вестерну за материальной помощью?

Карфакс снова тряхнул головой. Шар, казалось, "задышал" чаше.

— Спроси у Вестерна, — ответил голос. — Я рассказывал ему обо всем в подробностях. Не трать время на подобные вопросы.

— Хорошо, я спрошу у него. Но объяснили ли вы ему, почему держали свою работу втайне от дочери, почему ей нельзя было знать даже о ее цели?

— Разумеется, нельзя. Я сооружал устройство для обнаружения, принятия и расшифровки сигналов из космоса. Она могла подумать, что ее папочка рехнулся. Но мне казалось, что я открыл определенную упорядоченность межзвездного шума, и если это окажется правдой... А до полной уверенности в этом имело смысл держать работу втайне.

— Но почему приемник потреблял такое количество энергии? Я бы еще мог понять, если бы у вас был передатчик...

Пульсация шара усилилась.

И вдруг Карфакс вспомнил, что на один вопрос ответа так и не получил. Он спросил у своего дяди, или у этого феномена, кем бы он там ни был, что-то в отношении... что-то относительно...

Вдруг шар словно бы вспух, окутался ярким сиянием...

Полуослепленный Карфакс откинулся назад, закричал, потом вскочил и кинулся к двери, которая автоматически предупредительно открылась.

В коридоре он упал на колени.

Яркий круг перед глазами начал медленно блекнуть и скоро исчез совсем.

Он так и остался сидеть на полу, прислонившись к стене, и тяжело дыша. Сердце, казалось, вот-вот проломит грудную клетку. Его колотило, но бедра и промежность были теплыми — позже выяснилось, что он обмочился.

Через несколько минут (секунд? часов?) над ним склонилось лицо появившегося из ниоткуда Вестерна.

— Что случилось?

Карфакс внезапно почувствовал себя очень одиноким и беспомощным в этом здании, где обитают привидения и Вестерн, и откуда он никогда сможет выйти без разрешения последнего.

VII

С трудом поднявшись на ноги, он прислонился к стене и на мгновение ощутил себя в безопасности. Но тут же подумал, что стены не могут служить преградой для привидений. Нет ничего непроницаемого на атомно-молекулярном уровне. В микрокосмосе расстояния между атомами огромны, и слышком многое может проскользнуть между ними.

Он отшатнулся от стены, словно опасаясь, что сверкающие щупальца протянутся сквозь щели невидимых миров и утащат его.

— Мне показалось, что эта штука... дядя Руфтон вот-вот выпрыгнет из экрана и обволокет меня.

Вестерн отнесся к его словам серьезно.

— Давайте выпьем кофе.

Они прошли по светлому коридору, завернули за угол и вошли в небольшую комнату. Стены ее украшали яркие сцены морской жизни, скопированные с критских росписей — голубые осьминоги, желтые дельфины. Пол устилал рос-

кошный ковер. В одном из углов торжественно сиял огромный серебряный кофейник. Вестерн подошел к нему и взял большую керамическую чашку.

— Сливки или сахар?

— Спасибо, я не хочу кофе.

Он положил в свою чашку два кусочка сахара, налил изрядное количество сливок и принялся энергично перемешивать. Затем подул, сделал несколько глотков и произнес:

— Теперь вы понимаете, почему мы требуем от клиентов подписывать некоторые бумаги, освобождающие нас от ответственности. И почему прежде, чем рассмотреть заявление, знакомимся с заключением о состоянии здоровья клиента, подписанным дипломированным врачом.

— То есть все люди, арендовавшие до сих пор "Медиум", были практически здоровы?

— Ни у кого из них не было признаков прогрессирующих сердечно-сосудистых заболеваний или умственного расстройства.

— А старуха, которая хочет побеседовать со своей совестью?

— Ей будет отказано.

— А что вы скажете насчет моего опыта?

Вестерн поднял густые брови.

— Вы не первый, кому показалось, что светящийся шар представляет угрозу. Это чисто зрительная галлюцинация, смею вас в этом заверить. Эмс не имеет ни малейшей возможности вырваться из своей колонии и проникнуть сквозь барьер между их вселенной и нашей. Не знаю, что является причиной этого явления. У меня нет даже простейшей гипотезы на этот счет, хотя я уверен, что это чисто психологическое явление.

— Существуют ли другие явления, подобные этому?

— Да. Иногда клиент испытывает нечто прямо противоположное — ему кажется, что его затаскивают в экран.

— Почему же я ничего не знал об этом? — удивился Карфакс. — Ведь прочел относительно "Медиума" все, что только можно было достать.

— Мы не скрываем неблагоприятные факторы — по крайней мере, не запрещаем клиентам говорить о них. Но

и не афишируем — подобная информация будет соответствующим образом настраивать клиентов перед сеансом. Вообще же мы намерены обнародовать это в будущем, но только тогда, когда у нас появится приемлемая теория на сей счет. Не забывайте, что "Медиум" является новинкой, к его услугам прибегло только около 600 человек, мы многого пока не знаем, и перед публикацией хотели бы провести всестороннее исследование.

Это объяснение не показалось Карфаксу удовлетворительным, но у него не было веских опровержений.

— Вы все время говорите "мы", — сказал он. — Я считал, что решения здесь принимаете только вы.

Вестерн улыбнулся.

— Да, коллектив возглавляю я. И "Медиум" принадлежит мне. Принципы его работы я храню в строгой тайне, он даже не запатентован, потому что мне не хочется, чтобы его чертежи были выкрадены из патентного управления. А это непременно произошло бы, поскольку "Медиум", как вы, наверное, уже устали слышать — величайшее открытие со дня сотворения мира.

— Мне, кажется, пора идти, — сказал Карфакс.

Вестерн поставил чашку.

— Пожалуйста. Но мне хотелось бы еще побеседовать с вами — попозже, когда у меня будет больше свободного времени. К тому же вам нужно прийти в себя, отдохнуть. Думаю, уже завтра вы сможете принять или отклонить мое предложение о втором бесплатном сеансе.

По коже Карфакса забегали мурашки. Не потому, что ему неприятен был намек Вестерна. Он вынужден был признаться самому себе, что боится. Действительно боится второго сеанса. Но и отказываться от еще одной возможности он не собирался.

— Не обязательно ждать до завтра. Я принимаю ваше предложение. И, думаю, сумею высидеть до конца.

— Хорошо.

Взгляд Вестерна был каким-то странным, но Карфакс подумал, что это — отражение его собственного растревоженного состояния.

— Вы хотите еще раз вступить в контакт с дядей Руфтоном?

Карфакс сглотнул слюну и медленно произнес:

— Нет. Я хотел бы поговорить с Френсис.

— Вашей женой?

— С существом, которое выдает себя за мою жену, — поправил Гордон.

Вестерн улыбнулся.

— Вы продолжаете цепляться за свою гипотезу. Что ж, почему бы и нет? Вы не видели еще ничего такого, что могло бы доказать обратное.

— Очень беспристрастное признание.

— Я просто пытаюсь мыслить в пределах логики. Объективным быть непросто, поскольку я очень сильно связал свою жизнь с "Медиумом". Но понимаю, какие требования предъявляются к научным доказательствам, и сколь мало я могу их представить. Да, я продемонстрировал, что существует некое явление — еще одна вселенная; что в этой вселенной имеются разумные существа. В этом нет ни малейших сомнений. "Медиум" не имеет с жульничеством ничего общего. Но, с другой стороны, являются ли эти существа "душами", как их называете вы, на самом ли деле это "эмсы", как называю их я? Если это не так, то каким образом им удалось так много узнать о людях, которыми, по их утверждению, они являются? Как им удается воспроизводить не просто литературный или общепринятый язык, а речь дяди Руфтона. Разумеется, некоторое искажение неизбежно, поскольку наши приборы пока еще очень примитивны. Но вы узнали его голос, не так ли? Лично я узнал сразу.

— Да, ваши доказательства представляются мне достаточно вескими, — согласился Карфакс. — И все же возможно, что эти существа располагают способами разузнавать все о людях. Как им это удается, я не знаю. Но вы не можете отрицать, что такая возможность существует.

— Да, не могу, но все же настаиваю на том, что она очень маловероятна. С какой целью они это делают? Чего могут достичь посредством этого?

Карфакс почувствовал раздражение. Ему был понятен его источник — Вестерн совершенно не соответствовал описанию Патриции. Хотя, может быть, он просто отличный актер и владеет искусством располагать к себе людей, обзаводиться друзьями. Карфаксу очень хотелось верить рассказу сестры, но теперь он был в затруднении.

У него возникло ощущение, что он предаст Патрицию и самого себя.

Вестерн проводил его в главную конторку и передал на попечение миссис Моррис. На прощание Карфакс задал ему еще один вопрос:

— Будет ли проверка "Медиума" религиозной комиссией показана по телевидению?

— Только в том случае, если телекомпании добьются снятия цензуры с передачи, — ответил Вестерн. — Я категорически против малейшего редактирования, чтобы не создавалось ложного впечатления. Заметили, что я не говорю "неблагоприятного"? Мне хочется только одного — чтобы все было представлено так, как оно есть на самом деле. Однако существует мощное противодействие показу опыта. Вы ничего об этом не слышали? Многие авторитетные религиозные организации борются против телевизионного показа, даже не зная, какими будут результаты. Ну, да хватит об этом. До встречи, в четверг, в десять. — Он повернулся, остановился в нерешительности и еще раз, улыбаясь, обратился к Карфаксу: — Скажите Патриции, что она тоже может прийти, если пожелает.

Карфакс ничего не ответил. Он чувствовал, что ситуация полностью ускользает из его рук. Вестерн разнюхал, что Патриция прилетела другим рейсом из Бусириса и должна была позвонить ему в гостиницу.

Поездка в гостиницу в Уиллшире не позволила ему предаться размышлениям — телевизор в такси постоянно передавал последние известия.

"... Сегодня в 15.35 Крауфорд Гултон, проживающий в доме 6748 на Вестминайдской спирали, квартира 6Ж, был якобы убит при продаже ручного набора "Сделай сам устройство для общения с душами" Анастасия Родригес из Крюэлс Кастл Туаэрс, N 99653, квартира 89F. Предполагаемый убийца, Мауи Алеакала, из Нью-Пэрэдиз Кабаньяс, N 347-А4-Д, как сообщают, напал на Гултона с ножом. Причиной явилось то, что набор, проданный ему Гултоном на прошлой неделе, якобы не выполнял предписываемых ему функций..."

Каким образом, удивился Карфакс, можно "якобы убить"? Человека или убивают, или не убивают. Но средствам массовой информации приходилось быть очень осто-

рожными при составлении сообщений. Иски о клевете и умышленном злословии наводнили суды в таких же масштабах, как лет десять до этого — дела о злоупотреблении марихуаной. Результатом явилось то, что средства массовой информации прибегали ныне к весьма своеобразно сформулированным утверждениям. В ту эпоху, когда полная нагота не являлась чем-то исключительным в дневных телевизионных передачах, а сексуальные фильмы с показом возможных поз и всевозможных групповых комбинаций демонстрировались после 22 часов (когда дети в постелях), цензура постоянно урезала свободу слова в других сферах.

Народ Соединенных Штатов до сих пор еще не привык к тому, что свобода влечет за собой ответственность и, похоже, не скоро еще привыкнет. Единственно, кто мог бы заставить его сделать это — так это он сам, но никто, казалось, не понимал, что пора бы уже и начать.

Приходилось выбирать между злоупотреблениями демократии и злоупотреблениями тоталитаризма.

Карфакс напомнил себе, что пора поразмыслить кое о чем более насущном. Он ничего не сможет сделать такого, чтобы не то, что быстро, а хотя бы медленно стало изменять окружающий мир, и результаты чего он мог бы почувствовать. Но вот определить, кто прав, а кто виноват — Вестерн или Патриция — возможно, сможет.

"... Начиная с этих дней, индекс загрязнения воздуха должен показывать постоянное снижение содержания вредных веществ. С каждым днем, по меньшей мере, пятьсот транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания изымаются из обращения и заменяются машинами на аккумуляторах или топливных элементах. Бюро Экологической Охраны уверено, что худшие дни позади, что рекордный пик...".

Это была приятная повость, но, к сожалению, он слышал подобные далеко не впервые. Еще два года назад говорилось, что вот-вот повсеместно распространятся электрогидродинамические генераторы. Они должны были революционизировать общество и одновременно уменьшить загрязнение. Но устройства эти так и не вышли из экспериментальной стадии, к тому же у них оказалось немалое число недостатков, которые остались незамеченными, когда их впервые предложили.

Отель "Ла Бреа" занимал два квартала, на территории которых в те времена, когда Карфакс жил в Лос-Анджелесе, находилась добрая дюжина административных зданий. Он располагался на противоположной стороне улицы от смоляных ям. Карфакс решил еще раз полюбоваться на то, что осталось от эпохи плейстоцена. Он перешел по эстакаде над бульваром Уиллшир и спустился к тому месту, где когда-то было пересечение Уиллшира и улицы Курзона. Теперь улица исчезла, уступив место парку. Заодно был снесен и квартал к востоку, состоявший из нескольких крупных зданий.

Он обошел проволочный забор и остановился в метре от двух бетонных мамонтов на краю смоляной ямы. Гигантский мамонт-отец и детеныш глядели, как мать погружается в черную жидкость, наполняющую яму. Малыш протягивал к обреченной матери свой маленький хобот, словно надеялся вытащить ее из смолы. Огромная самка выбивалась из сил, пытаясь выкарабкаться из цепкой маслянистой ловушки, которая убила много тысяч животных, больших и малых.

Многих удивляли и разочаровывали небольшие размеры ямы. Очевидно, они рассчитывали увидеть нечто, охватывающее многие гектары. Но все, что осталось от громадных пространств, заполненных смолой, которые покрывали когда-то большую часть районов Лос-Анджелеса, расположенных в этой долине, было просто лужей, уступающей в размерах футбольному полю.

Рядом с музеем сохранилось еще несколько маленьких лужиц, в которые до сих пор попадали суслики и белки. Хотя, чтобы добраться до смолы, им приходилось преодолеть проволочную ограду.

Однако, если бы разочарованный турист побродил пешком по парку, он мог бы разглядеть смолу, просачивающуюся местами сквозь дерн и травяной покров, и, будь у него немного воображения, почувствовал бы себя весьма неуютно: не слишком глубоко под травой и бетоном залегал жидкий битум, и ждал. Когда-нибудь, как бы говорила эта жидкая грязь, этот тонкий покров исчезнет, и я снова буду тут как тут, и все станет таким же, каким было раньше. Мамонтов, саблезубых тигров, гигантских львов и пещерных медведей здесь не будет, зато будут люди в

звериных шкурах, охотящиеся на животных, и они будут становиться моей добычей...

Карфакс не очень долго стоял над ямой — глаза начали слезиться, в них возникло покалывание, а слизистые оболочки носа и глотки высохли. Он поспешил в гостиницу и окунулся в сравнительно чистый и прохладный воздух вестибюля. Вечером дневная деятельность по засеиванию облаков могла вызвать дождь, и тогда воздухом над мегаполисом можно будет дышать еще три дня. Именно засевание, хотя это было очень дорогим делом и не всегда результативным, делало возможной жизнь в Лос-Анджелесе, давало надежду и удерживало жителей до того времени, когда электромобили позволят очистить воздух до уровня 1973 года.

Да, мир был загрязнен гораздо больше, чем десять лет назад, но станет гораздо чище за следующие десять лет, и пророки Судного дня будут посрамлены.

Карфакс поужинал в столовой, вернулся в свой номер, и уже через 10 минут раздался телефонный звонок. Он включил изображение и увидел Патрицию в одной из кабин аэропорта "Риверсайд".

— Удачно доехала?

— Почти не отдохнула, — ответила она, улыбаясь.

— Однако, вид у тебя совсем не усталый. Кстати, прелестно выглядишь.

— Спасибо. Ну так как? Встретимся у тебя? Или...

— Я уверен, что этот телефон не прослушивается. Пока что, во всяком случае. Так что приезжай. Я не думаю, что...

Она нахмурилась.

— Что не думаешь?

— Неважно, не беспокойся.

Она, вероятно, разгневается, когда узнает, что он не счел Вестерна опасным человеком. Во всяком случае, не настолько опасным, как считает она. Хотя, возможно, он и представляет угрозу для человечества в целом. Поэтому не стоит пока что делать таких заявлений, пока не появятся веские основания.

— Приезжай, — произнес он и подождал, чтобы удостовериться, что у нее нет других предложений.

— Хорошо, — сказала она.
Экран потух.

VIII

Зарегистрировавшись в гостинице, Патриция сразу позвонила. Он назвал ей кодовое слово, открывающее дверь номера, заказал для нее ужин, но его что-то долго не было. Старший по кухне извинился и объяснил, что еда была послана на тележке-автомате и должна была прийти вместе с лифтом. Однако лифт сломался, его ремонтирует специалист. Остальные тележки задействованы, но заказ прибудет не позже, чем через полчаса, даже если ему самому придется принести его.

Из скрытого над дверью громкоговорителя раздались произнесенные Патрицией слова, эквивалентные "Сезам, отворись", и дверь открылась.

Она действительно прелестно выглядела в ансамбле, состоящем из очень короткой юбки и матерчатого треугольника, закрепленного у шеи и свободно свисающего на грудь. Он, казалось, был выполнен не из пластика, а из травы и походил на одеяние Белой Богини Изаги Нина Т — героини телевизионной серии "Рог торговца". Сам Карфакс был облачен в костюм "белого исследователя" из той же серии, но без пробкового шлема.

Патриция осторожно села — под юбкой у нее ничего не было. Кроме того, она остерегалась резко поворачиваться и наклоняться, чтобы не выставлять напоказ грудь. Карфакс подумал, насколько нелепа подобная скромность — на пляже она бы появилась вообще без ничего. Но мода на одежду не подчиняется разумным законам, хотя каждый предмет туалета имеет свою собственную логичность.

В общем Патриция не испытывала ни малейшей неловкости от того, что тело ее едва прикрыто, а крепления того немногого, что на ней одето, ненадежны. Он же старался подавить в себе сексуальное влечение, которое вызывал у него вид красивой женщины в мини-юбке (это означало, что Карфакс в течение многих лет постоянно находился в состоянии возбуждения).

Она, однако, была его двоюродной сестрой, и это должно было охлаждать его пыл. Должно, подумал он, но разумеется, не охлаждает. Особенно, если принимать во внимание, что табу на кровосмешение за последние 15 лет заметно ослабло.

Лучше ему не думать о подобных вещах, решил он, что было равносильно отказу от уже поданной красиво сервированной пищи.

Патриция закурила сигарету, сделала несколько затяжек и, глядя на Карфакса сквозь пелену табачного дыма, произнесла:

— Рассказывай.

Он рассказал все, что, по его мнению, можно было. Но понял, что, несмотря на все ухищрения, рассердил ее. Долгие, медленные затяжки сменились короткими, быстрыми. И ошибся — ни он, ни Вестерн не были причинами ее гнева.

— Почему он лгал о своем изобретении? — громко спросила она. — Почему? Не могу понять, что с ним. Неужели же он не может постоять за себя, даже после смерти?

— Не понимаю.

— При жизни он всегда "умывал руки". Был бесхребетным! Предпочитал ничего не делать, лишь бы кого-нибудь не рассердить. Не переносил чужого гнева. Стоило мне притвориться сердитой — и я всегда добивалась, чего хотела. Кроме одного-единственного, чего желала больше всего на свете!

В литературе имеется множество описания женщин, которых гнев делает еще более прекрасными. Патриция определенно не принадлежала к их числу. Разъяренная сука, подумал Карфакс.

— И что же это было за одно-единственное? — спросил он, поскольку она явно ожидала такого вопроса.

— А как ты думаешь?

— Ты хотела, чтобы он начал с тобой спорить?

Сначала она удивилась, потом на лице ее появилась довольная улыбка.

— А ты очень понятлив. Мне это нравится.

— Для этого не надо обладать большим умом, — сказал он и наклонился к ней: — Если говорить честно, то

независимо от того, насколько патологически относился твой отец к чьему-либо гневу, теперь у него нет никаких мотивов, чтобы лгать. Он мертв. Во всем мире никто ничем уже не может ему навредить, и он непременно захотел бы приписать себе честь изобретения "Медиума", если у него...

— Что "если"?

Он улыбнулся.

— Я говорю об этом существе, которое называет себя твоим отцом, так, словно оно на самом деле им является. По правде говоря, очень трудно удержаться от того, чтобы не думать о них, как о покойниках.

— Гордон, я не желаю вступать с тобой в спор об этом! Я знаю, что папа изобрел машину, позволяющую входить в контакт с умершими, знаю, что это — действительно покойники! Я ненавижу Вестерна, потому что он убил моего отца, но он абсолютно прав относительно всего, что касается "Медиума". Да ты и сам говорил, что голос, который слышал, был голосом моего отца. Теперь я не удивлюсь, если узнаю, что Вестерн гораздо сильнее, чем сам о том говорит. Я имею в виду, что он, возможно, не только беседует с покойниками и видит их, но способен воздействовать на них, подчинять своей воле. Может быть, он располагает средствами причинять им боль?

— Каким же образом?

— Откуда мне знать? — сердито бросила Патриция. — Ты сам говорил, что, по его словам, энергия может на них воздействовать. Возможно, он прикладывает большое количество энергии, а это для них мучительно.

— Или, может быть...

— Да?

Она нагнулась вперед и немного в сторону, чтобы загасить окурок; щит сдвинулся набок. Груди у нее были красивыми и полными, не слишком большими и не слишком маленькими — как раз такими, как у отрицательной героини Эдвина Бута в первоначальной версии "рогов Торговца".

— У меня нет никаких улик, подкрепляющих мои рассуждения. Но, возможно, Вестерн предлагает нечто твоему отцу, и это заставляет его лгать.

— Зачем ему это? — спросила Патриция. При этом лицо ее снова исказилось.

— Не знаю. Может быть, Вестерн лжет твоему отцу, предлагая... Ну, скажем, шанс вырваться оттуда. Пусть это и загробная жизнь, но она вовсе не напоминает рай. Тьфу, что я говорю! Никак не могу отделаться от впечатления, что они — действительно умершие люди.

— Почему ты так сильно противишься этой идее?

— Давай не будем начинать этот спор, — предложил Карфакс.

Примерно минуту она молчала; затем открыла рот, но тут же закрыла — из дверного громкоговорителя раздались три коротких свистка. Карфакс встал, подошел к двери, заглянул в глазок и произнес кодовое слово, которое открыло замок. В номер вкатилась куполообразная черепаха, остановилась по его команде и откинула крышку. Карфакс забрал поднос с тарелками и чашками, и велел черепахе покинуть номер.

Патриция так накинулась на ужин, словно не ела с самого утра. Карфакс и сам проголодался, глядя на нее, и помог ей доесть всю посуду и столовые приборы, кроме одной ложки — горничная забыла пополнить бутыль с растворяющим соусом, и его не хватило.

— Вишня, — заметил он, повернул ложку так, чтобы можно было прочесть рельефные буквы на ее ручке. — Не люблю синтетическую вишню, хотя обожаю домашний вишневый пирог.

Поднос должен был, по идее, иметь вкус шоколадного молочного коктейля, и Карфакс решил оставить его на потом.

Затем он налил по 50 грамм коньяка, и они молча чокнулись.

— Интересная мысль пришла мне в голову. А что, если я беседовал вовсе не с твоим отцом, а с его ловкой имитацией? Ведь голос можно подделать. А то, что меня так напугало, могло быть просто голограммой...

Она поставила рюмку.

— А для чего Вестерну прибегать к таким театральным эффектам?

— Да чтобы напугать меня!

— Зачем?

— Чтобы я не задавал больше вопросов. Дядя... — Он запнулся в нерешительности, словно ему было трудно

произнести эти слова. — Дядя Руфтон так и не ответил мне, могут ли люди-медиумы вступать с ними в контакт. То есть, я имею в виду, с эмсами.

— Ты можешь спросить об этом же у своей жены.

— А если она не знает? Эти... эмсы... понимаешь ли, далеко не всезнающие.

— Я была у очень известного медиума, — сказала Патриция. — У некоей миссис Холлис Уэбстер. Она производит впечатление честного человека. По крайней мере, с нее сняты обвинения в мошенничестве благодаря деятельности Комиссии по психическим исследованиям Сиракузского университета.

— Ты ходила к медиуму? Для меня это новость. Но для чего? Чтобы поговорить со своим...

— Да, со своим отцом.

— И каким же был результат?

— Я ходила дважды, и оба раза у миссис Уэбстер ничего не получилось. Правда, во второй раз она сказала, что почти вышла на контакт Ощущала это.

— Ощущала?

— Она утверждает, что медиумы-люди, истинные медиумы, используют те же принципы, что и "Медиум" Однако они пользуются несколько отличными чувствительными органами и преобразователями. Вместо экранов и приборов — комбинации нервных импульсов, которые преобразуются в ощущения. Это почти настолько же достоверно, как и показания прибора с проградуированной шкалой.

— И она вступает в контакт с умершими людьми, а не с эмсами, так ведь?

— Собственно говоря, меня это тоже интересовало. Она сказала, что не сомневается в том, что существа, выходящие на контакт, являются душами умерших. Но, говорила миссис Уэбстер, твоя теория может быть верной. Или, по крайней мере, в ней есть доля истины. Она склонна считать, что Вестерн пробил канал связи с миром демонов. О, не улыбайся! Она вовсе не имеет в виду маленьких рогатых дьяволов с вилами и прочими подобными атрибутами. По ее мнению, это злые духи. Зловещие существа. Не призраки грешников, а что-нибудь вроде... ну... падших ангелов. Она утверждает, что они маскируются под людей, чтобы...

Патриция замолчала, услышав тяжелый вздох Карфакса.

— В чем дело? Я понимаю, что все это звучит нелепо — во всяком случае, для тебя, и даже в чем-то для меня, но не...

— Теория миссис Уэбстер является извращением моей гипотезы, — сказал он. — Разница только в терминах. Она говорит "злые духи", а я — "эмсы", хотя и в несколько отличном от Вестерна смысле. Во всяком случае, "эмс" звучит как-то более наукообразно. Но этот термин не может быть подвергнут какому-либо анализу. Ни у меня, ни у миссис Уэбстер нет доказательств, чтобы подкрепить свою гипотезу. За исключением того, что "Медиум" показывает мир, являющийся сущим адом, все остальное является чистой фикцией. И если существа, которых мы видим на экране "Медиума", на самом деле являются покойниками, то они находятся в преисподне!

— Миссис Уэбстер утверждает, что мы видим только то, что нам показывает электроника, но не их истинное обличье. Так же, как электрическая волна, возбуждаемая сердцебиением, вовсе не показывает само сердце.

— То же говорит и Вестерн, но в несколько иной интерпретации, — произнес Карфакс.

В течение нескольких минут он молчал. Патриция сидела тихо, не шевелясь, только время от времени затягивалась сигаретой.

— Ладно, — произнес он наконец. — Я хочу посмотреть на эту миссис Уэбстер. Назначь с ней встречу на следующей неделе. Скажем, в понедельник.

— Тон довольно скептический.

— Я не настолько ограниченный, чтобы не подвергнуть гипотезу проверке.

— Какую гипотезу?

— Что умершие могут общаться с людьми-медиумами.

— Я хотела бы еще выпить.

— Пожалуйста.

Он встал, налил ей чуть больше пятидесяти грамм виски и бросил в бокал три кубика льда. Она протянула руку, и он почувствовал как бы разряд электричества, проскочивший между ними. Но напряжение, его обусловившее, было чисто психического, а не электрического свойства. И еще он понял, что многие его мысли совпадают с ее мыслями.

Несколько ошеломленный, Карфакс вернулся к своему креслу. Она была его двоюродной сестрой. Но у него не было намерения сделать ее беременной и, кроме того, он уже давно не имел женщины, а к ней ощущал четко выраженное влечение. Может быть, даже более сильное, чем хотел бы в этом признаться.

Вот здесь-то и вернулось ранее зародившееся подозрение, что Патриция, быть может, подослана Вестерном, что ее появление является первым актом заранее написанной драмы.

Но потом Карфакс обозвал себя сукиным сыном. За циничность. И подумал, что слишком боится возникновения теплых чувств к другой женщине, потому что не перенесет новой утраты, если с ней что-нибудь случится.

— Ты никогда не рассказывал мне о своем нервном расстройстве, — произнесла Патриция, потягивая виски.

Она что, пытается выудить у него информацию, которую потом передаст Вестерну?

— Не смотри на меня так, — попросила она, закуривая. — Наверное, я слишком любопытна. Не хочешь говорить об этом — не говори.

— Мне действительно не хочется рассказывать. Даже я сам нахожу все, что тогда произошло, совершенно невероятным. Этому можно дать только одно объяснение — что у меня было помутнение рассудка. Во всяком случае, на некоторое время. Кое-что на самом деле произошло, и тому есть достаточно объективных свидетельств. Но мои наблюдения, должно быть, были пропущены через сильно искажающий фильтр. А свидетели, которые могли бы подкрепить мои показания все, как на грех, молчали. Даже те, кому я доверял больше всего. Они, наверное, не хотели выглядеть спятившими.

Наклонившись к нему, Патриция нетерпеливо спросила:

— Так что же это было?

Он улыбнулся.

— Вампиры, оборотни, призраки, вурдалаки и всякая другая нечисть, которая вылазит по ночам. Да и днем тоже. Тогда все это казалось абсолютно подлинным, реальным. Да и сейчас временами кажется. Тем не менее, такого быть не может, поэтому я говорил всем, что на-

ходился под воздействием сильного наркотика. По крайней мере, теперь я гораздо меньше уверен в том, что все происходящее вокруг нас можно объяснить с научной точки зрения.

— Что же все-таки случилось?

— Сейчас, как меня заверили, я в здравом уме и таковым намерен оставаться дальше. Так что не будем лучше говорить об этом.

У Патриции был явно раздосадованный вид.

— Извини, — улыбнулся он. — Но подробности могли бы убедить тебя в моей неполноценности. Может быть, так оно и есть на самом деле. В любом случае, я решил бросить сыскное дело, изменил имя и практически исчез. Но вот я вновь в Лос-Анджелесе, и вновь — частный детектив. Где же пресловутая свободная воля?

— Ответь мне на один вопрос, и я больше не буду об этом, — не унималась Патриция. — Ты действительно принимал ЛСД?

— Не по собственной воле. Мне подсунули его в бокале с вином.

А если она на самом деле агент Вестерна, подумал он, то что ей стоит подбросить мне в рюмку наркотик и таким образом дискредитировать меня?

Что ж, может быть, это и входило в ее планы, но сегодня она явно не собиралась этого делать — ведь он не спускал с нее глаз.

Внезапно ему стало стыдно, хотя логика и подсказывала, что нужно брать под подозрение все без исключения.

— Пора в ванную, — сказала Патриция, вставая.

Неплохо было бы заглянуть в ее сумку, сказал он себе. Надо быть дураком, чтобы не сделать этого. И все же у него было такое чувство, что он предает ее, и чувство это еще более усугубилось, когда он нашел в сумке только, что, в общем-то, и ожидал — флакон с контрацептивом и таблетки против венерических заболеваний.

И тогда он решился.

Она, выйдя из ванной, поняла это, молча подошла и положила руки ему на плечи...

Позже, засыпая, он задумался на мгновение: могут ли покойники наблюдать за живыми? Френсис это явно не понравилось бы, но для этого ей, как минимум, надо было

находиться тут. И, кроме того, понадобилась бы машина, чтобы перекинуть шаткий мостик в этот мир.

И уже перед тем, как окончательно заснуть, он удивился: о чем это я толкую? Я не верю в существование загробной жизни. Эмсы являются существами из другого мира... или чем-то другим подобным...

IX

— Ничего не было ни доказано, ни опровергнуто, — рассказывал Карфакс. — Епископ пытался изгнать дьявола из "Медиума", но с ним случился сердечный припадок. Вот и все.

— Но откуда Вестерн мог узнать, что епископ Шаллунд выберет друга детства, который умер в 11 лет и о котором узнать что-либо заранее было совершенно невозможно? Кроме того, он до последнего момента не знал, кто войдет в состав комиссии.

— Он очень богат и, насколько мы можем предположить, неразборчив в средствах, — сказал Гордон. — Ему, скорее всего, удалось выяснить, кто войдет в комиссию, несмотря на то, что это предполагалось хранить в строгой тайне. И его ищейки, что также вероятно, раскопали все, что только можно, в отношении ее членов. Как бы там ни было, расследование ничего не прояснило, даже наоборот — запутало все еще больше. Постмедиумисты утверждают, что покойник возмутился комиссией и убил Шаллунда за то, что тот никак не мог ему поверить. Или, вернее, так напугал епископа, что с ним случился сердечный приступ, имевший фатальный исход. В среде антимедиумистов так и осталось существовать два направления: одни утверждают, что Вестерн — просто мошенник, другие верят, что он — колдун, новый Фауст, вызвавший к жизни силы, которые следовало бы оставить в покое. Словом, мы остались там же, где были до комиссии, только страсти разгорелись еще сильнее.

— И что ты думаешь об истинности утверждений Вестерна?

— Остаюсь при своем мнении. Во всяком случае, пока что. Я, признаюсь, вовсе не беспристрастен в этом деле.

Мое неприятие идеи о существовании загробной жизни могло повлиять на мои суждения и помешать мне быть объективным.

— Сегодня ты будешь говорить с Френсис и независимо от того, сколько денег потратил Вестерн на ее изучение, он не в состоянии разузнать абсолютно все. Есть такое, что знаешь только ты.

Гордон улыбнулся.

— Верно. Но, согласно моей гипотезе, это не имеет никакого значения. Ведь разговаривать я буду вовсе не с Френсис. Это будет нечто иное — какое-то существо, располагающее определенными средствами разузнать о ней все. Читая мысли, наверное. Или, может, оно наблюдало за ней с момента рождения...

— О, ради бога! — воскликнула Патриция.

Тело у нее, безусловно, изумительное, подумал он. Но выражение гнева вкупе с полным отсутствием косметики делает лицо почти уродливым.

Карфакс поднялся с постели, одел пижаму и легкий халат.

— Может быть, горячий кофе тебя остудит. Не выходи из себя только потому, что я осуществляю свои мужские прерогативы.

— Что?

— Извини. Не мужские, а человеческие. Гомо сапиенс — разумное животное. Потому что часто человек игнорирует факты, или, вернее, искажает их таким образом, чтобы они соответствовали его собственным воззрениям.

— Ну, может быть, ты так и поступаешь, но не я! Я знаю, что Вестерн убил моего отца и украл его изобретение, я знаю, что эти... на самом деле покойники! Я объективно смотрю на вещи!

— Конечно, конечно, — сказал он. — Я приготовлю кофе. А ты пока что подкрасься.

— Что, мое лицо настолько тебе неприятно? Ты сам...

—...не очень-то хорошо выгляжу утром, — согласился Карфакс. — Да, я это знаю и прошу у тебя прощения. У Френсис была удивительная способность оставлять свое мнение при себе. Надо было у нее поучиться.

Он обошел кровать, чтобы поцеловать ее, но она вырвалась и метнулась в ванную. Карфакс направился в ку-

хоньку, ругая себя за то, что не смог отказать себе в удовольствии позлить ее. Доктор Слоко считал, что в нем глубоко укоренилась потребность вызывать на себя женский гнев, причем гнев тех женщин, которых он любит. Карфакс соглашался с тем, что это вполне возможно, но откуда взялась у него такая потребность? Этого до сих пор не смогли выяснить ни доктор Слоко, ни он сам.

Патриция вышла из ванной. Она завязала волосы узлом Психеи, но принципиально не накрасилась. Он, ощущал себя виноватым, подошел к ней, чтобы поцелуем загладить вину. На этот раз она не оттолкнула его, даже улыбнулась:

— Давай начнем все сначала. Доброе утро, Гордон.

— И тебе доброе утро, — ответил он. — Я сейчас вернусь.

И скрылся в ванной.

Потом они сидели перед телевизором и тянули горячую жидкость.

Последние известия, в основном, были посвящены событиям вокруг Вестерна. На автостоянке перед его особняком несколько раз вспыхивали беспорядки между сторонниками и противниками "Медиума", которые полиции с трудом удавалось гасить посредством гранат со слезоточивым газом и пены. Множество забияк было увезено в полицейских фургонах, серьезно пострадавших забрали кареты скорой помощи. Демонстрации провестернитов прошли в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Сенатор Грэй из Луизианы дал интервью, в котором предложил, чтобы "Медиумы" производились за счет государства и устанавливались во всех городах с населением более 50 тысяч. Для всех желающих доступ должен быть бесплатным, или по весьма умеренной цене. У Грэя был глубокий, звучный голос и искреннее лицо, созданное, казалось, специально для телевидения. Он все больше становился известным среди широкой публики благодаря своим выступлениям в пользу "Медиума". Мысль сделать "Медиум" общедоступным пришла ему в голову во время размышлений о проблемах маленького человека, у которого недостаточно денег, но которому тоже хочется побеседовать с дорогими усопшими. Действительно, несправедливо, что величайшая штука со дня сотворения мира служит только богачам.

— Он очень хочет стать президентом, — констатировал Гордон. — И, не исключено, станет им. Ловок. Понимает, что многие из его избирателей являются религиозными и считают "Медиум" орудием сатаны, поэтому главный упор делает на заботу о бедных. Почему это богатые не только пользуются всеми жизненными благами, но еще и владеют монополией на общением с покойниками? На одной только этой платформе Грэй, возможно, въедет в Белый Дом.

— А ведь Вестерн мог бы стать президентом, если бы захотел, — сказала Патриция. — Меня удивляет, что он до сих пор не выставил своей кандидатуры.

— Возможно, Грэй — его человек. Лучше располагать властью позади трона, чем восседать на нем. Но я не уверен в том, что нельзя оставлять "Медиум" игрушкой в руках богачей. Если он станет доступным для каждого, то воздействие его на общество будет поистине чудовищным.

— Почему?

— Мы, может быть, станем современными египтянами, сосредоточив всю свою жизнь на смерти. Этот мир станет только коротким этапом подготовки к следующему, гораздо более длительному.

— А разве когда-нибудь было иначе?

— Теоретически — да. Практически — никогда.

Патриция вздрогнула и закрыла лицо руками.

— О, это ужасно!

— Вполне может быть. В любом случае, мир станет совершенно иным. Обрати внимание: некоторые адвокаты уже опубликовали статьи, в которых экстраполируют изменения в судебной и следственной процедурах, которые возникнут, как только "Медиум" будет узаконен. Убитый человек будет приводиться к присяге в качестве главного свидетеля обвинения. А все, что касается собственности? Может ли покойник и дальше заниматься своим бизнесом, распоряжаться имуществом? Почему он должен быть лишен всех выгод, с этим связанных, только потому, что находится в ином мире? С другой стороны, каковы будут права тех, кто самым первым владел собственностью? Неужели после долгой судебной битвы Джон Рокфеллер-старший снова возьмет в свои руки контроль над "Стандарт Ойл"? Будет ли Джордж Вашингтон выставлять свою кандидатуру на пост президента? А если будет, кто сможет

его победить, исключая разве что Эйба Линкольна? И каким образом он сможет компетентно руководить страной? Скорее всего, что не сможет, так как условия изменились настолько, что он просто не поймет ничего из того, что в ней происходит. И...

— Да ведь это просто нелепо! — воскликнула Патриция.

— Да, я понимаю. Но если серьезно задуматься, начинаешь понимать какая кутерьма может возникнуть. И, скорее всего, так оно и будет.

— Как бы там ни было, тот, кому принадлежит "Медиум", станет очень-очень богатым, — сказала она. — Даже в том случае, если изобретение перейдет в собственность правительства — слишком дорого оно стоит.

Гордону захотелось сделать кое-какое замечание в отношении долларовых банкнот, отчетливо зашелестевших в ее голосе. Но воздержался. Нелепо было бы упрекать ее за то, что она поневоле думает, какой бы богатой стала, если бы сумела доказать, что является законным владельцем "Медиума". Человек слаб. И разве у него не мелькала мысль о том, что если он женится на Патриции, половина этих миллиардов будет принадлежать ему? Неужели именно она привела его в постель к двоюродной сестре? Нет, успокоил он себя. Жадность здесь ни при чем. Если бы им двигало именно это, даже и бессознательно, разве стал бы он дразнить Патрицию сегодня утром? Разве не делал бы все возможное, чтобы угодить ей?

А может быть, все гораздо сложнее? Может быть, он намеренно злит Патрицию, стараясь убедить себя, что деньги совершенно непричастны к его чувствам?

Да, жизнь была достаточно сложной и без покойников.

Карфакс вышел из гостиницы ровно в девять. Воздух был чистым, небо — голубым, за исключением нескольких облаков, оставшихся после ночного засева. В квартале к западу была автобусная остановка, но он решил пройтись пешком к метролинии в Ла-Бреа, чтобы поразмяться, проверить наличие или отсутствие "хвоста" и полюбоваться изменившимися окрестностями.

То и дело останавливаясь перед витринами магазинов, Карфакс неспешно двигался по южной аллее бульвара Уиллшир. Если кто-нибудь и следовал за ним пешком или

в машине, ему (или ей) пришлось бы привлечь все свое профессиональное мастерство, чтобы остаться незамеченным. Хотя вряд ли Вестерн рассматривает его в качестве достаточно серьезной угрозы, чтобы вести постоянное наблюдение. Он, по всей вероятности, знает, что Патриция оставалась в номере Карфакса всю ночь, но этим вовсе нельзя скомпрометировать ни его, ни ее. Такие вещи теперь уже никого не интересуют.

Миля Чудес, как он обнаружил, не очень-то изменилась, если не считать движущихся пешеходных мостиков над головой. Улицы к югу от нее (Восьмая и остальные) больше уже не состояли из особняков — вместо них были воздвигнуты высоченные жилые дома и многоярусные автостоянки. Посреди возвышалось восьмиэтажное здание без окон, более или менее прилично украшенное, скрывающее за своими стенами оборудование для выкачивания нефти.

В Ла-Бреа Карфакс лифтом поднялся на платформу монорельсовой линии и минутой позже сел в экспресс, который пулей домчал его к Сансету, где он спустился к автобусу и доехал до Хайлэнда. Оттуда такси (на этот раз приводимое в движение паровой машиной) доставило его ко входу в особняк Вестерна.

У ворот Карфакса поджидал Тоурс.

— Я догадываюсь, что вы видели вчерашний погром по телевидению, — сказал он, поздоровавшись.

— Разумеется.

— А слыхали ли вы, что племянница епископа Шаллунда подала на нас в суд? У нее нет никаких шансов, поскольку епископ, разумеется, дал нам подписку. Но, тем не менее, это досадная помеха. М-р Вестерн, разумеется, мог бы уладить все и без суда, но он не хочет создавать такой прецедент. И все же во всем этом есть кое-что положительное, с нашей точки зрения, — добавил он, заметив поднятые брови собеседника. — Мы планируем через несколько дней взять интервью у самого епископа. Пригласили на сеанс племянницу, но она отказалась. Это не суть важно — у нас есть несколько близко знавших епископа людей, которые смогут его опознать.

— Почему вы это затеяли? — спросил Карфакс, когда они уже поднимались на крыльцо.

Тоурс открыл перед ним дверь, но загородил вход.

— Что вы имеете в виду?

— О чем вы хотите говорить с епископом?

Тоурс рассмеялся.

— О, понятно. А вы сами не догадываетесь? Ведь если он сам заявит, что не обнаружил там, куда попал, ни рая, ни ада, ни чистилища, то что же тогда произойдет с религией?

Теперь, в свою очередь, рассмеялся Карфакс.

— Вы уже опубликовали добрый десяток интервью. Если верующие отвергают свидетельства пап, Иоанна XXII и Пия XI, какое значение будет иметь для них заявление какого-то епископа?

— Потому что у них могут возникнуть сомнения в подлинности личностей пап, а Шаллунд только что умер и...

Внезапно оборвав фразу, Тоурс посмотрел куда-то мимо Карфакса; тот обернулся и увидел самолет над холмами. Это был двухмоторный реактивный моноплан. Только, когда он пролетел над долиной и нырнул вниз, им стало ясно, что вознамерился сделать пилот.

— Какой идиот! — воскликнул Тоурс. — Он хочет...

— Не-е-е-т! — закричал Карфакс и, перепрыгнув через перила, метнулся в пластиковые кусты, ломая ветви. Рев реактивных двигателей усилился, а затем что-то гигантское грубо подняло его и завертело, ударило о тугой воздух...

X

Очнулся он лежащим на спине. У него ничего не болело (пока что), и он не имел ни малейшего представления о том, что произошло и где он находится. Руки и ноги не слушались его, словно парализованные, и он ничего не слышал.

Мимо, высоко подняв руки, пробежала женщина. Ее почерневшее тело прикрывала только изодранная кофта; волосы спутались обуглившейся массой.

Голубое небо потемнело, по нему проносились клубы дыма. Что-то ударилось ему в бок, но он не смог повернуть голову, чтобы разглядеть, что это было.

Через некоторое время над ним пролетел вертолет, совсем низко; он ощутил, как его обдало горячим воздухом из-под лопастей, хотя и не слышал рева двигателей. Он попытался закричать — в голове загудело, и его снова окутала тьма.

Когда Карфакс очнулся во второй раз, то лежал уже на носилках, укутанный в одеяло. Руки и ноги его были связаны. Он смог слегка пошевелить ими, но сразу же пожалел об этом — голову рванула мучительная боль, она показалась огромным сгустком запекшейся крови. Стоящий рядом мужчина в белом халате прижал к его лицу респиратор.

На третий раз, открыв глаза, он увидел Патрицию. Она плакала. Стоящая рядом медсестра писала что-то на листе бумаги, приколотом к дощечке. Морщась от боли, он повернул голову.

— Это был самолет... — Голос, казалось, эхом отдавался в черепной коробке. — Он умышленно врезался в здание.

Сестра положила дощечку и обошла кровать, направляясь к нему.

— Мистер Карфакс, вам сейчас нельзя напрягаться. Попробуйте снова заснуть.

— У меня сломан позвоночник.

— Нет, только нога и два ребра. В остальном же все в порядке.

— Боюсь, что еще лопнули барабанные перепонки. Который час?

— Постарайтесь успокоиться, м-р Карфакс. Некоторое время вам придется побыть здесь.

— Который час, Пат?

Патриция сквозь слезы взглянула на свои часы:

— Почти полночь.

— Полночь?

— Гордон, попробуй заснуть. Я буду здесь.

— Нет, я хочу знать, что произошло, — запротестовал он и попытался приподняться, но первая же волна боли унесла в беспамятство.

Когда он снова очнулся, Патриции рядом не было. Так вот, полагайся на женские обещания. Но мгновением позже она вошла в палату, бросилась к нему и поцеловала.

— И надо же было проснуться в тот момент, когда мне пришлось выйти в туалет!

— А я, кажется, уже сходил, — сказал он. — Позови, пожалуйста, сестру.

К восьми часам утра Карфакс уже мог сидеть. На его правую ногу ниже колена была наложена шина, а два ребра с левой стороны облегала тугая повязка. Слышимость левого уха восстановилась полностью, но в правом еще оставалось легкое гудение. Тело и лицо покрывало множество синяков и шрамов. Голова болела так, словно он дня три беспробудно пьянствовал, каждый неожиданный звук заставлял его вздрагивать.

Патриция рассказала все, что знала. Телевидение и газеты добавили подробности.

В 9 часов 20 минут предыдущего дня мистер Кристиан Хоувелл, проживающий в комплексе Аугуста, переулок Суиторэндс 13748, квартира 6Н, вылетел на взятом напрокат четырехместном реактивном "Лангере" из аэропорта "Санта-Барбара". В соответствии с маршрутной картой он должен был лететь над Тихим океаном в Эуреку — город на севере штата Калифорния. Вместо этого м-р Хоувелл круто свернул к югу и, несмотря на распоряжения диспетчеров аэропортов "Санта-Барбара" и "Риверсайд", продолжал свой незаконный полет в южном направлении. Через несколько минут он опустился так низко, что радары потеряли его. Свидетельства очевидцев подтвердили, что самолет летел на высоте около ста метров — чуть выше самых высоких зданий и вершин холмов.

Приближаясь к району каньона Николлса, м-р Хоувелл поднялся до высоты трехсот метров, выполнил два круга (по-видимому, чтобы опознать особняк Вестерна), затем пошел на снижение и направился прямо к своей цели. На борту самолета, кроме м-ра Хоувелла, было примерно (судя по результатам) 25 килограммов динамита, который м-р Хоувелл, будучи химиком, приготовил в рабочее время. Самолет, пилот, динамит и дом, объятые пламенем, взлетели на воздух.

А вместе с ними — "Медиум", тридцать служащих Вестерна, включая Тоурса, миссис Моррис и Хармонса, и два клиента, которые брали интервью у покойного Франклина Рузвельта.

В это самое время м-р Вестерн, два его телохранителя и еще один клиент находились в полуподвале под гаражом, все они остались живы. Что там делал клиент, как его звали, осталось неизвестным — в суматохе он исчез, а м-р Вестерн не дал никаких объяснений по этому поводу.

Таким образом, м-ру Хоувеллу не удалось выполнить свою великую миссию по отправлению м-ра Вестерна в небытие.

Карфакс, наряду со многими другими, предположил, что Хоувелл принадлежал к какой-то религиозной секте, дискредитированной "Медиумом". Но, как выяснилось, это предположение было неверным. М-р Хоувелл прослыл убежденным атеистом. Он высмеивал все религии и однажды даже был избит в баре "Серебряное озеро" за то, что назвал христианство величайшим из зол, известных когда-либо на земном шаре. Почему м-ру Хоувеллу захотелось погубить человека, который пошел по пути разрушения всех существующих религий и большинства будущих?

Этого никто не знал, но телевизионные обозреватели считали, что, по-видимому, м-ру Хоувеллу не импонировало то, что Вестерн доказал существование загробной жизни. В одном из репортажей были показаны развалины дома. Съемка велась с вертолета, и черная яма, окруженная обломками дерева и металла, напоминала гигантскую ромашку, общипанную на предмет выяснения "любит-не любит".

М-р Вестерн, его телохранители и безымянный клиент выкарабкались из подвала через несколько минут после взрыва, отделавшись лишь сильными ожогами.

Показали и самого м-ра Вестерна. Он был весь забинтован, но выглядел довольным и даже заявил, что здание будет восстановлено, в нем будет работать новый "Медиум", попытки убить его безрезультатны, поскольку это бессмертное дело будет продолжено его последователями.

— Ох, как мне хочется узнать, чем он занимался в этом подвале и кто был его клиентом, — задумчиво сказал Карфакс.

— Жаль, что он не погиб! — со злобой произнесла Патриция. — Это было бы очень справедливо! Может быть, тогда бы он сознался, наконец, что убил моего отца и украл его изобретение!

— С какой стати? — удивился Карфакс.

— Будучи покойником, он не стал бы лгать.

— Став покойником, вряд ли кто станет менее лицемерным или злобным, — сказал Гордон.

— Ты опять противоречишь сам себе. То настаиваешь на том, что это не покойники, то говоришь так, словно не веришь более в свою гипотезу...

— Да. Слишком велик соблазн поддаться этой вере. Человек умирает, а затем ты с ним разговариваешь. И только благодаря строжайшей дисциплине ума можно отделить друг от друга некогда жившего человека и существо, которое выдает себя за него. Если, то есть...

— То есть, кем бы они были, ты находишь их опасными?

— Боюсь, что так. Очень опасными. Я абсолютно уверен, хотя у меня и нет никаких доказательств, что одно из них пыталось овладеть мной, подчинить меня, когда я беседовал с твоим отцом.

— Но каким образом они могут это сделать?

— Откуда мне знать? Если бы я рассказал об этом в интервью, Вестерн безусловно стал бы напирать на мою умственную слабость. Все сделали бы вывод, что я сошел с ума. Может быть, так оно и есть.

— Я так не считаю, — улыбнулась Патриция. — Давай лучше обдумаем наши дальнейшие действия. Сейчас, когда Вестерн поглощен восстановлением особняка и "Медиума", мы должны что-нибудь предпринять.

Карфакс задумался.

Посетить миссис Уэбстер? Он не ожидал слишком многого от этого сеанса. Кроме того, можно разузнать кое-что о покойном Карфаксе в Бигсурском университете.

Его размышления прервало сообщение, переданное по телевизору — через несколько дней будет опубликован официальный доклад федеральной комиссии.

XI

Бизнес на призраках процветал во все времена, но сейчас он переживал свой Золотой Век. Там, где до Вестерна

был один медиум, теперь стало около 20. Некоторые из них работали по старинке, презирая использование электромеханических вспомогательных средств, полагаясь только на свои психические способности. А также, думал Карфакс, на легковерие своих клиентов. Другие шли в ногу со временем и применяли различные устройства собственного изготовления, образцом для которых, как они утверждали был "Медиум" Вестерна. Все они, как предполагал Карфакс, были явными подделками. Однако, независимо от применяемых средств, медиумы все больше и больше привлекали клиентов и их сбережения.

Миссис Уэбстер не была исключением, во всяком случае во всем том, что касалось денег. Она жила в фешенебельной шестикомнатной квартире на крыше тридцатишестиэтажного жилого дома в Санта-Монике, всего в двух кварталах от Тихого океана.

В вестибюле Гордон и Патриция предъявили свои документы и были переданы охраннику, который сопровождал их до передней миссис Уэбстер, где они еще раз были подвергнуты проверке. Служанка, похожая на уроженку Аравии (как оно и было на самом деле), провела их в комнату для спиритических сеансов. Там, к удивлению Карфакса, не было никаких мистических атрибутов, которые, как ему казалось, свойственны всем подобным помещениям. Это была большая, ярко освещенная комната, почти пустая, со светложелтыми стенами, покрытыми росписями, очень похожими на подлинники Казетти (какими они и являлись). Несколько картин были представлены Матиссом и Ренуаром, предположительно, оригиналами (и были ими). Мебель была, выполнена в хрупком неокритском стиле, ставшем столь популярным. В комнату вело несколько дверей.

Миссис Уэбстер своей хрупкостью удивительно гармонировала с мебелью. Она поднялась с веретенообразного диванчика и, улыбаясь, пошла навстречу гостям, протягивая вперед руки. На вид ей было около пятидесяти лет. Рост ее вряд ли превышал 150 см, руки и ноги были тонкими, а грудь и задница — мощными, что вызывало невольное восхищение Карфакса. На овальном лице с высокими скулами сияли огромные глаза. Волосы, черные и длинные, свободно сбегали по плечам и спине. На ней не

было никаких украшений, кроме маленького золотого кольца с лазурным камешком (каким точно, Карфаксу не удалось определить). Когда он взял ее руку, то увидел, что выполнено оно в форме змеи.

Голос миссис Уэбстер, весьма сильный, резко дисгармонировал с ее хрупким сложением.

— Пожалуйста, садитесь. Остальные прибудут через несколько минут. Курите, если хотите. Могу предложить сигареты из Кении. И прошу прощения — мне нужно переодеться в рабочее одеяние.

Переодевание затянулось надолго. Патриция за это время выкурила несколько крепких кенийских сигарет. Гордон расхаживал по комнате, то и дело поглядывая на океан из высокого широкого окна. Заметив проводки, идущие от стены к подоконнику, он поднял брови — электрическая поляризация оконных стекол была довольно дорогим удовольствием.

Наконец в комнату вошла служанка, одетая теперь в свободно свисающие белые одежды, что еще больше подчеркивало ее арабское происхождение. За ней следовали три женщины и трое мужчин разного возраста, очень хорошо одетые. Одна из женщин, блондинка лет двадцати, была даже слишком хорошо одета, отметил Карфакс. Наряд ее составляли юбка колоколом, доходившая до пола, и парчовый жакет, который наиболее смелые девушки из больших городов надевали в честь своего недавно умершего кумира — певицы Кибелы Фидестес (урожденной Люси Шварц). Полоску из дымчатой ткани, которой обычно прикрывали груди на улице, она сбросила, и Карфакс изумленно задумался над тем, как можно рассчитывать, что ум его будет занят чисто духовными материями, в то время как взгляду будет представать столь великолепная плоть? Или, может быть, это сделано с тонким расчетом? Вряд ли клиент, увлеченный столь восхитительным зрелищем, будет в состоянии поймать медиума на мошенничестве.

При появлении девушки Карфакс заметил, что глаза Патриции зловеще сузились. Она перевела взгляд с блондинки на него, но он только ухмыльнулся и подмигнул ей.

Миссис Уэбстер пояснила ранее по телефону, что гости эти будут приглашены исключительно с целью создания

должной психической атмосферы и ускорения общения. Карфакс предположил, что, по сути, они являются ее служащими и получают свою долю из весьма высоких гонораров миссис Уэбстер. Это были: профессор-психиатр, программист ЭВМ, отставной флотский офицер, жена профессионального живописца, секретарша финского консульства в Лос-Анджелесе. Блондинку звали Глориана Чегети, работала она в конторе социального страхования в Шерман-Оуксе (но, разумеется, подумал Карфакс, не в этой одежде).

Разговаривая с Гордоном, Глориана почти касалась его обнаженной грудью.

— Мне казалось, что у вас сломана нога, м-р Карфакс, — произнесла она нежным голоском.

— Да, была, да и сейчас сломана, мисс Чегети, — ответил он. — Но шину сняли на следующий же день после того, как наложили. Разлом был скреплен эпоксидным клеем. То же самое сделали и с моими ребрами. Я могу, по крайней мере теоретически, без особого труда пробежать стометровку. На самом же деле мои мышцы чертовски болят, и, если случайная судорога исказит мое лицо, то вызвана она будет этой болью. А может быть, и моим восторгом перед вами, — галантно добавил он.

Мисс Чегети рассмеялась. Патриция стиснула губы и отвернулась.

— Я читала о применении эпоксидных смол в таких случаях на востоке, но не знала, что теперь это практикуется у нас, — прощебетала девушка.

— Я — один из первых, кто прошел подобный курс лечения.

Тут одна из дверей открылась, и в комнату вошла миссис Уэбстер. Все притихли. Карфакс испытал очередное потрясение: под белым прозрачным хитоном на ней ничего не было одето. Груди были на вид такими твердыми, что казались ненастоящими. Видимо, накачены большой дозой клинита, догадался Карфакс. Это что же? Еще одно средство отвлечения внимания клиента? Если это так, то она преуспела в этом.

— Рассаживайтесь, пожалуйста, — пригласила миссис Уэбстер, указывая на большой круглый стол из черного дерева, столешница которого была выложена яркими фигурами рыб, дельфинов и осьминогов.

Все, кроме мисс Чегети, прошли к столу. Миссис Уэбстер нажала на кнопку в нижней части одной из стен. Свет из окна потускнел. К тому времени, когда Глориана заняла свое место, окно превратилось в темно-красный прямоугольник с голубым солнцем в центре. Комнату залил красноватый свет. Мисс Чегети, сидящая напротив Карфакса, превратилась в темно-голубую статую с черными сосками. Он взглянул на Патрицию и увидел синее приведение. Его собственные руки тоже стали синими.

Кондиционер понизил температуру в комнате по меньшей мере градусов на пять. Карфакс неожиданно начал дрожать. Миссис Уэбстер, сидящая справа от него, взяла его руку в свою маленькую холодную ладонь и сказала:

— Все образуют живую цепь.

Карфакс протянул вторую руку миссис Эпплгард, жене художника. Она была немного теплее руки миссис Уэбстер.

— Это делается для того, чтобы между нами возник поток жизненной субстанции, — пояснила она. — Мы будем просто сидеть, погрузившись в размышления о чем угодно, и чувствовать перетекание жизненной силы. Думать желательно о чем-нибудь хорошем, теплом. Я предлагаю вам поразмышлять о любви, поскольку, как показывает практика, это более всего способствует успеху.

Думать о любви оказалось совсем нетрудно, особенно принимая во внимание мисс Чегети. Когда она двигалась, становилось ясно, что ее великолепные формы не нуждались в накачке их какой-нибудь синтетической дрянью. Он заинтересовался, о чем думает Патриция. Если она тоже наблюдает за Чегети, то ей не до мыслей о любви.

Все это казалось довольно странной прелюдией к общению с душами умерших. Но некоторые психологи утверждали, что в умах многих американцев секс и смерть довольно тесно связаны между собой. Это было, как им казалось, обратной и лицевой сторонами монеты, то есть психики.

— Ощущайте ток, — проникновенно говорила миссис Уэбстер. — Чувствуйте, как он течет от одного к другому, как снова и снова протекает по всем присутствующим, становясь с каждым циклом все сильнее...

Неожиданно Карфакс ощутил легкое покалывание в том месте, где его кожа соприкасалась с кожей миссис

Уэбстер. Еще через несколько секунд вторую руку тоже начало пощипывать. Кто-то шевельнулся, мелькнула крохотная голубая искорка. Патриция тихо ойкнула.

Карфакс поразился. А не подключены ли они на самом деле к какому-нибудь электрическому генератору? Скорее всего, это было не так, поскольку тонкая столешница и изящные ножки стола не могли скрыть ничего, что превосходило бы размерами крохотную батарейку. Разумеется, внутри дерева могли быть скрыты провода, идущие к источнику под полом. Тонкая полоска проводящего металла могла быть спрятана под столешницей и соприкасаться с голыми животами Чегети или миссис Уэбстер. С другой стороны, проскочившая искра, скорее всего, была обусловлена статическим электричеством.

Рука миссис Уэбстер была холодной и сухой, а миссис Эпплгард — теплой и влажной. Контакт с нею должен был, по идее, быть гораздо лучше, однако покалывание со стороны миссис Уэбстер было намного сильнее.

Прервитесь, если угодно.

Миссис Эпплгард глубоко вздохнула и убрала руку. Чегети поднялась, не скрывая охватившей ее дрожи, и подошла к высокому комоду. Карфакс тоже поднялся.

— Ну, как самочувствие? — спросил он у Патриции.

Она резко встала.

— Хочется выпить. Но миссис Уэбстер предупредила, что во время сеанса нам нельзя пить даже воду.

— Эта искра исходила от тебя?

— Да. В тот момент, когда я отнимала свою ладонь от руки мистера Гарднера. Жаль, что не включили свет. Все кажутся такими мертвенно-бледными...

В полутьме вспыхнула спичка. Она осветила бледное лицо Чегети и сигарету в ее губах. Карфакс уловил едкий запах.

Дверь отворилась, и Патриция от неожиданности подпрыгнула. Служанка, голубая монахиня, бесшумно вошла, неся вазу, окруженную светло-оранжевым сиянием.

— Можете курить. Траву или табак, на ваш выбор. Трава, как подсказывает опыт, является более удачным средством для настройки.

Карфакс предположил, что под словом "настройка" подразумевается более высокого уровня вибрация, не-

зависимо от того, что имеется в виду под словом "вибрация".

Служанка поставила вазу на стол перед миссис Уэбстер и плавно, как бы скользя, покинула комнату. Карфакс подошел и заглянул в нее. Там лежали три копьевидных листа с зазубренными краями, казавшиеся черными при этом освещении.

— Это лавровые листья, Гордон, — произнесла миссис Уэбстер, придвинувшись к нему так близко, что коснулась грудью его правой руки. — Благородный лавр. Сладкий лавровый лист, применявшийся нимфами, а также жрецами древнегреческой религии во время их оргаистических обрядов. Эти листья сняты с дерева поблизости от храма дельфийского оракула. Я прибегаю к ним только в тех случаях, когда того требуют обстоятельства.

— Вы добиваетесь лучших результатов, когда жуете их?

— Намного лучших. Но это связано с повышенной опасностью. Я теряю контроль.

— С опасностью? — спросил он, оборачиваясь.

Она отодвинулась не сразу, дав Карфаксу по достоинству оценить упругость своей груди. Потом сделала шаг назад и подняла голову; зубы ее казались серыми на синем лице, между ними пурпурным цветком трепетал язык.

— Я не хочу, чтобы вы были слишком возбуждены. Лучше не гадать, что может произойти.

— Я уже возбужден сверх всякой меры, — ответил Карфакс, подумав мимолетно, догадывается ли она о двусмысленности своих слов.

— Хорошо, — произнесла миссис Уэбстер чуть громче. — Займите свои места.

На этот раз он не ощущал пощипывания в ладонях, но сам воздух, казалось, был насыщен электричеством. Карфакс удивленно подумал, каким образом она сможет взять лист и положить его себе в рот, если руки ее заняты. Но тут над ее плечом возникла рука, взяла из вазы лист и положила его в открытый рот. Это была служанка, стоящая позади миссис Уэбстер.

Наступила полная тишина. Фигуры на противоположной стороне стола стали еще более сине-черными. У него начала болеть голова. Рука миссис Эпплгард стала более

влажной и холодной. Температура в комнате начала понижаться, но, как ему показалось, это не было связано с кондиционером. Хотя похолодание, подумал он, могло быть плодом воображения.

Миссис Уэбстер сплюнула. Он подскочил от неожиданности. Масса пережеванных листьев шлепнулась рядом с вазой, в воздухе распространился приятный аромат. Из-за спины миссис Уэбстер снова появилась рука и положила ей в рот новый лист. Снова воцарилась тишина, прерываемая только чавкающими звуками.

Через несколько минут, когда безмолвие стало плотным, как облако, второй лист последовал за первым. И еще раз рука опустилась к вазе.

— Нет! Достаточно! — раздался шепот миссис Уэбстер и рука, продолжавшая держать лист, исчезла.

Рука Карфакса была теперь холодной, как у трупа. Урчащий звук слева заставил его слегка повернуть голову. Он несколько расслабился и даже улыбнулся, догадавшись, что это газы в желудке миссис Эпплгард. Очень нервная женщина, подумал он без упрека. И почему она нервничает, хотя уже много раз проходила через это? Неужели в этом действительно что-то есть?

— Не разнимайте рук! — резко скомандовала миссис Уэбстер.

Снова наступила тишина, нарушаемая тяжелым дыханием. Может быть, это Патриция так дышит?

Голос миссис Уэбстер, казалось, проревел у него прямо над ухом:

— Руфтон Карфакс!

Гордон почувствовал, что внутри его все как бы остекленело. Он превратился во вместилище страха — что-то или кто-то появился в комнате, возник, из ничего, его присутствие ощущалось каждой клеточкой тела. Через несколько мгновений воздух над столом сгустился, начал клубиться, все более и более чернея. Лица и рук Карфакса коснулась воздушная волна, исходящая от парящей над столом массы.

— Руфтон Карфакс!

Псевдоконечность, длинная и тонкая, закругленная на конце, протянулась в направлении миссис Уэбстер. Ей предшествовал холод, такой холод, что кожа покрылась

инеем. В груди Карфакса гулко ударило заледеневшее сердце. На противоположной стороне стола кто-то, смутно различимый сквозь сгустившуюся мглу, истерически хихикнул. Этот смешок, замешанный на страхе, еще более ужесточил напряженность.

— Руфтон Карфакс! Спокойно!

Голос миссис Уэбстер, хотя и был повелительным, выдавал охватившую ее панику. Рука стала настолько холодной, что Гордону хотелось высвободиться из цепких пальцев, но он побоялся сделать это — может быть, нарушив цепь, он станет беспомощным перед чем-то, что немедленно воспользуется преимуществом.

— Руфтон Карфакс! Примите надлежащий вид.

С другой стороны стола снова донеслось хихиканье. Это была Чегети. А тот, кто тяжело дышал, видимо, был до смерти перепуган.

— Пусть уходит! — простонал мужской голос.

— Держитесь! — сказала миссис Уэбстер. — Нельзя впадать в истерику.

— Черт побери! — закричала вдруг Патриция. — Это вовсе не отец! Что вы наделали?

— Оставайтесь в обозначенных пределах! — срывающимся голосом произнесла миссис Уэбстер. — Оставайтесь! И назовите себя!

— Это не отец! — пронзительно завопила Патриция.

Стул упал. Раздался звук падения тела, какая-то возня, вскрик, шаги в направлении двери... Гордон вскочил, дернулся, напрягая свои больные мускулы, но женщины цепко держали его за руки.

— Не убегайте!

У двери кто-то с кем-то боролся. Патриция со служанкой? Вдруг миссис Уэбстер закричала:

— Сгинь! Туда, откуда ты явился!

Псевдоконечность поднялась, изогнулась, как слоновий хобот, и метнулась к лицу миссис Уэбстер. Та испустила вопль и откинулась назад, увлекая за собой Гордона; они упали на пол. Он моментально вскочил, превозмогая боль, и увидел у окна Чегети — она деполяризовала окно. Миссис Уэбстер лежала на полу, закрыв лицо руками, и истошно кричала. Масса над столом стала менее плотной, она беспорядочно билась, выбрасывая вращающиеся лож-

ноконечности, достигающие краев стола, но не выходящие за них. В комнате понемногу становилось светлее, показалось ничем не закрытое солнце, и масса исчезла.

Повернувшись, Гордон увидел через открытую дверь убегающих по коридору Патрицию и служанку. Миссис Уэбстер, все так же сидя на полу, терла глаза и безостановочно стонала:

— Я ослепла! Я ослепла!

Карфакс наклонился к ней, силой оторвал ее руки от лица.

— Разумеется, идиотка, вы не можете ничего видеть! — грубо сказал он. — У вас же закрыты глаза!

Веки ее открылись. Во взгляде не было ничего, кроме панического ужаса.

— Я ничего не вижу! Он прикоснулся к моим глазам!

— Оно исчезло. Что бы это ни было, но оно исчезло, — успокаивающе проговорил он. — Вам больше ничего не угрожает.

XII

— Все это могло быть вызвано самовнушением, — рассуждал Гордон. — Массовая истерия.

Он выглянул в окно. Внизу медленно проплывали кварталы проспекта Уилшир. В окне одной из квартир на третьем этаже мужчина грозил пальцем женщине. О чем они спорили? О супружеской неверности? О политике? О "Медиуме"? О детях? О сексе? Скорее всего, о деньгах.

— Тогда почему все мы видели одно и то же?

— Не знаю, Пат. Скорее всего, потому, что были готовы увидеть некую аморфную массу, нечто из эктоплазмы, которое примет под конец определенную форму. Кино, телевидение, прочитанные книги подготовили нас к этому, даже если мы и не верим ни в какие привидения.

— Не думаю, чтобы это было плодом воображения. Но и уверена, что оно не было моим отцом, — сказала она. — Слишком злое. А папа был добрым. Слабым, но добрым.

— Понимаешь, — медленно произнес Гордон, — это могло быть подлинным, реальным феноменом. Вполне мо-

жет быть. Но совсем не обязательно, чтобы оно было тем, что принято называть духом или призраком. Возможно, оно не имеет ничего общего со вселенной эмсов. Существуют сотни, тысячи, бесконечное число миров, занимающих то же пространство, что и наш. И, может быть, мы можем проникнуть к ним, а они к нам — при определенных обстоятельствах. Если это так, то мы могли бы вызывать — я ненавижу это слово из-за ассоциаций с колдовством — кое-что из этих миров. В любом случае, я не намерен больше посещать миссис Уэбстер. Или какого-либо другого медиума.

— Я тоже, — призналась Патриция.

— Приближаемся к Ла Сиенеге, — сообщил он, глядя на вспыхнувшее табло в конце вагона. — Предлагаю выйти и пешком прогуляться до гостиницы. Хватит напрягать мозги, пора переориентировать кровообращение на ноги. Тем более, что физические упражнения часто помогают мозгу обрести должную активность.

— Философ ты мой дорогой, — впервые за день улыбнулась она.

— Для философа довольно грубовато, — ответил он, но думал совсем о другом.

Он думал о "Медиуме". Теперь ему пришлось воочию убедиться в существовании этого аппарата, в то время как прежде ни газеты, ни телевидение не могли развеять его сомнений. Да, "Медиум" существует. Но ничего такого, что подтверждало бы слова Патриции о том, что Вестерн убил дядю Руфтона и завладел его изобретением, ему не удалось раскопать. В конце концов, даже если бы он доказал виновность Вестерна, суть проблемы не изменилась бы. Потому что Патриция, вступив во владение "Медиумом", отнюдь не прекратит его использование. Даже в том случае, если бы она стремилась к этому, ей бы не позволили. Широкая общественность не позволила бы. К тому же желания такого в ней до сих пор не наблюдалось.

Тем не менее,он обещал ей заняться этим делом на предмет выяснения истины. Ну да ладно, истина подождет. Пока "Медиум" будет восстанавливаться, можно заняться разрешением некоторых других, возникших по ходу дела, проблем.

— Я собираюсь как можно быстрее попасть в Биг-Сур-Центр, — поделился Карфакс с Патрицией своими планами на ближайшее будущее. — Буду только рад, если ты решишь присоединиться. Только учти — я буду очень занят. Тебе придется найти что-нибудь... я не имею в виду кого-нибудь, упаси боже... чтобы развлекаться в мое отсутствие.

— Я, пожалуй, останусь здесь, — решила Патриция. — Попробую подыскать себе какое-нибудь жилье, в таком месте, где Вестерну будет трудно меня найти. Как долго ты собираешься отсутствовать?

— Не менее четырех дней, — ответил он.

Нет, вряд ли Вестерн станет сейчас ею заниматься. Особенно теперь, когда ее собственный отец опроверг ее подозрения. Или, по привычке поправил себя Карфакс, не отец, а то существо, которое выдает себя за него. Но подлинная его сущность на практике значения все равно не имела.

Он уложил вещи и поцеловал Патрицию на прощание. А шестью часами позже уже зарегистрировался в мотеле рядом с университетским городком. Звонить по телефону и договариваться о встречах на завтрашний день было уже поздно. Чтобы убить время, у него было три книги: сборник научно-фантастических рассказов Лео Тинкраудора, описание недавнего перевода языка этрусков и снабженная комментариями "Одиссея". Поскольку в основу второй книги было положено интервью лингвиста, взятое у этруска второго века до н.э., он решил остановиться именно на ней. Автором книги был профессор Арчамбауд, преподаватель из Беркли, который являлся старым приятелем Вестерна. Именно этим объяснялся его бесплатный доступ к "Медиуму".

Хотя Карфакса и заинтересовали лингвистические и исторические подробности, содержащиеся в труде профессора, главным были приведенные Арчамбаудом краткие зарисовки Вестерна. По его словам, идея "Медиума" вынашивалась изобретателем в течение многих лет, но начал он работать над опытным образцом только за два года до того, как объявил о своем успехе.

Вполне может быть. Дядя Руфтон вынужден был довериться племяннику несколько лет тому назад, чтобы по-

лучить финансовую поддержку. Вестерн не был праздным мечтателем. Следовательно, он потребовал от дяди доказательств.

В общем, Вестерн был выведен в книге как полностью одержимый человек, как гений. Это определенно не вязалось с тем, что говорила Патриция. Но она могла и ошибаться.

В 22 часа он включил телевизор. И узнал, что "Медиум" является также источником неограниченной электроэнергии. Еще совсем недавно вечный двигатель был предметом насмешек Карфакса, и вот Вестерн объявляет о его создании.

Обозреватель выразился коротко, но ясно. Вестерн только что сделал заявление о том, что эксперименты подтвердили возможность выкачивания электроэнергии из того же самого "места", где обитают покойники. Стальной резистор диаметром в три метра был расплавлен за десять секунд. Теоретически, при наличии соответствующего оборудования, можно будет удовлетворить потребность в электроэнергии всего Лос-Анджелеса, всей Калифорнии, да и всего земного шара.

Выражение лица у обозревателя было скептическим. Карфакс выключил телевизор и откинулся в кресле.

Что ж, почему бы и нет? В соответствии с теорией, вся электромагнитная энергия, производимая в этой вселенной, дублировалась в следующей. И, вполне возможно, лучшие умы науки энергично возьмутся за разрешение этой проблемы. Мир изменится так, что сложно себе представить. О, будет и сопротивление. Отрасли промышленности, прямо или косвенно связанные с производством электроэнергии, поймут, что империя их рушится, и вступят в борьбу. Но эту битву уже можно считать проигранной.

Допив виски, Карфакс улегся в постель. Размышления не давали ему заснуть и, казалось, он едва задремал, как прозвенел будильник, и вихрь мыслей снова пронесся в его мозгу.

Сварив кофе, он включил утренние новости. Диктору нечего было добавить к тому, что уже сообщалось вчера, но он пообещал, что в вечерней программе специально для рассмотрения заявления Вестерна будет отведен целый час.

Позавтракав в ресторане мотеля, Карфакс вернулся в свой номер, чтобы созвониться с нужными людьми. А в девять он уже был в Центральной энергокомпании Биг Сура. Мистер Вейссман, главный бухгалтер, припомнил, что счета Руфтона Карфакса были чрезвычайно велики. Да, у профессора было оборудование, соответствующее его огромным запросам в потреблении электроэнергии. В течение шести месяцев, предшествовавших его смерти, Руфтон Карфакс потребовал от восьмидесяти до девяноста киловатт-часов в день. В основном после полуночи, по просьбе руководства компании — в дневное время они не могли обеспечить такое количество электроэнергии.

Карфакс поблагодарил м-ра Вейссмана и вышел.

Затем он посетил конторы двух транспортных компаний, которые могли доставлять его дяде специальное оборудование. Как выяснилось, обе занимались этим. В их записях значилась доставка огромного пульта управления и большого количества отдельных электронных блоков. Пульт был доставлен с одного из складов электрооборудования в Лос-Анджелесе, блоки и некоторые детали были отгружены двумя электронными фирмами в Окленде.

Поблагодарив служащих, Карфакс посетил три магазина электродеталей. В двух из них имелись перечни вакуумных ламп и компонентов, приобретенных профессором. Однако мощность этих ламп, как оказалось, была явно недостаточной для преобразования того количества энергии, которое ему требовалось.

Карфакс подумал, что такие лампы дядя Руфтон мог бы приобрести лично в Сан-Франциско или Лос-Анджелесе. Или, возможно, он достал их в одном из магазинов, принадлежащих Вестерну. Оставалось только связаться по междугородному телефону с главным магазином. Однако управляющий потребовал, чтобы он назвал себя, и Карфакс сделал это, назвав фамилию одного из своих приятелей.

Управляющий сказал, что сверится с записями. Мистер Комас будет ждать у телефона или сделает повторный вызов? Карфакс сказал, что подождет. Через пять минут, как раз тогда, когда его терпение было готово лопнуть, в трубке раздался голос:

— М-р Комас?

— Да.

— У нас не значатся заказы Руфтона Карфакса.

— Вы в этом уверены?

Голос управляющего стал суровым:

— Разумеется. Я знаю, что м-р Карфакс был дядей м-ра Вестерна, и запомнил бы любую его покупку.

Поблагодарив, Карфакс повесил трубку. Управляющий в равной степени мог и солгать, и сказать правду. Что соответствовало истине, он не мог определить. Ведь глупо было бы вломиться в магазин и начать рыться в бухгалтерских книгах. Он не был столь любимым телевидением детективом, который не заботится о том, что его могут поймать. Кроме того, если бы Вестерн хотел замести следы, то сделал бы это без особых хлопот.

У Карфакса и раньше не было особых надежд на быструю идентификацию деталей и узлов машины своего дяди. Эта задача усложнилась — только и всего. Тем не менее, нужно собрать все, что удастся, и посмотреть, чем он располагает.

Остаток дня прошел в беседах с ближайшими коллегами Руфтона Карфакса и его соседями. Никто из них ничего не слышал ни о проводимых им опытах, ни о самой машине. Все соглашались, что он был приятным человеком; коллеги считали его неплохим преподавателем и исследователем, что вообще редко сочеталось в университетской среде.

На следующий день Карфакс отправился судном на воздушной подушке в Окленд, где получил перечень деталей, заказанных дядей, и чертежи силового шкафа. На монорельсовом экспрессе N 101 вернулся в Лос-Анджелес и пополнил список деталями, полученными из тамошнего магазина. Затем он позвонил миссис Уэбстер. Секретарша ответила, что она на съезде, но туда можно позвонить. Он записал номер телефона и спросил:

— Как здоровье миссис Уэбстер? У нее восстановилось зрение?

Секретарша удивилась:

— Я и не знала, что у нее было что-то не так с глазами.

Значит, миссис Уэбстер оправилась очень быстро. Ее слепота была вызвана только истерикой, как он и предполагал.

— Передайте ей мои наилучшие пожелания.

Вставив в щель свою кредитную карточку, Карфакс назвал номер, который ему дала секретарша. Внезапно экран ожил, на нем появилось лицо Патриции.

— Ты так быстро вернулся!

— Проворный Карфакс, — сказал он, вспомнив свою былую кличку. — Но у тебя не отняло особенно много времени найти квартиру.

— Это мотель. Я пока еще не подыскала подходящее место. Возможно, мы переедем в Санта-Сусану. Там введен в эксплуатацию новый комплекс.

— Слишком далеко... О'кэй, а где ты сейчас?

Она дала ему адрес в Бербанке и спросила:

— Ты не связывался с миссис Уэбстер?

— Нет. А с чего ты взяла, что я должен был это сделать?

— Мне только что звонила ее секретарша. Она сказала, что миссис Уэбстер хотела бы переговорить с тобой прямо сейчас.

— Хорошо.

На вид миссис Уэбстер была совершенно здоровой, но голос ее слегка дрожал от волнения:

— Гордон, у меня есть для вас потрясающая новость! Это, может быть, именно то, что вы ищите!

— Мне везет, — сказал он. — И что же это?

— Было бы лучше, чтобы вы пришли сюда. Мне не хотелось бы говорить об этом по телефону.

Карфакс пообещал прибыть как можно скорее, позвонил Патриции и сообщил, что его планы изменились. Через две минуты он уже садился в такси, а еще через пятнадцать вошел в кабинет миссис Уэбстер и уселся за столом напротив нее.

— Судя по вашим большим круглым глазам, у вас должно быть нечто грандиозное.

Она закурила кенийскую сигарету, сделала несколько затяжек и начала:

— Я только что разговаривала с одним из своих клиентов, неким Робертом Лиффлоном. Вам известно это имя?

Карфакс отрицательно покачал головой.

— Это молодой мужчина, миллионер. Очень своеобразный человек. Очень застенчивый. Все таинственное чрез-

вычайно интересовало его с детства, а после смерти матери он обратился ко мне. Почему вы подняли брови? Вас интересует, добились ли мы успеха, вызывая ее? Трижды. Правда, миссис Лиффлон была не в состоянии преобразовать протоплазму в какую-нибудь удовлетворительную форму, и те несколько слов, которые ей удалось передать, были несколько глупыми. Но она и в жизни была женщиной глупой, эгоистичной.

Карфакс улыбнулся.

— Вот вам бы улыбаться не следовало. Вы же знаете, что я не занимаюсь мошенничеством. Слушайте дальше. Когда Вестерн заявил, что располагает научными средствами общения с покойниками, Роберт обратился к нему. Он был ужасно смущен, бедный мальчик, потому, что считал, что предает меня. Пытался объяснить мне свое желание. Я разрешила ему идти, не стала возражать. Но предупредила, чтобы он был осторожен. В науке тоже есть шарлатаны.

Карфакс снова улыбнулся.

— По-видимому, у него было несколько удачных сеансов с матерью. То есть, общение было полным. Но это не смогло, разумеется, его успокоить. Мать чувствовала себя крайне несчастной, а он не мог ничего сделать, чтобы помочь ей. Видимо, это сознание вины толкнуло Роберта к панкосмической церкви Христа-эмса. Ее постулаты явились большим утешением для него. Вам должно быть известно, что эта вера утверждает, что вселенная электромагнитных существ является своего рода чистилищем.

Карфакс кивнул.

— Да, я в курсе. Сначала умершие проходят "очищение" в электронном состоянии, а затем переходят в следующий мир, где обретают свои материальные тела. И тела эти гораздо лучше тех, которые они имели в нашем мире. И все обретут вечное блаженство. На это ни в чем нет ни малейшего намека, но разве людям когда-либо недоставало фантазии выстраивать различные религиозные теории?

— Да даже если и есть какие-либо намеки на сверхестественное, разве ученые когда-либо серьезно занимались этим? — отпарировала миссис Уэбстер. — Давайте не будем спорить по этому поводу. Это не имеет ни малейшего

отношения к тому, что я собираюсь вам рассказать. Слушайте дальше. Роберт не перестал пользоваться услугами Вестерна, присоединившись к этой вере. Он пытался обратить и свою мать, считая, что она будет чувствовать себя лучше, если понадеется на переход в следующий мир. А затем, за несколько дней до того, как был взорван особняк, Вестерн сделал Лиффлону довольно странное предложение.

Сделав подряд несколько глубоких затяжек, она выдохнула дым и сказала:

— Он хотел продать Роберту страховку.

— Страховку? — удивился Карфакс. — Вы имеете в виду страхование жизни?

— Да. Страхование жизни. Но не такое, какое предлагают все остальные. Это, в своем роде, единственно подлинная страховка жизни.

— Уж не имеете ли вы в виду, что Вестерн гарантировал Лиффлону, что тот никогда не умрет?

— Что-то вроде этого. Вестерн называет это гарантированным обладанием тела.

Карфакс ошеломленно молчал.

— Одним словом, Вестерн сказал, что мог бы воскресить Роберта после смерти. Сделает он это, обеспечив Роберту тело, которым тот сможет обладать. Или вселится в него, если пользоваться средневековым термином. Плата по страховке — двести тысяч долларов в год. Она выплачивается, пока клиент жив. Назначив одного из агентов Вестерна своим наследником, он, вступив во владение новым телом, получает половину законным путем. Последующая плата составляет десять процентов от годового дохода клиента.

— Но... тело... Каким образом Вестерн собирается провернуть все это?

— Это он отказался объяснять. Только велел Роберту не беспокоиться о деталях. И заставил его поклясться, что сохранит это в тайне. А если Роберт разгласит ее, то все равно не сможет ничего доказать и, скорее всего, окажется в сумасшедшем доме. Или с ним случится что-нибудь похуже. Полагаю, он имел в виду смерть без всяких шансов оказаться в живом теле.

Мысли Карфакса путались.

— И еще одно. Плата не будет взыматься тайно. Она будет как бы оплатой сеансов с "Медиумом". Таким образом, за законность проводимых финансовых операций так же беспокоиться не надо.

После продолжительного молчания Карфакс произнес:

— В таком случае, Вестерн должен был представить доказательства. Миллионеры — люди неглупые, им нужна гарантия. Но, похоже, Лиффлон не очень-то в здравом уме.

— Вовсе нет. Он не сумасшедший. И не единственный клиент Вестерна. По крайней мере, тот обещал, что познакомит Роберта с человеком, воскресшим из мертвых.

— И сколько теперь среди нас таких?

— Не знаю. Роберт пообещал подумать и не говорить никому ни слова. Предложение очень взволновало его. Ему всегда хотелось жить вечно. Но у этого человека обостренная совесть. Он не мог справиться с мыслью о том, другом человеке, который лишится своего тела. И после нескольких дней напряженной душевной борьбы с самим собой, Роберт пришел ко мне. Он сказал, что ненавидит себя за то, что нарушил свое обещание, но был просто обязан рассказать мне обо всем этом. Большее зло перечеркивает меньшее.

— И что же вы ему посоветовали?

— Отложить окончательный ответ до тех пор, пока я не найду какой-нибудь выход. Пообещала дать ответ через несколько дней.

Карфакс подумал о том, что Лиффлон отнесся к миссис Уэбстер, как к своей матери, но предпочел не говорить об этом.

— Если все это правда, — сказал он задумчиво, — то Вестерн именно такая дрянь, каким его считает Патриция. И теперь у нас появился, наконец, реальный шанс. Вопрос заключается в том, как им воспользоваться.

— Не знаю. А какое это имеет отношение к вашей теории, что эмсы являются неземными существами?

— Оно полностью разрушает ее. Если только... если только эмсы в действительности не являются людьми, а подчиняют их себе. Как мы сможем определить, кто это — воскресший человек или эмс, завладевший человеческим телом?

Содрогнувшись, он вспомнил о том, как эмс, назвавшийся его дядей, вдруг начал стремительно разрастаться, словно стараясь вырваться из "Медиума" и броситься на него. Неужели он пытался овладеть его телом?

И тут внезапная мысль пришла ему в голову.

— Так вот оно что!

— Что? — спросила миссис Уэбстер.

— Вот почему лгал дядя Руфтон! Он вынужден был лгать, иначе Вестерн не позволил бы ему вернуться в наш мир! Он должен был во всем соглашаться со своим собственным убийцей! То есть, если это действительно был мой дядя.

— В любом случае, что нам теперь делать?

— Пока не знаю. Но обязательно что-нибудь придумаю. Сначала, как мне кажется, Лиффлон должен встретиться с воскресшим. Потом он нам все расскажет, и это станет нашей отправной точкой. Как вы считаете, Роберт согласится?

— Я попрошу его, — сказала она и протянула руку к кнопке видеотелефона.

XIII

Миссис Уэбстер погасила экран.

— Или его действительно нет, или он не хочет со мной разговаривать... Это очень горько. В любом случае, Роберт говорил мне, что направляется прямо домой.

— Если у него беспокойная совесть, он, возможно, пожалел, что не сдержал слово, данное Вестерну, — сказал Карфакс. — Надеюсь, ваш Лиффлон не настолько глуп, чтобы сознаться перед ним.

— О, нет, он этого не сделает! Кроме того, у него вряд ли было на это время!

— Достаточно одного телефонного звонка.

Карфакс встал.

— Что-то у меня на душе кошки скребут. Кажется, нужно навестить Лиффлона у него дома. У вас есть адрес?

Резиденция размещалась в Норс Пасифик Пэлисейд, в полумиле от океана. Когда-то ее окружало более десятка

особняков и разбитых вокруг них парков со скульптурами на аллеях. Теперь осталось только здание. Остальные были проданы компаниями по строительству жилых домов, которые воздвигли уже на месте десяток небоскребов и начали строительство еще доброго десятка. В воздухе было полно пыли, поднятой бульдозерами. Она густым серым ковром покрывала траву, деревья и высокие каменные стены, окружавшие землю Лиффлона. Сам особняк, находящийся в наивысшей точке земельного участка, приобрел цвет хаки.

Карфакс представился в микрофон, расположенный в коробке снаружи литых чугунных ворот. Ему ответил глубокий голос с интонациями, характерными для негров банту, в котором ощущалась изрядная доля скептицизма:

— В моих записях не значится свидание с м-ром Карфаксом, сэр.

— Он снова забыл, — сказал Карфакс.

Наступила пауза, во время которой слуга размышлял об общеизвестной забывчивости своего хозяина. По крайней мере, она была общеизвестной по словам миссис Уэбстер.

— Разрешите мне обратиться к м-ру Лиффлону, — попросил Карфакс. — Тогда он наверняка вспомнит.

— Извините, сэр, но его здесь нет.

— Но он обещал быть! Тогда позвольте переговорить с его секретаршей.

— Ее тоже нет, сэр.

— Куда я мог бы позвонить им?

— Извините, сэр, но я не могу вам этого сказать.

— Он может потерять кучу денег, если не поговорит со мной! — крикнул Карфакс.

— Извините, сэр, но мне запрещено давать такого рода сведения.

— Четыре миллиона долларов будут выброшены на ветер!

Наступила длительная пауза, затем голос, не скрывая ужаса, повторил:

— Четыре миллиона долларов?

— Может быть, даже больше!

— Но я потеряю свое место, сэр!

— Некоторые правила созданы специально для того, чтобы их нарушать, — сказал Карфакс. — Разумеется, если того требуют обстоятельства.

— Извините, сэр.

— Если мне не удастся с ним поговорить, причем как можно быстрее, вы останетесь без работы, потому что у Лиффлона не будет денег!

— Да, сэр. Но вы когда-нибудь слышали о том, чтобы существовал дефицит слуг?

— О, у вас не будет особых затруднений с поиском новой работы. Если, конечно, сможете здесь остаться. Но м-р Лиффлон нанял вас в Кении, и вам придется вернуться туда и долго надеяться на то, что ваше агентство сумеет найти какого-нибудь другого богатого американца или европейца.

Он ненавидел себя за это презренное запугивание, но с Лиффлоном встретиться было необходимо.

— Возможно, вы и правы, сэр, но, пока я работаю у м-ра Лиффлона, я должен быть ему верен. Прощайте, сэр.

Горечь поражения смешалась с невольным восхищением этим слугой. Хорошо бы иметь такого человека, которого нельзя запугать или подкупить.

Конечно, можно было бы проникнуть в дом обшарить его. В былые времена Карфакс так бы и поступил, но сейчас он был старше и не так проворен. Но, что самое главное, — опасался последствий, если его поймают.

Тяжело вздохнув, Карфакс включил автомобильный видеотелефон. Минутой позже он выключил его.

У миссис Уэбстер было пространное досье на Лиффлона, так же, как, вероятно, и на всех остальных наиболее важных своих клиентов. Она рассказала, что у него есть собственный самолет.

Следующим шагом был звонок в аэропорт.

— Да, м-р Лиффлон и его секретарша отбыли всего лишь шесть минут тому назад. Место назначения — Бонанза Серкус, штат Невада.

— Что ж, и это неплохо, — сказал себе Карфакс.

Следующую остановку он сделал в публичной библиотеке в Беверли-Хиллз. По устному заказу посредством компьютера-каталога получил жетон, что означало, что все просмотровые аппараты заняты. Ждать Карфакс не захотел и воспользовался большим атласом США и указателем к нему. Оба издания были прикреплены цепью в нише для чтения... В обоих недоставало многих страниц,

вырванных библиотечными вандалами или атласофилами, но карта Невады и соответствующая часть указателя избежали этой участи.

Бонанза Серкус был построен четыре года тому назад в северной части штата Невада. Постоянное его население составляли около 50 тысяч жителей, и оно росло, поскольку игра покрывала все налоги. Имелся колледж, который через четыре года планировалось преобразовать в университет. Хотя построила город и заведовала работой казино через подставные корпорации мафия, игральные машины были под надзором как правительства штата, так и федерального правительства. Местным чиновникам, прежде чем баллотироваться на выборах, нужно было заручиться справками от обоих правительств о высокоморальном поведении. Настройка машин была такова, что в казино оставалось только 40% денег, но и при таких условиях игорный бизнес процветал во всю.

Карфакс нашел все это весьма интересным, но цель его поисков была совсем другой. Он сделал перечень строительных компаний города и прошел в кабину видеотелефона. После четырех междугородних переговоров поиск завершился успехом. Компания "Акме Билдерз энд Девелонерз Инкорпорэйтед" только что окончила строительство комплекса больших зданий в горах, в двенадцати километрах к востоку от Бонанза Серкус. Комплекс этот принадлежал "Исследовательской корпорации Мегистуса". Информатор Карфакса даже понятия не имел, какие именно исследования проводит корпорация, хотя ему казалось, что они имеют отношение к электронике и химии.

Карфакс позвонил в агентство "Форчун и Торндайк" и попросил навести какие только удастся справки о Мегистусе. Потом, вернувшись монорельсовым экспрессом к своему автомобилю, поехал в мотель, где его поджидали Патриция и письмо из "Форчун и Торндайк". Разговор с агентством занял три минуты.

— Ты выглядишь довольным, — заметила Патриция.

— Не так чтоб очень, особенно если учесть, сколько с меня содрали, — сказал он. — Агентству пришлось воспользоваться большим компьютером в Вашингтоне, округ Колумбия. Но они за 15 минут сделали то, что я вряд ли

сделал бы за 15 дней. А именно, разузнали, что Вестерну принадлежит компания, которой принадлежит другая компания, в свою очередь владеющая компанией, которой принадлежит компания Мегистуса. Также они выяснили, что Мегистус не делает попыток заполучить котракты.

— И что это означает?

— А вот что. Лиффлон не увлекается играми. Тогда зачем ему отправляться в Бонанза Серкус? Я предложил, что в комплексе Мегистуса у него назначена встреча с Вестерном. Возможно, там сооружен новый "Медиум"...

— Но ведь по телевизору ничего не...

— Возможно, Вестерн хочет сохранить это в тайне. По нескольким причинам. Во-первых, он опасается нового Хоувелла. Во-вторых, этот "Медиум", скоре всего, предназначен для некоторых операций, требующих абсолютной секретности. Если рассказ Лиффлона соответствует истине, то, вполне вероятно, именно в Неваде происходит переселение душ.

— Но зачем Лиффлону отправляться к Вестерну сразу после разговора с миссис Уэбстер?

— Возможно, он пришел к выводу, что бессмертие стоит того, чтобы поступиться совестью. И хочет все устроить, пока снова не передумал... Или, может быть, он не по своей воле отправился туда?

— Почему эта мысль пришла тебе в голову?

— У него было двое сопровождающих. Ролетти и Картс, если они назвали подлинные свои фамилии.

Патриция вздрогнула.

— Я начинаю снова ощущать страх.

— Это всего лишь предположение.

— Но зачем им брать с собой еще и секретаршу, если он отправился против своего желания? Разве это не усложнит дело?

— Нет, если секретарша подкуплена Вестерном. В любом случае, Лиффлон ни шагу без нее не сделает. Ей около пятидесяти пяти лет и, по словам миссис Уэбстер, она заменяет ему мать. Было бы весьма странно, если бы ее с ним не было.

— Возможно, Лиффлон и чокнутый немного, но, как мне кажется, порядочный человек. И я сомневаюсь, что он за короткое время мог так перемениться, что признался

Вестерну во всем. Так откуда тогда Вестерн мог получить информацию об их разговоре с миссис Уэбстер?

— Ты недооцениваешь врага, дорогая. У меня нет никаких сомнений, что Вестерн знал о частых встречах Лиффлона с миссис Уэбстер. Так что ее квартира наверняка прослушивается... Мне нужно позвонить в Бонанза Серкус.

Обзвонив 45 мотелей и гостиниц, Карфакс повернулся к Патриции.

— Он нигде не зарегистрировался, разве что под вымышленным именем и с помощью подставной кредитной карточки, а это кажется мне маловероятным.

— А миссис Бронски и те двое?

— Ничего. Начинай укладывать вещи, я еще раз позвоню.

Патриция изумленно посмотрела на него.

— Укладываться?

— Да. Если квартира миссис Уэбстер прослушивается, то Вестерну известно о том, что мы знаем о Лиффлоне. И он знает, где мы. Послушай, у тебя есть подруга, у которой мы могли бы спрятаться на несколько дней? В гостинице найти нас — раз плюнуть.

Патриция снова удивилась.

— Тогда зачем мы сюда забрались?

— Чтобы усложнить ему задачу. У тебя есть друзья?

Она покачала головой.

— Здесь — нет. Вернее, были, но эмигрировали в Канаду.

— За это их нельзя упрекать, — сказал он. — Ладно. Я велю агентству "Форчун и Торндайк" послать кого-нибудь зарегистрироваться в гостинице, а поселимся там мы. Нужно выбрать какое-нибудь большое заведение, где управляющий не обращает внимания, кто заходит и уходит. И будем отключать экран, пользуясь видеотелефоном. Мне следовало поступить так с самого начала, но я до сих пор не думал...

— Продолжай, — сказала она. — О чем ты не думал?

Он улыбнулся.

— Не думал, что Вестерн на самом деле такой негодяй, как ты его расписывала. Я и сейчас не уверен в этом на все сто процентов.

— Сукин сын! Так ты думал, что я помешанная?

— Ну, скажем, не отрицал такой возможности. Но, учти, я никогда не делаю выводов, не собрав достаточного

количества фактов. Хватит заниматься болтовней. Поехали. Возможно, нам понадобится каждая секунда, которую мы сейчас теряем.

Пораженная не столько его словами, сколько тоном, каким он их произнес, Патриция принялась быстро укладывать вещи, обиженно поджав губы.

Карфакс решил, что позвонить в агентство можно будет попозже, из кабины своего автомобиля. Через пять минут, уплатив по счету, они покинули мотель с наспех собранными чемоданами, и направились в Гранд-Вивориум, где взяли такси и поехали в еще один мотель. Подождали у входа, пока такси не уехало, и прошли пешком три квартала к стоянке прокатных автомобилей. Оформление заняло десять минут, после чего они уехали в автомобиле с видеотелефоном. Карфакс связался с Саундерсом из "Форчун и Торндайк", договорился с ним обо всем, затем велел дежурной соединить его с Бонанза Серкусом.

Самолет Лиффлона приземлился. Но дежурная не смогла дать никаких сведений относительно того, куда пассажиры отправились после оформления прибытия.

Звонок во временную штаб-квартиру Вестерна в Беверли-Уиллшире, где он снимал два этажа, ничего не добавил к тому, что Карфакс уже знал. Если не считать, что у Вестерна появилась новая секретарша с очень сиплым, похотливым голосом.

Мистера Вестерна нет и не будет еще несколько дней. Без разрешения со стороны своего нанимателя она не имеет права сообщать о его местонахождении. Но передаст ему все, что потребуется.

— Я перезвоню, спасибо, — сказал Карфакс.

— Я уверена в том, что через несколько часов буду говорить с шефом, — сказала мисс Раппорт. Оставьте свой номер телефона. Возможно, он свяжется с вами.

— Нет, благодарю вас, — ответил Карфакс.

XIV

Следующие пять дней были проведены большей частью в номере мотеля. Они были наполнены ожиданием, ску-

кой, чтением, просмотром телевизора, физическими упражнениями и тремя вылазками в кино. Патриция была недовольна. Она не желала уподобляться лягушке, притаившейся среди кувшинок в пруду в ожидании мух. Гордон старался занять ее разговорами о ее же прошлом: детстве с его счастливыми и болезненными эпизодами; любовниках; честолюбивых помыслах и развеянных иллюзиях; о том, что ей досаждало и что заставляло радоваться — короче говоря, обо всем том, что делало ее единственным и неповторимым человеческим существом.

Патриции нравилось говорить о себе. Но ей необходима была и физическая деятельность. После нескольких часов расплескивания своего эмоционального содержимого она начинала метаться по номеру взад и вперед, после чего заявляла, что вынуждена либо пойти прогуляться, либо лечь в постель с Гордоном. Он, не сопротивляясь, делал то, что она предпочитала. Но к концу пятого дня скорее был склонен к тому, чтобы прогуливаться. Сказывалась пятнадцатилетняя разница в возрасте. Он уже начал задумываться над тем, стоит ли им жениться. Пока его сексуальные возможности устраивают ее, но через 20 лет ей будет 50, и вряд ли ее темперамент уменьшится. Ему же в 65 лет совсем будет не до этого.

Патриция ни разу еще не заговаривала о браке. Возможно, она даже не думала об этом. Разумеется, если бы ее жизнь вошла в нормальную колею, она бы взглянула на свое положение с учетом длительной перспективы. К тому же он не мог с уверенностью сказать, что желает этого брака. Даже наоборот — ему не хотелось ничем себя связывать, особенно до тех пор, пока вся эта история не закончится.

Тем временем, пока события их личной жизни лениво волочились, события общественной жизни развивались бурно.

Во время беседы, которую вел на телевидении Джек Филлипс, появился некто доктор Оренштейн из Иешивского университета — член федеральной комиссии, изучавшей "Медиум". Он заявил, что вселенная электромагнитных организмов, вполне возможно, не является расширяющейся вселенной. Если это так, то веками аккумулирующаяся в ней энергия должна уничтожить ее. Так называемые

"покойники" в этом случае будут уничтожены вместе со своим миром. Конечно, это достойно сожаления, но не представляет опасности для нашей вселенной. Разумеется, только в том случае, если канал связи между вселенными не будет открыт в тот самый момент, когда она "взорвется". Никто не знает, какая чудовищная энергия хлынет сквозь брешь между двумя мирами, и каким будет результат этого прорыва.

Джек Филлипс побледнел. У него был такой вид, будто он жалеет, что затеял этот разговор. Но, в конце концов, ему удалось совладать с собой и высказать предположение, что этого не может быть — ведь первый же удар энергии должен разрушить "Медиум", залатав, таким образом, брешь.

— Возможно и такое, — сказал д-р Оренштейн. — Но некоторые из нас задумываются над тем, что массовое использование "Медиума" может создать слабое место в стене между мирами. Его можно сравнить с утечкой через плотину. Если утечку не ликвидировать сразу же, вся плотина через короткий промежуток времени становится зияющей дырой, в которую может хлынуть море.

— Вы сошли с ума! — крикнул кто-то из присутствующих.

— Вы что же, стараетесь нас запугать? — возмутился второй.

— Боже, мы обречены! — выдохнул третий.

Джек Филлипс, дав знак успокоиться, произнес:

— Мне кажется, доктор, что вам не следовало бы выступать публично с такого рода заявлениями. Это может вызвать панику. Ведь у вас нет практически никаких доказательств, не так ли? Это ведь только гипотеза, да? Я бы сказал — предположение, ведь вы не можете представить никаких фактов, я повторяю, никаких фактов.

— Верно, — признался д-р Оренштейн. — Но одно только это предположение должно заставить нас задуматься. Какими могут быть последствия массового использования "Медиума"? Я — ученый, и то, что я говорю, может рассматриваться как ересь многими другими учеными. Наука должна подвергать все сомнению и тщательному изучению. Многие из моих коллег будут придерживаться этого принципа. Но многие и согласятся со мной. Само

наличие вероятности, какой бы ничтожной малой она ни была, должно возбудить в нас тревогу о будущем всего живого на планете. Возможно, разговор этот преждевременен. Но мои мысли и рекомендации по этому поводу уже изложены в официальном докладе. Скоро вы все сможете с ним ознакомиться. Разумеется, если президент разрешит публикацию.

— Значит, вы категорически рекомендуете прекратить использование "Медиума", — сказал Филлипс.

— Да. И немедленно! Мы должны тщательно все изучить, проанализировать возможные последствия.

— Однако, доктор, — вмешалась в разговор одна из приглашенных, Регина Коломела, — каким образом вы сможете узнать о последствиях, не изучая "Медиум" в действии?

— Очень правильный вопрос, — ответил д-р Оренштейн. — Тем не менее, я считаю возможным произвести анализ данных, уже полученных в процессе эксплуатации "Медиума", то есть математический анализ.

— Сейчас я должен уделить некоторое время рекламе мыла, — с облегчением сообщил Джек Филлипс. — Мы продолжим после демонстрации рекламного ролика.

Зрители выглядели раздосадованными. После рекламы, как того и следовало ожидать, Филлипс объявил, что д-ра Оренштейна срочно вызвали, и он не сможет более принимать участие в дискуссии. Подробностей, разумеется, он не сообщил.

Еще через два дня миссис Уэбстер во время передачи, проводившейся местной станцией, объявила о своем согласии с д-ром Оренштейном. "Медиум", заявила она, уже ослабил стену — ей стало гораздо легче устанавливать контакт с миром духов.

Другой участник передачи, эстрадный конферансье Боб Джасиерс, добавил: он надеется, что этого еще не произошло. Тогда бы всем нам начали являться днем и ночью призраки, а в него самого вселился бы дух тещи.

После выступления д-ра Оренштейна средства массовой информации только и делали, что сообщали о беспорядках по всему миру.

Президент США считал, что не стоит подогревать страсти публикацией официального доклада федеральной

комиссии. Но напряженность была слишком велика, и он вынужден был через три дня обнародовать этот трехтысячестраничный документ.

В тот же день свое официальное мнение в отношении "Медиума" высказал и Ватикан.

Если говорить кратко, то доклад федеральной комиссии констатировал, что "Медиум", вне всякого сомнения, является средством общения с покойниками. Сорок пять опрошенных с абсолютной уверенностью опознаны, начиная с особенностей их речи, и кончая подробностями личной жизни, которые не могли быть известны никакому шарлатану.

В доклад были включены выдержки из бесед с этруском Менле Атланом, французским королем Людовиком XIV, Гамилькором Борка (Отцом Ганнибала) и Периклом из древних Афин. Специалисты-языковеды, входившие в состав комиссии, подтвердили их подлинность. Никто из современников, каким бы он ни был образованным, не смог бы имитировать язык настолько хорошо.

Правда, о карфагенянах и этрусках было известно сравнительно мало, однако беседа с Менле и Гамилькаром дала богатый материал. Никакой ученый не мог бы создать грамматику и словарь, ни в чем не противоречащие друг другу, исходя из тех скудных знаний, которыми располагала наука ранее. И ни один ученый не смог бы привести такие мельчайшие детали культуры и истории древних карфагенян, римлян и этрусков.

В день опубликования доклада по нью-йоркскому радио выступил д-р Оренштейн. На телевидение его больше не пускали, но он нашел добровольного покровителя в лице владельца радиовещательной компании.

Обвинения Оренштейна были весьма серьезными.

Он заявил, что доклад комиссии не был полным, что его обширные разделы президент исключил, не желая отвечать за их публикацию, хотя и понимал, что утаивать эти разделы длительное время не удастся.

Как выяснилось, комиссия определила местопребывание Иисуса Христа и Джозефа Смита (основателя секты мормонов) и взяла у них интервью. Иисус был весьма удивлен и даже возмущен тем, что неевреи поклоняются ему как Богу. Его учение, заявил он, предназначалось только для

евреев. А Джозеф Смит признался в том, что знаменитых золотых пластин, на которых была якобы начертана Книга Мормонов, никогда не существовало. Он, однако, настаивал на том, что записал ее под диктовку самого Господа. Пластины были благочестивым обманом, но Бог повелел ему сказать людям, что пластины он нашел — благодаря этому новую веру приняли гораздо быстрее.

Д-р Оренштейн был застрелен двумя фанатиками, едва только вышел за порог радиостанции.

Крупнокалиберная пуля рикошетом убила также девятилетнюю школьницу, возвращавшуюся домой с уроков.

Убийцы умчались в автомобиле, но нарушили правила дорожного движения и врезались в грузовик. В их похоронах участвовало более 40 тысяч человек, и более 80 тысяч долларов было собрано по подписке для членов их семей. После вычета налогов эта сумма снизилась до 20 тысяч.

Заявление Ватикана было довольно остроумным и полным опровержений.

Если эмсы на самом деле существуют, о чем говорят факты, то они являются копиями, что также подтверждается фактами. Однако не являются подлинными душами умерших, а только их "электромагнитными тенями". Бог, по только одному ему ведомым таинственным причинам, допустил их существование. Но вселенная их не является ни раем, ни адом, ни чистилищем. В этом верующие могут быть абсолютно уверены.

В заявлении упоминалась и гипотеза Карфакса, причем названа она была предположительно верной. Какова бы ни была истина, говорилось в конце, лучшим выходом из создавшегося положения будет закрытие "Медиума" на веки вечные. Католикам же со дня опубликования заявления прибегать к его услугам возбранялось категорически. Папская энциклика на сей счет выйдет в следующем году.

— Тогда это будет вопросом догмы, а не порядка, — сказал Карфакс. — Интересно, что произойдет, когда найдут Моисея или Магомета? Какие объяснения мы услышим?

Так и проходили дни. За стенами номера происходили сильные бури, внутри них — бури послабее.

Патрицию раздражала привычка Гордона бубнить себе что-то под нос и его пристрастие к хлебу с чесноком; она

приводила Карфакса в ярость тем, что разбрасывала повсюду свою одежду и предпочитала сосиски жареному мясу, что не ела зелени и считала президента, этого твердолобого консерватора, великим человеком. Не было у них единогласия и в отношении телепередач. Ей нравилось смотреть спортивные репортажи и комедии, но быстро наскучивало все, что было хоть немного серьезным. Например, ей не нравился Шекспир — она громко зевала и тяжело вздыхала, когда он наслаждался фильмом.

Конечно, это были мелочи. И с ними легко было бы свыкнуться в иных, не столь уединенных условиях. Карфаксу они уже начали казаться признаками несовместимости характеров.

Он получил от "Форчун и Торндайк" уже три сообщения. Агент в Бонанза Серкусе был не в состоянии определить со всей достоверностью наличие или отсутствие Вестерна или Лиффлона в комплексе Мегистуса. Агенту не удалось проникнуть в десятиэтажное здание, но он подкупил служащего государственной почты, чтобы проверить, нет ли какой-либо корреспонденции на их имена. Ничего не оказалось. Это могло означать, что они либо связываются с внешним миром посредством видеофона, либо отсылают свою почту самолетом Мегистуса.

В штаб-квартире в Беверли-Уиллшире, однако, Вестерна не было — это сообщил один журналист.

Кроме того, агенту (его звали Рейнольдс) удалось выяснить в энергокомпании Бонанза Серкус, что Мегистус расходует обычное для подобного рода предприятий количество электроэнергии. Этот факт ни о чем не говорил, поскольку "Медиум" мог извлекать энергию из вселенной электромагнитных существ.

На пятый день Рейнольдс позвонил Карфаксу в 13.10, сразу после того, как они с Патрицией вернулись с завтрака.

— За мной установлена слежка. Я привлек чье-то внимание. Кто-то побывал в моем номере, двоих я заприметил со вчерашнего дня. Что делать дальше? Вы хотите, чтобы я оставался здесь, или мне предпочтительнее смыться?

— Смывайтесь, — сказал Карфакс. — Эти парни могут вести грязную игру — ставки весьма высоки.

Он жалел, что не отправился туда сам. Это было бы намного дешевле, и он был бы занят чем-то полезным. Но если Вестерн там, ему ничего не стоило бы опознать Карфакса и, поймав его на горячем, затащить внутрь комплекса Мегистуса.

С другой стороны, какой смысл Вестерну заваривать всю эту кашу? Раз уж миссис Уэбстер не жалуется на последствия разговора с Лиффлоном, следовательно, Вестерн чувствует себя в полнейшей безопасности. И, скорее всего, имеет для этого вескую причину — Лиффлон будет начисто отрицать все, о чем может рассказать миссис Уэбстер.

Карфакс чувствовал, что загнан в тупик и будет в нем сидеть, пока на арену не выйдет Лиффлон.

Во время обеда он был нетерпелив и раздражителен. Даже кинофильм, который они посмотрели после (замечательная и жуткая экранизация научно-фантастического романа Лема "Солярис"), не поднял его настроения. Войдя в номер, он увидел горящую под экраном видеофона сигнальную лампочку. Дежурная сообщила, что для него оставлен номер в Бонанза Сити, по которому просили позвонить. Еще через три минуты, широко улыбаясь, он вернулся к Патриции.

— Я должен диспетчеру аэропорта две сотни долларов. Лиффлон и его секретарша отбывают в аэропорт "Санта-Сусана".

XV

В это время, в 01.25, в вестибюле аэропорта почти никого не было. Гордон и Патриция пили кофе в зале ожидания. В 01.50 в небе появились огни самолета, делающего круг перед посадкой. В 02.00 двухтурбинный моноплан отбуксировали к ангару, где держал свой самолет Лиффлон. Гордон сверил номер моноплана с номером, который ему сообщил диспетчер. Это был самолет Лиффлона.

Он бросил в урну наполовину еще полный картонный стаканчик и сказал:

— Лиффлон сейчас отправится в диспетчерскую башню, чтобы зарегистрировать прилет. А вот секретарша, скорее всего, будет ждать его здесь.

— Ну и что?

— Она нас не знает. Я попытаюсь завязать с ней беседу. Вот она идет.

В зал ожидания вошла высокая женщина с более чем пышной грудью, очень узкой талией, весьма могучими бедрами и невероятно длинными стройными ногами. Седые волосы были уложены в сложную прическу из большого количества завитков. Кроме фальшивых ресниц, на ее лице не было представлено никакой другой продукции косметических фирм. В молодости, должно быть, она была потрясающе красивой.

С характерным размашистым покачиванием бедер, которое навело Карфакса на мысль, что молодость ее прошла в стриптиз-баре, женщина прошла к кофейному аппарату, обдав его облаком запаха сандалового дерева, и протянула руку за стаканчиком.

— Миссис Бронски?

Она подскочила, открыв рот от удивления и немного расплескав кофе.

— Бога ради! Вы так меня напугали!

— Извините, — сказал он, протягивая ей сохранившееся со времен работы в Лос-Анджелесе удостоверение. — Мистер Вестерн велел мне проводить вас обоих домой.

Лицо ее прояснилось, но сразу опять нахмурилось.

— Но он ничего не говорил нам о вас, м-р Чайлд.

— М-р Вестерн позвонил мне час назад, когда решил, что вам нужен телохранитель.

— И он объяснил, почему? — произнесла она, подняв брови.

— Разве м-ру Вестерну задают такие вопросы?

— Этот сукин сын мог хотя бы сообщить по радио о вас во время полета.

Так. Значит, они все же были у Вестерна.

— Разрешите представить вам миссис Чайлд, мою коллегу.

Оставалось только надеяться, что она не потребует удостоверения у Патриции, сидящей в кресле. — Дорогая, это миссис Бронски, секретарь мистера Лиффлона.

Миссис Бронски опустилась в кресло рядом с Патрицией.

— Вы уверены, что мистер Вестерн никак не мотивировал ваше присутствие здесь? Меня это очень удивляет. Все казалось в полном порядке, когда мы вылетали. Роберт был в отличной форме, но я предполагаю...

Карфакс выждал несколько секунд, потом не удержался:

— Предполагаете что, миссис Бронски?

— Да так, ничего.

— Возможно, м-р Вестерн опасался фанатков? В последнее время столько насилия вокруг, особенно после убийства Оренштейна...

— Вероятно, так оно и есть, — согласилась она. — Но кто мог узнать, что м-р Лиффлон был его клиентом? Все было настолько шито-крыто...

— За мистером Вестерном шпионят очень многие: агенты ФБР, журналисты, всякие помешанные...

За углом послышались шаги, и через несколько секунд в зал вошел круглолицый мужчина лет тридцати пяти. Карфакс сразу узнал его по фотоснимкам, которыми его снабдили в "Форчун и Торндайк", и включил магнитофон, лежащий в кармане пиджака.

Внезапно остановившись, Лиффлон обвел взглядом Карфаксов и миссис Бронски. Пальцы его крепче стиснули ручку портфеля, словно он опасался, что его сейчас отнимут.

— Что это означает, миссис Бронски?

Она, улыбаясь, поднялась ему навстречу.

— Это телохранители, мистер Лиффлон. М-р Вестерн послал их на случай непредвиденных осложнений.

В глазах Лиффлона мелькнула тревога.

— Осложнений? Каких осложнений? Он сказал, что все прошло прекрасно.

Карфакс приблизился к нему, протягивая руку.

— Позвольте представиться: м-р Чайлд. А это моя жена и одновременно партнер по агентству. Извините, что пришлось потревожить вас, м-р Лиффлон, но м-р Вестерн поднял нас с кровати и послал сюда, распорядившись, чтобы мы оставались с вами до особого распоряжения. Не думаю, чтобы этому была серьезная причина, но, как я уже

говорил миссис Бронски, в последнее время участились убийства. В стране царит хаос. Ну да вы и сами это знаете.

— Д-да... — сказал Лиффлон таким тоном, словно это было для него новостью. — Ну что ж, уже слишком поздно звонить Вестерну — он, скорее всего, уже в постели. Но я сразу же позвоню ему утром. Если он что-либо знает, пусть поставит меня в известность.

— У вас есть багаж? — осведомился Карфакс. — Я его заберу.

— Он будет прислан позже, — ответил Лиффлон. — В доме есть все, что мне потребуется. Верно, миссис Бронски?

— Естественно, — ответила она и добавила после некоторой паузы: — Как будто вы сами об этом не знаете, мистер Лиффлон.

Карфакс следил за ним с любопытством. Лиффлон считался весьма застенчивым человеком и даже слегка заикался, общаясь с незнакомыми людьми. Этот же человек выглядел немного самоуверенным и говорил без запинок.

Сюда Гордон и Патриция прибыли монорельсовым экспрессом и взяли напрокат автомобиль. Сейчас мощный "Загрос" ждал их у входа из аэропорта. Карфакс усадил Лиффлона и Бронски на заднее сидение, сам сел за руль, посадив Патрицию рядом с собой.

— Вы знаете, куда ехать? — спросил Лиффлон.

— Нет, сэр, — ответил Карфакс. — Но у меня, разумеется, есть адрес.

Наступила пауза. Карфакс, следя за Лиффлоном в зеркало заднего обзора, увидел, как тот подтолкнул Бронски локтем.

— О, я объясню, — сказала женщина.

Карфакс почти не слушал ее. Он прекрасно знал маршрут и думал о том, что Лиффлон, вернее, тот, кто вселился в тело Лиффлона, скорее всего, этого не знает. Патриция, судя по ее напряженной позе, поняла все и была сильно напугана. Он не порицал ее за это, поскольку сам испытывал чувство нереальности происходящего.

Значит, все оказалось правдой.

Часа через полтора они подъехали к воротам особняка. Лиффлон обратился к слуге через переговорное устройст-

во, ворота распахнулись, машина въехала внутрь и остановилась у большого здания. На крыльцо вышел негр в пижаме и халате, как-то странно посмотрел на Карфаксов и кивнул, когда их познакомили. Гордон надеялся, что слуга не запомнил его голос.

Негра звали Йохана. Он провел их в большое помещение, напоминающее гостиничный холл, затем сопроводил Карфаксов на второй этаж, в отведенную им комнату в самом конце длинного коридора. Когда дверь закрылась, Карфакс обернулся к Патриции.

— Что ж, пока все идет неплохо! Но, как только он утром позвонит Вестерну, нам нужно будет побыстрее убираться отсюда. Надеюсь, нас не станут останавливать.

— А если попытаются?

Карфакс открыл свой саквояж и вынул крупнокалиберный пистолет.

— Терпеть не могу пользоваться им, но придется. Не думаю, что Лиффлон, точнее, тот, кто выдает себя за него, станет колебаться, стрелять в нас или нет — слишком велика ставка.

— Может, не станем дожидаться утра? — спросила Патриция. — Какой смысл.

— Возможно, он не сразу позвонит Вестерну. А чем дольше мы будем здесь находиться, тем больше сможем узнать.

Патриция глубоко вздохнула.

— Ты очень напугана. У тебя даже ноги похолодели. Я же предупреждал — дело это очень опасное. Надо было мне самому им заняться.

— О, только кончики пальцев, не преувеличивай. И не беспокойся. Я бы все равно не отпустила тебя одного. Это выше моих сил — сидеть взаперти, умирая от скуки и неизвестности.

— Понимаю, — сказал он. — Когда начинаешь действовать, то чувствуешь себя так, словно только что вышел из тюрьмы. О'кэй, давай спустимся к ужину.

Лиффлон и миссис Бронски ожидали их в кабинете-библиотеке, огромной комнате, вдоль стен которой выстроились стеллажи с книгами. Кроме того, здесь был большой письменный стол из красного дерева, обтянутые кожей кресла, диван и огромный камин.

Лиффлон был одет в пижаму и халат, на миссис Бронски из-под легкого халатика выглядывала ночная сорочка. В руках они держали рюмки. Лиффлон бросил на вошедших удивленный взгляд — его явно поразило, что они не сменили повседневную одежду.

— Я считал, что прежде всего необходимо проверить помещение, — сказал Карфакс.

— Неплохая мысль. Что вы желаете? — махнул он рукой в сторону бара, в котором, казалось, были представлены все спиртные напитки земного шара.

Карфакс отыскал неоткупоренную бутылку коньяка.

— Мы с Пат предпочитаем вот это.

У него не было желания пить из бутылки, в которую могло быть что-нибудь подмешано.

— Здесь есть немало напитков получше.

— Этот тоже превосходен, — сказал Карфакс. — Он получше того, что я пью обычно.

Лиффлон пожал плечами, открыл бутылку, передал гостям бокалы и поднял свою рюмку:

— За бессмертие.

Смех его гулко зазвучал в огромной комнате. Миссис Бронски нахмурилась.

— Это шутка? — спросил Карфакс.

— Я просто счастлив тем, что живу, — пояснил Лиффлон. — Что имею возможность дышать, есть, пить, ходить, заниматься любовью...

— Нетрудно представить, что любой человек будет испытывать такие чувства после разговора с покойником, — сказал Карфакс. — Но если задуматься о будущем, то радоваться станет нечему. Каждый из нас, рано или поздно, присоединится к этим несчастным созданиям, превратится навечно в сгусток энергии, вертящийся вокруг других сгустков, замкнутый в равнодушной вселенной, где ничего не происходит и где никто ничего не ждет...

Лиффлон отпил из бокала. Голос его стал тихим и медленным:

— Это только один из этапов, временный привал. Я — приверженец панкосмической церкви Христа-эмса, понимаете? И верю, что вэмо является чем-то вроде чистилища.

— Я не знал этого, — сказал Карфакс, притворившись, что ему ничего не известно о Лиффлоне. — Это весьма удобная религия, не сомневаюсь.

Он старался придумать какой-нибудь каверзный вопрос, который бы поставил лже-Лиффлона в тупик и одновременно не рассекретил его самого.

— У меня нет денег, чтобы оплатить сеанс "Медиума", но я как-то заходил к женщине, некоей миссис Уэбстер, которую моя жена считает великим медиумом. Она-то и уговорила меня пойти к ней. Уэбстер пыталась вызвать мою мать, и что-то на самом деле явилось, нечто столь тонкое, что сквозь него можно было видеть окружающее. И еще мы слышали что-то вроде шепота. Но это все. Больше я к ней не ходил. Сеансы Уэбстер недешевы, хотя, разумеется, берет она куда меньше, чем Вестерн.

Лиффлон бросил в сторону Карфакса жесткий взгляд, затем улыбнулся:

— О, я очень долго был ее клиентом. Приятная женщина, просто красавица для ее возраста. И она не мошенница. То есть, действительно обладает неоспоримыми способностями. Вестерн утверждает, что некоторые люди-медиумы действительно могут открыть на короткое время канал в вэмо. Но все это так неопределенно и не имеет под собой никакой точной научной базы, что результаты редко стоят потраченных на это усилий и денег. У меня нет намерения продолжать пользоваться ее услугами. Да и "Медиумом" я больше не интересуюсь. Одним словом, покойники перестали представлять для меня какой-либо интерес.

Могу поспорить, что это именно так, подумал Карфакс, поглаживая в кармане диктофон.

Завтра он отнесет его в лабораторию агентства "Форчун и Торндайк", где голос этого мужчины сравнят с голосом Лиффлона. Они будут, разумеется, похожи, поскольку гортань и ротовая полость одна и та же. Но если мозг Лиффлона занят эмсом, то ритм речи и ее словарный состав должны отличаться. А что можно будет предпринять после того, как будут получены обнадеживающие результаты? Полиция не сможет арестовать Лиффлона на основе таких улик. В любом случае, окружной прокурор не решится возбудить дело против него. А если даже и попы-

тается, то никакой судья не допустит, чтобы оно долго длилось...

Лиффлон, безусловно, не является единственным примером переселения душ. Нельзя ли отыскать других и провести аналогичную голосовую экспертизу? Если представить в руки полиции достаточное число подобных случаев, она обязана будет что-либо предпринять. Хотя... Кто поверит, что такое возможно?

Дело казалось безнадежным. Но Карфакс не намеревался отступать.

Что, если существует какой-то способ продемонстрировать, даже самым недоверчивым, что в человека может вселиться кто-то другой? Что, если захватчика можно будет изгнать и взять показания у первоначального владельца тела? Если научными методами можно переселить разум, то почему таким же образом нельзя избавиться от него?

Трудность заключалась в том, что Вестерн располагал монополией на единственное устройство, которое могло бы это сделать... если вообще могло.

— Ну что ж, мистер Чайлд, — сказал Лиффлон, ставя на стол пустую рюмку. — Уже поздно, и если вы считаете, что необходимо проверить все вокруг дома, то самое время это сделать. Когда выйдете, можете закрыть дверь и активировать сторожевую сигнализацию — она включается за драпировкой у входной двери. Если что-то найдете, поставьте меня в известность, не найдете ничего — не беспокойте. Я, наверное, уже усну к тому времени, пока вы закончите свою работу.

Карфакс поднялся.

— Это займет не больше десяти минут. Спокойной ночи.

Патриция встала и потянулась. Лиффлон посмотрел на нее с нескрываемым восхищением.

— Я тоже устала, — сказала миссис Бронски. — Если не возражаете, мистер Лиффлон, я возьму с собой рюмочку...

— А разве я когда-нибудь возражал?

— Нет, конечно же, нет, — быстро ответила она. — Но я всегда спрашиваю, не так ли?

Лиффлон что-то хмыкнул. Миссис Бронски налила себе огромный бокал крепкого виски, бросила в него кубик льда и, покачивая бедрами, выплыла из комнаты.

Карфакс вышел через входную дверь на крыльцо и спустился к подъездной дорожке. Все вокруг было ярко освещено, но он нащупал в кармане маленький фонарик для обследования темных закоулков, прошел по дорожке к воротам, повернул вдоль стены налево, обходя каждый куст и каждое дерево. Обход занял 15 минут, а не 10, как он обещал.

Гараж позади дома тоже надо было осмотреть. Карфакс посветил фонариком в окно, но ничего особого не увидел, кроме двух автомобилей ("Загроса" и "Бенца"), нескольких верстаков и полок для инструментов. Наверное, это Йохана поставил сюда "Загрос". Теперь он, видимо, спит. По крайней мере, лежит в постели в квартирке под гаражом.

В принципе, осмотр был чисто формальным, поскольку Карфакс не рассчитывал на встречу с какими-либо ворами. Он просто хотел запечатлеть в уме окрестности дома на всякий случай — мало ли что ждет их в будущем.

Во двор проникнуть было совсем не трудно. Стена имела в высоту всего три метра, и можно было запросто, подпрыгнув, подтянуться на руках. Три слоя колючей проволоки сверху не спасали — по словам миссис Бронски, к проволоке сторожевая сигнализация подключена не была. Дом и гараж были оборудованы сигнализацией, но взломщики, проникшие в дом три года назад, сумели ее обойти, а новую сигнализацию Лиффлон не удосужился установить. В монотонную жизнь робкого человека эта кража внесла какое-то оживление, и в течение многих недель после этого он поднимался среди ночи и бродил по дому с револьвером в руке, надеясь, по-видимому, что сможет застрелить грабителя и дать таким образом выход подавляемому желанию совершить какое-нибудь насилие. Это, однако, было выводом Карфакса, а не миссис Бронски. Он предположил, что полная подчиненность Лиффлона матери, возможно, стала причиной неосознанной (а, может быть, и сознательной) обиды или ненависти. Он был слишком угнетен, чтобы выразить словами свою враждебность, но должен был возненавидеть свою мать и, скорее всего, хотел выместить это на ком-либо, чья смерть не повлекла бы ответственности перед законом.

Это было только гипотезой, но она казалась весьма правдоподобной. Во всяком случае, в ней заключалось

единственное объяснение поведения Лиффлона. У миссис Уэбстер на сей счет гипотезы не было. Она просто считала его странным человеком, "хорошим, но странным".

Карфакс вернулся в дом, запер дверь, включил сигнализацию и поднялся в отведенную им комнату. По ней взад и вперед металась разъяренная Патриция.

— Что стряслось?

— Этот мерзавец предложил мне лечь к нему в постель!

Он секунду помолчал, затем спокойно спросил:

— И ты приняла это предложение?

Она дико посмотрела на него, и вдруг расхохоталась:

— Ты великий насмешник, не так ли? Так вот, к твоему сведению приняла!

Вид у Карфакса был совершенно глупый. Она отплатила ему той же монетой, догадавшись, что это возможно.

— Ладно, — сказал он. — Ты сможешь очень много вытянуть из него. По части информации, я имею в виду.

— Я почти уверена, что именно это ты и имеешь в виду, — улыбнулась она. — Но было бы неплохо, если бы ты оказался против.

— Разумеется, я против, — в тон ей ответил он.

Она обняла его. Он подумал, что, будь Патриция профессиональным сыщиком, она приняла бы предложение Лиффлона, и ему бы и в голову не пришло обвинить ее в этом, хотя сейчас он был рад, что она отказалась. Но, тем не менее, его огорчала упущенная возможность.

Прервав поцелуй, Патриция стала серьезной.

— Он совсем не похож на того Лиффлона, которого нам описывали. У него был довольно непринужденный вид. Похоже, до сих пор ему не отказывали.

— Вот он, решающий довод, — сказал Карфакс. — Настоящий Лиффлон является, точнее, был импотентом.

— Неужели? Как ты это выяснил?

— Я просмотрел досье, которое завела на него миссис Уэбстер. Он относился к ней, как к матери, и рассказывал о себе гораздо больше, чем следовало бы. Разумеется, миссис Уэбстер познакомила меня с этой частью досье только потому, что этого требовали обстоятельства. Я велел "Форчун и Торндайк" проверить эту информацию, и

агентство подтвердило ее. Так обстояли дела, во всяком случае, до визита его к Вестерну.

— Думаю, сейчас он мужчина на все сто процентов, — задумчиво проговорила Патриция. — Я приоткрыла дверь в коридор и понаблюдала за ним в щелочку. Он определенно не терял времени. Получив отказ у меня, уже через минуту стучался в дверь миссис Бронски. Она впустила его и, насколько мне известно, пока что не отпустила.

Карфакс подмигнул ей:

— Пройдусь по коридору на цыпочках и проверю.

Через несколько минут он вернулся, ухмыляясь во весь рот.

— Пружины на кровати не мешало бы поменять. А как он воспринял твой решительный отказ?

— Это ему не понравилось. Мне даже показалось, что он в состоянии убить меня. Но еще через несколько секунд я получила предложение, сопровожденное улыбкой Горгоны, переспать за тысячу долларов.

Карфакс присвистнул.

— Ну и?..

— Я велела ему убираться ко всем чертям!

— Он, должно быть, сексуальный маньяк, а на тебя и нормальный мужчина не смог бы смотреть равнодушно, когда ты потягиваешься!

— Ты тоже иди ко всем чертям!

— Я уже там был, и мне совсем это не понравилось. Ясно?

— Что же мы будем делать дальше? — успокоившись, спросила Патриция.

— Если бы мы могли как-нибудь воспользоваться этим! Конечно, он уже утолил свой первый голод, но, возможно, увидев тебя, молодую и красивую, снова воодушевится.

Она задохнулась от негодования.

— Ты что же, предлагаешь мне пойти к нему, когда он наиграется с этой старой кобылой?

— Успокойся, — сказал Карфакс. — Я вовсе не собираюсь укладывать тебя к нему в постель. Просто мы могли бы разыграть сценку "внезапное появление ревнивого мужа, которого не ждали". Я мог бы вышибить из него дух, а потом порасспросить кое о чем.

— А он мог бы засадить нас в тюрьму, обвинив в сговоре, нападении и нанесении побоев.

— Вне всякого сомнения, — вздохнул Карфакс. — Я просто размышляю вслух. Мы ведь даже не знаем, что произошло с настоящим Лиффлоном: находится ли он в своем теле, подчиненный разуму эмса, или же отправился в вэмо.

— Я бы не хотела прибегать к насилию.

— Я тоже. Но слишком многое поставлено на карту, чтобы проявлять излишнюю щепетильность. Думаю, стоит попытаться. Что бы ни случилось, Лиффлон вряд ли обратится в суд. Он не захочет, чтобы полиция совала нос в его дела. Даже если ничего нельзя будет доказать, определенные подозрения останутся... Я подумываю о том, чтобы как-нибудь припугнуть Бронски. Она должна быть посвящена во все это. Но вот твердости духа, по-моему, ей не занимать. Даже если я пригрожу ей смертью, это вряд ли поможет — возможно, Вестерн уже пообещал ей новое, молодое тело. Нет, она ни за что не расколется... Кстати, обрабатывая Лиффлона, мы тоже вряд ли чего добьемся.

— Так что же нам делать?

— Сматываться. Прямо сейчас. У меня что-то пропало желание дожидаться его утреннего звонка. Вестерн наверняка пришлет кого-нибудь, чтобы заняться нами. Причем серьезно. Раньше наш братик не обращал на нас особого внимания, но теперь у него появится на то серьезная причина...

Он понимал, что в одиночку они ничего не добьются. Нужно привлечь других людей, более могущественных, которые уже занимают определенную позицию в отношении Вестерна.

Саквояжи все еще были упакованы, оставалось только взять их и выйти отсюда. В "Загросе" уехать невозможно — гараж закрыт. Он вызвал такси, которое будет ждать их через 15 минут на проспекте Виста Гранж, в нескольких сотнях метров от ворот особняка.

Стараясь производить как можно меньше шума, они вышли в коридор, но в тот же момент открылась дверь комнаты миссис Бронски, и на пороге появился голый Лиффлон и сигаретой во рту. Карфакс остановился, Патриция уткнулась ему в спину.

Коридор был освещен только настольной лампой в дальнем конце. Лиффлон, направившийся в свою комнату, не смотрел в их сторону. Но пораженная Патриция издала сдавленный звук, он повернул голову и увидел Карфакса, наполовину скрытого открытой дверью. Спрятаться за ней полностью было уже слишком поздно.

Лиффлон открыл рот, закрыл его и кинулся в свою комнату.

— Он понял, что мы смываемся! — шепнул Карфакс. — Бежим, Пат, быстро!

XVI

Гордон и Патриция бегом спустились по широкой лестнице, скользя одной рукой по перилам, чтобы не упасть в темноте. Входная дверь серым прямоугольником выделялась в дальнем конце вестибюля. Она казалась бесконечно далекой. Не успели они пробежать и половины пути к ней, как в коридоре над ними раздался выстрел. Судя по звуку, это был крупнокалиберный пистолет. Не услышав звука от удара пули где-нибудь впереди, Карфакс решил, что выстрел был предупреждающим. А может, Лиффлон случайно нажал на спуск.

В любом случае, он окажется на верхней лестничной площадке гораздо раньше, чем они проскочат в дверь. Их силуэты послужат отличной мишенью. И, если Лиффлон возьмет пистолет двумя руками, чтобы он не прыгал, и выстрелит с учетом упреждения, то следующая пуля может попасть в кого-нибудь из них. Девятимиллиметровый пистолет — не очень-то точное оружие, но они находятся слишком близко от его дула, чтобы считать себя в безопасности.

Внезапно раздался щелчок выключателя. Вестибюль и примыкающие к нему помещения озарились ярким светом. В тот же момент на верхней площадке появился Лиффлон.

Карфакс схватил Патрицию за руку и потащил направо. Гулко грянул выстрел. Впереди них брызнули осколки мраморного пола. Патриция вскрикнула, выдернула руку и бросилась на пол. Карфакс упал рядом с нею, и они вме-

сте покатились, стараясь спрятаться за большим диваном. Снова прогремел выстрел. Пуля прошла в нескольких сантиметрах над Карфаксом и, срикошетив от пола, ударила в картину. Он выхватил из-за пояса свой трехлинейный револьвер, пополз к дальнему концу дивана мимо бившейся в истерике Патриции, и выстрелил, мгновенно нырнув назад. Три пули подряд прошили диван, на его голову посыпалась набивка.

— Молчи и слушай! — крикнул он Патриции. — Я выстрелю еще раз, а ты тем временем беги в соседнюю комнату!

— Я... я... я боюсь!

— Я тоже, — сказал он и снова пополз к разнесенному пулями концу дивана, обогнул его и выстрелил в Лиффлона, который спускался по лестнице.

Лиффлон упал на бок и скатился на несколько ступенек, но Карфакс не думал, что попал в него. Патриция с воплем, бросив свой саквояж, пробежала несколько шагов и нырнула в дверь. Лиффлон поднялся и, пригибаясь, сбежал вниз, чтобы спрятаться за лестницу. Карфакс дважды выстрелил и перезарядил пистолет, достав патроны из кармана пиджака.

— Что мне теперь делать? — крикнула из соседней комнаты Патриция.

— Встретимся у себя! Беги!

Через несколько секунд хлопнула дверь. Ему оставалось только надеяться, что ей по пути не встретится Йохана. Если Лиффлон не потерял голову, он должен был дать сигнал слуге — должно же существовать переговорное устройство между спальней Лиффлона и комнатой Йоханы.

Еще он жалел о том, что не облегчился вовремя, и теперь переполненный мочевой пузырь болезненно давал о себе знать. Существовала вероятность, что при следующем же выстреле Лиффлона Карфакс пустит струю себе в штаны. Он был напуган, потому что всегда испытывал страх, когда в него стреляли. И прецеденты, подобные тому, который сейчас ожидался, уже бывали.

Позиция Карфакса была неудачной. Лиффлон притаился под лестницей, держа дверь под прицелом — путь к ней был пока отрезан. Карфакс приподнялся и, пригибаясь, метнулся из-под прикрытия дивана к большо-

му креслу, скользнул по мрамору, обжигая руки, и замер. Пистолет Лиффлона четырежды выстрелил, кресло разнесло на куски. Карфакс откатился в сторону, вскочил на ноги и нырнул к огромному буфету из красного дерева. Он не мог служить укрытием от пуль, но закрывал от глаз Лиффлона, а коридор в заднюю комнату находился всего в метрах шестнадцати.

Трудность положения заключалась теперь в том, что Лиффлон будет держать под прицелом вход в прихожую.

— Выбросьте оружие и выходите, заложив руки за голову! — закричал Лиффлон. — Я не хочу убивать вас!

— О'кэй! — крикнул в ответ Карфакс.

Интересно, на самом ли деле Лиффлон считает его таким дураком? Конечно же, ему не имеет смысла убивать, не допросив предварительно. Каким именно будет этот допрос, Карфакс представлял себе довольно отчетливо. Вестерн и его подручные явятся сюда со всем положенным реквизитом — маленькими острыми ножничками, лучинками и прочей дрянью. О, он не станет упираться — если только они его поймают.

Оставалось только одно — хотя бы частично приподняться, выстрелить в Лиффлона, чтобы сбить прицел, а затем шмыгнуть в прихожую. Или метнуться в противоположном направлении, чего Лиффлон не ждет. У этого чудесного плана был только один недостаток — придется преодолеть довольно большое расстояние.

Карфакс, честно говоря, предпочел бы оставаться на месте, но это только отсрочило бы неизбежное. Он сцепил зубы, чтобы унять дрожь, понадеялся на то, что руки и ноги не будут трястись, и поднялся.

Как только его голова показалась над спинкой кресла, он увидел, что Лиффлон тоже подымается, и поднял револьвер обеими руками, в то время как Лиффлон, также с помощью обеих рук, поднимал свой.

Впоследствии Карфакс долго размышлял, кто же в кого попал бы. Но тут справа прогремели один за другим несколько выстрелов. Он резко обернулся, ожидая увидеть Йохану в двери, через которую выскочила Патриция, но никого не увидел.

Обойма должна была когда-нибудь закончиться. Он был слишком возбужден, чтобы считать выстрелы. Пальба, ка-

залось, длилась бесконечно, хотя на самом деле все завершилось в считанные секунды. И в наступившей тишине истерически зарыдала Патриция.

Лиффлон лежал на спине. Три ступеньки были разбиты вдребезги, пол вспахан пулями, а в стене зияли три отверстия.

Сверху истошно закричала женщина. Карфакс поднял голову и увидел миссис Бронски, голую и невооруженную, держащуюся за перила и глядящую на Лиффлона.

— Патриция! — позвал он. — Я иду, не стреляй!

Она выбежала в вестибюль, бросилась в его объятия и затряслась в рыданиях. Он отодвинул ее от себя и осмотрел. Платье и обе руки были забрызганы кровью.

— Ты ранена?

— Нет. Это не моя кровь, — всхлипнула она.

Какую-то минуту он никак не мог понять, а потом догадался — Йохана.

— Как это произошло?

Она пыталась рассказать, но он мало что понял и глянул наверх. Миссис Бронски там уже не было.

— Потом расскажешь, — велел Карфакс. — Пошли. Она, может быть, отправилась за пистолетом.

Держа в правой руке револьвер, а левой крепко сжимая руку Патриции, он пошел к двери, не спуская глаз с лежащего Лиффлона. Ему не нравилось, что он не видит пистолета. Когда она приблизились к двери, пистолет стал виден — он валялся на полу возле вытянутой руки своего хозяина.

— Йохана мертв?

— Да. Меня вот-вот вырвет.

— Не стесняйся, — сказал он. — А я пойду наверх проверить Бронски.

— Я не пойду одна в кухню.

Она была очень бледна, дрожала и явно должна была вырвать.

— Никуда не ходи. Возьми вон ту большую вазу на буфете. Или прямо на пол. Я извинюсь перед хозяином.

Патриция посмотрела на него как-то странно и рванулась к вазе. Он подошел к подножью лестницы и осмотрел Лиффлона.

Только одна из двенадцати выпущенных Патрицией пуль попала по назначению, но и этого оказалось доста-

точно — она вырвала кусок плеча и отшвырнула Лиффлона почти на три метра. Пол вокруг него покрывало кровавое месиво из плоти и костей. Кто бы ни прятался в этом теле, он вернулся туда, откуда недавно вышел. А Карфаксов будут обвинять в убийстве. Кто поверит их рассказу?

Обойма в пистолете убитого оказалась полной. Он опустил оружие в карман пиджака и поднялся по лестнице. Наверху было тихо, коридор оказался пустым. Карфакс осторожно заглянул в комнату Лиффлона — никого. Затем, прокравшись дальше, приложил ухо к двери миссис Бронски. Она что-то взволнованно, но тихо говорила, судя по всему — Вестерну.

Он легонько потрогал ручку. Заперто. Бронски, должно быть, следила за дверью, потому что сразу замолчала.

Отступив назад и в сторону, Карфакс громко и повелительно произнес:

— Выходите! Я ничего плохого вам не сделаю, только задам несколько вопросов.

— Убирайтесь! — закричала Бронски.

В голосе ее звучал страх. Будь он на ее месте, ему тоже было бы страшно.

В коридоре появилась Патриция, вооруженная двумя отвертками, молотком и ломиком. Он приложил палец к губам, поманил ее жестом и, забирая инструменты, шепнул:

— Смой кровь со своего платья.

— А что делать с кровью на твоем пиджаке?

Только теперь Карфакс заметил, что пиджак испачкан — видимо, прижимаясь к нему в вестибюле, Патриция вымазала его.

— Черт!

Он снял пиджак и передал ей, она тотчас исчезла в комнате Лиффлона, а он начал возиться с петлями.

Бронски не оставила это безнаказанным. Шесть пуль пробили дверь. Шурупы вывинчивались с немалым трудом, но сдались. Карфакс вставил кончик лома в промежуток между рамой и стеной. В двери появилось еще четыре отверстия.

Теперь обойма была пуста, а на перезарядку пистолета требуется всего несколько секунд. Если она знает, как это делается. Судя по всему, знает.

Дверь слегка подалась вправо. Он низко пригнулся, обхватил ее двумя руками и приподнял, оттягивая на себя. В тот же момент подряд прозвучали четыре выстрела. Какое-то мгновение, наполовину придавленный дверью, Карфакс представлял из себя прекрасную мишень, но Бронски не разобралась в ситуации, и он успел отскочить.

— Выбросьте пистолет, Бронски, и выходите с поднятыми руками! Иначе я подожгу дом и буду ждать вас снаружи!

Сама по себе эта мысль была неплохой, если не учитывать обязательного в таком случае появления полиции. Пепел будет просеян, пули трехлинейного револьвера идентифицированы... Люди Вестерна тоже быстро докопаются до истины, но не станут, по крайней мере, уведомлять полицию. Этот вариант предпочтительнее.

Предположим, это дело будет распутывать Вестерн. Скорее всего, Бронски успела описать Карфаксов. В таком случае он постарается избавиться от улик, и полиция найдет на месте происшествия только два тела и множество пулевых отверстий. А может, и тел не останется — Вестерну ничего не стоит закопать их где-нибудь в пустыне.

— Я принес керосин из гаража, Бронски! — крикнул он. — Оболью им весь коридор, а затем брошу горящую банку в вашу комнату!

Она никак не отреагировала, и ему внезапно пришло в голову, что теперь, когда дверь открыта, выходящая из дверей Лиффлона Патриция станет прекрасной мишенью. Словно в ответ на его мысли, в комнате напротив зажегся свет. Карфакс похолодел. Если только Бронски не сдастся...

— Я уже вынул спички!

— Но я не ощущаю запаха керосина! — твердо заявила Бронски.

Он ругнулся про себя, но не мог не восхититься ее хладнокровием. Крепкий орешек!

— Считаю до трех! Выбрасывайте в коридор пистолет, или я зажигаю спичку!

Уже не приглушая голоса, она описывала обстановку Вестерну. Интересно, как близко находятся сейчас его головорезы?

— Один!

Бронски замолчала.

— Два!

Тихо.

— И...

Он бросился вперед, стреляя в силуэт, четко вырисовывающийся на фоне окна.

Грянул всего один ответный выстрел, и силуэт исчез.

Гигантским прыжком Карфакс метнулся за громоздкое кресло, едва соображая, что штаны его насквозь мокрые. Из комнаты Лиффлона донесся встревоженный голос Пат, но он не ответил, опасаясь голосом выдать свое местонахождение. Потом наступила тишина. Карфакс дышал так тяжело, что не мог вслушаться в дыхание Бронски, если она еще дышала. У него не было уверенности, что он попал в нее.

Он снял с руки часы и швырнул их через всю комнату. Они громко ударились обо что-то, но ожидаемой реакции не последовало. Вряд ли Бронски была настолько хладнокровна, что подавила в себе желание выстрелить на звук.

Нужно было действовать — люди Вестерна могли быть уже совсем близко. Карфакс осторожно приподнялся.

Свет лампы в конце коридора падал через дверь на пол, освещая только ножки кресла и ковер. Небо снаружи было затянуто облаками, однако свет от уличного фонаря, горящего за оградой особняка, проникал через окно. Карфакс увидел, что на полу у стены что-то белеет.

Это было обнаженное тело Бронски.

Он быстро подошел к ней (осторожничать было уже поздно), склонился и пощупал пульс. Она была мертва. И ничего удивительного — пуля вошла точно в солнечное сплетение.

Хорошо, что Бронски решила сражаться до конца. Даже если бы она сдалась, ее пришлось бы убрать, а он не был уверен, что смог бы это сделать. Этого требовала логика. А Карфакс, подобно большинству людей, нередко очень трудно повиновался логике.

— Выходи, Пат, — позвал он. — Нам нужно поторапливаться.

Через пять минут, найдя ключи от гаража в квартире Йоханы, они ехали в "Загросе" вниз по Фрееберд Лэйн. Карфакс не без колебаний выехал на эту улицу, опасаясь

столкнуться с агентами Вестерна. Конечно, лучше было бы перебраться через забор с задней стороны дома и попытаться скрыться пешком, но у них было мало времени.

Они проехали мимо такси, поджидающего их и, когда оно скрылось из виду, Карфакс дал полный газ. Машина легко набрала свои максимальные 60 километров в час, и они проехали пять кварталов, после чего он сбросил скорость, чтобы не привлекать внимания полицейских патрулей. Когда "Загрос" достиг конца Виста Грэйндж Роуд, мимо проехали четыре машины, в каждой из которых сидело по четыре человека. Возможно, это разъезжались участники затянувшейся вечеринки, но Карфакс так не думал. Обыскав дом Лиффлона, эти люди припомнят проехавшую навстречу им одинокую машину и, по меньшей мере, один автомобиль отправится в погоню.

Однако у Карфаксов было достаточно времени, чтобы уйти. Выехав на скоростную полосу, Гордон на максимальной скорости домчался до станции монорельсовой дороги. Бросив машину, они сели в экспресс, направляющийся в Вудлэнд Хиллз, затем пересели в другой, следовавший в Сиерра-Мадре, вышли на второй остановке и десятью минутами позже уже были у себя в мотеле.

Карфакс налил Пат и себе по высокому бокалу виски.

— Очень помогает успокоить нервы, — улыбнулся он, — и заглушить совесть. А теперь расскажи мне, что же произошло с Йоханой?

— Это было ужасно, — вздохнула Пат и опять побледнела. — Просто ужасно. Я выскочила из дверей кухни, как ты мне велел, и сразу увидела спускающегося по лестнице рядом с гаражом Йохану. У него был пистолет, и я моментально нырнула обратно, прежде чем он меня заметил, схватила с полки большой нож и притаилась в прихожей снаружи кухни. Меня охватила такая дрожь и слабость, что я боялась выронить нож и не была уверена, что смогу причинить Йохане какой-либо вред. Удерживая нож обеими руками, я, в тот момент, когда он переступил порог, ударила его изо всех сил в живот. Он выронил пистолет и отшатнулся назад, схватившись за нож, но я не выпускала его из рук. Потом Йохана начал медленно падать, и нож вышел из его тела. Он умер, не проронив ни звука, даже не застонав.

— Умница, — похвалил Карфакс. — Полагаю, ты перевела предохранитель.

— Что?

— Предохранитель на пистолете. Иначе ничего не произошло бы, сколько бы ты ни давила на спусковой крючок.

Она смотрела на него с ужасом.

— Я читала об этом, но, клянусь, напрочь забыла. Просто держала пистолет обеими руками и нажимала на спуск. Первый раз я взяла слишком низко, но пистолет сам стал подскакивать у меня в руках.

— Одно попадание из двенадцати — совсем неплохо, — улыбнулся Карфакс. — В любом случае, достаточно одного.

Он опрокинул бокал и едкий запах пороха, наполнявший его ноздри с того самого момента, когда началась пальба, куда-то исчез.

— Я намерен сбросить с себя эту вонючую мокрую одежду и принять душ. Оставить тебе кран открытым?

— Пожалуйста, — ответила она.

Карфакс смотрел на нее встревоженно. Выражение ее лица стало каким-то мечтательно-отрешенным. Когда он вышел из ванной, она спала на кровати, полностью одетая, все с тем же выражением на лице. Бокал ее был пуст. Он налил себе еще один, лег рядом и задумался.

Скоро наступит завтра. И, судя по всему, ничего хорошего оно не принесет.

На рассвете он проснулся от стонов и криков о помощи Патриции. Разбудив ее, сжимал в объятиях, пока она, всхлипывая, рассказывала приснившийся кошмар: она играет с куклами в спальне, в доме своего детства, и вдруг открывается дверь на чердак, и оттуда выползает что-то черное, бесформенное...

— Ты в безопасности, не волнуйся, — шептал он, гладя ее по голове.

— Я уже никогда не буду в безопасности, — тихо ответила она, но сравнительно быстро успокоилась в снова заснула.

Ему же заснуть не удалось. Промучившись в постели с полчаса, он решил подняться.

В девять часов Патриция резко села на кровати и уставилась на него так, словно видела впервые. Он пожелал

ей доброго утра, предложил чашку кофе и, пока она пила, рассказал о том, что передали в утреннем выпуске новостей:

— В 6 часов 30 минут в полицию поступил анонимный звонок. Некто сообщил, что в доме Лиффлона убито три человека. Полиция, прибыв на место, обнаружила много крови и пулевых отверстий, но трупов не нашла.

— Почему Вестерн заявил в полицию? — удивилась Патриция.

— Заявил не он, — улыбнувшись, сказал Карфакс. — Это я сходил к видеофону на углу и позвонил в полицейский участок района Норс Пасифик Палисэйдс, потому что умирал от любопытства. Могло бы пройти несколько дней, пока садовники или женщина, убирающая дом, наткнулась бы на трупы. Но я предвидел, что люди Вестерна к моменту моего звонка могут уже убрать тела.

— И что теперь?

— Теперь Вестерн не сможет выдать нас полиции, ибо тем самым привлечет к себе внимание. Он будет сам за нами следить. А мы должны и можем привлечь к этому делу противников Вестерна. Список предполагаемых кандидатов получится очень длинным, нам только нужно выбрать наиболее могущественных и безжалостных из них.

— Значит, тайная война?

— Да. Но только в начале. Когда улик наберется достаточно, тогда можно будет выступить открыто.

— Да. Но только в том случае, если Вестерн не настолько могуч, чтобы раздавить нас. После чего никто не отважится бросить ему вызов.

— Надеюсь, что тебя минуют лавры Кассандры. Хочешь еще кофе?

XVII

После завтрака Карфакс пошел в кабину на улицу и позвонил в агентство. Ему назначили встречу с одним из агентов в кофейной лавке. Он отправился туда, прихватив с собой записи голоса Лиффлона, и передал их агенту вместе с письмом в запечатанном конверте.

Через два часа официантка позвала его к телефону.

— Привет, Рамус.

Это было условное имя, которым его называли в "Форчун и Торндайк" на тот случай, если Вестерн прослушивает телефонные разговоры агентства.

— Привет.

— Это определенно не он.

— Я так и думал. Вы можете выслать фонограммы почтой по указанному мной адресу?

— Да.

— Большое спасибо. Вы мне очень помогли. Вы знаете, куда направить счет.

— Конечно. Желаю удачи.

— Это как раз то, что мне очень нужно, — ответил Карфакс и нажал клавишу прекращения разговора.

Теперь во всем мире на нашлось бы безопасного места, а Лос-Анджелес был, пожалуй, самым опасным. В 14.14 они вышли из мотеля, не выписавшись. Карфакс, однако, договорился, что расплатится за них агентство. Оно же забрало "Загрос" на станции монорельсовой дороги и вернуло его в бюро проката.

Проехав немного на такси, Карфаксы сели в монорельсовый экспресс, совершили несколько пересадок и сошли в Сакраменто. Отсюда они вылетели в Сент-Люис, воспользовавшись удостоверениями личности, которыми снабдили их в "Форчун и Торндайк". Карфакс написал письмо в агентство, поблагодарив за оказанную помощь и расторгнув договор, решил, что будет лучше, если даже оно не будет знать о его местонахождении.

Затем на монорельсовом экспрессе они отправились в Бусирис и зарегистрировались в одном из пригородных мотелей с помощью фальшивых удостоверений. Чтобы избежать проверки кредитных карточек, расплатились наличными. Это вызвало недоуменный взгляд дежурного администратора, но, в соответствии с мировоззрением Карфакса, от таких взглядов еще никому плохо не стало. Один день он провел в Бусирисе — договорился, чтобы за его домом и участком присматривали и дальше, и переговорил по телефону с ректором Трайбелльского университета, который был, естественно, расстроен, что Карфакс пропустит еще целые полсеместра. Гордон очень извинял-

ся, налегая на серьезные причины личного характера. Впрочем, если Чамберс сочтет нужным уволить его, то пусть поступает по своему усмотрению.

Он едва не поддался мимолетному побуждению заглянуть к себе домой. Это было бы похоже на возвращение в материнскую утробу — в безопасность, тепло, уют... Так хотелось хоть на какое-то время забыть обо всем этом кошмаре, удобно развалившись в кресле на веранде. Но Карфакс устоял перед этим искушением. Он не мог позволить себе ни малейшего риска.

На следующий день они отправились в Дейтон, штат Огайо, где Карфакс позвонил Ричарду Эмерсону из конторы "Манхаттен и Джилфорд" в штате Массачусетс. Мистер Эмерсон был очень известным и очень богатым католиком, чье мнение о Вестерне уже стало легендой. Карфакс пробился к нему, не называя себя, при помощи волшебного слова "Медиум". Сказал, что располагает определенной информацией, которая разоблачает Вестерна как убийцу и угрозу для человечества. Нет, он пока не может назвать свое имя, поскольку Вестерн убьет его.

Эмерсон, может быть, и счел Карфакса помешанным, но согласился встретиться с ним через четыре дня в новом "Стайвизант-отеле". И предупредил, что расскажет об этом звонке одному человеку.

— Своему зятю, Роджеру Лангеру, сенатору от штата Нью-Йорк, — объяснил Карфакс Патриции. — Убедив Лангера, мы привлечем на свою сторону очень влиятельного человека. Он и президент — злейшие враги, но президент к нему прислушивается. Возможно, это будет первым случаем, когда их мнения по одному и тому же вопросу совпадут. Но нам нужно собрать дополнительные доказательства. Одного случая с Лиффлоном будет недостаточно, чтобы убедить президента.

— А Лангер не выдаст нас полиции, узнав об убийстве Лиффлона?

— Нет. Этот случай перетягивает на весах.

Карфакс решил не делиться с ней своими мыслями насчет вероятности сохранения своих собственных жизней, равной, по его мнению, почти нулю, принимая во внимание тот факт, что наемные убийцы могут не так уж дорожить своими смертными телами, если (а он был в

этом фактически уверен) Вестерн пообещал им новенькие, более молодые и красивые.

Ему хотелось убедить Патрицию пока исчезнуть. И в то же время не хотелось. Он полюбил ее. И понимал, что она категорически откажется оставить его одного.

Он включил телевизор как раз вовремя, чтобы узнать, что час назад Вестерн сообщил о введении в эксплуатацию в комплексе Мегистуса нового "Медиума". В девятичасовом вечернем выпуске новостей диктор объявил, что во всех крупных городах Северной Америки в ближайшем будущем также будут установлены новые "Медиумы", и что уже ведутся переговоры об установке их во многих зарубежных городах.

Затем последовало короткое интервью сенатора Грэя от штата Луизиана.

Ведущий:

— Каково ваше мнение в отношении планов Вестерна соорудить множество новых "Медиумов"?

Сенатор:

— Думаю, что "Медиум" все еще будет доступен только очень богатым людям. А это, как я уже неоднократно подчеркивал, является вопиющей несправедливостью. Любой человек имеет полное право общаться со своими возлюбленными усопшими, и отсутствие денег не должно являться препятствием. "Медиум" должен служить всем и каждому, пусть даже на это потребуется государственная субсидия. Но у меня есть гораздо лучшее предложение, которое вовсе не увеличит государственный долг. Я за то, чтобы поместить "Медиум" под государственный контроль и снизить плату за пользование им. Не думаю, что существуют причины для столь непомерных гонораров. Вестерн не может более оправдывать их колоссальным потреблением электроэнергии — по его собственным словам, "Медиум" может черпать ее непосредственно из вселенной усопших.

Ведущий:

— Кстати, о бесплатной электроэнергии. Как отразится она на нашей экономике? И кто будет осуществлять контроль?

Сенатор:

— Мистеру Вестерну еще нужно доказать свое заявление в отношении этой так называемой бесплатной элек-

троэнергии. Ничто, как мы все понимаем, не дается даром. Если же "Медиум" действительно может стать источником почти бесплатной... лучше сказать — очень дешевой энергии, то правительства штатов и федеральное правительство заберут его под свой контроль. Что же касается воздействия на экономику, то в настоящий момент я еще не готов к тому, чтобы сделать какое-либо определенное заключение на сей счет. Моя комиссия занимается этим вопросом, и ее выводы будут обнародованы через несколько месяцев. Разумеется, все это будет чисто теоретическими рассуждениями.

Ведущий:

— Ходят слухи, что федеральное правительство, возможно, будет за национализацию промышленности по производству электроэнергии, если заявление мистера Вестерна отражает действительность.

Сенатор:

— Слухов ходит много, но большая часть их — фантастика чистой воды. Тем не менее, даже во всепланетном масштабе воздействие будет колоссальным. У слаборазвитых стран появится неограниченное количество энергии, и это решит многие их проблемы. Америка, безусловно, окажется в невыгодном положении, если будет продолжать пользоваться ископаемым горючим и атомными реакторами. А мы не можем себе этого позволить.

* * *

— Ему ты тоже собираешься рассказать о Лиффлоне? — спросила Патриция.

— С ним приходится считаться, — ответил Карфакс. — Возможно, он станет следующим президентом.

* * *

Через три дня, в полночь, Карфаксов допустили к Ричарду Эмерсону в "Стайвизант-отель". Вооруженная охрана тщательно следила, чтобы никто из посторонних лиц не проник на снимаемый им этаж.

Эмерсон оказался высоким, представительным мужчиной с тонкими губами и лбом мыслителя. Сенатора

Лангера, с ростом, превышающим два метра, телосложением баскетбольного центрового и роскошной огненной шевелюрой, Карфакс узнал сразу — тридцатисемилетний зять Эмерсона часто выступал по телевидению.

Их представили под фамилией Рамус, хотя и Эмерсон, и Лангер знали, кем они являются на самом деле. Карфакс выпил предложенное виски, закурил сигару и начал свой рассказ. Когда он закончил, были просмотрены собранные документы. Затем люди, не привыкшие молчать, долго не произносили ни слова.

Первым заговорил сенатор Лангер:

— Я верю вам. Приведенных здесь фактов достаточно, чтобы убедить меня. Но нужно раздобыть их намного больше, чтобы сделать все это достоянием общественности. Я сразу же примусь за дело. Это — самая опасная из угроз, с которой когда-либо сталкивалось человечество. У нас есть список всех клиентов Вестерна, допущенных в помещение, где установлен "Медиум".

— Я предлагаю сопоставить сведения об оплаченных сеансах с действительно проведенными. Полагаю, таким образом мы выйдем на людей, оплачивающих переселение душ, — сказал Карфакс.

— Мы также наведем подробнейшие справки о лицах, которые унаследовали собственность скончавшихся клиентов, — добавил Эмерсон. — Определим их действительные права на наследство, и в случае отсутствия таковых, сможем с уверенностью обвинить их в соучастии.

— Еще необходимо провести кропотливую работу по выявлению жертв, телами которых овладели эмсы, — высказал свою точку зрения Карфакс. — Для этого необходимо достать записи их речи...

— Не учите бабушку уму-разуму, — улыбнулся Лангер.

— Я просто пытаюсь помочь, — пояснил Карфакс.

Да, неплохо такого человека иметь своим сторонником, но придется мириться с его манией величия.

— Ладно, ладно, — засмеялся Лангер, поднимая руки вверх. — Сдаюсь. Интересно, — повернулся он к Эмерсону, — сколько сеансов с "Медиумом" провел губернатор Саймонс?

Вопрос, по-видимому, был чисто риторическим, поэтому Карфакс ничего не ответил, но Эмерсон внезапно побледнел.

— Он — возможный кандидат на пост президента, — добавил Лангер.

— Уж не думаете ли вы, что в него кто-нибудь вселился? — спросил Эмерсон.

— Не знаю, — задумчиво произнес Лангер. — Насколько мне известно... то есть как мне кажется — нет. Никто другой, не имеющий такого опыта, не смог бы столь хорошо выполнять его обязанности, чтобы оставить подмену незамеченной.

— А если овладевший телом в прежней своей жизни был искушенным политиком? — заметил Карфакс. — Вестерн не стал бы вселять в тело Саймонса политически неопытного человека. Он слишком умен.

— Насколько я понимаю, — сказал Эмерсон, — вы продолжаете настаивать на том, что эмсы являются существами, с какой-то целью разузнавшими все о людях, за которых себя выдают?

— Да, но все дело в том, что они и ведут себя, как люди. И вполне естественно, что о них говорят и думают так, словно они на самом деле являются людьми.

— Кем бы они ни были, я знаю, кем является Вестерн — предателем живых! — резко произнес Лангер. — И сделаю все возможное, чтобы он понес наказание, подобающее предателю!

— Но у нас нет соответствующего закона, — напомнил Карфакс.

— Тогда, ради всего, что для нас свято, мы создадим такой закон! И Вестерн будет повешен!

Патриция смотрела на сенатора расширенными глазами. Карфаксу тоже было немного не по ебе, но он не сильно удивился.

Лангера считали, причем совершенно заслуженно, ярым защитником гражданских прав среди американских законодателей. Но сейчас он был человеком, лицом к лицу столкнувшимся с чудовищным преступлением. Он должен был думать о конфликте, к которому применимы законы военного времени — если противника можно победить, только уничтожив его, то чем скорее удастся это сделать, тем лучше.

Не было никаких сомнений в том, что Вестерн придерживается точно такой же философии.

Но такой взрыв эмоций, не свойственный этому человеку, казался, по меньшей мере, странным.

— Вы должны исчезнуть, — сказал Эмерсон. — Все равно ваше присутствие здесь пока бесполезно. Я предлагаю вам отправиться в длительное путешествие. Ну, скажем, в Европу или Южную Америку.

Карфакс переглянулся с Патрицией.

— У нас нет денег.

Эмерсон уладил это одним взмахом своей сигары.

— За все заплачу я. Тысяча долларов в неделю на каждого плюс все дорожные расходы. Устроит?

— Но мы ничего не сделали, чтобы заработать такие деньги! — воскликнула Патриция.

— Не волнуйтесь. Отработаете каждый цент в свое время.

— Но в этом деле замешаны личные интересы нас обоих, — вмешался Карфакс. — У Патриции, например, есть обоснованные притязания на "Медиум". Поэтому нам не хочется никуда исчезать.

— О, я вовсе не сомневаюсь, что она является законным владельцем, — сказал Эмерсон. — Но отец ее пока что это отрицает, и тут уж ничего не поделаешь.

— Я не думаю, что он все еще находится во вселенной эмсов, — медленно отчеканил Карфакс.

Патриция вытаращила глаза:

— Что?

— Что? — эхом отозвался Эмерсон.

— Единственный способ, с помощью которого можно было заставить дядю Руфтона солгать — это обещание предоставить ему новое тело. Сейчас он, возможно, уже работает на Вестерна в другом обличьи.

— Значит, вы полагаете, что он, зная местонахождение Патриции, попытается связаться с нею?

— Вы очень догадливы. Но я не намеревался воспользоваться этим, во всяком случае, добровольно. Это нужно еще хорошенько обдумать. Разве справедливо будет по отношению к Патриции подвергать ее опасности в качестве простой приманки?

— И пойдет ли на это Патриция? — вклинилась она. — Вы рассуждаете так, словно меня здесь нет!

— Ну, хорошо, — улыбнулся Карфакс. — Пойдешь ли ты на это?

— Обязательно! Если удастся снова увидеть отца... Только вот на самом деле я увижу вовсе не его... Он ведь в другом теле...

— Послушайте, Гордон, — сказал Лангер. — Конечно же, Руфтон Карфакс стал сообщником Вестерна, чтобы вернуться к жизни. Но он должен ненавидеть своего убийцу. И обязательно сделает все, чтобы разоблачить его.

— Вполне возможно, — согласился Карфакс. — С другой стороны, Вестерн должен догадываться об этом, и поэтому будет внимательно следить за дядей. Один неверный шаг, и — хлоп — он снова мертвец.

— Но, может быть, Вестерн не сдержал еще своего обещания, — сказал Эмерсон.

— Тоже возможно. Но есть только один способ проверить наши предположения, — сказал Карфакс. — Кроме всего прочего, могу добавить, что, как мне кажется, Вестерн не смог бы обойтись в своей работе без помощи дяди. Судя по всему, идея использовать "Медиум" в качестве источника энергии принадлежит именно Руфтону Карфаксу.

— Очень хорошо, — произнес Эмерсон. — Не станем посылать вас за границу. Считайте, что вы получили повышение. Отныне каждый из вас будет получать по три тысячи в неделю плюс расходы на переезды, о'кэй?

— Если Патриция согласна, то и я не буду возражать.

— Я готова приступить к работе хоть сейчас! — выпалила она.

— Прекрасно. Мы тоже начинаем.

Прощаясь, Карфакс с грустью подумал о тех временах, когда был сам себе хозяином.

XVIII

На следующее утро Карфаксы уехали в Джилфорд, где им был предоставлен дом рядом с имением Эмерсона. Его охраняли три человека, сменяясь каждые восемь часов.

На другой день они встретились с Артуром Смайли — адвокатом, которого рекомендовал Эмерсон и услуги кото-

рого сам же оплачивал. Через неделю Смайли составил иск.

— У нас нет никаких шансов, но суть не в этом, — сказал Карфакс адвокату. — Это так — предупредительный выстрел. Теперь к Вестерну будет привлечено внимание.

Смайли частично был посвящен в их планы, но не подозревал о том, что Руфтон Карфакс, возможно, жив. Этого не должен был знать никто, кроме небольшой группы избранных. Иначе воскрешенному ученому пришлось бы вернуться во вселенную эмсов, зародись у Вестерна хоть малейшее подозрение.

Еще через несколько дней Лангер на совещании в доме Эмерсона сообщил, что его агент проверяет основной персонал Мегистус-комплекса.

— У него есть полное описание привычек Руфтона Карфакса и специфических черт его характера. Он записывает все голоса, чтобы мы могли сравнить их с записью вашего дяди.

— А как давно ваш агент находится на службе у Вестерна? — спросил Карфакс.

— Первый погиб, когда Хоувелл взорвал особняк, — ответил Лангер. — Это была миссис Моррис, секретарша Вестерна. Второго агента мы заслали после того, как стало известно, что из себя представляет комплекс Мегистуса. Это было очень нелегко сделать — у Вестерна мощнейшая служба безопасности.

— А откуда вам известно, что у него нет агента в вашей организации?

— Как раз это нам и неизвестно. Так что в план посвящены только мы четверо.

— Четверо? Но ведь агент стал пятым?

— Он не знает, кого ищет. У него на руках только перечень инструкций.

— Все равно мне это не нравится, — покачал головой Карфакс. — А что в отношении переселения душ?

— Мы выявили один безусловный и три возможных. Два месяца тому назад миллионер Джеральд Гребски потерял во время сеанса сознание. Агент видел, как его унесли на носилках. И выяснил, что Гребски в тот же вечер был положен в больницу Мегистуса на обследование.

Уже на следующий день он как будто оправился, но домой не поехал, а оставался в течение недели в одной их комнат комплекса, причем его видели очень редко. Агент разузнавал, что миллионер страдал головокружением, нарушением координации рук и ног, в некотором роде — нарушением речи. В то время мы еще понятия не имели о возможности переселения душ, и информация эта поступила в порядке обычного отчета о происходящем. Сейчас она представляется уже в ином свете, и я приставил к Гребски несколько своих людей. Они сообщают, что сейчас он находится в отличной форме.

— Как и Лиффлон, — задумчиво произнес Карфакс. — Он тоже провел в комплексе около недели.

Лангер нахмурился, сердясь, что его прервали.

— Да. Это не совпадение. По-видимому, эмсу требуется некоторое время, чтобы освоиться в новом теле, научиться им управлять, усвоить манеру поведения его прежнего владельца. Однако, наблюдение и речевая экспертиза показали, что в данном случае переселение души имеет место на все сто процентов. Отчеты о других троих — двух женщинах и мужчине — еще не завершены.

— А когда же у вас будет отчет о моем отце? — нетерпеливо вклинилась в разговор Патриция.

— Как только агент сможет доставить его сюда. Ему разрешается отлучаться только на уик-энды, причем выходу из комплекса предшествует тщательный обыск. Поэтому за раз он может передавать только малую толику полученных данных. И учтите, пожалуйста, что проверка всех до единого сотрудника комплекса занимает много времени и еще не окончена.

— Не слишком обольщайся, — одернул Патрицию Карфакс. — Мы не знаем, предоставлено ли твоему отцу новое тело, а если и предоставлено, то его могли услать куда-нибудь подальше.

Про себя он по привычке подумал, что это вовсе не дядя Руфтон, а какая-то штука, выдающая себя за него. И еще Карфакс знал, что существует еще один аспект проблемы, о котором она пока не думает — когда дело подойдет к завершению, что будет с Руфтоном Карфаксом? Останется ли в его распоряжении тело, на которое он не имеет права? Или оно вернется прежнему владельцу? Это

будет почти равносильно убийству. Если эмс не просто подавляет разум, а вытесняет его, то вполне логично, что при помощи той же машины можно все вернуть на свои места. Но о механике вторжения эмса в тело человека пока что ничего не известно. Во всяком случае, никому, кроме Вестерна. Что, если обмен можно совершить только один раз? Что делать тогда с эмсом-захватчиком? Посадить его в тюрьму? Ну ладно, будет принят такой закон. Но что это даст? Ведь современное уголовное право предусматривает не наказание, а исправление преступника!

Совещание окончилось быстро, поскольку Лангер был очень занятым человеком. Гордон и Патриция побродили еще некоторое время по дому и саду, но чувствовали себя довольно неуютно среди незнакомых и влиятельных гостей Эмерсона, к тому же за ними следом неотступно ходили три охранника. Они решили отправиться домой.

Один из охранников, Чентес, вел машину. Рядом с ним сидел второй, Жардин. Третий, Брехт, расположился рядом с Карфаксами. Во втором автомобиле, который последовал за ними, как только они выехали на узкое местное шоссе, были еще трое — эта машина всегда сопровождала их, когда они направлялись к Эмерсону.

День был погожим, ярко светило солнце, стебли кукурузы, росшей по обеим сторонам дороги, выглядели как солдаты на параде. В другое время Карфакс чувствовал бы себя в приподнятом настроении, но сегодня на душе у него было муторно.

Ему не нравилось, что они ведут, по сути, праздный, бесполезный образ жизни. Он соскучился по друзьям, по нормальному человеческому существованию. Они с Патрицией становились все более раздражительными от слишком тесного общения. Если бы можно было разлучаться хотя бы на несколько часов ежедневно...

Машина мчалась по кривой со скоростью 50 километров в час, когда метрах в 250 впереди показался огромный паровой грузовик с прицепом. он перегораживал не только шоссе, но и обе обочины. Водитель и, по всей видимости, его напарник, стояли на дороге. Чентес выругался и нажал на тормоз. Задний автомобиль тоже притормозил, чтобы не ткнуться в их багажник.

— Стой! — закричал Карфакс. — Это, возможно, ловушка!

И выхватил свой 7,92-миллиметровый пистолет. Глядя на него, Жардин потянул с пола автомат, а Брехт достал крупнокалиберный револьвер. Пистолет Патриции лежал у нее в сумочке, но она даже не пошевелилась, чтобы достать его. Ее словно парализовало.

Автомобиль со скрипом остановился, соскользнул на обочину, его передняя половина вылезла на встречную полосу. Карфакс посмотрел назад.

Из-за поворота выезжал еще один огромный паровой тягач.

— Западня! — завопил он.

Раздался скрежет тормозов, и грузовик, буксуя, остановился, заблокировав шоссе. Дверь кабины открылась, водитель исчез позади машины. Карфакс посмотрел вперед и увидел, что двое у первого тягача тоже бегут за свой грузовик.

У них недостаточно людей, чтобы одолеть нас, подумал он, если только никто не прячется в закрытых кузовах или в кустах вдоль дороги.

Чентес связался по телефону с полицейским постом в десяти километрах от дома Эмерсона. Жардин и Брехт вышли из машины. Сзади хлопнули дверцы — из второго автомобиля выскочили охранники. Карфакс хотел присоединиться к ним, но Чентес приказал:

— Вы остаетесь здесь!

Возможно, эта мысль была сама по себе и хороша, если машина пуленепробиваема, и в том случае, если людям Вестерна неизвестно, что это не так. Вполне возможно, что как раз сейчас они целятся в нее из противотанкового ружья.

Однако, если в кузовах были люди, они бы выскочили из них. Но этого не произошло. Оба грузовика, казалось, были брошены, а водителей нигде не было видно.

Он открыл окно, высунулся и позвал:

— Эй, Чентес! Вы видите водителей!

Чентес вышел на обочину, приложил руку козырьком к глазам и выругался.

— Они несутся как угорелые к нескольким легковым машинам, которые только что показались!

Карфакс распахнул дверь и пулей вылетел из машины.

— В кусты! — крикнул он. — Скорей! В этих грузовиках должна находиться взрывчатка!

За ним следом выскочила Патриция. Охранники какую-то секунду глядели на него, затем рассыпались кто куда. Он ухватил Патрицию за руку и поволок к речушке, проходящей метрах в сорока от дороги. Между нею и дорогой стоял ряд платанов, посаженных еще дедом Эмерсона. Через несколько секунд Карфакс и Патриция скатились по илистому склону в воду. Тяжело дыша, Патриция открыла рот, но Карфакс так и не услышал, что она хотела сказать.

XIX

Сознание вернулось к нему вечером следующего дня. Он был абсолютно глухим, а голова трещала так, словно была одета на кол. Лицо чудовищно распухло. После того, как слух мало-помалу возвращался, он вздрагивал от каждого звука. Левое ухо, поврежденное еще при взрыве особняка Вестерна, совсем не подавало признаков жизни. Доктор считал, что оно вряд ли когда- нибудь сможет служить своему хозяину.

Два взрыва в кузовах, содержащих примерно по 50 килограммов динамита, повалили огромные платаны и обрушили верхнюю часть берега речушки на них с Патрицией. Полиция вполне могла бы не заметить их, если бы из грязи не торчала ее рука. И они неизбежно задохнулись бы, придавленные несколькими дюймами земли.

Больше никому не удалось спастись. Жардин был единственным, чье тело сравнительно не пострадало. Он тоже нашел убежище в речушке, но, должно быть, высунул зачем-то голову за секунду до взрыва. Вскрытие обнаружило у него в мозгу обширное кровоизлияние.

— Если бы стены кузовов не оказали некоторое сопротивление взрыву, вы неизбежно бы погибли, — сказал врач.

Карфакс, разумеется, не мог его слышать, но великолепно умел читать по губам.

Позже он прочел в газете, что водителей грузовиков найти не удалось. И еще о том, что Эмерсон был убит, а

Лангер ранен через два дня после засады. Они только вошли в вестибюль "Стайвизант -отеля", когда двое убийц выпустили в них шесть пуль. Телохранители сенатора застрелили их на месте. Позже трупы опознали. Это были Лео Конгтон и Умберто Корнелли, имеющие длинный "послужной" список и отсидевшие по пять лет за вооруженное нападение с целью убийства.

Лангер, посетив Карфакса неделей позже, сообщил, что связь между ними и Вестерном доказать не удалось.

— Скорее всего, они сознательно пошли на смерть. Видимо, Вестерн предложил им новые тела, — предположил Карфакс.

— Несомненно, — согласился Лангер. — Им очень нужны были новые тела. У Конгдона было негнущееся колено и глубокие ножевые раны на теле. Корнелли страдал сифилисом третьей стадии, его лицо могло бы повергнуть в ужас чудовище Франкенштейна. Вестерн умело подбирает себе агентов.

— Теперь мы можем с уверенностью утверждать, что он имеет агентов в нашей организации.

— Джексон, один из моих телохранителей, — угрюмо произнес сенатор, — в тот день не вышел на работу. Еще исчез Вейнер, один из моих младших секретарей. Никто из них не должен был, как я считал, знать о наших планах, но они оба видели вас. Само собой, что могут быть и другие, поэтому сейчас мои люди заняты тщательной перепроверкой всех, кто занимает сколь-нибудь близкое ко мне положение.

Поднявшись со стула, Лангер невольно поморщился и погладил перевязанную руку. Отрикошетившая 9-ти миллиметровая пуля задела только бицепс, но рука до конца жизни будет слабой. А сама жизнь, подумал Карфакс, может быть короткой.

— Я не буду больше ждать, пока наше досье пополнится новыми фактами, — сказал сенатор. — Завтра президенту и всем членам правительства будут почтой отправлены все документы, которыми мы располагаем. Эти же материалы поступят в средства массовой информации. Не знаю, во что это выльется, но точно уверен, что Вестерну придется давать показания следственной комиссии. И он не осмелится организовать новую попытку убийства.

— Не стоит быть слишком уверенным в этом, — вздохнул Карфакс. — Возможно, Вестерн и оставит нас в покое, но вы забываете о толпах фанатиков, для которых он является богом.

— А для других — антихристом, — добавил Лангер. — Во всяком случае, он тоже не будет чувствовать себя в полной безопасности. Не удивлюсь, если за ним устроит охоту толпа линчевателей.

— У них не будет никаких шансов. Комплекс Мегистуса представляет собой крепость. Там есть даже круглосуточный патруль в воздухе, вооруженный пулеметами. Разрешение на это Вестерн получил после взрыва своего особняка — там, где уже был один маньяк, может появиться другой.

— Знаю. Не учите дедушку уму-разуму.

Карфакс тяжело вздохнул. Ему уже изрядно надоела эта поговорка. Но не стоило этого показывать. Лангер был как раз тем человеком, который мог возглавить борьбу с Вестерном. Беспощадный, как и противник, Лангер не остановился бы и перед убийством, если бы этого требовали обстоятельства. По крайней мере, так считал Карфакс.

На следующий день документы были опубликованы в печати. "Нью-Йорк Таймс" посвятила им специальный раздел, включающий "Воззвание к народам мира" Лангера и редакционные комментарии к нему. Телевизионные передачи были прерваны продолжительными специальными выпусками, а программы новостей посвятили этому почти все свое драгоценное время. К утру следующего дня Белый Дом буквально захлестнули потоки писем и телеграмм. Половина их принадлежала сторонникам Вестерна, половина — противникам. Почти каждое восьмое письмо содержало настолько непристойные выражения, что газеты с приличной репутацией не смогли напечатать их даже в эпоху вседозволенности. Письма приходили как от сторонников, так и от противников Вестерна.

В 22 часа по телевидению было передано краткое интервью, взятое у Вестерна в Мегистус-комплексе.

Вестерн (сердито, негодующе):

— Я заявляю, что документы, представленные сенатором Лангером, являются поддельными! Он сделал это, что-

бы навредить мне, и унизил себя таким подлым мошенничеством, в которое мне даже трудно поверить, и в котором вряд ли мог погрязнуть здравомыслящий человек!

Карфакс (Патриции):

— Ого, вот ярость! У него даже слюна изо рта брызжет.

Патриция (Карфаксу):

— Заткнись!

Вестерн:

— Я утверждаю, что сенатор совсем выжил из ума, выдвигая подобное обвинение! И я знаю, почему! Он убежден, что я дискредитировал... нет, даже разрушил его веру. Но у меня никогда не было ни малейшего намерения вмешиваться в вопросы религиозных верований. "Медиум" — детище науки, научный способ общения с другим миром. Это действительно вселенная, в которую уходят так называемые души, отделясь от тела. Все остальные точки зрения можно легко опровергнуть. Однако...

Ведущий телестудии (перебивая Вестерна):

— Тогда почему Гребски, Торренс, Свэнсон и Симба сбежали в Бразилию? Если они невиновны...

Вестерн:

— А что бы вы сделали на их месте? Конечно же, они невиновны, но совершенно справедливо опасаются смерти от рук фанатиков. Разве можно порицать их за это?

Карфакс:

— Если они думают, что в Бразилии нет чокнутых, готовых на убийство, то их ожидает немалое потрясение!

Патриция:

— Ты можешь не умничать?

Карфакс:

— Не могу. Сам потрясен.

Вестерн:

—... и пусть он возбуждает дело! Я от своих слов не отказываюсь.

Ведущий (вытаскивая из кармана лист бумаги и протягивая его Вестерну):

— Вот повестка с предписанием предстать перед комиссией сенатора Лангера, сэр.

Карфакс:

— А я-то все гадал, как им удастся сунуть ее Вестерну! Корреспондент-то подставной! Вот пройдоха!

Внезапно камера резко развернулась, показывая зрителям, как один из охранников Вестерна избивает газетчика.

— Вышвырните вон этих ублюдков! — яростно закричал Вестерн.

Карфакс поднялся и подошел к бару.

Пусть теперь попробует отвертеться от комиссии! Федеральные судебные исполнители получат полное право притащить его за шиворот!

— А может, он попытается улететь... допустим, в Бразилию? Что может в сию минуту задержать его самолет? — спросила Патриция.

— Я думаю, президент найдет способ заставить его совершить вынужденную посадку. А если он не подчинится, самолет собьют. Да, очевидно, он попытается улизнуть из Штатов.

— Это приведет к расколу в стране.

— Она уже расколота. Так что, не все ли равно? Кроме того, как я уже говорил, фанатиков теперь по всему миру хватает. Думаю, на правительство Бразилии, если даже Вестерну удастся туда удрать, будет оказано давление и оно его выдаст, поскольку бразильцы, пожалуй, поболее нашего выведены из состояния равновесия всем происходящим. Да будет тебе известно, большинство из них — католики.

— Ты что же, считаешь, будто я ничего не знаю?

— Извини. Не забывай о том, что я — преподаватель.

— И ты меня извини. Просто я разнервничалась.

— А кто не нервничает?

— Я очень беспокоюсь за папу, — сказала она. — Возможно, в сложившейся ситуации Вестерн попытается избавиться от него.

Карфакс об этом уже думал, но не хотел поднимать этот вопрос в разговоре с нею, чтобы не расстраивать зря. Никаких доказательств того, что дядя Руфтон находится в комплексе Мегистуса, не было. Это возможно было проверить, только получив доступ к "Медиуму".

Патриция, должно быть, размышляла таким же образом.

— Похоже на то, — сказала она, — что я смогу таки доказать свои права на "Медиум", не так ли? И тогда мы сможем выяснить, где находится папа.

— Или где он не находится, — заметил Карфакс. — Я хотел бы, чтобы человек Лангера передал самые последние сведения. Может быть, в них содержится ответ на интересующий нас вопрос.

Никто не знал, что случилось с агентом. Он не вышел из комплекса вместе с остальными служащими на выходные дни. В равной степени это могло бы означать и то, что с ним произошло нечто очень неприятное, и то, что он был слишком занят. Прецеденты уже были.

Карфакс нервно расхаживал по комнате.

— Я устал протирать задницу. Самое время выступить, пока Вестерн выведен из равновесия, и я собираюсь это сделать.

— Но это значит все равно, что подписать свой смертный приговор.

— Ты пренебрежешь возможностью спасти своего отца?

— Ради бога, что у тебя на уме?

— Расскажу позже.

Он нажал кнопку видеофона и набрал номер Лангера. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, на экране появилось озабоченное лицо сенатора. Он явно был очень занят, но услышав первые несколько фраз, велел своему секретарю отложить следующий видеоразговор.

Как только Карфакс закончил, Лангер удовлетворенно потер ладони.

— Мы ударим по нему с обоих флангов. Я позабочусь о судебной стороне дела сейчас же, а вы с Патрицией вылетайте ближайшим рейсом. Я приму меры, чтобы его придержали, до вашего прибытия в аэропорт.

Через 30 минут Карфаксы поднялись на борт пассажирского самолета, вылет которого задержали специально для них. Они прошли в салон первого класса, и двухпалубный лайнер стал выруливать к взлетной полосе. Он медленно двигался мимо десяти выстроившихся самолетов, которые дожидались, пока пропустят самолет с Карфаксами. Стюардессы источали лучезарные улыбки, чуть ли не каждые пять минут склоняясь над ними, дабы удостовериться, что они не испытывают никаких неудобств. Карфакс подозревал, что под этим сугубо напускным угодливым отношением таится раздражение. Но на это ему было наплевать. Слишком много раз его задерживали, ког-

да он летал второразрядными рейсами. Задерживали из-за таких вот лайнеров с крупными шишками на борту. И теперь он чувствовал себя чуть ли не отмщенным.

Через 2 часа и 3 минуты огромный реактивный самолет пошел на посадку над Лас-Вегасом. Пятнадцатью минутами позже Карфаксы покинули его, а еще через пять минут пристегивались ремнями в салоне двухтурбинного самолета, зафрахтованного Лангером специально для них. Полчаса спустя колеса его коснулись посадочной полосы аэропорта "Бонанза-Серкус".

Остановились они в единственном в мире городе, полностью упрятанном под крышу. Любые крупные транспортные средства были в нем запрещены. Жители пользовались тротуарами и небольшими бесплатными такси-электромобилями. Карфаксов встретил государственный судебный исполнитель Джордж Чанг, проводивший их в здание суда "Атена Тауэр". Там они были представлены судье, который выдал ордер, затребованный Лангером, еще одному государственному исполнителю и окружному инспектору электрических сетей. Ими оказались соответственно Аманда Хиекка, блондинка финского происхождения, похожая на валькирию, и Рикардо Лопес, невысокий коренастый мужчина с сигарой в зубах, родители которого сбежали с Кубы 30 лет тому назад. Все эти ненужные биографические подробности Карфакс узнал от судьи Каснера, который, казалось, старался задержать их малозначащим разговором. Карфакс начал проявлять нетерпение.

— Я не уверен, что нужна такая срочность, — сказал судья. — Хотя сенатор настаивает на чрезвычайной спешке. Не лучше ли будет подождать до завтрашнего утра? Лангеру неизвестно, какое здесь сложилось положение, я пытался объяснить, но он ответил, что его это не интересует. Он жаждет действий. Однако...

— И каково же положение? — спросил Карфакс.

— Взрывоопасное! У ворот в комплекс расположились лагерем не менее трех сотен вооруженных антивестернитов. Они утверждают, что следят, чтобы Вестерн не скрылся. На приказы шерифа внимания не обращают. Но вестернисты тоже не дремлют. Как раз сейчас у них сборище в "Профагги-Холле". Вполне понятно, что они собираются выступить в направлении Мегистуса и

вступить в противоборство с собравшейся там толпой. Мэр обратился к губернатору с просьбой мобилизовать полицию штата, но тот отказался. Говорит, что ситуация не требует этого.

Карфакс кивнул. Он знал, что губернатор является близким другом Лангера.

— Сейчас не время затевать политическую игру, — сказал Каснер. — Могут начаться беспорядки. Поэтому я так неохотно выдаю вам ордера — опасаюсь, что ваше появление там может ускорить события.

— У меня свои инструкции, — сказал судебный исполнитель Чанг. — И я не намерен терять здесь попусту ни одной минуты. Вы отправляетесь?

— Конечно. Для этого мы сюда и прилетели, — ответил Карфакс. — Пошли.

— Я настоятельно рекомендую не делать этого, — предупредил в последний раз судья.

— В таком случае, зачем вы выписали ордера? — вспылил Карфакс.

В душе ему было жалко судью, подвергшегося такому сильному давлению со стороны Лангера. Но, с другой стороны, Каснер должен был найти в себе силы противостоять сенатору, несмотря на то, что это могло бы стоить ему карьеры. Судье явно недоставало для этого твердости духа.

Однако сейчас Карфакса в большей степени занимало "благородное собрание" под Мегистусом. Он ничуть не сомневался, что все эти носители антивестернистских настроений были собраны в агрессивную толпу и приведены под комплекс людьми Лангера, и что сделано это было именно после звонка сенатора. Заправлял этим, по всей вероятности, своеобразный клан из религиозных и преступных элементов — церковников и мафии. Большинство членов последней организации были истыми католиками во всем, где только религия не мешала бизнесу, а, следовательно, — непримиримыми противниками Вестерна. Но причина была не только в этом. То, что "Медиум" мог быть использован для снятия показаний после смерти, приводило их в ужас. Ходили слухи, что мафия ввела новую клятву — о неразглашении тайны после гибели.

Лангер был злейшим врагом организованной преступности. Должно быть, переговоры с главарями мафии

стоили ему огромных душевных мук, но в политике полезность и компромисс являются главными движущими силами. Свой долг преступникам сенатор выплатит как-нибудь потом. А сейчас идет война, война не на жизнь, а на смерть, в которой не думают ни об этических принципах своих союзников, ни об этике вообще.

Но зачем Лангер собрал толпу перед комплексом? Чтобы напугать Вестерна? Или он планирует запустить ее в ворота, открытые представителям закона? Скорее всего, так. Но это значит послать людей на верную гибель.

Карфакс помрачнел.

Улицы Бонанза-Серкуса были почти пустыми — люди не решались выходить из домов, опасаясь пострадать в стычках между противниками и сторонниками Вестерна. Чанг, однако, заметил, что в самом городе таковые вряд ли будут иметь место. Все действия будут происходить за его пределами — перед Мегистус-комплексом.

— За четверть часа до вашего прибытия тротуары были заполнены вестернитами, спешащими в Зал светских мероприятий. Как только люди Вестерна "подогреют" их, эта воинственная толпа хлынет на улицу. Я надеюсь, что мы доберемся до Мегистуса прежде, чем это произойдет.

— Но почему бездействуют полиция? — удивилась Патриция.

— Половина полицейских присоединилась к толпам, — пояснила Хиекка. — А вторая половина просто боится оказаться на чьем-то пути. Никто не хочет быть растоптанным.

XX

Они сошли с электротележек у выхода номер 12 и сели в два паровых автомобиля. Лопес и два его помощника — в машину с эмблемой округа, остальные — в автомобиль Чанга. Вдалеке сверкали яркие огни множества отверстий в конусообразной крыше Бонанза-Серкуса.

Через некоторое время машины выехали на извилистую горную дорогу, окруженную елями и соснами. Время от времени фары выхватывали огоньки глаз то кролика, то лисицы, то оленя.

— Эта местность, — пояснила Хиекка, — является заповедником. Каждые три года здесь открывается сезон охоты на оленей. В прошлом году мне самой достался крупный самец. Люблю оленину. Четыре года я ее не пробовала — была занята охотой на людей. Не помните? Не смотрели об этом по телевидению? Два любителя зверья убили здесь двух охотников и ранили троих. Мы так и не поймали их. Я надеялась, что они снова появятся, но этого не произошло. — Она улыбнулась. — В прошлом году охотников было совсем немного. Они, видимо, побоялись ответной стрельбы. И вообще, большинство мужиков с радостью стреляли бы самок за изгородью. Разве это настоящие охотники?

Карфакс глянул на ее револьвер 45-го калибра, достойный занять место в музее. Хиекка проследила за его взглядом и погладила рукоятку оружия.

Дорога была фактически высечена в горной цепи. К концу ее они въехали в длинное ущелье между крутыми скалистыми склонами. На широком плато внизу сверкал огнями комплекс Мегистуса, окруженный высоким кирпичным забором.

Комплекс занимал площадь примерно в квадратный километр. Состоял он из четырех десятиэтажных зданий и нескольких домов поменьше. Сторожевые башни располагались вдоль забора с интервалами в 40 метров. Перед воротами стояло около восьмидесяти легковых автомобилей и грузовиков, на многих из которых были водружены прожектора. Вокруг них толпились люди.

Высоко над комплексом периодически вспыхивали бортовые огни двух самолетов.

Декорация предстоящей резни, подумал Карфакс. Но если Вестерн окажет сопротивление, прольется кровь, и он будет обвинен в убийстве. С другой стороны, толпа явно попытается линчевать его, и он вынужден будет защищаться.

Десятью минутами позже машины были остановлены вооруженными людьми. Хиекка и Чанг показали свои эмблемы и объяснили цель приезда. Высокий заросший мужчина с лицом, покрытым шрамами, сел к ним в машину и велел подъехать к воротам. Звали его Рекстер. Он был очень возбужден и распространял вокруг себя густой запах перегара.

Метрах в пятидесяти от ворот Рекстер велел Чангу съехать на обочину. Все вышли из машин. Карфакс, осмотревшись, заметил только один полицейский автомобиль. Двое в форме полиции округа курили у капота.

В толпе не было ни одного невооруженного человека. Лица людей искажали ярость. Голоса их, резко звучащие в воздухе, поразили Карфакса своей решимостью. И все же среди них поддерживалось какое-то подобие порядка. Люди с черными нарукавниками и повязками, стоящие вдоль дороги, громкими криками отгоняли всех, кто пытался на нее ступить. Посреди дороги находился грузовик с домиком на колесах. Над его бампером была прикреплена стальная балка. Не считая машины окружной полиции, этот грузовик, казалось, был единственным с включенным мотором. В кабине его сидел человек. Другой, с повязкой на рукаве, стоял снаружи, разговаривая с водителем.

Чанг взял мегафон и пошел к воротам. Его сопровождали Хиекка и Лопес. Карфакс, поколебавшись несколько секунд, присоединился к ним. Патриция осталась в машине.

— Не высовывайся, пока не возникнет надобность, — проинструктировал он ее. — И при первом же выстреле сразу падай на пол.

Она кивнула. Лицо ее было бледным.

Чанг остановился возле тяжелых стальных ворот и приложил к губам мегафон. При первых же его словах толпа затихла.

Он назвал себя и заявил, что имеет на руках ордер, дающий ему право на вход в комплекс и на обыск.

— Я разыскиваю Руфтона Карфакса, которого, как считает правительство Соединенных Штатов, здесь задерживают против его воли.

Охранники на сторожевых башнях направили на толпу винтовки, автоматы и пулеметы. Ворота не отворились.

Чанг повторил свои требования и передал мегафон Лопесу. Тот проревел свое имя, должность и цель прибытия: округ Уайт-Пайн требует, чтобы его старший инспектор по электроснабжению был немедленно допущен в комплекс для проверки состояния электрооборудования и электросетей. Он должен определить, соответствует ли узаконенным нормам система электропитания "Медиума".

Охранник, одетый во все зеленое, словно солдат армии Линкольна — форму службы безопасности Вестерна, вышел из башни справа от ворот и облокотился на поручни в верхней части кирпичного забора.

— Я — капитан Уэскотт! — прокричал он в мегафон. — Ваши ордера незаконные! Никто, я повторяю, никто не будет сюда допущен! Я требую разогнать это незаконное сборище! Вы находитесь на земле, являющейся частной собственностью!

— Я уполномочен правительством США! — повторил Чанг. — Откройте немедленно, или мы вынуждены будем прибегнуть к силе!

— Любая сила будет встречена ответной силой!

Чанг вытер со лба обильно выступивший пот.

— Вот сукин сын! Я просто вынужден призвать на помощь других судебных исполнителей.

Рекстер, стоявший все это время чуть сзади, тут же подал голос:

— Эй, вы! Прочь с дороги! Все до единого! Быстро!

Чанг резко обернулся.

— Все должно быть произведено строго по закону. Вы и ваша толпа не имеете право здесь находиться.

— Да что вы говорите? — насмешливо спросил Рекстер и вдруг помрачнел. — Прочь с дороги, если не хотите оказаться под колесами!

Толпа с воплем бросилась врассыпную. Карфакс обернулся и увидел мчащийся на них грузовик. Он бросился к машине, крича на бегу:

— Выходи, Пат! Они собираются взорвать ворота!

Патриция выскочила из машины. Он схватил ее за руку, и они побежали вдоль дороги. Навстречу им на сумасшедшей скорости проехал грузовик, его дверца открылась, и из нее выпрыгнул водитель. Через несколько секунд сзади раздались винтовочные выстрелы, дробь пулеметов, сильный грохот и раскатистый взрыв. Карфакс бросился на землю, потянув за собой Патрицию. У него заложило правое ухо, тугая воздушная волна рванула одежду, воздух наполнился запахом динамита.

Он приподнялся и посмотрел на ворота, вернее, на то место, где они были. Взрывом разнесло грузовик на мельчайшие кусочки, ворота сорвало с петель, и они валялись

метрах в двадцати с внутренней стороны забора. Башни по обе стороны проема были разрушены. Прожектора в непосредственной близости от ворот потухли.

Толпа взревела и ринулась вперед, словно две гигантские амебы, сливаясь у образовавшегося прохода. Раздались первые выстрелы, а через несколько секунд началось массовое побоище.

Из одной сторожевой башни взметнулось вверх пламя — это было результатом прямого попадания гранаты из противотанкового гранатомета — теперь, когда толпа схлынула, стали видны четыре таких расчета. Еще три гранаты ударили в основания башен, и они исчезли в грохоте и дыме. Гранатометчики ринулись вперед, неся на плечах свои трубы.

— Оборона прорвана! — прокричал Карфакс Патриции.

Он посмотрел вверх и увидел быстро приближающиеся огни самолетов.

— Это все подстроено Лангером! Он знал, что Вестерн откажется нас впустить!

Патриция ничего не ответила.

— Послушай, — продолжал Карфакс. — Возьми машину и езжай в Бонанза-сити... Нет! Ты можешь нарваться на вестернитов! Лучше я оставлю тебя на попечение этих окружных фараонов!

Он подтащил ее к черно-серебристому автомобилю. Из-за забора раздавался рев и выкрики, треск винтовок и частая дробь пулеметов. Еще три башни были окутаны дымом, в свете немногих прожекторов, которые еще действовали, было видно, как во все стороны летят кирпичи и куски дерева.

Двое полицейских прятались за кузовом своей машины. Один из них что-то быстро говорил в автомобильный телефон.

— Вы сможете забрать эту женщину в город? — прокричал Карфакс.

Худощавый юноша с бледным лицом покачал головой.

— Никак нет. Нам дан приказ оставаться здесь. Кроме того, провестерниты уже в пути и мы не хотим оказаться между ними и теми, кто сидит в засаде.

— Какой засаде? — завопил Карфакс.

— Да окружающие ущелье горы кишат людьми! — ответил парень. — Вы что, не заметили?

— Нет!

— Значит, они попрятались еще до того, как вы сюда добрались. Дружище, это ужасно! Эти ребята идут прямо в западню!

Вам не мешало бы предупредить их.

— Мы дали знать по радио нашим людям, но они не подпускают их к себе!

Раздались еще три громких взрыва, заставив их пригнуться к самой земле. Это вступили в бой самолеты. Один из них почти сразу же был подбит и врезался в верхний этаж стоявшего в центре комплекса здания. В воздух взлетел огненный шар. Патриция закричала, забилась в истерике. Карфакс схватил ее за плечи, сильно встряхнул и затолкал на заднее сиденье патрульной машины, крикнув:

— Не высовывайся!

Второй полицейский перестал говорить по телефону и взглянул на Карфакса.

— Вы передали, что нам позарез нужна здесь милиция? — спросил его Гордон.

— Да. Она уже в пути. Губернатор вызвал ее около десяти минут назад. Но на дорогу у них уйдет не менее часа, да еще эта кутерьма в горах...

И он безнадежно махнул рукой.

Карфакс просунул голову в окно машины.

— Я отправлюсь на поиски твоего отца, Пат.

— Нет! Не надо! Тебя убьют!

— Я должен. Он в большой опасности.

— Но ведь ты даже не знаешь, как он выглядит!

— Да, у меня мало шансов на успех.

К машине подошли Чанг и Лопес.

— А где Хиекка? — удивился Карфакс.

— Она внутри, — кисло улыбнулся Лопес. — Сказала, что обязана разыскать вашего дядю, и не допустит, чтобы кто-либо из мужиков отговорил ее от этого. Заявила, что у нас нет смелости.

— Чокнутая! — крикнул Карфакс. — Ей просто хочется поубивать как можно больше мужчин. Что ж, я тоже чокнутый. Иду туда.

— Подождите немного, и мы к вам присоединимся, — предложил Чанг. — Сейчас там царит полная неразбериха.

Вас может в равной степени пристрелить как сторонник Вестерна, так его противник.

Земля еще дважды содрогнулась от мощных взрывов.

— Не уговаривайте меня, — сказал Карфакс.

— Скоро все здесь будет охвачено пламенем! — убеждал его Лопес.

Это было правдой. Верхние этажи зданий горели. Охранники, бросив свои посты в сторожевых башнях, перебирались через остатки забора. Карфакс кинулся к воротам, вытаскивая на ходу револьвер, который ему дал Лангер.

Он остановился у ворот и осторожно заглянул внутрь. В непосредственной близости валялось не менее двадцати пяти трупов. Среди них несколько в зеленой линкольновской форме. Это по-видимому были охранники, упавшие со взорванных башен. Со стороны зданий доносились выстрелы и крики. Карфакс побежал к ближайшему, но упал, когда над головой завыли реактивные двигатели. Однако самолет взмыл вверх, так и не открыв огонь. По-видимому, пилот не сумел определить по внешнему виду Карфакса, враг он или нет. А может, он не получал особого удовольствия от необходимости убивать.

Карфакс вскочил и побежал к парадному, возле которого корчились двое. Вдоль коридора валялось шесть убитых и несколько раненых, находящихся без сознания. Он внимательно осмотрел комнаты — только трупы. Одна из дверей в конце коридора вела в химическую лабораторию, усеянную осколками стекла и обломками пластмассы. Запах кислот сразу же сделал дыхание затруднительным, из глаз брызнули слезы. Спотыкаясь и кашляя, Карфакс выскочил в коридор и прислонился к стене, чтобы отдышаться. Затем прошел в другой коридор, пересекавший первый где-то посередине. В комнатах, двери которых выходили в него, были только трупы.

Проверив все комнаты первого этажа, Карфакс поднялся по лестнице на второй. В конце коридора его громко окликнул какой- то человек. Карфакс бросил пистолет и поднял руки. Подойдя к нему поближе, человек произнес:

— О'кей. Я видел вас с Рекстером.

Поднимая револьвер, Карфакс спросил:

— Неужели была необходимость убивать всех этих людей? Большинство из них даже не были вооружены.

— Ничего нельзя было поделать. Эти ребята собрались специально для того, чтобы уничтожить всех, кто работал на Вестерна. Думаю, Рекстеру уже удалось прибрать их к рукам.

— Идемте со мною, — предложил Карфакс. — Мне нужно осмотреть все здание, и я не хочу, чтобы меня пристрелили только потому, что никому не ведомо, что я тоже из хороших ребят.

Мужчина внимательно посмотрел на него.

— О'кей.

На третьем этаже они наткнулись на одного из противников Вестерна, держащего на прицеле своего пистолета худощавого мужчину лет сорока.

— Вы не Руфтон Карфакс? — обратился к нему Гордон.

Пленник отрицательно покачал головой.

— Тогда, может быть, вы знакомы с Руфтоном Карфаксом?

— Никогда о нем не слыхал.

— Где находится Вестерн?

Мужчина замялся в нерешительности.

— А-ну говорите, мистер, не то вам будет худо, — подстегнул его сопровождающий Карфакса.

— В четвертом корпусе, — поспешно ответил пленник. — У него там квартира. Двумя этажами выше "Медиума".

— Четвертый корпус? — переспросил сопровождающий, — как раз в него врезался самолет!

— Пошли! — бросил через плечо Карфакс, крупными шагами направляясь к выходу.

Они вышли на улицу как раз в тот момент, когда из четвертого корпуса хлынула толпа. Огонь уже дошел до пятого этажа, и бегущего по лестнице Карфакса обдавало жаром. Спотыкаясь, сбивая пламя с одежды, сверху навстречу ему катилась людская лавина. Он узнал Рекстера. Сопровождающие его люди несли тела Хиекки и еще какого-то мужчины, настолько окровавленного, что нельзя было различить черты его лица.

— Идите за нами! — крикнул Рекстер!

Они быстро спустились вниз и отошли на несколько метров от здания. Здесь тело Хиекки опустили на землю. Одна из грудей амазонки была оторвана пулей.

— Она успела снять четверых, — сказал Рекстер.

Карфакс внимательно посмотрел на тело мужчины, которое положили рядом с убитой Хиеккой.

— А это кто? — спросил он.

— Вестерн.

— Вестерн?

Он опустился на колени и вытер носовым платком кровь с лица мужчины. Да, это Вестерн. На шее еще слабо прощупывался пульс.

— Вестерн! — закричал Карфакс. — Вы слышите меня?

Веки умирающего дрогнули, губы слегка приоткрылись. Карфакс нагнулся к самому лицу.

—... совсем недолго... — донесся до него невнятный шепот.

— Вестерн! — закричал он снова. — Где Руфтон Карфакс?

В углах рта Вестерна показалась кровь.

— Это я, Гордон Карфакс! Где мой дядя?

—... не Вестерн...

— Держитесь! — кричал Карфакс. — Продержитесь немного, чтобы сделать хоть что-нибудь доброе, ради Христа! Где мой дядя?

Вестерн закашлялся, изо рта его толчками пошла густая кровь. Потом затих. Карфаксу показалось, что он умер. Но это было не так. Окровавленные губы разжались снова.

— Я не Вестерн. Я — Руфтон Карфакс.

— Что вы сказали? — ошеломленно спросил Гордон.

— Я твой дядя, — четко повторил умирающий и испустил дух.

XXI

Из тюрьмы Карфакса выпустили на следующий день. Под залог. И то только потому, что за него поручился Чанг. Тюрьма в Бонанза-Серкусе была переполнена как сторонниками, так и противниками Вестерна. Одна из газет сообщила, что все тюрьмы Невады забиты до предела

арестованными в Мегистус-комплексе, но это было преувеличением.

Протесты общественности вылились в повальную истерию. Вестерниты требовали, чтобы "злобные убийцы" были подвергнуты быстрому суду и повешены, причем казнь эта, по их мнению, должна транслироваться по телевидению. Противники Вестерна так же настойчиво требовали, чтобы "мученники", "благодетели общества" были немедленно освобождены, и чтобы им публично была выражена благодарность. Некоторых даже предлагалось наградить памятной медалью Конгресса США.

Панкосмическая церковь Христа-эмса объявила тело Вестерна своей главнейшей святыней. Публичная панихида в Лос-Анджелесе, в которой участвовало 500 тысяч оплакивавших его сторонников, была омрачена большими беспорядками, результатом которых явились убитые и раненые с обеих сторон. Тело Вестерна почитателям выдано не было — предстояло тщательное его обследование.

Лангер попросил, чтобы патологоанатом отметил все, что покажется ему необычным, не объясняя, для чего это нужно. Получив секретный отчет, показал его Карфаксу. Мозг Вестерна был здоровым, без каких-либо признаков деградации.

— Я надеялся, что будут обнаружены какие-нибудь необъяснимые отклонения, — признался Лангер. — След внедрения в мозг эмса. Но, по-видимому, переселение душ не вызывает физиологических изменений.

Карфакс рассказал о последних словах Вестерна только Лангеру. Они решили держать это пока в тайне.

— Не понимаю... — говорил сенатор. — Он не должен был лгать. Ведь понимал, что умирает. Зачем? И если это правда, то каким образом Руфтон Карфакс стал владельцем тела Вестерна?

— Не знаю. Сомневаюсь, что это могло стать результатом простой случайности. А может, так оно и было. Мы ведь ничего не знаем о механизме внедрения эмса в человеческое тело. Может быть, Вестерн намеревался переселить дядю Руфтона в мозг какого-то человека, но что-то напутал, и пострадал сам? Я не могу понять, почему дядя молчал? Что удерживало его от обнародования этой сенсации? Кажется, есть несколько людей... По край-

ней мере, один человек, который мог бы кое-что рассказать. Он среди тех, кого обнаружили в подвале.

Карфакс имел в виду двадцать служащих, нашедших убежище в подвале на большой глубине под четвертым корпусом. Переждав пожар, полностью уничтоживший здание, они прошли по подземному туннелю к выходу позади ангара на взлетной полосе. Им, может быть, и удалось бы уйти незамеченными, если бы один из национальных гвардейцев не заметил бегущего в направлении гор человека. В результате организованной за ними погони было схвачено и направлено в тюрьму двадцать служащих комплекса.

Собственно говоря, в тюрьму угодили практически все, кто участвовал в штурме и обороне Мегистуса. Большинство из них держали в качестве важных свидетелей, пока формировался состав большого суда присяжных.

Ареста избежала разве что одна Патриция.

— Разумеется, — продолжал Карфакс, — мы не знаем, всех ли удалось поймать. Пойманные клянутся, что всех. Но они могут лгать.

"Медиум" был уничтожен в пламени пожара. Вместе с ним сгорели чертежи, необходимые для создания другого аппарата. Двое из сотрудников, прятавшиеся в подвале, были физиками, но отрицали возможность восстановления "Медиума", мотивируя свой отказ отсутствием всеобъемлющих сведений об устройстве машины. Карфакс не верил им, полагая, что они просто выжидают момента, когда у них будут развязаны руки.

— Если до этого дойдет, — сказал Лангер, — они окажутся вовлечены в судебную битву, которая свяжет их на долгие годы. Вестерн не оставил завещания, и похоже на то, что все права на "Медиум" перейдут к Патриции.

— Вот уж не знаю, — ответил Карфакс. — У меня какие-то недобрые предчувствия. Думаю, когда положение прояснится, завещание неожиданно всплывет. И, кто бы ни стал наследником, этого человека нужно будет остерегаться и тщательно проверить.

— Как раз сейчас идет проверка тех, двадцати, — сказал сенатор. — Мы изучаем все до малейших подробностей. Но на это уйдет куча времени и денег.

Да, события развивались чертовски медленно. Сам подбор присяжных оказался почти невозможным. Как в этой

стране, где практически каждый является сторонником или противником Вестерна, можно найти неубежденное лицо? Процесс тянулся уже три недели и был еще очень далек от завершения. Тем временем многих выпустили из тюрьмы под залог. Через два дня после этого четверкой неизвестных был застрелен Рекстер, а двое служащих комплекса, Джонс и Денис, погибли при взрыве бомбы, подложенной в их автомобиль. Восемнадцать их коллег были тотчас же упрятаны обратно за решетку ради их собственной безопасности, но начали неистово протестовать и снова вышли на свободу.

— Вы полагали, — сказал Карфакс сенатору, — что они будут так напуганы, что сами попрячутся в тюрьму? Я, тем не менее, не заметил с их стороны особого беспокойства.

— Вы что-нибудь подозреваете?

— Прежде всего, мы не знаем доподлинно, были ли те двое, взорвавшиеся в машине, Джонсоном и Денисом — от них не осталось ничего, даже зубы были разбиты.

— Думаете, это были не они?

— Такую возможность не излишне предусмотреть.

— Почему кому-то выгодно, чтобы их считали мертвыми?

— Во-первых, фанатики-антивестерниты не станут их разыскивать. Но я сомневаюсь, что главная причина заключается в этом. Ради этого не стоило убивать двоих людей. Нет, ставка должна быть гораздо выше.

Наступило молчание. Потом Лангер нетерпеливо произнес:

— Какой же?

— Возможно, один из них на самом деле — Вестерн.

Сенатор сел, словно у него подогнулись колени.

— Вы серьезно? Простите... Конечно, серьезно. Но зачем же он обменялся телами с вашим дядей?

— Думаю, он принял это решение в последнюю минуту. Что может быть лучше, чем сбить всех со следа, став Деннисом или Джонсоном, а свое тело передать Руфтону Карфаксу? Дядя не сможет ничего сказать, и все поверят, что Вестерн мертв.

— Мне следовало самому додуматься, — недовольно буркнул Лангер.

— У вас и без того голова забита, — сказал Карфакс. — Разумеется, все могло быть и не так.

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, Вестерн предусмотрел дальнейшее, и Деннис и Джонс исчезли, чтобы увести нас в неверном направлении. Возможно, он скрывается в теле одного из восемнадцати. Или просто убежал в горы.

— Но он предполагал, что ваш дядя унесет свою тайну в могилу. Никто, кроме вас и меня, не знает о его последних словах. К чему, в таком случае, все эти ухищрения?

— Вестерн не был гениальным ученым, но был в высшей степени предусмотрительным и хитрым человеком. И мог предугадать, что мы возьмемся за его поиски. Думаю, что надо было произвести речевую экспертизу, пока Дэннис и Джонс были под рукой. У нас есть записи?

— Есть, — ответил Лангер и потянулся к видеофону, чтобы отдать распоряжение.

Через три часа специалисты дали ответ.

Пробежав глазами заключение, Лангер выругался.

— Он был у нас в руках! А теперь выскользнул! Потому что мы были глупцами, глупцами, глупцами!

— Нет. Мы просто были непредусмотрительными, — сказал Карфакс. — Что ж. Значит, те двое не были Джонсом и Дэннисом.

— Во всяком случае, не Дэннисом. Видимо, Джонс знал, кем на самом деле является Дэннис, и это стоило ему жизни.

Взрыв произошел в 23.16 в гараже возле дома Джонса, в новом пригороде Минерва-Хиллз, к северо-востоку от Альтадены, штат Калифорния. Соседи, оправившись от потрясения, высыпали на улицу, но не заметили ни незнакомых людей, ни умчавшихся автомобилей.

Лангер выслал на прочесывание всего пригорода большую бригаду сыщиков, и они опросили каждого, кто мог быть потенциальным свидетелем. На это ушло две недели. Результат оказался нулевым.

Сенатор раскрутил самую грандиозную охоту на человека в истории США. Каждый полицейский участок на территории всей страны был снабжен фотографиями, отпечатками пальцев, рисунком сетчатки и записями с голо-

сами Дэнниса и Джонсона, а также описанием их внешности и привычек. К розыску было подключено даже ФБР, хотя и не было никаких свидетельств, что эти двое совершили какое-либо государственное преступление. Это было сделано самим президентом, которого Лангер посвятил в суть проблемы.

В дополнение ко всему этому, сенатор нанял еще тридцать частных агентств.

Разумеется, истинный смысл происходящего знали только трое: Карфакс, Лангер и президент.

К концу месяца, когда облава не дала результата, сенатор приобрел полчаса наиболее просматриваемого времени всех десяти основных телевизионных каналов. В экстренном выпуске были показаны фотографии Дэнниса и Джонсона, даны полные их описания и обещана награда миллион долларов — за любые сведения.

— Это должно соблазнить даже самых фанатичных приверженцев Вестерна, — сказал Лангер Карфаксу.

— Не уверен. Вестерн может обещать нечто большее, чем деньги — бессмертие.

— А как он сможет это сделать, не располагая "Медиумом"?

Карфакс задумался, не замечая, что окурок сигареты прижигает ему пальцы. Потом резко отшвырнул его и выругался.

— Как же я не подумал об этом сразу?

— О чем?

— Где бы Вестерн не был, он вовсе не намерен сидеть сложа руки, пока фараоны его не раскопают. Рано или поздно его обнаружат, он должен это понимать. Ему надо перебраться в новое тело. Значит, нужно построить еще один "Медиум"?

— Вполне возможно, — согласился Лангер. — Но как может нам помочь такое предположение?

— Мое расследование в Бигсур-Центре выявило определенное количество электрических деталей, типы применяемых плат и конструкцию шкафа, пульта управления. Многие из составных частей сгоревшего в Мегистусе "Медиума" иденфицированы. То есть можно получить частичную реконструкцию машины. Новую мы создать не сможем, но выясним, что именно придется заказывать Ве-

стерну, если он захочет собрать еще один "Медиум". Ему понадобится некоторое количество очень мощных электронных ламп, которые практически никогда не используются частными заказчиками. Составьте перечень всех поставщиков электрических деталей и производителей шкафов и пультов в США и в Канаде. Перечень всего того, что было продано со дня исчезновения Вестерна. Потом пропустите эти перечни через компьютер. Он сообщит, куда направлены детали, нужные для создания "Медиума". По этому адресу вы и найдете Дэнниса. То есть Вестерна.

— Вы представляете, сколько это отнимет времени и денег?

— Я знаю, что ваше личное состояние сильно пострадало, —сказал Карфакс. — Но вы с помощью президента можете добиться финансовой поддержки федерального правительства.

— Надеюсь. Но конгрессмены — сторонники Вестерна, могут учуять неладное и начать задавать вопросы. Узнав о том, что мы затеваем, тот снова затаится.

— Но мы не имеем права упускать этот шанс.

— Ладно, — согласился сенатор. — Я попрошу связать меня с президентом прямо сейчас. Прошу прощения.

Он закрыл за собой дверь в соседнюю комнату — комнату спецсвязи. А Карфакс решил пока что воспользоваться видеофоном. Он набрал номер своего дома в Бусирисе, и после трех звонков Патриция откликнулась.

— Извини, Пат, — сказал Карфакс. — Но я был слишком занят, чтобы позвонить утром. Лангер загрузил меня работой. Неофициально я — самый доверенный его секретарь. Как там у тебя?

— Ничего нового, если не считать, что очень по тебе скучаю, — улыбнулась она. — Ты приедешь в течение ближайших двух недель?

Он заколебался.

— Не знаю. Все может неожиданно измениться.

— Ты имеешь в виду Джонса и Дэнниса?

— Я не имею права обсуждать что-либо по телефону.

— Извини. Очень жаль.

— Но вид у тебя совсем не жалкий.

— И все-таки мне жаль. Себя. Я ужасно одинока. Мне не хватает тебя. Я уже вступила в женскую лигу

избирателей, посетила цикл лекций по живописи, обзавелась друзьями. Не хмурься, друзьями женского пола. Много читаю, не отхожу от телевизора... А когда наступает время ложиться в постель...

— Понимаю, — улыбнулся он. — Может быть, тебе следует вернуться в Вашингтон. Но и здесь мы будем видеться не часто. У меня сейчас восемнадцатичасовой рабочий день, если не больше. И все же это лучше, чем разлука.

— Нет, хуже, — запротестовала она. — И мне не нравится Вашингтон.

— Если все закончится благополучно, мы будем все время вместе. Сможем вести нормальную жизнь. При условии, разумеется, что мне удастся найти место преподавателя. Хотя, как мне кажется, Лангер сможет в этом помочь.

— О, надеюсь, — сказала она. — Мне не хочется жаловаться, Гордон, но я просто схожу с ума.

— Послушай, я приеду через неделю... или чуть позже, если работа пойдет на лад. Ничего определенного обещать не могу, но надеюсь, что все будет хорошо. Видишь ли, мне все это столь же не по душе, как и тебе.

— Но ты занят и приносишь пользу, а я — нет. Я хочу, чтобы ты был рядом, и я тоже могла быть занятой и полезной, заботясь о тебе, будучи хорошей женой.

— Знаю... Давай заканчивать разговор. Сенатор возвращается.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Очень-очень. До свидания. До скорого, надеюсь.

Вошедший Лангер бросил на видеофон настороженный взгляд.

— Кто это был?

— Патриция. Ей время от времени необходимо слышать мой голос.

— У нее какие-нибудь неприятности?

— Нет. Но она скучает.

— Завтра у нас слушание государственной инвентаризационной комиссии, — объявил сенатор. — У нее имеется полная опись всех электронных деталей, проданных за последние пять лет, кроме сорока восьми последних

часов. Специалисты организуют сканирование этих данных, как только получат их. Я велел Гаррисону, председателю ГИК'а, чтобы результаты были к завтраку.

Вы их получите, подумал Карфакс. Но вам это будет чертовски дорого стоить.

— Узнав адрес, мы захлопнем крышку, — продолжал Лангер. — На этот раз уйти будет невозможно. Я велю заблокировать все дороги, закупорить любые возможные пути бегства. Но мы не будем врываться, словно армия завоевателей. У него не должно возникнуть ни малейшего подозрения. Я хочу взять его живым и отдать под суд, чтобы выплыла вся низость совершенного им. И к тому времени, когда я с ним окончательно разделаюсь, у Вестерна на всей Земле не останется ни одного приверженца.

— Вы хотите рассказать обо всем? — удивился Карфакс. — Обо всем, что имеет хоть какое-либо отношение к этому делу? Я имею в виду...

Лангер взглянул на него и отвернулся, чтобы налить себе виски. Карфакс смотрел на его широкую спину и думал, что будет с ним и Патрицией, если события в особняке Лиффлона станут достоянием общественности. И неужели же сенатор позволит защите Вестерна докопаться до его участия в событиях в Мегистусе? Нет, вряд ли.

Лангер поставил бокал.

— Не будьте глупцом, Гордон. Я не собираюсь рисковать своей карьерой, даже если все содеянное мной было сделано из самых высоких побуждений, ради спасения человечества. Конечно, Вестерн может выдвинуть обвинения, но ему не удастся ничего доказать. А я смогу доказать все.

Карфакс взглянул на часы.

— Мне хотелось бы уйти спать, если я вам больше не нужен. Похоже, эта ночь будет короткой, а завтрашний день — длинным. То есть, если ГИК придет к определенному заключению.

— Обязательно придет. Спокойной ночи, Гордон.

— Спокойной ночи.

Карфакс думал, что его ожидает бессонная ночь. Он заснул почти мгновенно и без сновидений. Разбудил его телефон. На экране появилось лицо Лангера. Волосы его были взъерошены, под глазами темнели круги. По лицу блуждала счастливая, хотя и сатанинская, улыбка.

— Одевайтесь и сразу же спускайтесь вниз, — велел он. — Позавтракаем в самолете.

— Имя и адрес? — спросил Карфакс.

— Альберт Самсел. Дом на ферме поблизости от Понтиака, штат Иллинойс. Он приобрел ферму два года назад, но переехал совсем недавно. Описание соответствует Дэннису. Все детали были доставлены ему.

— Все как-то очень легко получается, — покачал головой Карфакс. — Но мы ведь еще не поймали его, не так ли?

XXII

На борту реактивного бомбардировщика находились Лангер, два его телохранителя, Карфакс и трое мужчин с непроницаемыми лицами из какого-то безымянного агентства. Между взлетом в Вашингтоне и посадкой в аэропорту Бусириса, штат Иллинойс, прошел всего час. Вся группа немедленно пересела в автомобиль, который в сопровождении полицейских на мотоциклах на большой скорости промчался через весь город и пересек реку Иллинойс. Затем был взят курс на восток по федеральной автостраде номер 24, имевшей по три полосы в каждом направлении и газон по оси. Еще через некоторое время машина свернула на федеральную автостраду номер 66, тоже разделенную газоном, но состоявшую уже из двенадцати полос.

Понтиак находился в 55 километрах от Бусириса. На всю поездку от аэропорта до него ушло 45 минут.

Вблизи Понтиака автомобиль и его эскорт свернули на местное шоссе номер 23 и проехали 13 километров на север по сельской местности. Неожиданно, после очередного виража, они натолкнулись на заслон. Автомобиль притормозил и остановился в нескольких метрах от патрульной машины автоинспекции штата. Из нее вышли двое в штатском и поздоровались. Это были федеральный судебный исполнитель Фред Тернер и мистер Селмс. Последний, как показалось Карфаксу, представлял тоже анонимное агентство, что и трое сопровождающих их группы, поскольку они отнеслись к Селмсу с заметным почтением.

— Фермерский дом находится в трех километрах отсюда, сенатор, — доложил Селмс. — Другой полицейский заслон выставлен в трех километрах от него с противоположной стороны дороги. В поле и среди деревьев вокруг дома заняли позиции шестьдесят человек. Ему не уйти отсюда ни в машине, ни пешком.

— Прекрасно, — сказал Лангер, окинув взглядом автомобили, выстроившиеся цепью на правой стороне дороги. Некоторые из них нетерпеливо сигналили, пока полицейские занимались тщательной проверкой документов.

Лангер взглянул на часы.

— Отправляемся туда тотчас. Передайте по радио второму заслону, чтобы больше никого не пропускали. Я хочу, чтобы шоссе было очищено от транспорта на протяжении шести километров. Возможна перестрелка.

— К тому времени, когда вы доберетесь до фермы, все машины, находящиеся сейчас на дороге, покинут шестикилометровую зону, - - сказал Тернер.

Он взмахнул рукой, и полицейские вместе с судебными исполнителями перешли на другую сторону дороги. Автомобиль Лангера объехал патрульные машины и выехал на мостовую.

Тремя минутами позже они остановились.

У самой дороги справа стоял старый двухэтажный дом, давно уже нуждавшийся в покраске. Позади него был расположен большой амбар, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь, небольшой трактор и крупный комбайн. Поля за фермой обильно заросли сорной травой. Загон для домашней живности был пуст.

Карфакс внимательно осмотрелся. Никого из шестидесяти человек, предположительно окружающих дом, видно не было.

Мимо проехал пикап. Водитель с любопытством взглянул на них. Из следовавшего за ним автомобиля вышел Тернер.

— Это последний, — сказал он. — Дорога очищена полностью.

План атаки был составлен еще во время разговора по радио в самолете Лангером и местными властями.

— Пошли, — сказал сенатор, но сам остался на месте.

Тернер, взяв мегафон, побрел по дороге к дому. Ярко сияло утреннее солнце, ласковый ветерок шевелил траву. Если бы не люди, пейзаж был бы само спокойствие и идиллия.

"Альберта Самсела" видели в последний раз в Понтиаке две недели назад. Он накупил столько всякой снеди в супермаркете, что ее запасов должно было хватить ему на месяц. Служащие не могли его вспомнить, пока им не показали фотографию Дэнниса, но и после этого у них не было абсолютной уверенности. Нынешний Дэннис обзавелся усами, если он действительно был им. Он был в магазине только дважды. Его запомнили только потому, что он расплачивался наличными.

Карфакса удивило, что Вестерн не воспользовался удостоверением личности. Его можно было бы легко подделать. Банк оплатил бы покупки в течение тридцати дней, и никаких подозрений не возникло бы. Он должен был понимать, что привлекает к себе внимание.

Внезапно он подумал о Патриции, находящейся всего в шестидесяти километрах отсюда. Она наверняка ужаснулась бы при одной мысли о таком соседстве. Но и Вестерн не знает, что она в Бусирисе.

Тернер в сопровождении Селмса и его людей, следовавших за ним в нескольких шагах, остановился перед посыпанным гравием въездом на ферму. Осмотрелся, вынул из кармана свисток и издал пронзительную трель. Тут же из-за деревьев с противоположной стороны дороги и из-за кустов поодаль раздались ответные свистки. Люди поднялись из укрытий и бросились к ферме.

Тернер, перейдя заросший травой газон, вышел на тротуар. Люди Селмса рассыпались во все стороны, сам Селмс зашел сбоку большого крыльца и пригнулся под окном.

Тернер поднес мегафон к губам.

— Рэй Дэннис! Говорит государственный исполнитель! У меня ордер на ваш арест! Выходите, заложив руки за голову! Даю вам десять секунд!

Люди по другую сторону дороги разбились на две группы. Одна окружила дом, вторая выстроилась цепью в кювете, который шел параллельно дороге. Люди, прятавшиеся в кустах, окаймлявших поля, пробежали уже половину пути к дому. Солнце играло на дулах их винтовок и автоматов.

В доме не было заметно никакого движения.

Карфакс медленно сосчитал до десяти.

Тернер дал знак двум судебным исполнителям, и они направили дула своих винтовок, заряженных пулями со слезоточивым газом, в два передних окна, расположенных по обе стороны от крыльца. Раздался звон выбитых стекол, из дома повалил густой белый дым.

Тернер отдал еще одно распоряжение, и туда же полетели еще четыре гранаты со слезоточивым газом. Подоспевшие с окраин поля люди быстро обыскали амбар и заняли позиции за трактором и комбайном.

— Что ж, я учел и то, что у него может быть противогаз, — сказал Лангер и тихо произнес что-то в микрофон крохотной рации на запястьи.

Люди в противогазах взломали переднюю и заднюю двери топорами и исчезли внутри. Через несколько минут один из них вышел на переднее крыльцо. Сбежав вниз, он снял противогаз и что-то сказал Тернеру. Тернер взмахом руки подозвал Лангера.

Лангер широкими шагами пересек газон. Карфакс старался не отставать.

— Ну что? — нетерпеливо спросил сенатор.

— Все нормально. Дэннис внутри. Но он мертв. Мертв уже больше недели. Джоффрейз утверждает, что его убило током!

Лангер с трудом сдерживал нетерпение, но нужно было подождать, пока рассеется газ. Чтобы быстрее проветрить дом, были выбиты еще несколько окон, и уже через пять минут Лангер и Карфакс смогли войти внутрь. Там было еще немало газа, они закашлялись, но на втором этаже было немного лучше. Здесь им показали наполовину собранный "Медиум" и труп. Вонь стояла такая, что их едва не вырвало. Пришлось одеть противогазы.

Труп лежал на боку рядом с машиной. Лицо опухло и почернело, но в том, что это Дэннис, сомнений не было.

Тернер указал рукой на вскрытое нутро машины, а затем на полоску, несколько более темную, чем гниющее мясо, на опухшей руке мертвеца. Карфакс все понял. Вестерн случайно прикоснулся к высоковольтному трансформатору и был мгновенно убит.

Творение погубило своего творца.

Еще один Франкенштейн и его чудовище, подумал Карфакс.

Затем посмотрел на силовой выключатель. Он все еще питал установку. Карфакс отсоединил силовой разъем, но дал знак остальным не подходить близко к машине.

Выйдя с Лангером и Тернером в коридор, он снял противогаз. Несмотря на то, что дверь в комнату была закрыта, зловоние вспучивало содержимое желудка.

— Сборку машины можно завершить без особого труда, — сказал он Лангеру. — Вестерн мертв, но осталось его наследство. Что вы намерены с ним делать?

— Наследство? Вы думаете о свой двоюродной сестре, не так ли? И если вы все-таки решитесь на ней жениться, то половина доходов будет ваша, правда?

— Разумеется, — спокойно ответил Карфакс. — Но меня больше интересует, в каких целях будет использован "Медиум". Честно говоря, если... когда Пат добьется контроля над "Медиумом", я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы ограничить его использование строго определенными рамками. Общение с эмсами будет запрещено, за исключением исследований в области истории или других наук. Но и здесь будет соблюдаться максимальная осторожность.

— А как с его использованием в качестве источника дешевой энергии? Мир не позволит вам воспрепятствовать этому.

— Знаю, — сказал Карфакс. — Но буду настаивать на длительном и тщательном изучении всех необычных эффектов, прежде чем он будет использован с этой целью. Откуда нам сейчас знать, не ослабит ли это стены между нашей вселенной и вселенной электромагнитных существ?

— Я сам всецело за это, — согласился Лангер. — А пока я вынужден конфисковать установку и все к ней относящееся от имени федерального правительства.

— Будем надеяться, что с ней ничего не случится, пока она будет под замком, — сказал Карфакс. — Никакого, к примеру, пожара, который уничтожит и "Медиум", и все чертежи.

— Вы слишком подозрительны, — рассмеялся сенатор.

— Если что-либо подобное случится, это только отсрочит неизбежное. Теперь можно держать пари, что кто-нибудь еще раз изобретет его.

— Неужели же вы считаете, что мне неведомо понятие "этика"?

Карфакс ничего не ответил.

Селмс отвел Лангера в сторону. Штатские лица, которых Карфакс не видел раньше, но которые, казалось, были людьми Селмса, внесли фотокамеры, оборудование для обнаружения отпечатков пальцев в пыли, небольшие ящики с какой-то еще аппаратурой. Он вышел во двор. Вдоль дороги стояло уже не менее тридцати автомобилей.

— Весь дом будет обыскан, а тело Вестерна отправят в Вашингтон, — пояснял Лангер. — Одна из бригад Селмса демонтирует "Медиум". Вы можете ехать домой. Я весьма благодарен вам за помощь, которую вы мне оказали.

Он протянул Карфаксу руку.

— Я уволен?

— Скажем, с почетом освобождены от своих обязанностей. Вам будет выплачено месячное выходное пособие.

— Вам нельзя отказать в решительности, — сказал Карфакс. — Я могу положиться на вас, если нарвусь на неприятности в ходе судебного расследования?

— Вы имеете в виду события в Бонанза-Серкусе? Безусловно. Я не бросаю своих людей на произвол судьбы даже тогда, когда они перестают на меня работать. Я даже возьму на себя все ваши расходы, связанные со следствием. Оно может длиться довольно долго.

Что означает, в некотором смысле, что я буду оставаться вашим служащим, подумал Карфакс.

К ним подошел Селмс, неся четыре большие папки.

— Записи Дэнниса, — доложил он. — И микрофильмы чертежей. Я просмотрел несколько страниц в первой папке. Надеюсь, вы не возражаете?

— Не вижу причин возражать. Вам так или иначе придется со всем этим ознакомиться, — ответил Лангер. — Но без моего разрешения никто больше не имеет права прикасаться к этим материалам.

— Этот человек был сумасшедшим, — усмехнулся Селмс. — Тут какие-то бредовые идеи о возможности создания искусственных человеческих тел и даже проект финансирования исследований по выращиванию законченного индивидуума из одной клетки его тела.

— Не совсем... — начал было Лангер, но осекся, заметив, что Карфакс все еще стоит рядом. — До свидания, Гордон, удачи вам, — сказал он, еще раз протянув руку для пожатия. — Не сомневаюсь, что мы еще встретимся.

— Я тоже не сомневаюсь, — вздохнул Карфакс.

Он подумал, что, вероятнее всего, эта встреча произойдет в суде. Карфакс против народа Соединенных Штатов. Предмет спора — право собственности на "Медиум".

Он повернулся и побрел прочь, только сейчас осознав, что уехать ему не на чем. Разозленный внезапным увольнением, он не хотел просить у Лангера машину, и поднял руку перед грузовиком, который притормозил у фермы. Водитель, молодой фермер, с любопытством уставился на невиданную в этих краях картину. Карфакс пояснил ему, что это дело государственной важности, и он не в праве что-либо рассказывать, но в газетах скоро будет подробная информация о происшедших здесь событиях.

Вышел он в районном центре и сразу отправился на автобусную станцию, позвонив предварительно Патриции. Она очень обрадовалась известию о смерти Вестерна, но Карфакс быстро охладил ее:

— Возможно, пройдет не один год, прежде чем мы сможем вступить во владение "Медиумом". А может, не сможем вообще.

— Что? — вскрикнула она. — Я законная наследница! Какого черта...

— Бессмысленно убиваться по этому поводу, Пат, — перебил ее Карфакс. — Такова сложившаяся ситуация. Придется запастись терпением. Думаю, все кончится хорошо. Не кипятись. Если хочешь, заезжай за мной на автобусную станцию. И приготовь побольше выпивки. Мне нужно как следует расслабиться и отдохнуть, не говоря уже о любви.

Патриция на мгновение задумалась.

— Хорошо. Я заеду.

И прервала связь.

Карфакс тяжело вздохнул. У него не было настроения умиротворять ее. Тем более, что он терпеть не мог ее истерик. Они не раз говорили о вероятности длительного судебного расследования, и пора бы ей привыкнуть к этой мысли.

По пути в Бусирис он думал о замечаниях Селмса в отношении записей Вестерна. Селмс, кажется, был ошеломлен. Лангер, хотя ничего и не сказал, должен был понять, что все это означает. Вестерн намеревался начать глубокие исследования по воспроизведению копий людей и по созданию искусственных живых существ только по одной причине — чтобы эмсы могли переселяться в созданные тела. Ныне живущие люди будут отдавать свои клетки на сохранение в условиях глубокого охлаждения. Затем, когда донор умрет, клетка будет подвергнута соответствующей обработке, в результате чего появится новое тело. То, что каждая клетка содержит в себе всю генетическую информацию, известно давно. Не хватает только должной технологии. Но ее можно разработать, имея достаточно денег, решимости и времени. Не страшно, что реализация этого проекта отнимет лет сто и даже двести. Эмсы за это время никуда не денутся, продолжая существовать в своей бесплодной вселенной.

Карфакс не раз читал о работах в этой области в "Сайентифик Американ". Ученым уже удалось вырастить из одной-единственной клетки кролика на стадии, соответствующей его появлению из чрева матери.

Но если можно будет из клетки создать новорожденного человека, то каким образом в него сможет вселиться взрослый эмс? Ведь нервная система ребенка развивается медленно. Значит, ему придется выдерживать кормление, купание, смену пеленок, будучи пленником в теле младенца. Будет ли сознание взрослого человека вступать в конфликт с медленным процессом роста детского тела? Не приведет ли это к нервным расстройствам или даже безумию ребенка, мозг которого занимает взрослый разум?

С другой стороны, телу нельзя дать самостоятельно развиваться до тех пор, пока оно не станет достаточно зрелым для комфортного вселения эмса. Ведь оно будет иметь свой собственный мозг, разовьется собственная личность, и подавление ее станет преступлением, тем психическим изнасилованием, которое Вестерн произвел над Дэннисом.

Теперь, если задуматься, ребенок, выращенный из клетки, должен иметь свои собственные гражданские права...

Так. С любой точки зрения — физиологической, психологической, законной или этической — это будет неправильно.

Пожалуй, Вестерн и сам понял это после того, как подобная мысль впервые пришла ему в голову.

Он должен был прийти к выводу, что создание искусственных тел вызовет гораздо меньше возражений. И, если эмс был взрослым, ему будет предоставлено взрослое тело, даже лучше, чем было в прошлой жизни, а если был ребенком, то и переселен будет в детское тело.

Но нельзя возвращать к жизни идиотов, умственно больных и неисправимых преступников. Или можно? Идиот становится идиотом вследствие нарушения биохимических процессов в теле или повреждения мозга. Здоровое тело и здоровый мозг могут повлиять на эмса к лучшему...

Да, все это можно выяснить только опытным путем.

Но мир и без того сейчас перенаселен. Куда же девать всех этих воскрешенных к жизни покойников?

Вестерн должен был обратить внимание на этот аспект проблемы. И, вероятно, он намеревался сохранить свои исследования в тайне, открываемой только избранным. Да, пока создание искусственных тел не налажено, пришлось бы пользоваться ворованными телами, но это очень рискованно. Хотя риск этот с лихвой оплачивался богачами и влиятельными лицами, жаждущими получить бессмертие. Но когда на рынок будут выброшены искусственные тела...

У Карфакса не было сомнений в том, что лет через сто Вестерн осуществлял бы тайный контроль над всем земным шаром. Он и его приспешники претворили бы в жизнь мечту, которая вдохновляла авторов несметного количества фантастических романов — мечту о власти над всем миром.

Властелин мира... Самый богатый человек шаг за шагом стал бы владельцем всех предприятий, осуществлял бы полный контроль над смертью, убирая неугодных и ставя на их место (вернее, в их тела) своих людей...

Ему даже не надо было бы спешить, устраивая все это. Временем он бы располагал поистине безграничным.

Нет. Краткое мгновение небрежности поставило крест на всех его начинаниях. Электричество равнодушно к положению человека, его богатству и замыслам. Оно выбирает путь наименьшего сопротивления.

Да, Вестерна не стало. Но мир уже никогда не будет таким, каким был раньше. Причиной тому является возможность сооружения "Медиума".

Автобус подкатил к перрону, и Карфакс увидел улыбающуюся Патрицию. Никогда еще она не выглядела такой красивой.

XXIII

По пути домой Патриция засыпала его градом вопросов. В конце концов, он даже попросил ее дать ему возможность ответить на предыдущий вопрос прежде, чем она атакует его следующим. Патриция только расхохоталась — как он может не понимать ее состояния?

— Все прекрасно, — сказал он. — Только смотри, пожалуйста, на дорогу. Было бы очень некстати, выйдя невредимым из всего этого кошмара, погибнуть в глупой дорожной катастрофе.

— Я действительно очень возбуждена, — улыбнулась она. — Может, лучше тебе сесть за руль?

— Нет. Просто постарайся успокоиться. У нас впереди уйма времени обсмаковать все до мельчайших подробностей.

Через пять минут они уже стояли у двери. Патриция все никак не могла справиться с ключами.

— Я так волнуюсь! — виновато посмотрела она на него. — Даже пальцы не слушаются. Ну вот, наконец-то.

Он поставил чемодан перед лестницей на второй этаж и сразу направился к бару. Там стояла вазочка с кубиками льда, портвейн, виски, водка, джин, темное пиво и два бокала.

— Ты, должно быть, пригласила с десяток гостей, — рассмеялся он, положил себе в бокал кубик льда и налил виски.

Патриция стояла посреди комнаты, глядя на него с явным удивлением.

— Так где же гости?

Она, наконец поняла, что он шутит?

— Вечно ты стараешься разозлить меня, Гордон! Никаких гостей, разумеется, не будет. Я просто произвела инвентаризацию наших запасов спиртного. По твоей, кстати, просьбе. И, по правде говоря, мне казалось, что первое, что ты сделаешь — это схватишь меня, а не виски.

Он рассмеялся.

— Решай сама, что раньше. Так постель или отчет?

Она села и вынула из сумки пачку сигарет.

— Отчет, разумеется.

— Браво.

Патриция сделала глубокую затяжку, выдохнула дым и невинно поинтересовалась:

— Ты не будешь возражать, если я пропущу рюмочку, дорогой?

— Ради бога!

Он налил ей портвейн и, подавая бокал, склонился к ее губам. Губы оказались настолько жадными, что ему пришло в голову, что допрос с пристрастием можно отложить и на потом. Хотя нет. Она, конечно, изголодалась по сексу, но ему бы не хотелось, чтобы мысли ее в постели были заняты Вестерном.

Карфакс сел рядом с ней, вдохнул исходящий от бокала аромат, пригубил, ойкнул от удовольствия и опрокинул грамм тридцать.

— А теперь, — сказал он, — начнем обо всем по порядку с самого начала.

Она молча выслушала его и, когда он закончил, произнесла:

— Это, наверно, было ужасно. Я имею в виду зрелище разложившегося тела. Но все же мне его жалко, хотя он и был самым гнусным на свете негодяем.

— Запах от него был еще хуже, чем вид. Кажется, это зловоние исходило и тогда, когда он был еще жив.

— Ну что ж. На этот раз он уже не вернется. Так что выпьем за упокой его души, где бы она не находилась.

— Еще лучше — за то, чтобы он всегда оставался там, где находится сейчас, — поправил ее Карфакс. Выпил бокал до дна, закашлялся, вытер слезы и встал. — Идем. Я не в состоянии больше терпеть.

— Уверена, что это — лучший способ отпраздновать, — улыбнулась она и тоже встала.

Он взял ее руку и повел наверх.

— Должно быть, ты на самом деле исстрадалась, бедненькая, — заметил Карфакс некоторое время спустя. — В первый раз за все время исцарапала мне спину. Когда

ты это делала, я совсем не возражал, но теперь спину изрядно печет.

Он поднялся с кровати и повернулся к зеркалу боком, разглядывая царапины.

— Теперь уж поухаживай за мной, раз ты это сделала. Зализи мои раны.

В ванной он достал бутылку спирта и коробку с пластырями. Патриция с сигаретой в зубах и с видом, очень далеким от раскаяния, вошла в ванную мгновением позже. Она обработала раны спиртом и наложила пластыри. Он повернулся, и она прижалась к нему обнаженным телом.

— Я еще не совсем удовлетворена.

Голос ее был совсем тихим.

— Дитя, уколовшись о шипы, больше не тянется к розе, — вспомнил он строчку из арабской поэзии.

— Что?

— Да так, не обращай внимания. Просто таким образом можно навеки отучить от секса.

Чуть погодя, уже одетый, Карфакс спустился вниз. Патриция последовала за ним в одном халате и попыталась было расположиться на том же месте на диване.

— Может быть, ты приготовишь кофе? — спросил он. — Мне нужно что-нибудь возбуждающее.

— Пожалуйста, — недовольным тоном ответила она, опуская ноги с дивана. — Растворимый? Или сварить покрепче?

— Сварить. И как насчет сэндвича? Тогда я еще, может быть, продержусь до ужина.

Она удивленно посмотрела на него.

— Я надеялась, что ты сводишь меня куда-нибудь. У меня что-то нет настроения стряпать сегодня вечером.

— Помнится, ты обещала стать мне хорошей женой, — заметил он. — Что-то я этого пока не замечаю.

— Ну еще один, последний разок!

— Нет. Я устал кормиться в ресторанах.

— А я устала от стряпни.

— Ладно, дорогая, сдаюсь. Но только на сегодняшний вечер. Завтра будешь готовить мои любимые блюда.

Вот так у нас всегда, подумал Карфакс. Всего лишь пару часов вместе, а уже начинаем ссориться, хотя нельзя назвать просьбу Патриции непомерной. С другой стороны, я тоже хочу совсем немногого.

Он услышал звук льющейся в кофейник воды, за ним последовал звон, словно она уронила на пол крышку и приглушенное ругательство. Улыбнувшись этим привычным домашним звукам, он откинулся к спинке кресла, затем вздрогнул и снова подался вперед. Чертовы царапины!

Да, им придется поработать над тем, чтобы сгладить свои разногласия и пригасить раздражительность. Они на самом деле любят друг друга. Он не видел причин, по которым стоило бы и дальше откладывать женитьбу. Они прожили вместе достаточно долго, чтобы узнать друг друга и понять, что их ждет в будущем. Он вполне мог бы поставить этот вопрос напрямую уже сейчас, когда она вернется из кухни. Однако, ему не хотелось, чтобы официальное предложение сопровождалось бурными объятиями — спина болела даже от прикосновения рубашки. Чертовка! Прелестнейшая женщина!

Вошла Патриция, неся на блюдце чашку дымящегося кофе, поставила его на кофейный столик и остановилась перед Карфаксом, словно в ожидании следующих распоряжений.

— Что? — спросил он.

— Разве что-то не так?

— Ты, кажется, чего-то ждешь?

— О нет, ничего. Я просто никак не могу отделаться от мысли о Вестерне. Так трудно поверить в то, что больше нечего бояться.

Резко повернувшись, она направилась в кухню. Он открыл рот, чтобы попросить ее вернуться и сесть, но передумал. На самом деле, зачем эта спешка с предложением.

Его нерешительность могла проистекать от подсознательного нежелания делать ей предложение. Было ли тому причиной отсутствие настоящей любви? Или он опасался, что с ней произойдет то же самое, что с его предыдущими женами? Насильственная смерть...

Карфакс боялся за нее.

Но ведь это только глупое суеверие. Он вовсе не был каким-то роковым супругом, и не все в этом мире любит, подобно богу, троицу.

Дверь холодильника закрылась как раз в то мгновение, когда он поднес чашку к губам. А затем, одновременно с первым глотком, из кухни раздался какой-то хруст.

Несколько секунд Карфакс прислушивался. Чашка так дрожала в его руке, что часть кофе расплескалась. Он поставил ее и неестественно громко спросил:

— Что ты там делаешь, Пат?

Хруст прекратился, и после некоторой паузы она спокойно ответила:

— Решила чуток заморить червячка. А что?

Сердце его колотилось так сильно, что он боялся потерять сознание. Но заставил себя подняться, пересек комнату и заглянул на кухню. Она стояла у кухонного столика, перед нею дымилась чашка кофе. Он медленно приближался к ней, не отрывая глаз от стебля сельдерея в ее руке.

— В чем дело? — спросила Патриция. — Ты такой бледный...

Карфакс остановился.

Ее кофе был светло-коричневого цвета. Рядом с чашкой стояла пластмассовая банка со сливками и сахарница.

— Ты... ты... — выдавил он из себя, двигаясь на нее.

— В чем дело? — выкрикнула она, вся съежившись и дико озираясь вокруг.

Он взревел и бросился вперед. Патриция закричала, схватила чашку и плеснула ее содержимое ему в лицо. Его вопль от боли слился с ее визгом, на мгновение он ослеп. И сразу же потерял сознание.

XXIV

Очнулся Карфакс в кресле. Лицо горело, голова мучительно болела. Руки были туго привязаны к туловищу, другая веревка стягивала лодыжки. Еще две веревки вокруг груди и вокруг пояса плотно прижимали его к креслу. Все три лампы в гостиной горели, окна закрывали плотные шторы. В комнате никого не было.

Даже одним здоровым ухом он слышал возню наверху. Кто-то усердно трудился, волоча по полу что-то тяжелое. Этот кто-то должен был быть Патрицией. Еще через минуту это что-то загромыхало по ступенькам. Из-за угла появилась Патриция. Теперь на ней был брючный костюм

и она, наклонившись, что-то тащила за собой. Это была картонная коробка шириной метра в два. Не обращая на него внимания, она протянула ее через всю комнату к нише в нижней части стены рядом с двустворчатым окном, выходящим на веранду. Потом выпрямилась, тяжело дыша.

— Вот она, неприятность, таящаяся в женском теле. Совсем нет мускулов. Зато есть другие преимущества.

Карфакс был готов к чему угодно, но его поразило ее произношение с частыми, типичными для уроженцев Новой Англии, придыханиями.

Она, должно быть, умышленно говорила так, потому что в дальнейшем ее речь была обычной, общепринятой среднезападной речью. И ритм был совсем не таким, как у прежней Патриции. Как он мог не заметить этого?

Патриция исчезла в кухне и вернулась с большим кухонным ножом. Все внутренности его съежились при виде этого тесака,но она собиралась использовать его, во всяком случае, пока что, для того, чтобы разделаться с ящиком.

Разрезав картон сверху донизу, Патриция, упершись ногой, вытолкнула наружу металлический куб с дисплеем и пультом управления. Остановившимся взглядом Карфакс смотрел на аппарат, пока она не заслонила его, толкая перед собой сервировочный столик. Пыхтя, раздраженно дергаясь и временами ругаясь, Патриция взгромоздила на него куб, затем размотала длинный шнур питания. Однако он, по ее мнению, оказался недостаточно длинным, и она снова ушла на кухню за удлинителем крупного сечения, подсоединила его и воткнула в стенную розетку. Потом зашла за аппарат и что-то проверила. Подняла голову, и впервые ее глаза встретились с глазами Карфакса.

— Старик Руфтон оборудовал этот ящик автоматическим устройством управления, но нужно было проверить, что два провода от него присоединены к соответствующим зажимам. Эта модель сделана кое-как. Своего рода опытный образец. Но он действует.

Карфакс, как завороженный, молча наблюдал за ней.

Она стала перед аппаратом, покрутила какие-то рукоятки, щелкнула несколькими тумблерами, экран засветился, но снова потускнел, выключенный.

Патриция улыбнулась.

— Вот так. Все идет нормально. Вот только что с вами делать...

Карфакс промолчал. Она села на диван и закурила.

— Ладно, — спокойно прозвучал ее голос. — Как вы догадались?

— Пат... Пат, — вымолвил он, задыхаясь.

Неожиданно по щекам потекли слезы. Он оплакивал Патрицию, не в силах сдержаться.

Она (он никак не мог думать о ней, как о мужчине) равнодушно смотрела на него, ожидая, когда он будет в состоянии говорить.

— Плачьте. Хуже не будет. Но и ничего хорошего я вам обещать не могу. И все-таки, каким образом вы обнаружили подмену?

— Пат терпеть не могла сельдерей и кофе со сливками.

Она пожала плечами.

— Вот поэтому я и замешкался, подавая вам кофе. Мне неизвестны ваши вкусы, и я готов был в любую минуту извиниться за забывчивость. О вкусах Патриции я как-то тоже не был осведомлен, и поэтому решил пить кофе на кухне. И все же совершил глупость. Я обожаю сельдерей, и мне в голову не могло прийти, что кому-то он может не нравиться. Что ж, при игре в кошки-мышки возможны просчеты, и теперь мне придется изменить кое-какие свои планы.

— Чем это вы меня стукнули?

— Молотком. Я все же припас его на всякий случай. И очень старался не убить вас. Это было бы очень некстати. Как бы я мог объяснить вашу внезапную насильственную кончину? И я устал был в бегах. К счастью, у вас оказался крепкий череп, а женские мускулы слишком слабы. К тому же молоток был тупым.

— И все же я мог откинуть копыта.

— Не будем об этом. Я проверил вас. Ничего страшного. Легкое сотрясение. Вы будете жить. То есть, извиняюсь, ваше тело.

Карфакс понимал, что шансы его равны нулю. Но ему отчаянно хотелось отсрочить неизбежное, и наилучшим способом добиться этого было заставить ее как можно дольше говорить.

— Как вы обнаружили, что Патриция живет здесь?

— Это было нетрудно. Знаете ли, я все еще имею организацию. И знал, где находитесь вы, она и Лангер. Вот почему я затаился поблизости от Понтиака. Это было всего лишь одно из более чем двадцати убежищ, которые я давно уже подготовил. Нетрудно было догадаться, что вы будете выслеживать меня через электронные фирмы. Поэтому-то я и инсценировал собственную случайную гибель. Но прежде построил этот мини- "Медиум", схемы которого были разработаны вашим дядей, этим старым тупицей Руфтоном. Он был гений. Но гений глупый. Ему почему-то казалось, что я намереваюсь оставить его в живых.

— Сомневаюсь, — покачал головой Карфакс. — На самом деле дядя надеялся бежать.

— И поглядите, где он теперь. Снова в своей колонии.

— В той же?

— Конечно. Когда эмс извлекается "Медиумом", другой не может занять его место. Он остается свободным в ожидании владельца, отвергая новых. Почему — мне неизвестно... Не выпить ли еще кофе?

Хотя во рту у Карфакса пересохло, он проклял бы себя, если бы попросил пить.

Она вернулась с чашкой кофе и стаканом воды. Заметив его удивление, улыбнулась.

— Мне, видите ли, нужно поддерживать ваше здоровье. Вот, выпейте. И не вздумайте сотворить что-либо героическое, типа плевка мне в лицо.

Она поднесла стакан к его губам. Вкус воды был восхитительным. Вместе с ней в тело вливалась надежда. Глупо было рассчитывать на неожиданное спасение, но разве в этом мире можно что-либо знать наперед?

А он знал. Знал, что скоро будет вращаться в строго регламентированном танце вместе с другими, потерявшими надежду. Как это — быть созданием из чистой энергии. Очень скоро он узнает это. Если только не...

Что "не?" Даже если бы ему удалось высвободиться из веревок, он вряд ли сможет что-либо сделать. Каждый поворот головы сопровождался болевым уколом, пронзающим все тело.

Не отрывая глаз, Карфакс наблюдал, как она с кошачьей грацией устраивается на диване.

— Как вам удалось справиться с Патрицией?

Она рассмеялась.

— Я приехал сюда поздно ночью, обошел дом, алмазным резаком вырезал стекло в двери, просунул руку, открыл замок, поднялся наверх и обнаружил, что ваша кузина спит как убитая. От нее изрядно попахивало виски. Я впрыснул ей умеренную дозу морфия, связал и установил рядом свой новенький, легко управляемый мини-"Медиум" — вершину творчества вашего дядюшки. Когда она пришла в себя, я овладел ею — такая красота не должна была пропасть даром. Кроме того, мне хотелось отплатить ей за тот отказ в Лос-Анджелесе. Должен признаться, что я был серьезно обеспокоен тем, чтобы не наградить самого себя ребенком, но предположил, что она пользуется таблетками.

— Гнусный сукин сын! — прорычал Карфакс.

Она улыбнулась.

— У вас это, уверен, получилось бы гораздо лучше. Затем я настроил "Медиум" и совершил обмен. Это было очень трудно. Не сам обмен, разумеется. Просто, оказавшись в ее теле, я должен был позаботиться о ней в теле Дэнниса. Поэтому, находясь еще в теле Дэнниса, я обмотал крепкой веревкой свои лодыжки и привязал их к кровати. Затем подвязал левую руку к левой ноге. Это было чертовски нелегко сделать. Ваша кузина лежала в кресле рядом. Я накачал ее морфием. Такой дозой, чтобы она не смогла сильно сопротивляться, но в то же время не была слишком вялой — я должен был прийти в себя настолько быстро, чтобы не дать ей в теле Дэнниса возможности высвободиться. Кстати, меня еще ожидали затруднения с координацией движений в первые мгновения после обмена. Вам что-либо известно об этом?

— Да. Я понял это, когда получил сообщение о поведении Лиффлона в течение первой недели пребывания в Мегитсусе. Кстати, кого вы вселили в его тело?

Она звонко расхохоталась.

— Вам хотелось бы, чтобы я говорил вечно, не так ли? Что ж, не возражаю. Люблю внимательную аудиторию. Здесь было одно серьезное условие — эмс должен был уметь управлять двухтурбинным самолетом. Конечно, можно было заставить Лиффлона полететь обычным пассажиром, но было широко известно, что он никому не раз-

решал садиться за штурвал своего самолета, а возбуждать лишних подозрений мне не хотелось. Поэтому я раздобыл эмса, который был генералом ВВС, Траверса. Вы, должно быть, помните его гибель в автомобильной катастрофе около пяти лет назад. Обнаружив его местоположение, я объяснил ему ситуацию. Сначала он много вопил о этике, но сделал все, что от него требовалось. Все это делают. А каким образом вы раскололи Лиффлона?

— Вы никогда об этом не узнаете.

Она улыбнулась.

— Достойно восхищения. Благородство до конца. Вы, конечно же, не выдадите миссис Уэбстер. О, не надо разыгрывать потрясение. Кому, как не ей, быть источником информации? Лиффлон, конечно же, не стал мне рассказывать о своей исповеди, но это нетрудно было предугадать. Я не потрудился убрать ее — она не представляла для меня опасности. Кто станет обращать внимание на спятившую заклинательницу духов? И все же я не спускал с нее глаз. Вернее, ушей — ее квартира была оборудована аппаратурой для подслушивания... Но вернемся к вашей кузине. Я чувствовал себя одурманенным, когда производил обмен. Но ваша сестра тоже была этому подвергнута, а практики преодоления, как у меня, у нее не было. Поэтому, одев шлемы и закончив подготовку, я нажал кнопку включения автоматики. Все было настроено заблаговременно, и обмен должен был произойти без какой-либо дополнительной ручной подстройки. И все же я несколько минут не решался нажать кнопку. Ведь из-за нападения на Мегистус у меня не было времени испытать его. Что, если Руфтон совершил какую-нибудь ошибку? Что, если какой-либо сильный эмс ухватится за предоставившийся ему шанс и овладеет ситуацией?

— А это может произойти? — спросил Карфакс.

— Может. Именно так я и поступил в свое время. Вам следовало бы знать об этом. Хотя как вы могли узнать? Вестерн и Руфтон экспериментировали с двумя образцами. Один находился в доме вашего дяди, другой — в квартире Вестерна. Возможно, Вестерн вынашивал планы захвата "Медиума". Доподлинно мне это неизвестно. В любом случае, на меня они вышли при помощи аппарата Вестерна. Все произошло совершенно случайно. Они меня не

разыскивали, просто прощупывали наобум. Но я понял, что путь открыт, и воспользовался им.

Каким образом вы это поняли?

— Просто узнал. Ни английский язык, ни любой другой, как мне кажется, не способен описать, что это такое — быть эмсом. Не видеть. Не слышать. Не обонять. Не осязать... Вообще никаких чувственных восприятий. Там нет ощущения времени, и это прекрасно, ибо иначе мы бы все посходили с ума. И не спрашивайте у меня, как это можно существовать, не ощущая течения времени. Я не смогу объяснить. Можно, правда, общаться с членами своей колонии. А вот между колониями связи нет, так что круг общения ограничен восемью-десятью людьми. И это происходило испокон века, пока не был изобретен "Медиум". Я не знаю, каким образом мы общались. Как бы слышали какие-то слова — механизм этого процесса для меня до сих пор не понятен. Возможно, это одна из форм телепатии. Но, как бы это ни называлось, я был в состоянии понимать только троих членов колонии. Одним из них была женщина, немного говорившая по-английски, из буров Трансвааля, которая умерла через несколько секунд после меня...

— А когда это произошло?

— 7 января 1872 года. Вам хочется узнать, кто я? Узнаете. В свое время. Мне хотелось бы приберечь самое интересное до окончания нашей беседы... Был еще какой-то французский поэт, довольно бегло говоривший по-английски. У меня не было почти ничего общего ни с ним, ни с той женщиной. И еще меньше общего было у меня еще с одним, говорившим по-английски, невероятно высокомерным и глупым британским лордом, ветераном Крымской войны. Все остальные говорили на всякой тарабарщине вроде китайского, либо были детьми. Из всего это было наихудшим, как мне кажется. Все эти детские, непрерывно хнычущие, голоса... Но я быстро научился не воспринимать их.

— Это не оставляет камня на камне от моей гипотезы, — задумчиво произнес Карфакс. — Получается, что эмсы на самом деле являются душами покойников?

— О, вы говорите о своей бредовой идее? Хотя, может быть, ваша гипотеза будет весьма полезной. Может,

объявить о том, что она доказана? Это избавит меня от травли со стороны верующего сброда. Я буду продолжать контакты с эмсами, но в строгой тайне. Основным доходом станет использование "Медиума" в качестве энергии.

— Не думаю, что вам теперь удастся убедить в этом людей.

Она пожала плечами.

— Тогда я выпутаюсь из создавшегося положения как-нибудь иначе... Но мы, кажется, отклонились от темы? Так вот. В конце концов я нажал кнопку включения автоматики и обмен душами произошел без сучка и задоринки. Я оказался в мозгу Патриции. Тело хотело спать, но я заставил его осуществить намеченный план. Это было нелегко, но силы воли мне не занимать. Я освободился от веревок и попытался встать, но упал. Шлем слетел с моей головы. Ваша кузина тем временем боролась с безумной яростью, но преуспела только в том, что опрокинулась назад вместе с креслом, к которому было привязано тело Дэнниса. Падение оглушило ее. Я плотнее связал ее, после чего вынув кляп из своего рта, воткнул его в рот Дэннису. Затем дал ему ударную дозу морфия, заполз в постель и уснул.

— Вы оставили ее валяться на полу, привязанную к креслу?

— Конечно. Все равно ей было положено умереть в тот же день. Кроме того, я не располагал ни силой, ни должной координацией движений, чтобы поднять кресло. Проспав несколько часов, я проснулся к полудню и стал прохаживаться вверх-вниз по лестнице, пока не освоился с новым телом. Оно мне понравилось. Особенно интересно было ласкать самого себя и вспоминать, как я вчера с собою же совокуплялся.

Она громко расхохоталась и долго не могла остановиться. Наконец, вытерев слезы, продолжала:

— Вы даже представить себе не можете, как страстно мне хотелось затащить вас в постель. Должен признаться, что поначалу это показалось отвратительным, — мужское сознание, знаете ли... Но я превозмог себя и могу теперь поделиться с вами своим открытием — женщины получают от секса удовольствие большее, чем мужчины. Вот уж никогда не думал. И постараюсь оставаться в этом теле

как можно дольше, во всяком случае, пока не вступлю в законное владение "Медиумом". Вы даже представить себе не можете, какой я заведу табун из молодых жеребцов!

— Полагаю, гомосексуалисту легко освоиться в женском теле, — язвительно заметил Карфакс.

Она как-то странно взглянула на него и снова разразилась хохотом.

— И это вы говорите мне, старому жеребцу Дэну? Так вот, парниша, я был известен на всю Америку своей подборкой бродвейских красоток. Трехразовый за ночь Дэн — вот как меня называли, наряду с другими, не такими приятными прозвищами. Я одновременно держал при себе великую Джози Мэнсфилд и еще трех девчонок из кордебалета. И ни одна из них не жаловалась. Вы не понимаете, Карфакс. Я — гений приспособляемости — могу выпутаться из любого положения, за исключением тех случаев...

Она нахмурилась.

— Каких же случаев? — поинтересовался Карфакс.

— Никто не гарантирован от встречи с идиотом. А поведение идиота предвидеть нельзя. Старик Стокс пристрелил меня как раз тогда, когда я меньше всего ожидал. А потом этот Хоувелл со своим самолетом, начиненным динамитом. И все же я опять на гребне волны, не так ли?

— Стокс?

— Да, Стокс. Мой компаньон, которого я ободрал. Я не отказал себе в удовольствии побеседовать с ним не так давно в Лос-Анджелесе, чтобы объяснить его ошибку и припугнуть воскрешением, после которого мы расквитаемся. Я, разумеется, не собираюсь этого делать, но он-то теперь будет веки-вечные существовать в страхе!

— А что произошло с Пат дальше?

— К наступлению темноты я уже смог сесть за руль, хотя ехать пришлось очень осторожно. Она находилась в это время в багажнике — не спрашивайте, как мне удалось ее заставить забраться туда. Мы приехали на ферму, я затащил ее в комнату, где стоял "Медиум", рассказал, сколько вы мне доставили неприятностей и каким образом я намерен вас одурачить. Потом включил питание "Медиума" и подтолкнул так, чтобы она упала на открытый трансформатор. Все остальное было просто. Я убрал

веревки, смыл следы водой со спиртом и уехал на мотоцикле на север, в Стреатор. Мне не хотелось, чтобы меня увидели в Понтиаке, то есть, чтобы кто-нибудь вспомнил женщину, похожую на Патрицию. Там я бросил мотоцикл, зарегистрированный на чужое имя, и монорельсом вернулся в Бусирис, в этот уютный домик. И вот вы тоже вернулись в него.

И, похоже, живым отсюда не выйду, подумал Карфакс.

— Вы умерли в 1872 году? — спросил он. — Вам, должно быть, пришлось чертовски долго приспосабливаться к нашей эпохе. Она должна была показаться вам неуютной, даже страшной. Вы, скорее всего, не понимали значения доброй половины слов, составляющих наш язык.

— Я приспосабливаюсь ко всему очень быстро, приятель, — сказала она. — Сначала пришлось затаиться на 2 недели, сказавшись больным. Все, что кажется для вас таким простым, давалось мне с трудом. Например, видеофон. На определенном этапе потребовалось посещение публичной библиотеки. О, каким испытанием явился для меня первый выход на улицу! Я набрал кучу книг, чтобы изучить современную эпоху. Это было одной из многих ошибок. На самом деле можно было бы прочесть их на экране своего телевизора, сделав запрос. Но я учился. О, как я учился!

— Одной из ошибок, которые вы совершили, было убийство дяди Руфтона, — сказал Карфакс. — Гораздо проще было бы вселить в него какого-нибудь покладистого эмса, и у вас не возникло бы проблем с Пат. Ведь именно с нее начались все ваши неприятности.

— Да, это было ошибкой, — согласилась она. — Но ведь все обошлось для меня благополучно, не так ли? Впрочем, мы с вами заболтались. Пора приступать к делу.

Карфакс вздрогнул.

— Но вы так и не рассказали мне, кем являетесь на самом деле.

Лениво поднимаясь с дивана, она ухмыльнулась.

— Ох, как вам хочется оттянуть время! Ладно. Я расскажу вам. В свое время. А пока что мне нужно достать шлем.

— Шлем?

— Разумеется. Для более полного контроля. Видите ли, эмс может быть извлечен просто с помощью дисплея —

это не только аппарат визуализации, но и что-то вроде механизма, пробивающего брешь между нашими мирами. Прибегать к его помощи довольно опасно — эмс может вселиться в кого-либо из невинных свидетелей, проигнорировав лицо, которое ему предназначалось. И, кроме того, не все эмсы могут осуществить прорыв, а только те, кто обладает достаточно сильной волей, чтобы пробить барьер. Вашему дяде почти удалось сделать это во время разговора с вами, но напористости ему все же не хватало. Поэтому я велел своим ученым разработать направляющее устройство — шлем.

— Каким же образом можно предопределить поступки электронного существа? — спросил Карфакс.

— Не знаю. Но в какой-то степени можно, — ответила она. — Не забывайте, что "электромагнитные существа" — всего лишь термин, используемый нами для прикрытия нашего собственного невежества в отношении их подлинной сущности. То, что вы видите на экране, является всего лишь электронным аналогом. Но хватит трепаться. Здесь вам не тысяча и одна ночь. Честно говоря, вы мало похожи на Шахразаду.

Да уж, подумал Карфакс. Это — конец.

Она равнодушно смотрела на него.

— Да, и не пытайтесь кричать. Все равно ничего не поможет. Ваших соседей с обеих сторон нет дома. Старая леди Аллен уехала навестить сестру в Оклахому, а Баттертоны укатили в отпуск.

Карфакс ничего не ответил.

Как только ее стройная фигура скрылась из виду, он, приподняв кресло, начал медленные и мучительные микропрыжки в направлении машины. Кресло на его спине было гигантским панцырем, а сам он — покалеченной черепахой, пытающейся изобразить из себя кенгуру. Сервировочный столик был всего в двух с половиной метрах от него, но при скорости в десять сантиметров за один прыжок это расстояние казалось ему километром. Каждая попытка уменьшала его и без того, мизерные силы, уже после первого прыжка он вспотел от боли.

Ему пришло в голову, что она, наверное, подсматривает за ним в щелочку и тихо хихикает, дожидаясь момента, когда он будет на волосок от цели.

А от какой, собственно, цели? Он еще понятия не имел, что будет делать, добравшись до машины.

Нет, вряд ли она прячется. И ей нужно совсем мало времени, чтобы подняться на 14 ступенек, пройти по коридору в спальню и оттуда выбраться на чердак. Видимо, шлем лежит на чердаке, где лежал "Медиум".

Да, времени было мало. Но он не имел права не попытаться. Вот если бы...

Словно бы в ответ на его мысленную мольбу, наверху зазвонил телефон. Только бы это не было звонком по неправильно набранному номеру, только бы это был кто-нибудь, настаивающий на разговоре с ним!

Нет, лучше не надо. Она спустится, станет вне поля зрения передающей телекамеры видеофона и направит на его голову пистолет. У него будет хотя бы возможность завопить что есть мочи. Пусть он умрет, но на другом конце линии поймут, что здесь происходит что-то не то. Ему все равно умирать. А она окажется в весьма затруднительном положении.

Возобновив свое ничтожное продвижение, он обогнул машину, скользнул лицом по металлической поверхности задней панели, крепко стиснул зубами один из проводов между пультом автоматического управления и зажимами и резко дернул голову вверх. Череп пронзила дикая боль. На мгновение он, кажется, даже потерял сознание. Но провод был оторван от клеммы.

Голос наверху затих. Через несколько секунд она спустится вниз, если ему снова не поможет какой-нибудь случай. Но на этот раз уже не было никакой надежды.

Ноги уже почти не слушались его, продвижение назад было еще медленнее. Внезапно сверху донеслось журчание падающей в воду струйки. Неплохо. Еще один шанс.

Он уже вернулся на прежнее место, когда услышал резкий шум низвергающейся из сливного бачка воды. Но нужно было еще совместить ножки кресла с четырьмя углублениями, продавленными в ворсе ковра. Это оказалось чертовски трудно, но к тому моменту, когда сверху послышались шаги, по крайней мере передние ножки стояли на прежнем месте.

Она спустилась по лестнице, держа в руках нечто, напоминающее большой металлический футбольный

шлем с электрическим шнуром длиной примерно в два метра.

— О, мы изрядно вспотели, правда? В положении эмса только одно хорошо — не потеешь. Во всяком случае, в физиологическом смысле слова.

Карфакс молча следил, как она втыкает шнур шлема в розетку нижней части передней панели, подталкивает ногой тележку так, чтобы она оказалась на расстоянии одного метра от кресла, кладет шлем на пол... Он понимал, что ему остались считанные минуты жизни.

Она прошла на кухню и сразу же вернулась назад с длинным куском ленты. Губы ее растянулись в садистской улыбке.

— Вы не хотите сказать мне что-нибудь на прощанье?

— До встречи в аду.

— Возможно, я буду там, и не один раз. Но не стану задерживаться надолго. А вот вы...

— Вот что, — перебил он ее, вспомнив. — Вы обещали открыть мне свое имя.

— Ах, да, забыл. Джеймс Фиск, к вашим услугам, — шутовски поклонилась она. — Рассказать свою биографию?

— Кудесник с Уолл-Стрита, магнат Эри?

— Именно так!

С этими словами она ловко залепила лентой его рот и водрузила на голову шлем. Он был очень тяжелым, и головная боль стала совсем нестерпимой.

Бремя судьбы, подумал он.

— Вот так, будьте паинькой, — щебетал ее нежный голосок.

Вот как. Джеймс Фиск. Теперь уже не усопший и так и не раскаявшийся. Родившийся, если ему не изменяет память, в 1834 году. Уроженец Беннингтона, штат Вермонт. Да, вот еще. Родился он 1 апреля, в день Дурака. Символично. Фиск не был дураком, но, безусловно, одурачил очень многих. Свою карьеру он начинал уборщиком в цирке, затем был последовательно официантом, разносчиком, продавцом галантереи, биржевым маклером, основав маклерскую контору "Фиск и... Белтен (?)". А затем вышел на широкую арену крупного бизнеса как пове-

ренный на бирже самого Даниэля Дрю. Дрю был мошенником высокого полета. Финансиста более жестокого Америка еще не видела. Он и Фиск вместе со столь же гнусным Джеем Гулдом стали партнерами в борьбе за захват железной дороги Эри у Корнелия Вандербильта. Корнелий в этой битве проиграл. Фиск, выступая в качестве вице-президента и старшего инспектора железной дороги, использовал ее фонды для подкупа чиновников, постановок спектаклей на Бродвее и совращения бродвейских певичек и танцовщиц. Одной из многих его любовниц была знаменитая Джози Мэнсфилд. Кроме того, Фиск был еще и подручным Гулда в его попытках овладеть рынком золота. Это стало причиной крупнейшего биржевого краха — печально известной "Черной Пятницы". Когда же это, черт побери, произошло? Ах, да, 24 сентября 1869 года. А затем в Фиска, которому тогда было лет 37-38, стрелял Эдвард Стокс. На следующий день Фиск умер. Карфакс помнил точную дату — 7 января — день, который отмечается членами Бейкер-стрит-клуба в качестве дня рождения Шерлока Холмса.

Изящный женский пальчик приблизился к кнопке включения автоматики. Вот оно, подумал Карфакс. Сердце его колотилось, как отбойный молоток, в мозгу пронеслась нелепая мысль о том, что станет делать Фиск, если подготовленное к обмену тело упадет замертво от разрыва сердца в момент обмена. Похоже, это явится для него неприятной неожиданностью.

Прощай, Патриция. Если бы мы умерли в одно и тоже время, то хотя бы очутились в одной и той же колонии...

Фиск, задержав палец всего лишь в сантиметре от кнопки, повернул голову и ухмыльнулся.

Побудь садистом, ради всего святого, подумал Карфакс. Эти добавочные несколько секунд жизни драгоценны даже при таких обстоятельствах. И, может быть, телефон снова зазвонит. Вот еще один вопрос, который я собирался задать. Кто звонил? Подруга Пат? Один из сообщников Фиска? Лангер? Этого я уже никогда не узнаю, да оно и не имеет никакого значения.

Палец преодолел последний сантиметр жизни. Кнопка утопилась внутрь.

Карфакс почувствовал, что съеживается, сплющивается, падает в бездонный колодец самого себя.

Но ничего не случилось. Только на панели зажглась еще одна сигнальная лампочка.

Фиск выругался и еще раз нажал кнопку. Лампочка продолжала гореть.

Если бы только он решил перейти на ручное управление! У него не было причины перепроверять провода, ведь они же не могли просто так отсоединиться. Только бы...

Фиск поднял ухмыляющееся лицо.

— Ух, какой хитрый, подлый сукин сын! Как это тебе удалось?

Карфакс что-то печально простонал в ответ.

Фиск быстро подсоединил провод на место и вернулся к передней части "Медиума".

На этот раз лампочка не загорелась.

А Карфакс мгновенно потерял зрение, слух, головную боль и все остальные чувственные ощущения. Единственное, что у него осталось— мышление. И беззвучный вопль ужаса, который, казалось, теперь вечно звучал в его бесплотном естестве.

Фиск был прав. Не существует слов, которыми можно было бы описать существование эмса.

Он был чем-то неописуемым в небытии...

... и вдруг снова получил способность видеть, слышать и осязать!

Напротив него по другую сторону стола, истошно кричала миссис Уэбстер. Все остальные, вскочив со своих мест, метались по комнате.

Карфакс посмотрел вниз и увидел большие круглые груди с выпуклыми сосками, обведенными желтой помадой, и колоколообразную юбку в нео-критском стиле.

— Оно вселилось в вас, Чегети! — завывал один из мужчин.

Карфакс был не настолько туп, чтобы не понять, что произошло.

Миссис Уэбстер оказалась права. "Стены" ослабели, и он прорвался благодаря удачному психологическому на-

строю собравшейся на ее сеансе группы, избрав, подобно потоку электронов, путь наименьшего сопротивления.

Назад, в свой мир.

Миссис Уэбстер перестала кричать и внимательно всмотрелась в него.

— У вас, Чегети, какое-то знакомое нам выражение лица. Вы — злой дух?

— Не более злой, чем любой из людей, — ответил он устами Чегети. — Принесите мне телефон и немедленно соедините с сенатором Лангером.

БОЖЬЕ ДЕЛО

THE GOD BUSINESS

PUBLISHING CORPORATION NEW-YORK 1954

Впервые за всю историю своего существования морские пехотинцы США позорно бежали с поля боя при виде детских водяных пистолетов.

Изображение на экране задергалось, показанную сцену сменила следующая, но увиденное продолжало стоять у меня перед глазами.

Яркое солнце, совершенно несуразное для этого времени года в штате Иллинойс, обеспечивало прекрасное освещение для телескопических камер. Морские пехотинцы, увешанные всевозможным оружием, пятились, спотыкаясь, гонимые ордой совершенно голых мужчин и женщин. Нудисты, смеясь и совершая нелепые прыжки, целились в них из игрушечных кольтов и бластеров, поливая лица вояк тонкими струйками воды. Автоматы, огнеметы, гранатометы, безоткатные орудия категорически отказывались стрелять, и толку от них было не больше, чем от первобытных дубинок. Еще немного, и закаленные ветераны побросали бесполезное оружие и пустились наутек, а некоторые так и остались стоять с глупым видом, облизывая забрызганные губы. Голые победители брали побежденных за руки и уводили в тыл своего неорганизованного строя.

Экран потух, зажегся свет. Майор Льюис опустила указку.

— Есть вопросы, господа? Нет? Мистер Темпер, вам, наверное, не терпится поведать нам, каким образом вы рассчитываете на успех после столь многочисленных провалов со стороны других? Мистер Темпер, господа, изложит вам факты, голые факты.

Майор не без ехидства сделала ударение на слове "голые". Я поднялся с места. Лицо мое пылало, ладони стали липкими. Я неестественно захихикал вместе с остальными над откровенным намеком майора в отношении полного отсутствия волос на моей голове — почти четверть столетия, в течение которой я должен был, пожалуй, свыкнуться с облысением, не убили во мне застенчивость, причиной которой была яйцевидная форма моего черепа.

Мне было двадцать лет, когда люди в белых халатах, не распознав вовремя лихорадку, едва не отправили меня на тот свет. Чудесная растительность, украшавшая до того мою голову, так и осталась на больничной подушке, к тому же на ее месте уже никогда ничего не выросло. Еще одним побочным результатом болезни явилась стойкая аллергия к парикам. Два этих результата сочетались для меня как нельзя хуже — это-то и дало прелестной майору Льюис столь остроумно проехаться в адрес моей сияющей макушке.

Я медленно направился к столу, за которым стояла она, дерзкая и, черт возьми, прехорошенькая девчонка. По мере моего приближения рука ее, сжимающая указку, начала заметно дрожать. Всемогущий Боже, за что она меня ненавидит? Ведь именно нам двоим, а не кому-нибудь другому, придется осуществить некую миссию, и ни она, ни я ничего не можем с этим поделать.

Остановившись с ней рядом, я окинул взглядом аудиторию. Н-да. Терпеть не могу выступать публично, особенно перед шишками. В такие критические мгновения по совершенно необъяснимым причинам моя верхняя челюсть начинает непроизвольно пританцовывать с неприятным, зато очень отчетливым звуком.

Вид за окном был совершенно обычным — заснеженные улицы Гейлсберга, штат Иллинойс, освещало тусклое заходящее солнце. Прохожие буднично торопились по своим делам, словно забыв, что пятьдесят тысяч солдат стоят лагерем между городком и долиной реки Иллинойс, где среди фантастически роскошной растительности бродят весьма странные существа.

Я все еще никак не мог справиться со своими нервами, когда майор снова заговорила, слегка кривя губы. Следует

признаться, губы очень красивые, но это нисколько не улучшило моего настроения.

— Мистер Темпер уверен, что располагает ключом к решению стоящей перед нами проблемы. Не исключено, что так оно и есть. Однако должна предупредить, что в его рассказе сочетаются такие не связанные между собой и неправдоподобные события, как бегство быка с одного из скотных дворов, пьяные выходки университетского профессора с репутацией убежденного трезвенника и исчезновение в один и тот же вечер вышеуказанного профессора античной литературы и двух его студентов.

Я подождал, пока уляжется веселье, и заговорил, не упоминая об еще двух невероятных, не связанных между собой фактах, известных только мне — о бутылке, которую я приобрел в одной ирландской таверне и отослал профессору два года назад, и о произведенном с армейского аэростата над городом Онабак фотоснимке, на котором запечатлена огромная статуя быка из красного кирпича прямо посреди футбольного поля Трайбеллского университета.

— Господа, — начал я, — позвольте объяснить вам, почему именно Управление Пищевых и Лекарственных Продуктов посылает агента-одиночку в район, где до сих пор не смогла добиться успеха объединенная мощь армии, военно-воздушных сил, береговой обороны и морской пехоты.

Красные лица представителей упомянутых мною родов войск расцвели пунцовыми пятнами.

— УПЛП по необходимости принимает участие в этом "Онабакском деле". Как вам уже известно, река Иллинойс, от Чилкута до Хаваны, несет по течению пиво.

Смеха не последовало. Этот факт давно уже перестал забавлять присутствующих. Что же касается меня, то мне отвратительны любые алкогольные напитки или наркотики. У меня на то имеются особые причины. — Мне следовало бы высказаться несколько иначе — у реки Иллинойс сильный запах хмеля. Но те из наших добровольцев, которые попробовали воду из реки там, где запах начинает слабеть, реагируют совсем не так, как на обычные алкогольные напитки. Они сообщают об эйфории с почти полным отсутствием какого-либо сдерживания, ко-

торое сохраняется и после того, как алкоголь в крови окисляется. Пойло это действует не как успокоительное средство, а как стимулятор. Похмелье отсутствует. Более всего озадачивает тот факт, что наши ученые не в состоянии обнаружить и подвергнуть анализу никаких ранее неизвестных веществ, содержащихся в этой воде.

Вам, однако, все это известно, так же, как и известна причина причастности УПЛП. Интересует же вас, видимо, почему для выполнения миссии выбран именно я. Во-первых, я родился и вырос в Онабаке. Во-вторых, на моих руководителей, включая Президента Соединенных Штатов, произвела определенное впечатление моя гипотеза в отношении личности человека, ответственного за всю эту фантастическую сумятицу. Кроме того — продолжал я, не без злорадства покосившись на майора Льюис, — они уверены в том, что коль уж я первым додумался до специальной психологической подготовки агента, у которого будет выработан условный рефлекс отвращения к воде из реки, то таким агентом и должен стать именно я.

Итак, после того, как руководство УПЛП разобралось в обстановке, дело было поручено мне.

Имея в виду, что определенное количество федеральных агентов уже исчезло в окрестностях Онабака, я решил произвести рекогносцировку за пределами этой территории. То есть — посетил Библиотеку Конгресса и начал просматривать в обратном порядке выходящие в Онабаке "Морнинг Стар" и "Ивнинг Джорнэл", начиная с того дня, когда Библиотека перестала получать эти газеты. И только в номерах за 13 января позапрошлого года я наткнулся на нечто существенное.

Я замолчал, стараясь определить, какое впечатление на этих тупоголовых произвела моя речь. Да никакого. Придется пускать в ход козырной туз. Вернее, если быть более точным, обезьяну в клетке.

— Господа, в номерах за 13 января отмечено, среди других событий, исчезновение накануне вечером д-ра Босуэлла Дурхэма из Трайбеллского университета вместе с двумя студентами-слушателями обзорного курса античной литературы. Сообщения довольно противоречивые, но сходятся в следующем. Где -то днем 12 января один студент, а именно Эндрю Поливиносел, весьма пренебрежительно

отозвался об античной литературе. Д-р Дурхэм, известный мягкостью обхождения, обозвал Поливиносела ишаком. Тот, огромного роста футболист, поднялся и заявил, что вышвырнет профессора в окно. Однако, если верить свидетелям, робкий и худосочный Дурхэм взял детину за руку и буквально выставил его в коридор.

Пегги Рурке, в высшей степени хорошенькая студенточка и возлюбленная Поливиносела, начала уговаривать его не нападать на профессора. Однако, как оказалось, отговаривать спортсмена особой нужды не было. Совершенно ошарашенный, он позволил мисс Рурке увести себя.

Студенты группы сообщили, что трения между профессором и Поливиноселом возникали и ранее, причем студент вел себя не лучшим образом. Теперь у профессора появилась отличная возможность исключить Поливиносела из университета, несмотря на то, что тот был само воплощение идеала стопроцентного американца, Рубахи-Парня. Профессор, однако, ничего не сообщил декану об этом инциденте. Слышали, как он ворчал себе под нос, что Поливиносел — настоящий осел, и что это абсолютно очевидно для каждого. Один из студентов заявил, что ему показалось, будто от профессора несло спиртным, но он, опасаясь ошибиться, не настаивает на этом, поскольку всему университету с незапамятных времен известно, что тихоня-профессор не притрагивается даже к пиву. Похоже, немалую роль в этом сыграла его жена, поскольку была горячей поборницей трезвости.

Все это может показаться вовсе не относящимся к делу, но я заверяю вас, господа, что это не так. Возьмем показания еще двух студентов. Оба клянутся, что видели горлышко бутылки, торчавшей из кармана пальто профессора, которое висело в его кабинете, Бутылка была откупоренной. И, хотя на улице было морозно, оба окна кабинета профессора, известного своей любовью к теплу, были распахнуты настежь. Видимо, для того, чтобы выветрился запах спиртного.

После ссоры д-р Дурхэм предложил Пегги Рурке пройти к нему в кабинет. Часом позже студентка выскочила оттуда раскрасневшаяся, в слезах. Своей напарнице по комнате она рассказала, что профессор вел себя, как помешанный. Что он признался ей в любви с пер-

вого взгляда. Что он стар и некрасив, но теперь, когда все переменилось, желает бежать с нею. Она, в свою очередь, сказала, что профессор всегда ей нравился, но у нее не было даже и мысли о любви. Тогда Дурхэм торжественно пообещал ей, что в этот самый вечер станет совсем другим человеком, и она поймет, насколько он ее достоин.

Несмотря на происшедшее, все, казалось, было спокойно в этот вечер, когда Поливиносел привел Пегги Рурке на праздник второкурсников. Присутствовавший на вечере профессор поздоровался с ними, словно ничего не произошло. Его жена, похоже, не чувствовала неладного. Что само по себе весьма странно, ибо миссис Дурхэм была одной из тех профессорских жен, уши которых, казалось, всегда настроены на волну беспроволочного телеграфа слухов, ходивших по факультету. Более того, будучи женщиной очень нервной, она не принадлежала к людям, умеющим скрывать свои эмоции. И не испытывала ни малейшего почтения к своему мужу. Наоборот, он сам был предметом многочисленных насмешек за глаза, потому что явно находился под каблуком. Миссис Дурхэм частенько низводила его до уровня обезьяны и водила, будто быка за кольцо. Однако в тот вечер...

Майор Льюис прочистила горло.

— Мистер Темпер, пожалуйста, опустите подробности. Присутствующие здесь — люди крайне занятые, им нужны голые факты. Подчеркиваю, только голые факты.

— Голые факты таковы, — огрызнулся я. — После того, как кончились танцы, миссис Дурхэм в истерике позвонила в полицию и сообщила, что ее муж сошел с ума. О том, что он просто упился, не могло быть и речи. Такого она себе представить не могла. Он бы ни за что не отважился...

Майор Льюис еще раз прочистила горло. Я посмотрел на нее с досадой. Похоже, она никак не могла уразуметь, что некоторые подробности совершенно необходимы.

— Полицейский, который отвечал на ее звонок, доложил позже, что профессор ошивался по округе в одних брюках с торчащей из кармана бутылкой и обстреливал всех встречных из игрушечного ружья-пульверизатора какой-то красной жидкостью. Другой полицейский видел, как Дурхэм делал шкоду кистью из ведра с краской. Но,

чем бы он не пользовался, ему удалось перекрасить и свой собственный дом, и дома нескольких соседей от фундамента до самой крыши. Когда появилась полиция, профессор вымазал краской полицейскую машину и забрызгал краской же глаза полисменов. Пока они пытались разлепить веки, профессору удалось смыться. Еще через полчаса он исполосовал красной краской женское общежитие и довел до истерики немало напуганных его обитательниц. Войдя в здание, он оттолкнул возмущенную надзирательницу и стал бегать по коридорам, поливая краской всех, кто высовывался из дверей, из казавшейся бездонной, банки, а затем, так и не найдя Пегги Рурке, покинул общежитие.

Все это время Дурхэм хохотал, как безумный, и заявлял, что за ночь перекрасит весь город в красный цвет.

Как выяснилось позже, мисс Рурке ушла с Поливиноселом и несколькими его друзьями и подругами в ресторан. Потом эта пара рассталась с ними возле их домов и проследовала, как все полагали, к женскому общежитию. Однако туда они не попали. Ни их, ни профессора никто больше не видел в течение двух лет, прошедших между этим событием и временем, когда в Онабаке перестали выходить газеты. Наиболее популярной явилась гипотеза о том, что очумевший от любви профессор убил их обоих и похоронил, после чего сам подался в бега. Но я, не без веских оснований, придерживаюсь совершенно иной версии.

Заметив, что аудитория начала нервничать, я поспешно рассказал о быке, который появился как бы из ниоткуда в самом начале Главной улицы. Владельцы скотоферм заявляли, что все их быки на месте. Тем не менее, быка видело такое множество людей, что от их показаний просто так нельзя отмахнуться. Более того, те, кто видел его последними, утверждают, что он переплыл реку Иллинойс с обнаженной женщиной на спине. Женщина размахивала бутылкой. Выйдя на берег, бык вместе с женщиной исчез в прибрежном лесу.

В этом месте моего рассказа зал буквально взорвался.

— Неужели вы пытаетесь убедить нас в том, что миру вновь явился Зевс и Европа! — возмутился командир полка береговой обороны.

Продолжать было бесполезно. Эти люди могут поверить только тому, что увидят своими глазами.

По взмаху моей руки мои помощники вкатили в зал просторную клетку. Внутри нее, скрючившись, сидела крупная угрюмая человекообразная обезьяна в соломенной шляпке и розовых панталонах. Сквозь отверстие в последних торчал длинный хвост. Если говорить строго, то, насколько я понимаю, ее нельзя было относить к человекообразным — они лишены хвоста.

Собственно, антрополог сразу бы определил, что это вообще никакая не обезьяна. У нее, правда, была сильно выдающаяся вперед морда, все тело (включая хвост), покрывали длинные волосы. Но у обезьян не бывает ни такого гладкого высокого лба, ни такого большого крючковатого носа, ни столь длинных, по сравнению с туловищем ног.

Клетку установили рядом с кафедрой.

— Господа, — произнес я. — Если все, что я говорил раньше, казалось вам не имеющим никакого отношения к данному делу, то уверен, через несколько минут вы убедитесь, что я не бросал слов на ветер.

Я повернулся к клетке и, едва поклонившись, обратился к обезьяне:

— Миссис Дурхэм, расскажите, пожалуйста, этим господам, что с вами произошло.

Я был абсолютно уверен, что она заговорит, пусть хоть быстро и бессвязно, но с той проливающей свет ясностью, которая ошеломила меня вчера вечером, когда мои ребята поймали ее на самом краю пресловутой местности. Меня переполняла гордость за совершенное открытие, которое просто потрясет этих господ и докажет им, что один скромный агент УПЛП добился большего, чем крупные подразделения вооруженных сил. И они перестанут смотреть на меня свысока и подтрунивать над моей внешностью...

Я ждал...

Ждал понапрасну...

Миссис Дурхэм категорически отказывалась говорить. Ни слова. Ни единого. Уж как я только не стелился перед нею, разве что на колени не становился. Пытался объяснить ей, насколько мощные силы противостояли друг другу в этой долине, пытался доказать, что в ее розовых,

не покрытых волосами ладонях находится судьба нашей планеты.

Мало ли чего я пытался.

Она не открывала рта. Кто-то, во-видимому, чем-то оскорбил ее, и теперь она, обидевшись, сникла и повернулась к аудитории спиной. Только хвост ее, высовывающийся из розовых панталон, время от времени нервно подергивался.

Да, миссис Дурхэм была самой зловредной из всех, когда-либо встречающихся мне женщин, и ничего удивительного в том, что муж превратил ее в обезьяну, я не усматривал.

Предполагаемый триумф обратился полным фиаско. Крупное начальство уже не убедила магнитофонная запись нашей с ней беседы. Все эти шишки еще больше укрепились во мнении, что мозгов у меня еще меньше, чем волос на голове, и выразили его полным молчанием, когда я поинтересовался, будут ли ко мне вопросы. А майор Льюис только презрительно улыбнулась.

Плевать. Для моей будущей миссии это не имело никакого значения. Распоряжения, на которые я опирался, эти люди бессильны были отменить.

В этот же вечер, в половине восьмого, я находился на границе района в сопровождении своих ребят и группы офицеров. Хотя луна только-только взошла, при ее свете можно было свободно читать. В десяти метрах от нас снег кончался, и начиналось буйство растительности.

Генерал Льюис, отец майора Льюис, давал последние наставления.

— Вам дается, мистер Темпер, два дня, чтобы связаться с Дурхэмом. В среду, в 14.00, мы переходим в наступление. Морские пехотинцы, вооруженные луками, стрелами и пневматическими винтовками, снабженные кислородными масками, будут посажены в планеры, в кабинах которых мы создали избыточное давление. На большой высоте планеры будут отцеплены от самолетов-буксировщиков и совершат посадку на шоссе номер 24, как можно ближе к южной окраине города, где имеются два обширных поля. Десантники пешком проследуют по улице Адамса до самого центра. К тому времени, я надеюсь, вы установите местонахождение и устраните источник всей этой заварухи.

Слово "устраните" следовало понимать как "убьете". Судя по его выражению лица, он вовсе не считал, что я на это способен. Генерал Льюис недолюбливал меня и совершенно не скрывал этого. Не только потому, что я был каким-то штатским, облеченным широкими полномочиями от лица самого президента, но и из-за тех особых условий, в которых предстояло выполнить нашу совместную с его дочерью миссию. Условия, мягко говоря, являлись не совсем ординарными, а Алиса Льюис, будучи майором, была прежде всего женщиной, причем в высшей степени привлекательной и совсем юной для своего воинского звания.

Она дрожала рядом со мной от холода в одних трусиках и бюстгальтере, пока я освобождался от своих брюк. Оказавшись в лесной чаще, мы будем вынуждены избавиться и от остальной одежды. В чужом монастыре...

Подумать только, морские пехотинцы — и дубинки... Неудивительно, почему все эти крупные военные чины выглядят столь жалко. Но в пределах территории, контролируемой моим бывшим профессором и его Отваром, огнестрельное оружие просто не срабатывает. А вот Отвар действует безотказно. Всякий, кто хоть раз вкусил его, привыкает, как к наркотику.

Всякий, но не я.

Доктор Диэрф, психолог их Колумбийского университета, который привил мне стойкое отвращение к Отвару, тоже находился здесь. Он беседовал со мной, пока кто-то прикреплял у меня за спиной десятилитровый бидон с дистиллированной водой. Вдруг, прямо посреди фразы, он резко пригнул мою голову и сунул под нос невесть откуда взявшийся в его руке стакан. В ноздри мои ударил ненавистный запах, и я автоматически нанес два удара: один — по стакану, другой — по человеку, который мне его так неожиданно преподнес.

Доктор отскочил назад, держась за скулу.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался я.

— Сейчас — нормально, — ответил он. — Но в первое мгновенье мне показалось, что я сейчас задохнусь. И еще возникло желание убить вас.

— Мне нужно было провести решающее испытание. Вы на пятерку сдали экзамен и теперь совершенно невосприимчивы к Отвару.

Льюисы наблюдали эту сцену молча. Их крайне раздражало то, что я, штатский, додумался до такого способа борьбы с этим, столь заманчивым, пойлом. Тысяче морских пехотинцев, которых намечено послать вслед за нами, придется таскать на себе кислородные маски, дабы не поддаться искушению попробовать Отвар. Что же касается моей спутницы, то Диэрф спешно подверг ее гипнозу, но у него не было уверенности в том, что сеанс был успешным. К счастью, ее миссия должна длиться не столь долго, сколь моя. Ей предписывалось добраться до источника Отвара и взять пробы. Если, тем не менее, мне понадобится помощь, я имею право оставить ее при себе. Кроме того, хоть об этом прямо не говорилось, я должен сделать все возможное, чтобы оградить ее от всяких неприятностей.

Обменявшись с провожающими рукопожатиями, мы с майором Льюис тронулись в путь. Несколько шагов — и теплый воздух принял нас в свои ласковые объятия. Через минуту мы уже вспотели. Ничего хорошего в этом не было, ибо, означало, что воды в бидоне может не хватить на всю миссию.

Яркая луна хорошо освещала развернувшуюся перед нами местность.

Ландшафт долины реки Иллинойс сильно изменился за эти два года. Здесь стало гораздо больше деревьев, причем многие из них казались довольно неожиданными гостями в столь северных краях. Кто бы не устроил все это, ему пришлось доставить сюда массу семян и саженцев заблаговременно, не дожидаясь, пока климат потеплеет. Мне это было точно известно, поскольку я проверил в Чикаго неимоверное количество накладных к грузоотправлениям и обнаружил, что некий Смит начал, через две недели после исчезновения Дурхэма, делать заказы в тропических странах. Посылки доставлялись в один из домов Онабака, а содержимое их изрядно разнообразило флору окрестностей. Дурхэм прекрасно понимал, что этой речной долине не прокормить свои триста тысяч жителей, когда прекратится доставка различных продуктов питания по железным и шоссейным дорогам, в результате чего сельская местность будет буквально опустошена голодными ордами.

Но стоило только взглянуть на фруктовые деревья, увешанные вишнями, бананами, персиками, апельсинами,

яблоками никак не по сезону, увидеть заросли кустарников со спелой черникой, земляникой, клубникой, малиной, буйную поросль картофеля и помидор, зреющие на этой совсем не плодородной земле арбузы и дыни, причем все это таких размеров, какие обеспечили бы им первые призы на любых ярмарках эпохи до появления Отвара, — то нетрудно было догадаться, что жителям этих мест не грозит голодная смерть.

— Мне это представляется, — призналась восторженным шепотом Алиса, — райским садом.

— Прекратите подрывные речи, Алиса! — сердито огрызнулся я.

Она смерила меня ледяным взглядом.

— Не говорите глупостей. И не называйте меня Алисой. Я — майор морской пехоты.

— Пардон, — усмехнулся я. — Давайте-ка лучше позабудем о званиях. Это может вызвать интерес со стороны туземцев. И еще. Будет лучше, если мы расстанемся с остатками своей одежды до того, как наткнемся на кого-нибудь.

Майор Льюис попыталась было возражать, но приказ есть приказ. И, хотя нам предстояло по крайней мере тридцать шесть часов демонстрировать друг другу то, что в цивилизованном мире целомудренно прикрывают всякими тряпками, она настояла на том, чтобы ей было позволено удалиться на предмет раздевания в кусты. Я великодушно разрешил. Сам же, скромно зайдя за дерево, снял трусы, и в то же мгновение уловил запах сигары. Поправив на спине постромки, держащие бидон с водой, ступил на узкую тропинку...

... и остановился ошарашенный.

Опираясь на ствол дерева, передо мною стояло какое-то чудовище, скрестив короткие ножки. Из угла вытянутой хищной пасти торчала огромная гаванская сигара. Большие пальцы были заложены за воображаемый жилет.

Я был не столько напуган, сколько изумлен. Чудище будто сошло со страниц очень популярного когда-то комикса. Оно возвышалось на добрых два метра, ярко-зеленое, с крупной желто-коричневой чешуей на груди и животе, очень короткими ногами и непомерно вытянутым туловищем. Лицом оно было наполовину человек, напо-

ловину — аллигатор. На самом верху головы торчали две огромные шишки, а по бокам от них — большие, как блюдца, глаза. Выражение лица чудовища в одно и то же время было высокомерным, благодушным и глуповатым. В целом это было само совершенство, даже несмотря на то, что вместо пяти пальцев у него было четыре.

Главной же причиной моего потрясения была вовсе не неожиданность внешности чудища. Есть большая разница между тем, что видишь на бумаге и тем, что вдруг увидишь во плоти. На страницах комиксов эта тварь выглядела весьма миловидной, забавной и даже чем-то привлекательной. Воплотившись в живой субстанции и красках, она стала подлинным кошмаром.

— Не бойтесь, — произнесло видение. — Скоро вы ко мне привыкнете.

— Кто вы? — спросил я.

Вышедшая из-за дерева Алиса разинула рот от изумления и мертвой хваткой вцепилась в мою руку.

Чудовище помахало сигарой.

— Я — Аллегория, прямо с герба банка штата Иллинойс. Добро пожаловать, незнакомцы, во владения Великого Мэхруда.

До меня как-то не сразу дошло, что именно оно имеет в виду. Только через минуту я сообразил, что титул его был совместным творением автора вышеупомянутого комикса и героини одной из пьес Шеридана, миссис Малапроп.

— Полное мое имя — Альберт Аллегория. Во всяком случае, в этом воплощении. Сами понимаете, другие формы — другие имена... А вы двое, как я полагаю, — новички, жаждущие жить на берегу Иллинойса, пить из него божественный Отвар и поклоняться Быку.

Он поднял кисть с двумя сжатыми средними пальцами и распрямленными большим и мизинцем.

— Это — знак, который делает всякий правоверный при встрече с другими. Запомните его, и у вас не будет никаких хлопот.

— Откуда вам известно, что мы — новички? — спросил я, не пытаясь солгать, так как мне показалось, что Аллегория настроен к нам благодушно.

Он рассмеялся. Звуки, издаваемые его гортанью, усиливались в безразмерном рту, как в мегафоне. Алиса, больше уже не самоуверенный офицер морской пехоты, еще сильнее сжала мою руку.

— Я — в некотором роде, так сказать, полубог. Когда Мэхруд, Бык его имя, стал богом, он написал мне письмо — воспользовавшись, разумеется, почтой США — с приглашением состоять при нем полубогом. Все происходящее в мире, в общем-то никогда особенно не волновало меня, и поэтому я принял приглашение и проскользнул сюда, минуя армейские кордоны, и принял на себя обязанности, которые Мэхруд, Бык его имя, на меня возложил.

Еще до того, как началась эта заваруха, я тоже получил письмо от своего бывшего профессора с аналогичным предложением. Но, честно говоря, посчитал, что у старика в мозгу просто шарики за ролики поехали.

— И каковы же ваши обязанности?— поинтересовался я.

Он снова помахал сигарой.

— Моя работа нисколько для меня не обременительна и заключается в том, чтобы встречать новичков и предупреждать их, чтобы они глядели в оба. Им нужно зарубить у себя на носу, что не все таково, каким кажется на первый взгляд, и что им нужно смотреть глубже, чтобы разглядеть за внешними проявлениями какого-либо события определенный символ, внутренний смысл.

Чудовище элегантным жестом поднесло сигару ко рту, затянулось и продолжило:

— У меня есть к вам один вопрос. Не нужно отвечать на него тотчас же, но мне бы хотелось, чтобы вы подумали и дали мне ответ позже. Вот мой вопрос: куда вы желаете сейчас идти?

И, распрощавшись с нами, оно заковыляло по тропинке прочь. Короткие ножки двигались, казалось, совершенно независимо от вытянутого крокодильего туловища.

Какое-то время я смотрел ему вслед, стараясь унять дрожь, затем поправил за плечами бидон, и мы быстро пошли дальше. Алиса была настолько подавленной, что, казалось, даже не осознавала своей наготы.

— Меня очень пугают такие вот коллизии. Каким же образом человек может принять форму вроде этой?

— Мы это обязательно выясним, — произнес я с наигранным оптимизмом. — Кажется, не мешало бы быть готовыми вообще к чему угодно.

— Пожалуй, рассказ миссис Дурхэм, записанный вами на пленку, соответствовал истине.

Я кивнул.

Незадолго до того, как вся эта местность была оцеплена, жена профессора переправилась на другой берег реки, где, как она точно знала, находился ее муж. К тому времени он уже провозгласил себя богом, но она нисколько его не боялась.

На всякий случай миссис Дурхэм прихватила с собой двух адвокатов. Судя по ее сбивчивому рассказу, какая-то сила, исходившая, по-видимому, от доктора Дурхэма, обратила несчастную в огромную хвостатую обезьяну, что заставило ее спасаться бегством. Оба адвоката, превращенные в скунсов, тоже были вынуждены ретироваться.

Размышляя над столь странными событиями, Алиса заметила:

— Не могу я понять, как он это делает. Откуда у него такое могущество? И какими орудиями он пользуется?

По телу у меня побежали мурашки, и я чуть не выболтал ей, что являюсь главной причиной всего происходящего. Я и без того чувствовал себя достаточно виноватым, чтобы усугублять свою вину, поведав кому бы то ни было всю правду. Более того, если начать как можно убедительнее доказывать ей, что это — истинная правда, она уверовала бы, что я совсем спятил. Тем не менее, именно так и обстояли дела, и именно поэтому я вызвался добровольцем для выполнения этой весьма щекотливой миссии. Кто заварил кашу, тому ее и расхлебывать.

— Я умираю от жажды, — заскулила внезапно Алиса. — Папуля, как насчет того, чтобы попить? Другая возможность, может быть, представится очень нескоро.

— Черт побери! — выругался я, снимая со спины бидон. — Не называйте меня папулей. У меня есть имя — Даниэль Темпер, и я еще не настолько стар...

И примолк. Чего уж там. Я вполне мог бы быть ее отцом. В захолустье штата Кентукки, во всяком случае, где женятся очень рано.

Догадываясь, о чем я думаю, она улыбнулась и протянула мне небольшую кружку, которую отстегнула с боковой поверхности бидона.

— Возраст мужчины таков, насколько он чувствует себя мужчиной, — поспешно поправился я. — Я ощущаю себя не старше тридцати.

На тропинке возникло какое-то движение, я толкнул Алису в высокую траву, а сам остался стоять, охраняя бидон. Будь что будет.

Но, разобрав, что же все-таки движется по тропинке, я глубоко пожалел, что не бросил бидон. Неужели на этой позабытой богом земле не осталось ни одного человеческого существа? Сначала — Аллегория, теперь — Осел!

— Хелло, братец! — весело поздоровался он и, прежде чем я успел ответить, запрокинул назад свою чудовищную голову и огласил окрестности невероятным полусмехом-полуослиным ревом.

А вот мне было совсем не до смеха. Слишком уж у меня были натянуты нервы, чтобы я мог притворяться, что мне весело. К тому же от него сильно несло Отваром. Я с трудом сдерживал рвотные спазмы.

Он был высок и, в отличие от большинства ослов, покрыт короткими светлыми волосами. Стоял, как человек — на двух ногах, только ноги оканчивались широкими копытами. Голову его венчали два длинных волосатых уха, но во всех остальных отношениях это был самый что ни на есть заурядный человек. Не мешкая, он представился. Звали его не так уж неожиданно — Поливиносел.

— Что это за бидон? Зачем он тебе?

— Тащу наружу контрабандой Отвар, — соврал я.

Он осклабился, обнажив длинные желтые ослиные зубы.

— Контрабандой! Только что тебе за нее платят? Для почитателей Все-Быка деньги не имеют никакой ценности.

Произнося имя своего божества, Поливиносел вытянул правую руку. Большой палец и два средних были согнуты, указательный и мизинец торчали прямо. Я не сориентировался и не ответил тем же, он нахмурился было, но снова расплылся в улыбке, когда я повторил его жест.

— Я занимаюсь контрабандой из любви к искусству, — доверительно сообщил я. — А также для того, чтобы распространять свет истины.

Откуда взялась последняя фраза, ума не приложу. Скорее всего, она явилась следствием его ссылки на "почитателей" и того похожего на символ веры знака.

Поливиносел протянул большую волосатую руку и повернул кран на бидоне. Не успел я пошевелиться, как он уже наполнил сложенные лодочкой ладони, поднес их к губам и с шумом потянул, но тут же начал отплевываться.

— Тьфу ты! Да это же вода!

— Разумеется, — покровительственно улыбнулся я. — Избавившись от Отвара, я наполняю бидон обычной водой. Если меня ловит патруль, объясняю, что тащу в эти места контрабандой чистую воду.

Поливиносел снова залился своим жутким смехомревом и хлопнул себя в восторге по бедру. Звук был, как у топора, вонзающегося в дерево.

— И это еще не все, — понесло меня. — Я уже договорился кое с кем из высокого начальства, и они позволяют мне проникать через кордоны, чтобы приносить им Отвар.

Он подмигнул мне, издал зычный ослиный клич и снова ударил себя по бедру.

— Значит, браток, коррупция? Портится начальство, портится. Послушай, что я тебе скажу. Пройдет совсем немного времени, и Отвар распространится на весь мир.

Он снова изобразил знак, понятный только посвященным, и на этот раз я ответил без промедления.

— Прогуляюсь с тобой милю-другую, браток. Мои почитатели — приверженцы местного культа Осла — справляют неподалеку отсюда праздник плодородия. Может, присоединишься к нам?

Я вздрогнул и с жаром ответил:

— Нет, спасибо.

Помнится, как-то вечером мне довелось наблюдать за одной из таких оргий в мощную стереотрубу. В двух сотнях метрах от границы запретной территории полыхал огромный костер. На фоне этого адского пламени были отчетливо видны совершающие нелепые прыжки поте-

рявших всякий стыд мужчин и женщин. Эта сцена долго еще стояла у меня перед глазами. От нее невозможно отделаться. Она преследовала меня даже во сне.

Услышав мой вежливый отказ, Поливиносел снова завопил по-ослиному и хлопнул меня по спине, вернее, по бидону. От неожиданности я упал на четвереньки в траву. Ярости моей не было предела — я боялся, что тонкостеный бидон прогнется от удара, а швы разойдутся. Была для ярости и другая причина. Я не сразу поднялся на ноги. И некоторое время вообще не мог пошевелиться, так как встретился взглядом с расширенными голубыми глазами Алисы.

Судя по всему, на Поливиносела она произвела впечатление. Он издал громкий, радостный возглас, и опустился на четвереньки рядом с ней, уткнувшись своим уродливым, увенчанным ослиными ушами черепом, в тело Алисы.

— О, какая беленькая коровка! Как тебе здесь пасется?

С этими словами чудовище схватило Алису за талию и встало, чтобы, поворачивая ее из стороны в сторону, рассмотреть при ярком свете луны, словно незнакомую букашку, которую поймало, ползая по траве.

— Болван! — взвизгнула Алиса. — Не касайся меня своими грязными лапами!

— Да ведь я же Поливиносел! Местный бог плодородия! Это моя обязанность и привилегия — проверять твои достоинства, — пояснил он. — Скажи мне, дочка, кого ты недавно вымаливала — мальчика или девочку? А как твой огород? Дружно ли взошли кабачки? А лук и чеснок? А курочки твои хорошо несутся?

Вместо того, чтобы испугаться, Алиса не на шутку рассердилась.

— Ваша Ослинность, не угодно ли меня опустить? И не смотрите на меня такими похотливыми глазами. Если вам уж так хочется того, о чем я догадываюсь, спешите скорее на свою оргию. Ваши почитатели ждут вас, не дождутся.

Поливиносел разжал руки, она метнула в него гневный взгляд и пошла было прочь, но он протянул руки и снова схватил ее за талию.

— Не туда, моя славная дочурка. Неверные охраняют границу всего лишь в нескольких сотнях отсюда. Ты же не хочешь, чтобы тебя поймали? Как же ты будешь пить тогда Божественный Отвар?

— Спасибо, я в состоянии сама за себя постоять, — сухо ответила Алиса. — Оставьте меня в покое. Плохие времена настали. Стоит только девушке вздремнуть в траве, как тут как тут какой-нибудь мелкий божок норовит подразмяться.

Я подивился, как быстро она освоила местный жаргон.

— Ладно, ладно, дочка, не порицай нас, божков, за это. Особенно, если сама сложена как богиня.

И, издав титанический рев, едва не сбивший нас с ног, Поливиносел схватил нас за руки и поволок по тропинке.

— Пошли, пошли, ребятушки. Я вас перезнакомлю со всеми. Ох, какой у нас сейчас будет праздник Осла!

Вновь раздался оглушительный, мерзкий рев. Теперь я понял, насколько Дурхэм был прав, превратив этого парня в его нынешнее воплощение. Эта мысль сразу повлекла за собой вереницу других.

Каким же образом ему это удалось? В сверхестественные способности я, разумеется, не верил. Все, что происходит в этой вселенной, все-таки подчиняется определенным физическим законам.

Возьмем, к примеру, уши Поливиносела. Шагая рядом с ним, я имел неплохую возможность более внимательно осмотреть их. Они видоизменились, стали похожи на ослиные, однако тот, кто это сделал, не имел перед собой точного изображения осла. По сути, уши так и остались человеческими, только необъяснимым образом вытянулись и покрылись мелкими волосками.

Что касается ног, они тоже в общем-то были человеческими, а не ослиными. Правда, оканчивались они светлыми копытами, очень похожими внешне на ослиные, но сделанными из того же вещества, что и ногти. Сквозь них просматривались слабо различимые контуры пяти пальцев.

То есть, было совершенно ясно, что какой-то биоинженер изменял очертания человеческого тела, располагая человеческим исходным материалом.

Я бросил взгляд в сторону Алисы, пытаясь понять, каково же ее мнение о нашем поводыре. Она была величес-

твенна в своем гневе. Да, Поливиносел был абсолютно прав, хотя и высказался грубовато — майор Льюис обладала великолепной фигурой. Она принадлежала явно к тем девушкам, которых всегда выбирают председателем женского клуба в университете, королевой бала на студенческих вечерах, а затем выдают замуж за сына сенатора. У меня никогда не было ни малейших шансов на успех у девушек такого рода, когда я корпел в Трайбеллском университете.

Вдруг Поливиносел остановился.

— Послушай-ка, эй, ты, а как тебя зовут?

— Даниэль Темпер, — ответил я.

— Даниэль Темпер? Даниэль Темпер? Ох-ха-хо-ха-хо-ха! Послушай, старина Даниэль Темпер, бросай-ка свой бидон! Зачем таскать на себе тяжесть? Ты смахиваешь на осла, на подлинно вьючное животное! Я не желаю, чтобы кто-нибудь здесь копировал меня. Понял? Хо-ха-и-а! Усек?

И он ткнул мне под ребра пальцем, твердым, как рог.

Никогда я еще столь не ненавидел кого-либо из людей, а тем более — из божеств. Дурхэм просчитался, думая, что накажет его, обратив в осла. Поливиносел на самом деле гордился своим превращением и, если я верно его понял, извлекал из него пользу в такой степени, что даже умудрился насадить свой культ. Разумеется, он не первый, кто создал религию из собственных недостатков.

— А в чем же я тогда стану таскать Отвар наружу?

— А зачем? Разве, таская такую мелочь, поможешь распространению божественного напитка? Оставь это рекам всего мира и Мэхруду, Бык его имя.

Он снова сделал характерный знак рукой.

Я не стал с ним спорить — он бы сорвал бидон с моей спины сам, поэтому я не спеша отстегнул шлейки. Поливиносел помог мне, подхватив бидон и зашвырнул его в темноту кустов. Я тут же ощутил столь страшную жажду, что, не в силах сдержаться, дернулся к бидону.

— Не пей эту мерзость! — взревел он. — Идем со мной в поселок Осла. Там у меня маленький чудный храм. Понимаешь, никакой такой роскоши, как в Цветочном Дворце Мэхруда, да пребудет он во веки веков Все-Быком! Но очень славный. И мы здорово там повеселимся!

И все это время мерзкое создание не переставало бесстыдно пожирать глазами Алису, проецируя на нее уже не одни только помыслы. Как и у всех дегенератов в этой местности, оно было лишено абсолютно всех сдерживающих начал. Будь у меня пистолет, я, не раздумывая, пристрелил бы его на месте. Если б, разумеется, здесь могли взрываться патроны.

— Послушайте, — сказал я сердито, отбросив всякую осторожность. — Мы пойдем туда, куда пожелаем. Идемте, Алиса. Бросим этого самовлюбленного осла.

С этими словами я взял Алису за руку. Поливиносел схватил ее за другую, перегородив нам дорогу. Чуть монголоидный разрез глаз делал его еще больше похожим на упрямого мула из Миссури. Огромного, злобного и сильного, причем среди этих качеств преобладала злобность.

— Эй, вы! Не надейтесь, что вам удастся разозлить меня настолько, что я сделаю вам что-нибудь плохое, чтобы вы могли пожаловаться своему пастырю, а тот — доложить о моем поведении Мэхруду! Не надейтесь! Это было бы с моей стороны страшным грехом, вы, смертные!

Крича о моей неспособности возмутить его олимпийское спокойствие, он одной рукой обвил мою шею, а другую запустил мне в рот и дернул за верхнюю челюсть.

— Ты и твоя болтовня досаждают мне!

Ослабив удушающую хватку вокруг моего горла, Поливиносел швырнул мою челюсть в черноту леса. Я метнулся к кустам, туда, где, как мне показалось, белели на земле мои зубы. Упав на корточки, я стал лихорадочно шарить вокруг, но найти их не мог. Внезапный вопль Алисы поднял меня на ноги, но вскочил я чересчур быстро и сильно трахнулся головой о ветку. Невзирая на боль, я обернулся, чтобы посмотреть, что случилось, и напролом кинулся через кусты, но, больно ударившись голенью о какой-то предмет, полетел лицом вниз, да так, что дух вышибло.

Поднявшись, я понял, что споткнулся о собственный бидон с водой. Даже не пытаясь возблагодарить каких-либо богов за эту удачу, что они мне послали, я подхватил бидон, бросился туда, где барахтались в траве Поливиносел и Алиса, и с размаху обрушил бидон на затылок не-

годяя. Тот безвучно обмяк. Отшвырнув бидон, я наклонился к Алисе.

— У вас все в порядке?

— Д-да, — прошептала она и бессильно уронила голову на мое плечо.

Вреда ей не было причинено никакого. Она просто потеряла голову от испуга. Я погладил ее по плечу — кожа у нее была восхитительно гладкой — и провел пальцами по длинным черным волосам.

— Грязный скот! — всхлипнула девушка. — Сначала он губит мою сестру, а теперь подбирается ко мне!

— Что? Какую сестру?

Она подняла голову в мою сторону. Вернее, опустила, ибо была на добрых два дюйма выше.

— Пегги — моя сводная сестра, дочь моего отца от первого брака. Ее мать потом вышла замуж за полковника Рурке. Но мы всегда были близки.

Это было интересно, пора было заниматься делом.

Перевернув Поливиносела на спину, я убедился, что сердце бьется. Из раны на затылке сочилась кровь, обыкновенная красная кровь, а не голубая, на которую можно рассчитывать, имея в виду божественную должность.

— Не беспокойся за него, — брезгливо сказала Алиса. — Он, честно говоря, заслужил смерть. Тупое ничтожество, вообразившее себя Дон Жуаном, которое принесло несчастье моей сестре...

Не закончив фразы, она застыла с открытым ртом. Я проследил ее взгляд и увидел, как растекается по земле наша бесценная вода. И сразу испытал внезапный острый приступ жажды. Ощущение, разумеется, было чисто нервного свойства, но от того, что я это сознавал, во рту не стало менее сухо.

Алиса приложила руку к горлу.

— Ни с того, ни с сего так пить захотелось!

— Ничего не поделаешь, — прохрипел я. — Нужно искать источник незагрязненной воды.

Бидон был девственно пуст. Констатировав этот печальный факт, я заметил у кустов нечто белеющее. Это оказались мои зубы. Повернувшись к Алисе спиной, я водрузил их на место и, чувствуя себя намного увереннее, напомнил ей, что пора отправляться в путь.

Так мы и поступили. Мысли Алисы раздражающе вертелись вокруг воды.

— Конечно же, здесь должны оставаться колодцы или ручьи, которые остались чистыми. Ведь Отвар только в реке, не так ли?

— Если бы я был в этом уверен, то не стал бы брать с собой бидон, — не пытаясь увиливать от прямого ответа, признался я.

Она было открыл рот, чтобы возразить, но тут мы услыхали голоса впереди, увидели пламя приближающихся факелов и поспешно спрятались в кустах.

Идущие по тропе громко пели хором. В мелодии легко узнавался "Боевой Гимн Республики", но текст был составлен из исковерканных латинских слов. Вряд ли хоть кто-нибудь из них понимал, что поет.

"Ориентис партибус
Адвентавит Асинус,
Пульхер эт Фортиссимус,
Сарцинис аптиссимус.
Ориентис партибус
Адвентавит... и-и-и-к!"

Словом, что-то вроде хвалы всемогущему Ослу, прославляющей его сошествие на землю.

Через некоторое время толпа наткнулась на своего истекающего кровью бога, который все еще не пришел в сознание.

— Уйдем, — прошептала Алиса. — Если они найдут нас, то разорвут на куски;

Однако я предпочел бы остаться и понаблюдать за этими людьми, чтобы глубже понять мотивы их поведения и выработать правильную линию общения с туземцами. Она согласилась со мной. Несмотря на нашу обоюдную неприязнь, должен признаться, что ума и смелости ей не занимать. Можно было даже простить некоторую ее нервозность. В конце концов, на то были серьезные причины.

Люди повели себя не так, как я предполагал. Вместо того, чтобы помочь раненому, они сбились в кучу, явно не зная, что делать. Сначала я ничего не мог понять, но приглушенный гул голосов помог мне понять причину

столь странного поведения — они просто опасались вмешиваться в дела полубога, даже такого ничтожного, как Поливиносел.

Почитатели Осла были очень молоды — среди них не было ни одного мужчины или женщины старше двадцати пяти, и все без исключения отличались великолепным сложением.

Внезапно на тропе позади нас раздался громкий треск. Мы с Алисой подпрыгнули от неожиданности. Группа почитателей Осла пустилась наутек, как стая перепуганных кроликов. Мне невероятно хотелось присоединиться к ним, но я остался, лихорадочно молясь в душе, чтобы это не оказалось еще одним щекочущим нервы чудищем.

Слава Господу, это был всего-навсего обнаженный туземец, худючий, высокий, с длинным тонким носом. Можно было представить его в прошлой, цивилизованной жизни преподавателем колледжа. Тем более, что носом своим он уткнулся в какую-то книгу. Как я уже упоминал, свет луны был достаточно ярок, чтобы можно было свободно читать, но меня, честно говоря, удивило, что кто-то в здешних краях воспользовался этим.

Его ученую внешность некоторым образом портила мертвая белка размером с колли, висящая у него на плечах. Наверное, туземец возвращался с охоты, хотя я никогда прежде не слышал о том, чтобы на белок охотились ночью.Да и оружия у него не было. Размеры белки меня не удивили — я уже видел фотоснимки огромных животных, сделанные в пограничных участках этой местности.

Меня интересовало, что туземец предпримет, заметив Поливиносела. Однако, подойдя к распростертому телу, он, нисколько не колеблясь и ничем не показывая того, что зрит бога, спокойно переступил через его вытянутые ноги и последовал дальше, продолжая читать книгу.

Я прикоснулся к руке Алисы.

— Идем за ним!

Мы шли за чтецом при луне примерно с полмили, прежде чем я решился окликнуть его. Он остановился, опустил белку на землю и спокойно дождался, пока мы приблизимся.

Я спросил у него, не заметил ли он лежащего на тропинке Поливиносела. Незнакомец в ответ только недоуменно покачал головой.

— Я видел, как вы переступили через него, — не унимался я.

— Я ни через кого не переступал, — уверенно ответил сей ученый с виду муж. — Тропинка была совершенно свободной. — Он более пристально поглядел на меня. — Насколько я понимаю, вы - - новичок. И, видимо, только-только попробовали Отвар. Иногда при первом его потреблении возникают странные ощущения и видения. Понимаете ли, нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к нему.

Я, как дурак, продолжал настаивать в отношении Поливиносела. И стоило мне упомянуть имя, как весь он как бы озарился, улыбнулся покровительственно и даже удостоил меня взглядом второй раз с момента знакомства.

— О, милый мой, не следует верить всему, что слышишь, понимаете? Только из-за того, что большинство, которое всегда невежественно и простодушно, предпочитает объяснять новые явления, опираясь на древние суеверия, человеку умному, вроде вас, нет никакой нужды принимать все это на веру. Я предлагаю вам не обращать ни малейшего внимания на все, что вы слышите — за исключением, разумеется, того, что говорю вам я — и полагаться в дальнейшем только на здравый смысл, которым вы, к вашему счастью, наделены в достаточной степени от рождения, и на ту способность логически мыслить, которую развили, обучаясь в университете. При условии, разумеется, что заведение, которое вы посещали, не было всего-навсего тренировочным залом для членов Торговой Палаты, Клуба Ротарианцев, Любителей Старины, Рыцарей Колумба, обществ по охране волков, лосей, львов или каких-либо других покровителей диковинных зверей. Я едва ли...

— Но я видел Поливиносела собственными глазами! — тупо повторил я. — И, если бы вы не подняли ногу вовремя, то упали бы прямо на него!

Не поднимая глаз от книги, он одарил меня покровительственной улыбкой.

— Ша, ша! Самогипноз, массовое наваждение и все такое. Скорее всего, вы — жерва внушения. Поверьте мне,

неразберихи в этой долине еще хватает. Нельзя позволять, чтобы тебя одурачил первый встречный шарлатан, у которого есть простое, если не надуманное, объяснение происходящему здесь.

— А каково ваше объяснение?

— Профессор Дурхэм изобрел какую-то машину, которая вырабатывает неизвестное химическое вещество, с помощью которого он сейчас отравляет воды реки Иллинойс. Со временем, мы надеемся, то же произойдет с водами всего мира. Одно из присущих ему свойств — разрушение многих общественных и психологических условных рефлексов, которые некоторыми обобщенно обозначаются как сдерживающие начала, мораль или страх греха. Но веществу этому присущи и многие хорошие свойства. Оно оказалось универсальным антибиотиком и тинизирующим средством — какова комбинация! — не говоря уже о многом другом.

Тем не менее, должен признаться, профессору удалось окончательно разделаться с такими социальными и политико-экономическими структурами и их представителями, как заводы, магазины, больницы, школы, которые до сих пор посвящали почти все свое время энергичному воспитанию кретинов-недоучек, а также покончить с бюрократией, автомобилями, церковью, кино, рекламой, алкоголем, армией, проституцией, телевидением и другими бесчисленными институциями, которые до недавнего времени считались совершенно необходимыми.

К несчастью, инстинкт рационального объяснения явлений в человеке трудно подавить. Так же трудно, как и стремление к власти. Поэтому-то и объявились шарлатаны, выдающие себя за пророков и основавшие самые разные религии, спекулируя на массах и на идиотской простоте, на трогательной жажде ухватиться за любое мало-мальское объяснение неизвестного.

Мне хотелось верить этому псевдоученому, но, увы, я был совершенно уверен в том, что у профессора не было ни умения, ни средств для того, чтобы сконструировать такую машину.

— А как же эти простаки объясняют воздействие Отвара? — спросил я.

— Единственное имеющееся у них объяснение — что источником Отвара является Бутылка, — ответил Человек Рациональный, как окрестил его я про себя. — Они божатся, что Дурхэм черпает свои силы из этой Бутылки, которая, судя по описаниям — всего лишь самая обычная бутылка из-под пива. Некоторые же утверждают, что на ней имеется изображение быка.

Лоб мой покрылся испариной. Значит, это все-таки мой подарок! А я-то считал, что с моей стороны это лишь небольшой безобидный розыгрыш своего обожаемого, но чудаковатого профессора античной литературы!

— Вся эта история, видимо, каким-то образом связана с его фамилией, — поспешил я заметить. Ведь студенты частенько называли его "Быком". И не только потому, что его фамилия, Дурхэм, совпадает с наименованием знаменитой породы крупного рогатого скота, но и потому, что жена водила его как бы за кольцо, продетое сквозь ноздри.

— В таком случае, он хорошенько проучил своих студентов, — сказал Человек Рациональный. — Потому что за его кроткой и невзрачной внешностью скрывался настоящий призовой бык, похотливый самец-производитель. Не знаю, известно ли вам, но он содержит огромное количество красавиц в своем гареме, который называет Цветочным Дворцом, не говоря уже о прекрасной Пегги Рурке, ныне известной как...

— Значит, она жива! — изумленно воскликнула Алиса. — Жива и живет с этим Дурхэмом!

Человек Рациональный поднял брови.

— Ну, это как сказать, в зависимости от того, лгут или нет эти шарлатаны. Некоторые утверждают, что она видоизменилась каким-то таинственно-мистическим образом — размножилась, как они говорят. То есть, что каждая из этих нимф в гареме и есть Пегги Рурке, но в то же самое время она не является ни одной из них и существует только в одном-единственном воплощении. — Он покачал головой. — О, вы понимаете, что существа, склонные мучительно рассуждать о чем угодно, обязательно придумывают себе богов и всякие религиозные догмы.

— А что представляет из себя Мэхруд? — спросил я.

— Да это просто Дурхэм, если произносить это слово с конца. Любой религии характерна тенденция не

упоминать Истинного Имени бога. Тем не менее, я абсолютно убежден, что все эти жулики, языкоплеты придумали ему такое имя главным образом из-за того, что не в состоянии были произнести Истинного. Толпа подхватила его сразу же. Скорее всего, им понравилось звучание. В нем есть что-то восточное, в представлении этих простаков — мистическое.

Данных набралось столько, что я совершенно запутался.

— А сами вы когда-нибудь видели Мэхруда?

— Нет, и никогда не увижу. Эти так называемые боги просто не существуют, так же, как Осел или Аллегория. Никто здравомыслящий не поверит в них. К несчастью, Отвар, несмотря на многие его, достойные восхищения, качества, очень усиливает в людях тенденцию к отказу от логического мышления, к отсутствию здравого смысла и, следовательно, повышает внушаемость. Я же воспринимаю все хорошее и отвергаю остальное. И поэтому весьма счастлив.

Тут мы вышли на шоссе, которое я сразу узнал.

— Мой дом поблизости, — сказал Человек Рациональный. — Если хотите, можете у меня остановиться. У нас есть белка и сколько угодно Отвара в колодце во дворе. Ко мне придут друзья и до того, как начнется оргия, мы сможем провести время в интересной беседе. Увидите, мои друзья истинные интеллектуалы — атеисты и агностики.

Я содрогнулся при мысли, что мне предложат столь ненавистное пойло.

— Мне очень жаль, — как можно убедительнее произнес я, — но нам нужно идти дальше. Только вот я очень любопытен, и буду благодарен вам, если вы объясните, каким образом вам удалось поймать эту белку.

— Кант, — ответил он, помахав книгой.

— Я что-то не замечаю на ней никакой окантовки, — удивился я, присмотревшись повнимательнее.

— Да нет же. К-а-н-т. Эммануил Кант. Видите ли, Отвар необычайно стимулирует рост этих животных. И, более того, в чем я не сомневаюсь, воздействует также на их нервную систему. Похоже, они становятся разумными. Сочетание увеличения размеров мозга и изменения структуры нервной системы неизбежно должны к этому

привести. Впрочем, это можно подвергнуть сомнению. Но, какова бы ни была истинная причина, Отвар наиболее замечательно воздействует на грызунов. Это очень неплохо. Ибо, как вы понимаете, появился еще один, практически неисчерпаемый источник пищи.

Он сделал паузу, но, заметив мое растущее нетерпение, продолжил:

— Я обнаружил, что нет никакой необходимости ни в винтовке, которая все равно не стреляет в этих местах, ни в луке и стрелах. Нужно только найти место, изобилующее белками, сесть под дерево и начать громко читать. Это само по себе приятно и полезно в познавательном плане, а белка, привлеченная монотонным чтением, медленно спускается с дерева и подползает все ближе и ближе. Не обращая на нее внимания, нужно читать дальше. Любопытный зверек садится совсем рядом, медленно помахивая пушистым хвостом и вперившись своими большими глазами в читающего. Через некоторое время остается только встать, закрыть книгу и схватить белку, которая к тому времени уже полностью впадает в транс — хоть тащи ее домой и перерезай глотку.

Экспериментально я определил, что наилучшие результаты дает чтение "Критики чистого разума". Животное становится совершенно оглушенным. А вот кроликов легче всего прельстить "Тропиком Козерога" Генри Миллера. Во французском переводе, разумеется. Один из моих друзей рассказывает, что для ловли птиц лучшей книгой является "Дианетика" Хаббарда. Каждый хвалит, сами понимаете, свой инструмент. Я же всегда ловлю фазанов и гусей с помощью "Трех начал теории секса".

Мы подошли к дому Человека Рационального и распрощались с ним. Потом ускорили шаг и прошли по усыпанной гравием дороге мимо множества, в большинстве своем, покинутых ферм. Некоторые из них сгорели, и обитатели перебрались в сараи. Или, если и их пожрало пламя, соорудили шалаши.

— Фотоснимки, сделанные с армейских аэростатов, показывают, что в городе сгорело много домов, — сказал я. — А улицы снова заросли травой. Поначалу я недоумевал — куда же делись погорельцы? Теперь знаю. Они просто стали жить, как дикари.

— А почему бы и нет? Похоже, им вовсе не приходится трудиться в поте лица своего, чтобы жить в достатке, — заметила Алиса. — И еще я обратила внимание, что нас совсем не кусают комары. Значит, эти назойливые насекомые, должно быть, уничтожены. Санитарное состояние местности тоже не доставляет обитателям этой долины особого беспокойства — Отвар убивает любые болезнетворные микробы, если верить этому просветителю белок и другой живности. Отсутствие бумаги и консервов для них — не проблема. Все они на вид кажутся очень счастливыми и гостеприимными. Нам раз за разом приходится отклонять предложения перекусить и попить Отвар. И даже, — добавила она, злорадно улыбаясь, — поучаствовать в следующих за этим оргиях. Похоже, что ныне это — весьма респектабельное действо. Я не преминула обратить внимание на то, как одна красавица-блондинка на одной из ферм пыталась затащить вас за сарай. Не правда ли, за пределами этой местности такое вряд ли могло случиться.

— Может быть, я и лысый, — огрызнулся, — но еще не настолько уродливый, чтобы привлекательная девушка не могла в меня влюбиться. Жаль, у меня нет при себе фотографии Бернадетты. Мы вот-вот должны пожениться. Ей всего лишь тридцать лет и...

— А у нее все зубы целы?

— Абсолютно все, — отпарировал я. — Осколок мины не попал ей в рот, а остатки зубов нижней челюсти не выпадали во время болезни, когда под рукой не было антибиотиков, потому что огонь противника держал в окопах в течение пяти суток...

Меня трясло от злости.

— Даниэль, — смутилась Алиса, — извините. Я не знала этого.

— Что вы имеете против меня? — не унимался я, не обращая внимания на ее извинения. — Оставим в стороне мои зубы, волосы и тот факт, что именно я, а не кто-то другой, додумался до этого фокуса с условным рефлексом, а у моего начальства, включая и самого Президента, хватило ума оценить мои способности и послать в эту местность без поддержки со стороны десяти тысяч морских пехотинцев, прокладывающих впереди дорогу. А вот вас

почему сюда заслали? Потому что ваш папочка-генерал решил наскрести немножко славы для вас и себя, прилепившись ко мне? Разве это не есть тот пресловутый паразитизм военных? И, более того...

Я неистовствовал, и всякий раз, когда она открывала рот, подавлял ее своим криком, уже не соображая, как громко ору, пока не заметил, что за нами внимательно наблюдают стоящие посреди дороги мужчина и женщина, и сразу же примолк, но поправить положение было уже невозможно.

— Новенькие, чего это вы так громко ругаетесь? — спросил мужчина и протянул мне бутылку. — Вот, попейте. Прекрасное средство. Как раз для вас. Здесь, на земле Мэхруда, мы позабыли, что такое грубость.

— Нет, спасибо, — отказался я и попытался проскользнуть мимо них, но женщина, брюнетка, являющая собой нечто среднее между Сильваной Пампанини и Джиной Лоллобриджидой, обняла меня за шею и страстно зашептала:

— О, пойдем, лысенький. Мне кажется, что ты — большой милашка. Выпей и идем с нами. Мы держим путь на ферму Джонеса, на праздник Плодородия. Сам Поливиносел намерен почтить нас своим присутствием. Он снизошел до того, что согласился ночью повеселиться с нами, простыми смертными. И ты можешь любиться со мной, сколько захочешь, лишь бы было хорошее потомство. Я, видишь ли, одна из нимф Поливиносела.

— Очень жаль, но мне нужно идти.

Я настойчиво попытался высвободиться, и тут почувствовал, как что-то теплое и влажное потекло по моему черепу.

Это был Отвар!

Рефлекс сработал молниеносно. Еще прежде, чем я осознал происходящее, мышцы мои сократились. Мужчина и женщина упали на землю. Не дожидаясь пока они поднимутся, я схватил Алису за руку и мы понеслись по дороге.

Пробежав добрую четверть мили, я, задыхаясь, вынужден был перейти на быстрый шаг. Сердце мое старалось вырваться из грудной клетки, голова, казалось, разбухла. Да, для такого резвого бегства мои гимнастические за-

нятия, включая приседания, оказались недостаточными. Однако Алиса, молодая, физически прекрасно развитая женщина, пыхтела едва ли не громче меня, так что впадать в уныние причин не было.

— Они нас не преследуют, — отдуваясь, сказал я. — Послушайте, если мы столь легко проникли вглубь этой территории, то что помешает колонне морских пехотинцев, если они войдут сегодня ночью? Может быть, было бы разумнее атаковать именно таким образом?

— Мы пытались уже четыре раза, — призналась Алиса. — Два раза днем, два раза ночью. Первые три цепи промаршировали внутрь и не вернулись. Что произошло с последней, мы видели.

Некоторое время после этого мы шли молча. Затем я не выдержал:

— Послушайте, Алиса. Я вышел из себя, что едва не навлекло на нас крупные неприятности . Поэтому, почему бы нам не договориться позабыть все прошлые обиды и не начать сначала, по-хорошему?

— И не мечтайте. Конечно, я буду стараться воздерживаться от перебранок, но не позволю ни малейшего панибратства. Для того, чтобы понравиться мне, вам нужно как минимум, напоить меня Отваром, но даже в этом случае я весьма сомневаюсь в перемене своих чувств.

Я промолчал, решив впредь не заводить подобных разговоров. Ободренная моим молчанием, или же заинтригованная, она заговорила снова:

— Вполне возможно, что попробовать Отвар нам придется. Воду мы разлили, а наша жажда за последующие четырнадцать, а может быть, и все двадцать часов, должна усилиться. Тем более, что все это время мы будем находиться на ногах. Что произойдет, если мы будем не в состоянии утерпеть, а напиться можно только из реки? По-моему, чем-чем, но отравой это пойло не является.

— Доподлинно известно, что мы станем совершенно счастливыми. Именно в этом заключается вся трагедия. Эта неизвестная субстанция, называемая Отваром, является самым коварным из всех наркотиков, когда-либо изобретенных людьми. Привыкшим к нему не только кажется, что они испытывают полное блаженство. Употребление

Отвара связано со многими дополнительными преимуществами.

Я не смог сдержаться.

— Такие рассуждения крайне опасны. — Отнюдь нет, мистер Темпер. Это всего лишь факты.

— Мне очень не нравится ваше настроение.

— С чего это?

— С чего? — переспросил я. — У меня нет причин стыдиться того, что я собираюсь вам поведать. Родители мои были наркоманами. Отец умер в больнице для бедных. Мать вылечить удалось, но вскоре она умерла от ожогов, которые получила при пожаре на кухне ресторана, где она работала. Обоих похоронили на старом Мелтонвиллском кладбище на самой окраине Онабака. Будучи помоложе, я частенько наведывался к их могилам посетовать на небеса, сколь несправедливо они с ними обошлись, позволив умереть столь позорно, не по-людски. Я...

— Мне очень жаль, Дэн, — тихо, но твердо перебила меня Алиса, — что с вами случилось такое. Только вот не кажется ли вам, что вы стали что-то слишком напыщенно изъясняться?

Я сник.

— Вы правы. Но это из-за того, что мне показалось, что вы пытаетесь меня поддеть.

— И вы захотели обнажить передо мной свою душу? Нет, Дэн, благодарю покорно. Достаточно скверно уже то, что нам пришлось обнажить свои тела. Мне не хочется причинять вам боль, но никак не правомерно сравнивать прежние наркотики и этот Отвар.

— Только потому, что у тех, кто его пьет, не заметно явных признаков физического вырождения? А вы абсолютно уверены в том, что их действительно нет? Разве все это длится достаточно долго, чтобы можно было сделать определенные выводы? И если все здесь на вид так здоровы, благожелательны и счастливы, то почему же Поливиносел попытался вас изнасиловать?

— Я нисколько не намерена защищать этого кретина, — ответила Алиса. — Но, Дэн, неужели вы не улавливаете изменений, которые произошли в воцарившейся здесь духовной атмосфере? Тут, похоже, нет барьеров, разделяющих людей на мужчин и женщин, и они поступают друг

с другом так, как им того хочется. У них отсутствует даже чувство ревности. Разве слова той брюнетки не убедили вас в том, что у Поливиносела большой выбор женщин, и никто из них против этого не возражает? Он, вероятно, считал само собой разумеющимся, что я тоже не прочь побарахтаться с ним в травке.

— Ладно, ладно. Но ведь это мерзко, и я никак не могу понять, почему Дурхэм именно его сделал богом плодородия, если, казалось бы, так сильно его ненавидел?

— А что вам собственно, известно о Дурхэме? — отпарировала Алиса.

Я рассказал ей, что Дурхэм был невысоким, лысым, невзрачным толстячком с лицом, как у прокаженного ирландца, что его жена так исколола его насмешками, что стали видны дырки, что у него была душа поэта, что он любил цитировать древнегреческих и латинских классиков, что у него была страсть устраивать всяческие розыгрыши и нескрываемое желание издать свою книгу-эссе под названием "Золотой Век".

— Как по-вашему, он был мстительным? — поинтересовалась она.

— Нет. Скорее на редкость кротким и снисходительным. А что?

— Так вот, Пегги писала мне, что ее друг, Поливиносел, ненавидел Дурхэма за то, что ему нужно было пройти его курс, чтобы получить зачет по литературе. Кроме того, все обратили внимание, что Пегги очень нравилась профессору. Поэтому Поливиносел старался его вывести из себя всякий раз, когда ему предоставлялась такая возможность. Это письмо пришло как раз перед исчезновением. Узнав из газет, что Дурхэм подозревается в убийстве их обоих, я задумалась: а не вынашивал ли он свою ненависть в течение длительного времени?

— Только не профессор, — запротестовал я. — Он, хоть и разъярялся изредка, но очень ненадолго.

— Вот вам и объяснение, — торжествующе произнесла Алиса. — Он превратил Поливиносела в мерзкого осла, а затем, по мягкосердечию своему, простил его. А почему бы и нет? Ведь Пегги досталась ему!

— Тогда почему же он не вернул Поливиноселу человеческий облик?

— Насколько мне известно, в университете он специализировался по агротехнике, а по натуре своей, если верить Пегги, был Казановой.

— Теперь я понимаю, почему вы слушали мою лекцию, не скрывая сарказма, — сказал я. — Ведь вам было известно об этой паре гораздо больше, чем мне. Но это вовсе не извиняет ваши иронические выпады в отношении моей лысины и вставных зубов.

Алиса отвернулась.

— Сама не понимаю, почему я себе это позволяла. Разве что потому, что вас, человека сугубо штатского, наделили такой властью и доверили столь ответственную миссию.

Мне очень хотелось поинтересоваться, не изменила ли она своего мнения, но я воздержался, так как был уверен, что дело не только в этом, и продолжил свой рассказ о Дурхэме, не раскрывая, однако, самого важного — предварительно мне хотелось как можно больше вытянуть из нее.

— Значит, вы считаете, — подытожила Алиса, — что все, происходящее здесь, соответствует описанию гипотетического Золотого Века в интерпретации профессора Босуэлла Дурхэма?

— Да, — сказал я. — Он часто подчеркивал в лекциях, что древние боги упустили многое из того, что могли бы сделать. Считал, что, присмотрись они повнимательнее к своим смертным подопечным, болезни, нищета, несчастья и войны исчезли бы с лица Земли. И еще утверждал, что древние боги на самом деле были всего лишь людьми, которые каким-то образом приобрели сверхчеловеческие способности и не знали, как ими воспользоваться, так как были несведущи в философии, этике и других науках.

Он, бывало, говорил, что мог бы гораздо лучше устроить жизнь простых людей, и разражался целой лекцией на тему "Как быть богом и любить это занятие". Это, естественно, вызывало у нас гомерический смех, так как невозможно было представить себе кого-либо, менее подходящего для роли бога, нежели Дурхэм.

— Об этом мне известно, — сказала Алиса. — Из писем сестры. Она считала, что именно это особенно раз-

дражало Поливиносела. Он не понимал, что профессор просто проецирует на аудиторию придуманный им мир, не переставая мечтать о месте, куда можно было бы сбежать от изводящей его жены. Бедняга!

— Хорош бедняга! — хмыкнул я. — Ведь он устроил все именно так, как того и желал, не правда ли? Кто другой может похвастаться тем же, да еще в таких масштабах?

— Никто, — призналась Алиса. — Расскажите мне, на чем акцентировал Дурхэм в своем "Золотом Веке"?

— Он утверждал, что вся история человечества свидетельствует о том, что так называемый простой человек, Человек Заурядный — это такой малый, которому больше всего хочется, чтобы его никто не беспокоил, и жизнь кажется ему приятной только тогда, когда все его земное существование протекает совершенно гладко. Его идеалом является существование без болезней, когда много еды, развлечений и секса. Ему нравится, когда его обожают другие, не беспокоят оплатой счетов. Работать он хочет ровно столько, сколько требуется для того, чтобы не лезть на стенку от скуки. А главное — чтобы за него все время и обо всем думал и решал кто-нибудь другой. Большинство людей втайне мечтают о том, чтобы все заботы об их жизненном устройстве взяло на себя какого-либо рода божество, а сами бы они занимались только чем-нибудь приятным.

— Значит, воскликнула Алиса, — он ничем не лучше Гитлера или Сталина!

— Отнюдь нет, — возразил я. — Ему удалось устроить рай на Земле, в чем мы можем удостовериться, оглянувшись вокруг. И он не является приверженцем какой-либо одной идеологической схемы, сторонником применения насилия. Профессор...

Я запнулся, поняв, что начал защищать его.

Алиса злорадно хихикнула.

— Вы изменили свое мнение?

— Нет. Совсем нет. Ибо профессор, как и всякий диктатор, вынужден был извратить свои первоначальные взгляды. Он таки прибегнул к насилию — вспомните Поливиносела.

— Плохой пример. Он всегда был ослом, ослом и остался. И откуда нам знать, а не нравится ли ему быть именно ослом, а не кем-нибудь другим?

Ответить я не успел. Вся восточная половина небосвода внезапно озарилась грандиозной вспышкой. Через секунду-две до нас докатился оглушительный грохот взрыва. Мы были просто ошеломлены, так как свыклись с мыслью, что в этой долине подобные химические реакции невозможны.

Алиса вцепилась в мою руку.

— Неужели атака началась раньше, чем было запланировано? Или нас просто не поставили в известность?

— Я так не думаю. С чего бы это атаку начинать именно здесь? Давай пойдем и поглядим, что же, собственно, произошло.

— У меня такое впечатление, будто сверкнула молния, но какая-то не такая...

— Вы имеете в виду негативное изображение молнии? — высказал я мелькнувшую и у меня мысль.

— Вот именно, — кивнула Алиса. — Вспышка была черной.

— Мне доводилось видеть молнии, которые разветвлялись, — сказал я. — Но это первая... — Голос мой опустился до шепота. — Нет, бред какой-то. Нужно подождать, прежде чем выносить определенное суждение.

Мы перешли с грейдера на пересекающее его мощеное шоссе. Это была государственная автотрасса, в полутора милях отсюда проходящая мимо аэропорта Мелтонвила.

Восточная часть неба снова озарилась вспышкой, и на этот раз мы увидели, что взрыв произошел гораздо ближе, чем казалось в прошлый раз. И поспешили вперед, готовые в любую секунду укрыться в лесу в случае возникновения угрозы. Пройдя полмили, я внезапно остановился как вкопаный.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Что-то я не припоминаю, чтобы здесь когда-нибудь протекал ручей, — медленно ответил я. — Совершенно точно, его здесь раньше не было. Я очень часто бродил тут, еще когда был бой-скаутом.

Однако сейчас перед нами было русло ручья. Оно шло с востока, со стороны Онабака, и поворачивало на юго-запад, в сторону от реки. Русло перерезало автотрассу, обра-

зовывая на ней разрыв шириной метров в десять. Кто-то притащил два длинных древесных ствола, перебросил их через ручей и уложил между ними планки, соорудив некоторое подобие моста.

Мы пересекли пересохшее русло и двинулись по шоссе дальше, но еще один взрыв слева убедил нас в том, что мы идем совсем не в ту сторону. Этот взрыв произошел совсем рядом, на краю просторного луга, на месте которого когда-то была стоянка автомашин.

Алиса потянула воздух носом.

— Пахнет горелой зеленью.

— Да. — Я вытянул руку в сторону дальнего берега ручья, хорошо освещенного луной. — Смотрите.

Полуобгорелые, изломанные стебли и ветви каких-то растений размером с добрую сосну, разбросанные метров на пятнадцать-двадцать друг от друга, устилали берег и дно ручья. Что это означает? Оставалось подойти поближе и разобраться.

Возле моста, где ручей неожиданно обрывался, мы наткнулись на толпу человек эдак в сто, образовавшую круг. Чтобы увидеть, что же такое интересное происходит внутри этого живого кольца, пришлось проталкиваться при помощи локтей. Мы еще не успели протиснуться, как вдруг какая-то женщина истошно завопила:

— Он опять налил слишком много Отвара!

— Спасайся, кто может! — взревел кто-то из мужчин.

И сразу же вокруг нас образовалась невероятная мешанина из обнаженных тел. Вопя, толкаясь и пиная друг друга, люди рассыпались во все стороны. Причем все это они проделывали с заливистым смехом, словно предвкушая хорошую потеху — странная смесь паники и пренебрежения к опасности.

Чтобы Алиса не потерялась в толпе, я крепко держал ее за руку.

— А в чем опасность? — крикнула она поравнявшемуся с нами мужчине.

Он представлял из себя фантастическое зрелище. Это был первый человек, на котором была какая-то одежда. Голову его покрывала красная феска с кисточкой, туловище опоясывал светлозеленый широкий пояс, за который была заткнута кривая сабля под таким непривычным

углом, что скорее напоминала румпель швертбота. Иллюзия эта усугублялась скоростью, с которой он мчался.

Услыхав ее возглас, мужчина смерил нас свирепым взглядом, полностью соответствовавшим нелепости своего наряда, и что-то прокричал.

— Что?

Он снова что-то выкрикнул и помчался дальше.

— Что он сказал? — спросил я у Алисы.

— Какая-то абракадабра.

Мельтешащая вокруг толпа совсем обезумела, когда раздавшийся позади взрыв повалил нас наземь лицом вниз. За ударной волной последовала волна горячего воздуха, затем на нас посыпался град камней и комьев грязи. Получив удар по ноге, я взвыл от боли и подумал, что только перелома мне и не хватало. На шее моей висела Алиса, монотонно причитая:

— Спасите меня! Спасите...

Я бы с удовольствием это сделал, но вот кто будет спасать меня?

Столь же неожиданно, как и начался, каменный град прекратился, а с ним прекратились и вопли поваленных наземь людей. Еще некоторое время стояла тишина, прерываемая изредка вздохами облегчения, а затем раздался хохот, восторженные возгласы, и вокруг нас опять замелькали белые в лунном свете, обнаженные тела, восставшие, словно привидения, из густой травы. Чувство страха не могло долго сохраняться у этих, ничем не сдерживаемых людей. Они весело подтрунивали друг над другом по поводу бегства, обменивались впечатлениями.

Он остановил одну женщину, полногрудую красавицу лет двадцати пяти — все женщины, употребляющие Отвар, были красивы, отменно сложены и молодо выглядели, — и спросил:

— Что, собственно, произошло?

— О, этот идиот-словоблуд налил в яму слишком много Отвара, улыбаясь, пояснила она. — Это же и ежику понятно, что должно было произойти. Но он нас не слушал, а его приятели, такие же недоумки, как и он сам, слава Мэхруду!

Произнеся имя бога, она сделала известный нам знак. Эти люди, какими бы легкомысленными и непочтитель-

ными не были во всех других отношениях, никогда не забывали выразить свое уважение Мэхруду.

— Кто? А? — смутился я, совсем сбитый с толку ее словами.

—И-а, — передразнила меня женщина, и я похолодел от мысли, что она имеет в виду Поливиносела, хотя это явно было продиктовано просто бестолковостью моего вопроса.

— Словоблуды, разумеется, лысенький. — Быстро окинув меня с ног до головы проницательным взглядом, она добавила: — Если бы не это, я бы подумала, что ты еще не отведал Отвара.

Я не понял, что она подразумевала под "этим", и посмотрел вверх, куда она небрежно махнула рукой, но не увидел ничего, кроме чистого неба и огромной луны искаженной формы.

Продолжать расспросы мне расхотелось, чтобы не казаться новичком, и, оставив в покое женщину, мы с Алисой последовали за толпой. Она направлялась к месту, где обрывался ручей и зияла теперь воронка, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы понять, откуда здесь столь неожиданно появилось пересохшее русло — кто-то высек его серией чудовищных взрывов.

Мимо нас прошмыгнул какой-то мужчина. Он энергично работал ногами, туловище его было сильно наклонено вперед, а одна рука спрятана за спину. Другой рукой мужчина держался за свою густо поросшую волосами грудь. Голову его украшала нахлобученная набекрень одна из тех шляп с высоким гребнем, какие можно увидеть во время парада на высоком военном начальстве. Пояс вокруг обнаженного торса поддерживал шпагу в ножнах. Довершали наряд остроносые ковбойские ботинки на высоких каблуках. Мужчина сердито хмурился. В руке, заложенной за спину, он держал большую карту.

— Эй, адмирал, — окликнул я его.

Мужчина продолжал двигаться, не обращая на меня никакого внимания.

— Генерал!

Он даже не обернулся.

— Босс! Шеф!

Никакой реакции.

— Эй, вы!

— Дварубы схытники? — неожиданно отозвался он.

— Что?

— Помолчите лучше, пока не потеряли верхнюю челюсть, — заметила Алиса, глядя на мой разинутый от удивления рот. — Идемте дальше.

И мы поспешили к краю глубокой выемки, опередив толпу, иначе потом туда пробиться было бы очень трудно.

Выемка имела в поперечнике около десяти метров и конусом уходила вниз, к центру, который располагался на глубине около семи метров. Точно посредине выемки возвышалось огромное, почерневшее, обгоревшее растение. Это был стебель кукурузы с листьями, султанами и прочими атрибутами, но высотой, самое меньшее, метров в пятнадцать. Стебель угрожающе наклонился и, казалось, достаточно тронуть его пальцем, как он, объятый пламенем, рухнет на землю. Причем прямо на нас, ибо стебель был наклонен в нашу сторону. Корни гигантской кукурузы были наполовину обнажены, как трубы, когда чинят прорвавшийся водопровод. Вокруг были навалены груды комьев грязи, что дополняло кратерообразный вид выемки — будто огромный метеорит вспахал землю.

Эта мысль пришла мне в голову с первого взгляда, но, присмотревшись, я пришел к выводу, что этот метеорит должен бы был пробивать почву снизу.

Но долго раздумывать над тем, как это могло произойти, у меня не оказалось времени, так как стебель, в соответствии с моими худшими предположениями, начал постепенно валиться. Нам не оставалось ничего иного, как спасаться бегством.

После того, как стебель с грохотом рухнул, а большая группа причудливо полуодетых людей подцепила его к упряжке из десяти битюгов и оттащила в сторону, мы с Алисой вернулись к кратеру. На этот раз я без опаски спустился вниз. Почва под ногами была сухой и жесткой — что-то впитало в себя всю влагу, причем сделало это крайне быстро, так как на окружающем кратер лугу земля была мокрой от недавно прошедшего ливня.

Несмотря на то, что в воронке было, мягко говоря, жарковато, Словоблуды дружно посыпались вниз и энергично заработали кирками и лопатами возле ее запад-

ной стенки. Их предводитель, мужчина в адмиральской шляпе, стоял в центре и, держа обеими руками карту, хмуро смотрел на нее. Время от времени он подзывал кого-нибудь из своих приспешников повелительным жестом, тыкал пальцем в карту, а затем показывал место, где, по его предположениям, следовало поорудовать лопатой.

— Прикпани хряпкие дранты, — командовал он.

— Нитрипак нем, ино, ино, — отвечали его соратники.

Однако, несмотря на трудовой энтузиазм, им все никак не удавалось ничего откопать. Люди, стоящие у края воронки, подобно большой толпе городских зевак, наблюдающих за работой первого экскаватора, шикали, улюлюкали, давали дешевые советы. По рукам ходили бутылки с Отваром и чувствовалось, что все происходящее является для них развлечением, хотя, как мне показалось, многие высказывания в адрес копающих в воронке были далеко не самого лучшего пошиба.

Неожиданно новоявленный Наполеон, задыхаясь от ярости, вскинул руки вверх. Карта затрепыхала в воздухе.

— Шимшам прокаты буцтовар! — завопил он.

— Перхент нем, ховай! — откликнулись его люди нестройным хором.

— Частидок теплодливые лопкани!

Результатом этой нечленораздельной перебранки было то, что все, кроме одного, перестали копать. На том, кто продолжал работать, был пробковый шлем, а на руках — две дюжины браслетов от наручников. Отбросив лопату, он бросил какое-то семя в почти что горизонтальный шурф в откосе, уходящий в почву метра на полтора, забросал его землей, утрамбовал, протянул сквозь набросанную почву тонкий провод. Другой мужчина, в прусской каске времен первой мировой войны с шишаком и в шутовских очках на лбу, одно стекло которого было выбито, дернул за провод и плеснул Отвар из огромного кувшина. Почва жадно поглотила влагу.

Словоблуды и зеваки внимательно следили за ходом операции. Стояла полная тишина.

И вдруг какая-то женщина на самом краю воронки громко завопила:

— Он опять льет слишком много! Задержите дурака!

Наполеон бросил в ее сторону свирепый взгляд и, судя по интонации, крепко выругался:

— Полукатка пасту хрычит!

В то же самое мгновение земля затряслась, почва вздыбилась, задрожала — вот-вот что-то должно было взорваться, и взорваться очень сильно.

— Бегом в лес! На этот раз у него получилось!

Я не знал, что именно у него получилось, но времени на расспросы, похоже, не было. Мы кинулись по склону через луг. На полпути к шоссе я преодолел страх и рискнул обернуться. Зрелище того стоило.

Впервые в жизни я увидел, как взрывается гигантский подсолнух, рост которого фантастически ускорила сверхдоза самого невероятного за всю историю стимулятора. В течение доли секунды он достиг размеров секвойи. Его стебель просто вспорол землю в непостижимой спешке вырваться наружу. Возносясь высоко в небо, он возгорелся благодаря чудовищной энергии, выделившейся при его подъеме от трения о воздух. А затем, когда его нижняя часть лишилась поддержки, так как у корневища вся земля была разбросана в разные стороны, он стал опрокидываться. Охваченная пламенем башня готовилась все сокрушить при своем падении.

Схватив Алису за руку, я бросился в сторону. Нам едва удалось увернуться, и какой-то миг мне казалось, что пылающий столб раздавит нас, как букашек.

Через несколько жутких мгновений, за которые я поседел бы, если б не был лыс, он с чудовищным треском обрушился наземь. Мы упали, оглушенные, неспособные пошевелиться — так, во всяком случае, нам показалось. Однако уже через мгновение вскочили на ноги, как ужаленные. Вернее, ошпаренные, ибо наша голая кожа на спине вздыбилась волдырями.

— О, Дэн, как больно! — застонала Алиса.

Я был с ней полностью солидарен и подумал, что на этом наша вылазка в проклятую долину закончилась, так как нужно срочно возвращаться — эти первобытные люди, по всей вероятности, позабыли все современные методы лечения ожогов.

Так оно и оказалось. Туземцы забыли медицину, ибо не нуждались в ней. Привлеченные нашим жалким состо-

янием, двое мужчин прежде, чем я успел возразить, вылили содержимое двух ведер на наши многострадальные спины.

Я завопил в ужасе, но было поздно. Единственное, что меня успокоило — это то, что ни капли этой гадости не попало мне в рот и даже не оказалось на лице. Я уже собрался выругаться, даже открыл рот, и вдруг с изумлением понял, что не ощущаю боли. Ничего не соображая, я посмотрел на Алису. Под влажной пленкой Отвара волдыри на ее спине полопались, под ними розовела новенькая, здоровая кожица. Изумленная, она настолько потеряла самообладание, что, позабыв о вражде, кинулась мне на грудь.

— О, Дэн, Дэн, разве это не замечательно!

Но мне совсем не хотелось восхвалять это дьявольское снадобье. Ведь, как и любой другой наркотик, оно дает положительный эффект только при правильном его употреблении, и может оказаться ужасным злом, если им злоупотреблять.

— Вставайте, Алиса, идемте. Нам надо вернуться.

Взявшись за руки, мы пошли к новому кратеру. Меня не покидало навязчивое желание разрешить загадку Словоблудов. Я уже подумывал о тех преимуществах, которых мог бы добиться, предложив новый способ ведения боевых действий в этой долине — разбрасывание с воздушных шаров бомб, начиненных Отваром и семенами. А орудия, снаряды которых заряжаются семенами и Отваром! Вот только как впоследствии чистить такие стволы? Придется прикрепить по врачу к каждому артиллерийскому расчету. Разумеется, можно применить реактивные снаряды. Только вот нужно подумать, какая чудовищная отдача будет после выстрела гигантским кукурузным стеблем. Понадобятся специалисты-универсалы как по ботанике, так и по аэродинамике. И, наверное, еще...

Тьфу ты, черт, занесло. Высокое начальство в штабквартире ни за что мне не поверит.

Словоблуды работали дружно, со всем пылом, который им добавляла изрядная порция выпитого Отвара. В течение пятнадцати минут они погасили огонь и отволокли в сторону еще дымящийся ствол, а потом принялись выравнивать скаты и дно выемки.

Я внимательно следил за их действиями. Похоже было на то, что они выполняют распоряжения мужчины в адмиральской шляпе и постоянно советовались то с ним, то между собой. Но ни один из них ничего не мог понять из того, что говорит другой. Эффективность общения обеспечивалась выражением лица и жестами. Однако ни один из них не признался бы в этом другим.

Что ж, подумал я, вряд ли это является новшеством, разве что в таких масштабах... И что — или кто — тому виной?

Снова, на этот раз устало, я спросил у одного из зевак, какая цель преследуется всей этой бурной деятельностью Словоблудов. Однако обитатели долины, казалось, не были способны рассуждать о чем-либо серьезно, хотя шанс наткнуться на кого-либо, кто мог бы быть исключением, отбрасывать не стоило.

— Вот что я отвечу тебе, незнакомец. Эти люди являются живым свидетельством того, что нельзя злоупотреблять религией в корыстных целях.

Он отпил из фляги, висящей на цепочке на его шее, и предложил мне горлышко. Я отказался. Туземец удивился, но не обиделся.

— Они были руководителями местной общины незадолго до того, как Мэхруд доказал всем, что является Воистину Быком. Вы представляете себе, что это за люди — проповедники, крупные и мелкие дельцы, редакторы газет, шулера, адвокаты, банкиры, профсоюзные деятели, врачи, книжные обозреватели, профессора колледжей... То есть, убежденные в том, что владеют рецептами исцелять все болезни — социальные, экономические, финансовые, административные, телесные, духовные и так далее, в любое время дня и ночи. Одним им известно Истинное Слово, секешь? То Верное Слово, которое улаживает, понимаешь?

Единственным затруднением, с которым все они столкнулись, было то, что, испробовав Отвара, свободно льющегося из Священной Бутылки, люди перестали обращать внимания на них, мнивших себя столпами общества. Длительное время они еще старались изо всех сил сохранить свое влияние. Затем, осознав, что рано или поздно их все равно захлестнет Святая Влага, они порешили, что,

пожалуй, будет лучше, если все, здесь происходящее, обратить себе на пользу. Ведь каждому, кто вкусил из Бутылки, от этого бывает только польза, в том или ином виде.

Так вот. Напившись Отвара в той мере, чтобы он придал им смелости, но не настолько, чтобы превратиться в обычных любителей позабавиться, они провозгласили себя пророками новой религии. И с тех пор, согласно их собственным заверениям, никто, кроме них, не достоин руководить различными ритуалами поклонения Большому Быку. Разумеется, Шиид-предсказатель погоды, Поливиносел и Аллегория проигнорировали их, а посему были объявлены ими ложными божествами.

Смех один, не правда ли? Но так оно и было на самом деле, до тех пор, пока Мэхруд — да пьет Отвар вечно его народ! — не разъярился. Он объявил, устами Шиида, что эти столпы общества, эти пророки-марионетки — фальшивка. А в качестве наказания вознамерился наделить их тем, что ранее даровал Дюжине Спеленатых Дружков.

И вот что сказал он им: "Вы говорили людям, что вы, и только вы, обладаете по воле Настоящего Быка Верным Словом. Ну что ж, пусть так оно и будет. Только это будет такое Слово, которое, кроме вас, никто не сможет понять. А теперь — убирайтесь!"

Но, увидев, как эти бедняги толкутся по округе, пытаясь объясниться друг с другом и с людьми, как от бесплодных попыток становятся дурнее перепивших Отвара, как пронимает их печаль, еще большая, чем бывает после самого гнусного похмелья, Мэхруд пожалел их. И сказал вот что: "Слушайте, я даю вам шанс. Я спрятал ключ от всех ваших неурядиц где-то здесь, в этой долине. Ищите его. Найдете — сразу же исцелитесь. И все станут вас понимать, ясно?"

Он дал им карту, одну на всех, для общего пользования, но этот полуодетый Наполеон тут же заграбастал ее и стал хранить у себя, пользуясь тем преимуществом, что из всей своры его речь— самая неразборчивая. С той самой поры он и руководит поисками ключа, который расшифрует их речь и лишит дара словоблудия.

— Поэтому они все взрывают и перекапывают? — спросил я, не скрывая изумления.

— Да, и руководствуются при этом картой, — смеясь ответил незнакомец.

Я поблагодарил туземца и пошел следом за недоодетым Наполеоном, заглядывая ему через плечо. Карту испещряли длинные извилистые линии, от которых ответвлялись более короткие. Именно этим линиям и следовал Наполеон в своем руслотворчестве.

— Симфрантак сокпарни? — недовольно обернулся он ко мне.

Ничего не ответив, я отошел.

— Это схема нервной системы человека, — пояснил я Алисе. — Они следуют одному из ответвлений блуждающего нерва.

— Блуждающего нерва? — задумчиво спросила она.— Интересно, что бы это могло означать?

Взбираясь вверх из котлована, я поведал Алисе свои мысли:

— Кажется, здесь мы имеем возможность понаблюдать муки рождения новой мифологии. У одного из здешних полубогов в качестве прототипа выступает герой популярного комикса. Другой сформирован в воплощении, являющимся производным от его фамилии, к тому же оно еще соответствует его истинной натуре. А главное божество извлекает пользу из своего прозвища в прошлом. Все это заставляет меня задуматься о фундаменте, на котором был заложен пантеон древних и их мифы. Неужели же все они первоначально были основаны на таких нелепых и невероятных совпадениях?

— Даниэль Темпер! — сердито перебила мои излияния Алиса. — Из ваших слов явствует, что вы верите в существование древних языческих богов и в то, что Мэхруд на самом деле является богом!

— Раньше я и сам бы весело посмеялся над любой из таких гипотез, — сказал я. — Вот только как вы можете объяснить все, что мы здесь уже увидели?

Уже на самом верху я обернулся, чтобы еще разок взглянуть на Словоблудов — этот предметный урок, преподанный Мэхрудом. Они копали столь же энергично, как и раньше, не обращая внимания на град непристойностей, которыми их удостаивали зеваки. Самое смешное, подумал я, что люди так и не уяснили, что Словоблуды являются

более, чем просто сектой чокнутых, что они символизируют собой то, чем должны были бы сделаться праздные зрители, если бы задумались поглубже над своим нынешним беззаботным и счастливым, но лишенным всяческой перспективы, положением.

С предельной ясностью положение этих яростно копошащихся наследников строителей Вавилонской Башни напоминало всем и каждому в отдельности: ищите в самих себе потерянный ключ.

Именно этот совет, вероятно, изрек и первый философ среди пещерных людей.

На самом верху откоса я заметил блеск чего-то металлического, почти полностью погребенного под грязью и, вернувшись, подобрал предмет. Это была серебряная отвертка с длинной рукояткой.

Я ни за что бы не догадался, что символизирует собой отвертка, если бы не знал своего старого профессора. На лекциях он буквально бомбардировал нас своими эксцентричными методами объяснения природы вещей. Поэтому я сразу догадался, что держу в руках еще одну из его "шуток всерьез" — предмет, предназначенный занять надлежащее место в списке мифов, возникающих на Олимпе этой долины.

Известны легенды о Ящике Пандоры, Кувшине Филемона и Бавкиды, голове Медузы, подаренном глазе Одина. А чем хуже Серебряная Отвертка?

— Помните о мальчике с золотым винтом в пупке? — спросил я Алису. — Как он мучился всю жизнь, пытаясь догадаться, для чего он? Как стыдился, что отличается от всех людей, как нашел в конце концов психиатра, который посоветовал ему вернуться домой и мечтать о Волшебной Фее? И как фея Титания соскользнула по лунному лучу и подарила ему серебряную отвертку? Вывинтив золотой винт, он почувствовал себя на вершине блаженства, став нормальным человеком, получив возможность жениться, не опасаясь, что невеста станет над ним смеяться. И, позабыв свои тщетные попытки разгадать смысл золотого винта, очень счастливый, он поднялся со стула, чтобы взять сигарету, а его внутренности, лишенные крепления, вывалились наружу.

— Вы это серьезно?

— Совершенно! Откуда нам знать, что легенды о Золотых Яблоках Гесперид или Золотом Руне не вели свое происхождение от шуток, и лишь впоследствии приобрели символическое значение?

Не имея ответов на эти вопросы, впрочем, как и на все остальные, Алиса спросила:

— Значит, вы пытаетесь связать эту отвертку с делом Словоблудов. Она избавила бы их от необходимости все время взрывать и копать? Они смогли бы утихомириться и прекратить нести словесную чушь?

— Я уверен, что они сотни раз натыкались на нее и отшвыривали в сторону, отказываясь распознать ее значение.

— Может быть, так оно и было. Но что она, все-таки, означает?

— Это еще один ключ к осознанию того, что лучше бы им заглянуть внутрь себя, задуматься о причине своего наказания и о том уроке, который из него следует.

Этот инцидент изрядно испортил мне настроение. У меня было ощущение, что я все глубже и глубже погружаюсь во тьму, созданную существом, которое посмеивается надо мной, оставаясь в глубокой тени. Случайной ли была встреча с Аллегорией и его туманные зловещие советы?

Но времени раздумывать над этим не было, так как мы вышли на боковую дорогу, которая вела к больнице. Вдали уже виднелись белые памятники на кладбище за высоким проволочным забором. Наверное, я простоял на месте дольше, чем мне показалось, потому что Алиса тронула меня за руку:

— В чем дело?

— За этим забором — кладбище государственной больницы. Мелтонвиллское кладбище — по другую сторону дороги. Отец мой похоронен в земле, принадлежащей властям штата Иллинойс, мать лежит на деревенском кладбище. Они и в смерти разлучены так же, как были разлучены в жизни.

— Дэн, — ласково произнесла Алиса, — нам не мешало бы поспать пару часов, прежде чем двигаться дальше. Мы прошли большое расстояние. Почему бы не навестить могилы ваших родителей, а затем поспать там? Как вы к этому относитесь?

— Весьма положительно. Спасибо, Алиса, — как-то натянуто ответил я. Вы — замечательный человек.

— Вовсе нет. Просто этого требуют приличия.

И надо же ей было произнести эти слова именно тогда, когда мое отношение к ней стало чуть теплее!

Мы двинулись дальше. Навстречу нам брел крупный рыжеволосый мужчина. Он прямо-таки выпучил глаза на Алису, так и засмотрелся, что я невольно напрягся, ожидая таких же неприятностей, как при встрече с Поливиноселом. Заметив меня, мужчина остановился, ухмыльнулся и разразился громким хохотом. От него так и разило Отваром.

— Что это с ним?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Подождите! Так вот оно что! Поливиносел и все остальные, должно быть, сразу же признавали в вас новенького.

— Но почему?

— Да из-за вашей лысины! Вы видели здесь хоть одного лысого мужчину? Готова поклясться, что нет. Вот почему так смеялся этот парень!

— Если это так, то я меченый! И Поливиноселу остается только велеть своим почитателям искать лысого.

— О, дела вовсе не так плохи, как вам кажется, — успокоила меня Алиса. — Вы не должны забывать, что поток новичков не ослабевает и что в процессе адаптации сейчас находится большое количество бывших солдат. Вы вполне можете сойти за одного из них. Ну, хватит, идемте. Поспим немного.

Кусты по обе стороны каменной арки кладбища выросли выше моего роста. Железные ворота были распахнуты настежь и покрылись ржавчиной. Внутри, однако, я не заметил ожидаемого запустения и буйных зарослей сорняков. Их подстригали овцы и козы, которые стояли тут и там, как статуи, посеребренные лунным светом.

Я вскрикнул и рванулся вперед.

Могила моей матери зияла, как темнокоричневый зев. На дне виднелась черная вода. Гроб стоял у одной из стенок ямы. Очевидно, кто-то вынул его, а затем небрежно швырнул назад, и он застрял торчмя в жидкой грязи. Крышка гроба была отброшена. Он был пуст.

— Спокойно, Дэн, — произнесла стоящая сзади Алиса. — Не стоит так волноваться.

— Вот они, ваши нимфы и боги Нового Золотого Века! Грабители могил! Вурдалаки!

— Не думаю. Им не нужны ни деньги, ни драгоценности. Давайте осмотрим все кругом. Должно быть какое-то иное объяснение.

Мы осмотрелись. И увидели Козла Плаксивого. Он сидел, прислонясь спиной к надгробью. Козел был таким большим, черным и неподвижным, что казался отлитой из бронзы составной частью памятника. И еще он был похож на "Мыслителя" Родена — "Мыслителя" в котелке на голове и набедренной повязке. Но было в нем нечто живое — глаза, в которых блестели слезы.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я взволнованно. — Зачем раскопаны все эти могилы?

— Благослови вас Господь, мой мальчик, — произнес он со слегка провинциальным акцентом. — Видать, здесь погребен кто-то из ваших близких?

— Моя мать.

Слезы еще обильнее полились из его глаз.

— Главное — вера, мой мальчик. Правильно? И вы будете счастливы, когда я поведаю вам преславную новость. Видите ли, здесь погребена моя собственная любимая жена.

Я совсем не узревал ничего, что сделало бы меня счастливым, но предпочел помолчать и подождать, что он скажет дальше.

— Да-да, мой мальчик, извините уж, что я так вас называю. Ведь я все-таки — ветеран американо-испанской войны и старше вас на не так уж мало лет. По сути, не будь этого благословенного пришествия Мэхруда — да хранит его Господь — я бы давно уже помер от старости, и кости мои покоились бы на барже вместе с останками жены моей и...

— Какой барже? — не выдержал я.

— Вы что с луны свалились? О, да вы — новенький, — понял Козел. — Еще раз объясняю. Главное — вера, мой мальчик. К утру вы должны поспеть в Онабак, чтобы не пропустить отправления баржи, груженой костями. Можете не сомневаться, это будет великий праздник. Будет

много Отвара, жареного мяса и любовных утех — хватит, по меньшей мере, на целую неделю.

После долгих расспросов я выяснил, что Мэхруд велел выкопать останки всех покойников, имеющихся в этой долине, и переправить их в Онабак. Завтра утром баржа, груженая костями, переправится через Иллинойс и доставит останки на другой берег реки. Что произойдет дальше, неизвестно даже мелким божкам, хотя они все равно ничего бы не сказали. Но все уверены, что Мэхруд вознамерился воскресить всех покойников, поэтому спешат туда, чтобы стать очевидцами такого великого события.

От этой новости настроение мое заметно улучшилось. Если на дорогах и в самом городе будет много людей, то затеряться в толпе не составит особого труда.

— Дети мои, по мне, Все-Бык слишком уж много на себя берет. Вряд ли ему удастся воскресить покойников. И куда денется людская вера в него? И что станется со мною? — громко всхлипнул он. — Я снова останусь без работы, утрачу с таким трудом достигнутое положение! Я, который служил старому богу до тех пор, пока не понял, что он сдает свои позиции, что Мэхруд заменит его сейчас и в дальнейшем. А теперь Мэхруд-Бык его имя, Господи помилуй, опростоволосится и уже никогда не сумеет поправить свою репутацию. И я стану самым жалким существом — пророком, лишенным чести. А что еще хуже. так это то, что мне вот-вот должно прийти повышение в полубоги. Мой статус быстро повышался по причине моей верности, тяжких трудов и еще потому, что я зря рта не раскрывал, когда вся эта грандиозная затея с повышениями зародилась в голове Все-Быка. Зачем же он не остановился на достигнутом? Наконец, я понял, что он опасается не неудачи Мэхруда, но его собственной неудачи, спроецированной на начинания.

Если Мэхруд на самом деле сумеет облечь старые кости новой плотью, меня начнет разыскивать моя вечно любимая жена, и жизнь моя не будет стоить даже до-Отварного медяка — вряд ли она забудет и простит мне то, что я столкнул ее по лестнице вниз десять лет тому назад. Она сломала себе шею. И она не станет добрее от того, что сменит на красивую фигуру и красивое лицо остренькую мордочку, к которой успела привыкнуть за

свою долгую жизнь. О, вы ничего не знаете о ее характере!

Эх, да что там говорить! Разве я когда-нибудь был счастлив с того самого дня, когда впервые открыл свои голубые невинные глаза, ничем не запятнанные, если не считать первородного греха? Но Мэхруд утверждает, что это он первый позволил мне увидеть все так, как оно есть на самом деле. Я прожил несчастным всю жизнь, несчастным и останусь. Мне даже не позволено будет вкусить сладкого аромата смерти. Столь же определенно, как солнце встает на востоке, столь же определенно, как Мэхруд стал Быком и переплыл Иллинойс с прекрасной Пегги на своей спине, сделав ее своей невестой в роще на другом, высоком берегу, я даже не смогу умереть, потому что моя вечно любимая женушка разыщет мои останки и переправит их Мэхруду, чтобы предстать передо мною, когда я воскресну.

Я уже порядком устал от его словоизлияний, от этого потока метафор и гипербол, столь же бесконечного, как воды самого Иллинойса.

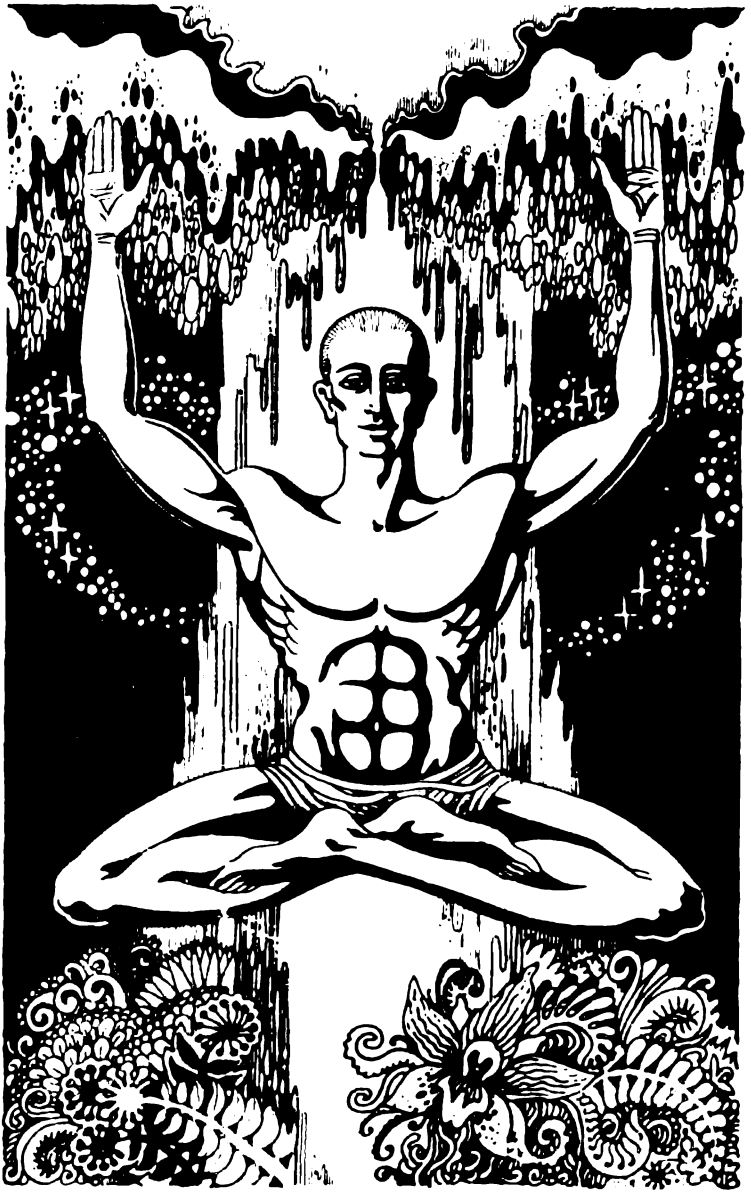
— Благодарю вас, мистер Козел Плаксивый. Спокойной ночи. У нас впереди еще долгий путь.

— Да-да, мой мальчик. Только Козел Плаксивый — не настоящее мое имя. Это прозвище мне дали ребята в пивной, потому что...

Я перестал его слушать и, вернувшись к могиле матери, улегся возле нее. Сон ко мне не шел — Алиса и Козел продолжали беседу. И только-только мне удалось, наконец, отключиться, как подсевшая Алиса настояла на том, чтобы пересказать мне историю, которую ей поведал наш новый знакомый.

Заметил ли я на нем белую набедренную повязку? Так вот. Если бы Козел Плаксивый поднялся, стало бы видно, что сложена она треугольником, на манер подгузника для грудных детей. Сходство это не случайно, так как он является одним из Дюжины Спеленатых Дружков.

Более того, если бы Козел повернулся ко мне спиной, я увидел бы еще желтое свечение, исходящее от его задницы — нечто вроде нимба, по своему цвету и местоположению очень напоминающее фонарик светлячка.



Оказывается, вскоре после того, как воздействие Отвара стало проявляться в полной мере, когда жители Онабака повернулись спиной ко всему остальному миру, многочисленные пророки-самозванцы стали пытаться извлечь для себя выгоду из новой религии. Каждый проповедовал свое собственное видение еще не совсем понятного вероучения. В их число попали и двенадцать политиканов, опустошавшие в течение длительного времени государственную казну. Из-за того, что содержимое Бутылки не сразу изменило природу вещей, до них очень долго не доходило, что же происходит в долине на самом деле.

Колеса промышленности замедляли свои обороты постепенно. Трава и деревья тоже не сразу заполнили мостовые. У людей потихоньку начал пропадать интерес к жизненным благам. Мало-помалу, почти незаметно, исчезали сдерживающие факторы. Угасала вражда, злоба и болезни. Тягота и скука жизни, всевозможные страхи рассеивались так же волшебно, как утренний туман под лучами восходящего солнца.

И вот наступило время, когда люди перестали летать в Чикаго по делам или для того, чтобы повеселиться, когда библиотеки опустели, работники типографии и репортеры ежедневных газет забросили свою работу, когда в "Эрсграпер Дизель Компани" и спиртоводочном заводе Майрона Малкера, крупнейших в мире предприятиях по выпуску данного вида продукции, в последний раз прозвучал фабричный гудок. Словом, когда люди, казалось, наконец осознали, что мир устроен совсем не так, как должен был бы, но что все будет хорошо в недалеком будущем.

Тогда же прекратилось функционирование и почтового ведомства, так как местные почтовые служащие перестали выходить на работу. Именно тогда Управление Пищевых Продуктов и Лекарств, Налоговое Управление и ФБР начали засылать в Онабак свох агентов для разъяснения обстановки. Но агенты не возвращались.

Отвар, однако, не вошел еще в полную силу, когда Дурхэм открылся людям с помощью пророка Шиида как Мэхруд. Определенная оппозиция тогда еще существовала, причем наиболее энергичных политиканов было двенадцать. Организовав митинг перед зданием суда, они подстрекали народ следовать за ними против Мэхруда. И

двинулись к Трайбеллскому университету, где в здании факультета метеорологии жил Шиид.

— Так вот, — кричал один из этих двенадцати, потрясая кулаком в сторону мощного фонтана, бьющего из Бутылки на высоком другом берегу, — мы линчуем этого сумасшедшего ученого, назвавшего себя Мэхрудом, этого лунатика, который, как мы знаем, является выжившим из ума университетским преподавателем и заядлым любителем поэзии и философии. Друзья, граждане, американцы! Если этот Мэхруд и в самом деле бог, как утверждает Шиид, еще один ученый безумец, то пусть поразит меня молнией! Мои друзья и я бросаем ему вызов!

Все двенадцать стояли на трибуне перед зданием суда лицом к Главной Улице и холмам на той стороне реки, вызывающе глядя на восток. Но ни грома, ни молнии не последовало. Вот только в следующее мгновение они вынуждены были позорно бежать, чтобы больше уже никогда не появляться на пути Мэхруда.

Не удержавшись, Алиса громко расхохоталась.

— Их поразила напасть, не столь ужасная, как молния, даже не столь впечатляющая, но в гораздо большей степени деморализующая. Мэхруд ниспослал им слабость, которая заставила несчастных одеть подгузники по той же причине, по какой их одевают детям. Разумеется, это убедило Двенадцать Спеленатых Дружков в могуществе Мэхруда. И они тут же принялись утверждать, что им уже давно известно, почему именно Мэхруд является Все-Быком, и снова созвали митинг, на котором с грандиозной помпой, не гнушаясь театральных эффектов, объявили во всеуслышание о перемене в своих настроениях. Теперь, утверждали они, Мэхруд наделил их монополией божественных откровений. Если кто-либо из простых смертных пожелает связаться с ним, они берутся за определенную плату устроить телефонный разговор с богом. Прожженные политиканы никак не могли уразуметь, что деньги перестали теперь что-либо значить.

Более того, они были настолько близорукими и замшелыми в своих повадках, что стали умолять Мэхруда о наделении их специальным отличием в знак признания их монополии быть пророками. И Все-Бык действительно наделил Дружков таким отличием, которое говорило само за

себя о принадлежности их к лику святых. Он наградил своих пророков постоянным ореолом ярко-желтого цвета.

Обхватив руками колени, Алиса покачивалась от душившего ее смеха.

— Разумеется, все двенадцать должны бы были исступленно радоваться привалившему им счастью. Но не тут-то было. Ибо Мэхруд из озорства перепутал место, которое должно было окружаться ореолом. Теперь, когда дружкам хотелось продемонстрировать свою принадлежность к лику святых, им необходимо было поворачиваться к людям задницей.

И, хотите — верьте, хотите — нет, но эти тупоголовые категорически отказываются признаться в том, что Мэхруд, по сути, изничтожил их. Наоборот, они везде и всюду бахвалятся месторасположением своего ореола и пытаются убедить всех остальных пользоваться пеленками, утверждая, что обмотанная тряпьем средняя часть тела — такой же знак правоверных почитателей Мэхруда, как тюрбан или фреска — для истинных приверженцев Аллаха.

Естественно, настоящая причина такой пропаганды — нежелание Дружков бросаться в глаза. Не то, что они совсем не желали бы быть знаменитыми. Просто им не хотелось бы, чтобы люди помнили об их слабости и изначальном грехе.

Слезы из прекрасных глаз Алисы струились ручьями. Я же не видел во всем этом ничего смешного, о чем и заявил ей без утайки.

— Ничего-то вы не поняли, Темпер, — улыбнулась она. — Их положение поправимо. Все, что им требуется — это попросить Мэхруда, чтобы он избавил их от этой напасти. И они это знают, однако гордыня не позволяет им прибегнуть к этому средству, они продолжают упорствовать, что это является знаком благорасположения Все-Быка. Да, Дружки страдают, но им нравится страдать. Так же, как Плаксивому Козлу нравится восседать на могиле жены — словно это удержит ее под землей — и хныкать о своих несчастьях. Он и ему подобные не откажутся от своих наказаний ни за что на свете, буквально ни за что! И стойко будут нести свой крест.

Она снова закатилась громким смехом. Я приподнялся, схватил ее за плечи и притянул к себе, чтобы проверить,

не пахнет ли от нее Отваром. Не было и намека на его запах, из чего следовало, что к бутылке Козла она не притрагивалась, зато стало ясно, как день, что у нее просто истерика.

Как привести охваченную истерикой женщину в нормальное состояние? Да громко отшлепать ее по щекам. Но тут Алиса сама ударила меня. Да еще так громко! Но результат был тот же — смеяться она перестала. Я схватился за щеку.

— За что?

— За то, что вы попытались воспользоваться моей слабостью.

— Но я... я... — только и сумел я пробормотать.

— Держите свои руки при себе, — сердито сказала Алиса. — Не принимайте ошибочно мое сочувствие за любовь. И не думайте, что мне, как и этим любителям Отвара, все равно, с кем.

Я повернулся к ней спиной и закрыл глаза, стараясь утихомирить нарастающее бешенство, но это мне плохо удавалось и, наконец, меня прорвало. Я привстал и окликнул ее:

— Алиса!

Она тоже, должно быть, не спала и сразу подскочила.

— Что? В чем дело?

— Я забыл вам кое-что вернуть.

И влепил ей звонкую пощечину. Затем, даже не удосужившись удостовериться, что удар произвел впечатление, спокойно лег и снова повернулся к ней спиной. Добрую минуту, должен признаться, спина моя была холодной, а все мышцы напряжены до предела в ожидании того, что ее ногти вот-вот вопьются в мою голую кожу.

Однако ничего такого не произошло. Сначала наступила полная тишина, в которой было слышно только ее дыхание. Затем, вместо ожидаемой яростной атаки, пришла очередь сдавленных вздохов, сменившихся всхлипываниями, которые, в свою очередь, перешли в громкое сопение, сопровождающееся вытиранием слез.

Я терпел, сколько мог, но скоро не выдержал, приподнялся на локте и произнес:

— Извините. Наверное, мне не стоило распускать руки. Только вы все-таки выбросьте из головы, будто я пытался

с вами заигрывать, зная, насколько отвратителен вам. У меня тоже есть гордость. Да и страсть к вам, знаете ли, совсем не вскружила мне голову. Кто вам сказал, что вы — Елена Прекрасная или Клеопатра?

Вот так всегда. Всякий раз я пытаюсь все уладить, и всякий раз порчу все окончательно. Она совсем взбесилась и выказала это тем, что встала и пошла прочь. Я догнал ее только у кладбищенских ворот.

— Куда это вы вздумали идти?

— Туда, где Главная Улица города Онабак, штат Иллинойс, упирается в реку, чтобы взять пробы Отвара и как можно быстрее доложить обо всем генералу Льюису.

— Вы не имеете на это права. Вам положено оставаться со мной.

Она откинула назад свои великолепные волосы.

— В полученных мною инструкциях об этом ничего не говорится. Зато говорится о том, что, если, по-моему мнению, ваше поведение поставит под угрозу выполнение данного мне поручения, я имею право покинуть вас. Так вот, я считаю, что сейчас имеет место именно такая ситуация. Вы несомненно представляете опасность. Если не для моей миссии, то, по крайней мере, для меня лично!

Я схватил ее за руку и повернул к себе лицом.

— Вы ведете себя, как вздорная девчонка, а не как майор морской пехоты США. Что это на вас нашло?

Она попыталась высвободиться, но это у нее не получилось. Я только улыбнулся, но, когда она пустила в ход кулаки, мне стало не до смеха. Я снова влепил ей оплеуху, потом, отражая яростные удары, уложил ее на бок, перехватив обе руки за спиной, Все-таки хороший, пусть и не очень крупный мужик в таких делах получше хорошей, пусть и крупной бабы.

— Ладно, — процедил я сквозь зубы. — Так все-таки что это с вами?

Она не отвечала, только неистово извивалась, хотя и понимала, что высвободиться не сможет, а затем, обессилев, застонала.

— Это то же самое, что и со мною? — спросил я, ошеломленный внезапной догадкой.

Она прекратила борьбу и едва слышно ответила:

— Да.

Я отпустил ее руки. Она перевернулась на спину, но подниматься не стала.

— Вы хотите сказать, — произнес я медленно, все еще не в состоянии поверить в это, — что влюблены в меня?

Она молча кивнула.

И тогда я склонился к прекрасному лицу распростертой передо мной женщины, чтобы поцеловать ее с тем же долго не находившим выхода пылом, с каким всего несколько минут назад обрушился на нее в желании усмирить.

— И все-таки, мне не верится, — признался я чуть позже. — Для меня, разумеется, было вполне естественно влюбиться в вас, даже сознавая, что вы меня ненавидите. Но вы... Почему? Почему вы меня полюбили? Или, если не можете ответить на этот вопрос, объясните хотя бы, почему так издевались надо мной?

— Вам не понравится то, что я скажу. Конечно, можно было бы наплести всякий вздор, на который способен любой завалящийся психолог: о том, что оба мы — выпускники университета, люди, влюбленные в свою профессию и так далее. Различия в мелочах, разумеется не в счет.

На самом деле вся беда заключалась для меня в том, что это произошло. Я не хотела этого. И противилась, как могла — прибегла к старому принципу Джеймса, только примененному, так сказать, с противоположным знаком. А принцип этот таков: если что-то по душе, если страстно желаешь стать чем-то, вот и будь им. Вот я и пыталась вести себя так, словно ненавижу вас.

— Почему? — возмутился я.

Алиса отвернулась, но я взял ее за подбородок и повернул к себе.

— Ну, объясните же...

— Я чувствую себя довольно гадко из-за колкостей, которые позволяла в адрес вашей лысины. На самом деле это не так уж сильно мне не нравится. Скорее, даже наоборот — я буквально влюбилась в то, что вам казалось физическими недостатками. Вот в чем загвоздка. Я проанализировала случившееся и пришла к выводу, что страдаю комплексом Электры.

— Вы хотите сказать, — произнес я, все больше повышая голос, — что полюбили меня за то, что я такой же лысый, как ваш отец, и старше вас, не так ли?

— Ну, не совсем так... Я уговаривала себя преодолеть это чувство, делала вид, что терпеть вас не могу, надеясь, что возненавижу...

Если бы я и так уже не лежал на земле, то непременно свалился бы с ног. Алиса Льюис оказалась одним из тех продуктов современной эпохи, которые настолько привыкли копаться в собственной психике или, как сейчас стало модно говорить, была настолько закомплексована, что готова была расценивать сам факт взаимной привязанности между ребенкои и отцом как признак того, что им обоим пора, сломя голову, бежать к психиатру.

— Я в ужасном положении, — призналась Алиса. — Все не пойму никак — то ли я люблю вас как отца, то ли — как мужчину. А может, действительно...

Она протянула руку, чтобы погладить мою лысину, я осознанно попытался уклониться от ласки, но не успел.

— Дэн, да у вас на голове пушок! — неожиданно воскликнула Алиса.

— Что?

Я провел ладонью по черепу. Она была права. Лысину мою покрывала едва ощутимая растительность.

— Значит, — сказал я, в одно и то же время и восхищенный, и ошеломленный сделанным открытием, — вот, что имела в виду та нимфа, когда, показывая на мою голову, сказала, что если бы не "это", она бы подумала, что я еще не пробовал Отвар. Это сделал именно Отвар, который тот парень вылил мне на голову! Ура!!! — высоко подпрыгнув, громко закричал я.

Но не успело еще смолкнуть эхо, как мы услышали ответный крик, да такой, что кровь застыла в моих жилах. Это был оглушающий ослиный хохот откуда-то издалека, громоподобное "И-а!"

— Поливиносел! — догадался я.

Схватившись за руки, мы помчались по дороге и остановились, только спустившись к Федеральному Шоссе номер 24. Там, тяжело дыша и отдуваясь после полумильной пробежки, страдая от жажды пуще прежнего, мы зашагали к Онабаку, до которого оставалась вторая половина мили.

Время от времени я оглядывался, но погони не замечал. Тем не менее, у нас не было никакой гарантии, что Поливиносел не вышел на наш след.

Люди, которые встречались нам повсеместно, несли с собою корзины, бутылки, факелы и были, как удалось выяснить из разговора с одним мужчиной, запоздалыми зрителями, спешащими увидеть отход баржи с останками усопших от причала, находящегося в самом конце Главной Улицы.

— Говорят, что Мэхруд, Бык его имя, будет воскрешать покойников у подножия горы, на вершине которой бьет фонтан из Бутылки. Случится это или нет — все равно, здорово повеселимся. Хорошее жаркое, Отвар, хорошая куча-мала в траве - - вот вокруг чего вертится мир.

Я не стал оспаривать это утверждение. И без этих слов было ясно, что эти три вещи лежат в основе всех развлечений туземцев.

Пока мы спускались по Адамс-Стрит, я разузнал об обстановке в долине почти все — мой собеседник оказался очень говорливым, как, впрочем, и все его собутыльники.

Он поведал мне, что на самом первичном уровне теократия начинается с людей, ему подобных, самых что ни на есть середнячков. Затем идут сборщики молитв. Они собирают у населения прошения, сортируют их и те, что достойны внимания, пропускают дальше, направляя к пророкам типа Шиида. Те же осуществляют дальнейшую их фильтрацию и передают мелким богам - - Поливиноселу, Аллегории и еще дюжине других, о которых нам еще не доводилось слышать. Только они имеют прямой доступ к Мэхруду или Пегги.

Выполнение назначенной самому себе миссии — быть богом — Мэхруд осуществлял так, словно это был большой бизнес. Многие свои функции он делегировал заместителям вроде Осла, который стал заведовать плодородием, или Шиида, ставшего теперь, наверное, самым довольным своей деятельностью прорицателем из когда-либо живших на свете. Некогда преподаватель физики в Трайбеллском университете и городской метеоролог, теперь он был единственным предсказателем погоды, чьи прогнозы оказывались верными в ста случаях из ста. Зиждилось это на очень прочном фундаменте — Шиид сам делал погоду.

Все это, разумеется, было очень и очень интересно, но сведения я поглощал как-то вяло. И непрерывно оглядывался, чтобы удостовериться в отсутствии Поливиносела. С другой стороны, меня очень беспокоили чувства моей спутницы. Теперь, когда я начал обрастать волосами, не перестанет ли Алиса любить меня? Не является ли ее любовь просто определенного рода влечением?

Не будь мое положение столь неопределенным, я, пожалуй, первым громко бы посмеялся над собой. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день я не стану прыгать от радости, вызванной возможностью обзавестись роскошной шевелюрой и влюбленной в меня красавицей впридачу?

Но уже в следующее мгновение мне все-таки пришлось подпрыгнуть. Правда, не от радости.

Где-то сзади раздался мерзкий, ненавистный хохот Осла. Обернувшись, я узрел золотящуюся в отблеске факелов фигуру мчащегося к нам Поливиносела. Люди с воплями освобождали ему дорогу. Звон копыт по мостовой почти заглушал их крики.

Поравнявшись с нами, он проревел:

— Ну, что теперь, смертный? Что теперь?

Внезапно я споткнулся и упал, а Поливиносел не сумел сразу же остановиться, к тому же Алиса подтолкнула его в спину, и он, взметнув в воздухе копытами, полетел вверх тормашками, увлекая за собой бутылки, корзины с фруктами и маленькие клетки с цыплятами. Визжали женщины, звенело битое стекло, цыплята с писком выскакивали из сломанных клеток... Образовавшаяся куча-мала погребла нашего преследователя, и мы, пробившись сквозь толпу, пустились бежать по Вашингтон-Стрит, которая шла параллельно Адамс-Стрит. Шествие паломников было здесь не столь многолюдным, но вполне достаточным, чтобы затеряться в толпе. В квартале от нас безразмерная глотка Осла продолжала надрываться, взывая к нам: "Ну, что теперь, смертные, что теперь?" Вскоре голос стал как бы тише, а быстрый топот копыт и вовсе перестал доноситься до нас. Отдуваясь, мы перешли на быстрый шаг. Впереди стали видны три разрушенных моста через Иллинойс. Один из туземцев сказал нам, что Мэхруд уничтожил их молнией во время одной ночной грозы.

— Нельзя сказать, чтобы у него была особая нужда беспокоиться о том, чтобы никто не пересекал реку, — объяснил он нам. — И без того все, что раньше было восточной частью Онабака, стало священной обителью обладателя Бутылки.

Это подтвердило сделанные мною раньше наблюдения.

Какими бы разнузданными, лишенными сдерживающих начал ни были эти люди, в них сохранялось достаточно священного ужаса перед высшими божествами, чтобы не мешать их полному уединению. Они были вполне счастливы и тем, что передавали им об этих богах многочисленные жрецы.

Выйдя к берегу, мы стали подыскивать себе место для отдыха — от дьявольской усталости буквально подкашивались ноги. Вот-вот должен был наступить рассвет. Нужно было хоть немного поспать, чтобы чуть-чуть восстановить силы для предстоящей великой миссии.

Хорошо видный Фонтан представлял собой широкую дугу Отвара, имеющую своим началом горлышко огромной бутылки, установленной на вершине одной из горок по другую сторону реки прямо напротив Онабака, и заканчивающуюся прямо посреди реки. Лучи заходящей луны играли в ней всем многоцветьем радуги. Не знаю уж, как удался профессору этот фокус, но более великолепного зрелища мне за всю жизнь не доводилось еще видеть.

Внимательно присмотревшись, я пришел к выводу, что эту струю удерживает какая-то неведомая сила, не позволяя ветру раздробить ее на мелкие брызги. Да, отыскать Бутылку не составит особого труда. Уничтожив ее, мы лишим Все-Быка его могущества и затаимся в укромном месте, ожидая атаки морских пехотинцев.

Все было так просто!

Наконец нам удалось найти место в парке у реки.

— Дэн, я ужасно хочу пить, — уютно пристроившись в моих объятиях, шепнула Алиса.

— Я тоже хочу, но придется потерпеть, — строго сказал я. — А что ты собираешься делать после того, как возьмешь пробы? Вернешься сразу в штаб-квартиру?

— Нет, — ответила она, щекоча губами мою грудь.— Ни за что. Хочешь ты того или нет, я остаюсь с тобой —

уж очень мне хочется поглядеть, какие у тебя волосы — курчавые или прямые. Так что и не проси!

— Ладно не буду. Только тебя совсем замучает жажда.

Признаюсь, мне было очень приятно. Раз уж она решила остаться, значит, мои возвращающиеся волосы не станут преградой на пути истинной любви. Наверное, это все-таки настоящее чувство. Может быть...

... и вот я снова в маленьком городишке Кронкруашин, в таверне. Я только что выполнил предсмертную волю своей матери (навестить ее мать), которая еще была жива, когда я ступил на борт самолета, отправляющегося в Ирландию, и скончалась в день, когда нога моя коснулась зеленого дерна родины предков.

После похорон я завернул к Биллу О'басеану, чтобы перекусить, и Билл, волосы на голове которого торчали, как рога у Техасского бычка, снял с полки, где у него хранились всякие диковинки, какую-то бутылку и промычал:

— Дэнни, взгляни-ка на этикетку. Знаешь, что означает этот бык? Да то, что это бутылка самого Гобни — кузнеца небожителей. Из нее вечно будет изливаться волшебный напиток для того, кто не отторг еще спрятанного в глубине своей души бога, для того, кто знает верное слово.

— А что случилось с владельцем этой бутылки? — спросил я.

— А вот что. Прежние боги — ирландские, греческие, скандинавские, русские, китайские и индийские — поняли, что им стало тесно на этой Земле, заключили перемирие и покинули ее, отправившись неизвестно куда. Только бог Пан остался здесь еще на несколько столетий, но и ему пришлось улететь на крыльях зари, когда явились Новые Боги. Он вовсе не умер, как о том толкуют попы.

А затем, в восемнадцатом столетии, Новые Боги, которые к тому времени стали Старыми, сочли, что и им лучше уйти. А бутылка Гобни так и осталась валяться здесь, собирая пыль и легенды. Бери ее, мой мальчик, за десять американских долларов, только скажи, что станешь с нею делать.

— Я упакую ее и отошлю одному своему старому профессору, — ответил я. — В качестве шутки. И пове-

даю, что это — подлинно неисчерпаемая, вечно изливающаяся бутылка Гобни.

Билл подмигнул мне.

— А если он трезвенник? Что же скажет на это его старая карга?

— А разве не будет забавно, если старый профессор подумает, что это действительно бутылка Гобни?

И Билл, ставший теперь Человеком Рациональным, строго взглянул на меня и произнес, обращаясь к белке на своем плече:

— О, Орехоплодная Тварь, смотри, этот дурачок так ничего и не понял! У него даже не хватило ума догадаться, что бутылка эта с самого момента ее появления на свет была предназначена именно Босуэллу Дурхэму! "Бос" по-латыни — "имеющий отношение к быкам", а "Уэлл" — сочетание англосаксонского "виелла", что означает "фонтан" или "источник", "уэллен", означающего "изливаться", англосаксонского "уэл", имеющего значение "достойно" или "обильно", и прилагательного, означающего "здоровый". "Босуэлл" — бьющий ключом, могучий, здоровый бык. И, конечно же, Дурхэм — наилучшей из всех пород. Всякому ясно, что это — знак и символ Быка.

— К тому же родился профессор под знаком Тельца, — добавил я.

И тогда бармен, ставший теперь облысевшей Алисой — как это, увы, ни печально — передал мне бутылку.

— Пей!

А я, очнувшись, обнаружил, что соскальзываю по крутому скату крыши.

— Пей! Пей! — кричала Алиса. — Пей, не то погибнешь, погибнешь!

Я не послушался ее. И со стоном проснулся. В глаза светило яркое солнце, обеспокоенная Алиса трясла меня за плечо.

— Дэн! Дэн, что с тобой?

Я рассказал ей про свой сон, в котором невероятным образом перемешались подлинные события моей жизни и расшалившееся воображение. Но она не очень-то внимательно слушала меня — все клетки ее организма, все помутившееся сознание испытывали одно всеохватывающее, всепроникающее чувство — жажду. Жажда была той

самой живой ящерицей с огненной жесткой шкурой, которая драла наши глотки, корчилась в наших внутренностях, поглощая с каждым вдохом последние остатки влаги.

Алиса провела языком по растрескавшимся губам и с завистью посмотрела на реку, в которой с радостными криками плескались купальщики.

— Дэн, наверное, хуже не будет, если я немного посижу в воде,а?

— Только будь осторожна, — предупредил я, чувствуя, как дребезжат во рту слова, словно камешки в высохшей тыкве.

Меня так и подмывало присоединиться к ней, но я и думать не мог о воде, о ее запахе, который повергал меня в ужасную панику.

Алиса, зайдя в воду по пояс, осторожно плескала ее себе на грудь. Я обозревал окрестности.

Слева находились какой-то склад и причал, к которому была пришвартована старая баржа для перевозки угля, выкрашенная в ярко-зеленый цвет. Несколько мужчин и женщин, не обращая внимания на царящую вокруг праздничную атмосферу, переносили со склада на баржу мешки и продолговатые тюки — это были недавно выкопанные останки покойников. Если верить нашему информатору, после церемонии их переправят на другой берег.

Это меня вполне устраивало. Я намеревался проделать этот путь с ними вместе. Как только Алиса выберется из реки, я изложу ей свой план и, если она согласится оставаться со мной до конца, мы...

Позади Алисы из воды вынырнула ухмыляющаяся голова. Она явно принадлежала одному из тех шутников, являющихся непременным атрибутом любого пляжа, которые любят затаскивать купальщиков под воду. Я не успел даже рта раскрыть.

Отплевавшись, она на какое-то мгновение застыла с отрешенно-восторженным выражением лица, затем наклонилась и начала жадными глотками пить воду прямо из реки.

Я все понял. И обмер, ибо моя возлюбленная автоматически с этого момента должна быть зачислена в противники.

— Иди сюда, Дэн! — замахала она руками. — Такое шикарное пиво!

Я попятился и начал лихорадочно проталкиваться сквозь толпу, проклиная себя за то, что не уберег ее, пока не очутился в прохладе под полой крышей склада, и некоторое время стоял как бы в оцепенении, пока на глаза мне не попалась корзина с завтраком, брошенная возле груды тряпья. Развязав один из мешков, я положил в него корзину, перебросил мешок через плечо и без каких-либо помех пристроился к шеренге грузчиков. На барже, спрятавшись за гору мешков, чтобы быть вне поля зрения грузчиков, корзину из мешка я вынул, а кости вытряхнул через перила в воду и осторожно выглянул из своего убежища — Алисы видно не было.

Радуясь, что не успел раскрыть ей свой план, я взял корзину и заполз задом внутрь мешка. Оказавшись там, я уже всецело мог отдаться трем мукам, разрывавшим меня на части — печали, голоду и жажде.

При мысле об Алисе слезы хлынули из моих глаз. Но в то же самое время я с жадностью проглотил апельсин, цыплячью ножку и грудинку, полбуханки свежего хлеба и две здоровенные сливы.

Фрукты в какой-то мере утолили мою жажду, но полностью избавить меня от мучительной боли в глотке могло только одно — вода.

В мешке было тесно и очень жарко. Нещадно палящее солнце накалило его, как сковородку. Я держал голову как можно ближе к открытому концу и, невыносимо страдая, усиленно потел. Уверенности в том, что я сумею все вытерпеть, у меня было хоть отбавляй. К тому же глупо было отступать от задуманного, если уже зашел так далеко.

Внутри плотного кожаного мешка я скрючился — мысль эта все не оставляла меня — как эмбрион в зародышевой сумке. Обильный пот вызывал ощущение, будто я плаваю в родовой жидкости. Снаружи доносился весьма неразборчивый шум, то и дело слышались громкие выкрики.

Через некоторое время крики стихли — носильщики покинули баржу. Я высунул голову наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха и посмотреть, где солнце. Скорее всего, было часов одиннадцать, хотя солнце, как и луна,

настолько изменило свою форму, что полной уверенности в этом у меня не было. Наши ученые объяснили необычно теплый климат долины и искаженное солнце воздействием какого-то "фокусирующего волны силового поля", повисшего над долиной чуть пониже стратосферы. Здравого смысла в этом объяснении я как-то не улавливал, впрочем, как и широкие слои общественности, включая военных.

Церемония началась около полудня. К этому времени я съел последние две сливы, но бутылку откупорить не решился, хотя внешне ее содержимое напоминало вино. Я не отвергал возможности, что к вину мог быть подмешан Отвар.

С берега доносились обрывки гимнов в сопровождении духового оркестра. Затем оркестр неожиданно умолк, и раздался очень громкий возглас:

— Мэхруд есть Бык, Бык из Быков, а Шиид — пророк его!

Оркестр грянул увертюру к "Семирамиде". Под конец ее баржа задрожала и тронулась с места. Однако шума двигателя буксира слышно не было. После всего, что я здесь уже видел, баржа, двигающаяся своим ходом, не казалась мне таким уж чудом.

Через несколько минут шум стих, только вода плескала о борт баржи. Но вдруг и этот звук прекратился, зато совсем рядом раздались тяжелые шаги. Я нырнул назад, в мешок. И прямо над собой услышал скрежет нечеловеческого голоса Аллегории:

— Похоже, этот мешок забыли завязать.

— О, Ал, не беспокойся. Не все ли равно, — ответил другой голос, женский.

Я благословил бы эту незнакомку, не будь ее голос так похож на голос Алисы.

Может, мне померещилось?

Тут в отверстии мешка появилась огромная четырехпалая зеленая лапа и схватила веревки. И в этот момент в поле моего зрения попала табличка, привязанная к одной из них:

"Миссис Даниэль Темпер".

Значит, я вытряхнул в реку останки собственной матери.

Это открытие подействовало на меня гораздо сильнее, чем то, что я оказался заключенным в тесный удушливый мешок, и что у меня не было ножа, чтобы высвободиться из него.

Голос Аллегории, необычность которого определялась особенностями строения гортани ящера, заскрежетал снова:

— Так как, Пегги, была ли ваша сестра счастлива, когда вы покинули ее?

— Она станет счастлива, когда отыщет этого Даниэля Темпера, — произнес голос, который, как я теперь понял, принадлежал Пегги Рурке. — При встрече мы с ней расцеловались, как сестры, не видевшие друг друга три года. Я рассказала ей все, что со мной произошло. Она начала было рассказывать о своих приключениях, и все никак не могла поверить, что мы не выпускали их из поля зрения с самого первого момента, когда они пересекли заградительный кордон.

— Очень плохо, что мы потеряли его след на Адамс-Стрит, — посетовал Аллегория. — Надо было поспеть на минуту раньше. Ну да ничего. Куда он денется? Мы ведь знаем, что Темпер неизбежно попытается уничтожить Бутылку или же выкрасть ее. Вот там его и поймаем.

— Если он действительно подберется к Бутылке, — то станет первым, кому удастся это совершить. Тот агент ФБР, если помнишь, дошел только до подножья холма.

— Если кто и сумеет сделать это, — проскрипел Аллегория, — то только Дэн Темпер. Так, во всяком случае, говорит Мэхруд, который знает его довольно неплохо.

— А каково будет удивление Темпера, когда он обнаружит, что каждый его шаг был не просто реальностью, а символом реальности! И что мы вели его буквально за нос через весь этот аллегорический лабиринт!

Аллегория расхохотался во всю мощь глотки аллигатора, не уступающей бычьей.

— А не слишком ли многого хочет от него Мэхруд, гребуя, чтобы он распознал в своих приключениях значение, выходящее за рамки их как таковых? Сумеет ли он догадаться, что вошел в эту долину, как ребенок, появляющийся на свет — беззубым, лишенным волос на голове,

голым? Или о том, что встретил и поборол осла, сидящего внутри каждого из нас? Догадывается ли, что для этого ему пришлось расстаться с внешней опорой и очевидным бременем — бидоном с водой? А затем опираться только на свои собственные силы? Или о том, что встретившиеся ему Словоблуды — это живое воплощение наказания человеческого самомнения в вопросах религии?

— Он помрет, — сказала Пегги, — когда узнает, что настоящий Поливиносел в это время совсем в другом месте, и что это ты сам вырядился под него.

— Ну, я надеюсь, Темпер сумеет понять, что Мэхруд сохранил Поливиноселу его истинное, ослиное обличье, как предметный урок? Уж если Поливиносел смог стать богом, то и любой другой сможет, если он, конечно, не совсем дурак.

Только я успел подумать, что точно такие же мысли в отношении Осла приходили в голову и мне самому, как пробка из бутылки, находившейся в корзине, выскочила, и ее содержимое — Отвар — вылилось на мое туловище.

Я обмер, опасаясь, что эти двое услышат хлопок, но они спокойно продолжали разговор. Что не так уж удивительно — голос Аллегории грохотал, как раскаты грома.

— Он повстречал на своем пути Любовь, Юность и Красоту, которые нигде нельзя найти в таком изобилии, как в нашей долине, в образе Алисы Льюис. Завоевать ее было очень непросто. Для этого нужно было полностью измениться. Она отвергала его, манила, дразнила, почти довела до безумия. Ему пришлось преодолеть целый ряд недостатков, таких как застенчивость, стыд за свою лысину и отсутствие зубов, прежде чем оказаться в состоянии завоевать ее, и все только для того, чтобы узнать, что те недостатки, которые он сам себе приписывал, в ее глазах были достоинствами.

— А как ты думаешь, он найдет верный ответ на тот единственный вопрос, который ты, в этом своем обличьи, задал ему?

— Не знаю. Надо было, наверное, принять облик Сфинкса и задать вопросы, которые задавал Сфинкс. В этом случае у него был бы хоть какой-то ключ. Он дога-

дался бы, разумеется, что человек сам по себе является ответом на все старые, как мир, вопросы. И понял бы, куда я клонил, когда спрашивал, куда человек — Современный Человек — движется.

— И, отыскав ответ, Темпер тоже станет богом.

— Если отыщет! — прогрохотал Аллегория. — Если! Мэхруд утверждает, что Даниэль Темпер на добрых две головы выше среднего уровня людей в этой долине. По натуре своей он — реформатор, идеалист, который не будет счастлив, пока не вонзит свое копье в какую-нибудь ветряную мельницу. В данном случае ему придется сражаться с ветряными мельницами внутри себя самого, победить свои неврозы и душевные травмы, погрузиться в глубину себя и за волосы вытащить бога, утонувшего в бездне своего "я". Если же он не сумеет сделать этого, то ему не жить.

— О, нет, только не это! — задыхаясь, воскликнула Пегги. — Я уверена, что Мэхруд не мог такое задумать.

— Именно это! — прогремел Аллегория. — Только так! Он говорит, что Темпер должен или найти себя, или погибнуть. Этот человек сам бы не захотел иного исхода. Он не удовлетворился бы, став одним из счастливчиков, что передоверяют течение своей жизни богу или бутылке, бесстыдно бездельничая под этим необузданным солнцем. Если ему не удастся стать первым в этом новом Риме, он будет готов умереть.

Беседа была очень интересной, даже по самым скромным меркам, но я перестал прислушиваться, внезапно осознав, что Отвар из бутылки продолжает с шипением литься на мое тело. Еще чуть-чуть, и мешок наполнится содержимым этой, как оказалось, бездонной бутылки, оно протечет наружу и выдаст мое присутствие.

Не оставалось ничего иного, как сунуть палец в горлышко бутылки. Поток слегка приостановился. А я начал снова прислушиваться к разговору.

— Поэтому, — говорил Аллегория, — он побежал к кладбищу, где повстречал Козла Плаксивого, который вечно оплакивает всех своих и не своих близких, однако категорически против того, чтобы любимые покойники воскресли. Этот человек, отказывающийся поднять свою холодную, занемевшую задницу с могильной плиты над своей

так называемой возлюбленной — живой символ самого Даниэля Темпера, оплакивающего свое раннее облысение и возлагающего вину за это на таинственную болезнь и лихорадку. Того, кто где-то в глубине души не хочет, чтобы его мать воскресла, поскольку она всегда доставляла ему одни лишь неприятности.

Давление внутри бутылки внезапно поднялось и вытолкнуло мой палец. Отвар хлынул такой мощной струей, что нужно было срочно выбирать одно из двух — или быть обнаруженным, или с честью захлебнуться.

И, как будто одних этих неприятностей было мало, кто-то опустил на меня тяжелую ногу, но сразу же убрал ее. Послышался голос, который я сразу же узнал через много лет — голос профессора Босуэлла Дурхэма, ныне — бога по имени Мэхруд. Теперь в нем была такая звучность и мощь, каких никогда не бывало в его добожественные дни.

— Так вот, Дэн Темпер, маскарад окончен!

Застыв от ужаса я молчал.

— Я сбросил личину Аллегории и принял свой собственный облик, — продолжал Дурхэм. —- Это я был Аллегорией, которую ты не захотел распознать. Аллегорией самого себя — твоего старого преподавателя. Но ты и в былые дни никогда не хотел понимать аллегорий.

А как насчет этой, Дэнни? Послушай! Ты взобрался на борт ладьи Харона — этой угольной баржи — и притаился в мешке, выбросив из нее останки своей матери. Неужели же ты не обратил внимания на имя на табличке? Это как? Бессознательно, но с умыслом?

Так вот, Дэн, мой мальчик, ты вернулся туда, откуда началось твое бренное существование — в утробу своей матери, где, как мне кажется, тебе всегда так хотелось оказаться. Откуда мне все это известно? Держись, ибо то, что сейчас последует, станет настоящим для тебя потрясением.

Дэн, это я был тем самым доктором Диэрфом, психологом, который тебя готовил к исполнению этой миссии. Прочти это имя с конца и вспомни, как я любил различные каламбуры и анаграммы.

Мне было трудно во все это поверить. Профессор всегда был так ласков, доброжелателен и весел. И вот я погибаю, захлебываюсь его Отваром!

Сдавленным голосом я попытался высказать ему все это.

— Жизнь — вот единственная реальность, — ответил он. — Жизнь — вот что самое-самое! Ты всегда говорил именно так, Дэн. Давай теперь спокойно разберемся, что же ты имел в виду. Так вот. Сейчас ты — дитя, которое вот-вот родится. Так как? Ты готов навсегда остаться в этой сумке, или все-таки намерен вырваться из околоплодных вод в жизнь?

Давай посмотрим на это иначе. Я — акушерка, но у меня связаны руки. Я не в состоянии помочь родам непосредственно. Буду на некотором удалении, так сказать, символически. Могу до некоторого предела подсказать тебе, что ты должен сделать, чтобы появиться на свет, но для этого тебе придется разгадать значение некоторых моих аллегорических советов.

Мне захотелось закричать и потребовать, чтобы он перестал паясничать и помог мне высвободиться, но я сдержался — у меня тоже есть гордость.

— Что мне нужно сделать? — сипло осведомился я.

— Ответить на мои вопросы, которые я задавал тебе в облике Осла и Аллегории. Тогда ты сумеешь высвободиться сам. Можешь быть совершенно уверен, Дэн, открывать этот мешок за тебя я не стану.

Так что же он там такое говорил? Я лихорадочно перебирал в уме все ранее слышанное, но поднимающийся уровень Отвара затруднял ход мыслей. Ужасно хотелось кричать и рвать оболочку мешка голыми руками, но я сознавал, что в таком случае спасения уже не будет.

Стиснув кулаки, мне удалось все же обуздать мысли.

Так что же такое говорили Аллегория и Осел? Что?

"Куда вы желаете сейчас направиться?" — спросил Аллегория.

А Поливиносел, гоняясь за мною по Адамс-Стрит — улице Адама? — взывал: "Что теперь, смертный?"

Ответ на вопрос Сфинкса — Человек.

Аллегория и Осел изложили свои вопросы в подлинно научной форме — так, что они в себе содержали и ответ.

Человек, по сути своей, нечто большее, чем просто человек.

И, почувствовав, как где-то внутри меня включился мощный двигатель, я вцепился зубами, будто в кость, в условный рефлекс, и начал жадно поглощать Отвар — для того, чтобы утолить жажду и высвободиться из пут всякого рода внутренних запретов и предрассудков. Потом приказал бутылке, чтобы она прекратила изливаться. И со взрывом, который разметал по барже Отвар и обрывки кожи, восстал из мешка.

Рядом со мной, улыбаясь, стоял Мэхруд. Я сразу же узнал своего старого профессора, хотя он стал почти двухметрового роста, отрастил на голове густую копну длинных черных волос и подправил черты своего лица, превратившись в красавца. Почти вплотную к нему стояла Пегги. Она была очень похожа на сестру, только волосы пламенели на солнце. Она была восхитительна, но я всегда предпочитал брюнеток.

— Теперь ты все понял? — спросил Дурхэм.

— Да, — ответил я. — Включая и то, что не имело бы никакого значения, если бы я утонул, так как вы тут же воскресили бы меня.

— Естественно. Но ты бы никогда не стал уже богом. А теперь станешь моим преемником.

— Что вы имеете в виду? — спросил я без околичностей.

— Мы с Пегги преднамеренно вели тебя и Алису к этой развязке, чтобы получить возможность передать кому-нибудь свою работу здесь. Нам уже изрядно наскучило все, что мы здесь понавытворяли, и мы прекрасно понимаем, что не можем взять да и бросить все это на произвол судьбы. Поэтому я и выбрал тебя. Ты — человек добросовестный, идеалист в душе, мы проверили твои возможности и выяснили, что ты мог бы переустроить эту часть планеты лучше, чем я, в большей мере руководствуясь законами природы. Твой мир будет прекраснее, чем тот, что сумел сотворить я. Ты ведь хорошо понимаешь, Дэнни, мой новоиспеченный бог, что твой старый профессор — всего лишь Старый Бык, которому лишь бы позабавиться. А мы с Пегги хотим предпринять нечто вроде грандиозного турне с целью навестить рассеявшихся по всей Галактике

прежних земных богов. Все они, понимаешь ли, по сравнению с возрастом Вселенной — весьма юные боги, только-только вышедшие, можно сказать, из школы — нашей Земли — и направившиеся в центры подлинной культуры для шлифовки и совершенствования своих задатков.

— А кто же я?

— Ты теперь бог, Дэнни. Тебе и принимать решения. А у нас с Пегги есть много мест, куда...

Он улыбнулся той растянутой, неспешной улыбкой, которой частенько одаривал студентов перед тем, как процитировать свои любимые строки:

> "...гляди: какая обширная перед
> нами раскинулась вселенная.
> Давай пойдем...".

И ушел, уводя за собой Пегги. Как пушинки семянодуванчиков, их унесли куда-то прочь стонущие ветры космоса.

Когда они исчезли из виду, я еще долго смотрел на реку, на поросшие лесом холмы, на небо, на город, где собрались обуянные ужасом толпы зевак. Все это было теперь мое, мое.

Включая и одну черноволосую девушку — и с какой фигурой! — что стояла на причале и махала мне рукой.

Вы думаете, я так и остался пребывать в глубоком раздумьи о своем долге перед человечеством, о проблемах мирового переустройства? Вовсе нет.

Я взмыл высоко в небо и совершил шестнадцать полных сальто, выражая свою радость, прежде чем приземлился, и пошел прямо по воде к стоявшей на другом берегу Алисе.

На следующий день я восседал на вершине одного из холмов, откуда хорошо обозревалась вся долина. Как только появились гигантские десантные планеры, стал их ловить, прибегнув к психокинезу (можете называть это, как вам заблагорассудится), и макать один за другим в воды реки. Когда морские пехотинцы выбирались из них и вплавь пускались к берегу, я срывал с них маски и далее

оставлял без внимания, кроме тех, разумеется, кто плохо плавал. Для таких я был настолько добр, что подхватывал их и перемещал сразу на берег.

Кажется, все это получалось у меня совсем неплохо, хотя чувствовал я себя довольно скверно — всю ночь и все утро у меня страшно болели ноги и десны. Эта боль и теперь не утихла, несмотря даже на немалое количество Отвара, которого я нахлебался.

Но для боли была весьма немаловажная причина.

Я становился выше ростом, и у меня резались зубы.

ЧУЖДОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

STRANGE RELAXY

PUBLISHING CORPORATION NEW-YORK 1953

Доктор Галерс потягивал кофе, лениво глядя на зависший над лунными кратерами диск Земли, когда раздался телефонный звонок. Нажав кнопку, он услышал знакомый голос:

— Марк, привет, это Гарри. Я на борту "Короля Эльфов", есть одно дело. Будет лучше, если подъедешь с ассистентом. Примерно через пять минут в твоем распоряжении будет вездеход. На звездолет с тобой отправится лейтенант Рэсполд.

— Кто-то кого-то убил?

— Не знаю. Но один член экипажа исчез сразу после выхода "Короля Эльфов" из подпространства. Капитан сообщил об этом только сейчас. Такую небрежность он объясняет беспокойством из- за болезни дочери.

— О'кэй. Я позвоню Роде. Пока.

Галерс включил настенный экран, на котором появилась невысокая стройная девушка в зеленой кофте и такого же цвета брюках. Закинув ногу на стол она что-то читала. Марк увеличил изображение, чтобы разобрать слова на обложке.

— Снова Генри Миллер, Рода? Неужели ты читаешь только классику?

Рода Ту, отложив книгу, поправила короткие черные волосы и озорно сверкнула темными раскосыми глазами.

— Когда в реальной жизни нет ничего волнующего, приходится искать это в книгах. Вы ведь упорно придерживаетесь сугубо профессионального отношения ко мне.

Галерс приподнял рыжеватые брови.

— Я не единственный мужчина на Луне, Рода.

Она улыбнулась и хотела что-то сказать, но он строго посмотрел на нее и спокойно добавил:

— Прихватите свою аппаратуру. Попахивает жаренным.

Девушка вскочила.

— Сию минуту, доктор.

Экран погас. Марк проверил содержимое врачебного саквояжа и уже одевал зеленый пиджак, когда в комнату вошла Рода, втащив за собой тележку с громоздким металлическим автодиагностом, оборудованным множеством различных шкал и гнезд для кабелей.

— А кто пациент, доктор?

— Насколько я понимаю, дочь капитана недавно прибывшего звездолета.

— Опять! Я так мечтала, чтобы это оказался мужчина! Этакий, знаете ли, крупный, зрелый, но слегка прихворнувший самец, который, прийдя в себя, влюбится в меня с первого взгляда.

— И снова лишится чувств, если захочет, чтобы с ним ничего не случилось.

Так, перебрасываясь репликами, они прошли через качающийся переход шлюза. Рода тащила за собой тележку с автодиагностом. Зеленый огонек свидетельствовал, что в шлюз можно входить без опаски. Там уже ждал вездеход. Девушка подала прибор и тележку водителю, тот одной рукой принял груз и разместил его внутри. Рода, подпрыгнув на три метра, оказалась в кабине. Галерс сел рядом с нею. За ними последовал еще один мужчина и сел напротив. Дверь захлопнулась, шлюз отворился, и вездеход выехал на дорогу.

Никто из пассажиров не смотрел сквозь затемненное стекло на окружающую их безжизненную равнину и далекие горные кряжи.

— Ну, как там ваши сыскные занятия, Рэсполд? — попыхивая сигаретой, спросил Галерс.

Рэсполд, высокий мужчина с блестящими черными волосами, темными проницательными глазами и носом ищейки, лениво ответил:

— Честно говоря, скука заедает. Преступление на Луне — штука крайне редкая. — Голос его звучал спокойно и уве-

ренно, компенсируя недостатки внешности. — Убиваю время рисуя голых красоток или лунные пейзажи.

— Не буду больше вам позировать, — сказала Рода. — На ваших рисунках я выхожу слишком толстой.

Рэсполд улыбнулся, обнажив длинные белые зубы.

— Ничего не могу с собой поделать. Мое подсознание тоскует по рубенсовским женщинам. Таких не сыскать теперь. По крайней мере, на Луне.

— Вы, кажется, подавали заявление о переводе? — поинтересовался Галерс.

— Да, но ответа не получил. Просил послать меня на Виденвулли. Эту планету только начинают осваивать. Это фронтир, где через каждые десять шагов встречается индивидуалист, или неврастеник. Оттуда прибыл запрос на детектива, который не боится тяжелой и грязной работы. — Он мечтательно улыбнулся. — А когда вы-то вылетаете, Галерс?

— Как только найду подходящего зверя. На выбор отпущено тридцать дней. Тут надо быть очень осторожным. Если я не уживусь с капитаном или командой, жизнь на звездолете может стать сущим адом.

— А вы не хотите подобрать себе планету по вкусу?

— И застрять там на десять лет, пока не выплачу компании долг за медицинское образование? Нет, благодарю покорно. Оставшись корабельным врачом, можно сделать это за шесть лет, посетив при этом множество планет и, хвала небу, проводя отпуск на Земле.

— Но при всем этом много времени придется проводить, между прочим, копаясь в кишках зверей.

— Знаю. Но, надеюсь, стерплю. А потом буду работать на Земле. Такая перспектива меня вполне устраивает.

— А меня — нет. Слишком много сыщиков и мало преступников. Там я никогда не дождусь повышения. Виденвулли меня устраивает больше.

— Кажется, — заявила Рода, — мне тоже придется туда отправиться. За мужем. Говорят, там на пять мужчин приходится одна девушка. Замечательно, просто замечательно!

Мужчины угрюмо уставились на нее, и в кабине воцарилось молчание до самого дока номер 24.

Подхватив свой саквояж, Галерс спрыгнул на землю. Пройдя через шлюз, он очутился на левом борту "Короля Эльфов", где его встретил таможенный инспектор Гарри Харази.

— Сюда, Марк. Девушка находится в своей каюте. Уверен, такой хорошенькой ты еще не видел. Хотя сейчас она бледноватая и осунувшаяся. И язык у нее какой-то изжеванный.

— А кто находился поблизости, когда она заболела?

— Ее отец, насколько нам известно. Он и сейчас в ее каюте. Не хочет оставлять дочку одну до прихода врача. То есть тебя.

— Спасибо за информацию.

Пройдя коридор, они поднялись на другую палубу, миновали помещение, где члены экипажа раздевались для таможенного и медицинского досмотра, и по узкой винтовой лестнице добрались к каюте девушки. Харази постучался, и из-за двери раздался низкий мужской голос:

— Войдите.

В просторной каюте размещалась двойная койка, туалетный столик с трюмо и еще один стол, откидной от стенки. В углу стояла шагающая кукла высотой более метра. На стенке висели две полки: одна — с книгами и микрофильмами, другая — с морскими раковинами, добытыми в морях двух десятков планет. Над второй висела фотография женщины. Дверь между койкой и туалетным столиком вела, судя по всему, в ванную, которая, в свою очередь, соединялась с соседней каютой, где через чуть приоткрытую во вторую каюту дверь виднелась развешанная на стоячей вешалке одежда белого цвета.

Такой же белой была и форма капитана звездолета Асафа Эверлейка. Галерс удивился, ибо компания "Саксвелл Стеллар" требовала, чтобы ее служащие носили только зеленую форму. Однако одного взгляда врача на лицо капитана было достаточно, чтобы понять: этот человек в состоянии настоять на удовлетворении своих прихотей даже перед таким гигантом, как "Саксвелл". Суровое и энергичное лицо Рэсполда казалось нежным и кротким по сравнению с лицом Эверлейка.

На нижней койке лежала девушка в белом. Цвет ее лица почти не отличался от одежды. Глаза были закрыты,

а окровавленный рот чуть-чуть приоткрыт. За искусанными губами виднелся распухший, как будто изжеванный, язык.

— Снаружи ждет Рода, — сказал врач, обращаясь к Харази. — Попроси ее включить свою машинерию в коридоре. Здесь нет места.

Пульс девушки был учащенным. Он надавил на глазные яблоки. Твердые.

— Скажите, капитан, у нее были такие приступы раньше?

— Ни разу.

— А когда начался этот?

— Час назад по корабельному времени.

— Где?

— Здесь.

— Вы присутствовали?

— С самого начала.

Галерс еще раз взглянул на капитана. Создавалось впечатление, что, отвечая на вопросы, он делает ударение на каждом слоге, словно выравнивая слова молотом на наковальне.

Глаза капитана полностью соответствовали голосу. Они были светло-голубые, со стальным оттенком, и взгляд их казался твердым, как броня. Длинные брови цвета высохшей крови торчали над глазами, как ощерившаяся копьями фаланга. По сути, отметил про себя Галерс, капитан Эверлейк — человек острый во всех отношениях. Даже неподвижный и молчащий, он производил впечатление вооруженной твердыни.

В двери показалась голова Роды.

— Мне нужно пять проб крови, — велел Галерс. — На сахар, на уровень инсулина и адреналина, клеточный состав и общий анализ. Особое внимание следует уделить инородным телам. И не забудьте включить электроэнцефалограф. Да, еще понюхайте для меня ее дыхание.

Рода склонилась над лицом девушки.

—Запаха ацетона, доктор, я не ощущаю. Чувствуется только запах рыбы.

— Она ела недавно рыбу? — спросил Марк у капитана.

— Возможно. По корабельному времени сегодня пятница. Справьтесь у кока. Я рыбы не ел.

Галерс взял чувствительную головку, присоединенную к установке длинным шнуром, и начал медленно водить ею над головой девушки, то и дело щелкая тумблером. Потом попросил капитана описать приступ.

Время от времени он кивал, слушая рассказ о судорогах, характерных для эпилепсии, адреналинового или инсулинового шока. На приступ диабета не очень похоже. После анализа крови можно будет сказать что-либо определенное. Возможно, в теле девушки затаилась какая-то внеземная инфекция или паразит. Этого очень опасались таможенники. Однако Галерс так не думал. Скорее всего, ее поразила одна из обычных земных болезней.

И все же, уверенности пока не было. А вдруг она заражена каким-то новым ужасным микробом, который может распространиться, подобно Черной Смерти, если его не изолировать здесь, внутри корабля?

Внезапно глаза девушки открылись и прежде, чем врач успел сказать ей что-нибудь ободряющее, она отпрянула от него. Лицо ее исказил страх, но отец тотчас же оказался рядом, вынудив врача посторониться.

— Все хорошо, Дебби. Я здесь. Тебе нечего бояться. Успокойся. Ты слышишь меня? Успокойся, все будет хорошо.

Девушка продолжала хранить молчание. Глаза ее, светло-голубые, как у капитана,но не такие суровые, были устремлены мимо отца, на Марка Галерса, она приподняла голову и стало заметно, что волосы ее очень светлые и длинные. Это само по себе было примечательным в мире, где господствовали короткие стрижки.

— Кто это? — сдавленно спросила девушка, роняя голову на подушку.

Галерс повернулся и вышел из каюты, забрав с собой чувствительную головку.

Рода продолжала колдовать над своими приборами.

— Общий анализ еще не готов. Остальные вот, — сказала она, протягивая Марку полоску бумаги со столбцами цифр.

— Это мог быть адреналиновый шок, — задумчиво произнес он.

— А внеземного у нее ничего нет? — поинтересовался Харази. — Нет? Очень хорошо. А что такое, между прочим, адреналиновый шок?

Галерс решил, что у него есть время для разъяснений.

— Когда содержание сахара в крови становится очень низким, спинная адреналиновая железа выделяет гормон эпинефрин. С его помощью крахмал превращается в печени снова в сахар, и содержание его в крови повышается. Но для организма впрыскивание в кровеносную систему адреналина — крайнее средство. Увеличение его содержания приводит к учащению сердцебиения, судорогам и конвульсиям. Симптомы точно такие же, как и при приступе диабета, только там следует инсулиновый шок, а здесь — что-то вроде эпилепсии. Однако полной уверенности у меня в этом диагнозе нет. Нужно дождаться результатов общего анализа. Может выявиться еще какой-нибудь фактор, обуславливающий наличие эпинефрина в крови. К тому же, данные предварительного анализа не указывают на столь низкое содержание сахара, чтобы вызвать адреналиновый шок.

— Так из-за чего же понизилось содержание сахара в крови?

— Если бы я знал, то уже сейчас бы принял определенные меры.

К ним неслышно подошел Рэсполд.

— Ребята из таможни и карантинной службы утверждают, что корабль чист, — сказал он и потянул воздух носом ищейки. — Кто тут прячет дохлую рыбу?

— Дохлую рыбу? — недоуменно произнес Галерс. — Я не ощущаю никакого запаха!

— Значит вам повезло. В этом мире плохих запахов гораздо больше, чем хороших. — Детектив обернулся к Харази. — Не следует ли вам поискать причину этой жуткой вони?

— У меня нет такого собачьего обоняния, Рэсполд, — возразил Харази. — Когда я стоял у открытой двери, мне чудился слабый запах рыбы, но здесь, снаружи, невозможно...

— Туда можно, док? Могу я переговорить с ними? Похоже, никто из команды толком ничего не знает об этом исчезнувшем.

— Переговорить с капитаном можно здесь, в коридоре. Но мисс Эверлейк, думаю, не в состоянии разговаривать.

— Будьте добры, попросите его выйти.

— Я-то попрошу, но это вовсе не значит, что он выйдет. Таким, как этот капитан, вряд ли можно что-либо приказывать.

Капитан Асаф сидел на краешке койки, присматривая за дочерью. Она протянула руку, но он не взял ее. Лицо его было жестким, как мокрая простыня на морозе.

Выслушав просьбу, он кивнул в знак согласия и, выходя из каюты, еще раз посмотрел на неподвижно лежавшую дочь. Затем его глаза встретились с глазами Галерса. Молодой врач выдержал этот взгляд, полный предупреждения и угрозы. Это было очень неприятно. Он решил, что становится слишком уж чувствительным. Глаза сами по себе не несут определенной информации. Тем не менее, взгляд человека может отражать всю неподатливость его личности. И от этого никак нельзя отмахнуться.

Оглянувшись на девушку, Галерс увидел, что глаза ее снова открыты, а пальцы чуть-чуть согнуты, словно она хотела взять что -то, но не могла и была этим удивлена. Но это его не касалось. Во всяком случае, сейчас. Он находился здесь на случай крайней необходимости, и впереди было достаточно работы.

— Пожалуйста, сожмите и разожмите несколько раз кулак, — сказал он, склонившись над девушкой. — Я хочу сделать укол глюкозы.

Она смотрела непонимающе. Галерс повторил просьбу. Девушка бросила мимолетный взгляд на свою руку и снова лицо ее стало отрешенным.

— Особой необходимости в этом нет, — пояснял Марк, — но таким образом легче отыскать вену.

Она опустила веки. По ее лицу и телу пробежала дрожь. Девушка как будто боролась сама с собою и, наконец, произнесла, не открывая глаз:

— Хорошо, доктор.

Он без особого труда нашел вену.

— Вы за последнее время сильно похудели?

— С тех пор, как покинули Мелвилл — на четыре кило.

— Мелвилл?

Она открыла глаза и пристально посмотрела на врача.

— Мелвилл — вторая планета Беты Скорпиона. Арабы называли эту звезду "Северным когтем". Это единствен-

ная зеленая звезда, видная с Земли невооруженным глазом.

Галерс вынул иглу из вены.

— Когда-нибудь проверю. Единственное, что мне нравится на Луне — это прекрасный обзор небес. И больше ничего.

Нужно втянуть ее в разговор, подумал он.

— А что вы делали на Мелвилле?

— Остановились, чтобы выгрузить медикаменты. О, нам очень повезло — как раз в то время проводился фестиваль. — Увидев его приподнятые брови, девушка пояснила: — В этот день мы отмечаем рождество Ремо.

Наконец Галерс понял, что означают белые одежды и длинные волосы Эверлейков.

Ремо был основателем неопуританской секты, возникшей на Земле около 50 лет назад. Через некоторое время лидеры ее, обнаружив, что первоначальный пыл пропадает и молодежь ускользает от них, добились переселения своих приверженцев на эту планету, название которой Галерс позабыл — Мелвилл. Чтобы осуществить это, они распродали всю свою собственность и всеми способами добывали деньги, что довело их до крайней нищеты. Космическое путешествие — дорогое удовольствие. И билеты, и багаж обходятся недешево. Поэтому на Мелвилле крохотная колония ремоитов высадилась с абсолютно пустыми карманами, минимумом инструментов и оборудования.

— Каким же образом вашему отцу удалось стать астрогатором? — удивился Галерс. — Мне казалось, что вы потеряли всякую связь с Землей.

— "Саксвелл" и другие компании содержат там свои форпосты. Они не только торгуют с нами, но и вербуют молодых людей. Кто-то хочет отправиться в космос, чтобы подзаработать, кто-то — подыскать себе жену. У нас в этом вопросе положение прямо противоположное тому, что сложилось на Земле. На каждую девочку рождается в среднем два мальчика.

— Должно быть, это совсем нетрудно сделать — достаточно побывать на Земле.

— К сожалению, очень немногие женщины соглашаются стать последовательницами Ремо. Это слишком большая

перемена в жизни. Они привыкли смотреть на жизнь проще. А ни один мужчина-ремоит не женится на девушке, не исповедующей его веры.

Галерс взглянул украдкой на женский портрет на стене. Девушка перехватила его взгляд и пояснила:

— Моя мать была родом с Земли. Она родила меня на "Синей бороде". В то время папа командовал этим звездолетом. Затем они осели в Мелвилле. Когда мама умерла, он снова отправился в космос. "Саксвелл" был рад его возвращению. Папа — хороший капитан. Он неподкупен, а это очень высоко ценится. Вы же знаете, сколько хлопот доставляют компаниям служащие, которые не могут противостоять искушению быстро разбогатеть на осваиваемых планетах.

Галерс кивнул.

Глюкоза подействовала быстро. Щеки девушки порозовели, глаза заблестели, движения стали энергичнее. Отец наверняка велел ей помалкивать, но она была очень разговорчивой. Галерс подумал, что ей, наверное, очень одиноко. Она мало общается с другими девушками и парнями, а характер отца очень замкнут.

Вошедшая Рода прервала их разговор. Она принесла энцефалограмму. В глаза бросалась нерегулярность ритмов мозга, но это не имело особого значения, так как могло быть вызвано недавним приступом, или являться характерной особенностью организма.

Галерс попросил Роду повторить энцефалограмму после следующей пробы крови, чтобы проверить, возрастает ли содержание сахара. Как только ассистентка вышла, он сел рядом с девушкой, взял ее за руку. Она не отдернула ее, но вся напряглась. Врач отпустил руку, поскольку его интересовали двигательные рефлексы больной.

— Как вы себя чувствуете сейчас?

— Очень слабой. К тому же, немножко волнуюсь, — ответила девушка и, поколебавшись, пояснила — У меня все время такое ощущение, будто я вот-вот взорвусь.

— Взорветесь?

Она положила руку себе на живот бессознательным движением.

— Да. Такое впечатление, словно меня с минуты на минуту разнесет в клочья.

— А когда это ощущение появилось впервые?

— Около двух месяцев назад по корабельному времени.

— Еще что-нибудь необычное было?

— Нет. Но появился зверский аппетит, а вес не прибавлялся. Только немножко увеличился живот, и я старалась есть поменьше. Но меня одолевала такая слабость, что долго выдерживать диету я просто не могла. Поневоле приходилось есть все больше.

— Чем же вы в основном питались? Жирами, сладким или протеином?

— О, всем, что попадалось под руку. Разумеется, много жиров я не потребляла. Но никогда не пренебрегала шоколадом. От него, по-моему, моей коже нет никакого вреда.

Он вынужден был согласиться. Такой кремовой, красивой кожи ему не приходилось видеть раньше. Теперь, когда к девушке возвращался обычный цвет лица, она стала настоящей красавицей. Разумеется, у нее еще несколько выдавались скулы и ей не помешало бы немного пополнеть, но фигура ее была превосходной, черты лица — пропорциональны.

Марк улыбнулся про себя, довольный произведенным осмотром женской красоты, однако поспешил вернуться к делу.

— Это ощущение близкого взрыва не покидает вас все время?

— Да. Даже когда я просыпаюсь среди ночи.

— А чем вы были заняты, когда впервые это заметили?

— Смотрела видеофильм "Пелея и Мелисанду" Дебюсси.

Галерс улыбнулся.

— Родственная душа! Вы любите оперу? Мы поговорим об этом позже, когда вы будете чувствовать себя лучше. В наше время так редко встречаются истинные ценители... Ну, вы понимаете. А помните то место в начале первого акта? "Не бойтесь, нет у вас причин меня бояться. Откройтесь мне. Что вынудило вас плакать здесь, в тиши? — тихо напевал он.

Однако девушка не ответила так, как ему бы хотелось. Ее нижняя губа жалко задрожала, голубые глаза на-

полнились слезами, и неожиданно она расплакалась навзрыд.

— Я сделал что-то не так? — смутился Галерс.

Девушка закрыла лицо руками.

— Извините, если я чем-нибудь вас обидел. Мне просто хотелось немного развлечь вас.

— Дело вовсе не в этом, — успокаиваясь, дрожащим голосом ответила она. — Просто я очень рада тому, что есть с кем побеседовать, что кто-то рядом... — Маленькая красивая рука робко потянулась к нему, но на полпути остановилась. — Вы... вы не находите... ничего неприятного во мне, правда?

— Не нахожу. Почему вы так думаете? Я никогда не видел такой красивой девушки. И ведете вы себя очень скромно.

— Я совсем не это имею в виду. Не обращайте внимания. Если вы не... Только сейчас... За последние три года я ни с кем не разговаривала, кроме Клакстона и папы. Затем отец запретил мне...

— Что запретил?

Быстро, словно опасаясь, что кто-то войдет и помешает ей, она выпалила:

— Разговаривать с Питом. Он сделал это два месяца назад. С тех пор...

— Неужели?

— Да. С тех пор даже сам папа говорит очень мало, а я имела возможность поговорить с Клакстоном наедине всего лишь раз. А потом потеряла сознание. По сути... — Она замешкалась, но, поборов себя, решительно выпалила: — По сути, я потеряла сознание, когда беседовала с ним.

Галерс взял ее руку и погладил. Вид у нее был несколько растерянный, но руку она не убрала. Да и сам он удивился тому, как отреагировал на прикосновение к ее бархатистой коже. Ему пришлось, затаив дыхание, скрывать подлинные свои ощущения — то ли восторга, то ли страдания.

— А кто это Пит Клакстон? — спросил Галерс и снова удивился, почувствовав, что испытывает внутреннее волнение из-за этого парня, который что-то для нее значил.

— Второй помощник, навигатор. Он старше меня, но хороший, очень хороший.

Марк ждал дальнейших объяснений, но Дебора Эверлейк, казалось, уже раскаивалась в своей откровенности и непринужденности. Закусив губу, она пустым взглядом смотрела куда-то вдаль. И, как это часто случается с людьми, у которых светло-голубые глаза, этот отрешенный взгляд более походил на взгляд животного или восковой фигуры, чем живого человека.

Ему это очень не понравилось, так как лишило девушку красоты. Вот в чем кроется единственный недостаток таких светлых глаз. Возможно, именно из-за этого он отдает предпочтение темноглазым женщинам.

Испытав неловкость, Марк поднялся.

— Я сейчас вернусь.

Открыв дверь, он едва не столкнулся с капитаном. Тот не обратил на него ни малейшего внимания и прошел в каюту, как если бы дверь открылась автоматически по сигналу фотодатчика.

Вспомнив суровое лицо капитана, Галерс подумал, что одного его вида достаточно, чтобы здоровой девушке стало нехорошо.

— Рода, — произнес он, когда за его спиной закрылась дверь. — Вы...

И не закончил.

Дикий, протяжный женский крик оборвал его на полуслове. Марк рванулся было назад, но его остановила сильная жилистая рука Рэсполда.

— Похоже на то, что он рассказал ей о случившемся.

— А именно? — спросил Галерс, уже предугадав ответ.

— Его дочь не знала, что исчез именно Пит Клакстон.

Марк выругался.

— Вот скот! Неужели он не мог как-то осторожно рассказать ей об этом?

— У меня сложилось впечатление, что он торопился это сделать, — заметил Рэсполд. — Я поинтересовался, знает ли она, и хотел сам поставить ее в известность, но капитан не стал слушать моих аргументов и поспешил сюда. Я последовал за ним, догадываясь о его намерениях.

— И что теперь?

— Не знаю. Понимаете, он признался, что видел Клакстона последним, за час до его исчезновения. Но этого еще недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы.

Интересно, подумал Галерс, знает ли лейтенант о том, что Клакстон был в каюте девушки, когда у нее начался приступ. Как бы упреждая его вопрос, Рэсполд продолжал:

— Эверлейк утверждает, что они втроем беседовали в каюте дочери, когда у нее начались конвульсии. Он послал Клакстона за помощью, и больше его не видел.

— А где бортовой врач "Короля Эльфов"?

Рэсполд криво улыбнулся.

— Утонул во время фестиваля на Мелвилле.

Галерс повернулся к Роде.

— Каково теперь содержание сахара в крови?

— Около 120 миллиграммов, док.

— Растет быстро. Нужно внимательно наблюдать за ее состоянием. Жаль, что у нас нет прибора, который мог бы давать ежеминутные показания. Гарри, ты позволишь забрать ее с корабля?

— Пока ты не докажешь, что болезнь не связана с чем-либо не земного происхождения, она будет оставаться здесь, на борту на борту, этого звездолета. Так же, как и все остальные.

— Включая тебя?

— Включая меня, — кивнул Харази. — Такая уж служба, Марк.

— Мое расследование тоже далеко от завершения, — сказал Рэсполд. — Мне бы хотелось получить от властей разрешение на применение "препарата правды". Однако, должен признаться, у меня нет еще ничего настолько существенного, чтобы добиваться ордера на проведение принудительного дознания.

— Вы могли бы попросить подозреваемых пойти на это добровольно.

— Полегче, док, — фыркнул Рэсполд. — Я пока что не смею употреблять термин "подозреваемый". За это меня могут привлечь к суду. И зря вы думаете, дружище, что капитан согласится сказать хоть что-нибудь еще! Я обследовал участок корабля, где размещалась недостающая спасательная лодка, и обнаружил потрясающие улики. Там имеются отпечатки всех, кто есть на борту корабля, и даже тех, кого нет!

Марк вопросительно посмотрел на детектива.

— В сейфе корабля, в личных делах, — пояснял тот, — хранятся отпечатки пальцев всех членов экипажа и пассажиров. Проверка не требует долгого времени.

Галерс вернулся в каюту. Он чувствовал, что девушка уже достаточно выплакалась, и самое время несколько рассеять ее печаль. Теоретически особого вреда для пациента в этом нет, но в данном конкретном случае Галерс, как врач понимал, что вряд ли можно ожидать чего-либо хорошего от такого общения девушки с суровым отцом.

Более того, ему самому хотелось побыть с нею, и причины тому были не только профессиональные. Она все больше и больше привлекала его.

Капитан, сидя на краю койки, тихо разговаривал с дочерью. Она лежала к нему спиной, свернувшись калачиком и закрыв лицо руками. Плечи ее содрогались от всхлипываний.

Услышав звук отворяющейся двери, Эверлейк поднял голову.

— Эта новость, — решительно произнес Галерс, — очень потрясла ее. Особенно учитывая состояние вашей дочери. Было бы гораздо лучше, если бы вы были более осторожны.

Эверлейк поднялся во весь рост.

— Вы превышаете свои полномочия врача, Галерс.

— Отнюдь нет. В мои обязанности входит как лечение пациентов, так и сохранение их здоровья. Вы сами прекрасно понимаете, что профилактика — лучшее лекарство.

Он занял место капитана на койке и притянул девушку к себе. Она сама потянулась к нему и, не сопротивляясь, позволила себя приподнять. Однако плакать не перестала. Марк ненавязчиво проверил ее пульс и обнаружил, что он поднялся до 120. Лицо ее снова сильно побледнело.

Уложив девушку, он обернулся к капитану, который не сводил с дочери своих стальных глаз.

— Если бы я знал, что вы так поступите, то не пустил бы вас сюда. Ее состояние ухудшилось. А теперь, если вы не возражаете, я прошу вас выйти. Мне нужно работать.

Эверлейк продолжал стоять неподвижно, чуть шевелились только губы на окаменевшем лице:

— Я — капитан "Короля Эльфов". На его борту никто не смеет указывать мне, что я могу и чего не могу делать.

— Корабль находится не в космосе, —возразил Галерс. — Он поставлен в док. Согласно параграфу 30, насколько я помню, а в своей памяти я абсолютно уверен, врач в подобных случаях обладает полномочиями, превышающими полномочия капитана. И даже в полете полномочия врача, если дело касается медицинских аспектов, выше, чем полномочия капитана, при условии, что его решения не грозят безопасности других лиц на борту.

Белая фигура продолжала непоколебимо стоять на том же месте, словно никакие силы не были в состоянии ее сдвинуть. Затем неожиданно жесткие контуры ее сломались, и капитан Асаф Эверлейк покинул каюту.

Галерс вздохнул с облегчением, так как не был вполне уверен, что его апелляция к закону окажется действенной, хотя у него и было смутное предчувствие, что такие люди, как Эверлейк, законы уважают и соблюдают. Они привыкли к тому, что их приказания выполняются неукоснительно, и отказ повиноваться с их стороны означал бы глубокий конфликт с собственными убеждениями.

Галерс погладил девушку по плечу, затем подошел к двери, в которой стояла Рода, подняв вверх большой палец в знак того, что общий анализ не показал наличия в крови инородных тел. Он вышел в коридор и сообщил об этом Харази, который сразу же заметно повеселел.

— Жена не любит, когда я задерживаюсь на работе и опаздываю к обеду. Грозится, что мне придется подыскать другую работу. А я люблю Луну и чувствую себя здесь гораздо лучше, чем на Земле.

— А я бы хотел убраться отсюда как можно скорее, — признался Галерс, и бросив взгляд вдоль коридора, поинтересовался: — А где капитан?

— Его утащил Рэсполд. Для чего — не знаю. Доктор, как ты отнесешься к тому, что я уговорю шефа, О'Брайена, завизировать твой отчет? Твоя медслужба будет удовлетворена, я смогу снять карантин и отпустить всех по домам. К тому же администрация "Саксвелла" не высказывает особого восторга, когда корабли подолгу отстаиваются в доках. А уж она может при желании сделать жизнь таможенника совершенно невыносимой. — Он возвел глаза к небу. — Боже всемогущий! Скольким же людям я должен угодить! Капитану, команде, медикам, "Саксвеллу",

и наконец, а это далеко не последнее, собственной жене! Все брошу и умотаю куда-нибудь подальше!

— С моей стороны препятствий не будет. Но есть еще одно лицо, от которого зависит решение — Рэсполд. Он еще не завершил предварительного расследования.

Гарри сразу ушел, а Галерс и Рода Ту вернулись в каюту. Рода подтянула свою тележку прямо к койке и начала раздевать девушку. Дебби глядела на медиков распухшими от слез глазами.

— Не бойтесь, — попытался успокоить ее Марк. — Мы попробуем вас подлечить. Может быть, вам и станет больно, но только для вашей же пользы. Это нужно, чтобы освободить вас от того, что, накапливаясь годами, прорвалось в самый неподходящий момент, и уложить вас в больницу.

Он сознательно опустил слово "психиатрическую", так как оно пугало пациентов даже в эту, казалось бы, просвещенную эпоху.

Рода произвела еще один анализ крови, а Галерс прикрепил чувствительный элемент электроэнцефалографа к голове девушки и обмотал проводом, чтобы она не могла нечаянно сорвать его.

— Пожалуйста, не впускайте сюда отца, чтобы он не увидел меня раздетой, — умоляющим тоном попросила Дебби.

Галерс пообещал и решил ознакомиться попозже с характерными особенностями религии ремоитов. Такую скромность теперь можно было встретить разве что у психопаток. На вид девушка была психически здоровой, и причиной ее просьбы могло быть только ненормальное воспитание, полученное на Мелвилле.

Рода активировала электромагнитный дверной замок, а Галерс тем временем прикрепил к телу пациентки два небольших плоских диска: один чуть выше сердца, другой на животе. От них к тележке тянулись провода.

— Этот датчик регистрирует сердцебиение, а вот этот — мышечную активность, — объяснял он.

— А что вы намерены делать? — слегка обеспокоенно спросила девушка, переставая плакать.

Марк взял из рук Роды шприц.

— Здесь десять кубиков азефина и десять — глюкозы. Я намерен сделать внутримышечную инъекцию, которая

очень быстро подействует на вашу нервную систему на психоматическом, то есть подсознательном уровне. Она высвободит... должна высвободить все побочные эффекты недавних событий. И это высвобождение, сколь бы мучительным оно ни было для вас, принесет вам огромную пользу. После того, как взрыв вашей активности угаснет сам по себе, вам станет неизмеримо лучше. И в будущем не придется опасаться подавленных в подсознании горестных воспоминаний.

— А если я откажусь принимать это лечение? — дрожащим голосом спросила она.

— Мисс Эверлейк, я вовсе не собираюсь ограничивать вашу свободную волю. И не ввожу вас в заблуждение, утверждая, что вам станет гораздо лучше. Не спорю, азефин — новое средство. Но он прошел лабораторную проверку в течение пяти лет и уже три года применялся в медицине. Я сам прибегал к его помощи несколько раз при лечении своих пациентов. И могу утверждать, что действие его полностью предсказуемо.

— Хорошо, доктор, я вам верю.

Галерс сделал ей инъекцию и произнес:

— Теперь крепитесь. Не пытайтесь сдерживать порывы своего тела. Захотите говорить — говорите. Возможно, вы обнаружите, что говорите нечто такое, что не предназначено для чужих ушей, и в чем вы раньше сами себе не сознавались. Но пусть вас не смущает наше присутствие. По ту сторону этих стен не просочится ни одно слово из сказанных вами. И наше отношение к вам нисколько от этого не изменится.

Она вытаращила глаза.

— Почему вы сразу не предупредили?

— А вы бы согласились? Люди бояться извержения своего подсознания, боятся сами себя. Они, по-видимому, где-то в глубине души считают себя плохими, и не хотят, чтобы это обнаружил кто-либо еще. Довольно нелепое к себе отношение. Никто не является сущим ангелом или сущим дьяволом. В каждом из нас есть частица всего, что присуще Земле в целом. И ничего плохого в том, что мы честно признаемся, нет. А в случае, когда мы отказываемся что-либо открыть сами, оно прорывается против нашей воли и может раздавить нас физически или повлиять на наш ум.

Он взял второй шприц.

— Смотрите. Здесь противоядие. Действие азефина будет тотчас же нейтрализовано. Только скажите, и я сделаю укол. Как хотите. Может быть, вы согласны и дальше жить с бомбой замедленного действия, притаившейся в вашей психике, уповая на то, что она никогда не взорвется. Решайте.

Девушка в нерешительности прикусила губу.

— Поверьте, Дебби, вы не скажете ни одного слова, какого бы мне уже не приходилось слышать от своих пациентов. Зато очиститесь от всех токсичных для вашей психики элементов, которые накопились в ней за последнее время. Более того, вы будете сознавать, о чем говорите, и по первому требованию я впрысну противоядие.

Она молчала, беспомощно глядя на шприц. Он подошел и приготовился сделать укол, но девушка отвела его руку.

— Не надо. Я согласна. — Спасибо, Дебби.

Галерс повернулся, чтобы положить на место шприц, и встретил взгляд Роды. Она смотрела на него с упреком. Да, он поступил не вполне этично. Следовало бы действовать строго по инструкции. Марк же рассказал девушке только о том, что инъекция эта каким- то неожиданным для нее образом раскрепостит ее психику. Но опыт подсказывал, что не следует говорить всю правду о азефине тем, кто в нем нуждается. Деборе Эверлейк инъекция была крайне необходима. И он, несмотря ни на что, должен был ее произвести. Легкая подстраховка себя оправдала.

Выйдя в коридор, Галерс ознакомился с личной карточкой девушки, которую по ходу дела отыскала Рода в корабельном архиве. В ней не было записей о каких-либо прошлых болезнях. Однако, самое главное, имелась информация о совершенно здоровом сердце. Собственно, если оно было в состоянии выдержать недавний загадочный приступ, то должно перенести и сильную, но кратковременную перегрузку, которую вызовет азефин.

Расположившись рядом с автодиагностом, Марк одним глазом поглядывал на стрелки приборов, а другой не отрывал от пациентки. Действие азефина начало проявляться ровно через три минуты после инъекции.

Сначала по обнаженному телу девушки пробежала дрожь. Она с тревогой посмотрела на врача. Марк улыб-

нулся. Дебби попыталась улыбнуться в ответ, но тут по всему ее телу прошла вторая волна, стерев созревающую на лице улыбку, как морская волна размывает песчаный замок на пляже. Наступила вторая пауза, более короткая чем первая, после чего не заставила себя ждать еще одна, на этот раз более сильная волна дрожи.

— Расслабьтесь, — велел врач. — Старайтесь не сопротивляться. Представьте себе, что вы катаетесь на доске в полосе прибоя, и ваше тело находится на гребне волны.

Только не допускайте, чтобы волна сбросила вас с доски и утопила в бездне, добавил он про себя. Там, где все тихо и покрыто красивой буйной зеленью, где вы станете мирно дрейфовать по течению и где не будет никаких превратностей жизни...

В этом-то и заключалась опасность применения азефина. Девушка могла не выдержать, забиться в самый дальний угол своей личности,в такие темные глубины подсознания, откуда уже никто, даже она сама, не в состоянии будет ее извлечь.

Вот почему он так внимательно следил за показаниями приборов. Если некоторые параметры приблизятся к критическому порогу, придется дать ей противоядие. И притом незамедлительно. В противном случае она может окаменеть и так остаться в этом состоянии, будучи глухой к голосам и прикосновениям снаружи. Тогда ее поместят в один из санаториев на Земле, где подвергнут длительному курсу лечения, в результате которого она, в конце концов, станет напоминать ту девушку, которой была первоначально, и, что не исключено, выздоровеет вообще. Но возможен и такой исход, при котором она так и останется в трансе, похожем на смерть, неспособная пошевелить ни одним из внешних органов, до тех пор,пока не откажут и внутренние.

Такой была опасность недостаточно квалифицированного применения азефина. Тем не менее, Галерс рискнул, потому что был уверен в себе, потому что у него была возможность своевременно вмешаться в процессы, происходящие в ее организме. А главное — он опасался ее отца, который мог бы отдать распоряжение на вылет "Короля Эльфов" до того, как закончится курс лечения. А это озна-

чало, что она пропадет. Пропадет и для самой себя, и (он вынужден был признаться себе в этом) для него. Поэтому Марк следил за каждым движением девушки. В данный момент его занимала пульсация, начавшаяся в области живота и распространяющаяся по всему телу, как круги от брошенного в воду камня.

Через несколько секунд начались серьезные схватки, и стрелка одного из приборов, как ракета, взметнулась к критическому порогу. Начали раскачиваться, не переставая вздрагивать, бедра. Лицо девушки исказилось, словно от мучительной боли, голова беспорядочно металась по подушке. Это свидетельствовало о страшной борьбе внутри ее организма, о том, как тяжело ей превозмочь чувство страха и стыда за свое обнаженное тело.

Догадавшись об этом, Галерс дал знак Роде, чтобы она набросила на девушку простыню.

— Вы не должны бороться с этим, Дебби, — умолял он пациентку. — Вы просто подвергаете свой организм ненужному износу, сжигаете азефин и не даете ему возможности выполнить свое предназначение. Уступите!

— А что, по-вашему, я сейчас пытаюсь делать? — воскликнула она.

— Это вам кажется, что вы уступаете, а на самом деле противитесь. Расслабьтесь. Это будет способствовать действию препарата. Не обращайте на нас внимания. Мы вам не судьи.

— Постараюсь.

Одна стрелка оставалась на том же месте шкалы в весьма опасной зоне.

— Дебби, я повернусь к вам спиной и буду только наблюдать за приборами. Хотите?

Девушка кивнула. Через секунду после того, как врач отвернулся, она вскрикнула, затем еще и еще. Стрелка прибора быстро поползла назад. Марк улыбнулся. Первая фаза завершилась. Вскоре стрелка снова поползет в сторону опасной зоны, наступит новая стадия борьбы и, если девушка снова победит, вернется, торжествуя, к середине шкалы.

Так и произошло. Некоторое время Дебби лежала неподвижно, тяжело дыша и постанывая. Затем разрыдалась, да так, как никогда раньше. Галерс слушал молча, лишь

изредка вставляя то или иное слово, чтобы напомнить ей об исчезнувшем человеке. И каждый раз был вознагражден свежим взрывом рыданий, что приносило ему все большее удовлетворение. Он до конца выкачает из нее память про этот печальный эпизод. Но внутри него одновременно поднималась волна ревности к человеку, таинственное исчезновение которого послужило причиной такой сильной психологической травмы.

Через некоторое время он проинструктировал Роду, что делать дальше, а сам начал осматривать Дебби, чтобы определить, нет ли у нее повреждений. Она покорно повиновалась, но глаза ее были закрыты, словно девушка не хотела встречаться с этим взглядом. Он погладил ее по плечу и спросил, нуждается ли она в чем-нибудь успокаивающем, чтобы заснуть.

— Самое забавное, — слабо произнесла Дебби, — что я действительно чувствую себя отдохнувшей, как будто этот... как вы его называете... азефин принес мне пользу. Похоже, засну я без труда. И что меня не будут больше мучить кошмары.

— Медицина здесь ни при чем, — сказал Галерс. — Вы совершили это сами. Укол просто помог выйти наружу тому, что необходимо было вывести.

Он поправил простыню у ее подбородка.

— Я пришлю сестру, чтобы она последила за вами, пока вы не проснетесь. Не возражаете?

Девушка сонно улыбнулась.

— И никто не станет меня будить?

— Никто.

Даже ее отец, капитан звездолета, поклялся Марк себе.

— Приятных вам сновидений.

Он тихо прикрыл дверь в каюту и, засунув руки глубоко в карманы халата, побрел к радиорубке. По дороге ему встретился Рэсполд. Глаза детектива сверкали.

— Есть новости, Марк. Радар на спутнике номер 5 только что передал сообщение, что часа два назад был зарегистрирован предмет, размером с спасательную шлюпку "Короля Эльфов", вошедший в земную атмосферу. Как раз тогда, когда, по нашим предположениям, исчез Клакстон.

Лицо Галерса стало серьезным.

— И что?

— Она воткнулась в атмосферу с такой скоростью, что вспыхнула, как болид. То, что не успело сгореть, упало в Тихий океан.

* * *

Марк стоял на отправочной платформе концерна "Саксвелл Стеллар". Все, что было разрешено взять на борт "Короля Эльфов", размещалось в двух небольших чемоданах. В некотором удалении от него Роду Ту прощалась с друзьями. До него доносились отрывки разговора, который показался ему весьма забавным: одна из подруг рассказывала ей, каким образом можно подцепить себе мужа на Виденвулли. Сам по себе совет был не плох, хотя эта подруга до сих пор никого не подцепила.

— Что касается меня самой, дорогая, то я лучше останусь здесь, в цивилизованном мире, и попытаюсь, что-либо предпринять в этом направлении на месте. Ну, в крайнем случае приобрету лицензию на бигамию, ведь существует вероятность, что мужчина сделает меня первым номером, и ...

Подошедший Рэсполд не дал дослушать.

— Послушайте, Марк, — начал он без какого-либо вступления. — Мое заявление о переводе отвергли. Я не смогу отправиться с вами на "Короле Эльфов". Поэтому, прошу вас, в качестве любезности не только для меня лично, но и для человечества в целом, понаблюдать...

— За чем?

— Видите ли, Марк, каюта Дебби Эверлейк — не единственное пропахшее рыбой место на этом корабле. Весь "Король Эльфов" требует тщательного обследования, однако мое начальство не дало на это разрешение. Оно сочло, что мне не удалось найти ни одной мало-мальски существенной улики, которая могла бы оправдать применение наркотика, выявляющего истину. Начальство уверено, что Клакстон совершил самоубийство в момент умопомрачения, и предлагает мне забыть об этом случае. Но я не могу этого так оставить и прошу вас краем глаза присматривать за Эверлейками.

—Это не так уж сложно.

— Еще бы. Все ваши мысли занимает Дебби. Она, разумеется, девушка необыкновенной красоты, но худовата... Да и откуда взяться мясу на этих нежных костях, если отец испепеляет ее каждым своим взглядом?

В то время было объявлено, что вездеход, следующий к "Королю Эльфов" подан в шлюз номер 6. Галерс пожал Рэсполду руку.

— Я согласен с вами. В инциденте с Клакстоном все далеко не так ясно. Это является еще одной причиной моего заявления о принятии на корабль Эверлейка.

Рэсполд нахмурился.

— Я догадываюсь, что вас влечет не только профессиональный интерес. И все же, скажите мне откровенно, какое у вас сложилось мнение относительно перенесенного девушкой приступа?

— Со здоровьем у нее в порядке, если можно сделать такой вывод в отношении человека, содержание сахара в крови которого падает гораздо ниже нормального уровня, стоит ему перестать за двоих потреблять сладости и другие продукты, богатые углеводами. Я советовался с несколькими специалистами, но особого прояснения не обозначилось. Какой-то, неведомый нам фактор, заставляет падать содержание сахара и, тем не менее, все органы функционируют вполне нормально. Мы установили, что, как я и предполагал, ее схватки и окаменение не были вызваны адреналиновым шоком. Да, в крови оказалось определенное количество адреналина, но недостаточное, чтобы вызвать такое состояние. Более того, она пришла в себя и оживилась гораздо быстрее, чем я мог предполагать. Похоже, у нее был приступ эпилепсии.

— А это согласуется с низким содержанием сахара в крови?

— Ну, конвульсии и остолбенение часто являются результатом избытка инсулина. Но в данном случае ничего подобного не было. Железы Дебби вырабатывают нормальное его количество. Понимаете, работа желез внутренней секреции зависит от очень многих факторов. Например, от общего состояния организма, от...

— Идем, док, — потянула его за руку проходящая мимо Рода. — Мы можем опоздать.

Марк распрощался с детективом, и через 15 минут они были уже на борту "Короля Эльфов". Рода, теперь уже не ассистентка, прошла в пассажирский отсек. Марк же разместил свои вещи в каюте, где, кроме него, жил еще первый помощник. Затем, повинуясь команде по селектору, прошел в стартовый салон, где его привязали к креслу на период максимального ускорения. Еще через 10 минут он отправился в крохотную каморку, которая была его врачебным кабинетом.

Теперь корабль увеличивал скорость с ускорением земного притяжения и был уже где-то в сорока световых годах от Солнца и в сорока пяти — от места назначения, планеты Виденвулли в системе Дельты Волопаса. Где-то в течение следующего получаса они совершат второй переход и окажутся на расстоянии около половины светового года от этой звезды. Еще одно преобразование координат в подпространстве выведет корабль на расстояние в пять триллионов миль от цели, после чего кенгуриные прыжки сменятся блошиными, а по мере приближения к Виденвулли амплитуда их будет становиться все меньше и меньше. Последний отрезок пути корабль совершит в обычном пространстве, и останется в нем до отправления в следующую точку назначения.

Поскольку грузов почти не было, вся команда по прибытии на планету осталась на борту. На прощанье Галерс поцеловал Роду и искренне пожелал ей найти себе хорошего мужа.

— Почему им не захотели стать вы, Марк? — всхлипывая спросила девушка. — Тогда мне не пришлось бы забираться в это богом забытое место.

— Мне очень жаль, — произнес он. Честное слово! Ты будешь очень хорошей женой. Я завидую этому мужчине. Просто я не был влюблен в тебя...

Впервые за все время знакомства она дала волю своему темпераменту.

— Любовь! Как можно быть таким романтическим простофилей! Если бы вы предоставили мне возможность, я бы заставила вас влюбиться!

Рода ушла, а Галерс остался, моргая в недоумении и думая, что, скорее всего, она права, а он в очередной раз упустил очень желанную женщину. Когда ее большие чер-

ные глаза сверкнули гневом, а линия губ презрительно изогнулась, он почувствовал в ней огонь, который бы понравился ему. Почему же она так долго ждала? Если бы это объяснение произошло на Луне, до появления Дебби, он бы, скорее всего, предложил ей стать его женой.

Макгоуэн, первый помощник, протянул ему сигарету.

— Почему вы так бледны, приятель?

— Потому что в очередной раз убедился, что, как только узнаешь человека по-настоящему, тут же теряешь его. Он или уезжает, или умирает, или с ним еще что-нибудь случается.

— Да уж... А эта Рода очень соблазнительна. Признайтесь, у вас было с ней что-то?

— Нет. Я мог бы добиться ее благосклонности, но мои убеждения, кои мало кто разделяет в современном мире, не позволили мне сделать это. Во-первых, соотношение, при котором на трех женщин приходится один мужчина, очень облегчает жизнь последнего. Дело о разводе по причине супружеской неверности возбудить невозможно, если не являешься членом узаконенной секты, которая официально запрещает это. Кроме того, у меня такой склад психики, что женщина, чтобы понравится мне, должна меня обожать. Может быть, это звучит самонадеянно, но я таков и с этим уже ничего не поделаешь. Благодаря этому возникает нежность во взаимоотношениях, чего не бывает при случайных встречах.

Макгоуэн выпустил изо рта дым.

— Но Рода, если я правильно понял, любила вас.

— Да. Но она была моей помощницей. Я не мог позволить чему-то личному войти в нашу жизнь, ибо это бы отразилось на работе. Понимаете, всякие там трения... Она начала бы требовать от меня такое, что я не склонен был бы выполнять. Одним словом, стала бы вести себя так, словно мы — муж и жена.

— А я очень сожалею, что не встретился с Родой раньше, — признался Макгоуэн. — Был бы рад поволочиться за нею. Моя жизненная энергия не растрачена на множество женщин — жизнь астронавта одинока и сурова. Между прочим, не сочтите меня слишком любопытным, но что вы собираетесь делать с дочерью шкипера?

— Я хочу определить причину ее заболевания.

— Вы неправильно поняли меня, док. Я имел в виду ваш к ней очевидный и далеко непрофессиональный интерес. Вы ведь прекрасно понимаете, что в нашем мире повышения в должности можно добиться, только вступив в брак, не так ли? А вы не сможете жениться на ней, пока не присоединитесь к последователям Ремо. Вы обратили внимание на толстое золотое кольцо на среднем пальце левой руки, на котором изображен треугольный щит, отражающий брошенное копье? Это кольцо девственницы. Девушка носит его до замужества. Она снимает его, расстегнув специальную застежку,и одевает на палец мужчины. С этого момента она принадлежит ему и только ему. Торжественное празднование, устраиваемое после этого, является просто обнародованием случившегося. Разумеется, старшие поднимают гвалт, если с ними не посоветоваться и не спросить разрешения, однако пара решительная вполне может обойтись и без них.

— На Луне я прочел все, что имелось в тамошней библиотеке о ремоитах, — сказал Галерс. — Однако описания этого обычая мне не попадалось. Может быть, вы могли бы рассказать мне то, чего я не знаю.

Макгоуэн любил поговорить, а капитан не предоставлял ему особых возможностей для словоизлияний. Теперь, когда рядом оказался благодарный слушатель, он с удовольствием наверстывал упущенное.

Многое из того, что услышал Галерс, было ему уже известно. Культ этот зародился в маленьком городишке в Оптиме — государстве, возникшем после рекультивации пустыни Гоби несколько сотен лет тому назад. Ремо и его последователи выступили против либеральной морали окружавшего их общества той эпохи и организовали небольшую, тесно сплоченную группу религиозных фанатиков. Обнаружив, однако, что они теряют многих молодых приверженцев из-за бесчисленного множества искушений, которые подстерегали их за пределами клана, последователи культа Ремо эмигрировали на Мелвилл. Там они беспрепятственно могли прививать свою мораль детям. Подкреплялись заповеди верованиями, заимствованными из индуизма, согласно которым неукоснительное соблюдение моральных норм в этой жизни избавляет от последующего возрождения в более низких формах.

— Вы заметили, что они носят одежду только белого цвета и не стригут волосы? У них есть и другие особенности. Они никогда не лгут.

— Никогда?

— Ну, почти никогда, — улыбнулся помощник капитана. — У них практикуется абсолютная моногамия. Причиной распада брака может стать только смерть одного из супругов. Даже супружеская неверность не является основанием для разрыва брачных уз. "Провинившийся" в течение года обязан одеваться во все черное в знак раскаяния за свой проступок. Они, видите ли, не прибегают к старомодному слову "грех". Но и это еще не все. Неверный не имеет права сожительствовать со своей половиной в течение года. К концу этого срока, если поведение его было безупречным, он получает право одеваться снова в белые одежды и теоретически становится таким же безгрешным, как и прежде. Разумеется, это утяжеляет жизнь ни в чем не повинного партнера, который вынужден соблюдать воздержание так же, как и виновная сторона.

— Может быть, это не такая уж плохая система, — заметил Галерс. — Супруги должны хорошенько следить друг за другом, чтобы не навлечь неприятности на обоих. Это — система дублированной проверки.

— Я как-то не задумывался над этим. Кстати, у них еще есть множество различных экономических, социальных и религиозных мер, употребляемых в качестве принуждения и наказания. Они, например, никогда не бьют детей, создавая вместо этого вокруг ребенка "атмосферу порицания". Не богохульствуют. Имеют некоторые личные вещи, например, одежду и книги, а большую часть своих доходов вносят в казну общины. Это основная причина, побуждающая мужчин-ремоитов отправляться в космос. Там они могут заработать для общины больше, нежели дома. Кроме того, у ремоитов отсутствует промышленная база для производства омолаживающей сыворотки и, чтобы добыть достаточно денег для ее приобретения, молодым мужчинам приходится подписывать контракты с космическими компаниями. Вы можете им только посочувствовать, док. Ведь вам самому придется списать часть своей жизни в пользу "Саксвелла", не так ли?

— Да, мне предстоит ждать свободы еще пять лет, одиннадцать месяцев и десять дней.

— Доктор Джинас тоже был законтрактован. Ему оставался всего лишь месяц, а он утонул. Какой нелепый конец. Он был неплохим малым. Я все видел, но ничем не мог помочь.

— А что с ним случилось?

— Я с берега наблюдал за ремоитами, стоявшими по пояс в воде озера. Они проходили обряд очищения. Док плавал в лодке совсем рядом с ними, на расстоянии протянутой руки, не обращая на них ни малейшего внимания. Он набирал воду в маленькие бутылочки и закупоривал их. Для чего — до сих пор неизвестно.

— А проверка этих проб была произведена?

— Когда лодка опрокинулась, они утонули. Их не смогли найти.

Галерс нахмурился.

— Но почему она перевернулась? И почему он утонул там, где воды было всего по пояс?

— Каким же было заключение проведенного расследования?

— Покончил с собой, избрав для этого столь нелепый и мучительный способ. Нужно было проплыть под водой как можно дальше от толпы и в как можно более глубокое место.

— А кто входил в состав комиссии по расследованию?

— Старейшины ремоитов и, естественно, агент "Саксвелла".

— Вы были свидетелем?

— Разумеется. Но не смог дать каких-либо показаний, так как почти ничего не видел. Большую часть произошедшего я не видел из-за толпы ремоитов. Спасать Джинаса бросилось очень много людей.

— И на таком мелководье не были найдены бутылочки?

— Нет. Было выдвинуто предположение, что при попытках спасти его их оттолкнули на более глубокое место.

Макгоуэн замолчал. По его лицу Галерс видел, что он еще что-то хочет сказать, но не знает, с чего начать.

— Послушайте, док, — решился, наконец, помощник. — Вы неплохой парень. Я понял это еще на Луне. И понял

еще кое-что, да и не только я. Всем ясно — вы по уши влюбились в Дебби Эверлейк. Знает об этом, разумеется, и шкипер. Его отношение к вам, правда, не изменилось, но просто потому, что он не может стать еще более суровым и недружелюбным, чем есть. И, кроме того, он ни за что не покажет, что им владеют какие-то новые чувства. Но он не спускает с вас глаз... Собственно, я хотел сказать не это. Так вот. Дебби — чертовски хорошенькая девка, не правда ли? А у вас не вызывает удивления то обстоятельство, что команда ее тщательно избегает?

Марк открыл рот от удивления.

— Если это на самом деле так... Я пробыл здесь слишком мало, чтобы заметить... Да и почему они обязаны за ней волочиться? Ведь она — дочь капитана.

Макгоуэн ухмыльнулся.

— Да ведь трудно даже представить себе такое: на борту корабля красивая девушка, а двадцать мужчин, лишенных на длительный срок женского общества, не обращают на нее внимания! Более того, даже не разговаривают с нею. А если и разговаривают, то держатся при этом на некотором удалении.

Марк покраснел и сжал кулаки.

— Я не собираюсь вас обидеть, док. Просто излагаю факты. Вы ничего не замечаете, а я хочу вам помочь.

— Валяйте.

— Так вот, док, если честно, то от Дебби... воняет... О, какой темперамент! Вспомните, ваша ассистентка обнаружила запах рыбы. Спросите у нас, и мы вам скажем, что из каюты Дебби всегда доносится резкий неприятный запах рыбы, а от нее самой буквально разит треской. От этого можно сойти с ума... Я говорю вам об этом ради вашего же блага.

Врач разжал кулаки.

— Понимаю. Но легче от этого не становится.

— А почему это так вас затрагивает? Если бы она сломала ногу, а я сообщил вам об этом, вы тоже стали бы на меня гневаться? Просто с ней творится что-то неладное, в результате чего от нее разит рыбой. Разве она виновата в этом? Боже всемогущий, док, неужели мне нужно вам это объяснять?

— Но это касается меня лично!

— Понимаю. И именно поэтому заговорил с вами об этом. Знаете, Дебби не единственная в своем роде. Принюхайтесь, и вы узнаете, что такой же запах исходит от капитана.

— Что?

— Если верить тем, кто знает его давно, то от него воняет уже много лет.

Глаза Галерса заблестели.

— А как давно ... страдает этим Дебби?

— Я впервые заметил это... э... где-то около двух с половиной месяцев назад.

— Вот так-так!

Теперь настала очередь удивляться Макгоуэну.

— Что такое?

— Пока не могу сказать ничего определенного. Скажите, Мак, а какой была Дебби до этого?

— Вы бы ни за что ее не узнали. Такая яркая, веселая, полная задора... Она не позволяла мужчинам никаких вольностей, но с удовольствием брала на себя роль их младшей сестры. И, что самое поразительное, большинство членов экипажа именно так к ней и относились. Разумеется, время от времени какого-нибудь шалопая прорывало, но мы тут же ставили его на место.

— А как она вела себя в присутствии своего отца?

— Особо счастливой не казалась. Он мог бы, в чем вы уже должны были убедиться, погасить даже солнце. Но, по крайней мере, прежде он хоть разговаривал с ней. Теперь же отец никогда не бывает с ней вместе, а общаться предпочитает только по корабельному интеркому. И никогда не ест с ней.

В голове Галерса промелькнула мысль.

— Погодите! А как же Пит Клакстон? Его, похоже, это не очень беспокоило. Согласно показаниям Дебби и ее отца, как раз тогда, когда у нее начался припадок, Пит просил у Эверлейка руки его дочери. Разве его не тревожило то, о чем вы мне рассказали? Или он был, как и я, человеком с очень плохим обонянием?

Макгоуэн улыбнулся, будто собираясь отпустить какую-то шутку, но затем произнес совершенно серьезно:

— Да нет. С обонянием у него было все в порядке. Только в данном конкретном случае он ничего не замечал.

Да иначе и быть не могло — от него шла такая же ужасная вонь!

Раздался сигнал интеркома. Макгоуэн поднялся.

— Меня вызывают. Пока, док.

* * *

Галерс долго бродил по коридорам звездолета, угрюмо глядя себе под ноги. Остановившись, в конце концов, он поднял голову и поразился, что ноги бессознательно завели его именно сюда. Конечно, было бы лучше уйти, но вместо этого он тихо постучался в дверь каюты. Ответа не было.

— Дебби? — негромко окликнул девушку Марк.

Дверь немного приоткрылась. Внутри было темно, однако он мог различить белое платье и темный овал лица.

Голос девушки был тихим и печальным.

— Что вы хотите?

— Можно с вами поговорить?

Ему показалось, что она неожиданно затаила дыхание.

— Зачем?

— Не надо изображать удивление. Вы же знаете, что я уже несколько раз пытался поговорить с вами наедине. Но вы избегаете меня. От вашего дружелюбия не осталось и следа. Что-то случилось. И это мне совсем не нравится. Поэтому-то мне хочется поговорить с вами.

— Нет. Нам не о чем говорить.

Дверь начала медленно закрываться.

— Обождите! Объясните мне хотя бы, почему вы удалились от всех? Почему замкнулись в себе? Что я сделал вам плохого?

Дверь продолжала закрываться. Он просунул руку между дверью и косяком и взмолился:

— Помните, Дебби, "Пелея и Мелисанду"? Помните, что Голад сказал Мелисанде? "Где то кольцо, которое одел тебе на палец? Женитьбы нашей знак! Так где же оно?"

И прежде, чем она успела что-либо ответить, он, поймав ее руку, вытащил ее на свет.

— Где то кольцо? Где кольцо девственницы, Дебби? Почему его нет на вашей руке? Что с ним случилось? Кому вы отдали его?

Девушка слабо вскрикнула и попыталась выдернуть руку. Галерс удержал ее.

— Теперь вы меня впустите?

— Отцу это не понравится.

— Он не узнает об этом. Положитесь на меня, Дебби. Вам нечего опасаться. Я пальцем не притронусь к вам.

— Так же, как и никто другой, — неожиданно резко произнесла девушка, затем смягчилась. — Хорошо. Проходите.

Галерс проскользнул внутрь каюты и притворил за собой дверь. Одновременно он ощупью нашел выключатель и зажег свет. Затем положил руки ей на плечи и заметил, что от этого прикосновения девушка вся сжалась и отвернула лицо.

— Не бойтесь вызвать во мне неприязнь, — ласково сказал Марк.

Она продолжала отворачиваться.

— Я понимаю, что вряд ли причиню вам беспокойство, — прошептала Дебби. — Но я так привыкла к тому, что меня все избегают, что поневоле чувствую себя неловко в чьем-либо присутствии. Конечно, мне известно, почему вы поступаете не так, как все остальные. Если бы у вас не было этого недостатка, вы ничем бы от них не отличались и отпускали бы шутки в мой адрес у меня за спиной.

Галерс приподнял за подбородок голову девушки.

— Не думайте об этом. Мне действительно нужно кое-что узнать у вас. Могу поспорить, Дебби, что, если бы Пит не сгорел, а его тело нашли где-нибудь в Тихом океане, то на его пальце обнаружили массивное золотое кольцо. А на нем — треугольный щит, отражающий летящее копье. Я прав?

— Да. Но раз вам это было известно, почему вы ничего не спрашивали во время дознания?

— Мне рассказал об этом обряде Макгоуэн. Всего несколько минут назад. И я вспомнил, что не видел у вас кольца. Нетрудно было предположить, что, вероятнее всего, вы одели его на палец Клакстону. А поскольку об обручении объявлено не было, то это произошло перед самым его исчезновением. Ведь это так?

И без того бледное лицо девушки стало еще бледнее.

— Да, мы любили друг друга. И не могли дождаться возвращения на Мелвилл. Пит сделал мне предложение, когда мы однажды в моей каюте просматривали кассету с "Пелеем и Мелисандой". И сразу после этого в каюту зашел отец. Он шумно негодовал. Заявил, что Пит не увидит меня до возвращения на землю Ремо. Настаивал, чтобы я забрала кольцо и хранила его у себя, пока мы не получим разрешение Старейшин.

Галерсу было весьма трудно представить сурового и невозмутимого Эверлейка в обличьи взволнованного и негодующего родителя.

— Но почему вы молчали на дознании, а сейчас так спокойно рассказываете мне об этом?

— На дознании меня об этом не спрашивали. Если бы спросили, я бы рассказала всю правду. Мы, ремоиты, никогда не лжем. Но отец решил, что все будет гораздо проще, если мы не будем упоминать о ссоре. У этого детектива Рэсполда, сказал он, могут возникнуть всякие необоснованные подозрения, и он может доставить нам немало неприятностей... С вами все по-другому. Вы задали прямой вопрос. Я могла бы отказаться от ответа. Но предпочла сказать правду.

Галерс отпустил ее руку.

— Почему?

Она отвернулась. Голос ее звучал глухо.

— Потому что я так одинока... Потому что мне хочется с кем-нибудь говорить. И, главным образом, потому что меня не покидает ощущение, что я вот-вот взорвусь. И если я не буду делать ничего, чтобы снять внутреннее напряжение — говорить, танцевать, петь, кричать, все, что угодно — то сойду с ума. И это самое ужасное. Каждый раз, когда мне хочется что-нибудь сделать, я не могу повиноваться побуждению, потому что нахожусь под постоянным контролем. Я не могу высвободиться. А очень, очень хочу!

Она положила руку на живот.

— Оно где-то здесь, это ощущение — желание взорваться и неспособность это сделать... Я боюсь... Я так боюсь...

Галерс внимательно смотрел на девушку. Она была вся напряжена и стала очень похожа на своего отца. Он

положил руку на ее худенькое плечо, девушка слегка вздрогнула, но не отстранилась.

— Вы многое скрываете от меня, — сказал он ласково. — Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы Клакстон бросился в спасательную лодку и сломя голову нырнул в земную атмосферу. И это что-то, скорее всего, произошло здесь. Что же именно? Я не верю, что на Пита так повлияла отсрочка вашего брака.

— Не знаю. И откуда мне знать? У меня начался приступ. Когда я очнулась, Питера в каюте уже не было. Отец отослал его за помощью, и после этого Клакстона уже никто не видел. — Но ведь вы, Дебби, знали, что Пит был сам не свой уже в течение довольно долгого промежутка времени. Знали и о том, что он должен был пройти на Луне глубокую психосоматическую проверку. В его поведении наблюдались подозрительные странности.

— Да, вы правы. Поэтому-то все думают, что он совершил самоубийство. Но почему ему захотелось лишить себя жизни, а мне нет? Ведь он страдал от того же, что и я. А в остальном был ничуть не хуже, чем другие. Пит должен был пройти проверку, потому что только- только перешел в нашу веру, а агенту "Саксвелла" на Мелвилле захотелось проверить, не является ли это следствием нарушения душевного равновесия. Считается невероятным, чтобы молодой человек в здравом уме, не выросший среди ремоитов, вдруг захотел присоединиться к совершенно чужим для него людям, чтобы обрести среди них новое счастье.

— Если взять в качестве примеров вас и вашего отца, — заметил Галерс, — то вряд ли можно заявлять, что ремоиты — счастливые люди. Правда, счастливчиков сейчас вообще нигде нет... Значит, Клакстон был среди тех, кто находился в воде во время празднества! Он был крещен вместе с другими?

Девушка кивнула.

В голове Марка все перемешалось. Постепенно перед ним начала вырисовываться картина произошедшего, но он не имел пока еще ни малейшего представления о том, что все это значит.

— Мы, кажется, через месяц совершим посадку на Мелвилле? И пробудем там неделю, верно?

— Да. Как раз в это время состоится Праздник Жертвоприношения. Присутствовать на нем стремятся все ремоиты, даже астронавты.

— Послушайте, Дебби. У вас может сложиться впечатление, будто я сую нос в ваши дела из праздного любопытства. Это не так. Во- первых, я врач, и стремлюсь вас вылечить. Во-вторых... я думаю, что вы догадываетесь...

Он повернул девушку к себе лицом и выжидающе посмотрел в глаза. Она опустила ресницы, плотно сжала губы.

— Черт побери, неужели же вы не догадываетесь, что я люблю вас!

— Разве это возможно? Ведь я — порченная.

— Что за вздор!

Он прижал ее к себе и поцеловал. На какое-то мгновенье губы ее открылись и стали податливыми, а тонкие руки обвили шею. И вдруг она с силой оттолкнула Марка и, отвернувшись, вытерла рот тыльной стороной ладони. Лицо снова стало замкнутым, печальным.

— Уходите! — закричала девушка. — Уходите! И больше никогда и близко не подходите ко мне. Я ненавижу вас! Ненавижу всех мужчин! Даже Пита Клакстона! Но вас — больше всех!

Он протянул к ней руки но, увидев отвращение на ее лице, резко развернулся и вышел из каюты. У него было ощущение, будто какая -то его часть осталась там, за закрытой дверью.

* * *

Прошел месяц. "Король Эльфов" посетил 20 планет, принимая различные грузы, пассажиров и почту. Работы у врача было по горло. В каждом пункте посадки его дожидались в представительствах компании "Саксвелл" пациенты, которых надо было лечить, или культуры заболеваний внеземного происхождения, которыми он должен был интересоваться, как молодой врач.

Когда же корабль находился в полете, Галерс продолжал вести наблюдения за капитаном и его дочерью. Постепенно он понял, что в своем рассказе Макгоуэн не погрешил против истины — капитан Эверлейк и Дебби никог-

да не бывали вместе. Общались они между собой только посредством интеркома. Марк заметил, что отец Дебби вовсе не является таким уж лишенным эмоций и привязанностей человеком, каким казался вначале. В его жизни была страсть. Единственная страсть. И страстью этой был "Король Эльфов".

Когда капитан отдавал различные распоряжения, касающиеся поддержания порядка на корабле, на лице его возникало некое подобие улыбки, глаза излучали тепло. Он непрерывно рыскал по кораблю, следя, чтобы все было не только в прекрасном рабочем состоянии, но чтобы на оборудовании не было ни одной пылинки. Брал на себя все бремя навигации и пилотирования, а когда "Король Эльфов" отстаивался на поверхности планет или их спутников, ему, казалось, не терпелось отправиться в глубины космоса. И по этой причине (так, во всяком случае, казалось Галерсу) он становился весьма раздраженным, ибо в доках корабль проводил гораздо больше времени, чем в полете. Использование подпространства сделало близкими расстояния между звездами.

На Мелвилл "Корабль Эльфов" прибыл строго по расписанию, совершив посадку среди невысоких холмов и множества озер, берега которых поросли похожими на сосны деревьями. В Каритополисе, столице земли Ремо, проживало 30 тысяч человек. Большинство жило в похожих на коробки деревянных домах с выкрашенными белой краской стенами и черепичными крышами. Город был расположен на берегу морской бухты. С другой его стороны простиралось обширное озеро, берега которого окаймляли леса. Именно в нем утонул доктор Джинас.

Галерс был освобожден и собирался посетить город, но прошел сначала в жилой отсек для экипажа, где нашел нужного человека — корабельного повара. Вынув записную книжку, Марк напустил на себя сугубо профессиональный вид.

— Мне необходимо выяснить, к какой еде наблюдаются пристрастия у отдельных членов экипажа. У кого, кроме мисс Эверлейк, особый рацион из шоколада и другой сладкой пищи!

Коку не терпелось поскорее покинуть борт корабля.

— Ну, хотя бы у капитана. Еще... Послушайте, док, а вы не могли бы отложить это выяснение на другой раз?

Галерс рассмеялся.

— Разумеется. Желаю хорошо провести время.

Сунув записную книжку в карман, он покинул жилой отсек и уже через несколько минут шел по широкой мощеной улице Каритополиса. Казалось, на Праздник Жертвоприношения собрались все обитатели земли Ремо. Дома были переполнены приезжими, на холмах, окружающих столицу, как грибы, выросли палатки. Галерс в своей небесно-голубой рубахе, розовых брюках и золотистого цвета туфлях резко выделялся среди обтекающей его толпы, сплошь одетой в белое. Он был недоволен своей непредусмотрительностью. Надо было одеться соответственно. Но теперь уже поздно что-либо предпринимать.

Сначала Марк нанес визит доктору Флаккоу, с которым познакомился во время карантинного осмотра корабля, чтобы задать ему несколько вопросов, касающихся заболевания Дебби. Но врач сослался на то, что торопится и предложил обсудить эти вопросы в другой раз. Он боялся опоздать на начало церемонии.

— Даже если вы никогда не слыхали о ваших соотечественниках с низким содержанием сахара в крови, то что можете сказать о рыбном духе изо рта? — настаивал Галерс. — Вы замечали такое?

Доктор Флаккоу был таким же высоким, худощавым и прекрасно владеющим собой мужчиной, что и капитан Эверлейк. Он весь подобрался и отрезал:

— Ни разу!

Марк поблагодарил его и ушел, поняв, что доктор ничего не расскажет. Эти ремоиты слишком замкнуты. Они считают себя избранным народом, которому, в отличие от других, доступен свет истины. Расспросы и любопытство со стороны посторонних вызывает у них только возмущение.

Затем Галерс посетил Ясона Крама, представителя "Саксвелла", и задал ему те же вопросы. Крам сморщил загорелый лоб и заявил, что не слышал ни о чем подобном. Но это еще ничего не значило, ибо его контакты с ремоитами было сугубо деловыми. Он пообещал присмотреться к ним повнимательнее и поинтересовался, чем вы-

звано беспокойство врача. Галерс уныло признался, что именно это очень хотел бы узнать сам.

На обратном пути к кораблю он с трудом пробирался сквозь густые толпы ремоитов — Праздник Жертвоприношения был в самом разгаре.

Это было пышное зрелище, в котором принимало участие огромное количество верующих, изображавших гонения и мученичество Виктора Ремо. Некоторые настолько отдавались во власть эмоций, что падали в обморок или катались, корчась, по земле. Галерс впервые встречался с таким фанатичным проявлением глубоких религиозных чувств. Это казалось ему крайне неприятным. Эффект еще больше усиливался тем, что необузданность поведения резко контрастировала с теми качествами, которые считались обычными для ремоитов — их сдержанностью, серьезностью, осмотрительностью и подчеркнутой официальностью.

Добравшись, наконец, до "Короля Эльфов", Марк сразу же справился у робота-охранника о местонахождении капитана и его дочери. Оказалось, что оба они не покидали борт корабля. Галерсу это показалось очень странным, ибо посещение Праздника Жертвоприношения считалось обязательным для каждого взрослого ремоита. Что же заставило их отказаться от участия в Празднике?

Пожав плечами, он решил, что это — всего лишь еще одна грань загадки, с которой ему пришлось столкнуться.

Приготовив в лаборатории бутылки для проб, Галерс дождался полуночи и перед тем, как покинуть корабль, постучался в каюту Дебби. За дверью еле слышно раздавалась одна из мелодий "Пелея и Мелисанды". Он постучался еще раз. Дверь оставалась запертой.

Уже выходя из корабля, Галерс неожиданно столкнулся с капитаном. Вид у Эверлейка был унылый и изможденный. Звон бутылок в сумке привлек его внимание. Небрежно кивнув в ответ на приветствие Марка, он буквально хлестнул взглядом по сумке. Опускаясь по сходне, Галерс ощущал спиной сверлящий взгляд и полностью пришел в себя только на берегу озера.

Здесь он взял, не спрашивая разрешения у отсутствующего владельца, одну из маленьких лодок и стал грести в направлении широкого пляжа, где всего полчаса назад проходила грандиозная церемония очищения в воде. Марк

видел конец церемонии и понял, что все покидают берег озера, чтобы продолжить Праздник в другом месте города. Было уже темно, и он решил, что его никто не увидит. Огни Каритополиса довольно слабо освещали поверхность озера, а луна еще не взошла. Но, даже если бы кто-нибудь его и увидел, он, насколько ему было известно, не совершал ничего противозаконного.

Оказавшись на мелководье, где толпа, проходившая обряд очищения, должна была быть особенно многочисленной, Галерс перестал грести и, откупорив бутылочки, начал наполнять их водой, напряженно озираясь по сторонам. Но все было тихо, разве что изредка на воде появлялась поблескивающая рябь, поднятая какой- нибудь рыбой, проплывшей близко к поверхности озера. Тем не менее, управившись со своим занятием, Марк перегнулся за борт лодки и заглянул в темную воду. Ничего. Облегченно вздохнув, он взялся за весла...

И в то же мгновение что-то с силой шлепнулось о борт лодки, она начала крениться. В первую секунду замешательства до него не дошло, что лодку куда-то тянет, однако затем он увидел два темных, похожих на захваты, предмета, обхватывающих борт. За ними из воды показался большой шар из какого-то непонятного вещества. Не дожидаясь, что выплывет из глубины еще Галерс, крепко зажав в руке одну из закупоренных бутылок, упал спиной в воду. В тот же самый момент шар полоснул по нему узким лучом света. Если бы это был лазер, он бы срезал его ноги. Однако эффект от этого луча получился почти такой же — ноги практически потеряли чувствительность.

Ударившись спиной о поверхность воды, Галерс сразу же перевернулся на живот и нырнул под прямым углом к лодке. Отплыв под водой как можно дальше, он высунул голову, набрал полные легкие воздуха и снова поплыл в сторону, противоположную берегу. Инстинкт побуждал его плыть к суше, но нападавший, кем бы он ни был, наверняка именно этого от него и ждет. Он старался убедить себя, что в темной воде, если не поднимать большого шума, найти его будет очень нелегко. Но все же ему казалось, что сейчас его что-то схватит за ноги и потащит на дно, где борьба будет очень короткой.

Поднявшись еще раз на поверхность, Галерс быстро огляделся, но не увидел ничего, кроме силуэта перевернутой лодки на фоне огней города. Затем, снова нырнул и повторил этот маневр еще несколько раз, пока, тяжело дыша и отплевываясь, дрожа от усталости и страха, не выполз на берег почти в полукилометре от того места, где очутился в воде.

Некоторое время он просидел под деревом, выжидая, когда восстановится дыхание и сердцебиение придет в норму, а потом поплелся к "Королю Эльфов", до которого теперь было не меньше двух километров. Нежный, теплый весенний ветер полностью высушил его одежду, поэтому он не стал переодеваться и сразу же отправился в лабораторию, чтобы произвести анализ содержимого прихваченной во время бегства бутылки.

Собственно, процедура эта была бессмысленной — Галерс даже не знал толком, что именно он ищет. Но даже, если бы ему было это известно, шансы, что искомое обнаружится в первой же бутылочке, были равны нулю. И все же эту воду он должен был тщательно обследовать, чтобы найти хоть какую-нибудь ниточку, за которую можно будет уцепиться.

К счастью, на борту корабля было все необходимое оборудование. Микроскоп Савари в сочетании с автодиагностом и еще несколькими приборами нарисует полную картину и рассортируют полученные данные по определенным направлениям.

Поместив пробу в нужное место, Галерс включил приборы и задумался. Что же, все-таки, с ним произошло? Что за существо пыталось затащить его в воду и, по всей видимости прикончить? Ведь именно это произошло с доктором Джинасом, да еще среди бела дня.

Вдруг ход его мыслей прервался. Он щелкнул пальцами и чуть не закричал:

— Как же это я сразу не проверил?

Выскочив из лаборатории, Марк помчался к шлюзам запасного выхода. Поскольку они всегда были открыты, особых затруднений при проверке эластичности висящих в отсеках скафандрах он не встретил. Первые двенадцать его разочаровали. Но тринадцатый... Поначалу он показался таким же сухим, как и все остальные, однако один ботинок был еще влажным.

Именно это искал Галерс. Однако часть добытых им фактов начала состыковываться с другой, но до полноты картины было еще далеко.

Какой-то твердый предмет уткнулся ему в спину, прервав ход рассуждения. Марк напрягся и замер, услышав знакомый суровый голос.

— Вы слишком сообразительны, Галерс. Я расцениваю это как недостаток.

— Не совсем так. Будь я пособразительней, то догадался бы, что вы не теряете бдительности, капитан Эверлейк.

— Верно. И вам следовало бы обеспечить собственную безопасность.

Голос капитана был таким же твердым, как дуло пистолета, приставленного к спине Галерса. Однако в нем не было даже оттенка высокомерия. Он был просто монотонным.

— Ступайте в лабораторию. Руки впереди себя. Не вздумайте звать на помощь. Ваших криков никто не услышит. Вся команда в городе.

А где же Дебби, подумал Марк. По коже его побежали мурашки, в животе защемило. А вдруг ей известно о том, что делает ее отец? Может быть, она даже помогала ему?

Мысль эта была невыносимой, и он сразу же отбросил ее. Словно читая его мысли, капитан произнес:

— Не рассчитывайте, что моя дочь сможет вас услышать. Каюта далеко отсюда, к тому же она слушает оперу.

У Галерса отлегло от сердца. Теперь оставалось только побеспокоиться о том, как выпутаться живым из создавшегося положения. Ну и отлично!

Они вошли в лабораторию. Эверлейк прикрыл дверь. Марк продолжал идти, пока на его пути не оказался стоящий в центре помещения стол. Здесь он, не спрашивая разрешения, медленно повернулся к капитану лицом. У того это не вызвало возражений.

— По-моему, применение оружия противоречит принципам вашей религии, — спокойно произнес Галерс, указывая на дуло многозарядного пистолета.

Будто легкая рябь пробежала по лицу капитана.

— Я выбрал меньшее из двух зол. И, если мне придется убить, чтобы предотвратить еще больший грех, то я убью.

— Вот уж не знал, что существует больший грех, чем убийство, — на удивление твердым голосом сказал Марк.

— Существует. И пусть мне по всей тяжести воздастся в следующей жизни, но я не позволю запятнать себя в этом.

— Значит, это вы убили Джинаса? И Клакстона?

Капитан кивнул.

— Так же, как и вынужден буду убить вас.

Впервые в его голосе появился хоть какой-то намек на эмоции.

— Великий боже, у меня нет выбора!

— Почему нет? Теперь уже никого не сажают на электрический стул. Вас поместят в больницу, вылечат и выпустят.

— Моя болезнь неизлечима. И — клянусь вам, что все, что я совершил, было сделано ради Дебби, — ее тоже нельзя вылечить!

Кровь отлила от лица Галерса. Чтобы не закачаться, он оперся руками о стол.

— Что вы хотите этим сказать?

Лицо капитана снова стало бесстрастным.

— Я не намерен открывать вам что-либо еще. Если вы, благодаря какой-то непостижимой случайности, спасетесь, то принесете мне огромный вред. Разумеется, я опровергну то, что уже сказал вам, но отрицать остальное не смогу.

Галерс протянул руку к автодиагносту, в котором до сих пор находилась принесенная бутылочка.

— Полагаю, анализ пробы покажет то, что искал Джинас?

На какое-то мгновение на губах капитана появилась улыбка.

— Для того я и привел вас сюда, чтобы вы своими собственными руками вынули эту бутылку, избавив меня от необходимости оставлять на ней отпечатки своих пальцев. Возьмите ее, вылейте содержимое в отлив, а затем уберите из машины отпечатанный анализ.

Галерс медленно и неохотно взял бутылочку.

— А что все-таки показал бы анализ? — спросил он, не оборачиваясь.

— Скорее всего, ничего. Или, может быть... Делайте то, что я вам велел!

Марк хотел быстро развернуться и швырнуть бутылочку в лицо капитану, но пришедшая в голову мысль удержала его от этого — такой поступок только ускорит неизбежное, а умирать ему определенно не хотелось.

После того, как он разделался с бутылкой, капитан взмахом пистолета указал ему на дверь. Очевидно, он должен будет идти впереди Эверлейка. Куда — об этом нетрудно было догадаться.

— Послушайте, капитан, — сказал Галерс. — Бросайте это дело. Пока что вам удавалось выходить сухим из воды. Ну, уберете еще нескольких. А ваша вера запрещает вам...

— Моя вера запрещает мне многое. — В голосе Эверлейка появились сердитые интонации. — Но наступает время, когда не приходится больше полагаться только на свою совесть. Нужно выбирать из двух грехов. Я свой выбор сделал, и ничто ни на Небесах, ни в Преисподней не свернет меня с избранного пути!

Галерс понял, что это конец.

То, что в устах другого человека могло быть просто бахвальством, в устах капитана было грустной констатацией факта.

Пожав плечами, он двинулся вперед, чтобы пройти мимо Эверлейка, и в тот же момент дверь лаборатории распахнулась.

На пороге стояла Дебби.

— Отец, я слышала голоса...

Увидев Марка, девушка остановилась, как вкопанная.

— Меня удивило, что мы не ушли в город, — более спокойно произнесла она.

— Возвращайся в свою каюту! — резко приказал Эверлейк. — И забудь то, что ты здесь видела!

Галерс сделал шаг в сторону, чтобы она смогла заметить наведенное на него оружие. Не обращая внимания на Марка, Дебби подошла к отцу.

— Вернись, Дебби! Ты не осознаешь своих действий! — повысил голос капитан и, взмахнув в сторону Марка

пистолетом, добавил: — Не пытайтесь бежать, Галерс! Я буду стрелять, предупреждаю!

По-прежнему не обращая внимания на происходящее вокруг, девушка, как лунатик, приближалась к отцу, не сводя с него глаз. Эверлейк медленно отступал, пока не наткнулся на стол. В глазах его мелькнуло отчаяние. Дочь подошла к нему вплотную.

— Отец, разве ты мог бы убить? Мог бы?

— Прекрати это, Дебби! — вскричал капитан. — Ты не понимаешь, что делаешь со мной!

Неожиданно он вскинул руку, словно защищаясь от удара. Дебби посмотрела на него понимающе, но вдруг вскрикнула, словно от боли. Они неотрывно глядели друг на друга, тяжело дыша. Черты их лиц начали смягчаться. Марк видел, как губы Дебби вспухли от внезапного прилива крови, грудь поднялась...

Эверлейк тихо застонал.

— Нет... нет...

Он выронил пистолет и обнял девушку.

У Галерса хватило присутствия духа метнуться вперед и подхватить пистолет. Ткнув дулом капитана в ребра, он громко произнес:

— Эверлейк, мне непонятно, что здесь происходит, но я бы советовал прекратить это прямо сейчас.

Отец и дочь не обращали на него ни малейшего внимания. Он повторил свое распоряжение. Никакой реакции. Тогда, схватив пистолет за дуло, Галерс ударил капитана рукояткой по голове. Эверлейк, даже не вскрикнув, грузно опустился на пол. Вместе с ним скользнула вниз прижавшаяся к нему девушка.

Оторвав ее от капитана, Галерс, не в силах сдерживать испытываемое им отвращение, отшвырнул Дебби к стене. Затем склонился над ее отцом, чтобы осмотреть рану на голове, но тут же был вынужден выпрямиться, чтобы еще раз отпихнуть девушку. Поняв, что она не остановится, что ее будто подгоняет что-то изнутри, он повалил ее на пол и попытался связать подвернувшимся под руку кабелем от датчика автодиагноста. Дебби отчаянно царапалась и кусалась, и ему пришлось ударить ее по затылку ладонью, а затем нанести удар коленом под подбородок. Она упала на четвереньки и, прежде чем успела подняться, бы-

ла туго связана. Отдышавшись, Галерс связал и капитана, уже начавшего приходить в себя.

Казалось, какая-то внутренняя сила старается вырваться из Эверлейка наружу, прорвать его плоть, словно чрезмерно раздутый воздушный шар. Глаза капитана выкатились, рот широко открылся, спина изогнулась дугой...

— Ради всего святого, Галерс, — хватая воздух ртом, взмолился он, — выпустите меня! Я не перенесу этого! Какой стыд!

Врач шагнул к нему, но капитан, видимо, неверно понял его намерения, и снова закричал:

— Нет, я не это имел в виду! Не развязывайте меня! Я не хочу делать этого!

Стальной панцирь его сдержанности внезапно раскололся, лицо исказилось. А затем, будто мускулы лица сыграли лишь увертюру перед громом оркестра всей человеческой сущности, такие же движения охватили все тело капитана.

Ошеломленный Галерс понял, что у него припадок эпилепсии. Не успел он подойти к Эверлейку, как услышал шум у себя за спиной — у девушки тоже начались конвульсии, изо рта шла пена. Марк быстро сунул ей в зубы платок, чтобы она не могла искусать губы и язык. Как только первый приступ прошел (а длился он примерно полминуты), он вынул платок, приподнял девушку и приготовился сделать ей два укола: глюкозы и лазарина. Второй препарат был стимулятором, вошедшим во врачебную практику незадолго до его назначения на "Короля Эльфов". Хотя такая инъекция и не гарантировала оживление трупа, изготовители лазарина утверждали, что, кроме этого, он способен совершить все, что угодно. Единственным противопоказанием к его применению было слабое сердце. Поэтому Галерс уверенно ввел препарат обеим Эверлейкам и приготовил два шприца с инсулином на тот случай, если содержание сахара в крови начнет быстро нарастать. Сколько чего им давать, он не знал, однако небольшой опыт лечения Дебби и интуиция подсказывали ему, что делать.

Марк внимательно наблюдал, как приходят в себя пациенты, ибо, по его мнению, механизм действия лазарина не был еще изучен в достаточной мере. Более того,

вещество это столь быстро сгорало в организме, что нужно было время на распознавание признаков понижения его в организме, чтобы немедленно сделать второй укол. Производить третью инъекцию разрешалось только в особых случаях, при крайней необходимости.

Как только щеки и глаза капитана приняли нормальный вид, Галерс поднял его и подтащил к стене. Потом развязал Дебби. Во время судорог провод глубоко впился в ее тело, и он испытывал раскаяние за причиненные ей ненужные мучения, хотя иного выхода у него просто не было.

Девушка подняла на него большие светло-голубые глаза.

— Вы чувствуете себя нормально? — спросил Марк, улыбаясь.

— Немного слаба, — прошептала она.

— Вы осознаете, что с вами произошло?

Дебби отрицательно покачала головой.

— Я верю вам, — сказал Галерс и повернулся к Эверлейку. — Мне нужно знать абсолютно точно, что произошло с вами на самом деле. По моим предположениям, вся община ремоитов чем-то поражена, причем очень серьезно. Я прав?

Капитан молчал. Твердая линия его челюстей ясно показывала, что отвечать он не собирается.

— Зря упираетесь. В ходе следствия под действием специальных препаратов вы все равно расколитесь, как миленький. Но произойдет это только на Земле, а я хочу знать уже сейчас, чтобы иметь возможность помочь Дебби. Улетев отсюда, мы, возможно, никогда уже не вернемся на Мелвилл. Вашу дочь, скорее всего, поместят в клинику и не выпустят до тех пор, пока не прояснится окончательный характер ее заболевания. Если бы я располагал всеми необходимыми данными сейчас, то смог бы оказать ей медицинскую помощь, которая, может быть, вылечила бы ее. В противном случае...

Он с надеждой вглядывался в лицо капитана, однако не заметил никаких признаков расслабления окаменевших мышц.

— Так вот. То, что я намерен сейчас сделать, будет жестоко по отношению к Дебби, но, по крайней мере, это

заставит вас говорить... Прости, дорогая, прошептал он девушке.

Затем быстро поднял ее на руки и, прежде чем она успела хоть как-нибудь выразить свой протест, понес к отцу.

— Не делайте этого! — закричал Эверлейк, поняв его намерения. — Держите ее подальше! Я все расскажу! Все, что вы хотите!

Галерс опустил Дебби. Она укоризненно посмотрела на него, шатаясь подошла к столу, села и уронила голову на руки. Эверлейк с болью смотрел на нее.

— Вы — сущий дьявол, — процедил он сквозь зубы. — Вы нашли единственный способ заставить меня говорить. Знали, что я не перенесу этого!

Дрожащей рукой Галерс зажег сигарету.

— Верно. Поэтому давайте поговорим.

Капитан говорил целый час, прервав свое повествование лишь дважды — чтобы напиться воды и тогда, когда Галерс сделал им с дочерью еще по одному уколу глюкозы и лазарина. Закончив, он откинулся к стенке и разрыдался.

— Значит, название этой штуки — онерс. По имени врача Гидеона Онерса, первого человека, в котором она поселилась, — резюмировал рассказанное Галерс. — И эти онерсы, насколько я понял, являются эндопаразитами, которые пронизывают своими нитчатыми микроскопическими щупальцами все мягкие ткани "хозяина", как бы опутав его сетью. Они образуют такого же рода плоть, как клетки человеческого мозга. И, подобно нашему мозгу, онерс питается исключительно сахаром из крови.

Эверлейк кивнул. Галерс украдкой взглянул на Дебби и тотчас же отвернулся — в ее остекленевших глазах застыл ужас, кожа стала мертвенно-бледной. Девушка поняла, что все ее тело инфильтровано чуждым организмом, что она является всего лишь каркасом, внутри которого плетет паутину вампир. И его нельзя выгнать никакими средствами, он может заставить ее делать такое, на что она не согласилась бы ни при каких обстоятельствах...

Врач задумался, способна ли будет ее психика выдерживать то чудовищное напряжение, которое постоянно испытывал капитан. Нет, не выдержала бы. Но отец, пока он был еще в здравом уме, не мог...

Он заговорил снова, заговорил быстро, надеясь отвлечь ее внимание.

— Неудивительно, что рентген ничего не показывал. Нити так тонки, что их невозможно обнаружить при обычном просвечивании. Насколько я понял из того, что вы рассказали об исследованиях Онерса на самом себе и других прежде, чем он сошел с ума, паразит разветвляется по телу "хозяина" из крохотной, лишенной мозга головки, располагающейся в желудке. К головке прикреплен мешочек для размножения. Укоренившись, онерс распространяет одну из своих немногих специализированных структур во вполне определенном направлении. Если он находится в теле мужчины, то отращивает трубочку с волосок толщиной из этого мешочка к мужским семенным пузырькам. Если в теле женщины — то к женским органам размножения. И делает все это, разумеется, чисто инстинктивно. Инфильтрованный им организм издает характерный рыбный запах. "Хозяин " испускает его как дыханием, так и кожей. Как только один из "хозяев" приближается к другому настолько, что может ощущать этот запах, органы обоняния онерса также обнаруживают его. Посредством своих контактов с нейронами "хозяина" онерс посылает импульсы, возбуждающие парасимпатическую нервную систему, определяющую чувственные побуждения, и в железы, с нею связанные. Это вызывает непреодолимое влечение, и никакие моральные запреты не имеют уже никакого значения → онерсы способны разрушить их до основания. Насколько я понял, доктор Онерс был одним из первопереселенцев на Мелвилле. Твердый руководитель, высокопорядочный человек, чье поведение было безупречным. Так считали до того дня, когда его застукали с молоденькой девушкой. Расследование показало, что от него уже забеременело немалое количество женщин, все из которых, как выяснилось позже, были поражены паразитом от Онерса или независимо от него — этого так никто не узнал. Тем временем сам Онерс сопоставил феномен появления рыбного запаха и соответствующего ему аморального поведения, и обнаружил, что же собственно поселилось в нем и во многих других. Он рассек тела нескольких известных "хозяев" и отделил соматическую структуру паразита. В течение того долгого

года "покаяния" одетый во все черное, Онерс снова и снова становился жертвой непреодолимых желаний паразита. Поэтому его заслали в лесную глушь и поместили в охраняемый лагерь с другими пораженными.

Эверлейк кивнул.

— Туда уходят все, в ком поселился онерс. Их изгоняют на всю оставшуюся жизнь.

— И самое ужасное заключается в том, что им запрещены любые телесные контакты с себе подобными?

— Да, — простонал капитан. — Они обречены всю жизнь испытывать ощущение близкого взрыва и страха, что это вот-вот произойдет. Эта пытка усугубляется еще и тем, что несчастных уверяют, будто они страдают за грехи в этой и других жизнях.

— И вы этому верите? — спросил Галерс.

— Разумеется.

Галерс знал, что человеку с таким образом мышления бессмысленно доказывать, что зараженные онерсами люди страдают главным образом из-за невежества и завесы секретности, которой старейшины ремоитов отгородили общину от внешнего мира. Они прекрасно понимали, что онерсы не что иное, как создания из плоти и крови, которые живут, повинуясь определенным физиологическим побуждениям, называемым инстинктами. И, тем не менее, упорствовали в обвинениях людей, в телах которых поселились онерсы, называя это карой за прегрешения их самих, либо даже их предков.

— Послушайте, капитан, — сказал Галерс. — Вы — человек умный, одаренный. Иначе вам не доверили бы командование "Королем Эльфов". Почему вы, черт побери, не обратились к земным медикам, почему не попросили их обследовать вас? Или вы думаете, что нет лекарства? Да вы просто лишили себя возможности излечиться из-за страха и невежества! А Дебби? Неужели вы не понимаете, что обрекаете свою дочь на пожизненное заключение внутри "Короля Эльфов", где она не сможет познать радость любви и счастье? Что ждет ее? Муки одиночества?

Только теперь Галерсу стало понятно, почему отец не разрешил ей покинуть борт корабля во время Празднества Жертвоприношения. Дебби могли бы тайно похитить и увезти в один из лагерей. А Эверлейк, как верноподданый

член своей общины, не стал бы протестовать против этого. Ему самому приходилось избегать тесных контактов с соплеменниками из страха, что и его упекут в такой же лагерь. Какую же одинокую жизнь приходилось вести этому несчастному!

Теперь Марк понимал, какие именно соображения руководили поведением Эверлейка. Но дальше так продолжаться не могло. Сама природа онерсов и способы, с помощью которых они маскировались, делали неизбежным их широкое распространение не только на Мелвилле, но и по всей Галактике. Для борьбы с ними необходимо было привлечь возможности всех цивилизованных планет. Ему стало не по себе при мысли, что уже сейчас сотни или тысячи мужчин и женщин, разбросанных по многим планетам, разносят эту чудовищную заразу.

— Послушайте, капитан, — попробовал Галерс еще раз воззвать к рассудку Эверлейка. — Вы должны рассказать мне все, что вам самому известно по этому вопросу, чтобы я мог как можно скорее приступить к работе. Мое правительство, разумеется, будет поставлено в известность, чтобы можно было объявить всегалактическую тревогу. Естественно, ваши соплеменники не желают разоблачения. По вполне понятным причинам. Во-первых, онерсы могут стать таким же клеймом, как когда-то проказа или сифилис. Однако эти две болезни давным-давно искоренены, и также можно уничтожить онерсов. Во-вторых, вы осознавали, что на Мелвилл будет наложен карантин, а это сократит доходы общины, поступающие от ушедших в космос ваших мужчин,что лишит вас возможности приобретать вакцину для омолаживания. Но приходило ли вам в голову, что перед человечеством вы гораздо в большем долгу, чем перед своей небольшой группой людей!

— В своей жизни я достаточно наслушался поучений! — рявкнул Эверлейк. — И больше не желаю, тем более от посторонних!

— Ладно, — произнес после некоторой паузы Галерс. — Но вы еще не объяснили мне, почему вам пришлось убить Джинаса.

— Он стал излишне подозрителен. Пришел ко мне, задавал вопросы, но я отделался от него. А когда мы остановились здесь в прошлый раз — это было во время

Праздника Коронации, — он исчез и не показывался три дня. А потом пришел ко мне и рассказал, что побывал в каком-то захолустье, где беседовал с женщиной, мужа которой забрали куда-то в глубь страны. Сделано это было, разумеется, по приказу Старейшин, так как в нем поселился онерс. Не знаю, каким образом ему удалось выудить это признание. Возможно, он соблазнил ее. Эти женщины вероломные дуры!

Последние несколько слов он буквально выплюнул.

— Джинас заявил, что всего этого достаточно, чтобы разоблачить создавшееся здесь положение. Сказал, что знает: во мне тоже сидит онерс, и если я думаю, что виной тому мои прегрешения, то глубоко заблуждаюсь. Спросил, действительно ли моя жена была поражена паразитом и отправлена в лагерь. Я подтвердил, хотя дочь считает, что она умерла.

У Дебби вырвался стон, но отец даже не взглянул в ее сторону.

— Когда это случилось, я старался позабыть ее, потому что обвинял в неверности. Однако через год онерс поселился и во мне. Только тогда я понял, в какое положение попала моя жена. Ведь я сам, давший приют этому грязному паразиту, был абсолютно невинным перед собственной совестью и не совершил ничего предосудительного. С тех пор, как это произошло, "Король Эльфов" очень редко бывал на Мелвилле — я пытался изолировать от этой планеты Дебби. К несчастью кто-то из старейшин пронюхал о ее красоте, и она была избрана Девой Озера на тот год. В то же самое время ко мне пришел Джинас и стал объяснять, как можно заразиться онерсом, не вступая с кем-либо в телесные контакты. Оказывается, у каждого онерса в мешочке для размножения имеются и мужские, и женские клетки, но соединиться, чтобы возник зародыш, они не могут. Оплодотворение происходит во время сексуальных контактов между "хозяевами", когда онерс, находящийся в теле мужчины, избавляется от своих половых клеток одновременно с ним. После этого, они соединяются с половыми клетками онерса, живущего в теле женщины. Так образуется зародыш, который некоторое время живет в организме одного из "хозяев", пока не появится возможность обзавестись собственным. Вам ясен

механизм? Джинас сказал, что это весьма сложный метод размножения, не гарантирующий выживания большого количества онерсов. Наверное, поэтому паразит распространяется не очень быстро. По его оценке, онерсы поселились в организмах не более, чем пяти процентов от общего числа ремоитов. Поэтому, скорее всего, знает о существовании паразитов не более пятнадцати процентов населения. Старейшины, как только могут, скрывают это. Надо учитывать и тот факт, что ремоиты практически не имеют контактов с обитателями других планет, ограничиваясь только агентами космофлота и представителями Земного Правительства.

Голос Эверлейка был на удивление спокойным и монотонным.

— Джинас считал, что эмбрионы или половые клетки онерсов довольно быстро погибают, если не вступают в контакт с человеческим телом. Однако, согласно его гипотезе, во время церемонии очищения, в которой принимает участие вся община ремоитов, те из пораженных онерсом, которых еще не выявили, выделяют в воду как мужские, так и женские половые клетки паразита. Это, по-видимому, объясняется тем, что некоторые реакции организма, сопутствующие религиозному экстазу, в чем-то сродни половому возбуждению. Вполне вероятно, что эти микроскопические твари могут некоторое время оставаться живыми в теплой воде. Он сказал, что онерса можно сравнить с недоразвитой личинкой рачка. Более того, аналогичное животное имеется на Земле.

Галерс удивленно поднял брови.

— Да, — продолжал Эверлейк. — Джинас утверждал, что земное ракообразное, называемое саккулиной, являющееся близким родственником морской уточке, прикрепляется к телу краба карцинуса. Саккулина проникает сквозь его хитин, теряет обычную свою структуру и проникает в ткани краба, пока не образует сеть из тончайших нитей по всему телу "хозяина". Устроившись таким образом, рачок питается продуктами пищеварения краба. У него тоже имеется мешочек для размножения, который торчит из отверстия в брюшке краба. Основное различие между земной саккулиной и мелвиллским онерсом заключается в том, что жертвой

последнего является человек, и что он имеет более сложное строение и большую специализацию органов. Джинас доказывал, что онерсы распространяются так же во время культовых омовений. Он был намерен уведомить обо всем этом земные власти. Я убил бы его еще тогда, но доктор собирался взять пробы воды в озере, и мне пришла неплохая мысль.

— Вы вошли в озеро с поросшего лесом берега, — перебил его Галерс. — На вас был скафандр. Вы перевернули лодку и затащили его на глубину с помощью реактивных двигателей, которыми оснащен скафандр. То есть, сделали с ним то же самое, что собирались сделать и со мной.

— Я не собираюсь защищаться, — надменно ответил Эверлейк. — Это было сделано ради веры Ремо.

Тут в разговор вклинилась Дебби.

— Все мы — отец, Пит и я, должно быть, заразились во время церемонии. А через неделю я почувствовала недомогание и стала налегать на шоколад. Как раз тогда ты стал сурово обращаться со мной, избегать меня. И велел мне держаться подальше от Пита.

— Да, дитя мое, — произнес капитан, и в голосе его прозвучала непривычная ласка. Я не мог рассказать тебе, в чем заключается болезнь. Полагал, что сумею сохранить тебя в безопасном неведении. Но оставаться подле тебя не мог. Думаю, теперь ты понимаешь, почему?

— Да. Только зачем тебе понадобилось убивать Пита?

— Один из членов экипажа доложил мне, что Клакстон вошел в твою каюту. Зная, что случится неизбежное, я поспешил к тебе и велел ему выйти. У него на пальце блестело твое кольцо. Я вызвал у тебя такой испуг, что контроль со стороны онерса стал слабее, так как был отвлечен в другую сторону. А еще через некоторое время вы с Питом забились в припадке...

— Почему? — спросил Галерс.

— Если воздержание длится слишком долго, онерс вызывает возбуждение всей нервной системы. Он теряет особый контроль над половыми железами и стимулирует полное расстройство нервной системы, что выражается в припадке "хозяина".

— Значит, я оказался неправ, выдвигая гипотезу об эпилепсии, — сказал Галерс. — А что тогда обуславливает падение сахара в крови и появление инсулина?

— Во время полового возбуждения "хозяина", — пояснил Эверлейк, — онерс пожирает необычайно большое количество глюкозы. Она нужна ему для выработки необходимой нервной энергии, чтобы возбудить "хозяина". И еще для того, чтобы началось выделение половых клеток из мешочка. Это-то и понижает содержание сахара в крови. Обычно особого вреда это не приносит, так как возбуждение длится, как правило, не более нескольких минут. Но в том случае, когда "хозяева" сдерживаются в присутствии друг друга, что и произошло в данном случае, потребление сахара продолжается. Резкое его падение вызывает защитную реакцию организма в виде выделения адреналина, сначала из головного, а затем — из спинного мозга. Но в кровь его попадает недостаточно, чтобы стать причиной адреналинового шока. Когда "хозяин" теряет сознание, в аналогичную ситуацию попадает и паразит. Он прекращает пожирание глюкозы, пока не придет в себя. Но к тому времени, если убрать сексуальное стимулирование со стороны другого "хозяина", онерс возобновляет свое обычное, спокойное функционирование.

Оглянувшись на дочь, капитан сделал небольшую паузу.

— Когда у Дебби и Клакстона начался приступ, я понял, что наделал. Нужно было сказать им, что их ожидает. Я чувствовал себя очень виноватым, но расслабляться было никак нельзя. Я не доверял Клакстону. Он совсем недавно перешел в веру Ремо. У него был еще чуждый нашему образ мышления и совсем другое понимание общественного долга. Он мог проболтаться обо всем этом властям. И... Повторяю, я не доверял ему и не хотел, чтобы он был с моей дочерью.

Галерс внимательно посмотрел в глаза Эверлейку. За монотонным потоком слов он сумел разглядеть с трудом сдерживаемый гнев.

— Отдавая себе отчет в том, что Клакстон ни за что не прекратит попытки встречаться с моей дочерью, я решил, что... еще одна... еще одна смерть не сделает мои прегрешения более ужасными, чем они были уже к тому

времени. Поэтому, я связал его, поместил в спасательную лодку и отправил в земную атмосферу. И только после этого известил Лунную Станцию о болезни, находящейся на борту дочери. Пришлось, разумеется, притворяться несведущим в отношении того положения, в котором она на самом деле очутилась.

Галерс взглянул на Дебби и прочел на ее лице тот же вопрос, который вертелся на языке у него самого.

— Как же вам удавалось избегать воздействия онерса, когда вы сами находились рядом с Дебби как до припадка, так и после?

Эверлейк закрыл глаза.

— Настоящий мужчина способен многое выдержать. — В голосе его снова зазвучал гнев. — Больше я ничего не могу вам сказать. Вы можете только догадываться, почему я не был подвластен онерсу тогда и поддался ему сейчас. Если бы я знал, что должен встретиться лицом к лицу с Дебби, то надлежащим образом подготовился бы к встрече. Однако... Нет, Галерс, давайте не будем больше об этом говорить. По-моему, я и так уже сказал... наговорил... натворил... более, чем достаточно.

Марк был с ним абсолютно согласен. Он посмотрел на Дебби, которая все еще сидела у стола, и погладил ее по плечу.

— Я вернусь, дорогая. Очень жаль, что мне приходится передать твоего отца властям, но иначе нельзя. Понимаешь?

Она кивнула и, как бы преодолевая какое-то внутреннее противодействие, слегка прикоснулась к Галерсу.

Он прошел в радиорубку, связался с агентом "Саксвелла", изложил ему возникшую ситуацию и через двадцать минут вернулся в лабораторию. На груде перекушенных проводов лежали кусачки. Дебби сидела за столом.

— Он сказал, куда идет?

Она подняла на Галерса заплаканные глаза.

— К озеру. Сейчас уже подплывает, наверное, к середине.

— Значит, бессмысленно посылать кого-то в погоню?

— Разумеется. Все равно не успеют. И я не хочу, чтобы успели. Это самое лучшее. Он любил "Короля Эльфов" больше, чем меня, и не смог бы жить взаперти в сумасшедшем доме.

— Знаю. Но меня удивляет, что он не забрал тебя с собой.

— Отец сказал, что у меня есть еще кое-что, ради чего стоит жить. А сам не смог перенести мысли о том, что все, что он сделал, оказалось напрасным.

Она протянула Галерсу левую руку.

— Перед тем как уйти, папа вернул мне это. А я была уверена, что оно осталось у Пита.

На пальце девушки блестело массивное золотое кольцо со щитом, отражающим брошенное в него копье.

ЭПИЛОГ

Как только был объявлен карантин и все ремоиты, служившие в космосе, выявлены и проверены, Галерс принялся за работу. Он пришел к выводу, что онерс, будучи животным внеземного происхождения, притом с узкоспециализированной физиологией, не смог бы так быстро приспособиться к анатомии человека, если бы предварительно не обитал в подобных человеку существах. Отсюда следовало, что на Мелвилле такие существа есть.

Так оно и оказалось. На других материках Мелвилла обитатели гуманоиды, с которыми у землян не было почти никаких контактов, вследствие политики невмешательства, проводимой Земным Правительством. Эта политика предусматривала запрещение космическим компаниям вести дела с аборигенами, пока они не будут тщательно обследованы антропологическими экспедициями. За последние 50 лет в этом и не было особой необходимости. Самим же ремоитам было разрешено поселиться на планете только потому, что их материк еще не был открыт и, тем более, освоен коренными обитателями планеты, уровень развития которых соответствовал земному средневековью.

Тем не менее, по мнению Галерса, было совершенно невероятным, чтобы ремоиты тайно, в обход законов, не сделали бы попытки обследовать аборигенов на предмет заболеваемости онерсом. И вполне могло оказаться так, что у этих, хотя и неразвитых, с точки зрения земной

цивилизации, разумных существ есть способы разрешения этой проблемы.

Молодой врач оказался прав в том, что касалось аборигенов. А ремоиты, пытающиеся скрыть свои "грехи" под покровом тайны, понапрасну страдали почти полстолетия, потому что у обитателей других материков уже тысячи лет существовали свои методы борьбы с онерсами. Они были жестокими, и вследствие недостаточного развития медицины пациенты обычно погибали. Но у этих методов было и преимущество (с их точки зрения). Оно заключалось в том, что при их применении всегда погибал паразит.

Для этого местные жители всегда возбуждали у "хозяина" искусственную лихорадку". Не в силах вынести жар, онерс постепенно втягивал свои нити назад, в брюшную полость, и сворачивался комком, даже образовывал восковую оболочку, чтобы предохранить себя от жара. Когда лихорадка прекращалась, пробудившийся от спячки онерс, сбрасывал воск и снова разветвлялся по всему телу. Но знахари обычно опережали его, разрезая живот пациента для извлечения паразита.

Взяв на вооружение достижение современной науки, Галерс прооперировал большое число туземцев. Все операции прошли успешно — погибали только онерсы. Затем наступил день, когда точно такую же операцию он сделал Дебби.

Двадцатью четырьмя часами позже Галерс вошел в палату, где лежала выздоравливающая девушка.

— Ты чувствуешь себя лучше? — задал он традиционный вопрос.

— Кажется, я вот-вот взорвусь.

Влюбленного врача охватила тревога. Неужели онерс оставил шрамы в ее психике?

— Глупец! — рассмеялась она. — Я взорвусь, если ты не обнимешь меня и не поцелуешь!

Но взрываться ей не пришлось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Падший ангел. *Предисловие* 5

Плоть. *Роман.* 15

Дэйр. *Роман.* 201

Там, по ту сторону. *Роман.* 379

Божье дело. *Повесть.* 575

Чуждое принуждение. *Повесть* 655

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 6

ФАРМЕР Філіп Хосе

ПЛОТЬ

(Російською мовою)

Редактор *Т.Богдан*
Художники *С.Павленко, Є.Корольков*
Технічний редактор *І.Чудінова*
Коректор *Л.Москвич*

Здано до набору 12.01.93. Підписано до друку 16.03.93. Формат 84x108/32. Папір газетний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 37,80. Умов.фарб.-відб. 39,59. Обл.-вид.арк. 35,20. Замовлення № 3—84.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42

Київська книжкова фабрика
252054, Київ-54, вул. Воровського,24.

Любителям научной фантастики
МСП "АЛЬТЕРПРЕСС"
предлагает серию "Зал славы зарубежной фантастики", включающую лучшие произведения писателей всего мира.

Вышли в свет:

книга 1

Э.Р.Берроуз "Марсианские истории"

Научно-фантастические романы американского писателя, хорошо известного как автора историй о Тарзане, приглашают на этот раз читателей на Марс. В книгу вошли три первых романа из цикла "Марсианские истории" — "Дочь тысячи джеддаков", "Боги Марса" и "Владыка Марса". Произведения, написанные в начале века, и сейчас читаются с большим интересом.

книга 2

А.Нортон "Галактический почтовый"

Чтобы дать наиболее полное представление о творчестве замечательной писательницы-фантаста, в этот том включены два ее романа из цикла "Королева солнца" — "Саргассы в космосе" и "Галактический почтовый...", а также два романа из серии " Мир ведьм" — "Ведьмы из Эсткарпа" и "Драконья чаша". Приятных Вам встреч с героями, рожденными неуемной фантазией американской писательницы.

книга 3

Ли Брекетт "Люди Талисмана"

Сборник произведений блистательной американской писательницы. Захватывающие приключения на чужих планетах, необыкновенные и загадочные существа, глубокое проникновение во внутренний мир героев, поэтическая аура прозы ожидают читателей этой книги.

книга 4

Г.Гаррисон "Смертоносные миры"

В сборник произведений классика американской и мировой фантастики включены романы "Неукротимая планета", "Моралист", "Конные варвары" и рассказ "Резервный линкор", объединенные общим героем — Ясоном динАльтом, а также одно из самых ярких произведений Г.Гаррисона — роман "Билл — герой Галлактики".

книга 5

Э.Р.Берроуз "Марсианские истории"

Продолжение цикла "Марсианские истории", начатого в первой книге серии. В этот том включены романы "Тувия", "Марсианские шахматы" и "Великий Ум Марса".

Готовятся к печати
сборники произведений:
К. Ломера, Р.Сильверберга, Ф. Дика.

Контактные телефоны
244-68-86
441-67-32
441-67-29

МСП "АЛЬТЕРПРЕСС"

Издательская деятельность на все вкусы и для всех возрастов.

Полный цикл высокопрофессиональных услуг в области коммерческого дизайна и рекламы:

- разработка фирменного стиля и документации
- разработка оригинал-макетов рекламных буклетов, проспектов, плакатов, календарей, книг
- этикетки и упаковки для Вашей продукции
- для Вас — новейшие достижения науки и техники в проектных разработках.

WHO IS WHO? В малом бизнесе Украины, России, Венгрии и Израиля — информация из первых рук.

Пакеты прикладных программ для Вашей фирмы (управление, учет, сбор и обработка информации)

контактные телефоны:
441-67-32
244-68-86
224-81-94

FLESH

Ph. Farmer

ПЛОТЬ

ALTER PRESS